ГОРЬКИЙ
И ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННИК»

ПЕРЕПИСКА С А. В. АМФИТЕАТРОВЫМ

Вступительная статья Н. И. Дикушиной,
публикация и комментарии С. И. Доморацкой, Ф. М. Иоффе,
Е. Г. Коляды, А. Е. Погосовой

I

Переписка Горького с А. В. Амфитеатровым велась с 1902 по 1919 г.— в первые десятилетия XX в.— десятилетия, составившие целую эпоху в русской истории. Революция 1905–1907 гг., последовавшая за ней трудная и сложная полоса общественной и идеологической жизни, первая мировая война, Февральская и Великая Октябрьская социалистическая революции — все эти события, отголосок которых постоянно ощутим в переписке, определили ее идейную насыщенность и общественный смысл.

Переписка интересна и значительна прежде всего тем, что корреспондент Горького, А. В. Амфитеатров, принадлежал к совершенно иной социальной и идеологической формации, нежели Горький. По своим убеждениям он являлся типичным буржуазным радикалом, с его революционной фразеологией, неприятием марксистских идей и убежденной беспартийностью. Но он был одаренной и своеобразной личностью, интересным и умным собеседником. Особенность переписки в том и состоит, что при сохранении довольно длительное время добрых, дружеских связей корреспонденты спорили и дискутировали, обсуждая важнейшие общественные и литературные проблемы своего времени. К тому же позиции Амфитеатрова не были устойчивыми, они менялись от «левизны» в первые годы знакомства с Горьким к постепенному и неуклонному «поправению». Отсюда сложность, часто противоречивость, даже драматизм отношений, завершившихся неизбежным разрывом.

Александр Валентинович Амфитеатров родился в Калуге в 1862 г. Он окончил юридический факультет Московского университета, однако, обладая хорошим голосом, начал учиться оперному искусству, сначала в России, затем в Италии и два года пел на провинциальной сцене. В 1889 г. Амфитеатров навсегда оставил оперу.

Более сильным оказалось увлечение журналистикой, которая стала основной его профессией. В 1882—1886 гг. он сотрудничал в «Будильнике», где познакомился с А. П. Чеховым и В. М. Дорошевичем, и в «Русских ведомостях». В 1886—1887 гг. Амфитеатров был корреспондентом этой газеты в Милане, затем вернулся в Россию, некоторое время был фельетонистом в «Новом обозрении» в Тифлисе, а с 1892 г. стал московским корреспондентом «Нового времени» (он подписывал свои статьи псевдонимом Old gentleman*) и затем «воскресным» фельетонистом газеты. В качестве корреспондента «Нового времени» Амфитеатров в 1894 и 1896 гг. посещал Болгарию, встречался с болгарским князем (будущим болгарским царем) Фердинандом и с тех пор проявлял постоянный интерес к балканским и славянским проблемам, которые в конце XIX — начале XX в. приобрели особую остроту. О поездках на Балканы Амфитеатров рассказал в книге «В моих скитаниях».

В 1899 г. Амфитеатров разошелся с редактором «Нового времени» А. С. Сувориным, он ссылался на то, что Суворин «выпросил» у министра внутренних дел

---

* Старый джентльмен (*англ.*).

циркуляр от 17 марта, которым запрещалась полемика газет с «Новым временем» по вопросу о волнениях учащихся. Суворин в своем письме Амфитеатрову от 29 марта 1899 г. объяснял его уход желанием «стать во главе новой газеты, которая хочет воспользоваться моментом и отнять у „Нового времени" занятое им положение». «Но не проще ли было бы,— писал Суворин Амфитеатрову,— если бы вы прямо сказали, что условия, вам предложенные, лучше тех, которые вы имеете у меня, что самостоятельность соблазнительна и проч. (...) Выругать хозяина, которому задолжал, обидеть хозяина смертельно, которому обязан, чтобы перейти к другому,— это русская черта, одна из самых худших» [1].

Так или иначе, в конце 1899 г., через месяц после ухода Амфитеатрова из «Нового времени», действительно вышла новая газета — «Россия», основанная Амфитеатровым и В. М. Дорошевичем, на средства фабриканта М. О. Альберта. «В первый год существования этой газеты я был ее фактическим редактором» [2],— признавался позже Амфитеатров. Это подтверждал и В. А. Гиляровский, ставший московским корреспондентом газеты. «Редактором-издателем числился Г. П. Сазонов,— вспоминал Гиляровский,— в газетном мире лицо совершенно неизвестное. Но знали (...) что фактический редактор и заведующий всем делом А. В. Амфитеатров» [3].

Амфитеатров много печатался в «России», вплоть до 13 января 1902 г., когда в газете был напечатан его фельетон «Господа Обмановы», в героях которого легко угадывались члены императорской семьи — Николай II, его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, и Александр III. Газета была «приостановлена», а потом закрыта, Амфитеатров же в 24 часа был отправлен в ссылку в Минусинск.

Фельетон принес Амфитеатрову огромную популярность. О нем заговорила буквально вся Россия. Фамилия Обмановых надолго стала своего рода «псевдонимом» Романовых. В. И. Ленин в статье «Признаки банкротства» писал о «рескриптах Николая Обманова» [4].

В ссылке Амфитеатров пробыл недолго, в конце года он был переведен в Вологду, откуда приезжал в Петербург, где стал сотрудником новой, организованной А. А. Сувориным (сыном А. С. Суворина) газеты «Русь» [5]. Однако вскоре он снова подвергся судебному взысканию за один из своих фельетонов и эмигрировал. Во время событий 1905—1906 гг. Амфитеатров, по его свидетельству, возвращался в Россию, но затем уехал за границу, уже надолго. «...Швыряла меня судьба из Минусинска в Вологду, из Вологды в Петербург, из Петербурга опять в Вологду, из Вологды в Рим и Париж» [6],— вспоминал Амфитеатров в 1911 г. В Париже в 1906 г. Амфитеатров издавал журнал «Красное знамя». Затем он переехал в Италию. Живя за границей, Амфитеатров много печатался в русских газетах разных направлений — «Одесских новостях», «Киевской мысли», «Русском слове», «Речи», «Биржевых ведомостях» и др.

Во время «боснийского кризиса» в 1909 г. Амфитеатров находился на Балканах в качестве корреспондента либеральной «Нашей газеты». В конце 1910 г. он стал одним из организаторов нового журнала «Современник», к участию в котором привлек Горького; затем, выйдя из редакции, издавал сборники «Энергия». В 1914 г. Амфитеатров стал корреспондентом газеты «Русское слово» в Италии, а в конце 1916 г. вернулся в Россию и возглавил шовинистическую газету «Русская воля».

Амфитеатров был не только журналистом, но и чрезвычайно плодовитым писателем, автором многих романов, повестей, пьес (о некоторых из них говорится в переписке): «Жар-цвет», «Виктория Павловна», «Паутина», «Сумерки божков», «Восьмидесятники», «Девятидесятники», «Мария Лусьева», «Княгиня Настя» и др. С 1895 г. он начал работать над многотомным «историческим сочинением» из эпохи раннего христианства «Зверь из бездны». Почти ежегодно в России выходили сборники его фельетонов и критических статей: «Курганы», «Заметы сердца», «Современники», «Житейская накипь», «Тризны», «Ау!» и др. Одновременно с отдельными книгами в 1911—1916 гг. издательство «Просвещение» выпускало собрание его сочинений в тридцати семи томах.

Критик В. Л. Львов-Рогачевский в статье об Амфитеатрове писал, что, по данным отчета библиотечной выставки за 1911 г., Амфитеатров занял второе место в

провинциальных библиотеках (первое принадлежало Вербицкой), что спрос на его книги опередил спрос на книги Гоголя, Достоевского, Толстого, Горького, Л. Андреева, Куприна. «Книги его вы увидите повсюду,— писал Львов-Рогачевский,— в витрине магазина, в киоске вокзала, в вагоне. На книжном рынке Амфитеатров „хорошо идет". Издатели это обстоятельство учли. Они наперебой не успевают печатать его книги (...) После 1905 г. издательства „Общественная польза", „Прометей", Сытин, Друтман, Ефимов, Райская, даже модернизированный „Шиповник" выпустили свыше 30 томов и не менее 600 листов. И книги идут. Только и читаешь на обложках: „Третье издание переработанное", „Второе издание дополненное"» [7].

«Ваши сочинения отлично идут и очень доходны»,— сообщал Амфитеатрову Г. А. Лопатин в июне 1913 г., приехав в Россию [8].

Журналист, фельетонист, прозаик, переводчик, театральный и литературный критик, Амфитеатров несомненно был личностью одаренной и очень заметной. Разнообразие его интересов, необычайно быстрая реакция на новые литературные явления, активность журналиста и газетчика, хлесткость его фельетонов и сатирических произведений, некий ореол свободомыслия, возникший после публикации «Господ Обмановых» и ссылки в Сибирь,— все это привлекало к нему внимание современников. Но ему не прощалось и «нововременское» прошлое.

Деятельность Амфитеатрова получала разные, прямо противоположные оценки. В. Брюсов писал о «постоянной и разносторонней талантливости» Амфитеатрова [9]. С Амфитеатровым переписывались Чехов, А. И. Сумбатов-Южин, Лопатин [10]. Письма к Амфитеатрову Г. В. Плеханова, Е. Д. Кусковой, В. В. Водовозова свидетельствуют о деловых и достаточно дружеских отношениях корреспондентов.

В то же время сохранилось много резких отзывов об Амфитеатрове. Чехов, много лет знавший Амфитеатрова и писавший в 1892 г. Суворину: «Это человек с дарованием», в 1899 г., сообщая Ал. П. Чехову о своем «отвратительном впечатлении» от «Нового времени», отмечал «ястребиные налеты Амфитеатрова», имея в в виду его фельетоны в газете [11].

Л. Н. Толстой не любил Амфитеатрова, считая, что у него, в отличие от Дорошевича, нет таланта. Суворин записал в своем дневнике 23 января 1902 г. рассказ Сергеенко о том, что летом Л. Н. Толстой, прочитав фельетон Амфитеатрова, «в котором прозрачно была рассказана история государя и Кшесинской, сказал: „Ах, он когда-нибудь такую штуку сделает, что всех удивит, он именно такой"» [12].

В записях Д. Маковицкого также сохранились отзывы Толстого об Амфитеатрове, относящиеся к 1905 и 1907 гг. «Господам Амфитеатровым нечего возмущаться цензурой (их запрещенных книг все равно читать не будут)»,— говорил он, и в другой раз: «Амфитеатров — дерзкий. Я у него ничего не нашел» [13].

Блок в письме к В. А. Пясту (1911) делал любопытное «предостережение»: «Зная по себе увлекательность Амфитеатрова (т. е. ему подобных), дружески советую не злоупотреблять им. Такие вещи не всегда проходят безнаказанно. Можно совершенно незаметным образом испортить (на время, но не всегда краткое) часть души» [14].

И литераторы иных взглядов, нежели Толстой или Блок, не принимали Амфитеатрова. Иронически писал о нем В. В. Розанов: «Амфитеатров просто есть словесный, общественный и политический бум». По словам Розанова, его литературную деятельность отличают «шум, разнообразие, „легкость мыслей необыкновенная", легкое перо, но все это „ни к чему" и „ни для чего", и решительно не тянет ни к какому центру» [15]. Очень зло написал об Амфитеатрове в своих послереволюционных воспоминаниях Иона Кугель, хорошо знавший его по «Киевской мысли». Он не отрицал «большого публицистического дарования» Амфитеатрова, но писания его считал всего лишь «занимательной болтовней» [16].

В письме к Горькому от 5 апреля 1928 г. Д. А. Лутохин назвал Амфитеатрова «блестящим пустоцветом» среди «бульварных романистов» [17].

Любопытно свидетельство И. Е. Вольнова в письме Горькому от 29 сентября 1915 г.: «...пишу сейчас Амфитеатрову помочь найти заработок: говорят, у него целый штат разных корреспондентов. Пишу, а в успех не верю: больно уж „на высоком пидистале" уселся человек за эту разруху» [18].

За этими разными и «пестрыми» оценками встает фигура Амфитеатрова, тоже «пестрая» и вместе с тем типическая, вобравшая в себя характерные черты своего времени. Это отразилось в публикуемой сложной и противоречивой переписке Горького и Амфитеатрова, в которой в каких-то новых ракурсах, новых связях и отношениях предстает Горький. В свое время Амфитеатров верно сказал об отношениях Чехова и А. С. Суворина: «...это не обывательское знакомство и даже не простая дружба двух писателей: это уже, в некотором роде, „история русской литературы“» [19]. Отношения и переписку Горького и Амфитеатрова также можно рассматривать как одну из глав «истории русской литературы» начала XX в., развивавшейся не однолинейно, но порой непростыми, извилистыми путями.

Переписка началась в 1902 г. До этого времени Горький и Амфитеатров знали друг друга как литераторы. Амфитеатров обратил внимание на первый том очерков и рассказов Горького, вышедший в 1898 г. в издательстве С. П. Дороватовского и А. П. Чарушникова. В рецензии на книгу он отмечал огромный талант Горького. «Его писательская манера напоминает кисть Репина в доброе старое „передвижное“ время»,— писал Амфитеатров, выделив рассказ «На плотах» — «этот chef-d'œuvre изящного слова», который «можно смело приложить в триумвират к чеховской „Степи“ и „Река играет“ Короленко» [20]. О «блестящем отзыве» Амфитеатрова Дороватовский сообщал Е. П. Пешковой [21].

В 1900—1901 гг. Амфитеатров нередко писал о Горьком в «России», в своем «Литературном альбоме». 26 февраля 1900 г., рецензируя книгу Серошевского, он заявил, что «Максим Горький — писатель, определяющий целую художественную эпоху» [22].

Но 2 января 1902 г., подводя итоги литературному году, который, по мнению автора, нельзя было причислить к «плодородным по литературному урожаю», он утверждал, что «Горький не дал ничего нового, сильнейшего своих первых мощных начинаний». Из вещей минувшего года он отметил лишь «Записки врача» Вересаева. Похвалив также рассказы Чирикова, Амфитеатров отметил, что из других беллетристов, сгруппировавшихся вокруг издательства «Знание», можно назвать Л. Андреева, но от оценки его творчества критик воздержался, так как, по его мнению, «„физиономия“ ⟨...⟩ автора в рассказах г. Андреева смутна и не слишком оригинальна» [23].

Горький был возмущен статьей Амфитеатрова: «Дурак Амфитеатров написал в 3 № „России“ черт знает что о „Знании“»,— сообщал он Пятницкому [24]. Трудно сейчас судить, что́ именно рассердило или задело Горького. В 1901 г. вышел V том его рассказов, где печаталась повесть «Трое», вызвавшая большой интерес критики, в том же году появилась «Песня о Буревестнике». Очень высоко ценил Горький дарование Л. Андреева. «Книжка — вкусная. Это — настоящая литература. Вы же — молодец» [25],— писал он Андрееву, прочитав книгу его рассказов, о которой так кисло отозвался Амфитеатров.

И все же Амфитеатров заинтересовал Горького, потому что некоторое время спустя он обратился к самому Амфитеатрову с просьбой прислать ряд его книг. Это письмо, отправленное из Кореиза в Петербург, но уже не заставшее там сосланного в Минусинск Амфитеатрова, положило начало переписке (п. от января, не ранее 16, 1902 г.).

В письме Пятницкому (январь 1902 г.) Горький неодобрительно отозвался о фельетоне «Господа Обмановы» и, узнав, что автор его сослан, высказал предположение, что в ссылке Амфитеатров «будет серьезнее» [26]. Вскоре он написал дружеское письмо самому Амфитеатрову, где выразил надежду, что ссылка продлится недолго, и советовал ему всерьез взяться за работу: «Работайте, пока что главное — чтобы человек был занят. Соберите в кучу ваш талант и опыт и хорошим усилием воли пустите себя в дело ⟨...⟩ Единственное утешение для нашего брата — работать! За все, что вы писали обо мне,— сердечное спасибо...» (п. от 24 февраля 1902 г.).

Это дружеское письмо Горького было получено Амфитеатровым в Минусинске почти одновременно с письмом Чехова, и позже Амфитеатров оценил эти письма как проявление гражданского мужества писателей: «Только, казалось бы, совсем

не близкий мне Чехов и, *тогда даже не знавший меня* Максим Горький не побоялись послать опальному литератору товарищеский ободряющий привет» [27].

До отъезда Горького и Амфитеатрова из России встретиться им не удалось. «Ужасно я жалею, что не было у меня личных отношений с Горьким, а всегда только хорошая переписка»,— писал Амфитеатров Пятницкому 23 апреля 1905 г.[28] Знакомство Горького и Амфитеатрова состоялось, очевидно, в апреле 1906 г. в Париже, где к этому времени обосновался Амфитеатров и куда, проездом в Америку, приехал Горький.

В Париже Горький вручил Амфитеатрову письмо к Анатолю Франсу, которое вместе со своим сопроводительным письмом Амфитеатров передал адресату. Письмо Горького Франсу было вскоре напечатано в первом номере амфитеатровского журнала «Красное знамя».

Переписка продолжалась во время пребывания Горького в Америке. Отсюда Горький посылал для «Красного знамени» свои новые произведения и письма.

Гораздо более тесные отношения завязались у Амфитеатрова и Горького, когда оба они оказались в эмиграции в Италии. Горький жил на Капри, Амфитеатров — сначала в Кави ди Лаванья, а позже — в Феццано. Многие жизненные обстоятельства — общественные, литературные, издательские, личные — свели и достаточно крепко связали Горького и Амфитеатрова в годы их жизни в Италии. Судя по переписке в 1908—1909 гг., в то время они были, казалось, особенно близки: «Надо мне вас видеть, очень надо! А поехать к вам — не могу, ибо — работы на десять каторжан,— писал Горький Амфитеатрову в марте 1908 г.— Не найдете ли вы время и охоты передвинуться сюда? Очень обрадуете, и думаю, что мы поговорим не без пользы друг для друга». Та же просьба повторена в апрельском письме. Горький просил Амфитеатрова присылать ему свои новые книги. «Жду вашей книги „Против течения“» (июль 1908 г.); «Нужно бы мне книжку „Житейская накипь“» (декабрь 1908 г.) — такие просьбы в письмах Горького постоянны.

Можно предположить, что Горького, как и Брюсова, привлекали «разносторонняя талантливость», начитанность, широкие знания Амфитеатрова, увлекавшегося самыми разными предметами, включая модную тогда «демонологию», и бывшего в курсе событий современной общественной, литературной, театральной жизни. Горького и Амфитеатрова сближала любовь к русской истории и русскому фольклору. Горький ценил в Амфитеатрове страстного библиофила, собравшего, несмотря на кочевой образ жизни, огромную библиотеку, которой пользовался и Горький [29]. И он прибегал к помощи Амфитеатрова, чтобы приобрести нужные ему книги.

Горький не мог не ценить в своем корреспонденте остроту ума, живость и меткость наблюдений, энергию, умение работать.

Восторженно характеризовал Амфитеатрова С. Скиталец: «...огромное знание жизни, от верхов до низов, поразительная память, зоркая наблюдательность, красочность художественной кисти, до грубости сочная. Целое море наблюдений и впечатлений...» [30]

Вот эта яркая талантливость Амфитеатрова несомненно нравилась Горькому. У них, как это подтверждает переписка, находилось много общих интересов, и они с удовольствием встречались, дружили домами. Об этом свидетельствуют и письма М. Ф. Андреевой Амфитеатровым.

Было еще одно обстоятельство, закреплявшее отношения Горького и Амфитеатрова: в конце 1910 г. «крестный сын» Горького З. А. Пешков женился на Л. П. Бураго, которая работала секретарем Амфитеатрова, и оба писателя оказались связанными с судьбой З. А. Пешкова и его семьи.

Таковы были личные отношения корреспондентов в начале переписки.

II

Переписка Горького и Амфитеатрова «многослойна» и многотемна, она включает в себя широкий круг проблем литературной и общественной жизни начала XX в. Через газеты, различные издания, личную переписку они были связаны с Россией и русскими эмигрантами в Европе. Капри и Кави ди Лаванья (позже

Феццано) привлекали приезжавших за границу русских, здесь располагались и так называемые русские колонии. Поэтому Горький и Амфитеатров были в курсе всех событий, происходивших в России. В своих письмах они обменивались суждениями о российской действительности, о международных событиях, о надвигающейся мировой войне. Но, естественно, центральное место в их переписке занимала современная литературная и общественная жизнь.

Уход и смерть Толстого, издание посмертных томов его сочинений, празднование трехсотлетия дома Романовых, дело Бейлиса, инцидент с «коленопреклонением» Шаляпина, театральные новости, новые произведения Бунина, А. Толстого, В. Ропшина, В. Винниченко, новые имена в литературе, быт и нравы современной литературной богемы — все это было в поле зрения корреспондентов, и переписка их много дает для понимания той эпохи.

Современники нередко представляли Амфитеатрова и Горького как идейных соратников. С особым удовольствием это делали противники Горького. В злой рецензии на первую книгу «Современника» В. Буренин писал о Горьком и Амфитеатрове как о литераторах одного направления [31]. В. Поссе иронически называл их «товарищами-единомышленниками, своего рода Герценом и Огаревым русской эмиграции» [32]. Так же нередко воспринимали их и люди, далекие от идейных споров и разногласий того времени. Молодой тогда медик Ирэна Крук, сопровождавшая на Капри журналиста Гольдберга, восторженно объединила в своих воспоминаниях имена Горького и Амфитеатрова и писала об «особенно большом влиянии на интеллигенцию Амфитеатрова» [33]. И друзей Горького беспокоил его союз с Амфитеатровым, особенно в пору организации «Современника». Это факт известный. Публикуемая переписка отразила несомненно дружеские личные отношения двух писателей. Это относится преимущественно к письмам 1902—1908 гг. Но совершенно очевидны и разногласия корреспондентов, всё нарастающие противоречия их как людей разных творческих, идейных и нравственных позиций. Публикуемая переписка — своего рода диспут по важнейшим проблемам современной жизни. В этом заключена сложность переписки, определившая ее особый подтекст.

Горький решительно критиковал литературное творчество Амфитеатрова, решительно не соглашался со многими амфитеатровскими оценками литературных явлений современности.

Что не нравилось Горькому в Амфитеатрове-писателе?

В письме к Пятницкому Горький точно характеризовал основную черту таланта Амфитеатрова: «...грубый, для улицы, для мещанина» [34]. В письме к самому Амфитеатрову, том самом, которое принесло Амфитеатрову такую радость, так как было получено им в ссылке, вместе с дружескими, ободряющими строками имелись и критические суждения о прочитанных Горьким книгах Амфитеатрова: «Порою — со злобой на вас — видел, как вы руками мастера, способного лепить крупные фигуры, создаете безделушки для забавы сытых и праздных мещан» (п. от 24 февраля 1902 г.).

В октябре 1908 г., прочитав сборник статей Амфитеатрова «Против течения», Горький очень хвалил его: «...здоровая, простая книга. Бьет крепко и прямо — по лбу. Читать ее весело, приятно. Мне кажется, эту книгу ждет большой успех — множество людей будет радо побеседовать с талантливым и умным человеком...» Но в том же письме — резкий и решительный отзыв на первую часть романа «Сумерки божков», которую Горький назвал «хаотической книгой», а автора ее — «несомненнейшим лентяем» (п. от 7 или 8 октября 1908 г.). Характеристика второй части романа — «Крестьянской войны» — еще более сурова. Отметив первые сильные страницы романа — о постановке оперы «Крестьянская война», посвященной восстанию крестьян во главе с Фра Дольчино, Горький в несвойственной ему в письмах Амфитеатрову грубоватой манере укорял автора: «...мысленно лаял вас и проклинал газеты, сожравшие большущий кусок вашей здоровенной души(...) на кой черт понадобилась вам история этой окаянной алкоголички, Дорошевичевой жены?» (п. от 8 или 9 декабря 1908 г.).

Горький доброжелательно отозвался о пьесе «Княгиня Настя», о романе «Жарцвет». Но многое в творчестве Амфитеатрова Горький не принимал. И дело здесь

не только в несоизмеримости дарований двух писателей, главное — в их идейно-эстетической «разнонаправленности» [35].

Амфитеатров был одним из представителей возникшей в начале XX в. «массовой» литературы. Генетической связью с газетой — и такой, как «Новое время»,— во многом обусловлено его дальнейшее творчество. «...Жаль — съела его газета»,— сетовал Горький в письме к Е. П. Пешковой [36].

Считая себя реалистом и заявляя об этом постоянно в статьях и предисловиях к своим романам, Амфитеатров в своем творчестве был ярчайшим представителем натурализма, возрождением которого отмечено развитие русской литературы в начале XX в., именно в связи с возникновением «массовой» культуры, рассчитанной на низкие вкусы, на толпу, на обывателя [37]. По верному замечанию Б. Сучкова, натурализм «имитирует реализм», отличаясь от него «не только отсутствием социального анализа и способности к типизации, но и тем, что уравнивает в изображении разнозначные по своему объективному содержанию явления действительности» [38]. Это определение, очень точно характеризуя натурализм, оказывается и точной характеристикой творчества Амфитеатрова, к которой стоило бы добавить еще одну черту, отмеченную современниками, и в первую очередь Горьким. Когда Горький упрекал Амфитеатрова: «Зачем понадобилась вам история этой окаянной алкоголички, Дорошевичевой жены?» — он имел в виду не только фельетонность ситуации, но и тот налет пошлости, которыми отмечено развитие этой сюжетной линии, потому что желание развлечь, позабавить «сытых и праздных мещан» неизбежно придавало многим романам Амфитеатрова черты бульварной литературы. И, конечно же, его творчество было далеко от реалистической литературы XX в. Не потому ли он сам так непримиримо резко отзывался в те годы о Бунине, был равнодушен к Короленко и не принимал многие произведения Горького?

Критическое начало составляло, как известно, характерную черту дарования Амфитеатрова, но его критика была, как правило, поверхностной, фельетонной. Его сатирические выступления отличала не сила или глубина обобщения, но, напротив, почти незавуалированная портретность, когда за персонажами его произведений легко угадывались знакомые, широко известные лица. Фельетон «Господа Обмановы» поразил современников прежде всего дерзостью, с которой Амфитеатров посягнул на изображение императорской семьи, и прозрачностью псевдонимов, заменивших подлинные имена действующих лиц. О дерзости Амфитеатрова говорил Толстой, в своей проницательной характеристике Амфитеатрова отметивший еще одну его характерную черту — желание постоянно «удивлять» публику. На ту же черту Амфитеатрова обратил внимание Горький. Он заметил, что часто Амфитеатров «свирепо радикальничает» ибо, по словам Горького, в нем «весьма развит этот „наклон души" — действовать напоказ» [39]. Вот так — «напоказ», размашисто, не без «лихачества» — писались многие его публицистические статьи. В них — критика ради критики, и следа нет душевной боли, гнева или сердечного волнения автора.

Эти свойства газетчика, фельетониста, публициста проявлялись и в деятельности Амфитеатрова-романиста и даже историка: В. Брюсов отметил фельетонность стиля Амфитеатрова в его историческом сочинении «Царство зверя» [40].

Среди многих отзывов о творчестве Амфитеатрова останавливает внимание одна маленькая, без подписи, рецензия на «Отравленную совесть»: «Амфитеатров не создает образов, настроений, картин природы, а лишь рассказывает о них, но рассказывает с большим мастерством и очень занимательно. Все его герои и героини говорят совершенно одинаково. Вернее, за всех них говорит сам Амфитеатров, всегда с одним и тем же красноречием, остроумием, блеском. Это находится в непримиримой вражде с художественной правдой, но это же придает произведениям Амфитеатрова ту легкость, бойкость и занимательность, которые составляют наиболее ценные качества его романов и повестей» [41].

Рецензия эта, при всей своей непритязательности и краткости, «высветила» не только «бойкость и занимательность» амфитеатровского таланта, но и еще одну важную особенность его творчества — крайний субъективизм, находящийся «в непримиримой вражде с художественной правдой».

Наиболее пространный свой отзыв об Амфитеатрове-беллетристе Горький написал в 1910 г., прочитав роман «Девятидесятники». С одной стороны, Горький высоко оценил наблюдательность автора и даже сравнил его с Бальзаком по силе изобразительности. Почему именно с Бальзаком? Объяснить это лестное сравнение помогают слова горьковского письма о том, что Амфитеатров похож на Бальзака не только внешне, но и внутренне. Дело в том, что современники находили несомненное внешнее сходство Амфитеатрова с великим французским романистом [42]. Возможно, что своим сопоставлением Амфитеатрова с Бальзаком Горький хотел смягчить резкость оценки романа «Девятидесятники». Но переход от комплиментарной части письма к более критической, где образ Бальзака сменяется образом «московского лихача», оказался неожиданным. В блестящем образе этого лихача, написанном Горьким с безусловным расположением к автору, появились интонации, вносившие серьезную критическую ноту: «...лошадью он не правит. Заехал в тупик, оглянулся и — назад. Заглянул в переулок налево — улыбнулся умной улыбкой под усами, направо заглянул — беззлобно головой кивает». Спохватившись, не обидится ли на него Амфитеатров за такие слова, Горький заканчивал свой отзыв: «...вы — не обижайтесь, ей-ей, пишу, как думаю; не критикуя, не объясняя, а пытаясь разобраться в том сложном впечатлении, которое дала книга» (п. от 9 января 1910 г.).

Образ «московского лихача» в чем-то родствен чеховской характеристике Амфитеатрова. Несколько позже, при разрыве с «Современником», Горький вернется к образу «лихача», говоря об Амфитеатрове и Чернове, но этот образ будет дан в гораздо более резких и отрицательных тонах. Здесь важна деталь: «лошадью он не правит». Сказанные как бы между прочим, эти слова имеют тем не менее очень серьезный смысл, раскрывающий, что́ более всего неприемлемо для Горького в амфитеатровском творчестве.

Горький решительно возражал и против манеры Амфитеатрова вводить в свои произведения фигуры реальных людей. Он недоумевал, почему в пьесе «Княгиня Настя» появлялся Шаляпин. «Есть что-то лишнее в этом, что-то напоминающее фельетон»,— писал он Амфитеатрову в начале мая 1908 г. Он, как уже говорилось, огорчался, зачем понадобилась Амфитеатрову в романе «Крестьянская война» история жены Дорошевича. Разумеется, Горький превосходно понимал, что все это — от газеты, что Амфитеатров переносил в романы свои приемы фельетониста. Очевидно, проблема «портретности» неоднократно возникала и в разговорах Горького с Амфитеатровым. В предисловии к первой книге романа «Восьмидесятники», защищая право автора вводить в роман фигуры реальных людей, Амфитеатров привел одно из возражений Горького: «Ну, как я поверю фигуре романа, если завтра могу встретить этого человека на улице живым?» [43]

Горького беспокоило это явление, ставшее довольно широким в 1910-е годы. «Началась в литературе русской какая-то новая — странная — портретная полоса: только что вышла повесть Ш. Аша, где прегрубо нарисованы Волынский, Чириков, Дымов, Бурдес и Ходотов и еще куча людей. Недавно читал рукопись, посвященную Арцыбашеву, имею препоганый рассказ о Куприне, старичок Тетерников размалевал меня, Дымов, как говорят,— Мережковского, у Рошшина тоже портретики. Что это значит?»,— писал Горький в июне 1912 г. Л. Андрееву [44]. И несколько раньше, об этом же — Амфитеатрову (конец мая 1912 г.).

Творческая «полярность» двух писателей во многом объясняет напряженность диалога Горького и Амфитеатрова, когда речь заходила о современной литературе. Они не могли одинаково оценивать творчество Л. Толстого или Бунина, «Записки литературного Макара» М. Сивачева или романы В. Рошшина — словом, самые различные явления литературной жизни.

Все же несомненно, что в 1908—1909 гг. Горький надеялся, что Амфитеатров сможет стать его литературным союзником. Он настойчиво звал Амфитеатрова в «Знание», по его рекомендации в XXIV сборнике «Знания» был напечатан «роман для театра „Княгиня Настя"». Вместе с тем Горький пытался направить творчество Амфитеатрова по наиболее верному, как казалось Горькому, пути. В письмах этого времени он настойчиво подталкивал Амфитеатрова к сатире, считая сатирическое начало сильной стороной дарования Амфитеатрова. Он даже предложил Амфитеат-

рову написать сатирические памфлеты для сборников «Знания». Дело заключалось в том, что была одна тема, на которой Горький и Амфитеатров сходились безусловно,— современные литературные нравы. Горький полагал, что сатирический талант Амфитеатрова, направленный на обличение литературных нравов, мог бы стать союзником в борьбе против «литературного распада». Поэтому так горячо приветствовал Горький амфитеатровский сборник «Против течения». И все же, несмотря на долгую переписку по этому вопросу, несмотря на то что уже найдено было имя героя сатирических фельетонов о литературе — Смертяшкин,— замысел этот осуществлен не был. Здесь помешали многие обстоятельства. Но, очевидно, прежде всего то, что чем ближе сходились, казалось, Горький и Амфитеатров, тем более обнаруживалась их «полярность», и не только в сфере литературных проблем.

В 1908 г. Горький считал, что Амфитеатров «все более решительно идет налево» [45], о чем он писал Пятницкому, настаивая на том, чтобы пьеса «Княгиня Настя» была напечатана в сборнике «Знания». И, когда С. С. Кондурушкин высказался о пьесе Амфитеатрова критически, Горький ему возражал: «Мне, ригористу и тенденциозному человеку, пьеса Амфитеатрова, конечно, нравится. А сам автор — еще более того: это, кажется, единственный россиянин-интеллигент, который после революции неуклонно идет налево».

Кульминационный момент отношений Горького и Амфитеатрова в этот период связан с выступлением В. Поссе по поводу XXIV сборника «Знания», где были напечатаны первая часть повести Горького «Жизнь ненужного человека» и «роман для театра» Амфитеатрова «Княгиня Настя». Поссе иронизировал по поводу близости Горького и Амфитеатрова и характеризовал пьесу Амфитеатрова как «бульварный фельетон, написанный с „классовой точки зрения“» [46].

Статья Поссе вызвала негодование Горького. Не дожидаясь откликов Амфитеатрова, он послал ему вырезку из газеты со своими пометами и короткое, полное возмущения выходкой Поссе письмо. В статье Поссе Горький отчеркнул красным карандашом язвительную характеристику, которую тот дал поведению Амфитеатрова, его эволюции от «Нового времени» к «Красному знамени», от антисемитизма к защите евреев. Подчеркнул Горький и те строки, в которых содержались нападки Поссе на Амфитеатрова за его «бичевание» представителей московского купечества [47].

Этот дружеский акт Горького с естественной благодарностью был воспринят Амфитеатровым, который тут же написал Горькому большое ответное письмо. Но письмо осталось незаконченным и не было отправлено. На следующий день Амфитеатров написал Горькому другое письмо, которое публикуется в томе. Оно, пожалуй, более сдержанно. Первое писалось, несомненно, не только с чувством глубокой признательности Горькому, но и с желанием словно в чем-то оправдаться перед ним, оспорить обвинения Поссе. Возможно, по размышлении, Амфитеатров посчитал не обязательным опровергать Поссе, раз с ним так решительно не согласился и Горький. Но в отправленном письме Амфитеатров опустил и некоторые моменты, касающиеся его отношения к Горькому. Трудно сейчас объяснить, почему это было сделано. Несомненно одно, что незаконченное письмо Амфитеатрова Горькому эмоциональнее, непосредственнее и содержит некоторые дополнительные штрихи, представляющие интерес для характеристики отношения Амфитеатрова к Горькому.

Вот что, в частности, писал Амфитеатров по поводу нападок на него Поссе: «Ругает, что десять лет назад я писал в „Н⟨овом⟩ вр⟨емени⟩“, а теперь пишу с Горьким. Ей-ей, эта дорога правильнее, чем — наоборот: десять лет назад рядом с Горьким, а в 1908 г. очутиться в винегрете Федорова, с гимнами кадетам и „либеральному купечеству“». И далее: «Ваше письмо объяснило мне фигуру г. Поссе столь выразительно, что я совершенно перестал им смущаться. Большое Вам спасибо, что Вы написали мне Ваши строки, не выжидая, что я Вам напишу. Я вижу в этом сердечный акт доверия и нравственного и политического, и никогда не забуду Вашего дружеского движения — ни как оно кстати пришло навстречу моим смущенным мыслям, ни как деликатно Вы им поспешили. Помните раз навсегда,

Алексей Максимович, дорогой: я считаю Вас такою необходимою и громадною величиною в деле культуры и свободы русского народа, что если бы наши дружеские отношения, совместная работа, близость имен и пр. могли повредить Вашему влиянию на массы,— я почту своим долгом отстраниться от Вас по первому Вашему слову, с огромною личною печалью, но без малейшего на Вас оскорбления. Мы на войне, для которой Вы нужнее меня. И, если для того, чтобы Вы со знаменем своим поскорее оказались на стене крепости, надо, чтобы я остался во рву, то Вы не стесняйтесь: это я осилю и смогу. Совместную работу с Вами я считаю за величайшую честь и радость моей жизни» [48].

Казалось бы, союз Амфитеатрова и Горького упрочился. Но обратимся к другому письму Амфитеатрова, написанному через несколько месяцев после эпизода с Поссе. Повторяя высокие слова о Горьком, Амфитеатров, как мы увидим, вовсе не хотел теперь «оставаться во рву», напротив, он желал даже поучать Горького.

14 августа 1909 г. Амфитеатров писал ему: «...Вы — единственный первоклассный русский писатель, в чью честь и любовь к себе Россия верит без сомнений, не исключая даже злейших Ваших врагов. Они ругаются, злятся, клевещут, а веровать-то все-таки должны и веруют, подлецы, веруют, яко беси: веруют и трепещут. Я, знаете, твердо уверен, что в „Исповеди" стали Вы на путь к литературному евангелию и дадите нам его всенепременно и самостоятельно. И это самое важное и хорошее, что ждет от Вас русское общество, и никакая другая Ваша деятельность, в которую Вы себя втиснете, не возместит даже тысячной доли этого огромного и справедливого ожидания. Потому что и революционное Ваше значение возникает из титанической, шиллеровой страсти Вашего глубокого таланта — воистине вопящего голоса русской мать-сырой-земли. Вы сила не служебная, а самодовлеющая».

Это письмо требует комментария. В нем, несомненно, дана весьма высокая оценка творчества Горького. Но что означают некоторые выражения в этой похвале, несколько даже диссонирующие с общим «высоким стилем» письма: «никакая другая Ваша деятельность, в которую Вы себя втиснете», «Вы сила не служебная...»?

Для того чтобы понять смысл этих намеков, надо несколько отвлечься от писем и вернуться к выступлениям Амфитеатрова о Горьком в печати. Выше говорилось о хвалебных отзывах Амфитеатрова, которые были им высказаны еще до начала переписки и которые Горький считал «гиперболичными» (п. от 24 февраля 1902 г.). В 1904 г. в книге «Литературный альбом» Амфитеатров заявил о «центральности» Горького в современной литературе: «... нельзя сейчас быть публицистом, не возвращаясь мыслью на дню по десяти раз к его героям и идеям, не соприкасаясь то и дело с его настроениями. Уж очень он общественная мысль, идейное олицетворение века». Вслед за этими общими рассуждениями Амфитеатров анализировал пьесу «На дне». Сопоставляя ее с «Властью тьмы», он замечал: «...давным-давно театр русский не давал публике такой чистой и нравственной пьесы, как „На дне"» [49].

«Литературным альбомом» завершился этап восторженных выступлений Амфитеатрова о Горьком. Последующее творчество Горького, отразившее коренные революционные сдвиги в сознании русского народа, встретило иное отношение Амфитеатрова. Правда, уже в отзыве о первом томе рассказов Горького у Амфитеатрова прозвучали мысли, которые он постоянно будет развивать в дальнейшем, придавая им все более определенную и продуманную форму. Тогда он в самых общих словах писал о некоторых темах и образах ранних рассказов, представлявшихся ему «натянутыми, придуманными, небывалыми в действительной жизни» [50]. От статьи к статье раскрывается, что эта «натянутость» для Амфитеатрова заключена в идейной направленности горьковского творчества.

В 1903 г. он написал статью о поэме «Человек», в которой наряду с обычными комплиментами были сказаны достаточно резкие слова о «велеречии» нового произведения Горького, оказавшегося, по словам критика, «гораздо бледнее монолога Сатина о человеке». Затем появилась статья о пьесе «Мещане», которая, как писал

Амфитеатров, оставила его «глубоко равнодушным». Это не помешало критику сделать о пьесе и герое ее Ниле ряд язвительных замечаний [51].

Неприятие горьковского творчества наиболее откровенно было высказано Амфитеатровым в статье «Новый Горький» (1907). В этой статье он перечеркнул все произведения Горького, созданные после 1905 г., прежде всего драматургию: пьесы «Враги» («безнадежно слабая вещь»), «Дачники», «Дети солнца» («не более как именно попытка „прыгнуть выше собственного пупа", подняться хоть на полтона выше предельных звуков „На дне"»). Он впервые разъяснил, что ему не нравится в «новом Горьком» последовательность, с которой социал-демократ Горький проводит в своем творчестве социал-демократические идеи. И Амфитеатров в свойственной ему развязной манере «разоблачал» Горького: «„Враги" — первый опыт словесного сахароварения, которым Максиму Горькому почему-то угодно воображать социал-демократическое движение». «Во „Врагах" он (народ.— *Н. Д.*) выходит на сцену совсем невероятно сочиненным пай-мальчиком из социал-демократической брошюры, в воскресной курточке, причесанный, напомаженный, тверезый (...) твердо изучивший и правильно излагающий эрфуртскую программу...» Столь же зло и непримиримо ополчился Амфитеатров на «Мать»: «„Мать" — книга голой социальной азбуки (...), наглядное беллетристическое руководство, как рабочий социал-демократ должен вести себя во всех случаях жизни» [52].

Статья Амфитеатрова «Новый Горький», включенная им позже в сборник «Современники», была написана в июле 1907 г., а в апреле того же года в «Русской мысли» появилась известная статья Д. Философова «Конец Горького».

Надо сказать, что «левый» — радикал Амфитеатров и «правый» — реакционный литератор Философов совпали в своем неприятии новых тенденций творчества Горького. Философова также возмущал «наивный, непродуманный», как он выражался, социализм Горького: «...как гражданин земли русской — он (Горький.— *Н. Д.*) убежденный социал-демократ»,— и по мере роста Горького-гражданина, т. е. по мере усиления социал-демократических тенденций его творчества, считал Философов, все более умалялся Горький-художник.

Написанная позже статья Амфитеатрова повторила — и более развернуто — многие мысли Философова. Но в конечном своем выводе авторы расходились: Философов считал, что «Горький-художник вряд ли возродится» [53], отсюда название статьи — «Конец Горького». Статья Амфитеатрова называлась «Новый Горький» и наряду с гораздо более жесткой, последовательной, нежели у Философова, критикой социал-демократических идей Горького содержала восторженные слова в адрес художника. «О Горьких можно рассуждать, спорить, диспутировать, но Горьких нельзя ни „хвалить", ни „ругать": это так же смешно и невозможно, как „расхвалить" или „разругать" Чатыр-Даг или Черное море» [54],— замечал Амфитеатров и с негодованием отзывался о статье Философова.

Что и говорить, сам Амфитеатров в споре с Горьким хотел завоевать его, а не оттолкнуть. Но в то же время он опасался быть признанным единомышленником Горького. Отсюда неизменная двойственность амфитеатровских статей, когда его критика носила характер одновременно комплиментарный и уничтожающий. Эта двойственность ввела в заблуждение некоторых современных исследователей, принявших, так сказать, за чистую монету амфитеатровские слова: «Горький — боец и проповедник, и основной элемент его творчества — практическая прикладная целесообразность, глубокая сознательность, зачем и для кого он пишет. Каждое слово Горького — боевой патрон...» [55] и т. д. Но ведь эти выхваченные из контекста слова имели явный иронический и негативный смысл. Амфитеатрову была очень не по душе именно «глубокая сознательность» Горького.

В статье «Новый Горький» отсутствовала целостная концепция творчества Горького — слишком откровенно обозначались в ней «положительные» и «отрицательные» полюсы авторской мысли. В самом деле, рядом с приведенными выше словами были и такие: «„Мать" — это не художество, это — программа, это не творчество, это — схема». И конечный вывод статьи был направлен против тенденциозности горьковской повести, якобы уводящей от «реальной перспективы» [56].

Казалось бы, высказав свое мнение о «Матери» как произведении схематичном, в котором нивелируется человеческая личность и «люди вращаются с правильностью маховиков на приводных ремнях», Амфитеатров выступал как идейный противник Горького. Но и написав эти злые слова, Амфитеатров в письмах не раскрывал своего личного мнения о «Матери», а приводил восторженный отзыв о ней Лопатина (п. от 6 октября 1908 г.). Он не хотел терять расположения и доверия Горького. Не потому ли он «подыгрывал» Горькому в таких его начинаниях, как каприйская школа? Но опять-таки его политика была двойственной: участвовать в школе активно, т. е. стать одним из ее лекторов, он отказался (п. от начала сентября 1909 г.); правда, он оказал некоторую денежную помощь ее организаторам, как это видно из переписки.

Горький шел навстречу Амфитеатрову. Возможно, желая разубедить его, рассеять предвзятое его мнение о социал-демократизме и социал-демократах, Горький настойчиво приглашал Амфитеатрова приехать в апреле 1908 г. на Капри, где должны были собраться лучшие силы российской социал-демократии. Он хотел поближе познакомить его с Луначарским и Богдановым, к которым тогда относился восторженно, считая, что они — «красота и сила» социал-демократической партии [57].

Амфитеатров же, многократно приезжавший на Капри и имевший с Горьким длительные беседы, не терял надежды, что Горький отойдет от своих социал-демократических убеждений. Амфитеатров понял, что 1908—1909 гг. были для Горького годами мучительных поисков, противоречий, заблуждений, когда он написал «Исповедь», пережил увлечение богостроительством Луначарского и разрыв с Луначарским, пережил увлечение философией Богданова и разочарование в Богданове, пережил историю каприйской школы. Казалось, что в эти годы Горький все дальше отходил от Ленина и большевиков.

Судьба каприйской школы, может быть, более всего укрепляла Амфитеатрова в надежде на окончательный разрыв Горького с Лениным. Поскольку Амфитеатров был в числе тех, кто внес определенную сумму на устройство школы (взносы были сделаны также Шаляпиным, самим Горьким, М. Ф. Андреевой, пароходчиком В. М. Каменским),— Горький порой достаточно откровенно высказывал ему неодобрение в адрес находившегося в Париже Большевистского центра, осудившего фракционный характер школы. Захваченный самой идеей создания школы для рабочих, возможностью на деле осуществить давнюю мечту о внесении культуры в широкие народные массы — а ученики школы и были для Горького представителями народа, пролетариата,— Горький не замечал, что некоторые организаторы школы с самого начала имели в виду совсем иные цели, нежели образование русских рабочих. В школе читались лекции не только по истории литературы и искусства, здесь не только приобщали слушателей к культуре прошлого, проводя с ними экскурсии по музеям Неаполя, Помпеев, Рима. Одновременно рабочие проходили курсы политической экономии, философии, истории, теории и истории профессионального движения, занимались вопросами современной политической борьбы. И эти курсы читались людьми, настроенными оппозиционно по отношению к Ленину и Большевистскому центру, организовавшими антипартийную группу «Вперед»,— Богдановым (Максимовым), Базаровым, Луначарским, позже к ним присоединился Ст. Вольский,— людьми, проповедующими эмпириомонизм и богостроительство, а главное, стоявшими на позициях отзовизма и ультиматизма, позициях, которые противоречили гибкой реалистической тактике большевиков-ленинцев в тот сложный, послереволюционный период. После прохождения курса школы рабочие должны были вернуться в Россию (это было обязательным условием при зачислении в школу) и вести там широкую агитационную и пропагандистскую работу. Таким образом, отзовисты получали достаточно серьезное подкрепление для распространения своих идей в России. Естественно, что Ленин и Большевистский центр не могли примириться с таким положением дела и резко выступили против организации школы для рабочих на Капри. После многих переговоров и длительной борьбы было принято решение о том, что каприйская школа будет находиться под контролем Большевистского центра. Но отдаленность ее от Парижа, состав ее лекторов (Ленин, Дубровинский, Л. Владимиров отказались приехать на Капри, настоятельно при-

глашая слушателей в Париж) — все это превращало контроль в формальность, и школа стала, по существу, центром новой фракции.

Как известно, Ленин и Большевистский центр неоднократно обращались к ученикам школы и разъясняли им свою позицию. Однако всякий раз это вызывало сильнейшую реакцию со стороны лекторов школы и доходило до прямых призывов к борьбе с Лениным. «Атмосфера взаимной нетерпимости» — так характеризовал отношения между школой и Большевистским центром Луначарский [58]. Со временем противоречия усугубились еще более, когда группа учеников выступила против лекторов и уехала в Париж, где встретилась с Лениным.

Вся эта история удручающе действовала на Горького. Это очень хорошо понял Ленин, написавший ему сразу после беседы с приехавшим в Париж Михаилом (Н. Е. Вилоновым) большое, откровенное письмо, в котором дал глубокий и точный анализ того, что произошло в каприйской школе и что происходит с Горьким. «Из слов Михаила я вижу, дорогой А. М., что Вам теперь очень тяжело. Рабочее движение и социал-демократию пришлось Вам сразу увидать с такой стороны, в таких проявлениях, в таких формах, которые не раз уже в истории России и Западной Европы приводили интеллигентских маловеров к отчаянию в рабочем движении и в социал-демократии. Я уверен, что с Вами этого не случится, и после разговора с Михаилом мне хочется крепко пожать Вашу руку». На всем протяжении борьбы с фракционерами Ленин ни разу не упомянул имени Горького, бывшего одним из учредителей школы, хотя о других ее организаторах — о Богданове (Максимове), Луначарском, Базарове — отзывался нередко весьма нелестно. Более того, в этом, написанном в разгар борьбы, письме он дал замечательную характеристику Горькому, в которой заключалось и предостережение: «Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России — да и не одной России — такую громадную пользу, Вы принесете еще столько пользы, что ни в каком случае непозволительно для Вас давать себя во власть тяжелым настроениям, вызванным эпизодами заграничной борьбы» [59]. (Несколько позже, в «Заметках публициста», Ленин расширит и разовьет эту характеристику, сказав, что Горький «безусловно крупнейший представитель *пролетарского* искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать» [60].)

Важными для Горького были заключительные слова письма: «...теперь у меня есть надежда, что нам с Вами придется встретиться еще не врагами» [61]. И Горький сразу откликнулся на это письмо Ленина: «...знаете что, дорогой человек. Приезжайте сюда, до поры, пока школа еще не кончилась, посмотрите на рабочих, поговорите с ними. Мало их. Да, но они стоят Вашего приезда. Отталкивать их — ошибка, более чем ошибка» [62]. Правда, письмо это было достаточно резким, и Ленин в ответном письме возражал Горькому по многим пунктам. Правда и то, что сближения их тогда не произошло, и в марте 1910 г. Ленин писал Вилонову: «С Горьким переписки нет» [63]. Переписка возобновилась чуть позже, но это не означало, что Горький оставил без внимания письма Ленина. Он переживал тяжелый духовный кризис. М. Ф. Андреева с тревогой писала Н. Е. Буренину: «...здоровье Алеши очень плохо: изнервничался так, что неделями не спит, почти не ест, худ и бледен, как я не знаю что. Он тоже страшно огорчен и удивлен, так как такого разочарования и он не ждал» [64].

Амфитеатров чувствовал смятение Горького, зная о его разрыве с Богдановым и Луначарским, догадываясь о расхождении с Лениным. К тому же в печати стали распространяться слухи об исключении Горького из партии. И он решился в письме к Горькому поиронизировать по поводу его «социализма» и «большевизма». 7 января 1910 г., прочитав «Городок Окуров», он с развязностью, которую редко допускал в письмах к нему, заявил: «Буду, ох, буду я писать об Окурове этом! Хороший, добротный городок. И без эрфуртской программы даже! Не сердитесь! Уж очень я Вас люблю, когда Вы изобразитель, а не школьный учитель». Горький ответил Амфитеатрову незамедлительно: «Что Вы меня все „большевизмом“ шпыняете? Вы же внимательный читатель! Большевизм мне дорог, поскольку его делают монисты, как социализм дорог и важен именно потому, что он единственный путь, коим человек всего скорее придет к наиболее полному и глубокому сознанию

своего *личного* человечьего достоинства. Иного пути — не вижу. Все иные пути — от мира. Один этот — в мир. Требуется, чтоб человек, однажды, сказал сам себе: аз есмь создатель мира. Именно отсюда — и только отсюда! — может родиться новый человек и новая история.

Не трогайте мой социализм».

Слова об «эрфуртской программе», об «учительстве», перенесенные из статьи «Новый Горький» в личное письмо, и вызвали резкую отповедь Горького. Горький мог не отвечать на публичные выступления Амфитеатрова, но оставить без внимания грубый выпад в письме, адресованном ему лично, он не захотел. Не захотел он и просто «одернуть» Амфитеатрова. Объясняя, почему ему дороги большевизм и социализм, и отвечая на упорное и последовательное стремление Амфитеатрова оторвать его от идей социализма, Горький утверждал связь нового человека с этими идеями и, следовательно, органичность «большевизма» в своем художественном творчестве. Это был ответ и на утверждение Амфитеатрова о неизбежной нивелировке человека социалистическими доктринами.

Нельзя не видеть, что художник Горький сформулировал в своем ответе Амфитеатрову мысль, близкую той, которая чуть позже прозвучит в письме В. И. Ленина Горькому: «...после 1905 г. всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо» [65]. Для Горького «без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо» было быть художником.

«Исповедь» Горького на какое-то время поселила в Амфитеатрове надежду на отход писателя от социал-демократических идей к «анархизму» (по мнению критика) «На дне». Но «Лето» и образ Егора Досекина несколько разочаровали Амфитеатрова. Написав о «Лете» «преогромную статью», полную безудержных похвал («„Лето" — большая и прекрасная былина в прозе», «чудесная поэма», «грандиозная», «гениальная», «шекспировская» фигура стражника Семена и пр.), Амфитеатров не преминул вернуться к «просчетам» «Матери» и отметить, что ему Егор Досекин «нравится меньше других фигур, как главное вместилище (...) теоретической дидактики (...) неумеренного заезда публицистического резонерства в художественную изобразительность...» [66]

Несмотря на неоднократные обещания написать о «Городке Окурове», Амфитеатров отдельной статьи об «Окурове» так и не написал, хотя в одной из своих статей и дал общую высокую оценку повести.

«...Наша критика не может простить Вам того, что Вы социалист»,— писал Плеханов Горькому 21 декабря 1911 г.[67] Амфитеатров был в числе этих критиков.

Письма 1910—1911 гг. выявляют всё растущие разногласия Горького и Амфитеатрова. Горький не пишет ему о многом, что чрезвычайно важно и дорого для него. В первую очередь не пишет о Ленине, о своих встречах и разговорах с ним, о тех проблемах, которые поднимаются в их возобновившейся переписке. Однажды Амфитеатров прямо вызвал Горького на разговор о Ленине. «Когда Вы у меня были, то о школе (каприйской.— *Н. Д.*) говорили довольно много,— писал он Горькому 4 декабря 1909 г.,— (...) а Ленина, помнится, Вы мне очень хвалили». Горький в своем ответе не откликнулся на эти слова.

В июле 1910 г. Ленин две недели жил у Горького на Капри, и 14 июля Горький уехал вместе с Лениным. До конца июля он пробыл в Аляссио, у Екатерины Павловны и Максима, недалеко от Кави ди Лаваньи, где жили тогда Амфитеатровы, которые неоднократно звали Горького к себе. Но — «опять мною простреляло мимо вас, дорогой Александр Валентинович, а, ей же богу, не я в этом повинен! Наша жизнь нам судьбой суждена и т. д.»,— писал он Амфитеатрову, вернувшись на Капри, в начале августа.

В 1911 г. «круто», по словам Горького, разошлись его и Амфитеатрова взгляды на «дело» Шаляпина [68], драматическим разрывом завершилась история с «Современником». Но переписка, отразившая сложные нюансы отношений двух таких разных людей, продолжалась. В этом заключен ее нравственный, психологический, общественно-исторический интерес.

III

В 1906 г. Горький стал сотрудничать в амфитеатровском «Красном знамени». Он печатал здесь свои очерки, памфлеты, открытые письма, воззвания: «Господину Анатолю Франсу», «Не давайте денег русскому правительству», «Дело Николая Шмита», «Русский царь», «Послание в пространство», «Солдаты» и др. Это были публицистические произведения, насыщенные глубоким революционным пафосом, верой в силу интернациональной борьбы трудящихся, гневным чувством непримиримости к русскому правительству. Между тем платформа «Красного знамени» не отличалась последовательной революционностью. Журнал значился как «политический и литературный», но политическая линия «Красного знамени» была шаткой и расплывчатой. Единственно последовательной была его «антидинастическая» направленность. Литературный отдел был слабым — на это указывал Амфитеатрову сам Горький, когда прочел первые книги журнала, он советовал звать в журнал больше писателей. Но, как ни старался Амфитеатров привлечь к «Красному знамени» известных русских писателей, это ему не удавалось. Андреев отказался от участия в «Красном знамени». Рукописи Куприна застряли где-то в дороге или были задержаны.

Много печатался в журнале лишь Бальмонт, живший тогда в Париже, и, разумеется, сам Амфитеатров, заполнявший все отделы журнала. При этом оказалось, как верно отмечал И. Кугель, что «Амфитеатрову, получившему полную возможность говорить, и сказать-то нечего» [69].

Но Горький многое, написанное в Америке, посылал в «Красное знамя», потому что журнал, выходивший в Париже на русском языке, был одной из немногих тогда для Горького трибун, с которой он мог говорить с русским читателем: в России эти его произведения не могли быть полностью напечатаны. «Вот ответы Олару и журналистам вообще ⟨...⟩ Если ничего не имеет против — пошлите вторые экз⟨емпляры⟩ Амфитеатрову, за него очень ходатайствуют, уверяя, что он якобы может быть зело полезен. Участие Плехан⟨ова⟩ и Тарле в „Кр⟨асном⟩ зн⟨амени⟩" объясняется сими же соображениями»,— писал Горький Ладыжникову [70]. При этом он прекрасно понимал, что Амфитеатров в «Красном знамени» не отказался от некоторых принципов нововременской журналистики. Весной 1912 г. Андреев напомнил Горькому: «Есть один почти несомненный признак, по которому можно узнать продажного писателя: он пишет не для себя, а для хозяина, кто бы им ни был — правительство, публика, толпа. Таков характер всего „Нового времени" и нововременцев; в крайнем случае они меняют только хозяев, но лакейский облик сохраняют всюду. Я помню, как ты разбирал первую книжку „Красного знамени" Амфитеатрова и находил в нем лакейские черты нововременства» [71].

Но участием Горького в «Красном знамени» и мимолетным союзом Амфитеатрова со «Знанием» не ограничились их общие издательские дела. К концу 1910 г. Горький и Амфитеатров выяснили, что решительно расходятся в своих оценках марксизма, социал-демократии, большевизма. Выявились и их разногласия по вопросам художественного творчества. Ведь именно в статьях о Горьком Амфитеатров постоянно рассуждал о «художественном реализме» и романтике, противопоставляя их и отдавая предпочтение «правде художественного реализма, призывающей общество к наглядному и осязательному самопознанию», а творчеству Горького приписывал он «реторику ⟨...⟩ обличительной романтики» [72]. И при всем этом, задумав в конце 1910 г. создать новый журнал «Современник», он стал настойчиво звать Горького. Идейная программа нового журнала, как это объявляла редакция, была «внепартийной», т. е. далекой от идей социал-демократизма. Художественная платформа — «реализм», как его понимал Амфитеатров,— также расходилась с позицией Горького-художника. И все же Амфитеатров пригласил Горького в «Современник», а Горький это приглашение принял. Что было нужно Амфитеатрову от Горького? Имя, которое привлечет внимание к новому журналу? Или он еще не расстался с мыслью «завоевать» Горького, сделать его своим единомышленником? Но ведь он был достаточно умен, чтобы надеяться на успех. Так или иначе, Горький согласился участвовать в новом журнале.

«Переписка Горького свидетельствует о том, что в 1910—1911 гг. у него возникает план издания дешевой демократической газеты и социал-демократического журнала»,— отмечала К. Д. Муратова [73]. Приглашение Амфитеатрова к участию в «Современнике» давало Горькому возможность отчасти реализовать этот замысел. Горький надеялся, что журнал сможет объединить левые, демократические силы литераторов. К тому же именно в конце 1910 г., прочитывая присылаемые ему рукописи «писателей-самоучек», Горький размышлял о путях развития новой литературы и рассчитывал, что «Современник» поможет объединению молодых писателей. А. Перепеч, автор вступительной заметки к первой публикации писем Горького и Амфитеатрова, не без основания замечает, что «Горькому хотелось использовать новый журнал для печатания произведений начинающих писателей» [74].

Судя по переписке Горького с разными корреспондентами, он хорошо понимал, что его союз с Амфитеатровым будет настороженно воспринят его друзьями. «Издали, конечно, мало сделать можно, и, думаю, долго этот журнал не выстоит, а попробовать — надо. Репутация моя, конечно, пострадает, но пусть ее, ничего. Работать хочется, а — негде»,— признавался он Е. К. Малиновской [75]. Но мгновенная решительная реакция В. И. Ленина на объявление о «постоянном сотрудничестве» Горького в «Современнике» заставила Горького вновь и вновь обдумывать свои отношения с новым журналом. Горький понимал правоту Ленина, высмеявшего нелепость журнала «без направления».

«Вырезки, аналогичные вами присланной, я уже получал — штук пять, и обруган за „постоянное сотрудничество" — достаточно. „Постоянное" — миф, а сотрудничество — факт»,— писал он Малиновской [76]. И в письме Боголюбову: «Слух о том, что „Совр(еменник)" издаю я,— не весьма приятен мне, и, по возможности, надобно его опровергать» [77].

Переписка показывает, что участие Горького в «Современнике» в 1911 г. так и не стало «постоянным». Первые номера журнала разочаровали Горького, а напечатанная во второй книге статья Амфитеатрова «Литературные впечатления» вновь показала полную идейную несовместимость его и Горького позиций.

В начале 1911 г. шестым изданием вышла книга И. Родионова «Наше преступление». Книга возмутила Горького, в ней содержалась грубая клевета на крестьян, на деревню, якобы погрязшую в невежестве, пьянстве, разврате, дикую, темную, страшную. В своем предисловии Родионов призывал нести «во глубину России мир, свет и знания», но, как свидетельствовала его книга, единственным радикальным средством для пресечения преступлений, пьянства, разврата автор признавал виселицу. Горький считал, что книга Родионова должна быть освещена в печати так, как она этого заслуживает. Тем более что уже появились статьи, разоблачающие личность самого Родионова, подъесаула, земского начальника, зверски избившего крестьянина.

Амфитеатров собирался написать о книге Родионова в «Современнике». Горький почти одновременно просил о том же М. К. Куприну-Иорданскую и объяснял: «...напечатать такую рецензию — долг порядочных людей и демократов. Организация демократии — очередная задача, Вы это понимаете, конечно; действуйте же в этом направлении определеннее и резче (...) Помещенная в одной книге с моею статьей, рецензия произведет чудесное впечатление и даст книжке хороший вкус и запах» (Г—СМ, п. 9).

«Современный мир» поместил во второй книге журнала статью Е. Смирнова «Чье преступление?», здесь же была напечатана статья Горького «О писателях-самоучках».

Надо вспомнить, что в феврале 1911 г. царское правительство широко отмечало пятидесятилетие «великой реформы», и помещенные в февральских номерах журналов статьи так или иначе откликались на это событие. Но для Горького точкой отсчета был не 1861 год, а 1905: он писал о рукописях, присланных ему в 1906—1910 гг., эта дата указана в статье не случайно. Не касаясь подробно самой статьи, скажем о некоторых важных выводах Горького. «...Мне чувствуется,— писал Горький,— что непосредственно из самой массы русского народа возникает к жизни новый тип человека, это — человек бодрый духом, полный горячей жажды при-

общиться культуре, вылечившийся от фатализма и пессимизма, а потому — дееспособный» (*XXIV*, 127).

Разительный контраст словам Горького представлял процитированный им диалог из книги Родионова:

«— Послушать вас — народ, выходит, совсем зверь.

— Помноженный на скота.

— Господа, не обижайте скотов и зверей. Мужик куда гаже» (*XXIV*, 134).

Амфитеатров, которому Горький высказывал в письмах свое мнение о книге, в «Литературных впечатлениях» (в Собрание сочинений эта статья вошла под названием «Родионовщина») анализировал «Наше преступление» наряду с прозой А. Толстого, «Деревней» Бунина и рассказами Е. Милицыной. Этот «литературный ряд» не мешал ему обращаться к явлениям общественной жизни. Но если для Горького отклик на книгу Родионова был поводом для «организации демократии», как писал он М. К. Куприной-Иорданской, то для Амфитеатрова он послужил поводом для очередного выпада против марксистов и социал-демократов.

Размышляя о революции 1905 г., он высказывал мысль о ее преждевременности, поскольку это была революция «города» и город провалился «на роковом мучительном экзамене». «Городское „древо свободы“ не нашло укрепы в деревенском корне» [78]. Ужасы современной деревенской жизни, считал Амфитеатров, и явились следствием революции, ожесточившей народ: «...восставшая деревня жжет, ломает и убивает» [79].

Критикуя Родионова язвительно, остро, со всем присущим ему блеском опытного фельетониста, Амфитеатров не слишком протестовал против родионовской характеристики деревни, его возмущение вызывали лишь меры, предлагаемые Родионовым,— «вытрезвить народ виселицей». И в произведениях А. Толстого и Бунина народ представал, казалось Амфитеатрову, в сходном диком, страшном обличье. У Толстого «народ расплылся неясным пятном, остался только зловещим мутно-красным, задним фоном», на котором проходит усадебная жизнь, которая столь же ужасна, тупа, развратна.

В «Деревне» Бунина, писал Амфитеатров, жизнь народа нарисована еще более страшными красками, чем в книге Родионова. «Нечего и говорить, что умный, изящный, либеральный г. Бунин ни виселиц, ни розог, ни смирительной рубашки для народа не требует. Но городской, господский перепуг его пред новым мужиком едва ли не глубже еще, чем в книге г. Родионова»,— писал Амфитеатров, не принимая во внимание, что Буниным владели чувства неизмеримо более сильные, нежели «перепуг»,— боль, гнев, страдание.

Но, издеваясь над Родионовым, забавляясь испугом «академика И. А. Бунина», сочувствуя изображению А. Толстым усадебной жизни, Амфитеатров не находил ничего, что можно было бы противопоставить этой общей зловещей картине. Не спасало его и обращение к рассказам Е. Милицыной или упоминание о том, что, находясь вдали от России, он все же мог увидеть «прекрасных и здоровых» людей, вышедших из крестьян. Он назвал учеников каприйской школы (впрочем, тут же оговорившись, что это «политики, своего рода сектанты») и ... русскую прислугу, жившую в Феццано у русских эмигрантов [80]. Но это заявление звучало неубедительно, подчеркивало, как всегда у Амфитеатрова, единичность факта, его исключительность. Возможно, это был жест в сторону Горького, рассчитанный на забывчивого читателя: ведь совсем недавно Амфитеатров обвинял Горького, создавшего образы революционеров, первых русских социал-демократов, в «слащавой фальши».

Любопытно, что среди названных Амфитеатровым произведений о деревне не упоминалось «Лето» Горького, произведение, в котором, по словам В. Воровского, нашла свой «отзвук» новая деревня [81].

В статье «О писателях-самоучках» Горький утверждал: «Один ряд людей в самых тяжелых условиях и положениях упрямо ищет и находит нечто ободряющее, человечье; другой — явно склоняется ощущать мрачное, подчеркивать скотское и зверское» (*XXIV*, 131). Это написано одновременно с «Родионовщиной» Амфитеатрова. Естественно, что Горький не мог поместить свою статью в «Современнике»: слишком резким диссонансом прозвучала бы она рядом со статьей Амфитеатрова.

В сущности, в течение всего 1911 г., когда журналом фактически правил Амфитеатров, Горький не проявлял к нему особенного интереса. Правда, он посылал Амфитеатрову рукописи, нередко это были рукописи начинающих писателей. Сам же печатался на страницах «Современника» не чаще, чем в «Современном мире», и при чтении его писем о «Современнике» не возникает ощущения того, что это для него свой, близкий по духу журнал. Горький стоял как бы вне редакторских дел [82]. «И не обещал я постоянства, и невозможно оно для меня»,— возражал он Амфитеатрову на его упреки в том, что он отдает свои произведения в другие журналы (п. от декабря, не ранее 16, 1910 г.). «Я не могу отдать себя целиком „Современнику", чего хотели бы Чернов и К°, не могу даже посвятить этому делу много времени, его у меня — нет, оно потребно на целый ряд других, не менее важных задач»,— писал он Е. П. Пешковой 5 марта 1911 г.[83]

Горького беспокоило то обстоятельство, что фактическим хозяином журнала становился один Амфитеатров. Даже на обложке журнала с третьей книги не указывался состав редакционно-издательского комитета, как это было сделано в первых номерах, но крупным шрифтом было напечатано, что «Современник» выходит при «ближайшем участии А. В. Амфитеатрова», а далее мелким шрифтом перечислялись литераторы, сотрудничавшие в журнале.

Сначала Горький настоял на приглашении в журнал в качестве литературного редактора В. С. Миролюбова. В апреле 1911 г. он вел в Париже переговоры с В. М. Черновым о возможной реорганизации «Современника» и о вхождении Чернова в редакцию (см. Г—Ч). Очевидно, Горький думал и об уходе из «Современника». Во всяком случае, косвенно об этом свидетельствует письмо Миролюбова к Е. П. Пешковой от 27 мая 1911 г.: «От „Современника" А. М. не отказывается» [84]. Но летом того же года Горький намеревался пригласить на Капри Н. И. Иорданского, с тем чтобы обсудить план «объединения вокруг какого-нибудь органа» [85].

Когда в июне в Феццано вместе с издателем журнала П. И. Певиным собралась новая редакция «Современника», чтобы выработать «конституцию» журнала и «новый манифест», Горький в этой работе участия не принял и раздраженно писал Миролюбову после выхода седьмой книги: «„Манифест" — конечно — излишен. Это становится смешно: на протяжении полугода дважды громогласно объявили — „мы вам зададим!" Никто не откликнулся ни в первый, ни во второй раз» (*XXIX*, 176).

31 августа 1911 г. Горький признавался Е. П. Пешковой уже более определенно: «Угнетает „Современник" своими „манифестами". Нет, с осени я налажу другой журнал, это необходимо» [86].

Любопытно, что 30 августа, т. е. почти одновременно с этим письмом Горького, Амфитеатров сообщал Г. А. Лопатину: «Соредакторы мои, кажется, не весьма довольны мною, что я менее глуп, чем кажусь, и веду свою собственную линию...» [87] Эта линия велась Амфитеатровым, в сущности, в одном направлении: он хотел стать единоличным редактором «Современника». В октябре 1911 г. он встретился в Париже с издателем журнала Певиным и, очевидно, обо всем с ним договорился.

В свою очередь, Чернов и в особенности Миролюбов были недовольны поведением Амфитеатрова, и 1 ноября 1911 г. Миролюбов заявил Амфитеатрову о своем уходе из «Современника». Чернов высказался против его ухода, на это Амфитеатров заявил, что «на коллективную редакцию он не согласен, что ведение журнала он должен взять в свои руки», а Чернову и Миролюбову предложил только сотрудничество. Так излагал ход событий Миролюбов [88]. Примерно так же описывала конфликт в редакции жена Амфитеатрова — Иллария Владимировна в письме к Е. П. Пешковой, но, естественно, виновником «инцидента» она считала только Миролюбова: «Собственно, все произошло из-за Миролюбова, с которым А. В. оказалось работать несподручно. За эту трепетную лань вступился Чернов и поехал на Капри, откуда и получено было огорчившее нас письмо. Теперь уже кое-что посклеено, и даже Алексей Максимович написал, что ввиду некоторых выяснившихся обстоятельств он вряд ли будет участвовать в журнале, который мастерили Миролюбов и Чернов за спиной А. В.» [89]

М. Ф. Андреева считала, что главной причиной ухода Горького из «Современника» был Миролюбов, и осуждала его и Чернова: «С Амфитеатровым гг. Чернов и Миролюбов А. М-ча поссорили» [90],— сетовала она в письме А. Н. Тихонову. Пятницкий, напротив, считал виновником конфликта Амфитеатрова. «Он (Чернов.— *Н. Д.*), Миролюбов и Горький выходят из журнала. Властолюбие и неискренность Амфитеатрова» [91],— записал он в дневнике 26 октября / 8 ноября 1911 г.

Но обратимся к переписке. 1 ноября 1911 г., очевидно сразу после разговора с Миролюбовым и Черновым, Амфитеатров написал Горькому огромное письмо, к которому сделал еще приписку: «Для Вас одного», имея в виду, безусловно, что, поскольку речь идет о коренных переменах в журнале, письмо его будет рассматриваться как документ официальный и потому будет читаться не только Горьким. Письмо свое Амфитеатров начал издалека, с поездки в Париж и встречи там с Певиным. Рассказывая об этой встрече, во время которой выяснилось, что тираж «Современника» падает, Амфитеатров передал Горькому претензии Певина: «журнал строится скучно и неинтересно», публика против «завала журнала эс-эрскими теоретическими статьями и плохою, мелкою беллетристикою», сам Амфитеатров мало печатается и не редактирует «журнала с той самостоятельностью, на которую он (Певин.— *Н. Д.*) рассчитывал, памятуя мое уменье и опыт». Таким образом, оказывалось, что претензии Амфитеатрова к Чернову и особенно к Миролюбову совпадали с претензиями Певина. Амфитеатров не скрывал, что «великим облегчением» явилось для него заявление Миролюбова об уходе.

Реакция Горького на декларацию Амфитеатрова была незамедлительной и вполне определенной: «Нисколько не умаляя моего к вам уважения, я, по совести, должен сказать, что единоличное руководительство литературно-политическим журналом не считаю работой посильной для вас и уверен, что вы с нею не справитесь. Мое убеждение подтверждают первые книжки „Современника“, а особенно его неуместные манифесты. Лично я в журнале с единоличным руководителем — кто б он ни был — не стану сотрудничать. И я принужден просить вас: снимите мое имя из объявлений о подписке...»,— твердо заявил Горький в ответном письме, официальном, предельно четко формулирующем и общую позицию Горького (нежелание сотрудничать в журнале с единоличным руководителем), и оценку Горьким Амфитеатрова-редактора. В том же духе, только более лаконично, Горький объяснил суть «инцидента» с «Современником» в письме к Е. П. Пешковой: «Амфитеатров желает вести его единолично, сам, своими талантами. Чернов и Миролюбов уходят, я, конечно, тоже» [92].

На письмо Горького Амфитеатров ответил быстро и, к удивлению Горького, заявил, что готов сам отойти от «Современника», если его действия вызвали такое недовольство. Горький признавался Чернову, что «был застигнут врасплох сим неожиданным оборотом дела». Однако Чернов справедливо расценил предложение Амфитеатрова как «красивый жест для успокоения отчасти общественной, отчасти же, может быть, и личной совести» (Г—Ч, п. 5).

Несколько иначе объяснял Амфитеатров события в «Современнике» в письме к Е. П. Пешковой. Сначала он, как и его жена, сетовал на вмешательство посторонних сил: «Между нами брошен весьма большой черный кот на почве несогласий по „Современнику“». Но в следующем письме, от 30 ноября 1911 г., он, по существу, возложил на Горького всю ответственность за происшедшее. «Что касается роли А. М. в этой истории, то его поведение мне лично рисуется таким образом. Будучи духовным отцом той путаницы, которая возникла в виде фиктивного коллектива „Современника“, он охладел к сему безнадежному чаду, как только потерял его из глаз, то есть на второй день по рождении. Между тем на Капри за „Современник“ на него дулись — кто за меня, кто за якшанье с эс-эрами, кто за новую неверность „Знанию“. Все это по совокупности создавало атмосферу неприятную и густую, из которой Максимычу хотелось выйти, но не было причины. Таковая так и не представилась, но явился повод. А. М. за него и ухватился» [93]. В амфитеатровском анализе поведения Горького отсутствует важный факт — история с Шаляпиным, значительно ускорившая и приблизившая разрыв, о чем свидетельствуют многие письма Горького Амфитеатрову (см. статью Б. А. Бялика).

Стоит напомнить в этой связи и признание Горького в одном из писем к Е. П. Пешковой: «Буду уговаривать Амфитеатрова вступиться за Федора, а если А(лександр) В(алентинович) не согласится — разойдусь с ним и „Современником" так, чтоб публика знала причину разрыва. Для меня Федор дорог не только сам по себе, а как некий символ». Причины для разрыва, таким образом, существовали, они накапливались исподволь, постепенно, углубляя трещины, появлявшиеся в отношениях Горького с Амфитеатровым и другими членами редакции. «Нет, примирить нельзя — я пробовал,— писал он Е. П. Пешковой.— Г. г. А. Б. В.— и т. д.— весь алфавит — люди не столько талантливые, сколько самолюбивые; их главнейшее стремление — выскочить вперед, на позиции „вождей" общественного мнения. Их отношения друг к другу — отношение лихачей-кучеров: катай вперед во всю мочь и, во что бы то ни стало, дави встречных, опрокидывай друг друга — лишь бы обогнать! Их лошадки — их дарованьица: они нахлестывают свои талантики безжалостно, кормят их не овсом серьезных знаний, а газетной трухой и быстро истощают. Очень жалкий народ. Наиболее потерпевшим и материально и морально в этой истории — являюсь я. Обе стороны относились ко мне так небрежно, как только могут» [94].

Горький просил Амфитеатрова «тихо» снять его имя из числа сотрудников. Одновременно он решительно возражал против публичного оповещения об уходе из «Современника» через печать, как этого требовали Чернов и Миролюбов.

«Роман» Горького с «Черновыми и Амфитеатровыми» [95] завершился уходом всех четырех — Горького, Чернова, Миролюбова и чуть позже самого Амфитеатрова — из «Современника», т. е. полным крахом редакции. Но переписка Горького и Амфитеатрова продолжалась. Сначала были неизбежные в связи со всем случившимся выяснения причин взаимного недовольства, затем переписка вошла, казалось бы, в прежнее русло, и Горький однажды даже написал Амфитеатрову, когда тот обиделся на отказ Горького сотрудничать в новых амфитеатровских сборниках «Энергия», теплые и прочувствованные слова: «Я вас люблю и уважаю, и очень высоко ставлю вашу неутомимую, всегда умную работу, всегда талантливую и, как-то по-русски, особенно честную. Не лесть, не комплимент, а от сердца говорю то, что думаю давно и что хорошо проверено: на редкость открытое лицо у вас — лицо души — и другой такой фигуры психической — не знаю» (письмо от 4 октября 1913 г.).

И все же переписка затухала. «От Горького страшно давно нет вестей. Лопнула тут какая-то пружина, а почему — кто весть»,— сетовал Амфитеатров в письме к Лопатину от 5 января 1914 г. И в письме от 12 мая 1914 г.: «От Алексея Максимовича имел одно письмо, весьма бессодержательное, из которого видно только, что Россия пришлась ему не сахарно. Во всяком случае, он засядет там, видимо, навсегда, так как жизнь на Капри совершенно ликвидирована. Приводят меня в большое огорчение слухи об его театральных предприятиях и затеях. Во-первых, прогорит он зверски на этом деле. Во-вторых, измотает оно его нервно всячески. В-третьих, возвратившийся в Россию Горький для того, чтобы заняться антрепризою, это как-то ужасно мизерно, все равно что Топтыгин чижика съел. Но писать ему обо всем этом, конечно, невозможно, ибо только родит недоразумения» [96].

В то же самое время Амфитеатров готовил к печати двадцать второй том Собрания сочинений «Властители дум», куда был включен раздел о Горьком, содержавший статью «Новый Горький». Примерно тогда же в статье о Чехове для тридцать пятого тома Амфитеатров в несколько завуалированной форме заявил, что «новый пролетарский романтизм Максима Горького», пришедший на смену «атомистическому реализму Чехова», ничего не дал русской литературе: «...строители пришли неважные. Строили плохо и ничего не выстроили» [97].

Переписка Горького и Амфитеатрова в 1912 — начале 1914 г. показывает всё углубляющиеся противоречия между ними во взглядах на русский народ и его исторические судьбы.

Отразилась в переписке волновавшая в те годы Горького проблема национализма, особенно обострившаяся в связи с приближавшимся в 1913 г. трехсотлетием

дома Романовых. «Удивительно, что на развитие националистического шовинизма наши журналы не обращают должного внимания (...) А в Москве на лекции националистов собираются по две тысячи человек и больше, и рабочим говорят: „В Донской области вы работаете на жидо-французов, в Кубанской на жидо-англичан, Урал захвачен весь иност(ранным) капит(алом), русские люди, опамятуйтесь!"»,— писал он Ленину [98].

23 сентября 1912 г. Горький напечатал в газете «Русское слово» статью «О русской интеллигенции и национальных вопросах» — ответ на анкету журнала «Украинская жизнь».

В письме к Коцюбинскому он признавался: «Статью для „Украинской жизни" я написал плохо, и это мне стыдно. Но как меня ругают за нее патриоты великорусские!» (*XXIX*, 279). Среди этих «великорусских патриотов» был и Амфитеатров. «Имею некоторый зуб за вашу статью во славу малороссов»,— писал он Горькому 29 октября 1912 г.

Но деловые отношения между Горьким и Амфитеатровым сохранялись. Накануне первой мировой войны, 29 июля 1914 г., Горький отправил Амфитеатрову письмо, в котором сообщал: «...в близком будущем к вам, может быть, явится некий россиянин, довольно интересный парень, обладающий еще более интересными документами». Чуть ниже Горький писал о бегстве Илиодора. «Некий россиянин» и был тот самый Илиодор (С. М. Труфанов), о бегстве которого так много тогда писалось и говорилось.

Перед бегством своим за границу Илиодор встречался с Горьким. Об этом он писал Амфитеатрову 16 марта 1915 г.: «Убегая за границу, я в Петрограде и Финляндии виделся с А. С. Пругавиным и А. М. Горьким. Эти господа своим авторитетным словом утвердили мое намерение разоблачить печатно подоплеку жизни династии Романовых; последний из них обещал оказать этому делу всяческое содействие, посоветовавши поселиться около Вас, г. Амфитеатров, ожидать берлинского издателя Ладыжникова и из Парижа адвоката по печатным и издательским делам. К сожалению, последовавшая война разрушила наладившиеся было планы, и я на время поселился в Христиании». Далее Труфанов рассказал о своей встрече с Бурцевым, ехавшим в Россию, который обещал помочь изданию книги, но в России был арестован. Изложив содержание уже написанной к тому времени книги, Труфанов просил Амфитеатрова принять издание книги под свое покровительство. Это письмо было послано Труфановым через женевскую социал-демократическую организацию, так как адреса Амфитеатрова он не знал: «...в бытность мою у Горького супруга последнего дала мне Ваш адрес, но в пути по Швеции шведские лейтенанты так трусили меня, принимая мою личность за военного шпиона, что раструсили все бывшие при мне клочки бумаги, в том числе и сведения М(арии) Федоровны о Вашем местожительстве» [99].

Веря в готовность Амфитеатрова при необходимости оказать поддержку и помощь, Горький, когда началась первая мировая война, именно к Амфитеатрову (и Вольнову) обратился с просьбой помочь Е. П. Пешковой и Максиму вернуться из Италии на родину. И Амфитеатров выполнил просьбу Горького. При этом надо помнить, что именно война, отношение к ней развели Горького и Амфитеатрова на полярные позиции. Расхождение по этому вопросу обозначилось со всей определенностью в 1913 г., когда, побывав весной в Германии, Амфитеатров написал Горькому восторженное письмо: «...Германия произвела на меня впечатление громадное. За восемь лет, что я ее не видал, она шагнула вперед невероятно во всех отношениях (...) Всеобщее удивительное спокойствие и сознание национальной цельности своей и силы» (п. от 12 мая 1913 г.). Ответ Горького был поразительным по своей глубине. Поверхностному, «газетному» суждению Амфитеатрова он противопоставил свою исторически точную оценку предвоенной Германии: «...вы пишете о Германии, которая „во всех отношениях шагнула вперед невероятно", но у которой нет литературы, скульптуры, архитектуры, живописи; музыка — сомнительна, о Кантах и Шопенгауэрах не слыхать, а Геккель и Вейсман — древние старики. И которая — что там ни говорите,— продолжая развивать милитаризм, давит всю культуру Европы. Нет, не согласен с вашим суждением о Германии и роста куль-

туры ее не чувствую что-то... А в Германию я не верю, нет! У немцев даже пиво плохо придумано. И вскорости они будут нас толкать вон из Европы. Ступайте, скажут, за Урал, чего вы тут путаетесь? Пшли. Мы, конечно, сперва заартачимся, не пойдем, тут они нас пушками, пушками! Беда будет!»

Позже, в статье «Не брат своих братьев», о которой речь пойдет ниже, Амфитеатров неузнаваемо извратит горьковскую позицию по отношению к будущей войне, изложенную в этом письме, о себе же напишет, что он был испуган и поражен готовностью Германии к войне.

Разразившуюся войну Амфитеатров встретил едва ли не восторженно. В письме Горькому от 11 августа 1914 г. он признавался: «...дух бодр до чрезвычайности, и даже так скажу: никогда не был бодрее... Никогда, даже во время революции, не чувствовалась так ярко и страстно связь с Россией, потребность действовать и мучительность бездействия». Война, по мнению Амфитеатрова, явилась «могучим моментом вооруженного единения с народом и армией в общем национальном движении», и он призывал «драться с чертовыми немцами». Амфитеатров развил бурную деятельность, «германофильство», в котором упрекал его Горький, вытеснилось самым неприкрытым шовинизмом.

9 августа 1914 г. в газете «Giornale d'Italia» было напечатано письмо Амфитеатрова, в котором он призывал русских эмигрантов перед лицом внешней опасности прекратить «все счеты внутренней политики». Те, кто может, должны вернуться в Россию, кто по политическим причинам вернуться не может — должен вступить во французскую армию, ибо, по его мнению,— «это война народная» [100].

В письме от 4 января 1915 г. французскому послу в Риме Ж. Барреру Амфитеатров напоминал об этом своем выступлении и добавлял: «Возможно, Вам будет интересно узнать, что первым русским волонтером из Италии во Францию был приемный сын нашего знаменитого писателя Максима Горького, Зиновий Пешков, молодой человек исключительных способностей, покинувший ради благородной цели свою молодую жену и своего ребенка, которые находятся в настоящее время у меня» [101]. В дальнейшем Амфитеатров будет неоднократно восторженно писать о З. Пешкове, особенно после его ранения.

В конце декабря 1915 г. вышел первый номер журнала Горького «Летопись». Через год, в декабре 1916 г., стала выходить газета «Русская воля», в которой большую роль играл Амфитеатров. Это были издания, диаметрально противоположные по направлению. Участие Амфитеатрова в «Русской воле» отразило закономерность все более открытого отхода его в лагерь реакции.

Газета «Русская воля» создавалась на средства крупных промышленников и банкиров при участии департамента полиции. «Показания С. П. Белецкого от 20 июля 1917 г. (на заседании Чрезвычайной следственной комиссии.— *Н. Д.*),— писал в статье «„Русская воля", банки и буржуазная литература» Ю. Г. Оксман,— позволяют установить, что (...) В. П. Литвинов-Фалинский, один из старейших и влиятельнейших дельцов министерства торговли и промышленности, познакомил руководителей департамента полиции с планом создания большой, по видимости прогрессивной, газеты, которая, мобилизовав вокруг себя при помощи крупных денежных средств и широких либеральных лозунгов виднейших деятелей литературы и журналистики, легко бы могла подавить остальные влиятельные петроградские газеты и затем, оставшись единственным крупным ежедневным изданием, встать на защиту интересов промышленности в борьбе с революционным движением в рабочей среде» [102].

Этот план был принят А. Д. Протопоповым, в то время товарищем председателя Государственной думы, а вскоре министром внутренних дел. Выступая на организационном собрании 15 июля 1916 г., на котором присутствовали представители крупных банков, Протопопов говорил о цели новой газеты: «...давно уже возникла мысль о создании органа, который должен правильно освещать вопросы экономические и защищать промышленные и финансовые круги от неоправданных нареканий, которые ныне так часто раздаются в печати». Протопопов, как это было передано в газетном отчете, сказал, что он «заручился согласием А. М. Горького, Л. Андреева и В. Г. Короленко» участвовать в газете [103].

Очевидно, в тот же день, когда было напечатано сообщение о плане новой газеты, т. е. 21 июля 1916 г., Горький отправил Амфитеатрову телеграмму. Телеграмма эта не разыскана, но по публикуемому ответу Амфитеатрова можно предположить, что Горький хотел выяснить его отношение к газете Протопопова. Амфитеатров ответил уклончиво: «Не вошел пока ни в какие переговоры до полного выяснения дела, которое меня сильно удивляет. Однако Адрианов называет вас в качестве сотрудника несомненного, обещавшего участвовать литературно, относящегося к делу с большой симпатией» (телеграмма от 22 июля 1916 г.). При всем том что организации газеты сопутствовало много разных слухов, имя Горького было названо не случайно.

Дело в том, что в самом начале, когда направление новой газеты было совсем неясным, к ней хотел примкнуть как пайщик И. Д. Сытин, с которым Горький был связан давно и вел переговоры о некоторых издательских предприятиях [104]. В письме к Короленко от 17 сентября 1916 г. Амфитеатров утверждал, что от Сытина и Протопопова еще в апреле 1916 г. он знал, «что Горький стоит как-то около их будущего предприятия», а приехавший к Амфитеатрову для переговоров С. А. Адрианов сообщил, что «с Горьким у них налажено, и даже указал беллетристическую вещь, которую он пишет для газеты» [105].

О том, что Горький, возможно, не столь решительно, как это делал Короленко, отвергал приглашения участвовать в новой газете, свидетельствуют не только публичные выступления Короленко, но и его переписка с Горьким [106].

25 июля 1916 г. в газете «День» была напечатана «Беседа с А. Д. Протопоповым», в которой последний вносил уточнения в сообщение, опубликованное в «Речи». «Я не утверждал, что Короленко и Горький участвуют в газете (...) Короленко болен и уже потому не может в настоящее время писать и вообще усиленно работать (...) Степень участия Горького в нашей газете выявится, я надеюсь, к горести врагов и радости друзей. Могу только сказать, что, чем можно помочь, Горький нам поможет». 1 августа 1916 г. в газете «День» появилось письмо Короленко, в котором он заявил, что хочет «самым решительным образом отделить свое имя от нового органа», что он не желает работать в газете, которая издается «на средства г.г. торговцев, промышленников и банкиров, которые, конечно, не напрасно решаются тратиться на эту дорогую затею». 6 августа в той же газете было напечатано короткое «Письмо в редакцию» Горького: «...позвольте через посредство издания вашего заявить, что слухи о сотрудничестве моем в газете, организуемой г. А. Д. Протопоповым, неверны».

Возможно, тогда же Горький отправил телеграмму Амфитеатрову, текст которой Амфитеатров привел в том же своем письме к Короленко: «Считаю необходимым предупредить вас, что я не принимаю никакого участия в газете Протопопова». Сама телеграмма утрачена или не разыскана, и можно только полагаться на свидетельство Амфитеатрова. Но, очевидно, она существовала, так как Амфитеатров писал о ней и М. М. Горелову (Гаккебушу), а в письме к Короленко подробно описывал свои и Адрианова сомнения по поводу этой телеграммы: «Адрианов, считавший дело с Горьким совершенно покончeнным и давший мне тому обстоятельные доказательства (...) ничего не понимал. Так что некоторое время мы даже сомневались, от Горького ли эта телеграмма и не подложная ли она, ибо и подписался-то он странно, как никогда раньше не подписывался: Горький-Пешков. Смущенный, я послал Горькому в „Летопись“ весьма пространную телеграмму, прося разъяснить, в чем дело. Но ответа на нее до сих пор не имею. Газеты, в которых явился краткий отказ Горького, тоже пришли, но ничего не сказали» [107].

Очевидно, определенная позиция Короленко укрепила Горького в его решении не сотрудничать в новой газете. 17 августа 1916 г. Короленко написал статью «Старые традиции и новый орган» [108], в которой подтвердил свое отношение к газете Протопопова.

Кроме Короленко и Горького, отказались сотрудничать в «Русской воле» Блок, Шмелев, Чириков. Писатель Никандров делился с Горьким своими «тягостными впечатлениями» от газеты: «Надо разобраться, как это так, шеф жандармов вдохновляет „Русскую волю“, союз фабрикантов берет ее на содержание. Человеческое

стадо поклоняется Л. Андрееву и другим, предающим рабочий класс» [109]. Андреев, как известно, упомянут в письме Никандрова не случайно, так как именно он сразу согласился сотрудничать в газете и возглавил в ней литературный отдел. Имя Андреева помогло собрать вокруг газеты крупных литераторов. «...Ваше имя парализует все злые толки»,— писал ему А. Толстой [110]. Свое желание работать в газете выразили Бунин, Куприн, Ф. Сологуб, Сергеев-Ценский, Тан.

Через Амфитеатрова были приглашены в газету Г. В. Плеханов и Г. А. Алексинский, члены редакции газеты «Призыв». Н. И. Иорданский, считавший, что «в истории русской печати не было издания, которое возникло бы при таких темных и подозрительных обстоятельствах, как газета „Русская воля“», приводил телеграмму к нему редакции «Призыва» от 17 октября 1916 г.: «Плеханов и его друзья, за исключением Алексинского, нашли полезным выждать появления газеты для решения вопроса о сотрудничестве» [111].

Амфитеатров признавался, что только слух о возможном участии Горького в новой газете удерживал его от положительного решения. Узнав об отказе Горького сотрудничать в газете, Амфитеатров немедленно дал свое согласие. Он писал об этом Короленко 17 сентября и одному из организаторов газеты — М. М. Горелову 27 сентября. В своем письме к Короленко Амфитеатров не удержался от оскорбительных выпадов по адресу Горького и «Летописи», перемешивая их, как это бывало и в его статьях, с уверениями в любви к нему. Амфитеатров отметил главный вопрос, решение которого поставило его и Горького «на диаметрально противоположные точки»,— отношение к войне [112].

О том же, только в более спокойных тонах, Амфитеатров писал Горелову: «Максим Горький — мой ближайший друг, которого я сердечно люблю и уважаю, но разве мыслимо было приглашать его, редактора заведомо пораженческой „Летописи“, в газету, руководить которой Вы приглашаете меня, а несколькими важными отделами в ней будет заведовать Леонид Андреев, и, следовательно, орган наш предполагается интервентиским безусловно? М. Горький прислал мне телеграмму, что он не принимает участия в газете, вероятно думая меня предостеречь,— между тем я именно только после его телеграммы и начал серьезно размышлять о начинании Протопопова как деле, мне подходящем, потому что раньше совмещение Горького с Андреевым (особенно после письма этого второго) сбивало меня с толку, давая картину программы, безразличной к основному политическому вопросу времени». Далее Амфитеатров писал о «неприятнейшем скандале с Короленко и тем же Горьким», имея в виду их публичные отказы от участия в новой газете, и заявлял: «...меня не испугают никакие клеветы и нападки ни на газету, ни на ее капитал, ни на ее сотрудников, ни на меня самого (ох, какой только ругани я не жду!) — хотя бы против нас выступили не то что Клячко с Гессеном, ни даже Горький с Короленко, но хоть сам Лев Николаевич Толстой выполз из могилы» [113].

Но и приняв решение работать в газете Протопопова — в письме к Горелову он даже развернул свой план «Русской воли»,— Амфитеатров продолжал хитрить. Почти одновременно с письмом Горелову им была послана телеграмма Сытину, в которой, как писал Горький Короленко, Амфитеатров ссылался «на участие Плеханова в министерской газете, как на факт, который и его, Амфитеатрова, побудил подписать условие с новой газетой». Правда, если у Горького еще оставались какие-то иллюзии насчет поведения Амфитеатрова, то Короленко почти не сомневался в его добровольном согласии участвовать в протопоповской газете. «Амфитеатров, вероятно, пойдет. Он ведь очень свободен от наших предрассудков»,— писал он Горькому [114].

В конце 1916 г. Амфитеатров вернулся в Россию и стал деятельным участником «Русской воли» (название газеты было предложено им). С Горьким они, по-видимому, встречались редко, хотя Горький, как он писал В. Князеву, не питал «враждебных чувств ни к „Р(усской) в(оле)“, ни тем более к А. В. Амфитеатрову, которого давно знаю и люблю» [115]. Но, разумеется, ни о какой близости не могло быть и речи.

Горький рассердился на Амфитеатрова, когда тот напечатал в газете материал, порочащий Шаляпина. «Недавно у меня был скотина Амфитеатров,— в вчерашнем — 2-го — № „Рус‹ской воли›“ он допустил гнусную выходку против Федора»,— писал он Е. П. Пешковой [116].

Вскоре Амфитеатров еще раз оправдал приведенное выше предсказание Толстого: «Ах, он когда-нибудь такую штуку сделает, что всех удивит, он именно такой». 22 января 1917 г. Амфитеатров напечатал в «Русской воле» свои «Этюды», содержавшие криптограмму, которая была расшифрована и действительно удивила всех своей дерзостью. Говоря о гонениях цензуры, Амфитеатров обвинил в этом самого Протопопова. «Более усердного холопа реакция еще не создавала. Страшно и подумать, куда он ведет страну. Его власть — безумная провокация революционного урагана»,— писал Амфитеатров [117].

Естественно, что после такой эскапады Амфитеатров был выслан из столицы. Но на этот раз Горький воспринял эту высылку как комический эпизод. В письме к Короленко он в самых иронических тонах описывал визит к нему и поведение Амфитеатрова: «Уморителен был Амфитеатров перед отъездом в Минусинск! Он так было разохотился спасать Русь. С такой милой легкостью взялся за это дельце, и вдруг: пожалуйте вон! И послы за него хлопотали, и важные дамы, а — всё без успеха! Очень ушиблен был он этой неожиданностью» [118]. До места ссылки Амфитеатров доехать не успел: произошла Февральская революция, приговор о ссылке был отменен, и Амфитеатров вернулся в Петроград [119].

Октябрьскую революцию Амфитеатров принял враждебно. В книге «Горестные заметки», вышедшей в Берлине в 1922 г., он признавался, что в 1917—1918 гг. принимал участие в заговорах против Советской власти. Позже, поняв бесполезность вооруженных выступлений, он стал распространять нелегально свои антисоветские писания. В августе 1921 г. Амфитеатров с семьей бежал в Финляндию.

В книге «Горестные заметки» Амфитеатров заявил, что в августе 1918 г., т. е. когда Советской властью были приняты решительные меры против буржуазной печати, он дал себе слово, что в пределах «Совдепии» не напечатает «ни единой своей строки». «Многим это решение показалось самоубийством» [120],— горделиво — «напоказ» — добавлял Амфитеатров. Но сохранившиеся письма его к Горькому свидетельствуют, что, напротив, он настойчиво добивался переиздания своих книг, что он работал в издательстве «Всемирная литература», организованном, кстати сказать, в августе—сентябре того же 1918 г.

Во «Всемирной литературе» он занимался главным образом переводами с итальянского, в частности переводами пьес Гольдони. Редактор итальянского отдела А. Л. Волынский дал работе Амфитеатрова высокую оценку [121]. Однако известно, что об амфитеатровском переводе с итальянского пьесы Сем Бенелли «Рваный плащ» неодобрительно отозвался Блок [122]. Блок критически оценил и амфитеатровскую пьесу «Василий Буслаев», в которой, как писал он М. Ф. Андреевой, «все изрядно упрятано в литературу, сглажено, как у Ал. Толстого (или Римского-Корсакова), отчего эта самая русская мордобойная „правда“ выходит немного слащавой, книжной, даже... газетной. Есть, однако, и живые слова, и та сочность, которая свойственна Амфитеатрову всегда». А спустя некоторое время Блок сделал запись о пьесе Амфитеатрова «Аввакум»: «28 мая 1920 г. Моховая. Амфитеатров с Аввакумом. О, тоска и бездарность!» [123]

В *ЦГАЛИ* хранится машинопись, озаглавленная «Рукотворный рай. (Турецкая легенда)», датированная 13 марта 1918 г. На ней, очевидно, более поздняя надпись Горького: «Восточная литература. Перевод А. Амфитеатрова» — и помета А. Н. Тихонова: «Вернуть автору» [124]. В *АГ* находится рукопись Амфитеатрова «Предисловие к рассказам П. Милля» с правкой Горького. Мы упоминаем об этих работах Амфитеатрова, так как они опровергают его более поздние свидетельства о решении не печататься в Советской России. Еще более опровергают их многочисленные договоры (более двадцати), заключенные Амфитеатровым с Гржебиным и другими издателями [125].

Выступал Амфитеатров и с чтением лекций (преимущественно по истории итальянской литературы), в частности в Государственном педагогическом инсти-

туте им. А. И. Герцена. В издательских делах Амфитеатрову неизменно помогал Горький. Он же вступился за Амфитеатрова, когда того, очевидно, отстранили от чтения лекций. В *АГ* хранится записка Горького: «Почему Гринберг против публичных выступлений Амфитеатрова?» Не исключено, что эта записка адресована А. В. Луначарскому, так как упоминаемый в ней З. Г. Гринберг был членом Коллегии Наркомпроса.

Послеоктябрьские письма Амфитеатрова заполнены нескончаемыми жалобами. Амфитеатров лишился привычного комфорта и оказался в достаточно трудных условиях, в которых жила тогда вся страна. И вчерашний радикал превратился в «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца» [126] — ленинская характеристика А. Аверченко освещала типическое явление.

Письмо Амфитеатрова Горькому от 27 марта 1919 г. написано в связи с отмечавшимся в марте 1919 г. пятидесятилетием Горького. Это определило торжественный тон письма, как бы подводящего итог многолетним отношениям. Но мы вправе усомниться в искренности этого, в сущности последнего, носящего отпечаток личных отношений, письма Амфитеатрова, потому что совсем иначе оценивал он деятельность Горького в письме к Короленко в 1916 г., а в 1920 г. он станет автором отвратительной статьи «Ленин и Горький», которую он размножит на машинке и распространит в Петрограде. Поводом к ее написанию послужило выступление Горького в журнале «Коммунистический интернационал», посвященное В. И. Ленину.

В книге «Горестные заметки» Амфитеатров издевательски комментировал воззвание Горького «Честные люди», обращенное к гражданам Европы и Америки с просьбой о помощи голодающей России. Он назвал это воззвание одним «из бестактнейших и неудачнейших выступлений» Горького. Деятельность Горького по организации помощи ученым и литераторам рассматривалась Амфитеатровым как измена интеллигенции. Злоба Амфитеатрова распространялась не только на большевиков и Горького, но даже и на Уэллса и Ф. Нансена, посетивших Россию и увидевших грандиозную созидательную работу Советской власти. Со свойственной ему развязностью Амфитеатров «заклеймил» Уэллса за «легкомысленное до преступности изучение Советской России» и за то, что своей книгой он, кроме большевиков, «никому не угодил». Нансена он посчитал «превосходно обряженным в узду большевизма» [127].

О жизни Амфитеатрова за рубежом сохранилось мало сведений. Известно, что он пробовал переиздавать свои старые романы, но писать новые произведения, очевидно, уже не мог. Г. Струве в своей книге «Русская литература в изгнании» называет имя Амфитеатрова лишь в перечне сотрудников берлинского журнала «Сполохи» и монархического журнала «Возрождение» (Париж) [128]. В советской печати сообщалось, что вместе с Врангелем, Красновым, митрополитом Антонием и Бурцевым он поддерживал монархическую организацию «Братство русской правды», созданную для борьбы с СССР, т. е. занимал крайне правую позицию [129]. Жил Амфитеатров в Чехословакии, в Берлине, Париже, но бóльшую часть времени — в Италии. Умер он в 1938 г.

С Горьким он, очевидно, больше не встречался. Амфитеатров превратился в заурядного злобствующего антисоветчика. Прочитав его статью о Зиновии Пешкове «Не брат своих братьев», Горький насмешливо писал З. А. Пешкову: «Ох, не дай Боже постареть до такой глупости» [130].

Красноречива одна из заметок Горького: «В Италии умер Александр Валентинович Амфитеатров, сын протоиерея московского Архангельского собора.

Оказалось: еще не умер. Искренно сожалею» [131].

В 1930 г. в переписке Горького с Груздевым состоялся интересный диалог о «Жизни Клима Самгина». Груздев размышлял о романе Горького в связи с книгой В. Поссе «Мой жизненный путь»: «Вот — умный, образованный, передовой человек эпохи — и, вдруг, как-то изнутри, оказывается непроходимым пошляком — жуткая тема!.. Это же тема и „Самгина“ — так мне кажется. В Самгине есть какая-то частица и Поссе, и Амфитеатрова, и Ляцкого, по-видимому, многих-многих Ваших современников».

Горький в ответном письме подтвердил догадку Груздева относительно Поссе и далее писал: «Есть в Самгине и частица Бунина... Василий Алексеев‹ич› Маклаков — тоже Самгин». Амфитеатров в этом ряду в письме не упоминался. Но через несколько месяцев Горький вспомнил Амфитеатрова в связи со Львом Шестовым, который сейчас, по словам Горького, «пытается ничто превратить в нечто и напоминает Амфитеатрова, когда тот, сильно пьяный, неожиданно ставит такие, например, вопросы: „А — вдруг пойдут народы?“ — Откуда? — „Да черт их знает, ходили же с Аттилой. Впрочем, может Аттилы-то и не было“. Вообще Амфитеатров в пьяном виде любил сомневаться, а Шестов любил эту забаву и трезвый». В таком сопоставлении Амфитеатрова и Шестова вновь возникла тема Самгина, был назван источник емкого, символически звучащего в романе повтора: «А был ли мальчик? Может, мальчика-то и не было?» [132].

Завершение переписки Горького и Амфитеатрова имело, как мы видим, свой логический конец. Индивидуальные отношения двух писателей обрели общие — типологические — черты, стали частью истории русской литературы в предоктябрьские и послеоктябрьские годы. Конец Амфитеатрова, его нравственное, духовное и творческое падение были исторически закономерны. Закономерны были и, если воспользоваться выражением А. Белого, «перепрыги» Амфитеатрова от рептильного «Нового времени» к либеральному «Красному знамени» и манифестам «Современника», а от них к яростному шовинизму «Русской воли» и далее к монархическому эмигрантскому «Возрождению».

Переписка Горького с Амфитеатровым — отражение той сложнейшей идейной борьбы, в процессе которой формировались социалистические идеалы русской литературы, борьбы, в центре которой находился Горький.

Небольшая часть публикуемой ниже переписки была напечатана ранее в тридцатитомном Собрании сочинений Горького, в сборниках и журналах: «М. Горький. Материалы и исследования», «Ф. И. Шаляпин», «Вопросы архивоведения», «Новый мир», «Вопросы литературы» и др.

Ниже публикуются 172 письма Горького по подлинникам, хранящимся в *АГ* (167 писем), *ЦГАЛИ* (1 письмо), Биб-ке им. Лилли (Блумингтон, Индиана, США) (4 письма), а также 178 писем Амфитеатрова по подлинникам, хранящимся в *АГ* (175 писем), *ЦГАЛИ*(2 письма), *ЦГАОР* (1 письмо) *.

Письма подготовили: Ф. М. Иоффе (№ 1—82), А. Е. Погосова (№ 83—161), Е. Г. Коляда (№ 162—249), С. И. Доморацкая (№ 250—350).

---

* В кн.: «Переписка М. Горького» (М., 1986. Т. 1. С. 299) неточно указано количество хранящихся в *АГ* писем Горького (более 170) и Амфитеатрова (около 200).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это письмо опубликовано в кн.: Дневник А. С. Суворина М.; Пг.: изд. Л. Д. Френкеля, 1923. С. 189—190.

[2] *ЦГАЛИ*, ф. 34.

[3] *Гиляровский В.* Избранное. М., 1960. Т. 2. С. 251.

[4] *В. И. Ленин.* Т. 6. С. 274.

[5] Амфитеатров был настолько «прощен» правительством, что в сентябре 1904 г. получил разрешение Главного штаба на проезд в качестве специального корреспондента журн. «Нива» на Дальний Восток (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[6] *Амфитеатров.* Т. 5. С. XXV.

[7] *Львов-Рогачевский В. Л.* Писатель без выдумки // Современный мир. 1911. № 9. С. 242. В воспоминаниях А. А. Золотарева сохранилось любопытное свидетельство о том, как работал Амфитеатров: «...к утру чинили ему десятки карандашей и раскладывали десятками на письменном столе и конторках. Ал‹ександр› Вал‹ентинович›, переходя от конторки к столу и опять к другой конторке, одновременно работал и над своим романом-хроникой (70-ники и 80-ники), и над историческими очерками, и над фельетоном на злобу дня, причем карандаши у него тупились, исписывались, а сам он от работы становился и веселее, и подвижнее, и здоровее» (*ЦГАЛИ*, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 21).

[8] Там же, ф. 34.

[9] *Брюсов В.* Царства Араратские. А. В. Амфитеатров. Армения и Рим. Царство зверя. Историческое сочинение. Т. I. Пг: изд-во «Просвещение», (1916) // Русская мысль. 1916. № 6. Отд. III. С. 16.

[10] Об отношениях Амфитеатрова и Лопатина см. в ст. «Один из талантливейших русских людей».

[11] *Чехов А. П.* Полное собр. соч. и писем. М., 1949. Т. XV. С. 362; Т. XVIII. С. 64.

[12] Дневник А. С. Суворина. С. 278.

[13] *ЛН.* Т. 90. Кн. I. С. 180. Там же. Кн. II. С. 408.

[14] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л, 1963. Т. 8. С. 346.

[15] *Розанов В.* Саша Амфитеатров и его эпилог // Новое время. 1915. № 14251. 11/24 нояб.

[16] Литературный Ленинград. 1934. № 21. 8 мая.

[17] *АГ.*

[18] *МИ.* Т. I. С. 377.

[19] *Амфитеатров.* Т. 14. С. 169.

[20] Новое время. 1898. № 7989. 27 мая/8 июня.

[21] *АГ.*

[22] Россия. 1900. № 301. 26 февр.

[23] Там же. 1902. № 964. 2 янв.

[24] *Арх. Г.* Т. IV. С. 64.

[25] *ЛН.* Т. 72. С. 96.

[26] *Арх. Г.* Т. IV. С. 72.

[27] Энергия. 1913. № 1. С. 243.

[28] *АГ.* Ранние письма Амфитеатрова, очевидно, не сохранились.

[29] О том, что библиотека Амфитеатрова представляла собой большую ценность, свидетельствует тот факт, что в 1923 г. она была приобретена чехословацким правительством. Посвящая свою книгу «Одержимая Русь» президенту Чехословакии Т. Масарику, Амфитеатров разъяснял в предисловии к книге: «Эмигрантская безработица вынудила меня еще в 1923 г. расстаться с моею весьма обширною библиотекой. Ее приобрело у меня правительство Чехословацкой республики, но, благодаря любезности президента, мне было предоставлено право удержать в своем пользовании отделы библиотеки, нужные для завершения некоторых книг» (*Амфитеатров А.* Одержимая Русь. Берлин: изд-во «Медный всадник», 1929. С. 3).

[30] *АГ.* Столь же сильное впечатление производил Амфитеатров на А. А. Золотарева. «Этот человек был энциклопедистом,— вспоминал он,— и трудно было найти такую область человеческого знания, о которой он не мог бы найти в сокровищницах своей памяти если не подлинных фактических данных, то, по крайней мере, веселого анекдота, каламбура или исторической справки о том, кто, когда и как работал над нею» (*ЦГАЛИ*, ф. 218, оп. 1, ед. хр. 21).

[31] Новое время. 1911. № 12550. 18 февр./3 марта.

[32] Слово. 1908. № 626. 20 нояб./2 дек.

[33] *АГ.*

[34] *Арх. Г.* Т. IV. С. 72.

[35] В этой связи представляется спорным сопоставление Горького и Амфитеатрова в ст.: *Евстигнеева Л. А.* А. М. Горький и А. В. Амфитеатров // *Горьковские чтения* 1980.

[36] *Арх. Г.* Т. IX. С. 40.

[37] Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в. М.: Наука, 1975. С. 284.

[38] *Сучков Б.* Исторические судьбы реализма. М., 1973. С. 209—210.

[39] *Арх. Г.* Т. IX. С. 123.

[40] Русская мысль. 1916. № 6. Отд. III. С. 15.

[41] Всеобщий журнал. 1911. № 3. С. 222.

[42] См., например, ст. Т. Ренодо «В Кави ди Лаванья» (Одесские новости. 1908. № 7634. 4/17 окт.), в которой описывалась жизнь русской колонии в Кави во главе с Амфитеатровым. Автор отмечал внешнее сходство Амфитеатрова с М. М. Ковалевским и «более всего с Бальзаком». В статье сообщалось и о Горьком (очевидно, со слов Амфитеатрова): «Горький собирается в гости (в Кави.— *Н. Д.*), он пишет теперь пьесу, но больше всего учится. В последний момент он увлечен математикой. Здоровье его превосходно».

[43] *Амфитеатров.* Т. 11. С. XVII.

[44] *ЛН.* Т. 72. С. 345.

[45] *Арх. Г.* Т. IV. С. 247.

[46] Слово. 1908. № 626. 20 нояб./2 дек.

[47] *ЦГАЛИ*, ф. 34.

[48] *АГ.*

[49] *Амфитеатров А.* Литературный альбом. СПб.: изд-во «Общественная польза», (1904). С. 13.

[50] Новое время. 1898. № 7989. 27 мая/8 июня.

[51] *Амфитеатров.* Т. 22. С. 152, 163, 164.
[52] Там же. С. 169, 177—179, 187.
[53] Русская мысль. 1907. № 4. Отд. II. С. 122, 127, 141.
[54] *Амфитеатров А.* Современники. М., 1908. С. 82. Надо сказать, что Горький чувствовал неискренность иных восторженных слов Амфитеатрова, известную «приторность» его оценок. В одном из писем к Е. П. Пешковой он отмечал: «...писал мне А. В. дважды дифирамбы Максиму, очень сын наш понравился ему. Это, конечно, рекомендация не самой высокой марки, ибо есть в ней немножко неискреннего, заигрывающего». И далее: «Амф(итеатров) политику делает, но — не очень искусно и — едва ли хорошо» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 119—120).
[55] *Амфитеатров А.* Современники. С. 100. См. также: Очерки истории русской театральной критики. Л., 1979. Т. 2. С. 120, 121; *Евстигнеева Л. А.* Указ. соч. С. 62.
[56] *Амфитеатров А.* Современники. С. 100, 112.
[57] *Арх. Г.* Т. XIV. С. 19.
[58] *Луначарский А. В.* Великий переворот. Пг: изд. З. И. Гржебина, 1919. С. 47.
[59] *В. И. Ленин.* Т. 47. С. 220.
[60] Там же. Т. 19. С. 251.
[61] Там же. Т. 47. С. 220.
[62] *В. И. Ленин и А. М. Горький.* С. 51.
[63] *В. И. Ленин.* Т. 47. С. 241.
[64] *М. Ф. Андреева.* С. 172—173.
[65] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 4—5.
[66] *Амфитеатров.* Т. 22. С. 205, 209, 210, 201.
[67] *Плеханов Г. В.* Искусство и литература. М., 1948. С. 757.
[68] Г—А, п. от 20 или 21 сентября 1911 г.
[69] Литературный Ленинград. 1934. № 21. 8 мая.
[70] *Арх. Г.* Т. VII. С. 146.
[71] *ЛН.* Т. 72. С. 330. Любопытно, что совершенно независимо от Горького и Андреева сходную характеристику Амфитеатрова дал И. Кугель: «Вся карьера Амфитеатрова — это пестрая лента приспособления своих дарований к хозяйским требованиям, а установка на хозяина была самая прозаическая: с кем выгодно, тот и хозяин...» (Литературный Ленинград. 1934. № 21. 8 мая).
[72] *Амфитеатров.* Т. 22. С. 181.
[73] *Муратова.* С. 13.
[74] *МИ.* I. С. 201.
[75] *Арх. Г.* Т. XIV. С. 340.
[76] Там же.
[77] *АГ.*
[78] *Амфитеатров.* Т. 15. С. 271, 266.
[79] Там же. С. 271.
[80] Там же. С. 281, 285, 302, 323.
[81] *Воровский В.* И. А. Бунин // Воровский В. Литературно-критические статьи. М., 1948. С. 142. Статья Воровского появилась одновременно со статьями Горького и Амфитеатрова — в февральской книге журн. «Мысль».
[82] После ухода Горького из «Современника» Амфитеатров с обидой писал ему: «Не думаю, чтобы хоть одна сколько-нибудь яркая и значительная черта в жизни „Современника" осталась в них (письмах.— *Н. Д.*) без освещения с моей стороны, хотя очень часто я недоумевал, надо ли это делать, потому что Ваши письма редко проявляли интерес к ходу журнала и иногда молчали о нем так выразительно, что я уже думал, приятен ли он Вам» (п. А—Г; п. от 9 ноября 1911 г.).
[83] *Арх. Г.* Т. IX. С. 111.
[84] *АГ.*
[85] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 33.
[86] *Арх. Г.* Т. IX. С. 117.
[87] *ЦГАЛИ,* ф. 34.
[88] *АГ.*
[89] Там же. См. также Г—Ч.
[90] Там же.
[91] Там же.
[92] *Арх. Г.* Т. IX. С. 127. На решение Горького уйти из «Современника» оказали воздействие и другие обстоятельства, в частности поведение Амфитеатрова по отношению к Шаляпину.
[93] *АГ.*
[94] *Арх. Г.* Т. IX. С. 121, 128.
[95] *В. И. Ленин.* Т. 48. С. 47—48.
[96] *ЦГАЛИ,* ф. 34.
[97] *Амфитеатров.* Т. 35. С. 236—237.
[98] *В. И. Ленин и А. М. Горький.* С. 82.
[99] *ЦГАЛИ,* ф. 34.

[100] Там же.
[101] Там же.
[102] *ЛН*. Т. 2. С. 168.
[103] Речь. 1916. № 198. 21 июля.
[104] Позже И. Д. Сытин отказался от участия в этом издании. Об этом можно судить по телеграмме к нему Амфитеатрова, посланной, очевидно, в августе 1916 г.: «10-го прибыл присланный Протопоповым Адрианов, назначенный во главе нового предприятия (...) неприятно удивлен, узнав, что Вы не принимаете участия в этом новом предприятии; между тем как в мае Протопопов говорил мне о Вас как о директоре. Судя по словам Адрианова, дело это безупречно в денежном смысле. Мне предлагают великолепные условия и широкие полномочия. В разговоре с Адриановым буду осторожен» (*АГ*). Однако в сентябре Амфитеатров писал Короленко, что организаторы газеты сами отказались от приглашения Сытина, так как считали, что он входит в «дело» с деньгами Путилова, за которым стоит банкир Рубинштейн, чье присутствие в новой газете было нежелательно для ее организаторов (*ЦГАЛИ*, ф. 34).
[105] Там же.
[106] См.: *Горький и Короленко*.
[107] *ЦГАЛИ*, ф. 34.
[108] Русские записки. 1916. № 8.
[109] *АГ*.
[110] *ЛН*. Т. 2. С. 183.
[111] *Иорданский Н.* Политические заметки // Современный мир. 1917. № 1. С. 295.
[112] *ЦГАЛИ*, ф. 34.
[113] Там же.
[114] *Горький и Короленко*. С. 78.
[115] *АГ*.
[116] *Арх. Г.* Т. IX. С. 192.
[117] *ЦГАЛИ*, ф. 34.
[118] *Горький и Короленко*. С. 91.
[119] После возвращения в Петроград, в марте 1917 г., Амфитеатров заключил договор с издателем И. Ф. Вейсбергом об издании двухнедельного литературного, политического и исторического журн. «Красное знамя» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). До июля 1917 г. вышло два номера журнала. См. п. Амфитеатрова Золотареву.— Там же, ф. 218, оп. 2, ед. хр. 2, л. 8.
[120] *Амфитеатров А.* Горестные заметки. Берлин: изд-во «Грани», 1922. С. 138.
[121] Вестник литературы. 1919. № 8.
[122] *Блок А.* Собр. соч. Т. 8. С. 521—522. Стоит напомнить характеристику, данную Блоком переводу Амфитеатрова: «...хорошая пьеса, но я очень серьезно боюсь, что Амфитеатров не только внешне, но и внутренне исказил ее. Не говоря о том, что стихи — часто просто не стихи, отсутствует не только ритм, но и размер,— я боюсь, что всей пьесе, при помощи сочных словечек и залихватского тона, сообщена вульгарность, идущая вразрез с ее подлинной демократичностью. Смешны, но *не так и не потому* смешны поэты-петраркисты, как думал Амфитеатров, стоящий далеко от стихов вообще и, очевидно, увлекавшийся иногда пародией на русскую современность, ненавистную ему, но Амфитеатров как-то по-буренински просто не разбирается, всё валит в одну кучу. У него... нет настоящей разницы между словарем петраркистов и словарем их противников, или эта разница подчеркивается улично,— я сказал бы, как в театрах „миниатюр". Театру убыли не будет, если сделать все это тоньше, а в таком виде это может подействовать на дурные инстинкты и сослужить еще одну плохую службу культуре — прозвучать как фельетон из „Нового времени"».
[123] *Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 493.
[124] *ЦГАЛИ*, ф. 34.
[125] Там же. Надо сказать, что, заключая договоры, Амфитеатров получал значительные суммы, и его бесконечные жалобы на полное безденежье лишены основания. Кроме того, он получил достаточно крупную, даже по тем временам, сумму за постановку переведенной им пьесы «Рваный плащ». Впрочем, на постоянное безденежье Амфитеатров жаловался часто, как это видно из переписки, несмотря на крупные гонорары. Даже в первом, написанном после начала мировой войны, письме он прежде всего выразил беспокойство по поводу того, что не сможет получить деньги с издательства «Просвещение». См. п. от 11 августа 1914 г.
[126] *В. И. Ленин*. Т. 44. С. 249.
[127] См.: *Амфитеатров А.* Горестные заметки. С. 93.
[128] Защита монархических идей, когда Амфитеатров не только участвовал в парижском «Возрождении», но даже и протестовал на его страницах против перепечатки своего фельетона «Господа Обмановы» во французской прессе, была своего рода «возвращением на круги своя». В 1902 г. из минусинской ссылки Амфитеатров подавал прошение о смягчении наказания. «Верноподданный государю-императору, русский верою и происхождением,— писал Амфитеатров,— я всегда проводил

в печати идеи монархические и строго государственные: деятельность моя как публициста всегда отличалась патриотическим направлением...» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[129] Красная газета. Веч. вып. 1925. № 214. 2 сент.; Известия ВЦИК. 1927. № 215. 20 сент.

[130] *АГ.*

[131] *Арх. Г.* Т. XII. С. 247.

[132] Там же. Т. XI. С. 214, 217—218, 245.

1. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Кореиз. Январь, не ранее 16, 1902 г.)

Господину А. Амфитеатрову.

Покорно прошу выслать ваши книги: «Святочная книжка», «Недавние люди», «Столичная бездна»[1] по адресу: *Кореиз.* Таврической губернии. *Олеиз. Е. П. Пешковой*[2].

4 р. 50 к. посланы переводом по почте одновременно с этим письмом.

А. П.

Датируется по п. Пятницкого Горькому от 16 января 1902 г. и п. Горького Амфитеатрову от 24 февраля 1902 г.

[1] Речь идет о книгах Амфитеатрова, выпущенных петербургским изд-вом «Т-во художественной печати» в 1901—1902 гг. Все книги, наряду с настоящей фамилией автора, подписаны псевдонимом Old Gentleman (Старый джентльмен — *англ.*): «Святочная книжка» (1902) состоит из записанных или переработанных автором легенд и притч, характеризующих эпоху раннего христианства («Богатырь Христофор. Амельфийская легенда», «Притворщик Матвей» и др.), главы из исторического сочинения Амфитеатрова «Зверь из бездны» — «Рождение непобедимого солнца» (см. следующее письмо, прим. 8), средневековых легенд и повести «Ноэль. Французские святки» и др. Сб. «Недавние люди» (1901) включает статьи о первой поездке Амфитеатрова в Болгарию в 1894 г. («Степан Стамбулов», «Софийское житье-бытье») и фельетоны («Памятник царю Освободителю», «Захарьин», «Московский городской голова Алексеев» и др.). «Столичная бездна. Этюды, листки, типы и картины» (1902) представляет фельетоны и рассказы 1892—1899 гг. В их основе, как пишет автор во вступлении к сборнику, лежат «правдивые житейские истории».

[2] Екатерина Павловна *Пешкова* (1878—1965) — первая жена Горького. См. письма Горького к Е. П. Пешковой (*Арх. Г.* Т. V и IX).

Горький в это время находился в положении политического ссыльного, переписка его перлюстрировалась, поэтому он просил писать ему на имя Е. П. Пешковой.

2. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

Кореиз. 24 февр(аля) 1902 г.

Александр Валентинович!

С деньгами вышла канитель такого рода: послал я деньги эти в Петербург, на ваше имя, при письме, в котором просил прислать ваши книги. Кто-то получил письмо и выслал мне книги наложенным платежом, а другой кто-то получил перевод и направил его вам. Вот и всё. Деньги эти вы кому-нибудь отдайте — какому-нибудь жигану[1],— пусть выпьет за ваше здоровье. И на том разговор о рублях — покончим.

Вы позвольте мне посоветовать вам — от души, поверьте! — не падайте духом! Такое настроение не гармонирует с большой, крепкой вашей фигурой, которую знаю по портретам.

Не падайте духом, голубчик! Невозможно, чтобы вас держали долго в этом Минусинске[2], уверен, что невозможно это! От недомоганий — можно оправиться, а работать — кто вам мешает? Пишите книгу о Сибири, о Минусинске, о его — говорят — удивительном музее[3]. Смотрите поспокойнее на вашу ссылку — право же, беда невелика! И — опять говорю — долго это не продлится, говорю не только по внутреннему убеждению, но и потому, что слышал,— за вас хлопочут в Питере.

Работайте, пока что главное — чтобы человек был занят. Соберите в кучу ваш талант и опыт и хорошим усилием воли пустите себя в дело.

Подумайте: ведь этот кавардак, происходящий в жизни русской наших дней,— долго продлиться не может. И тем, что будут отливать на окраины России бунтующую русскую кровь по каплям,— ведь не исчерпают взволнованного моря этой крови. Зря только раздражают людей и этим раздражением — весьма возможно — создадут такую сумятицу взаимного непонимания и ожесточения, что — право же — лучше бы теперь же немножко отпустить вожжи. Не тот только силен, кто прет на рожон, но — тот, кто умеет отклонить удар его в сторону.

Глуп медведь, который сам всаживает в себя рогатину, и — вы знаете — не надолго хватает его сил для такого вредного занятия.

Вы, может, думаете: Хорошо тебе, дяденька, рассуждать, сидя на южном-то берегу Крыма[4]. Нет, знаете, нехорошо. Я, вообще, терпеть не могу этого места, а теперь, живя в нем поневоле,— ненавижу его всеми силами души.

Каюсь, что не поехал жить в Арзамас, куда меня посылало начальство. Я — северянин, волгарь, и среди здешней декоративной природы мне — неудобно, как волкодаву в красивой конуре, на цепи. Я не хочу сказать, что поменялся бы с вами местом жительства — зачем врать? — но искренно предпочитаю Крыму — Вятку. Да и в ваши нынешние места попасть — не теряю надежды, зная внимание начальства к русскому писателю вообще и к моей персоне в том числе.

Не грустите же, товарищ, а лучше — затейте-ка работу! Единственное утешение для нашего брата — работать!

За всё, что вы писали обо мне[5],— сердечное спасибо, но — по совести сказать — взгляд ваш на меня мне кажется немножко гиперболичным. Вообще,— поскольку знаю я вас, журналиста,— в писаниях ваших вижу некое преувеличение — должно быть, физическая величина ваша влияет на характер творчества.

Недавно прочитал три ваши книжки: «Недавние люди», «Святочную», «Столичную бездну». В последней — очень хорош рассказ о Нелли Раинцевой»[6]. Порою — со злобой на вас — видел, как вы руками мастера, способного лепить крупные фигуры,— создаете безделушки для забавы сытых и праздных мещан. Простите, не время теперь говорить с вами об этом, но я уж как-то не могу не сказать.

Завтра увижу Чехова и Л<ьва> Ник<олаевича>[7] — скажу им о вас и всегда буду сердечно рад, если смогу чем-либо быть полезным для вас.

Ну, не скучайте же, не падайте духом, работайте! Когда выйдет ваш «Зверь»?[8]

Буду ждать. Напишите, если нужно что-либо.

Крепко жму вашу руку!

А. Пешков

[1] Жиган — вор, бандит (воровской жаргон).

[2] Речь идет о ссылке Амфитеатрова в город Минусинск за опубликование в газ. «Россия» (1902, № 975, 13 янв.) под псевдонимом Old Gentleman фельетона «Господа Обмановы. (Провинциальные впечатления)». В фельетоне была дана в завуалированной форме сатирическая характеристика последних Романовых. Под именами покойного помещика Алексея Алексеевича Обманова, его вдовы Марины Филипповны, их сына Ники-Милуши были изображены император Александр III, вдовствующая императрица Мария Федоровна и император Николай II.

В п. от 16 января 1902 г. Пятницкий сообщал Горькому: «Последняя новость. В январе в „России“ помещен очерк Амфитеатрова „Господа Обмановы“. 15 янв. „Россия“ не вышла. Говорят, что ее закрыли навсегда. Но сегодня в „Правительственном вестнике“ еще не было соответственного сообщения. Редактор Сазонов был немедленно выслан из Петербурга, с запрещением селиться ближе, как на расстоянии 200 верст от столицы (...) Когда Сазонов спросил Шаховского, что же будет с Амфитеатровым, тот ответил: „Он уже в дороге в Иркутск“» (*АГ*).

Публикуя фельетон в журн. «Красное знамя», Амфитеатров подробно рассказал историю его создания и последовавших за этим событий (Красное знамя. Париж. 1906. № 1, 5).

В ст. «Признаки банкротства» (Искра, 1902. № 17. 15 февр.) В. И. Ленин, называя Николая II Николаем Обмановым, писал: «Это *социальное* банкротство монархии гг. Обмановых не менее поучительно, чем ее *политическое* банкротство» (*В. И. Ленин.* Т. 6. С. 279). И через месяц в ст. «Письмо к земцам» (Искра. 1902. № 18. 10 марта) сообщал: «Огласим новую пощечину царям-Обмановым. Эта пощечина тем интереснее, чем „солиднее" люди, ее дающие» (Там же. С. 356).

В *ЛБГ* хранится отдельное издание фельетона: *Амфитеатров.* Господа Обмановы / С предисл. Гл. 2-я. Берлин: изд-во И. Рэде, 1902 (*Описание*).

Фельетон «Господа Обмановы» Горький считал в значительной степени данью общественной конъюнктуре. Он писал Пятницкому (24—25 янв. 1902 г.): «Амф(итеатрова) фельетон — пошлость, плоское благерство. Думаю, что сей сеньор тиснул эту штуку по такому расчету: была у них в „России" помещена статья по поводу 25-летия служения в чинах Д. Сипягина. Статья — лакейская. Пожелали — реабилитацию устроить себе в глазах публики. И — вот. Я рад, что Амф. послали в Иркутск, быть может, он там будет серьезнее. Он все же — талант, хотя грубый, для улицы, для мещанина» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 72).

[3] Амфитеатров осуществил совет Горького, выпустив сборник рассказов и очерков «Сибирские этюды» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1904). В предисловии «От автора» он отмечал: «Спокойно и без предубеждения записал я, что видел в степном краю Восточной Сибири и слышал от людей ее...» (с. 1). Главы о Минусинске и его музее в сборнике нет, но в очерке «Лесное умертвие» говорится о роли города в экономическом развитии края.

«Минусинский публичный местный музей» (ныне Краеведческий музей) был основан в 1877 г. на общественных началах учеными и общественными деятелями Н. М. Мартьяновым, Т. Н. Сайлотовым, А. В. Малининым, И. Г. Гусевым, П. П. Сафьяновым и др. В 1895—1896 гг. музей принимал участие во Всероссийской торгово-промышленной выставке в Нижнем Новгороде. Его богатейшие коллекции были размещены в павильоне Восточной Сибири. Горький в это время был корреспондентом «Самарской газеты» на выставке. Кроме того, ему могла быть известна кн. Ф. Я. Кона «Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902)» (Казань, 1902).

[4] В ночь с 16 на 17 апреля 1901 г. Горький был арестован за революционную деятельность и заключен в нижегородскую тюрьму, 17 мая освобожден из тюрьмы под надзор полиции. По ходатайству родных и врачей осенью 1901 г. Горькому было разрешено выехать в Крым для лечения. 12 ноября 1901 г. он приехал в Ялту и на некоторое время получил приют на даче Чехова в деревне Аутка (ныне поселок им. А. П. Чехова). 19 ноября вместе с семьей писатель переехал в Олеиз, где поселился на даче Ф. И. Токмакова «Нюра». В Крыму Горький находился до 23 апреля 1902 г. В мае он приехал на место своей ссылки в Арзамас, где пробыл до конца июля 1902 г.

[5] Амфитеатрову принадлежала одна из ранних рецензий на первый том «Очерков и рассказов» Горького (СПб., изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1898). В цикле «Литературный альбом», публиковавшемся в газ. «Россия», Амфитеатров также писал о Горьком, подчеркивая огромное значение его творчества для современной общественной и литературной жизни (1900, № 301, 26 февр.; № 374, 11 мая). Под рубрикой «Театральный альбом» были напечатаны рецензии на инсценировку романа Горького «Фома Гордеев» (1901, № 227, 23 нояб.; № 229, 25 нояб.). См. также предисловие к переписке.

[6] Рассказ «Нелли Раинцева» написан от лица девушки, ставшей жертвой разврата, лицемерной морали и бездушного отношения к человеку в буржуазной среде.

[7] В течение января—апреля 1902 г. Горький, живя в Крыму, неоднократно встречался с Толстым и Чеховым.

Чехов писал Амфитеатрову 27 февраля 1902 г.: «Многоуважаемый Александр Валентинович, я только что узнал, что Вы в Минусинске. Будьте добры, напишите мне в Ялту, не нужно ли Вам чего-нибудь, не могу ли я быть полезен и проч., и проч.» (*Чехов. Письма.* Т. 10. С. 199).

О полученном от Горького письме Амфитеатров сообщал Чехову 17 марта 1902 г.: «Вскоре по приезде в Минусинск я написал письмо Горькому — должно быть, очень мрачное, потому что в ответе своем он старательно и нежно меня утешает. К сожалению, в моем настоящем положении есть подробности, коих никакими утешениями нельзя избыть, и зависят они не от моего нынешнего бедствия, а от широкой разбросанности недавней моей жизни, так внезапно и основательно вывернутой наизнанку (...) Пишут мне из России, что Москва полна баснями и клеветами на мой счет, приняла известие о моей ссылке чуть ли не с ликованием. Не знаю, что́ еще можно обо мне клеветать и баснословить, и удивляюсь ликующим (...) Естественно развивающаяся в ссылочном отдалении подозрительность тер-

зала меня московскими слухами очень, и я был искренно счастлив вчера, получив письмо от Вас и Горького, как свидетельства, что не весь же русский мир для меня под потопом, и есть где-то сухой и прекрасный Арарат...» (*ГБЛ*).

[8] Вопрос Горького был вызван, по-видимому, тем, что в «Святочной книжке» Амфитеатрова была напечатана глава из его кн. «Зверь из бездны», о чем автор сообщал в предисловии: «„Рождество непобедимого солнца" представляет собою главу из большого моего труда, отрывки из которого печатались в „СПб. ведомостях" под разными заголовками...» Работа над «историческим сочинением» «Зверь из бездны» была начата в 1898 г. и продолжалась в течение многих лет. В ст. «От автора», предваряющей первую полную публикацию книги, Амфитеатров сообщал: «„Зверь из бездны" был почти готов и объявлен к выходу еще в 1902 г., но вместо того чтобы заняться этим изданием — мне пришлось отправиться в ссылку, а два года спустя переселиться за границу» (*Амфитеатров А.* Зверь из бездны. Ист〈орическое сочинение〉 в 4-х т. СПб.: изд-во «Просвещение», 〈1911〉, Т. 1. С. XXVII—XXVIII). Экземпляр с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

3. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Майоренсгоф. 20 или 21 февраля 1905 г.〉

Спасибо вам, Александр Валентинович, за ваше письмо! [1] Искреннее и сильное, оно глубоко тронуло меня; я крепко жму вашу руку и — кстати уж! — позволю себе сказать вам, что за последнее время, читая ваши смелые, яркие статьи [2], — и я полюбил вас.

Письмо ваше я получил уже на свободе, ибо во узилище никаких сведений с воли не допускают — это принцип. Его проводят с жестокой строгостью: я был арестован в Риге 11-го [3], только что приехавши из Питера и вернувшись из больницы, где оставил Марию Федоровну [4] буквально при смерти. Мне не разрешили зайти к ней проститься, несмотря на просьбы об этом мои и представления лечившего ее доктора, и я отправился в крепость с мучительным убеждением, что уже не увижу более никогда этого чудесного и родного мне человека, а я люблю и уважаю его всей душой. И в течение 9-и суток мне не давали никаких вестей о положении М. Ф., что было несколько похоже на пытку. Я не жалуюсь, но невольно возникает простая и тяжелая мысль: если ко мне возможно такое отношение, как же относится начальство к рабочему или работнице, попавшим в его руки? И — становится страшно за людей.

Если не считать первых дней заключения, полных тревоги за М. Ф., я просидел свой месяц хорошо, даже написал за это время трагикомедию «Дети солнца» [5], которая, кажется, удалась мне, но отобрана у меня Департ〈аментом〉 полиции «для просмотра». Очень беспокоит меня судьба этой рукописи, ибо кажется мне, что оный Депар〈тамен〉т населен какими-то дикарями, для которых сжечь рукопись — нетрудно. В тюрьме я несколько отдохнул от «впечатлений бытия» и разобрался в них. 9-го я с утра до вечера был на улицах Питера и видел, как русские солдатики, защищая «престол-отечество», убивали безоружных людей и — кстати — убили престиж самодержавия.

Последнее — верно, дорогой Ал. Вал. Зная отношение нашего народа к этому предрассудку, я не могу допустить преувеличения в данном случае. Но я слышал тысячеголосые проклятия по адресу царя, слышал, как его называли убийцей старики, дети и женщины — люди, которые, за несколько часов до убийства их близких и знакомых, мирно шли к своему царю и несли в руках его портреты, портреты его жены, хоругви, и вел их — священник [6]. Мне хорошо известно было, что 7-го и 8-го рабочие были настроены верноподданнически, и 8-го ночью я говорил об этом Витте [7] как о факте, за который ручаюсь честью. В общей массе десятков тысяч сотни рабочих-революционеров не играли роли вплоть до 9-го числа, до выстрелов, а после убийств — они встали во главе движения, и это — естественно. Верноподданническое настроение было

М. Ф. АНДРЕЕВА НА ВИЛЛЕ «СЕТТАНИ»
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1907
Музей Горького, Москва

убито защитниками самодержавия — вот глубокий смысл события 9-го января. И это событие одинаково отзывается всюду в России. В трехсотлетней китайской стене самодержавия пробита брешь, которую не замазать 50 тысячами, даже если увеличить их в 1000 раз[8].

О себе скажу, что тюрьма всегда имела для меня два отрицательных качества — немного расстраивала здоровье и сильно увеличивала популярность. Последнее,— говорю не рисуясь, столько же мешает жить, как и нездоровье. Выпустили меня под залог в 10 т〈ысяч〉 р〈ублей〉 и обязали подпиской о невыезде из Петербурга, а вслед за тем немедленно выслали по настоянию Трепова[9]. Хотят судить[10], чему я очень рад. Употреблю все усилия для того, чтобы обратить этот суд в веселую панихиду по самодержавию, которое раньше казалось мне бессмысленной привычкой к власти, а ныне стало преступным сообществом, имеющим целью угнетение России. Жду вашего письма к Ж〈оресу〉[11], вышлите его на контору[12], пожалуйста. Еще раз — крепко жму вашу руку.

А. Пешков

Майоренсгоф, Риго-Туккумской дороги, пансион Кевич. Письма все распечатываются и адресованные на имя М. Ф. тоже. Пишите на «Знание», Пя‹тницком›у, К. П.

Не найдете ли вы возможным поблагодарить от моего имени итальянцев за их отношение ко мне? Нельзя ли напечатать в какой-нибудь приличной римской газете что-нибудь вроде следующего:

«Я очень тронут отношением итальянцев ко мне, это отношение дает мне возможность верить, что наступит время, когда каждый акт насилия над человеком за его мнение всюду на земле будет вызывать единодушный взрыв негодования и протеста против насильников. Пусть же растет на земле сознание духовного родства всех со всеми и уважение к человеку, к его свободе мыслить, к его праву любить истину и бороться за торжество ее!

М. Горький»[13].

Передайте мой глубокий, искренний привет Георгу Брандесу и крепко пожмите ему руку. Люблю яркий ум этого человека. Помню, я читал его книгу[14] по ночам в булочной, посадив хлеб в печь и стоя перед нею. И бывало так, что хлебы пригорали, а пекарь Коновалов[15] ругал меня за это, но я никогда не сердился на Брандеса за то, что он так увлекательно пишет, и по сей день благодарен ему за минуты забвения — минуты счастья в моей жизни того времени.

Всего доброго, А. В.!

Бодрости духа!

Датируется по п. Горького Пятницкому от 20—21 февраля 1905 г., к которому было приложено для пересылки публикуемое письмо: «Посылаю письмо для Амфитеатрова, надеясь, что оно доедет до него» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 175), и по дате возвращения Горькому Департаментом полиции рукописи пьесы «Дети солнца» — 23 февраля 1905 г. См. прим. 5.

[1] Упоминаемым письмом Амфитеатрова, как и последующими его письмами Горькому до 1908 г., за исключением п. от декабря 1905 г., *АГ* не располагает.

[2] Очевидно, речь идет о ст. Амфитеатрова, печатавшихся в газ. «Русь» в январе—феврале 1905 г. под рубрикой «Зарубежные отклики» (в это время Амфитеатров находился в Италии). В № 11 (18 янв.) была напечатана статья, разоблачавшая царскую цензуру. Автор приходит к заключению: «...здесь нет закона, ни правил, ни здравого смысла». Русская литература должна укладываться в Прокрустово ложе цензуры. «Один лежит на Прокрустовом ложе с титаническим ревом, как Максим Горький, другой — с тихим грустным стоном, как Антон Чехов, но искалечены Прокрустовым ложем все» (с. 1). В следующей статье (№ 26, 2 февр.) Амфитеатров сообщает об огромном революционном подъеме в Италии. «Сейчас римская публика,— писал он,— ходит в театр не столько ради театральных зрелищ, а для политических манифестаций в честь Максима Горького. Именем его полна Италия (...) Социалистические и республиканские круги взволнованы боязнью за судьбу Максима Горького». Революционизирующей роли Горького для русского общества и русской литературы посвящена статья в № 32 (8 февр.). «Жизнь пролетариата,— писал Амфитеатров,— открытая для русской читающей публики Максимом Горьким как некий новый мир, с тех пор победоносно владеет воображением наших молодых писателей...» В качестве примера Амфитеатров разбирает книгу «На дне Одессы», принадлежавшую перу молодого автора, выступавшего под псевдонимом Кармен.

[3] Горький был арестован по обвинению в «государственном преступлении» 11 января 1905 г. в Риге и 12 января заключен в Петропавловскую крепость, в одиночную камеру Трубецкого бастиона. 12 февраля, после медицинского освидетельствования, по состоянию здоровья переведен в С.-петербургский дом предварительного заключения. 14 февраля освобожден из тюрьмы под залог 10 тысяч рублей (внесены К. П. Пятницким из средств товарищества «Знание») и выслан из Петербурга. Вечером того же дня под конвоем доставлен на Балтийский вокзал, оттуда вместе с М. Ф. Андреевой выехал в Ригу, а затем — на Рижское взморье (*ЛЖТ*. Вып. 1. С. 506—518; *Революция 1905—1907 годов и литература*. С. 257—265).

[4] Мария Федоровна *Андреева* (1868—1953) — вторая жена Горького, актриса Московского Художественного театра, член РСДРП с 1904 г. Принимала активное участие в революции 1905 г. См. о ней в кн.: *М. Ф. Андреева*.

[5] 2 февраля Горький сообщил М. Ф. Андреевой, что собирается писать пьесу. По-видимому, к 14 февраля пьеса была закончена, так как рукопись ее была

передана комендантом крепости в Департамент полиции. 23 февраля Департамент полиции возвратил рукопись, и Пятницкий переслал ее Горькому. 27 февраля 1905 г. Горький писал ему из Майоренсгофа: «А вам за то, что вы так скоро выручили рукопись из пасти адовой,— низкий поклон и глубокая благодарность. Страшно рад и сейчас же сажусь за отделку» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 177). Пьеса «Дети солнца» впервые напечатана в VII *сб. «Знания»* за 1905 г.

[6] Георгий Аполлонович *Гапон* (1870—1906) — священник, организовавший и возглавивший шествие петербургских рабочих к царю 9 января 1905 г. Был разоблачен как провокатор, связанный с Департаментом полиции, судим группой эсеров и повешен 28 марта 1906 г. в Озерках под Петербургом. Горький познакомился с Гапоном после расстрела рабочих 9 января и содействовал его бегству за границу, откуда Гапон вернулся осенью 1905 г. В очерке «Поп Гапон», написанном в Америке, Горький рассказал о своих отношениях с Гапоном. В это время он уже не питал никаких иллюзий относительно политического лица Гапона, но поставил своей задачей рассказать о нем правду американским читателям. В Америке очерк не был опубликован. Впервые напечатан: *Арх. Г.* Т. VI.

[7] Сергей Юльевич *Витте* (1849—1915) — в 1905—1906 гг. председатель Совета министров, один из главных организаторов подавления революции 1905 г.

8 января 1905 г. Горький вместе с депутацией деятелей культуры был у товарища министра внутренних дел К. Н. Рыдзевского и С. Ю. Витте. Депутация требовала принять меры для предотвращения столкновения войск с рабочими. Горький вспоминал, что на заявление Витте — «Мнение правящих сфер непримиримо расходится с вашим, господа» — Горький ответил: «Вот мы и предлагаем вам довести до сведения сфер, что, если завтра прольется кровь,— они дорого заплатят за это» («Савва Морозов» — *16*, 518).

В. И. Ленин откликнулся на арест Горького и других членов депутации в ст. «Трепов хозяйничает», напечатанной 25 января/7 февраля 1905 г. в нелегальной большевистской газ. «Вперед» (Женева), 1905, № 5): «Свирепая расправа со всеми недовольными сделалась лозунгом правительства после 9-го января (...) Аресты посыпались как из рога изобилия (...) Арестованным членам депутации — Гессену, Арсеньеву, Карееву, Пешехонову, Мякотину, Семевскому, Кедрину, Шнитникову, Иванчину-Писареву и Горькому (взят в Риге и отвезен в Петербург) — предъявили нелепейшее обвинение в намерении сорганизовать „временное правительство России" на другой день после революции. Понятно, что это обвинение падает само собой (...) За границей началась энергичная кампания среди образованного буржуазного общества в пользу Горького, и ходатайство пред царем об его освобождении было подписано многими выдающимися германскими учеными и писателями. Теперь к ним присоединились ученые и литераторы Австрии, Франции и Италии» (*В. И. Ленин.* Т. 9. С. 238—239).

[8] Речь идет о займе, который собиралось сделать царское правительство у империалистических держав, прежде всего у Франции. В 1905 г. В. И. Ленин в ст. «Европейский капитал и самодержавие» писал: «Социал-демократическая печать указывала уже неоднократно, что европейский капитал спасает русское самодержавие. Без иностранных займов оно не могло бы держаться (...) И французские буржуа ссудили самодержавному правительству маленькую сумму *миллиардов в десять франков* (до 4000 миллионов рублей)» (*В. И. Ленин.* Т. 9. С. 372).

В 1906 г., агитируя против предоставления займа царскому правительству (воззвание «Не давайте денег русскому правительству!»), Горький основывался на большевистской оценке политической роли внешних займов царского правительства.

[9] Дмитрий Федорович *Трепов* (1855—1906) 22 января 1905 г. был назначен петербургским генерал-губернатором, а затем получил дополнительно должность товарища министра внутренних дел, с расширенными полномочиями диктатора; руководил подавлением революции 1905 г., издал известный приказ от 14 октября 1905 г.: «Холостых выстрелов не давать, патронов не жалеть» (*Революция 1905—1907 годов и литература.* С. 242).

[10] Суд над Горьким по делу 9 января был назначен на 3 мая 1905 г., но под давлением русской общественности и международных протестов отложен на несколько месяцев и не состоялся. См. Г—Гр, п. 1, прим. 1.

В п. к Пятницкому от 10/23 апреля 1905 г. Амфитеатров рассказал о широкой волне протеста, захватившей Европу в связи с арестом Горького и предстоящим судом над ним. Особо он отметил роль итальянской газ. «Avanti» (центральный орган социалистической партии Италии, основан в 1896 г.): «...журнал очень много поработал для возбуждения общественного мнения в защиту Ал. М., когда он был арестован. Он главный виновник того, что итальянские демонстрации pro Gorki оказались самыми яркими в Европе. Здесь идет огромная агитация за открытие дверей в процессе Ал. М. Есть в ней капля и моего меду, и горжусь, что она была первая и с нее пошло дело. 1-го мая, по всей вероятности, будет в этом направлении рабочая демонстрация (...) Ужасно я жалею, что не было у меня личных отношений с Горьким, а всегда только хорошая переписка. Вы вообразить себе не можете, как здесь интересуются каждым его словом, каждым шагом, каждою мельчайшею о нем подробностью. Если можно, напишите мне, пожалуйста, как он

и что теперь... Откровенно говоря, я очень волнуюсь судьбами А. М. лично. Да рассчитываю, что если буду au courant* его положения в России, то это будет небесполезно для него, потому что тогда я каждою новостью буду толкать всяких Жеро Ришаров и Люсьен Эров, чтобы они орали во все глотки, и дело оставалось бы на свету все время — без всякой возможности обработать его в потемках, под шумок, когда затевается контроль европейского общественного мнения» (*АГ*).

[11] Нелегальное гектографированное издание: *Амфитеатров Ал.* Франко-русский союз и 9 января. (Письмо к Жану Жоресу). Женева, 1905.

[12] Речь идет о конторе Книгоиздательского товарищества «Знание».

Константин Петрович *Пятницкий* (1864—1938) — директор-распорядитель изд-ва «Знание». См.: *Арх. Г.* Т. IV,— где опубликованы письма Горького к Пятницкому.

[13] В газ. «Avanti» (1905, № 2996, 5 апр.) под редакционным заголовком было опубликовано «Обращение А. М. Горького к народу Италии. Пролетариям Италии». Текст этого обращения отличается по стилю от текста, публикуемого в данном письме. См.: *Арх. Г.* Т. VIII. С. 267,— где дан перевод «Обращения» из «Avanti».

[14] Георг *Брандес* (1842—1927) — датский писатель, литературовед и литературный критик, активно участвовал в кампании протеста против ареста Горького в 1905 г. Переписка Горького с Г. Брандесом опубл.: *Арх. Г.* Т. VIII. С. 216—218.

Можно предположить, что в это время Горький мог читать книгу Брандеса: *Брандес Г.* Главные течения литературы девятнадцатого столетия / Пер. с нем. М.: изд. Адольфа Шродтмана, 1881. Ч. 1—2 — *ЛБГ* (*Описание*). Кроме того, в *ЛБГ* хранятся кн.: *Брандес Г.* Литература XIX века в ее главнейших течениях: Английская литература. Натурализм в Англии. Озерная школа. Байрон и его группа / Пер. с нем. М. Иолшина. СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1898; Новые веяния: Литературные портреты и критические очерки, с прилож. автобиографии Г. Брандеса и его характеристики / Пер. Э. К. Ватсон. СПб.: изд. журн. «Пантеон литературы», 1889 (*Описание*).

[15] В 1885—1886 гг. Горький работал подручным пекаря А. В. Коновалова в крендельном заведении Семенова в Казани. См. рассказ «Коновалов».

4. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. Декабрь 1905 г.)

Многоуважаемый Алексей Максимович.

У меня к Вам большая просьба. С 1-го января начинаю в Париже издавать газету «Зарубежная Россия» [1], сперва еженедельную, потом рассчитываю перевести издание в ежедневное. Буду сражаться с монархическим конституционализмом всех красок и проповедовать идеи федеративной республики, с автономными народностями и правительствующим конгрессом; буду стоять за безсословность, переделы, женские права, суд над династией. Я был бы Вам чрезвычайно благодарен, если бы Вы нашли возможным дать мне небольшой рассказ либо стихотворение в прозе, которые Вам так блестяще удаются. И, вообще, издание — к Вашим услугам для всего, что Вам надо будет сказать на Западе: наиболее важные статьи будут выходить по-русски и по-французски. Денег у меня очень мало, и потому сейчас не осилю заплатить Вам как следует, но в течение полугода расплачусь, какие бы условия Вы ни поставили. Быть может, Вы нашли бы возможным написать несколько строк, и чем резче, тем лучше, по поводу тех ловких подтасовок, которыми «Eclair», «Echo de Paris», «Libre Parole» и «Liberté» [2] записали Вас в лагерь антисемитов. Я напечатал бы это с огромным и особенным удовольствием, потому что если бы Вы знали, сколько об этом разговора и как взволновалось заграничное еврейство да и вообще Ваши поклонники! [3]

К сотрудничеству я, кроме Вас, никого еще не звал в России, а хотел бы позвать Андреева [4] и Бальмонта, потому что высоко ценю таланты обоих, но не знаю, как они ко мне относятся и выйдет ли из этого предложения прок, а «нарываться» не хочется: и без того на душе царапин много. Если не пойдете Вы, то никого и не стану звать: буду, по обыкновению, один.

---

* в курсе (*фр.*).

Печатается по неоконченному черновому автографу. Датируется по фразе: «С 1-го января начинаю в Париже издавать газету».

[1] Печатный проспект еженедельной политической и литературной газ. «Зарубежная Россия» (оттиск) хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 34. Издание газеты осуществлено не было. Программа газеты совпадает с программой журнала, объявленной в № 1 «Красного знамени» (1906), в статье «От издателя». См.: Г—А, п. от мая, не ранее 19, 1906 г., прим. 6.

[2] «L'Eclair», «L'Echo de Paris», «Libre Parole», «Liberté» — буржуазные французские издания.

[3] Распространение в зарубежной печати клеветнических обвинений Горького в антисемитизме было спровоцировано газ. «Новое время», и в частности ее зарубежным корреспондентом Диллоном. В п. Е. П. Пешковой из Финляндии (6 янв. 1906 г.) Горький писал: «Черносотенная пресса травит меня вовсю. Диллон, корреспондент Дейли Телеграф, получающий от Витте 12 т‹ысяч› в год, дал телеграмму по всем агентствам Европы, что я — антисемит» (*Арх. Г.* Т. V. С. 170). Эти инсинуации были вызваны стремлением реакционных сил России дискредитировать первую легальную большевистскую газ. «Новая жизнь», выходившую в Петербурге с 27 октября по 3 декабря 1905 г. (с девятого номера ею руководил В. И. Ленин). Горький был одним из ведущих ее сотрудников. В первых номерах газеты печатались ряд статей и писем, призывающих к защите еврейского населения и интеллигенции от черносотенных банд, организуемых полицией под покровительством Витте. Так, в «Воззвании Союза союзов» (1905, № 2, 28 окт.) говорилось: «Граждане! По городу раздаются листки с приглашением избивать евреев и так называемую интеллигенцию, т. е. образованных людей. Вас приглашает к этому полиция. Граждане! Не верьте тем, кто зовет вас на разрушение и убийства. Нам всем один путь, одна дорога, пока мы не завоюем свободы...»

30 октября/12 ноября 1905 г. газ. «Новое время» (№ 10647) под рубрикой «Телеграммы наших корреспондентов» оповестила, что в заграничной прессе появились сообщения об антисемитизме Горького. Клеветнически извращая материалы «Новой жизни» в защиту еврейского населения от черносотенцев, «Новое время» «представляло эти материалы как призывы к насилиям против евреев».

Горький разоблачил эту провокацию в «Письме редактору ‹Нового времени›», напечатанному в газ. «Новая жизнь» (1905, № 7):

«В № 10647 „Нового времени“ помещена корреспонденция из Лондона. Между прочим, в корреспонденции этой есть такие слова:

„Здесь произвела большое изумление весть, что М. Горький — антисемит (?) Популярность его вдруг упала, *зато многие подумали, что у еврейского вопроса есть обратная сторона.*

Не может ли „Новое время“ спросить своего корреспондента, откуда он почерпнул эту лживую „весть“. И не объяснит ли он смысл подчеркнутой мною фразы? В ней ясно чувствуется какой-то гнусный намек — одна из бесчисленных выходок против евреев. Но честному человеку трудно понять, в чем дело?

Всегда смелый в провокации, всегда беззастенчивый в травле евреев — быть может, орган А. Суворина-отца на этот раз откровенно изложит, что именно хотел сказать его корреспондент темными словами: *„Зато многие подумали, что у еврейского вопроса есть обратная сторона“*. Какая же это „обратная сторона“?

М. Горький».

На последующие инсинуации «Нового времени» и других газет Горький не отвечал. «Особенно раздражает их то,— писал он Е. П. Пешковой,— что я не возражаю на все инсинуации, они даже письма присылают с вызовами — почему же вы не отвечаете, когда про вас говорят и пишут такие вещи? Молчу» (*Арх. Г.* Т. V. С. 170).

[4] Позже, 22 марта 1906 г., в ответ на приглашение участвовать в «Красном знамени» Л. Н. Андреев сообщал: «...Все, что я в этом году написал, уже разобрано, а писать больше не могу — устал ‹...› Это можно бы — но стоит ли, особенно после Горького? Горький сам — Красное знамя, а я — Красный смех, нечто в политическом смысле никакого значения не имеющее. Правда, по существу моей литературной деятельности — я революционер,— но это не то революционерство, которое требуется моментом ‹...› Горький вчера уехал в Америку ‹...› Нужна программа, нужна определенность, нужна наглость, а ничего этого у меня нет. Я даже ни к какой партии не принадлежу» (*ЛН.* Т. 72. С. 518).

[5] Константин Дмитриевич *Бальмонт* (1867—1942) — поэт-символист. Начиная с 1896 г. Горький пристально следил за творчеством Бальмонта, о чем свидетельствуют его письма к Е. П. Пешковой (*Арх.* Г. Т. V). В 1901 г. Горький сообщал в п. к В. А. Поссе: «Познакомился с Бальмонтом. Дьявольски интересен и талантлив этот нейрастеник! Настраиваю его на демократический лад...» (*XXVIII*, 199). Бальмонт принял активное участие в издании журн. «Красное знамя».

5. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Глион. Март, не ранее 21, 1906 г.)

См. публикацию Д. Нормана и В. Эджертона.

6. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Глион. Март, после 23, 1906 г.)

См. публикацию Д. Нормана и В. Эджертона.

7. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Париж. 3 апреля 1906 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Извиняюсь — сам явиться к Вам не могу — страшно некогда!
Очень прошу — придите!
Или к 11-ти утра — буду ждать до ½ 12-го — или к 6-ти — жду до ½ седьмого.

Отель Терминус, 115, возле вокзала Сен-Лазар.

А о том, что я здесь,— никому не говорите[1] — очень прошу!
И будет лучше, если утром придете.
Жму руку

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова А. Франсу от 3 апреля 1906 г. (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[1] Горький и М. Ф. Андреева поехали в Америку по специальному заданию большевистской фракции ЦК РСДРП. Целью поездки было ознакомление трудящихся Европы и Америки с правдой о русской революции, агитация против предоставления займов царскому правительству и сбор средств для партийной кассы большевиков. Поездка была организована Л. Б. Красиным. По первоначальному плану сопровождать Горького и Андрееву должны были В. В. Воровский или М. М. Литвинов, но на последнем этапе это было поручено Н. Е. Буренину (*Буренин Н. Е.* Поездка в Америку в 1906 году//*М. Горький в эпоху революции 1906—1907 годов*).

В Америку Горький выехал из Финляндии. Незадолго до отъезда он сообщал Е. П. Пешковой в Ялту о грозящем ему аресте: «Начальство обнаруживает явное желание изловить меня (...) а потому я отправляюсь за рубеж. Сейчас сижу в одном укромном месте, а на днях уже двинусь по морю в Швецию» (*Арх. Г.* Т. V. С. 171). Отъезд Горького совершился втайне. Сопровождаемый верными друзьями-финнами, писатель вместе со своими спутниками на санях приехал в порт Турку, где была организована охрана, которая обеспечивала безопасность посадки на корабль (*Федоров В. Г.* М. Горький и Финляндия // Скандинавский сборник. М., 1963. Т. VI). Через Швецию, Германию и Швейцарию Горький прибыл в Париж 3 апреля 1906 г., где он также мог опасаться выдачи его царскому правительству. 5 апреля 1906 г. Горький и его спутники приехали из Парижа в Шербург, откуда они отбыли в Нью-Йорк на пароходе «Фридрих Вильгельм Великий».

8. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Нью-Йорк. Май, не ранее 19, 1906 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Ряд причин побуждают меня отказаться от предложения приехать в Париж. 19-го мой митинг в Филадельфии, 21-го — Бостоне и Нью-Йорке[1] и т. д. Мои дела здесь несколько медленнее двигаются, чем я думал, что понуждает меня прожить здесь до поры, пока не выгонит полиция[2] или я не уеду, сделав свое дело в лучшем виде. Ехать же теперь во Францию — сомнительное удовольствие и едва ли большая польза. Видимо, у француза не только денежная единица, но и душа — мелка[3]. К тому же я написал некое «Интервью с Францией»[4], и у меня

нет надежды, что после того, как оно явится в печати,— мое лицо будет приятно для французов. Я теперь пишу «Книгу интервью». В ней — мои беседы с Василием Федоровичем немецким, с Францией, Николаем II, с *миллиардёром*, Прометеем, Агасфером, мертвецом, профессиональным грешником [5] и прочими любопытными субъектами.

Америка — это страна, в которой хочется иметь четыре головы и 32 руки, чтобы работать, работать, работать! Чувствуешь себя бомбой, которая постоянно разрывается, но так, что содержимое вылетает, а оболочка — цела. Ей-богу — это чудесная страна, для человека, который может и хочет работать!

Жму вашу руку. Жду вашего журнала [6], он вышел? Поклон супруге [7].

Мой адрес: N. Y. Staten Island

Mr. Джон Мартин (J. Martin)

Grumes Hill

Письмо без подписи. Датируется по упоминанию о предстоящих выступлениях Горького на митингах и сообщению о завершении работы над очерком «Прекрасная Франция».

[1] В Филадельфии Горький выступил на митинге в Большой опере 28 мая с докладом на тему «Царь, Дума и народ». В Бостоне митинг состоялся 30 мая. Горький произнес речь на ту же тему. Оба митинга прошли с огромным успехом. См.: *Бродская С. Я.* О деятельности М. Горького в Америке в 1906 году (по материалам американской печати) // *М. Горький в эпоху русской революции 1905—1907 годов*. Там же приведен сокращенный текст доклада «Царь, Дума и народ» по публикациям в американской прессе. *АГ* текстом не располагает. Предполагаемый митинг в Нью-Йорке не состоялся (*Арх. Г.* Т. VII. С. 141).

[2] По-видимому, намек на травлю Горького, которую организовали реакционные круги американской буржуазии совместно с тайной агентурой царского правительства при поддержке русского посольства и находившихся в то время в Америке представителей партии эсеров. Внешним поводом для травли послужил тот факт, что брак Горького с М. Ф. Андреевой был гражданским. Действительной причиной травли было стремление дискредитировать Горького и помешать его деятельности в США. По этому поводу Горький сообщал Пятницкому: «Расскажу, кратко, о скандале, известном вам. Подняла его газета „World", по поручению российского посольства, подхватили уличные газеты и — пошла писать Америка! Я подогрел дело, послав в Колорадо телеграмму безвинно и незаконно арестованным двум социалистам, которых правительство очень желает повесить» (телеграмма Горького Вильяму Хейвуду и Чарльзу Мойеру, возглавлявшим Западную федерацию горняков, которые были брошены в тюрьму по ложному обвинению в убийстве губернатора штата Айдахо). «Это обидело Рузвельта, который желал видеть меня в Белом доме. Обиделись и буржуа» (п. от 13/26 апр. 1906 г.— *АГ*).

Об этом же писал Горькому Н. Стоун: «Я тут условился немедленно по Вашем приезде с некоторыми американцами из высшего общества об устройстве ряда приемов в Вашу честь в американских салонах, на которых мы рассчитываем собрать немало денег на русскую революцию. Предполагалось начать с приема у президента. *Когда наш знакомый отправился к президенту переговорить об этом, это было в то самое утро, когда газеты опубликовали Вашу телеграмму Мойеру и Хэйвуду. Это разозлило Рузвельта, и он по этой причине отказался от приема*» (*АГ*).

Горького и М. Ф. Андрееву выселили из отеля «Бельклер», в котором они жили по приезде в Нью-Йорк. Временное пристанище они нашли в клубе молодых писателей на Пятой авеню. В связи с этим Горький получил много писем и телеграмм от американцев, выразивших желание принять его и М. Ф. Андрееву. Среди этих приглашений было письмо Престонии Мартин и ее мужа, которые предлагали Горькому и М. Ф. Андреевой поселиться в их доме. Приглашение было принято. С 21 апреля и до отъезда из Америки Горький и Андреева жили в доме Престонии и Джона Мартин на острове Стейтен Айленд (один из островов в заливе Нью-Йорка). Лето 1906 г. (с июня по конец августа) провели на вилле Мартинов в горах Адирондака (вилла Саммер Брук).

[3] Намек на то, что во Франции имела хождение старинная монета су, равная одной двадцатой франка (изъята из обращения в 1947 г.).

[4] Речь идет о памфлете «Прекрасная Франция», явившемся откликом на получение царским правительством французского займа. Написан в мае (до 23) 1906 г. в Нью-Йорке, вошел в цикл «Мои интервью».

26 августа 1906 г. памфлет появился в берлинской социалистической газ. «Vorwärts» (№ 198, 1-е приложение), откуда, по-видимому, был перепечатан во французских газетах. С 27 августа во французской прессе началась кампания про-

тив Горького, которого французские журналисты обвинили в клевете. Горький ответил на эти выступления статьями «Открытое письмо господину А. Олару» и «Открытое письмо господам Ж. Ришару, Жюлю Кларети, Рене Вивиани и другим журналистам Франции», напечатанными в газ. «Юманите» (1906, № 968, 11 дек.) и в журн. «Красное знамя» (1906, № 6) под общим редакционным заголовком «Моим клеветникам». Публикация сопровождалась редакционным примечанием: «Наш знаменитый товарищ Максим Горький обратился к нам с этими двумя письмами в ответ на язвительные нападки, объектом которых он стал в связи с его произведением „Прекрасная Франция",— нападки, которые ему не были ранее известны, ввиду его совсем недавнего возвращения из Америки».

[5] В окончательную редакцию цикла очерков «Мои интервью» вошли: интервью с Василием Федоровичем (Вильгельмом II) («Король, который высоко держит свое знамя»), Николаем II («Русский царь»), Францией («Прекрасная Франция»), миллиардером («Один из королей республики»), мертвецом («Хозяева жизни»), грешником («Жрец морали»). Интервью с Агасфером и Прометеем не были написаны, так же как намеченное в то же время интервью «с самим собой» (см. п. Горького Ладыжникову — *Арх. Г.* Т. VII. С. 140). Начатая в Америке работа над циклом «Мои интервью» некоторое время продолжалась и на Капри. Об этом свидетельствует упоминаемое в письмах к Амфитеатрову «Интервью с мухой».

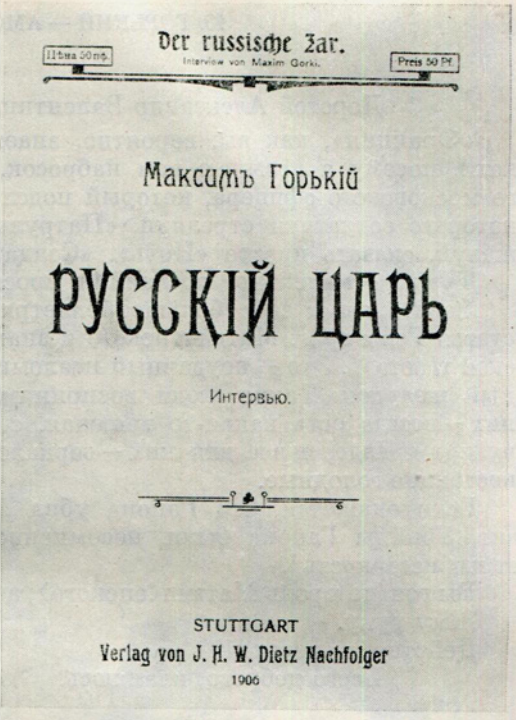
[6] Речь идет о журн. *«Красное знамя»*. Первый его номер вышел в апреле 1906 г. В течение 1906 г. (по декабрь) вышло шесть номеров. Мысль об издании бесцензурного печатного органа возникла у Амфитеатрова в 1905 г., но осуществление ее стало возможным только за границей. В ст. «От издателя» (29/16 марта 1906 г.) Амфитеатров выразил надежду, что журнал дойдет до России, а отсутствие цензуры обеспечит ему возможность «донести свой голос до слуха русской публики» (№ 1, с. 4—5). Выдвинутая Амфитеатровым политическая программа «Красного знамени» (см. п. 4) была обусловлена нечеткостью его политических позиций. Поднимая за рубежом «Красное знамя» борьбы против царизма «во всех его проявлениях», Амфитеатров называл свой журнал одновременно «социалистическим» и «внепартийным». На деле он проводил в нем народническо-эсеровскую идею «республиканского народовластия». Несомненно, что Горький понимал эклектический характер журнала, объединявшего на своих страницах эсеров народнического толка, социал-демократов, либералов и западных оппортунистов, но ему нужна была трибуна для обращения не только к европейскому, но и к русскому читателю. Сотрудничество Горького во многом повлияло на характер журнала, придало ему революционное звучание. Амфитеатров всячески подчеркивал определяющую роль Горького в журнале. Не случайно на фронтисписе первого номера была изображена скульптура С. Судьбинина «Максим Горький». В редакционном примечании Амфитеатров писал: «Это Горький — Россия, Горький в тоске, Горький в ярости... Но он решил вырваться! И он вырвется!!!» В журнале были напечатаны публицистические и художественные произведения Горького: памфлет «Русский царь», очерк «Послание в пространство», рассказ «Солдаты», воззвание «К французским рабочим», статья «Дело Николая Шмита», «Открытое письмо господину А. Олару», «Открытое письмо господам Ж. Ришару, Жюлю Кларети, Рене Вивиани и другим журналистам Франции» и др. «Красное знамя» стремилось освещать наиболее острые политические и экономические вопросы, поставленные революционными событиями 1905 г. Первый номер журнала открывался воззванием Горького «Не давайте денег русскому правительству!» Здесь же было опубликовано «Письмо Анатолю Франсу» о русских займах. Тему продолжил профессор М. А. Рейснер в статье «Абсолютизм, революция и банкротство». Журнал постоянно освещал деятельность Первой государственной думы, начиная с момента выборов и кончая разгоном ее в июле 1906 г. Материалы журнала по этому вопросу дополняли публицистические выступления Горького в Америке. Итог был подведен в статьях Амфитеатрова «Разгон Думы» и Рейснера «Дума, кадеты и царь. (Полтора месяца русского парламента)».

В связи с нарастанием в России революционного движения среди крестьянства в журнале был открыт специальный отдел «Голос крестьянского союза». В нем напечатаны статьи С. Мазуренко «Всероссийский крестьянский союз», «Кто мы?», его же письмо «Моим землякам-крестьянам», «Манифест ко всему русскому крестьянству» и др. Большое место занимал в журнале отдел «Русские дела». Материалы этого отдела свидетельствовали о том, что революционная волна захватила многие города и окраины страны: «Одесские погромы и самооборона», «Очерки современного революционного движения в России» (о событиях в Томске), «Впечатления времени» (о событиях в Белостоке) и др. Журн. «Красное знамя» публиковал сообщения, разоблачающие царских карателей и тюремщиков, в частности о насилии, совершенном тюремщиками над революционеркой М. Спиридоновой, об убитом в тюрьме Николае Шмите и др.

Литературный отдел журнала не получил достаточно полного развития. Наиболее яркие страницы представляют произведения Горького и К. Д. Бальмонта (тринадцать политических стихотворений, циклы «Песни мстителя», «Гнев славянина», его же переводы У. Уитмена). В журнале были напечатаны стихотворения

М. Волошина «Голова принцессы „Ламбаль“», «Ангел смерти», А. Федорова, А. Бака и др. Проза в основном была представлена произведениями самого Амфитеатрова, который писал во всех отделах журнала («Рассказ об одной голове и ее обладателе», «Господа Обмановы»). В № 1 был напечатан рассказ Д. Айзмана «Утро Анчла». Амфитеатров пытался привлечь к журналу русских беллетристов, но натолкнулся на почтовую цензуру, которая не пропускала рукописи из России. См.: Г—А, первое письмо от середины июня 1906 г., прим. 4.

Журнал просуществовал менее года не только потому, что у Амфитеатрова не было средств для его издания, но и потому, что он идейно исчерпал себя, а отсутствие четко выраженной программы лишало его перспектив. Это и было отмечено В. И. Лениным, который писал Горькому в 1910 г. о журнале Амфитеатрова: «...хорошо сделало его „Красное знамя“, что вовремя умерло!» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 4). Об участии Горького в журн. «Красное знамя» см.: *Смирнов С. В.* М. Горький и журналистика конца XIX—начала XX в. Л., 1959. С. 163—179.



ОБЛОЖКА КНИГИ: МАКСИМ ГОРЬКИЙ. РУССКИЙ ЦАРЬ. ИНТЕРВЬЮ.
Штутгарт, 1906
Музей Горького, Москва

В первом номере «Красного знамени», кроме упомянутых выше материалов, было напечатано «Заявление Лозаннского комитета для помощи русским безработным в России» и воззвание «К рабочим Европы», подписанное Горьким, Андреевым, Амфитеатровым и др. (текст «Воззвания» напечатан в *ЛН*. Т. 72. С. 591).

Горький принял также участие в работе изд-ва Комитета помощи безработным, предоставив для него два рассказа: «Солдаты» и «Федор Дядин». См. воспоминания К. П. Злинченко «Комитет помощи безработным» (Там же. С. 586—587).

[7] Иллария Владимировна *Амфитеатрова* (1875—?) — жена Амфитеатрова.

9. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Нью-Йорк. 31 мая 1906 г.)

Уважаемый А. А.

Сейчас приехал из Бостона, посылаю — наспех — рукопись[1], не имею времени исправить ее, как нужно бы.

Жму руку

А. Пешков

Жду 2-й №[2].

Датируется по фразе: «Сейчас приехал из Бостона». Горький возвратился в Нью-Йорк из поездки в Филадельфию и Бостон 31 мая 1906 г. (*ЛЖТ*. Вып. 1. С. 613).

[1] Можно предположить, что речь идет о памфлете «Русский царь», который был закончен Горьким 23 мая 1906 г. Впервые напечатан в журн. «Красное знамя» (1906. № 3) и тогда же выпущен отдельной брошюрой в изд. И. Дитца (Штутгарт. 1906). В России памфлет появиться не мог. В XIII *сб.* «*Знания*» (1906), где был опубликован цикл «Мои интервью», вместо интервью «Русский царь» было напечатано заглавие «Царь», текст был заменен рядом многоточий.

[2] Второй номер журн. «Красное знамя».

10. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Нью-Йорк. Середина июня 1906 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

«Франция», как вы, вероятно, знаете, уже напечатана на трех языках[1], посему я посылаю вам набросок, записанный мною со слов одного московского офицера, который подслушал эту беседу из форточки и в которого солдатики стреляли. «Патруль» это неверно названо, надо, пожалуй, сказать просто «Ночь», «Солдаты»[2] — как хотите.

Тут же — маленькое послание в пространство[3].

Зовите вы к себе больше беллетристов[4], они теперь — злы. Хороша статья Рейснера[5]. Матюшенского я знаю, работал вместе с ним в «Самарской газете»[6]. Это — неудачный псаломщик, гнилая душа, длинный и жадный желудок. Такие люди воспринимают жизнь брюхом, и в мозгу у них — всегда есть какая-то вонючая, серая слизь. Эти люди органически чужды правде, и все для них — зеркало, в котором они видят свои зубы, постоянно голодные.

Если окажется, что Гапона убил Матюшенский,— это меня не удивит. Убийцы Гапона были, несомненно, трусы — об этом свидетельствует их жестокость[7].

Вы гоните прочь Матюш⟨енского⟩, а то он напакостит вам.

Жму руку.

Действуйте веселей!

Всего доброго, кланяюсь.

А. Пешков

Вы не имеете сношения с журналом «Адская почта»[8]? Если — да, прошу вас! выпишите мне изданные ею открытые письма!

Моя корреспонденция не доходит по адресам в Россию.

Датируется по упоминанию о выходе второго номера журн. «Красное знамя» (1906, май), о котором идет речь в письме. Предположительно Горький мог получить его из Парижа около середины июня 1906 г.

[1] Посылая И. П. Ладыжникову «Мои интервью», Горький писал: «„Прекрасная Франция“ как вещь, имеющая характер злободневный, должна быть, на мой взгляд, издана отдельной брошюрой немедленно. Если Вы не найдете это возможным — продайте ее газетам теперь же. Она может иметь некоторое практическое значение» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 139—140).

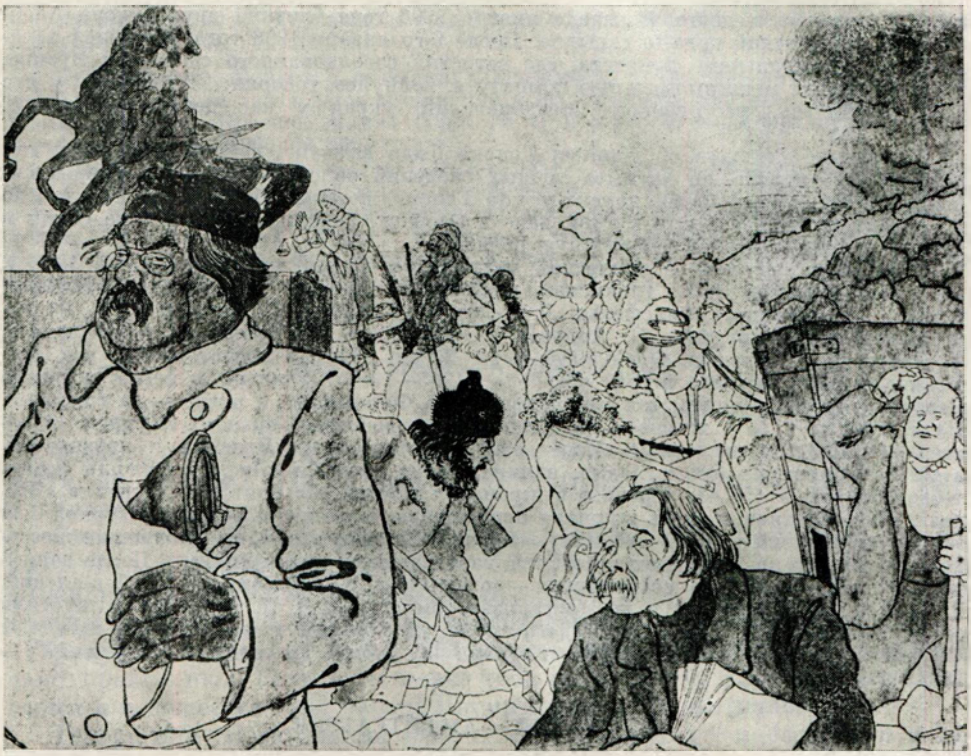
Можно предположить, что к моменту написания публикуемого письма Горький получил известия о том, что памфлет «Прекрасная Франция» был принят к печати в периодических изданиях ряда европейских стран. Публикации состоялись только в августе—сентябре 1906 г.: в Германии «Vorwärts» (1906, № 198, 26 авг., 1-е приложение), во Франции «Le Siecle» (1906, № 25832, 14 сент., с. 4, столб. 4), «La Dépêchè de Toulouse» (1906, № 13964, 23 сент.), в Болгарии: Прекрасная Франция. Интервью. Загранично издание / Превела Ст. Попова (Бакалова). София: издава Яким Якимов, «Днѐвник», 1906.

[2] Рассказ Горького впервые напечатан в журн. «Красное знамя» (1906, № 3) под заглавием «Солдаты». В дальнейшем рассказ печатался под заглавием «Патруль».

[3] Очерк «Послание в пространство» впервые напечатан в журн. «Красное знамя» (1906, № 3).

[4] Амфитеатров пытался это делать. Так, в № 2 журнала под заголовком «Лестное внимание правительства» сообщалось: «От нашего сотрудника Александра Ивановича Куприна мы получили следующую телеграмму: „Рассказ выслан месяц тому назад, повторяю. Куприн“. Где рукопись А. И. Куприна? — это тайна русской правительственной почты. Почта русская совершенствуется. До сих пор больше крали наши отправления из-за границы в Россию, теперь стали красть „туда и обратно“. Да здравствует прогресс!» (Красное знамя. 1906. № 2. С. 157). «О приглашении Андреева» см.: А—Г, п. от декабря 1905 г., прим. 4.

[5] Михаил Александрович *Рейснер* (1868—1928) —юрист и публицист, профессор, отец Л. М. Рейснер. Речь идет о ст. Рейснера «Абсолютизм, революция и банкротство» (Красное знамя. 1906. № 2), в которой раскрывались причины, побуждающие царское правительство прибегать к займам у иностранных держав. Колоссальные хищения, которые производило правительство и духовенство из государственной кассы, полное обнищание крестьянства, трата огромных сумм на по-



ШАРЖ П. Н. ТРОЯНСКОГО НА ЛИТЕРАТОРОВ: ГОРЬКОГО, АМФИТЕАТРОВА, Л. Н. АНДРЕЕВА, А. И. КУПРИНА И ДР. 1905 (?)

Фоторепродукция

Музей Горького, Москва

давление революционного движения в стране, в данный момент революции 1905 г.,— все это, по мнению автора статьи, привело русское самодержавие к полному экономическому и политическому банкротству.

[6] В 1895—1896 гг. Горький был сотрудником «Самарской газеты» и вел в ней цикл фельетонов под заглавием «Между прочим».

[7] Александр Иванович *Матюшенский* (1862—1931) — журналист, с 1890-х годов активно сотрудничал в провинциальной прессе, позже печатался в «Русском слове» и «С.-Петербургских ведомостях», один из ближайших соратников Гапона.

В публикуемом письме речь идет о напечатанной в журн. «Красное знамя» (1906, № 2) «Исповеди» Матюшенского под редакционным заглавием «За кулисами гапоновщины. Исповедь А. И. Матюшенского». Статья сопровождалась редакционным предисловием, в котором Амфитеатров писал: «Прочитав „Исповедь" г. Матюшенского, я пришел к убеждению, что единственным, сколько-нибудь полезным, хотя и жестоким для него исходом дела может быть широкое оглашение его покаянных строк, столь выразительно живописующих неблаговонные глубины того общественного обмана, который более года владел умами русских людей в миражах гапоновщины».

Пытаясь снять с себя обвинения в провокаторской деятельности и хищении денег из кассы гапоновской организации («Собрание русских фабрично-заводских рабочих в г. Петербурге»), Матюшенский раскрывал те тайные каналы, по которым шла связь Гапона с правительством Витте, субсидировавшим Гапона (деньги Матюшенский получил через министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева).

Своим грехом Матюшенский считал то, что был автором петиции рабочих на имя царя. Он написал ее по предложению Гапона, «в полной уверенности, что она объединит полусознательную массу, поведет ее к царскому дворцу и тут, под штыками и пулями, эта масса прозреет, увидит и определит цену тому символу, которому она поклоняется». «Расчет мой оправдался в точности»,— цинически признавался Матюшенский (с. 91).

В очерке «Поп Гапон» Горький привел письмо рабочего Н. П. Петрова, который писал: «Я и товарищ Черемохин стали сомневаться в честности Гапона. Сомне-

ваться пришлось недолго. В начале января 1906 года близкий друг Гапона Александр Матюшенский куда-то скрылся. После 9-го января 1906 года я пришел в помещение Центрального комитета, где встретил взволнованного секретаря Кузина, который позвал меня в отдельную комнату и, волнуясь, говорил: „Ты знаешь, у нас беда случилась, нас обокрал Матюшенский, украл у нас деньги"» (*Арх. Г.* Т. VI. С. 21).

Замечание Горького об убийцах Гапона было вызвано, по-видимому, тем, что, находясь в Америке, он не имел точных сведений об обстоятельствах смерти Гапона. Вместе с тем долгие поиски трупа Гапона, который был обнаружен только 30 апреля/13 мая 1906 г. в пустой даче в Озерках, порождали различные слухи и домыслы, проникавшие в зарубежную печать.

[8] *«Адская почта»* — сатирический журнал, выходил в Петербурге в 1906 г. (№ 1—4), редактор П. Н. Троянский, издатель Е. Лансере. В журнале принимали участие художники Б. Анисфельд, Л. Бакст, И. Билибин, Л. Пастернак, И. Репин, К. Сомов и др., писатели Л. Андреев, К. Бальмонт, И. Бунин, А. Амфитеатров, Скиталец, Д. Философов, Ф. Сологуб и др. Журн. «Адская почта» возник как продолжение сатирического журн. «Жупел» (1905—1906). Участие в новом журнале Горький не смог принять, так как находился в Финляндии, а позже — за границей. Напечатанные в № 1 журнала сатирические миниатюры Горького «Мудрец» и восемь заметок под заглавием «Изречения и правила» и «Правила и изречения». а также миниатюра без заглавия, начинавшаяся словами «Люди окружали жизнь тесной толпой...» (№ 4), перешли в журнал, очевидно, из портфеля журнала «Жупел». Иллюстративная часть журнала продолжала традиции «Жупела». Журнал был закрыт за рисунки в № 4 — «Земля», «Воля», «Интродукция», изображавшие жестокое подавление крестьянских восстаний карательными экспедициями. После закрытия журнала часть его сотрудников — художники И. Билибин, М. Добужинский, Е. Лансере, Б. Кустодиев и др. (организатором явился З. И. Гржебин) выпустили серию сатирических открыток (*Карасик З. М.* М. Горький и сатирические журналы «Жупел» и «Адская почта» // *М. Горький в эпоху русской революции 1905—1907 годов*).

11. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Нью-Йорк. Середина июня 1906 г.›

Александр Валентинович!

В «Послании» есть слова:

«Они мелькали, как огни над болотами, и — кто пошел за ними — заблудился в цепкой тине противоречий, *и уже погибли все они* в грязи жалких вожделений своих».

Будьте добры посмотреть — так ли это напечатано в присланном мною экземпляре? [1]

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с предшествующим письмом.

[1] Очерк «Послание в пространство». Приведенный текст был напечатан в журнале точно (Красное знамя. 1906. № 3. С. 86). Автографом очерка *АГ* не располагает. Сохранился список, сделанный М. Ф. Андреевой, с подписью Горького и его правкой. В журнальном тексте имеются разночтения с этим списком (*6*, 548).

12. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Адирондак. Начало августа, не позднее 10, 1906 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Не найдете ли возможным дать ход одному из прилагаемых воззваний?

Может быть, ваши знакомые французы социалисты напечатают у себя? [1]

Если — да, объявите сбор у себя, буде это не затруднит вас, или пусть редакция собирает.

Деньги, если это возможно, не давать никому без моего указания, в крайнем случае переслать их в Берлин Ивану Павловичу Ладыжникову [2], Ilandstrasse 145.

Жму руку, извиняюсь, кланяюсь. Засуетился я, как черт.

А. Пешков

Датируется по п. Горького к Ладыжникову, с пометой о получении «15 авг. 08» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 143).

[1] Очевидно, речь идет о воззваниях «Рабочим!» и «К тред-юнионам». Объединенные под общим заголовком «Воззвание к французским рабочим», впервые напечатаны в журн. «Красное знамя» (1906, № 4) и в переводе на французский язык в газ. «Юманите» (1906, № 869, 21 авг.).

[2] Иван Павлович *Ладыжников* (1874—1945) — участник революционного движения с 1890-х годов, друг Горького. По поручению ЦК РСДРП в 1905 г. организовал русское издательство в Берлине, выпускавшее марксистскую литературу и произведения прогрессивных русских писателей, группировавшихся вокруг Горького. Часть издательских доходов поступала в партийную кассу большевиков. Письма Горького Ладыжникову опубликованы (*Арх. Г.* Т. VII).

13. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Адирондак. Конец июля — август 1906 г.)

Здоровьишко — поскрыпывает, но это мне привычно и не мешает ни жить, ни работать. Пишу повесть[1] и устраиваю «решеншпены»[2] с американцами.

Они восхищаются поведением Думы. Их, людей, привыкших считать крупными суммами, удивляет, что из 450 человек нашлось только три изменника[3]. Сведущие в делах и солидные люди говорят, что, если в России сшибут царя — какое бы правительство ни встало на его место,— американцы дадут ему денег. Им ясно теперь, что русские способны к самоуправлению... Если б вы могли себе представить, какой это скучный, серый и невежественный народ! Изумительно и анекдотично.

Теперь они снова начали ругать меня в газетах — я напечатал в одном здешнем журнале статью о Нью-Йорке, озаглавив ее «Город Желтого Дьявола»[4]. Не понравилось. Сенаторы пишут возражения, рабочие хохочут. Некто публично выразил свое недоумение: раньше американцев всегда ругали, уже уехав из Америки, а теперь, даже оставаясь в ней, не хвалят — как это понять? Вероятно, меня выгонят отсюда, наконец. Но — денег все-таки дадут. Я — внук очень упрямой бабушки[5]. Если бы вы, А. А., снабжали меня наиболее интересной литературой, хотя бы вырезками из газет российских! Я думаю, у вас их много? А мы здесь сильно голодаем о новостях из России. Газеты я имею, но они где-то подолгу залеживаются.

С А. Франсом я ничего не затеваю — вы напрасно стихами меня ошарашили[6]. Я, знаете, почему-то в Европейца не верю, а есть ли Европеец более законченный, чем А. Франс?[7] Его скептицизм напоминает мне скрип новых сапог у деревенского щеголя — да простит меня Франс! Ум у него все-таки дьявольски острый, и перо изумительно тонкое. Но вот скептицизм этот! И не нужно его совсем в таком элегантном виде.

Через Океан я поеду осенью[8], вероятно в октябре, а куда — не знаю. Если же дела пойдут хорошо — я и раньше приеду. С вами, конечно, увижусь. Супруге — кланяюсь — товарищей, русских и галлов,— приветствую. Постараюсь прислать и для 5-й книжки что-нибудь[9].

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по времени публикации памфлета Горького «Город Желтого Дьявола» и фразе «Они восхищаются поведением Думы».

[1] Речь идет о работе над повестью «Мать». Первая часть повести в первоначальной редакции была закончена Горьким в Америке к началу сентября 1906 г. (см. следующее письмо) и опубликована в американском журн. «Appleton's Magazine» (1906, дек.). Рукопись не сохранилась, и о ее содержании можно судить лишь по английскому переводу. О творческой истории произведения см. *8*, 426—487.

[2] Шутливая транскрипция английского слова reception в смысле «встреча», «прием гостей, посетителей».

[3] Речь идет о роспуске Первой государственной думы указом от 8/21 июля 1906 г. (Дума собралась 27 апр./10 мая 1906 г., в нее было избрано 524 депутата, самую большую фракцию составляли кадеты). 9—10 июля группа депутатов, около 200 человек (кадеты, трудовики, социал-демократы), провела в Выборге совещание и приняла так называемое «Выборгское воззвание», в котором призывала к пассивному сопротивлению правительству: не платить налогов, не давать рекрутов для армии и т. д. В статье «Роспуск Думы и задачи пролетариата», написанной в середине июля 1906 г., В. И. Ленин отмечал: «Но тут-то вот и сказалась сразу та призрачность российской конституции, та фиктивность отечественного парламентаризма, на которую так упорно указывали в течение всей первой половины 1906 года с.-д. левого крыла». Далее Ленин подчеркивал, что даже кадеты должны были признать, «что дело идет *фактически* о восстановлении самодержавия» (*В. И. Ленин.* Т. 13. С. 308).

Отказались подписать «Выборгское воззвание» и обратились к правительству с покаянием «три изменника»: Г. Е. Львов (1861—1925) — князь, земский либеральный деятель, впоследствии председатель Совета министров Временного правительства, М. А. Стахович (1861—1923) — помещик, кадет, земский либеральный деятель, предводитель дворянства Орловской губернии и П. А. Гейден (1840—1907) — граф, земский деятель, октябрист, предводитель дворянства в Псковской губернии. Позднее, в сентябре 1906 г., на съезде кадетской партии кадеты отказались от «Выборгского воззвания».

Будучи в Америке, Горький стремился рассеять иллюзии американцев относительно Первой думы. В п. к Пятницкому он сообщал: «Америка верует в Думу, это сильно отражается на моих делах» (*XXVIII*, 421). 25 апреля 1906 г. в газ. «American» (Нью-Йорк) была напечатана статья Горького «Сместить и покарать Витте». Статья была посвящена характеристике классового и политического состава Думы. Горький высказывал предположение о неизбежности провала «кадетской Думы». Эти же мысли писатель развивал в докладе «Царь, Дума и народ» (Г—А, п. от мая, не ранее 19, 1906 г., прим. 1). Отношение Горького к Думе в основном совпадало с ленинской оценкой.

Горький откликнулся на разгон Думы, написав воззвание «К честным людям» (*Горьк. чт.* 1962. С. 25—27). Амфитеатров напечатал в «Красном знамени» статью «Разгон Думы».

[4] «Город Желтого Дьявола» — один из очерков цикла «В Америке», был написан в мае (до 23) 1906 г. В середине июля очерк был опубликован в американском журн. «Appleton's magazine» (1906, т. 8) под заглавием «The city of Mammon. My impressions of America» («Город Маммоны. Мои впечатления об Америке»). Можно предположить, что текст очерка, опубликованный в американском журнале, представляет собой специально подготовленную писателем для этого издания редакцию.

Вскоре после написания очерка Горький сообщал Пятницкому: «На днях Вам вышлют из Берлина „Город Желтого Дьявола“ (Нью-Йорк) (...) Печатать раньше августа — нельзя, продана здесь. За нее меня американцы будут бить» (*XXVIII*, 422).

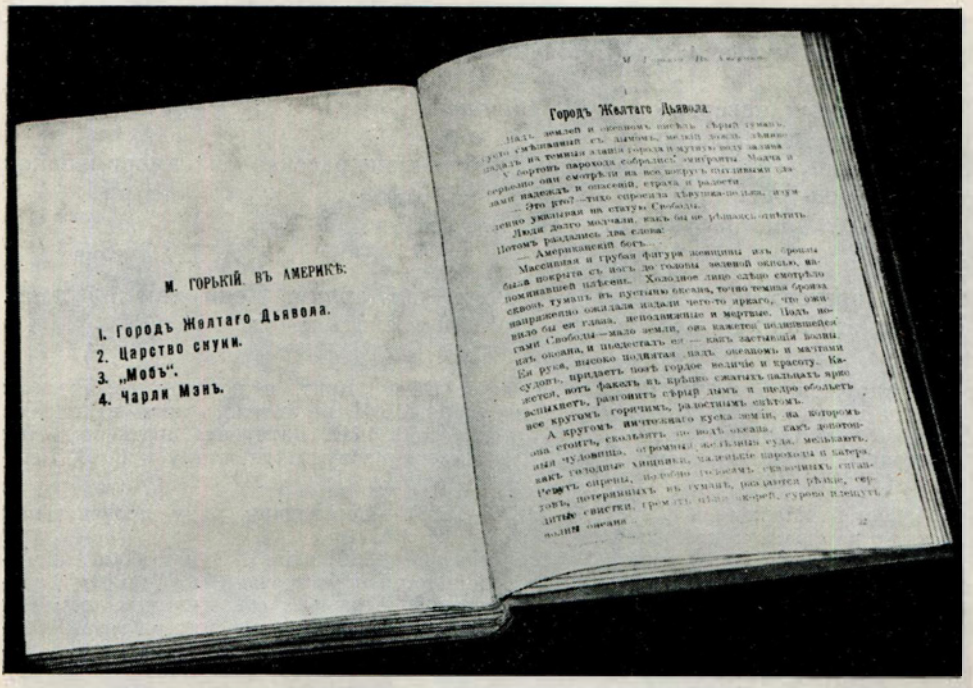
Появление «Города Желтого Дьявола» в США вызвало новую волну нападок на Горького. «На мою статью в „Апельтоне“,— писал Горький Е. П. Пешковой,— 1200 возражений с лишком! Сколько я могу рассказать об этой стране, отвратительной и интересной, нищенской и баснословно богатой!» (*Арх. Г.* Т. V. С. 181).

В защиту Горького выступила демократическая Америка. Авторы этого лагеря писали о полной достоверности горьковского материала, о справедливости критики, которой писатель подверг буржуазный строй Америки (Русская литература. 1958. № 1. С. 211).

[5] Акулина Ивановна *Каширина* (1817—1887).

[6] О чем идет речь, установить не удалось. Возможно, что далее Горький упоминает стихотворение Амфитеатрова «Стенька Разин», напечатанное в «Красном знамени» (1906, № 4) с посвящением Горькому. Текст стихотворения мог быть послан в письме до публикации его в журнале.

[7] О чем идет речь — неизвестно. Существует более позднее свидетельство Горького о том, что он был не удовлетворен ответом Франса на его письмо 1906 г. с протестом против займов русскому правительству. «А. Франс,— писал Горький Р. Роллану 16 декабря 1924 г.,— ответил на мое письмо уклончиво, не поняв рокового значения той помощи, которую банкиры и политики Франции оказали бездарному и преступному царизму» (цит. по ст.: *Перюс Ж.* М. Горький и Р. Роллан об Анатоле Франсе // Русская литература. 1958. № 3. С. 177). Между тем А. Франс — председатель Общества друзей русского народа — на конференции Общества 30 июня 1906 г. выступил с резким протестом против займа. «Не давайте больше денег для новых жестокостей и новых безумств, не давайте денег для мук целого народа. Этим отказом вы покажете, что вы друзья России, которая борется и умирает за свою свободу»,— заявил он (цит. по ст.: *Гуткина И. Г.* А. Франс и французская общественность в 1905—1906 годах // Революция 1905 г. и русская литература. Л., 1956. С. 369).


М. ГОРЬКІЙ ВЪ АМЕРИКѢ:

1. Городъ Желтаго Дьявола.
2. Царство скуки.
3. „Мобъ".
4. Чарли Мэнъ.

Городъ Желтаго Дьявола

М. ГОРЬКИЙ. В АМЕРИКЕ: ГОРОД ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА
Сб. «Знания», 1906 г., кн. XI (с. 21 и 22)
Музей Горького, Москва

Отрицательное отношение к скептицизму А. Франса Горький высказал в ст. «Разрушение личности» (и особенно в черновых вариантах статьи — см. *XXIV*, с. 549). Но в дальнейшем оценки личности и творчества французского писателя становились все более высокими. В ст. «Об Анатоле Франсе» Горький писал, что Франс «совершенно равен величайшим гениям всех стран» (*XXIV*, с. 251) и что «безразличное отношение к людям и миру было совершенно чуждо скептицизму Анатоля Франса» (Там же. С. 252).

[8] 13 октября 1906 г. Горький уехал из Америки в Европу на пароходе «Принцесса Ирен» вместе с М. Ф. Андреевой и Н. Е. Бурениным. 26 октября они приехали в Неаполь.

[9] Произведения Горького в кн. 5 «Красного знамени» не печатались.

14. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Адирондак. Начало сентября 1906 г.)

Дорогой А. В.!

Перский [1] совершенно напрасно беспокоит вас, он хорошо знает, что по вопросу о переводах моих вещей следует обращаться к Ладыжникову, Берлин. Третью книжку получил. Ее недостаток — много Горького. Пожалуйста, не печатайте этого автора в переводах с иностранных языков! «О еврейском вопросе» — нечто удивительно искаженное [2].

Написал 3-х-актную пьесу «Враги» [3] — ничего, веселая. Хотя — это все-таки не та хорошая пьеса, которую я однажды напишу. Оканчиваю повесть весом фунтов в 10 [4]. Длинно и скучно.

Работаю. Наблюдаю с жадностью дикаря американскую культуру. В общем — тошнит, но иногда — хохочу, как сумасшедший. Уже теперь чувствую себя в силах написать об Америке нечто такое, за что они меня выгонят [5].

Удивительный народ, знаете! Что бы я тут ни напечатал — они немедленно возражают, при этом наиболее грубые возражения наклеивают

на ворота фермы, где я живу. Встречая меня на дороге — скачут в стороны, точно кузнечики. Это очень забавляет. Лучше всего возражают сенаторы.

В ноябре я, наверное, буду в Париже [6].

А пока — до свидания.

Кончу повесть — пришлю вам небольшой рассказ «из американской жизни» — ей-богу!

Жму руку вам и супруге.

А. Пешков

А Перского и всех ему подобных — в Берлин. Если вам не лень. Но ведь это так же коротко и просто, как послать к черту.

А.

Датируется по п. М. Ф. Андреевой к Е. Ф. Крит, в котором сообщалось: «У наших хозяев был съезд гостей 1 сентября, А. М. не хотелось жить на народе, мы перебрались на ферму...» (*М. Ф. Андреева.* С. 141). Датировка подтверждается написанными в то же время п. Горького Ладыжникову, Пятницкому и Е. П. Пешковой (*XXVIII*, 428, 429, 431).

[1] Сергей Маркович *Перский* (1870—1938) — переводчик ряда произведений Горького на французский язык.

[2] Речь идет о № 3 журн. «Красное знамя» (1906, июнь). В нем был напечатан очерк Горького «Русский царь» с редакционным примечанием: «Максим Горький в Америке написал книгу сатирических интервью с современными героями европейской реакции. Наиболее интересное для нас, русских, интервью с Николаем II, которое наш высокоталантливый сотрудник любезно предоставил „Красному знамени"; „Послание в пространство", рассказ „Солдаты" и, как было указано в подзаголовке,— „Новейшее произведение Максима Горького" „Еврейский вопрос"».

25 апреля 1906 г. Горький выступил в Нью-Йорке, в Грэнд-Сентрал-Пэлэйс, с докладом «Еврейский вопрос». Изложение доклада было приведено в «New York American» и в «World» 26 апреля 1906 г. По-видимому, Амфитеатров напечатал в «Красном знамени» перевод газетного текста.

[3] Пьеса «Враги» была завершена Горьким во время пребывания его в Америке. Об окончании работы над ней писатель сообщил Е. П. Пешковой в середине августа 1906 г.: «Только что кончил пьесу „Враги"» (*Арх. Г.* Т. V. С. 180). Пьеса впервые была напечатана в XIV *сб. «Знания»* и одновременно отдельной книгой в изд-ве Дитца (Берлин). В 1907 г. специальной драматической цензурой пьеса была запрещена к представлению на русской сцене. О творческой истории произведения см. 7, 673—680.

[4] Горький завершил работу над первой частью повести «Мать».

[5] Пятницкому Горький сообщал в это время о своем намерении напечатать в Америке ст. «Страна подростков» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 204).

[6] Намерение это не осуществилось.

15. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 29 или 30 ноября 1906 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Будьте добры, скажите Давиду Яковлевичу, чтоб он послал рукопись свою мне — Неаполь, Капри [1],— здесь скоро будет Пятницкий [2], и я ему, немедля, передам пьесу. А тем временем и сам прочитаю, ибо интересен мне Айзман.

Вам не прислал ничего и долго еще не пришлю, потому что занят огромной повестью [3], коя меня подавляет. Скоро я ее отработаю. Тогда напечатаю у вас «Интервью с мухой» [4].

Нездоров, черт возьми! Это мешает. Не достанете ли вы мне книгу Делича «Библия и наука»? [5] Вышла у Суворина. Достаньте! Буду очень благодарен!

А пока — жму руку. Кланяюсь супруге и всем близким вашим.

А. Пешков

Датируется по п. Горького Ладыжникову (см. прим. 1).

ГОРЬКИЙ, М. Ф. АНДРЕЕВА, И. П. ЛАДЫЖНИКОВ, Г. БРУКС, Н. Е. БУРЕНИН В РЕСТОРАНЧИКЕ

Фотография Н. Е. Буренина. Капри, 1906—1907

Музей Горького, Москва

[1] Давид Яковлевич *Айзман* (1869–1922) — русский писатель, в период революции 1905—1907 гг. примыкал к «знаньевцам». Горький помогал Айзману, читал и правил рукописи его произведений, печатал их в *сб.* «*Знания*». Письма Горького Айзману впервые опубл.: *МИ*. II.

В 1906—1909 гг. Айзман жил в Кави ди Лаванья и находился в дружеских отношениях с Амфитеатровым. В письме речь идет о пьесе Айзмана «Терновый куст», о которой Горький писал Ладыжникову в конце ноября 1906 г.: «Айзман написал превосходную пьесу из быта евреев-революционеров. Работа — яркая, движения — сколько угодно, четвертый акт — вооруженное восстание (...) Характеры — чудесные, вообще, это большая вещь, с высоким подъемом» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 147). Пьеса была напечатана в изд-ве Ладыжникова (1907) с посвящением Горькому. Экземпляр книги хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

2 ноября Горький переехал из Неаполя на Капри и поселился на вилле «Сеттани» Блезуса.

[2] Пятницкий приехал на Капри 28 или 29 декабря 1906 г.

[3] Речь идет о работе над второй частью повести «Мать».

[4] Замысел не был осуществлен, так как писатель прервал работу над циклом «Мои интервью», о чем сообщил Ладыжникову в феврале 1907 г.: «Не печатайте на обложке о моих „Интервью“ и об „Америке“,— я отвлекся сильно в сторону от этих задач и — не знаю теперь, когда выполню их» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 156).

[5] Фридрих *Делич* (1850—1922) — немецкий ученый, языковед-ассириолог, автор кн. «Библия и Вавилон». Два издания этой книги 1907 (с пометами Горького) и 1912 гг. (СПб., изд. А. С. Суворина) хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

16. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 10 или 11 декабря 1906 г.)

Уважаемый Александр Валентинович!

Посылаю заметку по делу Шмита[1],— а также небольшую заметку об отношении итальянцев к русской революции[2]. Все, что касалось в телеграммах лично меня, я вычеркнул, а их салюты русской революции, по-моему, следует опубликовать, это — трогательно!

Начало ее вы можете изменить, как вам угодно, разумеется,— только Горького оставьте в стороне.

Как дела «Знамени»? Был у меня на днях А. А. Богданов[3], философ, очень хвалил вас и ваше дело. Желаю здоровья и энергии!

Кланяюсь, жму руку, жду журнала[4].

А. Пешков

Датируется по п. Горького Ладыжникову с пометой «Получ. 14 дек. 1906 г.», в котором сообщалось: «Посылаю заметку о деле Шмита, хорошо бы напечатать ее поскорее, дела уже начались» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 149, 302).

[1] Николай Павлович *Шмит* (1883—1907) — студент Московского университета, владелец мебельной фабрики на Пресне, один из активнейших участников Декабрьского восстания в Москве в 1905 г. Горький лично знал Шмита, который вооружил рабочих своей фабрики и через Горького доставлял московской большевистской организации денежные средства на вооружение рабочих. В декабре 1906 г. царской охранкой было подготовлено судебное «дело» Шмита. Статья Горького «Дело Николая Шмита» была впервые опубликована в «Красном знамени» (1906, № 6) со следующим примечанием Амфитеатрова: «P. S. Выразительнейшим комментарием к статье Максима Горького является вчерашнее газетное сообщение (17 декабря), что Николай Шмит заболел в тюрьме острым умопомешательством...» (с. 107). Суд над Шмитом не состоялся, так как 13 февраля 1907 г. Шмит был найден мертвым в камере тюремной больницы.

[2] Речь идет об обращении Горького «К итальянцам». Написано на Капри 10 декабря 1906 г. в ответ на многочисленные приветствия представителей итальянского народа в связи с приездом Горького в Италию. Напечатано в «Красном знамени» (1906, № 6) под редакционным заголовком «Максим Горький — к итальянцам». Вслед за обращением публиковались письма и телеграммы итальянцев, адресованные Горькому под заголовком: «Пребывание Горького в Италии». «М. Горький получает от разных лиц, обществ и городов Италии много приветствий русскому народу, горячих выражений сочувствия борьбе народа с правительством Романова — Столыпина — Гурко и К°. Симпатии эти ценны и как выражение демократического духа страны, и как моральная поддержка русской революции, существенная не менее материальной»,— говорилось в предисловии к публикации (Там же. С. 150).

[3] *А. Богданов* (псевдоним Александра Александровича *Малиновского*, 1873—1928) — философ, экономист, врач и писатель, в те годы видный деятель социал-демократического движения, член ЦК РСДРП в 1905—1907 гг. В 1909 г.— организатор антипартийной группы «Вперед», от которой отошел в 1911 г. В. И. Ленин подверг резкой критике философские и политические взгляды Богданова. См. также: Г—А, п. между 13 и 19 апреля 1908 г., прим. 4.

В *ЛБГ* хранятся философские работы Богданова «Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа. Жизнь. Психика. Общество» (СПб., изд-во «Издатель», 1899); «Приключения одной философской школы» (СПб., изд-во «Знание», 1908); «Эмпириомонизм. Статьи по философии» (М., изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1905—1906, кн. 1, 2, 3) и др. (*Описание*).

Богданов приехал на Капри во второй половине ноября 1906 г.

[4] Речь идет о № 6 «Красного знамени».

17. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Конец января, до 30, 1907 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Рейснера издавать не будем[1] — и места нет, и отдел новый заводить не хотим, и, наконец, несвоевременно. Книг теперь не покупают. «Знание» издало их около 5 миллионов и пока принуждено остановиться. Две книги уже конфискованы, ждем продолжения[2]. Книжные магази-

ны не платят, посылки — арестуются жандармами, и вообще — дела не веселят.

«Муха» — спит[3], ибо теперь зима. А Давид Яковлевич написал истерическую вещь, которая для меня, после «Тернового куста»[4], явилась неожиданностью горестной и тяжелой. Длинно, разбросанно, бессильно и — что-то воющее. Страшно раздражает.

Советуйте ему не печатать эту вещь, право. Если деньги нужны, я найду, но повесть пускай он отложит пока. Он способен на крупное, и ему не след разбиваться в такой интеллигентщине.

А какая манера, какой язык! Не просто, не ярко, шероховато и даже есть «недра глубины».

Жму вашу руку. Кланяюсь

А. Пешков

Датируется по п. Горького Айзману от 17/30 января 1907 г. (*XXIX*, с. 5—6).

[1] Речь идет о рукописи кн. М. А. Рейснера, которую он предлагал издать в «Знании». «Книга эта посвящена вопросу изучения государства как идеологии (...) Заглавие ее „Государство и его элементы. Опыт социально-психологического исследования“»,— писал он Горькому и просил содействовать скорейшему изданию его книги, которую рассматривал как пособие для студентов, слушающих курс лекций «Общее учение о государстве» (*АГ*).

[2] Воссоздавая историю издания марксистской литературы в «Дешевой библиотеке» «Знания», Пятницкий сообщал: «Началась реакция. На марксистские брошюры посыпались конфискации. В „Дешевой библиотеке“ было конфисковано 16 книжек. Продажа других приостановилась. Рассылались специальные циркуляры с запрещением приобретать наши издания в библиотеки (...) Общая стоимость конфискованных брошюр по номиналу составляла 43 287 р. (...) Как только судебная палата выносила приговор: „Книгу уничтожить“, в наш склад являлись два полицейских инспектора со своими рабочими. Конфискованную книгу рвали на клочки. Бумагу увозили на фабрику для переработки. „Знанию“ же предъявлялось требование оплатить рабочих, которые уничтожали наши издания. По каждой конфискации возбуждалось судебное преследование против издателя по статьям 129, 132 и др.»

Далее Пятницкий приводил список конфискованных брошюр. Среди них: К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест коммунистической партии», П. Лафарг и Ж. Гед «Программа рабочей партии», А. Бебель «Постоянная армия и народная милиция», К. Каутский «Интересы классовые, частные и общественные» и др.

Конфискация началась с 3 ноября 1906 г. Конфисковалась не только марксистская литература, но и другие книги. Были конфискованы «Стихотворения» К. Бальмонта, затем кн. С. Юшкевича «Евреи», изданная в 1904 г. В августе 1907 г. было возбуждено дело о повести Горького «Мать» (*Пятницкий К. П.* Марксистская библиотека в книгоиздательстве «Знание» — *АГ*).

[3] См.: *Г—А*, п. от 29 или 30 ноября 1906 г., прим. 4.

[4] Повесть Айзмана «Поток» («Кровавый разлив»), так же как и его пьеса «Терновый куст», посвящена революции 1905 г. Но если в «Терновом кусте» революция изображалась на подъеме, то в повести рассказывается о расправе над революционерами, подчеркивается торжество темных, животных инстинктов.

Сразу же по прочтении повести Горький уведомлял ее автора: «„Кровавый разлив“ кажется мне вещью положительно неудачной», и в следующем письме: «Не сердитесь, не огорчайтесь отзывом о „Потоке“; отзыв этот вызван моей уверенностью, что Вы можете и должны писать лучше — спокойнее, проще,— сильнее, красивее». В другом письме Горький с удовлетворением отмечал: «Знаете — право, это хорошо, что Вы согласились со мной в отношении к „Потоку“ и будете переделывать его» (*XXIX*, 5, 8, 11).

После существенной переработки повесть была напечатана в XX *сб.* «*Знания*» (1908).

18. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Февраль, не ранее 21, 1908 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Письмо Петрова «Avanti» послано[1], по поводу Давида Яковлевича Пятницкому написано[2].

ГОРЬКИЙ В КАБИНЕТЕ
Фотография Charles Abeniacar. Капри, 1910
Музей Горького, Москва

Писать мне страшно некогда, может быть, вы сообщите Д. Я., что «Знание», несмотря на четыре процесса, намерено существовать: XIX-й сборник вышел, XX-XXI-й печатаются, и в них — «Разлив»[3].

Желая вам всего доброго, крепко жму руку.

В «Речи» у вас остроумный рассказище![4] Приятного тона — бодрый, и этим сильно взял меня.

Всех благ!

А. Пешков

Датируется по упоминанию публикации рассказа Амфитеатрова в газ. «Речь» (1908, № 29, 3/16 февр.).

[1] Григорий Спиридонович *Петров* (1868—1925) — публицист, бывший священник, депутат Второй государственной думы, примыкал к кадетам. В. И. Ленин называл Петрова «христианским демократом, весьма популярным демагогом» (*В. И. Ленин*. Т. 15. С. 16).

Петров познакомился с Горьким в 1899 г. в Нижнем Новгороде и подарил ему свою кн. «Евангелие как основа жизни» (2-е изд., СПб., тип. «Артиллерийского журнала», 1898) с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову от искренне любящего его читателя и почитателя-автора, Г. Петров. Нижний Новгород, 27 апр. 99 г.» (*ЛБГ, Описание*). Общественная деятельность Петрова вызвала резкое недовольство церковных властей. Свои религиозные и политические воззрения он изложил в «Письме митрополиту Антонию», в котором обличал царское правительство и церковную власть. За это 10 января 1908 г. Петербургская духовная консистория лишила Петрова священнического сана (сообщение об этом было напечатано в газ. «Весна» (1908, № 2, 20 янв./2 февр., с. 19). Консистория нашла это письмо «преступным», содержащим «поношение православной церкви» «и надругание существующего строя в России» (Там же. С. 19—20).

Как видно из упомянутого сообщения в газ. «Весна», «Письмо» Петрова было напечатано в России в 1908 г., в Москве и Петербурге. В этом же году оно было выпущено изд. Ладыжникова, в связи с чем Горький писал Пятницкому: «Письмо Григория Петрова к Антонию читали? Недурно пущено» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 228).

Позже Петров благодарил Горького за содействие в публикации «Письма» за границей. Г. В. Плеханов также содействовал публикации письма Петрова, о чем сообщал Амфитеатрову 29 января 1908 г. из Нерви: «Письмо Петрова я получил, и хотя я терпеть не могу попов и христианского социализма, но это письмо читал

с увлечением. Поистине удалой поп! Конечно, я приму все меры для опубликования этого письма в „Avanti“» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[2] В упомянутом письме Горький сообщал Пятницкому: «Айзман очень бедствует, просит денег» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 225).

[3] См. предшествующее письмо, прим. 2. Были арестованы также XVI и XVIII *сб.* «*Знания*», в связи с публикацией в них повести «Мать» (*8*, 440). Горький принял меры для спасения XIX и XX сборников, поручив О. О. Грузенбергу сделать все возможное, чтобы избежать их ареста (*8*, 441—442 и Г—Гр, п. 8 и прим. к нему).

[4] В газ. «Речь» был напечатан рассказ Амфитеатрова «Описание видения Александрова, яко ни спяще, ни бдяще, удостоихся аз худый, в духе тонце, зрети Аввакума протопопа, в пустозерском граде от никониан сожженна суще непокорств его протопоповых ради». Стилизованный под древнерусское произведение, рассказ представляет собой беседу автора с явившимся ему протопопом Аввакумом о современной русской политической и литературной жизни. В нем даны остроумные характеристики ряда писателей, журналистов и общественных деятелей — А. С. Суворина, М. О. Меньшикова, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Н. А. Хомякова и др.

19. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.III.14

Дорогой Алексей Максимович,

просят меня навести у Вас справку. 11 февраля из Петербурга послана Вам рукопись Константина Михайловича Оберучева «Очерки русско-японской войны» [1]. В Петербурге «Знанием» она, кажется, одобрена, так что вопрос — какова будет Ваша резолюция. Не откажите, если можно, прочитать и поскорее написать мне!

Затем просит меня Бурцев поговорить с Вами о переносе за* границу «Былого» [2]. Он писал Вам сам подробно, так что материальную сторону дела излагать нечего. Думаю только, что он немножко дешево считает, надо помножить на $1^1/_2$. Так что на полугодовой подъем, с печатанием, выйдет тысяча пятнадцать рублей. Не знаю, позволили бы Ваши дела и расчеты принять участие в этом предприятии, но если да, то, с своей стороны, могу сказать, что материал у Бурцева действительно богатейший. Он немножко конспирирует и не все свои карты открывает. Но мне пишет из Парижа Гнатовский [3], что в руках Бурцева находится не только остаток редакционного материала, накопленного «Былым», но и — главный козырь — интереснейшие выемки из дел департамента государственной полиции, выкраденные какою-то выгнанною и оскорбленною особою из сего милого учреждения, алчущей мести. Об этом, действительно, были разговоры еще перед концом «Красного знамени», но я не знал, что сделка осуществилась. Я очень верю в моральный успех такого журнала, но советовал Бурцеву начинать его только в том случае, если сойдется с Вами и Ладыжниковым, т. к. у последнего — уже налаженная европейская агентура. А что такое проба новых и случайных агентов, я знаю по печальному опыту «Кр‹асного› зн‹амени›»: из 14 агентов 13 недобросовестны.

Очень бы мне хотелось поговорить с Вами о 80-летнем юбилее Льва Толстого [4]. Никак не могу понять этого удивительного празднества. Если будут чествовать Льва Т‹олстого› художника, то он — во-первых, против своего художества, а, во-вторых, это уже слишком спустя лето по малину [5]. Непротивление злу — противное учение, несомненно сыгравшее вреднейшую роль, содействуя расслаблению и эгоистическому самодовольству общества 90-х годов. Толстовская закваска украла у

* Здесь и далее разрядкой выделен текст, подчеркнутый Горьким.

революции много людей. Об опрощении — нечего и говорить: это — «ваше дело господское»! В век пролетариата носиться с такою игрушкою просто конфузно. В религиозной реформе Толстого обществу, идущему по дороге позитивизма, тоже как будто радости нет ни малейшей. Наконец, как фигура политическая Толстой в 1905—1908 гг. вел себя недоброжелательно и надменно по отношению ко всем революционным движениям. Да и вообще когда какое-либо освободительное выступление пользовалось его сочувствием? Что же остается для всенародного ликования и звона во все колокола? Старик, которому посчастливилось дожить до 80 лет. Но бывают литературные старики и еще старше. Например, Жемчужникову сейчас 87 лет[6]. Словом, с какой стороны ни поверни — недоумение... Сергеенко прислал мне приглашение в какой-то товарищеский сборник имени Толстого[7]. Я уклонился. Кажется, не один я недоумеваю. Был у меня на днях Плеханов[8] — тоже. Айзман — тоже. Кое-кто из парижан — тоже.

Видели Вы возрожденную «Искру» — «Голос социал-демократа»?[9]

Как поживаете? каково здоровье? Не мучат ли Вас каприйские ветры?

У нас сейчас очень хорошая весна.

Айзманы в апреле едут во Флоренцию, а потом думают ехать в Россию.

Посылаю Вам 3-е издание моего «Женского настроения»[10], потому что оно сильно распухло от новых статей.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Привет Марии Федоровне.

Ваш Ал. Амфитеатров

[1] Константин Михайлович *Оберучев* (1864—1929) — генерал, военный литератор, автор ряда работ по теории артиллерийского дела, участник журн. «Голос минувшего». «Очерки русско-японской войны» в сб. «*Знания*» не были напечатаны. См.: *Арх. Г.* Т. IV. С. 233.

[2] Владимир Львович *Бурцев* (1862—1942) — публицист, издатель и редактор сборников «Былое». Издание было основано в Лондоне в 1900 г., затем переведено в Женеву. В 1906—1907 гг., после октябрьской амнистии, под тем же названием в Петербурге начал выходить исторический журн. «Былое», посвященный истории освободительного движения в России, под редакцией В. Я. Яковлева-Богучарского, П. Е. Щеголева, при ближайшем участии В. Л. Бурцева. В 1907 г. журнал был запрещен царским правительством. В 1908 г. в Париже Бурцев возобновил издание сборников «Былое» и обратился за поддержкой к Горькому. В «Былом» публиковались статьи и документы, разоблачающие действия царской охранки и провокаторов. Первый номер вышел в июле 1908 г. с подзаголовком «Сборник по истории русского освободительного движения». Издание журн. «Былого» возобновилось в июле 1917 г., в Петрограде (ред. Бурцев, П. Е. Щеголев, В. В. Водовозов). После Октябрьской революции в журнале печатались материалы и исследования по истории революционного движения в России. В 1926 г. издание «Былого» прекратилось.

[3] Антон Доминикович *Гнатовский* (Преккер, 1863—1919) — народоволец. В 1888—1889 гг. жил в Швейцарии. С января 1890 г.— в Париже, где входил в группу молодых народовольцев.

[4] Речь идет о подготовке к 80-летию со дня рождения Л. Н. Толстого (28 авг./9 сент. 1908 г.). Петербургский комитет по подготовке юбилея сообщил, что во многих «пунктах Европы» образованы комитеты по чествованию великого русского писателя, в том числе в Париже — во главе с Анатолем Франсом, в Берлине — во главе с Г. Гауптманом, в Лондоне — с участием Р. Киплинга. Царское правительство опасалось, что юбилейные торжества будут использованы «неблагонадежными элементами» в целях противоправительственной агитации (*ЛЖТ Толстого*. С. 616).

[5] В 1891 г. Толстой публично отказался от авторского права на все свои сочинения, написанные после 1880 г. Амфитеатров считал, что к концу жизни Толстой исчерпал себя как художник. Это объясняется тем, что в последний период своего творчества писатель, продолжая создавать художественную прозу, почти не печатал ее. Только после его смерти были опубликованы «Живой труп», «После бала», «Хаджи Мурат», «Отец Сергий» и др. См. также ст. Б. А. Бялика.

[6] Алексей Максимович *Жемчужников* (1821—1908) — поэт. Один из создателей «Сочинений Кузьмы Пруткова».

[7] Петр Алексеевич *Сергеенко* (1854—1930) — литератор, биограф Л. Н. Толстого, автор кн. «Как живет и работает граф Л. Н. Толстой» (2-е изд., М., 1908).

Речь может идти об одном из сборников, посвященных юбилею Л. Н. Толстого: Международный толстовский альманах. (Воспоминания о Л. Н. Толстом разных лиц и письма к нему) / Сост. П. Сергеенко. М.: изд-во «Книга», 1909; Л. Н. Толстой. Жизнь, личность, творчество / Сб. статей П. И. Бирюкова, В. В. Калаша, проф. В. Ф. Лазурского, П. А. Сергеенко, Н. И. Тимковского. М.: изд-во «Образование», 1910.

[8] Позже Г. В. Плехановым для юбилейного сборника Комитета по ознаменованию 80-летия со дня рождения Толстого была написана статья «Л. Н. Толстой и природа». Однако сборник этот в свет не вышел (см.: *Плеханов Г. В.* Искусство и литература. М., 1948. С. 651—654, 877).

[9] «*Искра*» — первая общерусская политическая нелегальная газета революционных марксистов, орган РСДРП. Организатором и руководителем «Искры» был В. И. Ленин, секретарь, с весны 1901 г.,— Н. К. Крупская. Первый номер «Искры» вышел 11/24 декабря 1900 г. в Лейпциге, последующие номера — в Мюнхене, с апреля 1902 г.— в Лондоне, с весны 1903 г. газета выходила в Женеве. 19 октября/1 ноября 1903 г. В. И. Ленин вышел из редакции «Искры». Редактирование «Искры» перешло к меньшевикам. Меньшевики издавали «Искру» до октября 1905 г., но после выхода В. И. Ленина из редакции газета не пользовалась популярностью в рядах рабочего класса.

«*Голос социал-демократа*» — журнал, заграничный орган меньшевиков-ликвидаторов. Выходил в Женеве, затем в Париже с февраля 1908 по декабрь 1911 г.

[10] Сб. «Женское настроение» (3-е изд, СПб., изд-во «Общественная польза», 1908) был посвящен женскому вопросу «в его современном понимании и положении», как сообщал автор в предисловии к третьему изданию. Его основные темы: борьба с женской проституцией, женское образование, женщина в семье и общественной жизни, участие женщин в революционном движении России и т. д.

20. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья›. III.16.08

Дорогой Алексей Максимович.

Сейчас получил от Влад‹имира› Льв‹овича› Бурцева из Парижа записку, которую Вам и пересылаю [1].

Ваш Ал. Амфитеатров

[1] Вместе с публикуемым письмом Амфитеатров переслал Горькому записку Бурцева, в которой говорилось: «Сейчас узнал, что в Италии живет известный польский писатель Бржозовский. Говорят, он знаком с Горьким. Он (Брж.) *шпион* — вне сомнения. Сейчас напишите это от моего имени Горькому» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 365). Сообщения о провокаторской роли польского писателя Станислава Леопольдовича Бржозовского (1876—1911) были ложными. См.: *Арх. Г.* Т. IX. С. 305; Т. XIV. С. 38—39.

21. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Март, не ранее 16, 1908 г.›

Уважаемый Александр Валентинович!

Оберучеву — отвечено [1]. Работа его — очень интересна по фактам, но — полковник — не литератор. Сборники же «Знания» перегружены скучными вещами — вроде Дейча [2], к примеру. Я рекомендовал Оберучеву поместить его работу в «Образовании» [3], а потом издать ее отдельной брошюрой.

Бурцеву — тоже отвечено [4]. Поскольку могу быть полезен осуществлению этого дела — в той или иной форме,— буду стараться.

Чествование «Льва Великого» — мною тоже плохо понимается. Вижу в этом начало какой-то игры, но — смутно все. Кажется мне, что всероссийское мещанство хочет устроить генеральную мобилизацию своих сил и что предполагаемое торжество должно играть роль как бы самосмотра. Если это так — жалко Толстого, и делу этому следует дать настоящее освещение [5]. Каким образом? Подумаем.

Л. Н. АНДРЕЕВ В ПОМПЕЯХ
Фотография Н. Е. Буренина. Помпеи, 1906—1907
Музей Горького, Москва

Вы представьте-ка себе все это современное наше «культурное» общество: половиков, эстетов, кадетов и прочих не помнящих родства своего людей,—видите вы их серый и душный вихрь вокруг колосса? Пусть он, Толстой, чужой мне человек духовно, но он краса и гордость моя,—разве он для того, чтобы за ноги его хваталась вся эта полуумная, разбитая, искаженная масса «неустойчивой психики»?

Проект воззвания[6] — тускл и минорен. И вся эта затея — вы правы — непонятна, если это не есть желание мещан объявить Толстого — всего! — своим. Преподлая экспроприация — не правда ли?

Написал я некую повесть и буду ждать о ней вашего мнения, уверенный, что вы, по поводу этой вещи, можете сказать мне много ценного — больше, чем кто-либо другой.

Печататься она будет в «Знании»[7].

Надо мне вас видеть, очень надо! А поехать к вам — не могу, ибо — работы на десять каторжан. Не найдете ли вы время и охоты передвинуться сюда? Очень обрадуете, и думаю, что мы поговорим не без пользы друг для друга. Посему — отвечайте скорее,— можете ли?

Здесь милейший Луначарский [8], который кланяется вам. Сей талантливый и любимый мной человече, слыша имя ваше, всегда радостно улыбается. Здесь же — Фроленко. По скорости явится Гусев и жду Леонида [9]. Видите, какой цветник людей?

Так вот — приезжайте![10]

Книгу вашу еще не получил [11] — спасибо вам! А что своих не посылаю — не обращайте на это внимания: надо — пришлю, хоть сто штук. Сим — богат.

Крепко жму руку, поклон супруге вашей.

И — всего доброго!

А. Пешков

Приписка М. Ф. Андреевой:

Очень кланяюсь и очень буду рада видеть Вас, дорогой Александр Валентинович, привет супруге И⟨лларии⟩ В⟨ладимировне⟩ — всего доброго.

Мария П.

Датируется по п. Амфитеатрова от 14 марта 1908 г.

[1] В п. к Пятницкому (ок. 26 февр. 1908 г.) Горький сообщал: «Сегодня возвратил рукопись Оберучева ему — получена она мною была сегодня же. Печатать ее в сборниках не следует ⟨...⟩ но — мне кажется, можно бы издать отдельной брошюрой, она очень интересна по материалу. Об этом я написал автору» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 233). Упомянутым п. Горького к Оберучеву *АГ* не располагает.

[2] Лев Григорьевич *Дейч* (1855—1941) — народник 70-х годов, участник группы «Освобождение труда», с 1903 г.— меньшевик. Дейч — автор ряда работ из истории народнического движения, в том числе книги «Четыре побега», напечатанной в XXI *сб.* «*Знания*» за 1908 г.

[3] «*Образование*» — литературный, научно-популярный и общественно-политический журнал. Выходил в Петербурге с 1892 по 1909 г. С 1902 г. в отделе беллетристики печатались: В. Вересаев, А. Чапыгин, Е. Чириков, С. Сергеев-Ценский и др. В 1905—1907 гг. в нем выступали со статьями литераторы-большевики: В. Фриче, А. Луначарский, М. Ольминский, В. Воровский и др. В 1906 г. (№ 2) в «Образовании» были опубликованы главы из работы В. И. Ленина «Аграрный вопрос и „критики Маркса"».

[4] «Искренне уважаемый товарищ,— писал Горький Бурцеву,— предложение ваше сообщено мною Ладыжникову, ибо ему в этом деле принадлежит решающий голос. Я же — всеми зависящими от меня способами буду содействовать осуществлению затеваемого вами безусловно полезного дела. Однако мне кажется, что форма журнала не так удобна, как форма сборников. Почему? Дешевле, не обязывает вас к периодичности. Позволит собирать наиболее ценный исторический материал по мере его накопления — преподносить сюрприз нашему поганому правительству. В журнале — как это было в „Былом" — попадают порою малоценные вещи, в сборнике это легче избежать. А впрочем — это лишь мое мнение, решать же дело вам придется с Ладыжниковым...» (*АГ*).

[5] Горький писал Пятницкому около 4/17 марта 1908 г. о своем намерении составить сборник статей о Толстом в связи с юбилеем: «Сие необходимо. Видимо, мещанство хочет уцепиться за Толстого и создать вокруг его грандиозно пошлый кавардак. Я получил целый ряд приглашений написать заметки о моих впечатлениях о Л⟨ьве⟩ Н⟨иколаевиче⟩. Все приглашатели разновидные Сергеенки.

В нашем сборнике были бы статьи:

С. Попов — общая характеристика Л. Н. как художника,

Базаров — Анархизм Толстого,

Луначарский — Религиозные воззрения,

Войтоловский — Психология масс у Тол⟨стого⟩,

Я — небольшая заметка о личности.

И еще несколько статей.

Время требует, чтобы наша группа определенно и резко выступила против этого хаоса и анархизма в литературе и в жизни» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 235).

Издание сборника не было осуществлено. Свое намерение написать очерк личности Толстого Горький осуществил много лет спустя, создав литературный портрет «Лев Толстой» (1919—1923).

[6] «Проект воззвания» «От Комитета почина празднования 80-летнего юбилея Льва Толстого» был напечатан в газ. «Русь» (1908, № 50, 20 февр. / 4 марта). Отрицательная оценка Горьким «Проекта воззвания» определялась, по-видимому, тем, что «Комитет почина», сформировавшийся в газ. «Русь», был очень разнохарактерен по своему составу. Наряду с Короленко, Златовратским и Репиным в него входили Хомяков, Милюков, Струве и др. «Проект» не содержал никакой определенной точки зрения на Толстого, текст его состоял из штампованных громких фраз и не намечал конкретной программы мероприятий. Созданный в июле 1908 г. на съезде представителей русской печати, Комитет для ознаменования юбилея Толстого принял решение о кооптации в состав Комитета трех лиц: Горького, Андреева и Плеханова. Горький отказался от участия в юбилейном Комитете. Мотивы своего отказа он изложил в письме к С. А. Венгерову. Отдавая должное гению Толстого-художника («Граф Лев Толстой — гениальный художник, наш Шекспир»), Горький резко выступал против его философских и политических взглядов: «...с лишком двадцать лет с этой колокольни раздается звон, всячески враждебный моей вере (...) Нет, он мне чужой человек, несмотря на великую его красоту» (*XXIX*, 74).

[7] Речь идет о повести «Исповедь». Впервые напечатана в изд. Ладыжникова в мае 1908 г., затем в XXIII *сб. «Знания»* (1908).

[8] Об отношениях Горького и Луначарского см. *Арх. Г.*, т. XIV, где опубликована их переписка, а также ст.: *Трифонов Н. А.* А. В. Луначарский и М. Горький. (К истории литературных и личных отношений до Октября) // М. Горький и его современники. Л.: Наука, 1968.

С начала января 1908 г. по декабрь 1909 г., с некоторыми перерывами, Луначарский с семьей жил на Капри.

[9] Михаил Федорович *Фроленко* (1848—1938) — революционер-народник, один из организаторов убийства Александра II. Фроленко приехал на Капри в середине марта 1908 г.

Сергей Иванович *Гусев-Оренбургский* (1867—1963) — писатель, печатался в изд-ве «Знание»; после 1917 г.— эмигрант. Приехал на Капри в начале апреля 1908 г. Андреев в это время на Капри не приезжал.

[10] Амфитеатров приехал на Капри в конце апреля 1908 г.

[11] Сб. Амфитеатрова «Женское настроение».

22. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 12 апреля 1908 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Сегодня поехала к Вам кулебяка с рыбою и снетками. Трепещем, в каком-то виде дойдет?

Получили ли вино? Рассчитываю скоро быть у Вас на Капри. Желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне. До свидания.

Ваш Ал. Амфитеатров

23. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 13 и 19 апреля 1908 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Третьего дня начал писать вам длинное письмо о кулебяке, которая получена и съедена немедля, о вине, кое еще не получено до сего дня,— писал о сих вещах глубокомысленно и подробно[1], и вдруг посыпался на Капри русский народ.

Прекрасный русский народ — Гусев-Оренбургский, Винниченко[2], малорусс-беллетрист, Богданов, еще один хохол, еще беллетрист, и еще, и еще!

И еще приедут не сегодня-завтра несколько хороших людей[3], а посему — вам бы тоже упасть сюда яко капле росы с небес — что вы скажете? Богданов прочитал два чудесных реферата о своем «Эмпириомонизме»[4] — прочитает и третий, а это дьявольски интересно и — освежает.

Вышел сборник «Литературный распад»[5] — книжка ничего себе, прочитайте, есть веселые страницы. Так вот: ждем. К тому же — пасха, время, когда надо гулять.

ПИСЬМО АМФИТЕАТРОВА ГОРЬКОМУ НА ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ОТКРЫТКЕ
Кави, 12 апреля 1908 г.
Архив Горького, Москва

А кулебяка, действительно, вещь! Все народности, дом мой населяющие, единогласно признали ее достоинства. Кто сотворил кулебяку? Донеслось ли до существа сего единодушное наше ура в честь его талантища? Передайте наше спасибо кулебяк-мейстеру. Что же до вина касается — штилем Ф. Сологуба говоря,— то начинаю думать, что итальянские почтари, не довезя оное до Капри, сами его, дорогой, выглохтят, как, однажды, искурили папирос моих три тысячи.

Здесь — хорошая погода и прекрасное настроение. Гляжу на окружающих с восторгом и думаю с гордостью словами суздальскими:

А и крепок этот русский — не изломится!

А и жиловат, миляга,— не изорвется![6]

Очень хорошо! К тому же м. б. явится Шаляпин[7].

Вы пишете?

Кланяюсь супруге вашей, и благодарю ее — все благодарим, ибо — она до кулебяки тоже причастна и хлопотала, разумеем.

До свидания! До скорого? А — супруга — не могла бы сюда передвинуть себя? Чудесно бы!

Александр Валентинович! Представьте себе пьесу — трагедию, комедию — все равно! — Сцена. Собрались актеры. Сказаны первые реплики. И — вдруг — общее смущение всех героев. Молчание некое, и затем — косноязычная болтовня и отсебятина. В чем дело? Очень просто — суфлер сбежал! Понимаете — нету его! М. б.— пьян, м. б.— свидание любовное, но — всего вероятнее, что он раньше актеров понял, что пьеса бездарна, и — сбежал!

Сие есть картина символическая, изображает же она состояние российской литературы. Приедете — буду читать свою повесть[8]. А вы — свое. А Гусев — свое. Господи! что может быть лучше литературы честных людей, людей, которые любят жизнь, любят природу и до слез ра-

достно чувствуют этот великолепный праздник — быстрый ход земли во вселенной!

На сем месте — кончаю. Ибо могу наговорить такой лирики, что вы смеяться будете.

Очень уж я рад тому, что у нас, в нашей русской жизни, намечается, и очень уж хорош русский человек, когда он хорош.

Но уж если подл, то — презренно!

Крепко жму вашу грациозную ручку. Кланяюсь, желаю радостей, успехов, здоровья.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 12 и 20 апреля 1908 г.

[1] Упомянутое письмо Горького, по-видимому, не было закончено и отправлено, его текстом *АГ* не располагает. 12 апреля 1908 г. (дата почт. шт.) Амфитеатров послал Горькому открытку с сообщением, что к нему «поехала кулебяка».

[2] Владимир Кириллович *Винниченко* (1880—1957) — украинский писатель, один из руководителей националистической контрреволюции на Украине (1917—1920), министр Центральной Рады, эмигрант.

Горького привлекали демократические тенденции раннего творчества Винниченко, но с годами его отношение к Винниченко менялось. Уже в конце 1909 г. он подверг критике пьесу Винниченко «Базар» (Г—А, п. от середины июня 1909 г., прим. 1). Резко отрицательную оценку Горького получили романы Винниченко «Честность с собой» и «Заветы отцов».

[3] В это же время Горький сообщал Е. П. Пешковой: «...сейчас здесь — Елпатьевский, Гусев, Измайлов, Трейшер, Винниченко. А у меня живет Богданов с женой, да еще пара людей, да художница Боткина — дочь знаменитого Сергея Петровича. На днях жду Базарова и Степанова — приедут они,— явится Ленин и — недели на две затянется длинный разговорище на темы чрезвычайно сложные и «мудрые». К сему прибавь — Луначарского» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 49).

В конце января 1908 г. Горький писал Ладыжникову: «Луначарский здесь уже. Затеваем мы с ним устроить маленький литературный съезд для комбинаций действий и дележа мыслями. Завлекаем сюда Ильича, Богданова, Базарова...» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 173). См. также вступ. ст. к переписке.

[4] «Эмпириомонизм» — один из основных философских трудов Богданова (1904—1906), в котором выдвигалась идея о мире как едином организованном опыте. Эта идея живо интересовала и Горького, размышлявшего в те годы о коллективизме и коллективном опыте. К тому же он высоко ценил личность Богданова, разносторонность его интересов. Однако вскоре, столкнувшись с Богдановым по работе в каприйской школе, Горький изменил свое отношение к нему. В 1908—1909 г. В. И. Ленин в письмах Горькому резко критиковал субъективно-идеалистическую философскую концепцию Богданова. Развернутая критика эмпириомонизма содержится в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909).

[5] Литературный распад. Критический сборник. СПб.: изд-во «Звено», 1908. Кн. I. В сборнике были напечатаны ст.: Горький «О цинизме», Ю. Стеклов «Социально-политические условия литературного распада, П. Юшкевич «О современных философско-религиозных исканиях», А. Луначарский «Тьма», Л. Войтоловский «Истоки русского модернизма» и др.

[6] Измененные строки из былины об Илье Муромце и Идолище поганом:

А и крепок татарин — не изломится!
А и жиловат, собака,— не изорвется!

[7] Шаляпин приехал на Капри в конце апреля и уехал в начале мая 1908 г.

[8] Речь, по-видимому, идет о повести «Исповедь», которую в это время Горький закончил.

24. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.IV.20

Дорогой Алексей Максимович.

Спасибо за письмо. Надеюсь быть у Вас дён через десять.

Утешен фурором кулебячным и огорчен винным провалом. Сегодня же наведутся на этот счет строжайшие справки.

Могу кричать, как дикари, когда Колумб приплыл в Америку: — Увы! увы! нас открыли!.. Потому что ходят-бродят русские и снимают в окрестностях квартиры. Впрочем, покуда все ребята хорошие. Один из

Колумбов — Колосов, сотрудник «Русского богатства»[1] — очень просил меня, буде писать Вам буду, кланяться Вам весьма и напомнить имя его. Он пишет громадную работу о Михайловском[2] и, вероятно, оказывается недостаточно правоверен, так как на редакционную цензуру рычит зело, и очень экзаменовал меня, что — если мол «Знание» обзаведется литературно-критическим отделом, то нельзя ли будет туда проникнуть.

Если мой план насчет Ферреро[3] Вам продолжает улыбаться, то к осуществлению оного у меня теперь все сорганизовано. Имеются пять (три на месте — два в Сори и один в Пизе, да два приезжают) переводчиков, хорошо знающих итальянский язык и достаточно грамотных по-русски, которые таковую работу могут беспрепятственно исполнить, считая по 8 страниц в день, в течение 2 месяцев. Месяц надо положить на окончательное редактирование к печати (стилистическое). Стало быть, вопрос только в материальных условиях, чтобы публика эта была обеспечена на время перевода и не нуждалась бы в постороннем заработке стомаха * для. Всего у Ферреро вышло 2423 страницы, что для пяти работников составит по 8 страниц в день, 61 рабочий день. Я думаю, что если бы можно было авансировать им 1500 франков в один или в два приема, глядя по работе, то это совершенно бы разрешило и устроило вопрос. Я не знаю, как «Знание» платит за переводы, а потому и не намекал даже ни на какие условия. Если можно, напишите мне насчет этого поскорее. Достоинство перевода я Вам гарантирую своим редактированием, коему предаться обещаю.

Сяду писать рассказ-памфлет, один из тех, о которых мы говорили[4]. Теперь здесь дразним бедного Айзмана, который, столь неожиданно для себя, ко порнографам сопричислен[5] обретося. Человек жаждал «славы» и, можно сказать, пресыщен ею по горло. На днях порнограф и порнографиня покидают Кави и едут в Питер. Его пьеса принята на Александринку[6].

Привезу я к Вам пьесу большую[7], которую кончил-таки, дней через пяток будет она переписана, и я ее в пятый раз проредактирую и точку поставлю. Написал я капиталистическую Москву, околевающую и изъёрничавшуюся Собачью площадку, авантюристов, прихлебательскую публику из газет, театра, художества — весь бал на вулкане, под коим — террор. Писал все это — как на первый дебют, с большою любовью. Если не вышло, брошу раз навсегда всякие драматические попытки: значит, не мое это дело. Читал Айзманам, Владимирову[8], Лубковской[9] — они-то все очень хвалят. Ну а я еще весьма в сомнениях и трепетах. Конечно, буду еще много работать над нею, но в ход-то пустить придется ее в том виде как есть, ибо дорога к постановке длинная, а путь пьес из-за границы — черепаший. Императорские театры, для меня, закрыты. Следовательно, если художественники[10] пьесы не возьмут, она останется только для чтения. А это обязывает.

Вообще — страсть сколько у меня работы в голове и охоты к работе, пестрой и живой. Решительно неудобно помирать раньше, чем во сто лет.

Привет наш общий Марии Федоровне и Луначарским![11]

Ой, какая у Вас колоньища на Капри! Аж страшно. Очень мне интересно повидать Богданова. Я к нему чувствую большое уважение.

По письму видать, что Вы здоровы и в духе. Лучше чего — желать нельзя! Продолжайте совершенствоваться в этом же направлении.

Да! Я очень заинтересовал Лубковскую оперою Вашего Жана Нугэс[12]. Ей нужны новинки для великосветского сезона 1909. На днях она будет в Неаполе. Если Нугэс интересуется поставить свою «Чикиту» в Одессе, то сможет ли он побывать в Неаполе? Потому что Лубковская насчет мореплавания человек ненадежный и к слову «остров» относится с свя-

* желудок (*греч.*).

щенным трепетом. Известите меня, пожалуйста, немедленно — ежели Нугэс принципиально не прочь против одесского дебюта, то как ему телеграфировать насчет приезда в Неаполь?

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Посылаю Вам «Пять пьес»[13] — для «полного собрания сочинений», а не для чтения, ибо такового они, с полною искренностью говорю, не заслуживают.

[1] Евгений Евгеньевич *Колосов* (1879—1937) — журналист, сотрудник журн. «Русское богатство», эсер, знакомый Пешковых по Нижнему Новгороду. В п. Е. П. Пешковой Горький советовал ей с сыном Максимом поселиться в Кави ди Лаванья, сообщая, что там «хорошо, и дешево, и много интересного народа с семьями. Там Колосов, Булгаков и другие...» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 94). См. также о Колосове: *Ратнер А. В.* Он родился в Нерчинске // В мире книг. 1979. № 1. С. 71.

«*Русское богатство*» — общественно-политический, научный и литературный журнал, издававшийся в Петербурге с 1876 до середины 1918 г. С начала 90-х годов — орган либерального народничества.

[2] Николай Константинович *Михайловский* (1842—1904) — публицист и литературный критик, теоретик либерального народничества, один из основателей и редакторов журн. «Русское богатство».

Колосову принадлежат две книги о Михайловском: «Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. Опыт литературного анализа» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1912) и «Н. К. Михайловский. Социология, публицистика, литературная деятельность, отношение к революционному движению», под ред. Р. Иванова-Разумника (Пг., изд-во «Общественно-политическая библиотека», 1917).

[3] Гульемо *Ферреро* (1871—1942) — итальянский историк, психолог и публицист. Министр в кабинете Муссолини в 1922 г. С 1930 г.— эмигрант, антифашист, профессор в Женеве; автор ряда работ по истории древнего Рима. Амфитеатров предлагал издать в «Знании» главный труд Ферреро — «Величие и падение Рима» (1902—1907). «Огромное впечатление произвел на меня в свое время (1907) великолепный труд Ферреро — „Величие и упадок Рима“ ‹...› Грандиозное творение Ферреро поразило меня общностью во множестве взглядов, а главное, в самом типе публицистической обработки исторических данных, которою создался мой собственный труд и которую Момсен предрекал как характерную и необходимую для XX века». Амфитеатров сообщал далее, что отложил печатанье «Зверя из бездны», решив выпустить в свет перевод труда Ферреро. Но этот замысел не был осуществлен (*Амфитеатров*. Т. 5. С. XXVIII — XXIX).

[4] О намерении Амфитеатрова печататься в сборниках изд-ва «Знание» в качестве критика и памфлетиста Горький сообщал в п. Пятницкому от 16 марта/29 апреля 1908 г.: «Здесь Амфитеатров; предлагает нам свои услуги как литературного критика-памфлетиста. Мне его планы нравятся, посмотрим, как он их выполнит» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 239). И в другом письме тому же адресату: «Кстати: мною заказано Амфитеатрову несколько литературных памфлетов, и я уверен, что он их сделает хорошо. Темы — мои. Скоро я пришлю их вам. Если вы найдете их неудобными для сборников, оплатите работу за мой счет ‹...› Амфит‹еатров› — очень популярен, как вы знаете, главное же, он искренно любит литературу и искренно возмущен ее порчей. Я жду от него интересных вещей» (Там же. С. 243).

Как видно из публикуемых ниже писем, вопрос о памфлетах обсуждался писателями до декабря 1909 г. Особенно большое значение придавал Горький созданию памфлета, в котором должен быть выведен собирательный тип писателя-декадента. Он же дал ему имя Смертяшкин, ставшее впоследствии нарицательным. Позже Амфитеатров отказался от работы над памфлетами. В 1912 г. Горький возвратился к давно вынашиваемому образу и в цикле «Русские сказки» (сказка III) создал собирательный образ писателя-декадента Евстигнея Закивакина, избравшего себе литературный псевдоним Смертяшкин.

[5] Намек на реакцию, которую вызвали у передовых читателей повести Айзмана «Белый роман» и «Черный роман» под общим заглавием «Любовь», напечатанные в арцыбашевском альманахе «Жизнь» (1908, № 1). В том же альманахе публиковались «Миллионы» Арцыбашева, «Морская болезнь» Куприна, «Грех» Муйжеля и др. Горький воспринял новые повести Айзмана как дальнейший шаг на пути его отхода от революционно-демократических традиций «Знания» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 162).

[6] По-видимому, речь идет о пьесе Айзмана «Жены» (СПб., изд-во «Театр и искусство», 1909). Поставлена Александринским театром на сцене Михайловского театра в Петербурге в декабре 1908 г. (Русское слово. 1908. № 293. 18 дек.). В дни, свободные от спектаклей, Александринский театр использовал сцену Михайловского оперного театра.

[7] Пьеса Амфитеатрова «Княгиня Настя».

В. И. ЛЕНИН НА КАПРИ В ГОСТЯХ У ГОРЬКОГО

В. И. Ленин (сидит слева) играет в шахматы с А. А. Богдановым (сидит справа). В центре за столом — Горький. В кресле — М. Ф. Андреева. Слева: сидит — В. А. Базаров (Руднев), стоит — В. К. Таратута

Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, между 23 и 30 апреля 1908 г.

Музей Горького, Москва

[8] Возможно, Л. Владимиров — историк и журналист, специалист по балканскому вопросу, автор статей «Война и Балканы». См.: *Арх. Г.* Т. XIV. С. 140.

[9] Мария Мечиславовна *Лубковская* — оперная певица, пайщик Оперного товарищества Прянишникова (Тифлис, Киев, Москва). Лубковской Амфитеатров посвятил вторую часть романа «Сумерки божков».

[10] Имеется в виду Московский художественный театр.

[11] Луначарскому и его жене Анне Александровне Луначарской (1883—1959).

[12] Жан *Нугес* (1875—1932) — французский композитор, автор оперы «Камо грядеши» (1909) на сюжет романа Г. Сенкевича. Бывая на Капри, играл для Горького и его окружения. В России были поставлены оперы Нугеса: «Красная гостиница» (на сюжет философского этюда О. Бальзака, 1910), «Камо грядеши?» (1912), «Орел» (1912). Постановка его оперы «Чикита» не была осуществлена.

[13] Речь идет о сб. Амфитеатрова «Пять пьес» с посвящением М. Н. Ермоловой (СПб., изд-во «Общественная польза», 1908). В книгу вошли: «Полоцкое разорение», «Отравленная совесть», «Virtus antique» («Оруженосец»), «Волны» («В стране любви»), «Чёртушка».

25. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Апрель, не ранее 22, 1908 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Через десять-то дней Богд⟨анов⟩ уедет, да и все, наверное, разъедутся. О Нугесе известит М⟨ария⟩ Ф⟨едоровна⟩.

А о Ферреро — не могу сказать ни да, ни нет, ибо не ведомо мне отношение Пятницкого [1].

Сегодня ему написал, ответ же получу лет через шестнадцать, в лучшем случае.

Книгу вашу еще не получил[2], а получив — прочитаю, не внимая совету вашему.

Памфлетов ожидаю — три. С нетерпением.

Всего доброго всем!

Ускорить свое появление не можете?

А. Пешков

Датируется по предшествующему письму.

[1] П. Горького Пятницкому по поводу издания сочинений Г. Ферреро *АГ* не располагает.

[2] «Пять пьес».

26. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Май, не позднее 10, 1908 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Вы забыли привезти «Царь-Голод»[1] — авторский экземпляр, взятый вами в прошлый еще приезд. Пришлите сию книгу.

Пьеса ваша — поехала[2].

Очень прошу вас — не рассказывайте разным людям о затеваемом нами издательстве и о возможном участии в нем Федора[3]. Говорить об этом преждевременно. А лишний разговор может повредить делу, серьезность коего для меня неизмерима.

Как доехали?[4]

Поклон всем вашим.

А. Пешков

P.S. А не согласитесь ли вы убрать в корректуре имя Шаляпина?[5] Есть что-то лишнее в этом, что-то, напоминающее фельетон. Будьте добренький!

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 12 мая 1908 г.

[1] Драма Андреева «Царь-Голод» впервые напечатана изд-вом «Шиповник» (СПб., 1908, с иллюстр. Е. Лансере); для закрепления авторских прав за границей она, как и другие произведения Андреева, была выпущена изд-вом Ладыжникова. Горький дал отрицательную оценку пьесе. «...Если Леонид с этой тропы не сползет,— писал он Пятницкому,— быть ему в мракобесах!» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 237). Резкой критике подверг «Царь-Голод» Луначарский в статье «Тьма» (сб. «Литературный распад», кн. 1).

[2] «Княгиня Настя». В п. Пятницкому от 26 апреля/9 мая 1908 г. Горький сообщал: «Посылаю пьесу Амфитеатрова, просил бы поместить ее рядом с „Последними" — она сливается с ними темой. Амфитеатров все более решительно идет налево, пьеса его интересна, своевременна, обнаруживает хорошее знание быта. Он не скомпрометирует „Знание", как это могут сделать куприноообразные люди, талантливые, но — пустые внутри и в опьянении вином и славой не разбирающие дорог» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 247).

В связи с печатанием в *сб. «Знания»* пьесы «Княгиня Настя» Амфитеатров писал Пятницкому: «Соединиться со „Знанием" я тоже очень рад. Собственно говоря, давно пора бы стать — думаю и надеюсь, что к взаимной пользе. Вы знаете по печати, что я всегда относился к „Знанию" дружественно и с большою симпатией. Теперь же надеюсь и поработать для него хорошенько» (*АГ*).

Пьеса «Княгиня Настя» напечатана в XXIV *сб. «Знания»* за 1908 г. с подзаголовком «Роман для театра»; пьеса Горького «Последние» (в ранних редакциях «Отец») — в XXII *сб. «Знания»* за 1908 г.

[3] Речь идет о неосуществленном намерении Горького издавать «Энциклопедию для изучения России». Материальную поддержку в организации издания должны были оказать Шаляпин и известный русский музыкант и дирижер С. А. Кусевицкий (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 39—41). План издания «Энциклопедии для изучения России», выработанный совместно с Базаровым, Богдановым, Луначарским, был подробно изложен Горьким в п. Пятницкому от 17/30 апреля 1908 г. (*Арх. Г.* Т. IV. С. 244).

[4] Амфитеатров, Шаляпин с женой, Ладыжников и Базаров уехали с Капри около 8 мая 1908 г. (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 35).

[5] Речь идет об исключении из текста пьесы «Княгиня Настя» упоминания имени Шаляпина. Амфитеатров выполнил просьбу Горького.

АМФИТЕАТРОВ НА КАПРИ

Рисунок М. С. Боткиной (бумага, карандаш). Справа под изображением: «М. Боткина, 1908 г. Capri»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

27. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.V.12

Дорогой Алексей Максимович.

«Понту преплывше», свершили мы странствие благополучное и приятное. Федор все время спал, как сурок, Марья Валентиновна [1] немножко пострадала, а мы с Базаровым [2] созерцали прыгающих дельфинов. В Неаполе потеряли было Базарова, но он обнаружил находчивость гениальную и сам обрел нас в ресторане Giardini internazionali. Уехали в Рим ночью, предварительно найдя в Gambrinus'e Ладыжникова. Вообще день, вечер и утро прошли в сменах неожиданных встреч и неожиданных исчезновений. В Риме мы очень спокойно уселись пить кофе с Федором, тогда как Мария Валентиновна и Иван Павлович [3] отправились за какою-то покупкою, в уверенности, что наш поезд отбывает в 9 часов. Смотрю в путеводитель: в 8. Расцеловались с Федором, и спешу вскочить в первый попавшийся вагон — с Марьей Вал. и Ладыжниковым так и не простился. Был вознагражден за потерю встречею с Анатолем Франсом. Любопытный мужчина. Говорили долго и много — без знакомства, сидя за одним столом вагона-ресторана.

Дома застал дела неприятные. Новые мои сборники — «Современники» (Лев Толстой, Новый Горький, Леонид Андреев, Давид Айзман, Бальмонт) и «Красивые сказки» — конфискованы [4]. Первый — за цитаты из запрещенных стихов Бальмонта. Второй — черт их знает за что: собрание всевозможных обрывков средневекового фольклора. За фамилию, должно быть. Еще одно дело по 73! [5] Чего-чего другого, а уж этого безобразия ждать я никак не мог, и оно меня сильно сажает на мель.

Поэтому думаю просить Вас — яко возможно, поторопите «Княгиню Настю», дабы она не лежала на боку, но трудилась бы и родителя своего кормила. Едучи путем-дорогою, думал я о ней и о 20 000 экз., которые

обычно печатает Пятницкий, и пришел к тому убеждению, что раз таков обычный всероссийский тираж, то — для московского на сей раз следовало бы увеличить. Говорю сие не по литературному самомнению, а потому, что Москву знаю: шибко бросится она искать портретов, намеков и т. д.

Как только свалю черновой набросок 2-го тома «Сумерков божков» [6], сяду за памфлеты. Три хорошие темы имею. Две обработаю к июню, не знаю, справлюсь ли с третьею. Смертяшкин-то у меня выйдет [7].

Пришла новая корректура «Против течения» [8]. Прислать Вам?

Айзман совсем раскис и убит рознью с Вами. Напишите ему поскорее, ибо моим утешениям он плохо внемлет [9].

Был у меня Тарле [10]. Рассказывал нового не весьма много и не слишком любопытно. В университете сильные профессорские брожения даже на правой. Шварц [11] ухитрился бестактностью своею вывести из себя даже такого зубра, как А. И. Соболевский! [12]

Уж очень у нас тут хорошо и просторно. Однако наехали и к нам россияне.

Собираюсь шибко работать и на сем основании наложил на себя воздержание от вина на целый месяц. Три дня прошло без нарушения. К июню восстановлюсь в совершенстве.

У нас в доме повальный благоговейный восторг пред «Исповедью». Я уже в третий раз читаю, и мне все больше и больше она нравится. Вечной красоты и правды полна эта вещь удивительная. И уж до чего она — русская! Очень мне любопытно, как примут иностранцы этот славянский калейдоскоп религиозной мысли: поймут или в тупик станут и обидятся?

Кулебяки не получите до моего приезда: говорят, будто начинка не выдержит майской температуры и протухнет на почте. Суррогатом едет к Вам кулич.

Соболевского посылаю [13].

Будьте здоровы, веселы и в духе, и да очистятся внутренние склянцы Ваши при помощи боткинских капель, а еще лучше — чтобы они сделались ненужными к употреблению. Мария Федоровна! Мой Вам привет и от всего Кави нашего!

Всего Вам и всем каприйским людям самого прекрасного, и ученикам.

Ваш А. А.

[1] Шаляпин; Мария Валентиновна — его жена.

[2] Владимир Александрович *Базаров* (наст. фамилия *Руднев*, 1874—1939) — социал-демократ, экономист, философ, переводчик работ К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1905—1907 гг. участвовал в большевистских изданиях, затем отошел от большевиков, вместе с Богдановым выступал с ревизией марксизма.

[3] И. П. Ладыжников.

[4] Речь идет о втором издании сб. Амфитеатрова «Современники» и «Красивые сказки». В новом издании «Современников» Амфитеатров цитировал запрещенные стихотворения Бальмонта, печатавшиеся в 1906 г. в «Красном знамени». Сб. «Красивые сказки» (СПб., изд-во «Просвещение», 1908, посвящен Вас. И. Немировичу-Данченко) включал обработанные Амфитеатровым краткие новеллы — легенды различных народов: норвежские, итальянские, фламандские, острова Корфу, украинские, закавказские и др. Сб. «Современники» (М., тип. А. П. Поплавского, 1908) изъят из продажи. См.: Книжная летопись. 1908. Т. 1. № 16. 19 апр. С. 21.

[5] 73—74-я ст. «Уголовного уложения» (СПб., Сенат. тип., 1903), по которой привлекались лица, обвинявшиеся в «святотатстве в печати».

[6] Амфитеатров писал вторую часть романа «Сумерки божков» — «Крестьянская война».

[7] См.: А—Г, п. от 20 апреля 1908 г., прим. 4.

[8] Сб. статей Амфитеатрова «Против течения» (СПб., изд-во «Прометей», 1908) был посвящен критике декадентства в русской литературе. В нем были напечатаны статьи об Андрееве («Талант во тьме»), Арцыбашеве («Протест В. П. Санина»), фельетон «Карьера литератора Вьеннупульского» — восходящей звезды литературного декадентства и др.

[9] 21 апреля 1908 г. Горький писал Айзману: «Мое отношение к пессимизму и ко всем иным выражениям психического распада личности в русской литературе — становится все более враждебным (...) Не сердитесь на меня, но я не могу скрыть от себя, что наши дороги резко расходятся. Ваши рассказы в сборнике „Жизнь" произвели на меня тяжкое впечатление, хотя я их знал раньше. Но в этой грязной книге, где все авторы насилуют женщину, Ваши вещи еще более проиграли в моих глазах (...) Вас, конечно, не касается мое возмущение, как Ваши произведения не трогают русскую женщину, я говорю о других. Но, поскольку и Вы сливаетесь с Арцыбашевым и К°,— мне искренно грустно за Вас и жаль Вашего таланта. Он был такой задушевный, лирический, славный. Извините за правду, если она сказана грубо» (*XXIX*, 60—61).

[10] Евгений Викторович *Тарле* (1875—1955) — историк. В 1903—1917 гг. приват-доцент Петербургского университета.

[11] Александр Николаевич *Шварц* (1848—1915) — в 1908—1910 гг.— министр народного просвещения, член Государственного совета. Известен как крайний реакционер. По его указанию была отменена университетская автономия, запрещен прием женщин-вольнослушательниц в высшие учебные заведения, введена процентная норма при приеме евреев во все высшие учебные заведения.

[12] Алексей Иванович *Соболевский* — ученый-филолог (1856—1929), профессор Киевского и Петербургского университетов, академик (с 1900 г.), автор трудов по истории русского языка, этнографии, истории древнерусского искусства, археологии, фольклору.

[13] Речь идет, по-видимому, о кн.: Великорусские народные песни/Собр. А. И. Соболевским. СПб., 1895—1902. Т. 1—7.

28. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 12 мая 1908 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Только что написал Вам письмо, как получил от Вас. Я ничего и никому не могу рассказывать о том, что Вы предполагаете с новым издательством, уже по той простой причине, что сам ничего не знаю, ровно как и участие Федора [1] мне было безызвестно.

«Царь-Голод» посылаю. Относительно убрания Шаляпина [2] — конечно, возможно, но — кем его заменить? Это единственное артистическое имя, общеизвестное бесспорно, т. е. даже там, где Шаляпина никогда не слыхивали. В «Последней жертве» Островского так упоминается имя Патти и Росси [3]. Надо что-нибудь придумать. Конечно, можно выбросить и весь этот штрих, да жалко отнимать его у актера. Очень рад, что «Настя» в Питер поехала [4], а то я преглупо оскудел.

Еще раз приветы и пожелания!

Ваш А. А.

Вот — думал к письму приписку сделать, а они уж уехали. Посылаю вдогонку.

Пришлите, буде можно, литературный «Распад» [5].

Датируется по предшествующему письму, написанному в этот же день, т. е. 12 мая.

[1] Шаляпина.

[2] См.: Г—А, п. от мая, не позднее 10, 1908 г., прим. 5.

[3] В пьесе А. Н. Островского «Последняя жертва» (действие первое, явление седьмое) упоминаются имена великих итальянских артистов — певицы Аделины *Патти* (1843—1919) и трагика Эрнесто *Росси* (1827—1896). Амфитеатров был лично знаком с Росси, часто гастролировавшим в России, и написал о нем очерк (сб. «Курганы», СПб., изд-во «Общественная польза», 1903).

[4] Пьеса Амфитеатрова «Княгиня Настя».

[5] Сб. «Литературный распад».

ГОРЬКИЙ, М. Ф. АНДРЕЕВА, А. Н. ТИХОНОВ, А. А. БОГДАНОВ И Е. А. ЖЕЛЯБУЖСКАЯ НА ВЕРАНДЕ ВИЛЛЫ «СПИНОЛА»
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1908—1909
Музей Горького, Москва

29. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di L(avagna). 1908, мая 22

Дорогой Алексей Максимович.

Не знаю, как будет с «Княгиней Настей» дальше, но вчера прислал мне Владимир Немирович[1] архилюбезное письмо, из оного я заключаю, что репертуар их не весьма в авантаже обретается и пьеса им очень нужна. Отправил вчера Немировичу два экземпляра. Очень интересно, что из всего этого выйдет.

От Пятницкого, покуда, вестей не имею.

Что-то замедлились последние листы «Против течения», к большому моему неудовольствию.

У нас Горелов[2]. Совсем он, бедняга, болен. Ему бы не играть, а лежать надо было в сезоне предстоящем. Но денег нет, и долгов много. Ничего не поделаешь и противу рожна не попрешь.

Я усиленно работаю над 2-ю частью «Сумерков божков»[3], и пришлось написать предисловие и кое-какие новые вставки к новому изданию «Марьи Лусьевой»[4].

Очень я удручен трехтысячным штрафом, обрушившимся на Сытина за мои «Фантастические правды»[5]. Если бы я мог подозревать, что дикость Гершельмана[6] в состоянии дойти до такого безобразия, то продал бы книгу кому-нибудь в Москве, а не в Петербурге, где, я уверен, она прошла бы без дурных последствий и много-много, если с временным арестом. А сейчас, конечно,— ад для всей России.

Думаю поговорить с Ладыжниковым для заграницы, покуда не переиздал кто-нибудь проворный и прыткий, вроде Каспари[7]. Как Вы полагаете?

Благополучно ли добрался кулич и книги? Экземпляр последних, пожалуйста, передайте А. А. Луначарской, с поклоном и благодарностью.

До свидания. Как живете? Сердечный привет Марии Федоровне и Зиновию Алексеевичу [8]. И да здравствуют все домочадцы и люди каприйские! Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

[1] Владимир Иванович *Немирович-Данченко* (1858—1943) — режиссер, один из основателей и руководителей Московского художественного театра.

[2] Сергей Иванович *Горелов* (1877—1916) — артист.

[3] «Крестьянская война».

[4] Речь идет о третьем издании повести Амфитеатрова «Марья Лусьева» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1908; 1-е изд.— 1904). Повесть посвящена истории молодой интеллигентной девушки, которая стала жертвой темных дельцов — организаторов тайной проституции, маскируемой «домашними» условиями жизни.

[5] Иван Дмитриевич *Сытин* (1851—1934) — издатель. Основал в 1883 г. издательскую фирму «Т-во Сытина и К°», владелец газ. «Русское слово». О книгоиздательской деятельности Сытина см.: *Сытин И. Д.* Жизнь для книги. М., 1962; Здесь же опубликованы письма Горького Сытину, статья «400 лет русского книгопечатания (1564—1964)» (М., 1964, т. 2).

Возбужденное в 1908 г. судебное дело о брошюре Амфитеатрова «Фантастические правды» было закончено 17/30 ноября 1909 г., о чем было напечатано сообщение в газ. «Русское слово»: «Вчера в окружном суде при закрытых дверях слушалось дело директора-распорядителя Издательства тов-ва И. Д. Сытина, привлеченного к ответственности за издание брошюры Амфитеатрова „Фантастические правды". Брошюра посвящена изображению событий в Прибалтийском крае. Комитет усмотрел в брошюре признаки оскорбления должностных лиц. Суд оправдал Сытина» (Русское слово. 1909. № 265. 18 нояб./1 дек.).

[6] В фельетоне «Гоголевские дни» Амфитеатров упоминает о Гершельмане: «Не без страха высматривал я в толпе, вокруг меня нестревшей, генерала Гершельмана. Это чрезвычайно обидчивый человек. Он может простить все, что ни говорят о нем самом, но никак не извиняет, если это относится к чину или званию (...) Что касается его цензурного проекта, то покуда, кажется, генерал Гершельман остался с носом» (*Амфитеатров.* Заметы сердца. СПб., 1909. С. 11—12).

[7] Альвинг Андреевич *Каспари* (1836—1913) — издатель и книгопродавец. Начал самостоятельную деятельность в Петербурге в 1870 г. Большую популярность получили книжные серии Каспари «Библиотека романов» и «Дешевая библиотека русских классиков», а также научно-популярные издания, напр. «Всемирная история» в четырех томах (СПб., 1902—1904) и др.

[8] Зиновий Алексеевич *Пешков* (Зиновий Михайлович Свердлов. 1884—1966) — французский генерал и дипломат, брат Я. М. Свердлова, был связан с Горьким по Нижнему Новгороду. В 1902 г., как свидетельствовал Горький, З. М. Свердлов принял православие для поступления в Императорское училище филармонии. При крещении он принял фамилию Пешков и отчество Алексеевич. В 1904 г. эмигрировал, жил в Америке, во время пребывания Горького в Америке находился вместе с ним, затем отправился в Новую Зеландию, а оттуда приехал на Капри к Горькому. Во время первой мировой войны вступил волонтером во французскую армию, был тяжело ранен, потерял руку. Приняв французское гражданство, З. А. Пешков несколько лет находился на дипломатической работе, после чего вновь вернулся в армию, командовал Иностранным легионом в Марокко (1921—1926 и 1937—1940). В 1941 г. сражался в войсках де Голля. Награжден орденом Почетного легиона. На протяжении многих лет Пешков переписывался с Горьким.

После смерти З. А. Пешкова все письма Горького, хранившиеся у него, а также автографы первых двух страниц повести «Мать» по его завещанию поступили в *АГ*. О том, как это произошло, см. выше ст. И. С. Зильберштейна «М. Горький и литературное наследство».

О встречах с З. А. Пешковым см. интервью И. С. Зильберштейна «Три месяца поисков» (Лит. газ. 1966. № 75. 28 июня); см. также: *Зильберштейн И. С.* Культурные ценности возвращаются // Сов. культура. 1980. № 41. 20 мая.

30. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Конец мая, не ранее 24, 1908 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

До сего дня из Питера нет обратной расписки в получении «Кн(ягини) Насти». Беспокоюсь.

О Ладыжникове — ничего не могу сказать, ибо его дела, как знаю, находятся на повороте [1]. Вы предложите ему и — в такой форме: будете давать какому-либо журналу все ваши статьи прежде выхода их в России. Вероятно, это осуществится.

ШУТОЧНАЯ СЦЕНА «ЛЕСЕНКА»: И. П. ЛАДЫЖНИКОВ, ГОРЬКИЙ, М. Ф. АНДРЕЕВА, Е. Ф. КРИТ, Н. И. ДЕСНИЦКАЯ, Г. ДЖОНС, Е. А. ЖЕЛЯБУЖСКАЯ, З. А. ПЕШКОВ, Е. Г. КЯКШТ

Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1907

Музей Горького, Москва

Живем — тихо, отдыхаем. Когда нет народа, я пользуюсь этим временем и — прихварываю. Но это, конечно, не суть главное мое занятие. Читаю. А также пишу [2].

Соболев‹ского› еще не получил.

А кулич прибыл разбитый в крошки, но мы их все-таки съели. Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по предшествующему письму.

[1] Из переписки Горького с Ладыжниковым и другими корреспондентами видно, что изд-во Ладыжникова в Берлине испытывало серьезные денежные затруднения. Стоял вопрос о закрытии издательства. Горький предложил занять деньги у М. С. Боткиной. «Временно это поддержало бы предприятие, а в конце концов — будут же у нас свои деньги!»,— писал он Ладыжникову (*Арх. Г.* Т. VII. С. 182). Вскоре затруднения были преодолены.

[2] В это время Горький начал работать над повестью о деревне («История Кузнечихи»), которую предполагал дать «к осенним сборникам» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 249). Замысел не был осуществлен. Частично он воплощен в повести «Лето». Задумал написать статью «О задачах русского писателя» (позже — «Разрушение личности») (Там же. С. 253). См. ниже.

31. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Конец мая 1908 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

При сем, пользуясь любезным разрешением вашим, посылаю список книг, кои хотел бы иметь [1].

Попросите вашего комиссионера послать оные книжки скорее и не брать с меня дорого.

Стало у нас тепло и благодатно, ловим мы рыбу и ожидаем гостей.

Кланяемся.

Селедки еще не приплыли.

Привет вам!

А.П

Простите — список книг поместил на обороте сего — по рассеянности, а не по скупости на бумагу, честное слово! А переписать на иной лист — не поспею на почту. Уж будьте великодушны, попросите кого-либо из ваших на машинке изобразить список. Я за это трех виол пришлю. Хороших.

А «Семи повешенных» [2] еще не имею. Получив — пришлю.

А.

Все ниже названные сочинения изданы в разное время Академией наук и по каталогу Академии имеют такие №№-а.

№ 178. Каспий. О походах русских в Табаристан.

204. Каганкатваци. История агаван.

211. Катанов. Мусульманские легенды.

248. Куник и Розен. Известия Ал-Бекри о Руси и славянах.

331. Патканьян. История императора Ираклa.

332. — — История халифов.

333. Патканьян. Осада Испагани.

460. Туманский. Китабе Акдес — священная книга бабидов.

Засим: А. Веселовский. Боккачио. (Не знаю, чье издание, кажется тоже Академии.)

Корелин. Эпоха итальянского Возрождения, 2 тома, в продаже нет. Издание — неизвестно.

Прошу не смешивать с книгой этого же автора «Очерки Возрождения», изданной «Русской мыслью» в 1896 году.

Датируется по предшествующему письму.

[1] Горьким указаны следующие книги по «Каталогу изданий Императорской Академии наук. (Издания на русском языке, вышедшие в свет по 1-е декабря 1901)». СПб., 1902. (В тексте письма исправлены неточно проставленные Горьким номера.)

178. *Дорн Б.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря ⟨СПб., 1875⟩.

204. *Каганкатваци.* История агаван / Пер. с армян. ⟨СПб.⟩, 1861.

211. *Катанов Н. Ф.* Мусульманские легенды. Тексты и переводы. ⟨СПб.⟩, 1894.

248. *Куник ⟨А. А.⟩*, барон *Розен ⟨В. Р.⟩*. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1 // Записки имп. Акад. наук. ⟨СПб.⟩, 1903. Т. XXXII. Кн. 2.

331. *Патканьян К.* ⟨Патканов К. П.⟩ История императора Ираклa. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века / Пер. с армян. ⟨СПб.⟩, 1862.

332. *Он же.* История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII века / Пер. с армян. ⟨СПб.⟩, 1862.

333. *Он же.* Дневник осады Испагани афганами, веденный Петросом ди Саргис Гиланенц в 1722 и 1723 гг. Материалы для истории Персии. Перевод и объяснения. ⟨СПб.⟩, 1870.

460. *Туманский А. Г.* Китабе Акдес. «Священнейшая книга» ⟨современных⟩ бабидов / Текст, пер., введение и приложения А. Г. Туманского // Записки имп. Акад. наук по ист.-фил. отд. ⟨СПб.⟩, 1899. Т. III. № 62.

Далее речь идет о кн.: *Веселовский А. Н.* Боккаччо, его среда и сверстники. СПб.: тип. имп. Акад. наук. 1893—1894. Т. 1—2; *Корелин М. С.* Очерки итальянского Возрождения. М.: изд. И. Н. Кушнерева и К°, 1896.

[2] «Рассказ о семи повешенных» Л. Андреева впервые напечатан в альманахе изд-ва «Шиповник» (СПб., 1908, кн. 5). Отдельно вышел в изд-ве Ладыжникова (1908).

Горький отнесся к рассказу отрицательно, поставив его в один ряд с такими произведениями Л. Андреева, как «Тьма» и «Мои записки» (*ЛН*. Т. 72. С. 439). Однако в 1929 г. Горький отмечал, что «Красный смех» и «Рассказ о семи повешенных» относятся к тем произведениям, которые «в достаточной мере точно отражали волнения эпохи» (*XXX*, 145).

32. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

C⟨avi⟩ d⟨i⟩ L⟨avagna⟩. 1908.VI.4

Дорогой Алексей Максимович.

Список Ваш сейчас же поехал в «Прометей». Значит, книги будут недели через две. Скидку он делает 15%.

Сельди никак не могут выехать по неизобретательности отправителей насчет посудины. В жести не годится, а стекла подходящей величины никак в Кави не подберем. На днях отправим из Сестри.

Получили ли Соболевского?

Нельзя ли Вам как-нибудь подогнать в «Знании» публику тамошнюю насчет «Княгини Насти»? А то я совсем отощал в смысле сумм. В газетах-то за это время не работал — ну, и скудость. Пожалуйста, телеграфните им, буде возможно, чтобы поторопились высылкою аванса. А то вот уже две недели — «дарами провиденья, как птица божия, он жил». А на руках много хорошей и срочной работы: конец «Сумерков», Ваши памфлеты[1]. Уж очень бы не хотелось отбиваться от всего этого для газетной строчки.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Приветы М. Ф.!

Ваш А. А.

[1] См.: А—Г, п. от 20 апреля 1908 г.

33. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Первая половина июня 1908 г.⟩

Уважаемый Александр Валентинович!

Я лишен возможности исполнить Ваше желание[1],— аз есмь живу в долг. Буду иметь свободные деньги в декабре, не раньше.

Мне тяжело отказываться от услуги Вам, которая, в иное время, ничего, кроме удовольствия, не доставила бы.

Жму руку.

М. Ф. кланяется.

А. П.

Датируется по п. Амфитеатрова от 4 июня 1908 г.

[1] По-видимому, Амфитеатров обратился к Горькому с просьбой о займе денег. В его письмах того времени звучат жалобы на материальные затруднения. В связи с этим Горький просил Пятницкого: «Как только будут свободные деньги, пожалуйста, пошлите Амфитеатрову. Его книги конфискуются одна за другой, и он бедствует!» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 253).

34. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Июнь, не позднее 22, 1908 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Турецкого содержания книги получил[1] — за что горячо благодарю! В сих книгах есть множество истинно народного — а оно наиболее человечье, наиболее мудрое.

Боккаччио[2] еще не присылали.

На днях жду Пятницкого[3]. Выслал ли он вам деньги? Его — загоняли конфискациями книг, изданных давно уже, как «Евреи» Юшкевича[4], и он сердит, яко Нептун здешний, третий день неустанно буйствующий вокруг острова нашего.

Тепло!

Жму руку и ожидаю вас

А. Пешков

Датируется по следующему письму.

[1] Речь идет о книгах, которые Горький просил купить для него.

[2] *Веселовский А. Н.* Боккаччо, его среда и сверстники. СПб., 1893—1894. Т. 1—2.

[3] Приезд Пятницкого на Капри задерживался в связи с делами по изд-ву «Знание», прежде всего с судебными процессами по поводу конфискации серии книг марксистской литературы и других изданий «Знания» (Г—А, п. от января до 30, 1907 г.). В дневниках Пятницкого 1908—1909 гг. имеются многочисленные записи о конфискации книг, вызовах к судебному следователю, составлении письменных показаний и т. д. 20 июля/2 августа 1908 г. запись о том, что Пятницкому отказано в заграничном паспорте в связи с судебными преследованиями. Только 26 августа/8 сентября 1909 г. он смог выехать из Петербурга. 1/14 сентября он приехал на Капри.

[4] Семен Соломонович *Юшкевич* (1868—1927) — писатель, печатался в *сб. «Знания»*. Здесь же вышло собрание его сочинений (1903—1908, т. 1—5). В 1910 г. Юшкевич посетил Горького на Капри. После Октябрьской революции Юшкевич эмигрировал, жил в Париже.

1 июня/19 мая 1908 г. в *Дн. Пятницкого* есть запись о конфискации повести Юшкевича «Евреи» (II *сб. «Знания»*).

35. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.VI.24

Дорогой Алексей Максимович.

От Пятницкого половину, т. е. 500 р., я получил[1] с предложением прислать и другую половину, буде надо. Отвечал, что очень надо, и буду ждать. Как получу, к Вам прискачу.

Насчет памфлетов[2]. Стоит ли делать их? Порнографическая волна, кажется, уже прокатилась и находится в упадке. Поздняя — осенняя — полемика не даст ли только новый толчок сим заглохшим уже темам? Примите эти строки не как отказ, но как искание совета.

Боккаччио Вы, вероятно, уже получили. А Веселовского? То бишь! Соболевского?

Я послал Вам корректурный дубликат конца «Против течения». Сейчас книга, вероятно, уже вышла или выходит. Но «Прометей» — ужасный медлитель насчет авторских экземпляров: «Сумерки божков» я до сих пор не имею. А между тем мне прямо-таки необходимо мнение об этой вещи и некоторых близких умов — и прежде всего Ваше[3]. Потому что относительного этого повествования я сам часто путаюсь и смущаюсь и не имею в нем тех твердых дорог и намерений, что вели меня в «Восьмидесятниках» и поведут в романе, который будет их продолжением[4]. Жду не дождусь возможности за него приняться.

Очень приятно было бы повидать Пятницкого.

Погода и у нас все время стояла гнуснейшая. Даже не было тепло. Сегодня, впрочем, день великолепный.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне.

Ваш А. А.

[1] Речь идет о гонораре за пьесу «Княгиня Настя».

[2] См.: А—Г, п. от 20 апреля 1908 г.

[3] Отзыв Горького о первой части романа Амфитеатрова «Сумерки божков» (СПб., изд-во «Прометей», 1909).

[4] Роман «Восьмидесятники» (т. 1 — «Разрушенные воли», т. 2 — «Крах души»; СПб., изд-во «Общественная польза», 1907). Во втором издании роман получил подзаголовок «Хроника 1880—1908 гг.» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1908). Продолжением его является роман «Девятидесятники» (СПб., изд-во «Прометей», 1909—1911. Т. 1—2; 2-е изд., 1910—1913).

36. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Не ранее 26 июня 1908 г.)

Дорогой мой Валентинович —

я очень рад знать, что вы получили денег, получите еще и ахнете сюда — всё это весьма приятно!

Я же получил Соболевского, и Веселовского тоже.

Но! Веселовского мне прислан «Декамерон», его редакции, требуется же исследование его «Боккачио и его время».

О «Вилле Альберти» — не мечтаю, ибо, вероятно, этой книги — нет нигде.

А «Боккачио и его время» — возможно встретить [1].

Не постараетесь ли? И сколь много я вам должен?

Что же касается до памфлетов — порнография — черт с ней! — иссякает, вы правы. О, люди! Даже и в этом они бедными оказались!

Но г. Смертяшкин — благоденствует и гнусно клевещет на жизнь.

Впрочем же — не пишите того, что не нравится. И — всего доброго! И до свидания! Поклоны. Приехал Кондурушкин, человек сирийский [2] и серьезный, тороплюсь поговорить с ним.

Жду вас А.

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 24 июня 1908 г.

[1] Речь идет о кн.: *Веселовский А.* Вилла Альберти: Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV—XV столетий. М.: Синод. тип., 1870; *Он же.* Боккаччо, его среда и сверстники. СПб., 1893—1894. Т. 1—2. Веселовскому же принадлежит упоминаемый в письме классический перевод «Декамерона» на русский язык (СПб., 1891—1892. Т. 1—2). Все книги хранятся в *ЛБГ*, две первые с пометами Горького (*Описание*).

[2] С. С. Кондурушкин приехал на Капри из Сирии 25 июня 1908 г.

37. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna, 1908.VII.10

Дорогой Алексей Максимович.

От Пятницкого и вторые 500 получил. Великое спасибо. Никак не могу пристойно развязаться с обязательным томиком «Сумерков» [1]. Надеюсь, однако, быть на Капри дней через десять.

Знаю, что Вы были в Alassio [2], и, признаться, несколько огорчился, что не токмо не заехали по соседству, но и не дали знать. Ведь — выходит в буквальном смысле:

Мимо двора ехал —
Здравствуй не сказал...

Получили ли «Виллу Альберти»? О Веселовском написано.

Получил вчера письмо от Влад. Немировича насчет «Княгини Насти» [3]. Комплиментов множество, и неоднократно выраженное намерение ставить, а общее впечатление письма все-таки, что ничего из этого не будет. А впрочем, очень может быть, что это от моей мнительности, которою становлюсь одержим на старости лет. Жалуется, что для самой Насти актрисы нет и что труппа не умеет вести диалогов. Последнего совершенно не понимаю.

Айзман написал пьесу «Светлый бог» [4]. Кажется, впрочем, уже отослал ее к Вам, так что для Вас она не новость. Мне в ней многое лирическое нравится. Он много работал для нее по моей библиотеке.

Обижают головные боли. Должно быть, мало хожу.

Привет Марье Федоровне.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А.

[1] Роман «Сумерки божков».

[2] Горький выехал в Аляссио, где жила Е. П. Пешкова с сыном Максимом, 6 или 7 июня. Возвратился на Капри около середины июня 1908 г. (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 39—40).

[3] Пьеса «Княгиня Настя» к постановке на сцене МХТ'а не была принята.

[4] Отзыв Горького о пьеса Айзмана «Светлый бог» см. в следующем письме.

38. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(**Капри.** Июль, не позднее 22, 1908 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Огромная благодарность за Веселовского — это драгоценный подарок! — но — довольно! — не развращайте меня, ибо — жаден до книг, свирепо жаден!

Сообщите же, сколько должен я вам. На днях явится Пятницкий[1], привезет денег, и я бы хотел выслать вам долг, ибо вы, видимо, не оторветесь от вашей Cavi никогда более.

Ох! Прочитал я Айзманову пьесу[2], гласно читал и безгласно — не удалась ему пьеса! Тяжко огорчать его, а что сделаешь? Для таких пьес прошло время. Вот и «Саббатей Цеви» — тоже не удался Ашу[3]. Для таких сюжетов — нужно много таланта и — тонкую, яркую форму. И — знаний, знаний! Утешьте Д⟨авида⟩ Я⟨ковлевича⟩ и не советуйте ему заходить в историю, ибо эту хаотическую область нельзя посещать между прочим, по дороге, наспех.

Всего вам доброго!

Жду вашу книгу «Против течения» — читая корректуры, хохотали всей колонией. Вовремя явится эта книга! Вижу ее веселое, умное лицо за стеклами витрин — улыбается оно и говорит: здравствуйте, шарлатанщики!

И погибе память их — без шума. Недолго прожили, худосочные! 23-й сборник — видели? Эта книжка мне нравится![4] Питательно.

Поклоны

А. Пешков

Датируется по следующему письму.

[1] См. п. 34.

[2] Речь идет о пьесе Айзмана «Светлый бог» (написана в 1908, изд. в 1914 г.). В основу ее сюжета положена легенда о религиозном еврейском просветителе и реформаторе церкви XIV в., жившем в Испании. Пьеса проникнута декадентскими настроениями. В п. к Пятницкому Горький сообщал: «Отказался принять пьесу Айзмана на тему Саббатея-Цеви, но еще хуже» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 259).

Свой отказ Горький также мотивировал в п. к Айзману. См.: *МИ*. Т. II. С. 384.

[3] Шолом *Аш* (1880—1957) — еврейский писатель. В 1914 г. эмигрировал в США. В письме речь идет об исторической пьесе «Саббатей-Цеви» (1907) — о еврейском лжемессии XVII в., проникнутой религиозными настроениями. Горький писал об Аше Пятницкому: «На мой взгляд, это самый даровитый из современных писателей-евреев ⟨...⟩ В нем есть тяготение к общечеловеческому» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 253). В *ЛБГ* хранится Собрание сочинений Ш. Аша (М.; Л., изд-во ЗиФ, 1929—1930, т. 5 и 7) с пометами Горького (*Описание*).

[4] Речь идет о XXIII *сб.* «*Знания*» (СПб., 1908), в котором были напечатаны «Исповедь» Горького с посвящением Шаляпину, «Сказки земли» Гусева-Оренбургского с посвящением Е. П. Пешковой, «В старой лавре» А. Золотарева. По-видимому, Горький объединил эти произведения с «Исповедью», считая, что они близки ей по теме духовных исканий современного русского человека, а также мотивам «богостроительства». Посылая повесть в «Знание», Горький писал Пятницкому: «Дорогой друг — было бы страшно хорошо поместить рядом с „Исповедью" и Гусева, и Золотарева. Сборник будет дорог? Убавьте на треть мой гонорар. Надо ждать, что такой сборник разойдется широко» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 247).

39. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 24 июля 1908 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Был в Генуе по делам и просвистался там при сем удобном случае. Ну, право же, отберусь от берега здешнего и приеду. Вот только бы еще немножечко собраться с духом да написать последние главы «Сумерков»[1], насчет которых заколодило. А заколодило потому, что потянуло меня на некоторый замысел о расколе[2]. Запоем читаю и думаю.

Айзман разогорчен ужасно. То, что Вы мне пишите об его «Светлом боге», конечно, справедливо. Поторопился, не сообразив громадности темы, и написал нечто вне времени, пространства, быта и истории. Но я заступлюсь за красивый лиризм некоторых диалогов, за халифа, смешанного из Екклезиаста[3] пополам с Давидом Яковлевичем, и за довольно ловкий последний финал с началом легенды о воскресении пророка.

Сборник XXIII-й получил. Система стрелять всею книгою в одну точку мне нравится, но — ежели звезда от звезды разнствует, то кольми паче выстрел от выстрела? После такой вдохновенной и радостной проповеди, как «Исповедь», Гусев-Оренбургский и Золотарев[4] — не в подъем. Драма о попах[5], которую Гусев читал при мне на Капри, куда лучше «Сказок жизни» *: там был правдивый тон, интересный быт, юмор, а здесь он — будто над ухом в медный таз колотит. Кимвал и жупел, жупел и металл. И, притом, андреевщина. А я до этого кушанья, как Вы знаете, и в оригинале — не большой охотник, так уж в подражании — то оно совсем не радует. Стоит будить в бездне и писать через большие буквы Необходимость, Химеру, Природу, Разум — для того, чтобы рассказать публике, что —

Неизвестного прихода
Был такой сердитый поп...

Золотарева, каюсь, еще не дочитал. В противовес «Сказкам земли» в «Лавре» есть что-то успокоительное: со второй страницы приходит мысль о кушетке, на третьей ищешь подушку, а в конце четвертой уже сны снятся... Парень-то, должно быть, умный и со слогом, только ему бы, кажется, лучше статьи какие-нибудь писать, а не повести.

Читал сегодня в «Голосе соц〈иал〉-дем〈ократа〉» полемику Плеханова с Богдановым. Бранчливо, длинно, скучно и — никчему. О какой религиозной книге Луначарского он постоянно и с язвою упоминает? «Социализм и религия» что ли?[6]

«Против течения» вышло. Сегодня получил извещение, что транспорт его ко мне идет. По приезде пришлю Вам и Анатолию Васильевичу.

Не знаете ли Вы, что будет представлять новая редакция «Образования»? Василевский прислал мне приглашение[7] с такими любезностями и почтительностями, что надо отвечать поскорее, а — что́ отвечать, не знаю, потому что не имею понятия о редакции.

Газетную работу совсем упразднил. Не хочу. Срамное это, по нынешним временам, дело.

Счетец Ваш[8], господине, зело мал, ибо турецкие книги оказываются не драгоценными. Приеду — сосчитаемся. Не надо ли еще выписать?

Не был ли у Вас Фидлер[9] — переводчик. Пропал между Генуей и Сестри, подобно Святополку Окаянному[10], той же погибе между чехи и ляхи.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне. Будьте здоровы и веселы.

Ваш А. А.

---

* Имеются в виду «Сказки земли» (*ред.*).

[1] «Сумерки божков».

[2] По-видимому, частичным осуществлением замысла «о расколе» явилось произведение Амфитеатрова «Семик. Пролог к историческому представлению „Протопоп Аввакум“» (Сполохи. Берлин. 1921. № 1; 1922. № 2).

[3] «Екклезиаст» (греч.— проповедник) — название ветхозаветной библейской книги (часть Библии). По преданию, «Екклезиаст» был создан царем Соломоном в старости, когда автор его, умудренный жизненным опытом, постиг суетность земного существования («все суета сует и томление духа»).

[4] Алексей Алексеевич *Золотарев* (1878—1950) — писатель и краевед, участник революционного движения, эмигрировал за границу. В 1908—1909 и 1911—1914 гг. жил на Капри, печатался в *сб.* «*Знания*». О своих отношениях с Горьким Золотарев рассказал в воспоминаниях: «Горький-каприец» и «Горьковский период на Капри» (*АГ*).

[5] Возможно, Амфитеатров упоминает пьесу Гусева-Оренбургского «У стен Иерихона» (написана в 1907 г.). Чтение пьесы могло происходить на Капри во второй половине апреля 1908 г.

[6] В журн. «Голос социал-демократа» печатались письма Плеханова «„Materialismus militans“ («Воинствующий материализм“) (ответ г. Богданову)», написанные в ответ на «Открытое письмо к Плеханову» А. Богданова (Вестник жизни. 1907. № 7). «Письмо первое» было напечатано в 1908 г. в № 6 и 7 «Голоса социал-демократа» (май—июнь). Именно об этом первом письме и пишет Амфитеатров. Плеханов критиковал в нем Луначарского за попытку теоретически обосновать богостроительство в ст. «Будущее религии» (Образование. 1907. № 10, 11) и его кн. «Религия и социализм» (СПб., 1908, т. I). Второе письмо Плеханова было напечатано в № 8 и 9 «Голоса социал-демократа» за 1908 г.; третье появилось в кн. «От обороны к нападению» (СПб., 1910). Все три письма «Militarismus militans» получили одобрительную оценку В. И. Ленина, который говорил о большой заслуге Плеханова в борьбе с махистами.

[7] Речь идет об изменении направления журн. «Образование». В № 7 за 1908 г. было напечатано обращение к читателям «От редакции», в котором сообщалось: «1. Редактор журнала А. Острогорский вынужден отказаться от дальнейшего издания и редактирования журнала, издание его переходит к И. М. Василевскому. 2. Надеясь на ценное участие в журнале сотрудников прежнего состава, редакция, кроме того, получила согласие на постоянное сотрудничество Л. Андреева, Ф. Сологуба, Д. С. Мережковского, Д. В. Философова, Вл. Жаботинского, А. А. Измайлова, А. В. Амфитеатрова и др. Подробный список сотрудников будет объявлен особо». Обновленная редколлегия заявила о «внепартийном» направлении журнала. Горький резко осудил реакционную позицию журнала и отказался от сотрудничества в нем. В письме в редакцию «Современного мира» (1908, № 9) от дальнейшего участия в «Образовании» отказались Ленин, Луначарский, Воровский, Бонч-Бруевич и другие марксисты, ранее в нем печатавшиеся. Воровский выступил с фельетоном (рубрика «В кривом зеркале») за подписью «Фавн», высмеивающим «Образование», перешедшее в руки представителей декадентского лагеря русской литературы (Одесское обозрение. 1908, № 237. 28 сент.).

«Злополучная судьба преследует журнал „Образование“ с тех пор как он перешел в руки „понедельничных“ людей,— писал Воровский.— Сначала из этого журнала ушли все марксисты — почти все — осталось человека 2—3 полумарксистов, переданных, по-видимому, старой редакцией новой вместе со столами, стульями, чернильницами и пр. инвентарем. „Понедельничным“ героям стало тесно в газете. Они нашли, что уже достаточно „реформировали“ прессу и решили обзавестись толстым журналом для „реформы“ и этого дела. Случай толкнул им „Образование“, и, купив его „понедельничники“ выразили полную готовность вместить в свои понедельничные традиции марксистские традиции журнала» (Там же. С. 3).

Илья Маркович *Василевский* (псевдоним *Не-Буква*; 1882—1938) — журналист, редактор журн. «Образование».

[8] Счет за книги (Г—А, п. от конца мая 1908 г.).

[9] Федор (Фридрих) Федорович *Фидлер* (1859—1917) — литератор, переводчик русских поэтов на немецкий язык, библиограф и коллекционер. См. о нем: *ЛН*. Т. 92. Кн. III. С. 831—834.

[10] *Святополк Окаянный* (р. ок. 980 – ум. 1019) – туровский князь, старший сын киевского князя Владимира Святославовича. В междоусобной борьбе в 1015 г. убил братьев — Бориса, Глеба и Святослава, за что получил прозвище Окаянного. Стал киевским князем, вскоре был разбит князем Ярославом Мудрым, погиб во время бегства, «между чехами и ляхами».

40. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. Конец июля 1908 г.)

Милый Алексей Максимович.

Так как Вы «Одесских новостей», может быть, не получаете, несмотря на строгие мои заказы (мало они им внемлют), то посылаю, на всякий случай,— вырезку [1], которую в других газетах не встречал. Может быть, Вам понадобится принять по этому случаю какие-нибудь меры? Если уже знаете, то извините за лишние 1 1/2 минут неприятности.

Вчера послал Вам «Издали» [2]. Хотел послать и Луначарскому [3], да не знаю, на Капри он или в Неаполе. До свиданья. Всего хорошего!

Сердечный привет М. Ф. Обнимаю Вас.

Ваш Ал. Амфитеатров

Глаза отвратительны.

Датируется по содержанию.

[1] Очевидно, речь идет о ст. Н. Геккера «XXIII сб. „Знания". „Исповедь" и др.» (Одесские новости. 1908. № 7562, 8/21 июля), в которой критически оценивались «Исповедь» и сборник в целом. Н. Геккер отмечал тематическую и идейную близость «Исповеди», «Сказок земли» С. И. Гусева-Оренбургского и рассказа «В старой лавре» А. А. Золотарева, «как будто авторы сговорились между собой». «Что еще странее всего,— говорилось в заключение статьи,— во всех трех рассказах видную и даже главную роль играют духовные лица, и действие происходит большею частью в монастыре или других средоточиях религиозной жизни. Конечно, и тут не одна простая случайность, случайное совпадение».

[2] Кн. Амфитеатрова «Издалека. (Наброски эмигранта)» (СПб., 1908) вышла, как отмечалось в «Книжной летописи» (1908, № 23, 14 июня), 5/18—12/25 июня.

[3] А. В. Луначарский с семьей с начала 1908 г. жил на Капри, однако нередко выезжал в Неаполь, Швейцарию, Париж (*Арх. Г.* Т. XIV).

41. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna, 1908.VIII.9

Дорогой Алексей Максимович.

Как живете? Давно от Вас вестей нет. Скучаем по оным.

Я совсем затормошился. «Сумерки божков» мучат [1]. Кажется, рассвирепею и оборву их, вроде, как «Бенони» [2]: остальное, мол, в другой раз.

Приходится в то же время редактировать перевод Феррера, корректировать свои «Антики» [3] и работать на раскольничий замысел, который Вы — сдается мне — одобрили бы, ежели бы я Вам рассказал, но так как он уже в значительной степени осуществлен, то познакомлю Вас с ним уже в исполнении, хотя, вероятно, черновом.

Очень меня радует большой и серьезный успех «Исповеди» [4] в России и то очевидное влияние, которое имеет эта чудесная поэма. Давно уже ни одна книга не входила в общество так просто, без рекламного вопля и бума и так обаятельно. Пестрые колпаки и звенящие бубенчики всероссийского литературного шутовства явно растерялись в ее строгом присутствии. Хорошо! А теперь еще «ненужный человек» [5] пройдет по мозгам читательским и еще их почистит. Авось и выйдет благо.

У меня здесь гостил дней 10 Тотомианц [6], заряженный целою тучею всевозможных слухов и сведений петербургских литературных.

Умер мой отец [7]. Чувствую себя через то в старшем поколении рода моего. Не скажу, чтобы приятное ощущение.

Ничего Вы мне не написали насчет «Образования» [8], а они пишут чувствительные письма и пристают насчет ответа. Книжка журнала объявлена хаотической, но приличная, кажется. Но их «Утро» [9] — поистине клоака... Если разбирать, что́ лучше — такой радикализм или беспардонное черносотенство наголо,— еще большой диспут быть может. Насчет газеты я послал Василевскому отказ категорический.

Вот Вам житейский курьез, на который я натолкнулся, пересматривая старые №№ газет — для одного фельетона.

«11 июня в Новоладожском уезде крестьянин Владимир Санин изнасиловал старуху 70 лет». Эффект, не использованный Арцыбашевым![10] Бывают же такие счастливые совпадения. Вот только «крестьянин» — лишний.

«Против течения», должно быть, идет и читается, судя по любезности издателя. Критических статей не видал. Впрочем, обо мне всегда критический народ безмолвствует.

Очень хочется к Вам на Капри, но дел и забот полон рот, да по некоторым событиям и деньжишками проюрдонился. Надо подождать, покуда обрасту.

Сердечный привет дорогой Марии Федоровне, и всей палате, и воинству Вашему.

До свидания. Будьте здоровы, веселы и благополучны. Всего Вам хорошего.

Ваш А. Амфитеатров

[1] Амфитеатров работал над второй частью романа «Сумерки божков» («Крестьянская война»).

[2] Речь идет о повести К. Гамсуна «Бенони»; напечатана в XXII *сб. «Знания»* (1908). В заключительной главе автор сообщал, что повесть должна иметь продолжение — «но это уже другая история, другая повесть „Роза“» (с. 338). Повесть «Роза» напечатана в XXVI *сб. «Знания»* (1908).

[3] В сб. «Антики» (СПб., «Прометей», 1909) вошли ст. «Рабство», «Античный период Евгения Онегина», «Римские декабристы», «Майков и катакомбы» и др.

[4] Амфитеатров говорит здесь не только о большом успехе «Исповеди» у читателей, но и о тех критических статьях и рецензиях, которые вызвало это произведение. Как и предвидел Горький, повесть возбудила многочисленные «толки и споры» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 257). Подняв на щит «богостроительские» идеи этой повести, буржуазно-либеральная и декадентская критика стала превозносить Горького. Если до выхода в свет «Исповеди» Д. В. Философов писал о конце Горького, то в статье «Евсей и Матвей», посвященной анализу философского содержания «Исповеди» и «Жизни ненужного человека», он объявлял о возрождении его таланта (Московский еженедельник. 1908. № 29. 26 июля).

В июне—июле были напечатаны многочисленные статьи, полностью или частично посвященные «Исповеди»: В. Розанов «На книжном и литературном рынке» (Новое время. 1908. № 11612. 11 июля), Э. Старк (Зигфрид) «Эскизы» (С.-петербургские ведомости. № 160, 16 июля), И. Игнатов «Литературные отголоски. XXIII сб. „Знания“» (Русские ведомости. № 179. 26 июля), А. Тимофеев «К богу или от бога?» (Руль. № 124. 28 июля) и др. Из журнальных статей следует упомянуть ст. А. Измайлова «Русский человек на духу» и В. Львова-Рогачевского «Новая вера» (Образование. 1908. № 7); последняя представляла собой попытку объяснить суть «богостроительства» Горького, вскрыть его философские ошибки.

[5] Повесть Горького «Жизнь ненужного человека» («Шпион»).

[6] Вахтанг Фомич *Тотомианц* (1875 — ?) — экономист, либеральный общественный деятель, сотрудничал в органе легальных марксистов «Начало», в 1903 г. редактировал «Экономическую газету», вел отдел экономики в журн. «Образование». Во время революции 1905—1907 гг. был близок левым кругам, затем отошел от них. В 1913 г.— приват-доцент Московского университета, автор ряда работ в области экономики и кооперации.

[7] Валентин Николаевич *Амфитеатров* (ок. 1833—1908), умер 20 июля/3 августа в Москве. В. Н. Амфитеатров, священник, протоиерей московского Архангельского собора в Кремле, был связан с либеральными кругами, духовный наставник сестры Л. Н. Толстого — Марии Николаевны Толстой, автор кн. «Очерки библейской истории Ветхого завета» (М., 1895) и др. В *ЛБГ* хранится одна из его книг (с пометами Горького) — «Письма о. протоиерея Валентина Николаевича Амфитеатрова к Екатерине Михайловне и к о. архимандриту Серапиону Машкиным» (Сергиев Посад, тип. Троице-Сергиевой лавры, 1914) (*Описание*).

[8] См.: А—Г, п. от 24 июля 1908 г., прим. 7.

[9] Газ. «*Утро России*» — орган либеральной буржуазии, выходила в Москве в 1907, 1909 и 1916 г. Субсидировалась капиталистами Рябушинскими. В п. к Ладыжникову Горький писал: «Видите Вы москвитянскую газетину, „Утро России“ именуемую? Вот гнусная окрошка! Сотрудники: Озеров — зубатовец, Чириков, Тан, Н. Иорданский, мек и б(ывший) член ЦК! Сологуб — садист, А. Белый, Блок, и в этом вредном винегрете Леонид Андреев, ред(актор) литератур(ного) отдела! Лоло! Любошиц!» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 167).

[10] Михаил Петрович *Арцыбашев* (1878–1927) – писатель, один из представителей русского модернизма, после 1917 г.— эмигрант.

Амфитеатров имеет в виду совпадение имени крестьянина с именем героя нашумевшего романа Арцыбашева «Санин».

42. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 10 и 21 августа 1908 г.)

Дорогой А. В.!

В 7-й книге «Образования», кроме статей прежних сотрудников, будут помещены повести Сологуба, Каменского, Тана, статьи Гиппиус и, кажется, Мережковского. Вот и все, что я знаю[1]. Мне это кажется странным. Волы и кони, и трепетные лани[2] — как они будут понимать друг друга?

Крах 80-х годов дал «парламент мнений» А. Суворина[3], не второго ли парламента возникновение видим?

Об «Исповеди» читал статью Чулкова[4]. Не очень гениально. Молод сей Чулков, но — сильно глуп.

Василевский прислал и мне чувствительное письмо[5], а Луначарскому — два. Оба мы — отказались. А Рогачевский-Львов — принял сей финик[6].

Об отце вашем имею представление по рассказам москвичей, главным образом — Саввы[7]. Хорошо он говорил о нем, и у меня составилось впечатление, что это был человек честно верующий.

Думаю, что нет выше наслаждения, как наслаждение честною верой, тою, которая ничего не скрывает от себя, ничего не выдумывает, но мужественно и гордо смотрит в очи недоумений своих.

«Против течения» — не получил. «Сумерки»[8] — также. Интересно мне — что вы о расколе затеваете? Очень интересно! Вышла некая брошюра «Философия рус‹ского› раскола»[9]. Автора — забыл. Издана в Москве.

Учусь математике[10]. Ловлю рыбу. Спорим и кричим. Нечто из грамматики: «Нравится ли вам турецкая конституция?» «Нет, но я жду болгаро-турецкой войны». «Радует ли вас радость райи? Я буду рад, если ее вскоре не начнут снова резать»[11].

Вы ждете войны? Я — да. И — прежестокой.

А в Киеве — христиане съехались[12] — читаете? Умилительно? «Земля наша велика и обильна»[13], особенно — сволочью.

Иногда кажется, что земле сей суждено превратиться в «Китайскую провинцию Россию», как о том писал венецианец Марко Поло[14].

Красиво вспыхнули французы[15]. Хороший народ — освежает!

Крепко жму Вашу руку. Сильно она работает, неутомимая. И впредь да будет так.

Вы об «Исповеди» — писали?[16] Если — да, пришлите!

Кланяюсь

А. Пешков

Датируется по предшествующему и последующему письмам.

[1] В № 7 «Образования» были напечатаны: рассказ Ф. Сологуба «Опечаленная невеста», повесть А. Каменского «Люди», рассказ Г. Чулкова «Парадиз», стихотворение А. Блока «Анархист» и др. В отделе публицистики — ст. Д. Мережковского «Христианство и государство», А. Измайлова «Русский человек на духу», А. Крайнего (З. Гиппиус) «Добрый хаос» и др.

[2] Парафраз строки из поэмы Пушкина «Полтава» (песнь вторая):

В одну телегу впрячь неможно
Коня и трепетную лань.

[3] Алексей Сергеевич *Суворин* (1834—1912) — журналист, книгоиздатель, литературный и общественный деятель. С 1876 г. издавал реакционную газ. «Новое время».

Речь идет о 80-х годах в России — периоде безвременья и общественного упадка, когда создались условия, способствовавшие возникновению буржуазных изданий, подобных газ. «Новое время» (СПб., 1863—1917). Характеризуя политическое лицо газеты, В. И. Ленин писал в ст. «Карьера»: «„Новое время“ Суворина — образец бойкой торговли „на вынос и распивочно“. Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями» (*В. И. Ленин.* Т. 22. С. 44).

В п. Д. Френсису — президенту Всемирной выставки в Сен-Луисе, Суворин писал 22 февраля 1904 г.: «Благодарю вас за любезное приглашение участвовать на заседаниях парламента печати всего мира, которые состоятся во время выставки в Сен-Луисе. Считаю долгом уведомить вас, что я не могу принять вашего приглашения по весьма веским основаниям. Россия вовлечена теперь в войну с Японией, и, не говоря о многом другом, я предпочитаю в это время занимать свое место не в столь обширном, но дорогом моему сердцу парламенте русской печати» (Дневник А. С. Суворина. М.; Пг.: изд. Л. Д. Френкеля, 1923. С. 308; экземпляр книги с пометами Горького хранится в *ЛБГ — Описание*).

[4] Георгий Иванович *Чулков* (1879—1939) — писатель и критик, символист, автор теории «мистического анархизма». В письме упоминается статья Чулкова «Правда Максима Горького», посвященная повести «Исповедь» (Речь. 1908. № 162. 9/22 июля). Объявляя Горького самым верующим русским писателем, Чулков писал: «Горького надо принять в его великолепном варварстве, с его наивной любовью к земле ‹...› Но Горький не только умеет любить, он умеет верить ‹...› Каков объект его веры — это иной вопрос, но природа его переживаний определяется именно верой...» (с. 5).

[5] Упоминаемого письма в *АГ* нет.

[6] Василий Львович *Львов-Рогачевский* (1874—1930) — критик и историк литературы, социал-демократ, примыкал к меньшевикам. В 1907—1908 гг. бывал у Горького на Капри.

[7] Савва Тимофеевич *Морозов* (1862—1905) — крупный промышленник-капиталист, меценат, один из пайщиков и директоров Московского художественного театра. Морозов был другом Горького и через него и М. Ф. Андрееву давал средства на нелегальную работу большевиков. Его литературный портрет Горький создал в очерке «Савва Морозов».

[8] Роман Амфитеатрова «Сумерки божков».

[9] По-видимому, речь идет о брошюре В. Г. Сенатова «Философия истории старообрядчества» (М., изд. Союза старообрядческих печатников, 1908, вып. 1—2).

[10] О своих занятиях математикой Горький сообщал также в п. к Е. П. Пешковой: «Начал заниматься математикой — интересная наука и необходимая по нынешним дням» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 53). Преподавал математику Горькому Александр Карлович Лоренц-Мецнер. (В *АГ* хранятся тетради Горького, в которых он вел записи уроков и упражнений.)

[11] Намек на современные политические события в Турции и на ее отношения с Болгарией, так называемую младотурецкую революцию 1908 г., в результате которой в Турции была восстановлена конституция 1876 г. и был созван буржуазный парламент. В 1909 г. обострились турецко-болгарские отношения, так как Турция пыталась восстановить утраченное право на порабощение Болгарии. «Райя» — болгарское крестьянство.

[12] Съезд русских миссионеров начал свою работу 17/30 июля 1908 г. в Киеве под председательством епископа Антония Волынского («Съезд миссионеров» — Русское слово. 1908. № 166. 18/31 июля). Съезд носил черносотенный характер. На нем обсуждался, в частности, вопрос об участии миссионеров в Союзе русского народа. Было принято решение просить Синод, чтобы он рекомендовал священникам и миссионерам обращаться за содействием к «патриотическим обществам и партиям». Съезд закончил работу 27 июля/9 августа 1908 г. (Русское слово. 1908. № 174).

[13] Слова из древнерусской летописи. См.: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1960. С. 231.

[14] Марко *Поло* (1254—1324) — итальянский путешественник. В 1271 г. совершил путешествие в Китай, в ту пору завоеванный монголами, и прожил там семнадцать лет. Он служил у монгольского хана Хубилая, побывал в различных частях Китая и в областях, пограничных с ним. Это путешествие описано в так называемой «Книге» Марко Поло (1298 г., на франц. яз.). На руском языке «Книга» появилась в 1861—1862 гг. («Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете»). Можно предположить, что Горький читал «Книгу» в одном из двух наиболее ранних ее изданий на русском языке: «Путешествие в 1286 году по Татарии и другим странам Востока венецианского дворянина Марко Поло, прозванного миллионером» (СПб., тип. П. П. Меркульева, 1873) или «Путешествие в восемьдесят тысяч верст по Татарии и другим странам Востока венецианского дворянина Марко Поло» (СПб., тип. Ю. Штауфа ‹И. Фишона›, 1874). Оба издания завершаются главами «О провинции России». Название глав привнесено издателями, в подлиннике их нет.

[15] Речь, по-видимому, идет о рабочих забастовках во Франции. По инициативе Генеральной федерации труда забастовали на сутки с целью протеста против ареста забастовщиков в г. Винье рабочие строительных мастерских в Париже. Несколько тысяч рабочих оставили мастерские и двинулись в Винье, чтобы устроить там манифестацию. Были вызваны войска. Около Винье произошло столкновение между войсками и манифестантами, которые несли красные флаги. При этом были жертвы: убито два манифестанта, один тяжело ранен, 20 человек получили ранение (Русское слово. 1908. № 167. 19 июля/1 авг.).

[16] См.: *А—Г*, п. от 29 октября 1908 г., прим. 7.

43. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья). 1908.VIII.22

Дорогой Алексей Максимович!

затормошился, неистово работаю. Да понаехали разные человеки из России. Словом, не вздохнуть.

Спасибо за письмо, пожалуйста, прочтите прилагаемую копию [1]. Я не давал «Образованию» никакого права помещать меня в список сотрудников, но Василевский, очевидно, в уверенности, что со мной столкуется, распорядился сам, пусть за то теперь скушает невкусные строки.

Да, отец мой годам к 45—8 жизни дошел до веры. Я ее как раз в эти годы стал терять. В юности он был семинарист и академик по Чернышевскому, писал роман «в подражание» «Что делать?» и т. п. Рясу он ненавидел и считал жизнь свою загубленною в священничестве, к которому не был призван. А к старости дошел аскетом и мистиком.

Сын мой Владимир [2] сообщает мне, что на похоронах отца главным интересом было шныряние полиции в шеститысячной толпе с целью разыскать меня, т. к. кто-то распустил слух, что я приехал и тайно присутствую.

Я начал, было, писать об «Исповеди», но остановился, потому что книга эта вместе с «Ненужным человеком» слишком сильно захватила меня, и надо мыслям, возбужденным ею, улечься и в русло войти. Вот так-то когда-то «На дне» [3] — для меня — было открытием этого литературного поворота. Вышли «Солдаты»? [4] Я еще не получал.

Я сейчас совершенно покорен третьим томом курса русской истории Ключевского [5]. Личные характеристики у него — поистине Шекспира, Тацита и Льва Толстого достойные. Как подумаешь, что все это когда-то, студентом, слышал с кафедры самого Ключевского,— и был не в коня корм.

Получили Вы «Былое» парижское? [6] Интересно и, мне кажется, полезно. Я думаю поддерживать это издание, ибо оно по контрреволюции здорово бить может.

Затеваю целый ряд мелких брошюр на итальянском и французском издавать с целью пакостить Романову дому. Ибо турецкий пример еще раз подтверждает мое исконное мнение, что без опоры на Европу всяческая восточная революция, в том числе и наша,— швах. Имея за спиною Англию, куда легче разговаривать, чем в отечественную одиночку.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Вот буду завидовать Вам, если сделаетесь математиком. Это и рисование всегда было для меня недосягаемо.

А живется ведь хорошо?

Привет Марье Федоровне!

Будьте здоровы.

Ваш Ал. Амфитеатров

Печатается по подлиннику, находящемуся в *ЦГАЛИ* (ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 153).

[1] Речь идет о п. Амфитеатрова И. М. Василевскому от 23 августа 1908 г., машинописную копию с которого Амфитеатров послал Горькому. Копия без подписи. Горький написал на ней красным карандашом: «Амфитеатров».

«Многоуважаемый Илья Маркович,— писал Амфитеатров,— зачем Вы анонсировали меня? Ведь я же совершенно определенно писал Вам, что раньше, чем ознакомлюсь с новою физиономиею журнала, ответа о сотрудничестве дать не могу. Вот теперь видел я группировку Вашу — и скажу Вам прямо и откровенно: не по душе мне она, и мне в ней не место. Как я буду печатать статьи свои рядом с тою фокуснической порнографией, против которой я только что выпустил целую книгу? Один старичок лепечет о некрофилии, другой апофеозирует какого-то наглого Санина, третий гамлетизирует какого-то „венского" поэта и миллион первую публичную девку, каких не бывает. Ведь — первое, что я почел бы долгом своим, примыкая к хорошему и серьезному изданию, это — разнести всю сию гадость, сколько сил и умения хватит. Нет, увольте, в этой кампании я „Образованию" не сотрудник. Пожалуйста, с августовской книжки мое имя снимите. Что касается „серьезного" отдела Вашего журнала, он произвел на меня такое тяжелое впечатление — не статьями, среди которых попадаются хорошие и дельные, но совершенною случайностью их сцепления, винегретом вовсе несродных между собою имен, взглядов, течений. Какой-то хаос, салат Оливье. Не обижайтесь на меня за сравнение — Вы знаете, что я отношусь к Вам хорошо, но ведь Вы выстроили на левой нечто вроде того „парламента мнений", которым когда-то хвастался А. С. Суворин,— для правой.

Сомневаюсь, что это будет услугой русскому обществу и мысли его.

Всего печальнее в „Образовании" — совершенное отсутствие личности — единичной, редактора или коллективной редакции. Покойное „Образование" Острогорского было скучновато, тяжеловато, но читатель знал, куда оно зовет, что́ собою представляет, зачем оно издается, какие люди его деятельно ведут свою линию. Когда Вы взялись за издание „Образования", я, зная Ваши способности как газетного работника, очень надеялся, что Вы, сохранив идейную целость этой полезной, но тяжелой артиллерии, взбрызните ее талантом новых людей и нового тона. Вместо того Вы призвали к делу варягов со своими родами оружия и закатили теперь амплитуду качания неслыханную. Решительно невозможно определить: сама-то редакция в какой же точке обретается? Эс-эр, с-дк, кадет, умеренный, мистики, позитивисты, все в каше — ничего не разберешь. Собственно говоря, мне, с моими эс-эсерскими дружбами и симпатиями, следовало бы радоваться, что нарушился заколдованный круг такого сурового оплота эс-декского, как „Образование". Но нарушенный круг вдруг распестрился столькими неожиданными цветами, что с радостью приходится погодить весьма, а многое и грустно.

Не сердитесь на меня за мой отказ и совершенно искренние строки. Мне на старости лет было бы стыдно, если бы я слукавил перед молодым товарищем, которому я желаю добра, потому что знаю Ваш газетный опыт, верю в Ваше дарование и любовь к литературе. Вы можете и способны сделать кое-что получше, чем организовать литературный au bon marche с товаром на всякий вкус и спрос по сезону. Пора оборвать постыдный „венский" период российской якобы молодой литературы, беззастенчиво строившей различные рынки крикливой искусственной сенсации. Здравый смысл требует своей реабилитации. Кривляки полуграмотной беллетристики и вовсе безграмотной критики — все эти словесные онанисты, педерасты, садисты, некрофилы и прочая мразь — опротивели до тошноты...» (*АГ*).

В публикуемом письме Амфитеатров приводит примеры из повести А. Каменского «Люди», рецензии «Ультраиндивидуализм и роман „Санин"», подписанной «Л—Р» (отдел «Критика и библиография»), и рассказа Г. Чулкова «Парадиз» (Образование. 1908. № 7).

[2] Владимир Александрович Амфитеатров.

[3] Пьеса Горького «На дне» впервые поставлена на сцене Московского художественного театра 18 декабря 1902 г. Напечатана под заглавием «На дне жизни» (Мюнхен, изд-во Мархлевского, 1902). Под заглавием «На дне» вышла в изд-ве «Знание» (СПб., 1903). Амфитеатров написал о пьесе «На дне» ст. «Вопль. Присказка» (Петербургские ведомости. 1903. № 116. 1 мая).

[4] Цикл очерков Горького «Солдаты» (Берлин, изд-во И. П. Ладыжникова, 1908).

[5] *Ключевский В.* Курс русской истории. М., 1906—1910. Ч. 1—2 — изд. Синодской тип. 1906; Ч. 3 — изд. тип. Г. Лиснера и Д. Собко 1908; Ч. IV — изд. т-ва А. И. Мамонтова. Все тома хранятся в *ЛБГ* с пометами Горького (*Описание*).

[6] Речь идет о возобновлении Бурцевым в Париже журн. «Былое» (1908, № 7, июль). В первом номере были напечатаны воспоминания об И. П. Каляеве, Е. Созонова и В. Савинкова, «Кассационная жалоба» И. П. Каляева, материалы «К делу С. М. Гинсбург», «Из воспоминаний М. Еф. Бакая. О черных кабинетах в России», ст. Бурцева «В поисках за материалами по истории русского освободительного движения», «Из записок Н. В. Клеточникова. Памяти народовольцев. (О портретах С. Л. Перовской, А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, Г. Гельфман, В. Н. Фигнер)» и другие материалы.

44. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Август, не ранее 25, 1908 г.)

Писать — совершенно нет времени, ибо съехались разные российские землепроходы — из Испании, Южной Америки и с других кусков земли [1]. Все — социалисты и — все — еретики!

Дорогой мой — ничего нет лучше еретика! И жизнь — воистину прекрасна, и все прекраснее она — ох!

А ваше письмо в глаз «Образованию» — взволновало меня до слез в горле — хорошая, добротная душа у вас — извините за фамильярность! — неуклюжая, русская-еретическая-честная душа.

Предстоит душе этой — теперь о коллективной говорю — великий и трагический полет над Европами, и веянием могучих своих крылий многое она разбудит, взволнует, оживит.

И Пушкины — неправы. Нет — какое это огромное счастие, какое наслаждение могучее — родиться в России! [2] И во дни, когда в ней возникает к жизни новая личность, еще не виданная историей.

Может подумаете, что я — пьян? Да, но — от радости, от той радости, коей поят люди — честные, смелые русские люди, искатели земли обетованной, строители нового града.

Привет!

А. Пешков

Датируется по предшествующему письму и п. Амфитеатрова И. М. Василевскому от 23 августа 1908 г.

[1] В п. к. Е. П. Пешковой Горький сообщал: «Все это время у меня — гости. Сейчас живет Богданов, и один человек из Японии, да другой из Испании. Интересные люди, рассказывают очень важные вещи» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 55).

[2] Подразумевается строка из п. А. С. Пушкина к жене от 18 мая 1836 г.: «...черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!».

45. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.IX.11

Дорогой Алексей Максимович!

Как живете?

Поехал от нас к Вам Г. С. Петров [1]. Ждем его обратно. Сын его, оставленный аманатом [2], благополучен.

Очень по Вас скучаю. Виноват: по современному литературному синтаксису — за Вами.

Наехали разные народы. Говорят о деле, но более выходит делу помеха.

Насчет «Княгини Насти» получил уйму предложений от антрепренеров разных, но все оные отвергаю даже не как разборчивая невеста, но просто как девица, решившая не выходить замуж.

Когда Вы рассчитываете ее выпустить? [3] Напишите, пожалуйста. Это мне важно и для материальных соображений насчет осени, и потому, что много меня о том спрашивают.

Из раскола моего сам еще не знаю что выйдет — «Протопоп Аввакум» или «Царь Алексей Михайлович» [4]. Это годика на два любовной работы между делом.

Наконец-то пришел в Геную транспорт с «Сумерками божков» и «Против течения». Денька через три получу и Вам пришлю.

От кошек и фокстерьеров пришел я в такое угнетение нравственное, что даже работать не мог [5]... Знаете, при всем оптимизме, мне свойственном, подобную плюху вселитературную не сразу переваришь.

Жду окончательного слова от художественников насчет «Княгини Насти». Думаю, что ничего не будет. У них теперь линия Метерлинка,

и Блок в апофеозе [6]. С моим настроением оно не сходится — вроде кислоты и соды.

До свидания, дорогой. Желаю Вам всего хорошего. Будьте здоровы и веселы. Марии Федоровне привет.

Ваш А. Амфитеатров

[1] Г. С. Петров, приехав на Капри 9 сентября 1909 г., писал Горькому: «Многоуважаемый Алексей Максимович. Очень хотелось бы видеть Вас. Давно, чуть ли не с 1901 г., не встречались мы. То было в Нижнем. Теперь судьба свела на Капри. Заходил к Вам, но Вы, оказывается, в Неаполе... P. S. Амфитеатров еще зимой писал мне, что Вы оказывали содействие переводу моего „Письма митрополиту" на итальянский язык. Спасибо» (*АГ*).

[2] Аманат — заложник.

[3] Выход в свет XXIV *сб.* «*Знания*», в котором печаталась пьеса Амфитеатрова «Княгиня Настя», задерживался из-за цензурных препятствий, чинимых повести Горького «Жизнь ненужного человека», печатавшейся в том же сборнике.

[4] См.: *А—Г*, п. от 24 июля 1908 г., прим. 2.

[5] Речь идет о деле так называемых кошкодавов. Первое известие о нем появилось в газ. «Петербургский листок» под рубрикой «События петербургского дня» (1908, № 226, 18/31 авг.), где сообщалось, что на Подрезовой улице (Петербургская сторона), в доме книгопродавца Г. М. Попова, собирались его знакомые и друзья (среди которых были журналисты и литераторы), развлекавшиеся тем, что натравливали собак на кошек. В качестве свидетелей должны были выступать журналисты А. Д. Богачев, В. П. Жуков, литераторы А. П. Каменский, А. И. Свирский, А. И. Куприн и др.

Можно предположить, что Амфитеатров узнал о «кошкодавах» из газ. «Одесские новости», в которой он в это время сотрудничал. Непосредственно публикуемому письму предшествовала ст. «Дикари», перепечатанная из газ. «Петербургский листок» в «Одесских новостях» (1908, № 7701, 24 авг./6 сент.), где подробно рассказывалось о «развлечениях» в «клубе Попова». В дальнейших сообщениях о деле «кошкодавов» имя Куприна не упоминалось. Наказание понесли Г. М. Попов, М. П. Ялгубцев, А. Н. Юдин и Е. В. Барков.

[6] Т. е. Московского художественного театра. 30 сентября 1908 г. на сцене МХТ'а была поставлена драма М. Метерлинка «Синяя птица» (право первой постановки было передано автором К. С. Станиславскому). В мае 1908 г. А. Блок передал театру пьесу «Песня Судьбы». Позднее Блок вспоминал, что Станиславский «страшно хвалил „Песню Судьбы"» (см.: *Блок А.* Собр. соч. М., 1963. Т. 7. С. 187), но пьеса была отложена театром, и постановка ее не была осуществлена. Пьеса Амфитеатрова «Княгиня Настя» к постановке на сцене МХТ'а не была принята.

46. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.X.6

Дорогой Алексей Максимович.

Конфиденциально: Эс-эры ривьерские выследили в Риме некоего Щербаненко — не только шпиона и провокатора, но, по-видимому, очень крупную птицу в международной тайной полиции. Барин этот заманил к себе трех молодых художников (фамилия одного из них — Киселев) и всячески старался втянуть их в террористический или экспроприационный акт в Риме, а вместе с тем устроил за ними полицейскую слежку, которую они, к счастию, вовремя заметили. Слежка эта продолжалась не только в Риме, но и по дороге к Генуе: художники ехали в вагоне, наполненном сыщиками, которые вели себя крайне вызывающе, стараясь довести до ссоры и скандала, а, следовательно, и ареста. Приписывают эс-эры это тому, что у Киселева сохраняются записки Щербаненко, подстрекающие его к экспроприации в магазине бриллиантов и в художественной галерее Дориа. Самого Щербаненко они, в течение переезда, видели несколько раз на больших станциях переодетым, так что он секретно следовал в том же поезде. Щербаненко в Риме человек центральный и льнущий к революционным группам. Между прочим, он был знаком с покойным Кальвино [1], и это обстоятельство, быть может, бросает новый свет на ту необъяснимую, усиленную слежку, которая окружила Кальвино, когда, два года назад, он, после Рима, переселился в Нерви и жил там тише воды, ниже травы. Во всяком случае, имейте в виду и будьте

начеку. Хорошо было бы произвести по этому поводу обстоятельное дознание, так как дело идет не о простом шпике, но, по-видимому, об особе власть имущей. Между прочим, Щербаненко живет довольно богато и, в объяснение, рассказывает о приданом, которое, будто бы, принесла ему жена его, итальянка. Объяснение это эс-эры проверили. Оказалось, что жена Щ⟨ербаненко⟩ происходит из семьи бедной и нуждающейся, так что источник средств своих человек этот скрывает. Комната, в которой жили художники, гостя у Щ⟨ербаненко⟩, оказалась с скрытым слуховым окном, из которого, вдобавок, можно было видеть все, что делается в комнате, в отражениях трех стенных зеркал. Открытия эти художники сделали после того, как некоторые обмолвки Щ⟨ербаненко⟩ навели их на мысль, что он слышал слова, которыми они обменивались наедине. После этого-то их и охватила паника, и они ударились бежать из Рима. Адрес Щербаненки сообщу Вам другим письмом, так как лицо, привезшее мне сие известие, понадеялось на свою память и не записало адреса, а он, по дороге, и улетучился из мозгов.

У нас здесь гостит теперь Герман Александрович Лопатин, очаровательнейший и бодрейший старик подлунного мира. Очень большой Ваш поклонник вообще и горячий сторонник «Матери».

Мои «Современники» — со статьею, между прочим, и о «Матери» — погибли [2], не расцветая: московская судебная палата утвердила арест!

Вчера получил и уже отослал обратно первую корректуру «Княгини Насти», два листа.

С «Сумерками божков», наконец, расквитался. Во втором томе мне многое по вкусу, только он вряд ли выйдет: надерзил! Получили ли Вы первый том «Против течения»?

Где Шаляпин? страсть как нужен! Думаю, что из Буэнос-Айреса он должен уже вернуться, так как в Генуе встретил артистов, певших с ним.

У художественников «Княгиня Настя», несмотря на трогательные письма Вл⟨адимира⟩ Ив⟨ановича⟩ Немировича, разумеется, не пойдет, о чем извещен телеграммою, с обещанием разъяснительного письма, которое что-то долго не приходит. Отвечал, что вполне понимаю, ибо они теперь гнут символический репертуар [3], а нам, реалистам, остается подождать театра, который явится не только художественным по средствам, но и общественным по целям.

Вот, кажется, и все новости нашего сентября истекшего и первых чисел октября.

Как живете? Давно от Вас нет вестей!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне.

Ваш А.

[1] Всеволод Владимирович *Либединцев* (1878—1908) — революционер, член партии эсеров, участник, а затем руководитель Летучего боевого отряда Северной области. Итальянец по матери, Либединцев два года жил в Италии на нелегальном положении под именем Марио Кальвино (возможно, что в это время он встречался с Горьким). Под этим именем он вернулся в Россию, где принял участие в подготовке несостоявшихся покушений на вел. кн. Николая Николаевича и министра юстиции И. Г. Щегловитова. Вместе с другими участниками отряда Либединцев был предан военно-полевому суду и казнен в феврале 1908 г. Математик и астроном по образованию, Либединцев работал в Пулковской обсерватории, где его посещал Л. Андреев. Либединцев послужил ему прототипом Вернера — героя «Рассказа о семи повешенных». См.: *Быковцева Л.* Горький в Италии. М., 1979. С. 80.

[2] Сб. Амфитеатрова «Современники» (М., 1908) был изъят из продажи (Книжная летопись. 1908. № 16. 19 апр. С. 21). Об оценке Амфитеатровым повести «Мать» см. во вступ. ст. к переписке.

[3] См.: *А—Г*, п. от 11 сентября 1908 г., прим. 6.

47. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 7 или 8 октября, 1908 г.)

Дорогой мой А. В.!

Мне кажется, что те данные, какие есть в руках по делу Щер(банен)ко, должны быть немедленно опубликованы [1]. Пусть художники расскажут — подробно и толково — о всех его подходах к ним, и этот рассказ, вместе с его записками, сейчас же следует напечатать.

А русские римляне должны установить наблюдение за наименее надежными — в этическом и психическом смысле — молодыми людями, дабы эти люди не попали в лапы г. Щер-ко. Сообщаю, на случай, две фамилии: Герцо-Герцовский и Немцевич [2]. Первый — болезненно самолюбив, крайне озлоблен, истеричен и — романтик при этом. Очень молод. Второй мне кажется жуликом, но — он неглуп и даже талантлив. Голодает.

«Против течения» и «Сумерки» 1-й том — получил [3], спасибо! «Прот(ив) течения» — очень нравится мне — здоровая, простая книга. Бьет крепко и прямо — по лбу. Читать ее весело, приятно. Мне кажется, эту книгу ждет большой успех — множество людей будет радо побеседовать с талантливым и умным человеком — нечастое удовольствие для современного читателя, как знаете.

А вот «Сумерки» — другое дело. Будь я критиком и не знай вас — сильно бы изругался!

Вероятно, я написал бы приблизительно так:

«Вот, читатель, еще одна талантливейшая русская натура, вот пред тобою еще один окаянный русский писатель, несомненно — молодой, несомненно — богатый впечатлениями бытия, несомненнейший лентяй, небрежник, бунтарь, романтик и реалист в то же время.

Он бросает нам хаотическую книгу, наскоро написанную толстым пером, крупными чертами, наполненную мастерскими диалогами, которые он испортил краткими, сделанными наспех описаниями, он швырнул прекрасный материал, едва коснувшись его и в то же время показав, что мог бы превосходно обработать свои сокровища. Он прекрасно тонко знает все, о чем говорит: знает жизнь кулис, женщин, артистов, искусство, хулиганов — но ему лень, ему, должно быть, некогда работать — он, вероятно, непрерывно влюблен или без отдыха пьян, как это полагается молодому русскому писателю».

Затем, доказав лень и небрежение автора многочисленными ссылками на его книгу, я бы впал в озлобленный лиризм и ругался бы еще сутки. Излаял бы писателя российского за его низкую самооценку и за то, что он все еще не может понять своей великой роли в стране, где он — един судия праведный, и честный свидетель по делу об унижении правды, и пророк, пророк, карающий пошлость огненным праведным гневом своим! Потом сказал бы: нас хотят превратить в каких-то китайцев, нас обезличивают; на Руси лишь писатель умеет сохранить свое лицо, и он должен беречь его чистоту, его ясность, его светлую правдивость. Единый живой русский человек — писатель русский ты же, будь проклят, живешь во дни, когда, кроме твоего,— нет голоса, кроме тебя,— некого слушать, так говори же, анафема, громко, солидно, серьезно — как гром небесный! Ведь можешь, можешь, лентяй!

Вы, может быть, обидитесь? Не надо. Смешно будет, если вы да на меня обидитесь.

Дорогой мой — болит у меня душа — нестерпимо обижена и неукротимо болит. Это потому, что я люблю всей силой сердца русскую литературу — величайшую, честнейшую литературу мира, молодую и сильную, как Васька Буслаев. И вот пришли в нее хулиганы, дегенераты, больные люди, ничтожники, полуидиоты. Кошек травят. Черт с ними!

Делают хуже. Романист обвиняет критика в шантаже. Хотят судиться. Адвокат отказывается защищать литератора [4] — считает эту защиту позорной для себя. Разве это было когда-нибудь, а? Вот я прилагаю вам для прочтения письмо Грузенберга — оно для меня звучит как пощечина не Арцыбашеву, а — всем, всей литературе. Вы мне возвратите это письмо, я его считаю историческим.

Вышел журнал «Весна». Андреев, Куприн и — Шебуев, Ю. Беляев вместе! [5] Что там пишет Шебуев! Какие объявления, стихи! И Куприн, Андреев в этой грязи. Вы понимаете, как это тяжко, стыдно, унизительно?

И это — не все. Почти каждый день приносит такие ручейки грязи, и эта грязь окружает, насыщает литературный мир — во дни, когда мы, русские писатели, все, купно, должны бы поднять голоса и слышно, хором петь славу прошлого, надежды и радости будущего. Народ — проснулся, а пророки в кабак ушли [6].

Несвязны и, м. б., непонятны эти вопли мои. А не возопить — не могу. Нет терпенья уже.

Жму руку

А. Пешков

О Шаляпине спрашиваете — не знаю, где он. А Худ<ожественный> театр, конечно, должен был отказаться от «Княгини Насти». Это для него вредная пьеса. Стал этот театр развлечением пресыщенных и источником распространения печальной смуты духа [7]. Жалко.

Но — всего больше жаль писателей.

Возвратите письмо Грузенберга!

Обратили вы внимание на несомненный рост антифеминизма? Я чувствую в этом начало серьезного движения, и мне кажется, что оно будет иметь у нас шумный успех. Почему — у нас? А именно потому, что наша женщина наибольше бунтовщица.

Предлагаю пари: стою на том, что вскорости какой-нибудь двуногий граммофон объединит теорию Вейнингера с изысканиями Сабатье по вопросу о двойственности человеческого существа — объединит того ради, чтобы дать мизогамству идеологическое обоснование [8]. Это — будет. Посмотрите на шум, поднятый Вейнингером, на успех Стриндберга [9], на бесчисленное количество книг против женщин. Но — мне кажется, что с этим уже опоздали.

Начинается небольшая война: я смотрю на нее как на введение к общеевропейской драке. Не могу представить, чтоб волки разобрались мирно в той путанице, которая началась в Турции, Персии — кусках земли, уже обнюханных и облизанных. Оставалось их проглотить и — вдруг они — ожили! Неспокойно спят английский дядя и немецкий племяш. Кто из них раньше другого даст туркам денег на войну с болгарами? [10] Интересно, что будет делать мудрое наше правительство? Вы сюда не приедете? Обманщик.

Был здесь Г<ригорий> Петров. Произвел на меня впечатление человека недоумевающего пред вопросом: что делать? куда теперь? Налево? Не достаточно ли? Направо? — Гм...

У него слиняли глаза.

Был еще соплеменник, родом занятий — шпион. Говорит: читал «Жизнь ненужного» [11] — техника — неверна, но психология — та самая. Плакал, клял свою жизнь, свое ничтожество, бессилие, говорил с ужасом о будущем России. Ужас показался мне искренним — в общем же фигура, видимо, патологическая.

«Погибает Россия»,— шептал он. «Как посмотрел я на немцев, англичан, как побывал в Америке — ясно вижу — не жить России! Не успела она приготовиться для нынешней жизни и не успеет уже. Не вижу

для нее путей — чувствую, окружат ее отовсюду железные люди и — задушат. Надо,— говорит,— нам делать огромную революцию и все дворянство вырезать поголовно — и земельное, и придворное, всё!» Малый, кажется, серьезно озабочен судьбой родины и, несомненно, скоро уже попадет в лечебницу для душевнобольных. «Мы,— говорит,— русские, по натуре изменники. Революционеры служат шпионами, шпионы — в революционерах — разве так можно?» Полагаю, что в этом он прав — нельзя!

Тик левой половины лица у него, а в глазах отчаянная тоска. Сам — дворянин, бывший юнкер. Поехал в Египет нефрит лечить. На случай — сообщаю: настоящая фамилия Масальский, на визитных карточках — д-р Глейн. Служил в Мос‹ковском› охр‹анном› отдел‹ении› при Зубатове [12], потом в Питере; во время революции — в Варшаве. Блондин, серые глаза, седые, вьющиеся волосы, нос острый, кривой, рост — средний, телосложение — сухое. Одет элегантно.

Ну, до свидания, однако!

А. П.

Датируется по п. от 6 и 9 октября 1908 г.

[1] Как видно из следующих писем, материалы о Щербаненко не были опубликованы.

[2] Сведений об упоминаемых лицах найти не удалось.

[3] Сб. «Против течения» и первая часть романа «Сумерки божков» («Серебряная фея») (СПб., изд-во «Прометей», 1908).

[4] Горький выслал Амфитеатрову п. О. О. Грузенберга к нему от 8/21 сентября 1908 г., в котором Грузенберг объяснял причины своего отказа защищать Арцыбашева в судебном деле, возбужденном против него в связи с порнографическим характером его романа «Санин». См.: Г—Гр. п. 3.

[5] Еженедельный журн. «*Весна*» — «орган независимых писателей и художников», выходил в Петербурге в 1908—1910 гг. Редактор В. В. Каменский, издатель Л. А. Шебуева. В подзаголовке журнала значилось: «В политике — вне политики. В литературе — вне кружков. В искусстве — вне направлений». В № 1 журнала напечатаны: фельетон Ю. Беляева «Скоморохи» и рассказ «Царь» Л. Андреева. В № 2 — рассказ А. Куприна «Последнее слово». В журнале был постоянный отдел «Газета Шебуева», в которой и печатались возмутившие Горького объявления. По-видимому, Горький смотрел два первых номера журнала. В последующих номерах Андреев и Куприн не печатались.

Николай Георгиевич *Шебуев* (1874—1937) — писатель-фельетонист, театральный критик, сотрудничал в «Русском слове». В 1907 г. Шебуев приезжал на Капри, где встречался с Горьким и Андреевым (*Шебуев Н.* Негативы // Русь. 1907. № 119. 30 апр.).

Юрий Дмитриевич *Беляев* (1876—1917) — драматург и театральный критик, сотрудник «Нового времени».

[6] Горький имеет в виду не только богемный характер жизни некоторых писателей, но и отход их от принципов реалистического демократического искусства. «Мои бывшие товарищи,— писал Горький Пятницкому,— Андреевы, Куприны, Чириковы — это люди, за которых до отчаяния стыдно мне. „Семь повешенных“! „Суламифь“! Кошки! И отвратительная, унижающая жадность к деньгам у всех. Все это мучает меня, разрывает на части ‹...› Хочется драться, ругаться, кричать» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 262).

[7] Оценка, которую Горький дает Художественному театру, была вызвана тем, что в годы реакции театр отдал дань декадентским настроениям.

[8] Отто *Вейнингер* (1880—1903) — немецкий ученый, философ-идеалист. Вейнингер развивал теорию биосексуальности, считая при этом, что женское начало ниже мужского, т. е. женщина духовно не равна мужчине. Наиболее полно эта теория выражена в кн.: Пол и характер. СПб.: изд-во «Посев», 1908.

Арман *Сабатье* (1834—1910) — французский ученый-зоолог, автор кн.: «Бессмертие с точки зрения эволюционного натурализма» (СПб., изд. Павленкова, 1897); «Жизнь и смерть» (СПб., изд. Павленкова, 1897). В работах Сабатье женщина также рассматривалась как существо, стоящее духовно ниже мужчины. Мизогамство — отрицание брака, безбрачие.

[9] Шведский писатель Юхан Август *Стриндберг* (1849—1912) в пьесах «Фрекен Юлия» (1888), «Кредиторы» (1889) и др. дал отрицательную трактовку женских характеров, это породило мнение о Стриндберге как женоненавистнике.

[10] События в Турции обострили противоречия между австро-германским блоком и Антантой, боровшимися за влияние в Турции, Персии и на Балканах. Австро-Венгрия начала готовиться к аннексии Боснии и Герцеговины, номинально

входивших в состав Османской империи, а также к возможному захвату Сербии, чтобы упрочить свое положение на Балканах (см.: История дипломатии. М., 1963. Т. 2. С. 649—658). Министр иностранных дел России Извольский летом 1908 г. вел переговоры с министром иностранных дел Австро-Венгрии Эренталем по поводу аннексии Боснии и Герцеговины. В обмен на признание аннексии Россией он предлагал открыть Дарданеллы и Босфор для русского черноморского флота. В России проект Извольского встретил серьезное возражение со стороны Столыпина, Коковцева и др. (Там же. С. 658—659; *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М., 1961. С. 213—221). Английский король Эдуард VII (1841—1910) приходился дядей императору Германии Вильгельму II (1859—1941).

[11] Повесть Горького «Жизнь ненужного человека».

[12] Сергей Васильевич *Зубатов* (1864—1917) — начальник московского охранного отделения.

48. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.X.9

Дорогой Алексей Максимович, спасибо за письмо. Ваш отзыв о «Сумерках божков» [1] меня ни удивил, ни огорчил: громадное большинство Ваших замечаний сам чувствовал в сердце своем, когда читал корректуру, и — вещь, конечно, провалена. Извинением некоторым ей может, пожалуй, служить то обстоятельство, что все, Вами прочитанное покуда, было писано в 1904 году, когда мое мировоззрение переживало последний период брожений своих, которые для меня были куда интереснее искусства. Я бросил роман в январе 1905 года, потрясенный 9-м января, а вернулся к нему лишь весною 1908 года, когда необходимо было написать к нему вторую часть, съевшую у меня всю весну, осень и лето. Думаю, что она покажется Вам интереснее, потому что действие выведено от узкой оперной сферы. Но, все-таки, хаотичность «Сумерков» непоправима, и я, если потребуется второе издание романа, должен буду написать его заново, на первое же смотреть как на корректуру. Я сознавал это и весною, но не устоял против издательских восторгов и воспоминаний, что, когда первая часть «Сумерков» печаталась в «Руси» [2], ее усиленно читали, писем я получал множество и пр. Думаю, что, при всех своих недостатках, «Сумерки» все-таки принесут некоторую долю пользы ясною, как мне кажется, постановкою вопроса о роли искусства в общественности и двумя-тремя отрицательными типами театрального мещанства. Андреевский [3], напр., уверяет, что любовница Берлоги, Настенька Кругликова,— самый законченный женский тип, когда-либо мною написанный. Этому я не верю, но, значит, оно нехудо написано, если этакому эстету нравится. Уповая на подобные оазисы, и согласился я печатать «Сумерки», как они вышли. Работать же над ними не мог, потому что отошла от меня тема эта, и — чтобы приняться за вторую-то часть — пришлось употребить над собою немалое насилие. Посылаю Вам корректурные листы ее. Быть может, они произведут на Вас лучшее впечатление, чем первый том,— по крайней мере, в смысле целесообразности романа. Кроме того, выход второго тома в свет — под сомнением: вероятно, будет арестован. Так что — сохраните!

Письмо Грузенберга мне страшно не понравилось. С своей точки зрения, он совершенно прав, но прав до противности самодовольно. Я писаний Арцыбашева не люблю вообще, а Санин для меня хуже рвотного, но, когда Грузенберг пишет, что он своим именем не желает рекламировать Санина, это смешно и пошло. Вот-то здорово влюблен в себя человек и уверен, что он делает историю и луну в Гамбурге...[4]

В письме Грузенберга каждая строка бьет расовою надменностью, против которой воевала еще притча о мытаре и фарисее [5]. Благодарю тебя, Господи, что я создан не как сей мытарь, а пощусь по субботам, совершаю омовения и пр., и пр. И эта ссылка на Пильского! [6] Хорош авторитет! Когда сходятся судиться эти венские фрукты [7], мне кажется един-

ственным подходящим для них кодексом тот, которого придерживалась Василиса Егоровна в «Капитанской дочке»:

— Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи!

О провокаторах и пр. все сообщу по принадлежности.

Сейчас я мучусь лютым безденежьем, но, как оное избуду, сейчас же приеду.

Да! Адрес Щербаненко — via Otranto, 12, int. 4. Почти рядом живет известный итальянский шпион и провокатор Ломбарди: соседство тоже вряд ли случайное. Сейчас делом Щерб⟨аненко⟩ занялся, по просьбе моей, журналист и социалист хороший Де Нова:[8] тот самый, который в 1902 году не пустил царя в Италию. Он проектирует бесшумное следствие, в случае успеха которого — чрез Биссолатти[9] и др. произвести парламентский запрос и всеевропейский скандал. Дня через три я буду иметь от него известия и немедленно отпишу Вам.

Ах, как бы нам надо было жить поближе! Проводил вчера в Париж Германа Лопатина. Признаюсь: прямо ослеплен впечатлениями! Что за сверкающий человек!

Зиму предвижу пред собою скучную. Впрочем, буду «Зверем из бездны» занят.

Бедные сербы! конец им пришел! Хуже Трансвааля![10]

А мой когда-то друг Фердинанд в цари вышел![11] Вот — карьера! Для XX-го века даже и необыкновенно.

Сейчас получил известие, что Щербаненко, по-видимому, понявший, что в деле художников он провалился, экстренно ускакал в Лозанну, где за ним следят. В Рим также отправлен для этой цели товарищ, которому я сообщаю содержание Вашего письма.

До свидания. Извините, что писал карандашом: ей-ей, чернильный *. А пером не могу: палец ссадил.

Желаю Вам всего хорошего — здоровья и доброго настроения духа!

Привет Марии Федоровне, которую столь кокетливо приветствует Грузенберг. Ай-ай-ай! Разве возможно не любить такого очаровательно самодовольного гения? Кто же такой жестокости поверит, начиная с его самого?

Еще раз — всего хорошего!

Ваш А. А.

[1] Первая часть романа «Сумерки божков» — «Серебряная фея» — была посвящена изображению жизни и нравов артистов оперы, театральной и литературной богемы. Сюжет второй части представляет историю постановки на провинциальной сцене оперы «Крестьянская война», героем которой является вождь крестьянского движения в Италии 1304—1307 гг. Фра Дольчино (Брат Дольчино).

[2] «*Русь*» — либеральная газета, выходила в Петербурге с декабря 1903 по июнь 1908 г., с перерывами и под разными названиями, издавалась А. А. Суворином при участии Амфитеатрова и др.

[3] По-видимому, Сергей Аркадьевич *Андреевский* (1847—1918) — юрист, поэт и критик.

[4] Измененная строка из «Записок сумасшедшего» Гоголя: «Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается».

[5] Мытарь — сборщик податей, фарисей — представитель религиозно-политической партии богатых слоев общества древней Иудеи. Евангельская притча гласит, что в храме одновременно молились мытарь и фарисей. Фарисей проявил большую надменность ко всем «прочим людям», и в частности к мытарю. Мытарь же скромно молился, прося бога отпустить ему грехи. Притча завершается словами, что мытарь «пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя, возвысится» (Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 9—14).

[6] Петр Моисеевич *Пильский* (1876—1942) — писатель-фельетонист, критик, редактировал газ. «Одесский понедельник». В 1917 г. в Петрограде издавал журн. «Эшафот». После революции эмигрировал.

---

* Если не верите, плюньте на письмо: сделаются чернила!

[7] Речь идет о петербургском ресторане «Вена», в котором собирались представители литературной богемы, в основном модернистского толка. В сб. «Против течения» Амфитеатров изображает этот ресторан («Трактир Вена») и его завсегдатаев в очерке «Карьера литератора Вьеннопульского».

[8] Итальянский журналист Джованни *Де-Нова,* автор ст. «Как мы не пустили царя в Рим» и «Русская тайная полиция в Италии», которые должны были печататься в седьмом номере «Красного знамени».

[9] Леонида *Биссолатти-Бергамаски* (1857—1920) — итальянский политический деятель, один из основателей социалистической партии Италии, главный редактор газ. «Avanti» в 1908—1912 гг., был исключен из партии за поддержку захватнической войны Италии в Ливии.

[10] Имеется в виду аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, населенных сербами.

В 1877 г. Англия аннексировала бурскую республику Трансвааль. В результате Англо-бурской войны 1899—1902 гг. бурские республики Трансвааль и Оранжевое Свободное государство были включены в состав британского доминьона, что сделало возможным образование Южно-Африканского союза.

[11] В октябре 1908 г. болгарское правительство, при поддержке Австро-Венгрии, объявило о преобразовании Болгарского княжества в царство. Болгарский князь Фердинанд I Кобург (1861—1948) стал царем.

В очерке «Степан Стамбулов» Амфитеатров рассказывал: «Когда после софийского переворота 18 мая 1894 г. я, по поручению Алексея Сергеевича Суворина, впервые направился на Балканы, главной моей задачей было свидание с князем Фердинандом, тогда еще принцем Кобургским, жаждущим признания, но упорно его от европейских держав не получавшим» (Недавние люди. СПб.: изд. «Тов-ва худож. печати». 1901. С. 1). Амфитеатров был представлен Фердинанду и написал о нем статью «Князь Фердинанд Болгарский» (вошла в сб. Амфитеатрова «В моих скитаниях. Балканские впечатления» (СПб., изд. И. В. Райской, 1903).

49. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья. Октябрь, не ранее 19, 1908 г.›

Дорогой Алексей Максимович!

Письмо сие доставлено мне для пересылки Вам в виде распечатанном [1].

Я что-то пишу — событие для меня не весьма обыкновенное.

Как живете?

«Кн‹ягиню› Настю» прокорректировал до половины 3-го акта, что-то конца еще не посылают.

Какой ужас — самоубийство Тихомирова! [2]

До свидания. Всего Вам хорошего.

Привет Марии Федоровне

Ваш А. А.

Датируется по упоминанию о самоубийстве И. А. Тихомирова.

[1] О каком письме идет речь, установить не удалось.

[2] Иосаф Александрович *Тихомиров* (1872—1908) — актер и режиссер. В 1898—1907 гг.— актер МХТ. В 1903—1904 г. руководил драматической труппой общедоступного Народного театра в Нижнем Новгороде, организованного по инициативе Горького. Последние годы жизни работал в Одесском театре. Покончил жизнь самоубийством 1/14 октября 1908 г.

По этому поводу Горький писал Е. Пешковой: «Тих‹омиров›а — мне не жалко, нет. Я не люблю самоубийц. Всем живется трудно, все одиноки, тот, кто этого не выносит,— дешево стоит. Жизнь — работа, кто не находит в этом удовлетворения — его воля умереть, но — жалеть о нем не стоит, мне кажется. Сурово? Как жизнь» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 57).

50. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья.› 1908.X.29

Дорогой Алексей Максимович.

В наших местах летает В. Л. Бурцев, сейчас ускакавший в Милан. Просил меня написать вот о чем. У Вас имеется рукопись Фроленки. Какова ее судьба? Дело в том, что Бурцев хотел бы заказать Фроленке

воспоминания о 1878—81 гг., но если рукопись М〈ихаила〉 Ф〈едоровича〉 принята «Знанием», тогда он этого заказа не сделает, так как мемуарам естественно продолжаться там, где они начались, а ежели «Знание» рукопись не берет, то ему хотелось бы заказ этот сделать поскорее [1]. Пожалуйста, ответьте мне на этот вопрос, по возможности, немедленно, ибо Бурцев метеору подобен, и не весть ни дня, ни часа, егда же он сваливается с облаков.

К делу о Щербаненке. Истина на дне его несомненно есть и чувствуется, но художники эти — Киселев и Дубах [2] — оказываются столь развинченными субъектами декадентского пошиба и неврастенического поведения, что добрые $^2/_3$ их показаний приходится отнести к галлюцинациям мании преследования. Вместо изложения дела они прислали Ильиной какой-то бессвязный лирический бред в стиле повестей «Золотого руна» [3], что ли. Адрес Щербаненки: Via Cola di Rienzi, 285. int. 7, si A. Signor M. Valery (псевдоним, под коим он действует). Здешние на художников сейчас порыкивают, потому что каша из-за них заварилась изрядная, а результаты предвидятся малые.

Некий маэстро Вирджилио, собирающийся писать оперу на Вашего «Хана» [4], просил меня снабдить его рекомендательным письмом к Вам. Но, так как я по личному опыту убедился, что лучше пустить себе мышь в голову, чем его в дом, то воздержался от этой ответственности. На случай же, если он все-таки приедет, имейте в виду лишь, что я его знаю. Играет он недурно, хотя грубовато, а музыку пишет под Масканьи [5]. Я слышал в Риме его оперу «Яна». Ничего себе, но пустовата. Читал гимн в Вашу честь в «Весах» [6]. Все изменяется под нашим зодиаком!

На днях получу и пошлю Вам мою статью, вернее, ряд заметок об «Исповеди» [7].

Очень скучаю и много пью.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне. Будьте здоровы!

Ваш А. А.

[1] Речь, по-видимому, идет о мемуарах М. Ф. Фроленко «Записки семидесятника» (в «Знании» не издавались). Печатались в «Былом», «Минувших годах», «Вестнике Европы» и других изданиях. Отдельное издание: Историко-революционная библиотека. М., 1927.

[2] О ком идет речь, установить не удалось.

[3] *«Золотое руно»* — журнал «художественный, литературный, критический», орган символистов. Выходил в Москве в 1906—1909 гг., редактор-издатель Н. П. Рябушинский. До 1907 г. фактическим руководителем журнала был Брюсов, но после его конфликта с Рябушинским руководить журналом стали Вяч. Иванов, Блок и Чулков. Возможно, что Амфитеатров имеет в виду печатавшиеся в «Золотом руне» повести Пшибышевского «Тиртей» (1907, № 2), М. Кузмина «Тень Фелиды» (1907, № 7—9), А. Кондратьева «Фамирид» (1908, № 1), М. Кузмина «Двойной наперсник» (1908, № 10) и др.

[4] Намерение композитора Вирджилио, по-видимому, не было осуществлено, но в феврале 1909 г. в Монте-Карло состоялась премьера оперы Р. Гюнсбурга «Старый орел» по легенде Горького «Хан и его сын». В роли Асваба выступал Шаляпин (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 67).

[5] Пьетро *Масканьи* (1863—1945) — итальянский композитор, один из основоположников оперного веризма, автор широко известной оперы «Сельская честь».

[6] *«Весы»* — литературный, критико-библиографический журнал, орган символистов, выходил в 1904—1909 гг. в Москве, в изд-ве «Скорпион». Редактор-издатель С. А. Поляков. Фактическим руководителем журнала являлся Брюсов.

В публикуемом письме речь идет о ст. А. Белого «Слово правды» из цикла «На перевале» (1908, № 9). «„Исповедью“ своей,— писал Белый,— показал он (Горький.— *Ред.*), что умеет и по сю пору видеть русскую душу 〈...〉 и, забывая растянутость фабулы, несовершенство многих страниц, веришь Горькому, что любит он Россию, что слушает он „мать-сыру землю“ 〈...〉 И поется в душе: „Россия, Россия, Россия моя!“ И бог весть что вкладываешь в эту песню: и тоску, и религиозные искания, горький плач и веру в лучшее будущее 〈...〉 „Исповедь“ Горького замечательна: она возвращает нам интерес к талантливому писателю своей внутренней

правдой <...> Не показывают ли религиозные искания героя „Исповеди", что в душе Горького происходит перелом?» (с. 59—62). В следующей ст. «Символизм и современное русское искусство» (Весы. 1908. № 10) Белый рассматривал Горького как главу современного реалистического направления в русской литературе, пытаясь вместе с тем сблизить его с модернизмом, усматривая в «Исповеди» черты импрессионистического искусства.

[7] Текст ст. Амфитеатрова об «Исповеди» («ряд заметок») не обнаружен, но в статье о повести «Лето» из цикла «Записная книжка» (Киевская мысль. 1909. № 281. 28 сент. /11 окт.) Амфитеатров рассматривает повесть «Лето» как дальнейшее развитие «нового» этапа творчества Горького, начатого «Исповедью» и «Жизнью ненужного человека». Здесь же «Исповедь» противопоставляется повести «Мать» как произведение подлинно художественное, а не пропагандистского характера, каким Амфитеатров, как и вся буржуазная критика, считал повесть «Мать».

51. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Начало ноября 1908 г.)

Дорогой А. В.!

Получив ваше письмо, я немедленно ответил на него — А. А. Богданову [1], чем сей последний премного удивлен был. Он понял бы ошибку, будь письмо начато обращением к вам, но — оно начато было обращением к нему, и он ничего не понял, хотя — философ. Отсюда заключаю: в некоторых случаях жизни человеческой даже и философия бесполезна.

Рукопись Фроленко была давно мною прочитана и автору возвращена с письмом, в коем я отказывался печатать ее. Но — почта города Парижа возвратила мне и письмо и рукопись, ибо адресата в месте, им указанном, не нашла. Некто сообщил мне адрес — но неполно. Посему: посылаю и рукопись и письмо — вам, да вручите вы их Бурцеву, а он — автору.

Да, враги меня хвалят, друзья поругивают [2] — но — я уже устроился так, что теперь и те, и эти начнут ругать. Ибо написал небольшую статейку о литературе современной [3]. Жду полного единодушия.

Андреева «Мои записки» [4] читали? Ныне он воспринял мистический анархизм Георгия Чулкова [5] и с этой точки машет руками на позитивизм, материализм и иные виды теорий, внушающие активное отношение к жизни. Хочет попасть в зубы всем этим философиям, но попадает — мимо.

«В лето от Р. Х. 1908-е одолеша Русь мещанинище и пожра русскую письменность и превратиша пророки во скоморохи и соверша сие паскудство прыгая и лаяй, аки пес, радостью своею до скотства опьянен».

Жалко мне Андреева — так жалко, что хоть плачь со зла.

А вам — всего хорошего, дорогой, и да пребудет с вами дух бодрости во веки и во веки веков.

Поклоны мои и приветы.

А. Пешков

Датируется по предшествующему письму.

[1] Упомянутым п. Горького Богданову *АГ* не располагает.

[2] Серьезной критике подвергли «Исповедь» марксисты, в частности Плеханов в работе «О так называемых религиозных исканиях в России» (Современный мир. 1909. № 9, 10, 12). Воровский отмечал, что в «Исповеди» Горький подходит к социальной проблеме совсем с другой стороны, чем в «Матери», и усматривал в ней явное сочувствие богостроительской философии (Из истории новейшей русской литературы. СПб.: изд-во «Звено», 1910).

Как видно из публикуемых писем, а также п. Горького Пятницкому, Е. П. Пешковой и др., Горький, придававший вначале большое значение своей повести, позднее стал смотреть на нее более критически. «Сам я,— писал он Брюсову 31 августа 1908 г.,— очень недоволен ею — дидактично написал» (*XXIX*, 75). Горький так объяснил идею «Исповеди»: «Я — атеист. В „Исповеди" мне нужно было показать, какими путями человек может прийти от индивидуализма к коллективистическому пониманию мира <...> Герой „Исповеди" Матвей понимает под „богостроительством" устроение народного бытия в духе коллективистическом, в духе единения всех по

пути к единой цели — освобождению человека от рабства внутреннего и внешнего» (*9*, 556).

В. И. Ленин отнесся к «Исповеди» отрицательно. 22 ноября 1910 г. он писал Горькому: «Когда мы беседовали с Вами летом и я рассказал Вам, что совсем было написал Вам огорченное письмо об „*Исповеди*“, но не послал его из-за начавшегося тогда раскола с махистами, то Вы ответили: „*напрасно* не послали“» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 4).

[3] Речь идет о ст. Горького «Разрушение личности». Первоначальное заглавие «От Прометея до хулигана». В сохранившейся машинописи, озаглавленной «Разрушение личности», статья имеет подзаголовок «Очерки современной жизни и литературы». Горький работал над статьей в течение 1908 г. Первоначально он предполагал напечатать ее в газ. «Пролетарий», однако статья вызвала резкую критику В. И. Ленина, который советовал Горькому переделать статью, сняв «все, хоть косвенно связанное с богдановской философией» (*В. И. Ленин.* Т. 47. С. 145). Несмотря на неоднократную переработку, ст. «Разрушение личности» сохранила некоторые ошибочные идеи, о которых писал Ленин. Горький опубликовал ее в кн. «Очерки философии коллективизма» (СПб., изд-во «Знание», 1909, сб. I) (*ЛБГ, Описание*).

[4] Повесть Л. Андреева «Мои записки» впервые напечатана в альманахе «Шиповник» (СПб., 1908, кн. 6) и одновременно в изд-ве Ладыжникова.

Горький писал Е. П. Пешковой в начале ноября 1908 г. о «Моих записках»: «Вещь — озлобленная и противная. Погибает Леонид, с каждым шагом вперед он опускается куда-то вниз. Меня не удивит, если он напишет нечто в духе „Бесов“» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 57; см. также п. к Е. К. Малиновской — *Арх. Г.* Т. XIV. С. 327).

[5] В 1906 г. вышла кн. Г. Чулкова «О мистическом анархизме» (СПб., изд-во „Факелы“, вступ. ст. Вяч. Иванова). „Под философским анархизмом,— писал Г. Чулков,— я разумею учение о путях освобождения индивидуума от власти над ним не только внешних форм государственности и общественности, но и всех обязательных норм вообще — моральных и религиозных» (с. 28). Кн. Чулкова вызвала оживленную полемику. См.: *Русская литература конца XIX — начала XX в. 1901—1907.* С. 506.

52. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1908.XI.18

Дорогой Алексей Максимович.

У нас здесь сейчас что-то вроде конгресса: большой съезд публики и толкотня невероятная. За перо некогда взяться. Поручение Ваше исполнил и от Бурцева, чрез Г. А. Лопатина, уведомлен, что он рукопись Фр<оленко> получил.

Как поживаете? В газетах пишут, что новую драму написали. Но в газетах же пишут, будто в Японию уехали [1].

Мне русские газеты что-то стали столь несносно противны, что я решительно не в состоянии писать для них: либо напрасное жевание резины, либо наглая и беспутная хулиганщина. В том и другом случае шарлатанство. Разница лишь — с благими намерениями или, просто, без церемоний.

Отчего так долго не выходит книжка «Знания»? [2] Много меня о том запрашивают, из-за «Княгини Насти». Меня тоже разбирает авторское любопытство поскорее сию беременность окончить. Да и деньга уж больно нужна. Совсем дела мои плохи...

К «Княгине Насте» сватается сейчас жених № 5: Корш [3]. И ему послал отказ.

«Образование» перешло к «брату покойного Карышева» [4]. Что ж теперь будет? Спиритический журнал?

Гостит у меня сейчас Ф. В. Волховской [5]. Стар муж и глух на оба уха, а живости в мысли и слове — на десять молодых. Вообще, удивительная коллекция молодых стариков: он, Василий Ив. Немирович-Данченко [6] и уж, в особенности, Герман Лопатин: какое-то чудо сверхчеловеческое. Мы с ним еще купаемся. А как на Капри? У нас уже 14°. У вас, поди, еще 16°? Страсть, хочется выдержать круглый год, но думаю, что в декабре придется сдаться и запросить пардону.

Вашего Нугеса ставят в Одессе и Москве. Знаете?

Должно быть, у Дорошевича с Федором что-нибудь вышло, потому что в «Русском слове» появилась статья о «Борисе Годунове» [7], написанная с грубою злобностью и ясно знаменующая разрыв дипломатических отношений. Василий Немирович и Григорий Петров очень возмущены этою статьею, но Дорошевич теперь в «Русском слове» опять монарх неограниченный. Ну, и как всегда — «захочу, полюблю, захочу, разлюблю».

Читал в «Голосе социал-демократа» полемику Плеханова с Богдановым... 46 столбцов! [8] Это — в заграничном-то, партийном органе! Кому надо? На что тратятся революционные деньги! От града цитат с ума сойти можно. Словно у человека в голове, вместо мозгов,— даже не библиотека, а несколько полных и пространных каталогов книжных. Нехорошо.

Андреева не читал [9].

До свидания. Будьте здоровы. Привет от всей души Марии Федоровне. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Возможно, Амфитеатров говорит о ст. А. Измайлова «Новая драма Горького и „Рассказ о семи повешенных“ Л. Андреева» (Русское слово. 1908. № 114. 17/30 мая) и «У Горького на Капри» (Биржевые ведомости. 1908. № 10589, 10591, 10593. 5, 7, 8 июля). Сообщения о пьесе Горького «Последние» появились и в других русских газетах.

О предполагаемой поездке Горького в Японию в 1908 г. было несколько сообщений в периодической русской и зарубежной печати. Наиболее близкое по времени к публикуемому письму — «Поездка М. Горького в Японию» (Биржевые ведомости. 1908. № 10575. 27 июня/10 июля). Поездка не состоялась.

[2] XXIV *сб. «Знание»* был задержан цензурой. См. следующее письмо, прим. 2.

[3] Речь идет о частном драматическом театре Федора Адамовича *Корша* (1852—1924), основанном в Москве в 1882 г.

[4] В 1908 г. с № 9 редактором журн. «Образование» стал Дмитрий Александрович *Карышев* — писатель и журналист, сотрудник журн. «Исторический вестник» и «Наблюдатель». Под редакцией Карышева в 1909 г. вышло пять номеров журнала.

Были еще два брата Карышевых: Николай Александрович *Карышев* (1855—1905) — профессор Сельскохозяйственного института в Москве, сотрудник журн. «Русское богатство» и Иван Александрович *Карышев* — писатель, беллетрист, занимался спиритизмом.

Можно предположить, что Амфитеатров ошибся, связав журн. «Образование» с И. А. Карышевым.

[5] Феликс Вадимович *Волховский* (1846—1914) — революционер-народник. В 1867 вместе с Лопатиным основал Рублевое общество. В 1868 г. сблизился с организацией Нечаева, был арестован при ее разгроме и заключен в Петропавловскую крепость в 1874 г. В 1878 г. сослан в Сибирь, откуда бежал (в 1889 г.), и поселился в Лондоне, где стал одним из руководителей Общества друзей свободы и Фонда вольной русской прессы. С начала 1900-х годов — эсер. Был видным представителем вольной поэзии 70-х годов («Случайные песни», М., 1907 и др.). Выпустил сборник для народного чтения «Дюжина сказок» (М., 1908).

[6] Василий Иванович *Немирович-Данченко* (1844—1936) — писатель, был военным корреспондентом в русско-турецкой (1877—1878), русско-японской (1904—1905) войнах, автор многочисленных романов, повестей, рассказов и очерков.

[7] Влас Михайлович *Дорошевич* (1864—1922) — журналист, театральный критик, публицист, вместе с Амфитеатровым сотрудничал в газ. «Россия». С 1908 г.— редактор газ. «Русское слово».

Речь идет о ст. Дорошевича «Шаляпин» (Русское слово. 1908. № 248. 25 окт./7 нояб.), в которой отмечалась слабость драматического исполнения Шаляпиным роли Бориса Годунова на сцене Большого театра в Москве 23 октября/5 ноября 1908 г.

[8] Продолжение публикации цикла статей Плеханова «Воинствующий материализм». См.: А—Г, п. от 24 июля 1908 г., прим. 6.

[9] Повесть Андреева «Мои записки».

53. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья.› 1908.XII.5

Дорогой Алексей Максимович.

Давно нет от Вас ни слуха, ни духа. Как живете? В духе ли? У нас здесь прошел слух, что Мария Федоровна заболела воспалением почек. Я телеграфировал Вам, но ответ не получил, из чего заключил, что известие не соответствует строгой истине.

Написал я комедию[1], а вернее сказать, плюху в 4-х действиях, в коей дерусь со всяким смертячеством и кошкодавством без всяких обиняков и покровов, а прямо святым кулаком по нечестивой силе. Не знаю, хорошо ли вышло,— в одном уверен: ни для какой сцены не годится. С месяц надо будет употребить, чтобы обтесать ее из первобытности в вид печатный. То есть оно можно бы и скорее, да уж больно я занят. Думал, что успею повезти ее к Вам на суд к 15 дек‹абря›, но вряд ли управлюсь. Так что — вернее — приеду с нею между двумя новыми годами, здешним и русским.

XXIV-го сборника еще не видал. Жаль очень, что Вы «Ненужного человека» разделили![2] Целиком бы его.

Сегодня целый день говорили об этих двух вещах — «Исповеди» и «Ненужном человеке» — с Германом Лопатиным. Очень он восхищался. А в особенности, как специалист и знаток, знанием Вашим языка русского и свободою распоряжения им.

Купаемся.

Жизнь идет вяло и смирно. Рабочие лошади, т. е. письменные столы, работают. Кое-кто болеет. Но больше выздоравливают и толстеют.

До свидания. Всего Вам хорошего. Привет Марии Федоровне.

Ваш А. А.

[1] По-видимому, речь идет о пьесе Амфитеатрова «Триста тысяч».

[2] В связи с цензурными преследованиями повесть Горького «Жизнь ненужного человека» не могла быть напечатана полностью в XXIV *сб. «Знания»* за 1908 г. (в нем была напечатана только часть повести, около трети ее текста).

25 ноября ст. ст. 1908 г. Пятницкий телеграфировал Горькому, что сборник с окончанием повести вызовет немедленную конфискацию книги (*АГ*). В XXV *сб. «Знания»* за 1908 г. было напечатано сообщение: «Окончание повести „Жизнь ненужного человека“ не могло быть напечатано в этом сборнике по причинам, не зависящим ни от автора, ни от издательства».

Полный текст повести был впервые напечатан в 1908 г. в изд-ве Ладыжникова под названием «Жизнь лишнего человека». До Октябрьской революции бóльшая часть повести оставалась под цензурным запретом в России. Было строго запрещено также и распространение заграничных ее изданий на русском и иностранных языках (*9*, 525—532).

54. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 7 или 8 декабря 1908 г.›

Дорогой и уважаемый Александр Валентинович.

Считаю нужным ознакомить вас с гнусностями, кои брошены по вашему адресу бывшим товарищем моим, а ныне — несомненным прохвостом и холопом — Владимиром Поссе[1].

С людьми, ему подобными, конечно, не следует разговаривать, но — мне кажется,— что иногда необходимо наступать пятою на язык им. Однако — не заключайте, что я советую вам побеседовать с этим уродом — это ваша воля.

А фельетон его *возвратите мне*: я собираю все такие перлы, намереваясь по скорости осветить их достойно[2].

Крепко жму руку.

А. Пешков

У индейцев Сев⟨ерной⟩ Ам⟨ерики⟩ есть поговорка: «на врага не сердятся, его убивают».

И другая: «если торопишься — убей врага стрелой, но мучительней для него твое презрение».

Они — неглупый народ, индейцы.

Сердечный мой привет вам.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с предыдущим и следующим письмами.

[1] Владимир Александрович *Поссе* (1864—1940) — журналист и общественный деятель, пайщик изд-ва «Знание» до 1902 г. Горького и Поссе связывали дружеские отношения в конце 90-х — начале 900-х годов, особенно в период их совместной работы в демократическом журн. «Жизнь», фактическим редактором которого был Поссе и ведущую роль в художественном отделе которого играл Горький (см.: *Келдыш В. А.* «Жизнь» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890—1904. М.: Наука, 1981). После закрытия журн. «Жизнь» в 1901 г. и отъезда Поссе за границу идейные пути Горького и Поссе разошлись, и отношения порвались. В публикуемом письме, дающем резкую, несправедливую оценку личности Поссе, речь идет о ст. Поссе «Очерки современной литературы (IV), Амфитеатров и Горький» (Слово. 1908. № 626. 20 нояб./3 дек.). Одновременно с письмом Горький послал Амфитеатрову газетную вырезку этой статьи (вырезка с пометами Горького красным карандашом на полях и в тексте хранится в *ЦГАЛИ*). В ст. Поссе давалась высокая оценка повести Горького «Жизнь ненужного человека» и резко отрицательная — пьесе Амфитеатрова «Княгиня Настя»: «Не пьеса, а бойкий бульварный фельетон». В ней он хотел создать дифирамб революционерам, «а вышло что-то вроде пасквиля...» Статья была направлена против сотрудничества Горького с Амфитеатровым, «закреплявшегося» XXIV *сб. «Знания»*.

[2] Намерение это не было осуществлено.

55. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 8 или 9 декабря 1908 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Не писал — ибо все время занят был, сочиняя, беседуя, ругаясь. И — полон дом гостей, а народ все — отличный: Боткина, художница[1], Богданов, молодой беллетрист один, Луначарский, конечно.

«Сумерки» — второй том — читал: разволновался, слушая «Крестьянскую войну», до того, что взревел — хорошо! Для моей души — превосходно! Потом — мысленно — лаял вас и проклинал газеты, сожравшие большущий кусок вашей здоровенной души. Эх, вы, бронтозавр московский,— на кой черт понадобилась вам история этой окаянной алкоголички, Дорошевичевой жены?[2] Такая досада была читать о ней, и так неуместна она в книге, которая даже в анахронизмах своих — приятна.

Жилкин — есть такой гениальный журналист — «Настю» — не хвалит[3]; сирийско-петербургский писатель Кондурушкин — тоже. Последнему за это — влетело. Должно быть, я еще с одним литератором поссорился.

Жду вас со Смертяшкиными[4], и очень рад буду попить красного винца с вами. А что Герман Николаевич[5] — кажется — не захочет сюда заглянуть? Коли бы не мои немощи — я б и сам махнул в Кави пожать ему и вам руки, да здоровьишко скрипит. И — устал тоже.

М. Ф.— поправилась; она ненароком хватила вместо воды полосканья для горла, но — немножко, и хотя был опасный момент — теперь все прошло вполне бесследно.

Из Питера пишут: «литературный сезон начинается уныло, по всей линии торжествует серый октябрист. Концентрируются вокруг двух лозунгов: „искусство для искусства“ и — „России необходима прежде всего — культура, долой политику, долой революцию“» [6]. Не очень ново, как видите.

Рейнботова история — нравится?[7] Душисто вышло?

Ну, пока всего доброго!

Должен отдохнуть. Привет, поклоны.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 10 декабря 1908 г. и упоминаемым газетным публикациям.

[1] Мария Сергеевна *Боткина* (1870—1960) — художница, друг семьи Горького, дочь врача-клинициста Сергея Петровича *Боткина* (1832—1889). Ей принадлежит ряд портретных зарисовок Горького.

[2] Во второй части романа рассказана история падения и гибели жены героя, известного оперного певца Берлоги,— Надежды Филаретовны, или Наны. По-видимому, Горький нашел в этом образе какие-то черты первой жены В. М. Дорошевича.

[3] Иван Васильевич *Жилкин* (псевдоним И. Вершинин) (1874—1958) — журналист. Ст. Жилкина «Тень ненужности» (Слово. 1908. № 625. 19 нояб./2 дек.) посвящена критическому разбору повести Горького «Жизнь ненужного человека» и пьесы Амфитеатрова «Княгиня Настя». Рецензент считал, что пьеса написана в фельетонном стиле, ее ситуации и персонажи придуманы автором, оторванным от русской жизни в силу «независящих от него обстоятельств».

[4] См.: *А—Г*, п. от 20 апреля 1908 г., прим. 4.

[5] Имеется в виду Г. А. Лопатин.

М. Ф. АНДРЕЕВА И М. С. БОТКИНА В СТОЛОВОЙ ВИЛЛЫ «СЕТТАНИ»
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1908
Музей Горького, Москва

[6] О каком письме идет речь, установить не удалось.

[7] Речь идет о печатавшихся в газетах сообщениях о ходе следствия по делу бывшего градоначальника Москвы генерала *А. А. Рейнбота* (Резвой, 1868—1918), обвинявшегося в превышении власти, растратах, взяточничестве и подлогах. Рейнбот был назначен на пост градоначальника в январе 1906 г. Отличался крайней жестокостью при подавлении революционного движения. Он должен был «навести порядок» в Москве после Декабрьского восстания 1905 г., но осенью 1907 г. был снят с занимаемого поста и предан суду. Следствие по делу Рейнбота длилось несколько лет и закончилось в 1911 г. вынесением легкого приговора. После этого Рейнбот сменил фамилию на Резвой и продолжал служить в армии в том же чине.

В *ЛБГ* хранится «Ответ А. А. Рейнбота на обвинение его в преступлениях должности. Полный текст заявлений на имя члена Московской судебной палаты Л. Б. Шадурского в ответ на постановления о привлечении к следствию» (М., тип. А. П. Поплавского, 1910; на правах рукописи). Пометы предположительно Горького (*Описание*).

56. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья.› 1908.XII.10

Дорогой Алексей Максимович.

Сердечное спасибо за письмо о Поссе. Я читал эту прелесть уже до Вашей вырезки. Откровенно скажу: в первый момент не выдержал, было, характера, оскорбился. Не тем, что обо мне написано,

а тем, что писал Поссе, которого я, хотя совершенно его не знаю и мало читал, считал, по слухам и на веру, человеком порядочным и неспособным к недобросовестной злобности, с какою он на меня накинулся. Так полемизировал со мною раньше только Меньшиков [1] — с теми же попреками и тем же тоном, только еще ту смешную подробность прибавьте, что из фельетона «Н<ового> вр<емени>» лаял. Напрасно Поссе напечатал свое произведение в «Слове» [2]. Следовало бывшему эс-деку сделать еще шаг направо и сдать рукопись именно в «Новое время». Буренин [3] напечатал бы с наслаждением.

Ваша характеристика г. Поссе настолько выразительна, что о нем больше и толковать не стоит. Может быть, когда-нибудь, выпуская отдельное издание «Княгини Насти» или при другом удобном случае, я займусь этим барином, если только... не забуду. В конце концов, что мне за дело, как незнакомец, каков для меня он, думает о другом незнакомце, каков для него я? Я не ангел и индейским чувствам не чужд, но жизнь так быстра, работы так много, на плечах 45 лет, надо успеть столько сделать, что считаешь полезным сам и одобряют хорошие люди,— некогда и жаль на личное словопрение тратить трудовое время и рабочие нервы. Посчитаемся как-нибудь на досуге.

А вот Вам я глубоко благодарен, что Вы написали мне Ваши строки по поводу Поссе, не выжидая, что я Вам напишу. Я вижу в этом сердечный акт доверия, и нравственного, и политического, и никогда не забуду Вашего дружеского движения — ни как оно кстати пришло навстречу моим смущенным мыслям, ни как деликатно Вы им поспешили. Это Ваше письмо смыло с души моей много печальной и скептической сажи, накопленной за «круговращение» 45 годов. Пестрая штука жизнь. На днях, по случаю смерти художника Реджио [4], начал я перетряхать в памяти «пыль веков» и показалось мне, что я живу на свете не 45 лет, а мало-мало 90.

Сейчас получил второе Ваше письмо. Искренно счастлив, что приключение с Марией Федоровной обошлось так легко. В прошлом году одна моя свойственница в Москве таким-то манером на тот свет отправилась. Говоря изящным слогом: угораздит же! Ненавижу склянки и аптеку. Вечно позабудешь, где лекарство, где яд.

Жилкина читал. Надо Вам сказать, что я не получал «Слова» и никаких связей с оным не имел, но вдруг, недели две тому назад, журнал сей начали мне прелюбезно посылать. Я уже собирался чувствительно благодарить редакцию за трогательное внимание, ан, оказывается, «умысел другой тут был» [5]. На Жилкина я нисколько не в претензии, только он до смешного самодоволен и уверен, что уж он-то знает, где таится нерв эпохи. И он, и Поссе столь радостно играют словами «нужный» и «ненужный», что, очевидно, сознают себя настоящими, патентованными нужниками и очень тем гордятся. Кому что нравится!

Кондурушкина, кажется, никогда ничего не читал.

К моему удивлению, недурно написал о «Княгине Насте» Кугель в «Т<еатре> и и<скусстве>» [6]. Подошел к красивой и оригинальной точке зрения. Удивление мое тем больше, что я ждал ругани, так как Кугель — индеец добродушный, но гневный и мстительный, а я недавно отказался сотрудничать в его журнале до тех пор, покуда он не перестанет притонодержательствовать господам вроде Л. Л. Толстого, Бобрищева-Пушкина, Старка, Евреинова, Сукинсынникова и иных от сих же, стремящихся под сень «объединения в искусстве» [7].

Герман Александрович очень благодарит Вас за приглашение на Капри и имеет громадное желание воспользоваться им. В половине января здешнего, между 15—20, мы объявимся к Вам всенепременно. Экая жалость, что сейчас я не могу тронуться: опять не познакомлюсь с Богдановым, который меня так глубоко интересует!

Спасибо за добрые слова о 2-м томе «Сумерков». Вы меня очень ими обрадовали! Откровенно сказать, «Крестьянская война» и самим автором жестоковыйным, местами, не без слезы написана. Сережа Горелов все просит меня написать «Фра Дольчино», да много возиться с этим надо, а столько ранее намеченных работ.

Насчет алкоголички [8]. Очень я много баб подобных знал, и всегда они меня отравленностью своею органическою интересовали. Жена Дорошевича, Эльяшева, Зоя Кочетова [9] и др. В роман я поместил ее потому, что Лубковская рассказывала мне, как, при черносотенном разгроме киевского театра какая-то пьяная баба лезла через оркестр на сцену. Это дало мне идею заключительной главы, а для нее вообще На́ну написать. Ну, эпизод-то и расползся.

Работаю над своею пьесищею усиленно. Многим сестрам будет по серьгам. Назову, должно быть, «Триста тысяч» [10]. Для отдыха сочиняю, по просьбе Волховского, статьи для солдатского чтения. Написал уже четыре: «Царь», «Отечество», «В чем сила русского государства» и «Великий князь Алексей Александрович». Очень увлекаюсь. Тоже привезу Вам. Моя мечта составить этакую обиходную хрестоматию революционного характера. Сильно рассчитывал на помощь в этом деле Петрова Григория, да он утопист и брендит.

У нас недавно было приключение. Вас. Ив. Немирович, похваляясь новым револьвером, выпалил из него ненароком за обеденным столом и мало-мало не ухлопал юную m-е Владимирову. Револьвер мы конфисковали, а Немировичу объявили, что в будущем временном правительстве ни военным министром, ни главнокомандующим ему не бывать: не умеет обращаться с оружием.

До свидания. Еще раз спасибо, и желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне! Поклоны каприйцам.

Ваш А. А.

Сохранилось неотправленное п. Амфитеатрова Горькому от 9 декабря 1908 г. См. о нем в ст. Н. И. Дикушиной.

[1] Михаил Осипович *Меньшиков* (1859—1919) — реакционный публицист. С начала 1900-х годов постоянный сотрудник «Нового времени», где вел «воскресный» фельетон «Письма к ближним».

[2] *«Слово»* — ежедневная газета, выходила в Петербурге в 1904—1909 гг. С ноября 1905 г.— орган октябристов. С ноября 1906 г.— орган конституционно-монархической партии «мирнообновленцев», по существу ничем не отличавшихся от октябристов. В передовой статье № 1 за 1906 г. газета объявляла себя органом Конституционного центра, стоящего за власть сильную и авторитетную и действующую «на строго конституционной почве».

[3] Виктор Петрович *Буренин* (1841—1926) — писатель и публицист. До середины 1870-х годов активно сотрудничал в журн. «Искра» и других демократических изданиях. Порвав с прогрессивными изданиями, в 1876 г. вошел в редакцию «Нового времени», где стал ведущим публицистом. Ленин употреблял имя Буренина как синоним бесчестности и продажности.

[4] Александр Николаевич *Беклемишев* (Реджио) (ум. в 1908 г.) — художник-декоратор, работал в тифлисском оперном театре, где в 1887 г. с ним познакомился Амфитеатров; долгие годы жил в Италии. Амфитеатров писал о его судьбе в ст. «Александр Николаевич Реджио» (сб. «Тризны», СПб., 1909).

[5] Цитата из басни И. А. Крылова «Музыканты».

[6] Александр Рафаилович *Кугель* (псевдоним Homo Novus) (1864—1928) — театральный критик, основатель в Петербурге театра пародий «Кривое зеркало». Издатель и редактор журн. «Театр и искусство» (выходил в Петербурге с 1897 по 1918 г.). На протяжении ряда лет журнал отстаивал реализм на русской сцене, высмеивал декадентство, но четко выраженного направления у него не было. Во второй части цикла театральных обзоров («Записная книжка») Кугель писал о пьесе Амфитеатрова «Княгиня Настя» (Театр и искусство. 1908. № 47).

[7] Лев Львович *Толстой* (1869—1945) — писатель, сотрудник газ. «Новое время», сын Л. Н. Толстого.

Александр Владимирович *Бобрищев-Пушкин* (выступал под псевдонимами Громобой, Не-коммунист) (1875—?) — реакционный публицист, белоэмигрант.

Эдуард Александрович *Старк* (1874—1942) — театральный критик. Начал печататься в издаваемой Амфитеатровым газ. «Россия» в 1901 г.

Николай Николаевич *Евреинов* (1879—1953) — театральный критик и историк театра. Явился одним из создателей в России так называемого «Старинного театра», что приобщило его к модернистскому направлению в театральном искусстве тех лет.

[8] См.: *Г—А*, п. от 8 или 9 декабря 1908 г., прим. 2.

[9] Эльяшева — пианистка-аккомпаниатор.

Зоя Разумниковна *Кочетова* (1857—1892) — известная оперная певица.

[10] Пьеса вышла под названием «Два часа в благородном семействе, или О чем скрипела дверь. (Происшествие)» (сб. «„Княгиня Настя“ и другие драматические сочинения»).

57. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Декабрь, не ранее 12, 1908 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Очень, очень рад, что Герман Александрович хочет приехать с вами на остров сей дикий, окутанный серыми тучами.

И рад, что Поссе—Ланде—Струве, троеглавый символ ренегатства [1], не трогает вас.

Я, знаете, «Русскому знамени» [2] сочувствовать начинаю в вопросе об инородцах, а ежели они знаменитых шведов потомки,— то — особенно, ибо всё с большей очевидностью доказывают мне, потомки сии, что Русь для них — место кормления,— не больше того.

Конечно, аз есмь человек преувеличивающий — и это знаю.

Нужно бы мне книжку вашу «Житейская накипь» [3] — буде имеете под рукой,— пришлите,— возвращу.

Вчера занимался статистикой: за год текущий прочтено мною 153 рукописи [4] — из коих лишь 19 написано «именами» и 32 — людьми интеллигентными, авторы же остальных: рабочие, крестьяне, солдаты, дворники, швейцар, пожарный, две горничных, швея, прачка, два извозчика, сапожников трое, ссыльно-каторжных 2, и — генерал!

Жму руку, кланяюсь всем, а Г. А. особо.

А. Пешков

Датируется по предшествующему письму.

[1] Петр Бернгардович *Струве* (1870—1944) — буржуазный экономист и философ, представитель «легального марксизма». С образованием в 1905 г. партии кадетов стал членом ЦК и лидером ее правого крыла. После 1917 г.— белоэмигрант.

Александр Соломонович *Ланде* (псевдоним А. Изгоев) (1872—1935) — один из лидеров правых кадетов. Журналист. Был выслан в 1922 г. из Советской России. В годы реакции Струве и Ланде активно выступали против революции и демократии, участники сб. «Вехи». Струве и А. Изгоев принимали участие в газ. «Слово».

[2] *«Русское знамя»* — черносотенная газета, орган Союза русского народа. Выходила с 1905 по 1917 г. в Петербурге.

[3] Сб. Амфитеатрова «Житейская накипь» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1905, 2-е изд.) включал в себя фельетоны, очерки и рассказы: «Фармазоны», «Птичка божия», «Травля подсудимых», «О неудачном поколении», «Владыки будущего», «Юные», «Татьяны», «Железнодорожный разбой», «Аркадийское пожарище», «Несторова летопись за 1899 год» и др. Сборник носил ярко выраженный сатирический характер. Возможно, что Горького привлекала в нем постановка проблемы современной молодежи, в частности проблема хулиганства, его социальных истоков.

[4] На материале рукописей, присылаемых ему на отзыв, Горький написал ст. «О писателях-самоучках».

58. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 25 декабря 1908 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Пишу в день бусурманского Рождества и заранее поздравляю с бусурманским Новым годом. Буду к Вам около русского Нового года, может быть, опоздаю на неделю. Заранее угрожаю зачитать Вас.

Прислал мне Первухин «Лебедя»[1]. О, господа! Доколе же? «Не вынесла душа поэта» — написал о них довольно кусательное сочинение[2].

Так как чувствую себя капиталистом, ибо Пятницкий аккурат вчера прислал мне миллион, то думаю на днях поехать на денек в Милан оперу послушать. А то уши заросли.

«Восьмидесятники» по-немецки выходят.

До свидания. Будьте здоровы. Всего Вам хорошего.

Ваш Ал. Амф.

Датируется по почт. шт.

[1] Михаил Константинович *Первухин* (1870—1929) — писатель и журналист, в 1900—1906 гг. редактор газ. «Крымский курьер»; печатался в ряде столичных газет и журналов. В 1907—1909 гг. жил в Италии, бывал у Горького, о чем рассказал в очерке «У М. Горького на Капри» (Одесские новости. 1907. № 73302. 11 авг.). В сб. «Заметы сердца» Амфитеатров дал положительную оценку первой книги рассказов Первухина «Догорающие лампы» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1909), отмечая реалистическую манеру письма и новое освещение темы «маленького человека».

«Лебедь» — журнал литературы и искусства, выходил в Москве в 1908 и 1909 г., редактор-издатель С. А. Поперек. Во главе редакционного совета стояли С. Н. Сергеев-Ценский и Д. Н. Крачковский. В ст. «От редакции» (1908, № 1) сообщалось, что журнал «посвящается исключительно вопросам искусства» и в «сфере искусства журнал беспартиен» (с. 1). Первухин послал Амфитеатрову два первых номера журнала за 1908 г. Большое место в них занимала полемика по поводу повести Сергеева-Ценского «Береговое» (1908): ст. «О „Береговом". Беседа с Сергеевым-Ценским» (№ 1) и «Открытое письмо журналу „Весы" Сергеева-Ценского» (№ 2), в котором Сергеев-Ценский защищался от несправедливой и грубой критики журн. «Весы».

[2] Намерение было осуществлено в ст. «О Сергееве-Ценском», в которой первый раздел был посвящен журн. «Лебедь», второй — роману Сергеева-Ценского «Бабаев». «Получил я,— писал Амфитеатров,— два номера журнала „Лебедь". Издается в Москве, зачем — неизвестно, но как будто со злости на „Весы". „Лебедь" кричит так громко и пространно, точно с тем лишь именно пришел он к нам, чтобы „спеть песнь о Сергееве-Ценском"» (сб. «Заметы сердца», СПб., 1909, с. 53—61).

59. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 9 января 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

С Новым русским годом! Всего хорошего в нем Вам и Марии Федоровне!

Я совершенно растрепан мессинскими ужасами[1]. Даже работоспособность всякую потерял. Откровенно сознаюсь, что не с м о г поехать на место катастрофы: воображение испугалось двухсот тысяч трупов.

Завтра еду в Милан проведать Федора Ивановича. Не знаю, сумею ли дождаться его выхода в «Борисе»[2]. А, конечно, хотелось бы очень.

20/I выезжаем с Германом Александровичем к Вам на Капри[3]. Приеду, кажется, с пустыми руками. Перечитал пьесу свою и швырнул в угол[4]. Не то. Совсем не то.

Скучно без России. Да еще весна скоро. А я каждую весну заболеваю тоскою по Оке, Волге и прочей среднерусской слякоти любезной... От Айзмана имею известия о питерских триумфах[5], коими, кажется, он очень счастлив. До свидания. Будьте здоровы.

Ваш А. А м ф и т е а т р о в

Датируется по почт. шт.

[1] 15/28 декабря 1908 г. произошло землетрясение в Южной Италии — в Калабрии и Сицилии. В первые же дни Горький выехал на место катастрофы и написал воззвание о помощи пострадавшим от землетрясения, организовал сбор пожертвований. «Воззвание Максима Горького о помощи» (Речь. 1909. № 312. 19 дек. 1908/1 янв. 1909) было перепечатано в нескольких изданиях.

Организуя сбор пожертвований, писатель также внес свою долю в Каприйский комитет помощи. 1/14 января 1909 г. «Русское слово» опубликовало «Письмо в ре-

дакцию», в котором Горький выражал благодарность русским людям за посланные на его имя пожертвования. В короткий срок — менее месяца — Горький написал большой очерк «Землетрясение в Калабрии и Сицилии», который явился основой книги того же названия. Вторым автором был швейцарский ученый-астроном В. Мейер, долго живший в Сицилии. «Весь доход с настоящего издания поступает в пользу пострадавших»,— значилось на титульном листе книги.

В кн. М. Горького и В. Мейера «Землетрясение в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г.» (СПб., изд-во «Знание», 1909) выражалось восхищение мужеством, чувством солидарности и развитым чувством собственного достоинства итальянского народа. Горький писал также об участии в спасательных работах русских моряков: «Нет слов, чтобы рассказать, с каким самоотвержением работали русские матросы! Где только было опаснее всего, куда никто не решался идти, они шли и спокойно делали свое дело 〈...〉 Удивительно трогательно относились они к детям и женщинам!» (с. 38). См. также: *Быковцева Л.* Горький в Италии. М., 1979. С. 255, 260—261, 262.

В газ. «Речь» (1909, № 294, 26 окт./8 нояб.) была напечатана ст. Блока о кн. М. Горького и В. Мейера «Землетрясение в Калабрии и Сицилии». Блок высоко оценил эту книгу и деятельное участие Горького в организации помощи пострадавшим.

[2] В это время в миланском оперном театре Ла Скала шли репетиции оперы «Борис Годунов» с участием Шаляпина.

[3] Намерение не было осуществлено.

[4] По-видимому, речь идет о пьесе «Триста тысяч», о которой ранее сообщал Амфитеатров.

[5] Подразумевается успех пьесы Айзмана «Жены», поставленной на сцене Михайловского театра в Петербурге. Постановка была отмечена в рецензиях А. Измайлова «„Жены" Айзмана в Михайловском театре» (Русское слово. 1908. № 293. 18 дек.). «„Жены" на сцене Михайловского театра» (Новое время. 1908. № 11773. 19 дек.) и др.

60. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Милан. 11 января 1909 г.)

Дорогой А. М.!

Слушал вчера одну из репетиций Бориса! Федор, конечно, великолепен, но итальянцы — собаки (кроме оркестра). Работает Федор великолепно и строго. Школит итальянцев [1]. Надо им отдать справедливость, что слушаются и стараются. Но, несмотря на все то, ничего не выходит: другое мировоззрение и другие тона. Опера будет иметь успех. Приятно, что исполнители смотрят на нее не сверху вниз, а снизу вверх: уже это прогресс немалый. Декорации возмутительно скверны [2]. Словно в Стерлитамаке [3]. А в России такой спектакль был бы смешон, но здесь, повторяю, понравится. Завтра генеральная репетиция. Спектакль в четверг. Ужаснейшая здесь погода. Поголовный кашель. Всего хорошего Вам, Марии Федоровне и всем присным!

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] Как видно из публикуемого письма, Шаляпин осуществлял также и режиссерское руководство постановкой.

В воспоминаниях «Страницы моей жизни» он писал: «Естественно, что во время репетиций на мою долю вышла роль режиссера — приходилось показывать и объяснять артистам, хору многое, что было чуждо итальянцам, не понималось ими. Все относились ко мне с редким вниманием. Я чувствовал, как русское искусство побеждает и восхищает этих впечатлительных людей и, тронутый до глубины души, чиковал» (*Шаляпин.* Т. 1. С. 647).

[2] Можно лишь предположить, что итальянцы использовали эскизы декораций и костюмов, выполненных Александром Яковлевичем *Головиным* (1863—1930) для «Русских сезонов» С. П. Дягилева; премьера постановки «Бориса Годунова» с Шаляпиным в заглавной роли состоялась 14 мая 1908 г. в Париже. Если это предположение верно, то Амфитеатров был глубоко не прав, отрицательно оценивая сценическое оформление спектакля в Милане. Знаменитый французский композитор Морис Равель, вспоминая «лихорадочные боевые минуты 1908 года», писал о тогдашней постановке «Бориса Годунова» в Париже: «Спектакль обернулся триумфом. Публика восхищалась решительно всем». А писатель Камиль Моклер в ст. «Уроки русских сезонов» заявлял: «Все эти русские, исполнившие такие декорации,—

Билибин, Лев Бакст, Рерих, Головин, Серов, Александр Бенуа — все они хорошие художники, смело порвавшие с условностями и сразу понявшие, что декорации музыкальной драмы совершенно отличаются от декораций драматического театра и должны являться симфонией цвета, которая созвучна оркестровой симфонии и стремится к красоте в нереальном мире». И далее: «Наши композиторы балетов и хоровых сцен, декораторы, режиссеры, танцовщики, танцовщицы — все могли без ложного самолюбия получить в один голос у русских благородный урок» (см.: Сергей Дягилев и русское искусство: Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве. В 2-х т./Сост., авторы вступ. ст. и коммент. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. М., 1982. Т. 1. С. 420, 428).

[3] Стерлитамак — город на территории Башкирии.

61. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Милан. 15 или 16 января 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Великую победу одержало русское искусство «Борисом Годуновым». Успех был огромный, неслыханный в чинной и сдержанной «Skala». Итальянцы ходили в антрактах восторженные и ошалелые и — что удивительно — поняли дух и значение Бориса. Особенно ошеломляло их то, что опера написана почти 40 лет назад, а новее и свежее всего, что они слышат как признанное и знаменитое. Так вот откуда Дебюсси! Так вот откуда Штраусы![1] Очень было интересно и трогательно. Каюсь, благо темно в зале, весь спектакль с мокрыми глазами просидел.

Федор был превосходен. В последней сцене захрипел, было, и закатился, но умирающему полагается. Итальянцы откровенно говорили, что на оперной сцене подобного исполнения никогда не имели, а в драме, кроме Сальвини[2] и покойника Росси, соперников у Федора нет. Вот Вам! Доставил себе удовольствие телеграфировать это «Русскому слову». До свидания. Всего Вам хорошего!

Ваш Ал. Амфитеатров

Совсем, было, забыл послать Вам прилагаемое[3], хотя, вероятно, Вы уже имеете этот ужас. Столь страшной катастрофы, которой не было в истории нашей какой бы то ни было революции. Это не провал, а крушение.

Скольких людей этот человек посылал в могилы, за десять лет своей почти что диктатуры!

Теперь выясняются все «непостижимые» провалы, вроде спасения Столыпина, Щегловитова[4] и т. п. Вера Николаевна[5], говорят, в совершенном отчаянии, потому что она за Азефа горою стояла даже (?) в первые дни суда над ним.

Бурцев победил. Я рад за него, но — какой ужас!

Ваш Амфитеатров

Датируется по упоминанию о премьере оперы «Борис Годунов».

[1] Речь идет о композиторах Клоде *Дебюсси* (1862—1918) и Рихарде *Штраусе* (1864—1949).

В ст. «Борис Годунов в Милане» Амфитеатров писал, передавая впечатление итальянцев от оперы Мусоргского: «Подумайте только, что эта опера написана в 1870 году! У них уже сорок лет назад существовала в грандиозных размерах школа, к которой наши современные веристы едва прикасаются своими миниатюрами.

— А мы-то считали новаторами Штрауса и Дебюсси!» (сб. «Заметы сердца», СПб., 1909, с. 212).

[2] Томмазо *Сальвини* (1829—1915) — итальянский драматический актер. Прославился исполнением ролей Отелло и короля Лира. Сальвини неоднократно гастролировал в России.

[3] Амфитеатров послал Горькому материалы, связанные с разоблачением члена ЦК партии эсеров, провокатора Евно *Азефа* (1869—1918).

[4] Петр Аркадьевич *Столыпин* (1862—1911) — с 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров. Руководил подавлением революции 1905—1907 гг. (По имени Столыпина веревка для повешения стала называться «столыпинским галстуком».)

Амфитеатров, по-видимому, упоминает о покушении на Столыпина, которое подготовлялось Активной дружиной социалистов-революционеров и было назначено на 7 января 1908 г., но 29 декабря 1907 г. начались аресты членов дружины, и покушение не состоялось.

Иван Григорьевич *Щегловитов* (1861—1918) — министр юстиции (1906—1915), сподвижник и правая рука Столыпина, покровитель Союза русского народа. Покушение на Щегловитова подготовлялось Летучим боевым отрядом Северной области во главе с Марио Кальвино. Предупрежденный охранным отделением, Щегловитов не выехал в назначенный день из дома, покушение не состоялось, все члены отряда были арестованы и преданы военно-полевому суду.

[5] В. Н. Фигнер.

62. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 23 января 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Думал сегодня выехать к Вам, но получил от Лопатина тревожное письмо, что его экстренно вызывают в Париж. Азевское дело перепутало все отношения и, вообще, продолжает быть полно ужаса и ядовитых угроз. Надо его подождать, т. е. Лопатина-то.

Драму свою я окончательно уничтожил [1].

Чувствую себя очень скверно. Не в унынии, а в озлоблении большом. Самому не пишется, а что приходится читать, производит впечатление: «не то!»

2-го или 3-го февраля хотел приехать проездом в Монте-Карло Ф. И. Шаляпин. Молодчина он. Большое дело сделал.

Мне перестали высылать «Русское слово». Не знаю, поместили ли они мои телеграммы. Я нарочно посылал им после глупой вылазки Дорошевича [2]. Все остальные газеты поместили.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет Марии Федоровне. Виктор, бывший у Вас [3], просил Вам кланяться. Он молодчина. Отличный ряд корреспонденций написал.

Сердечно Ваш А. А.

Датируется по почт. шт.

[1] Имеется в виду пьеса «Триста тысяч».

[2] Речь идет о ст. Дорошевича «Шаляпин» (*А—Г*, п. от 18 нояб. 1908 г., прим. 7). Сообщения Амфитеатрова об успехе «Бориса Годунова» в Милане в газ. «Русское слово» не печатались.

[3] О ком идет речь, установить не удалось.

63. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Начало февраля 1909 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Знаю из письма В. Л. Бурцева, что он на днях будет у вас в Кави [1].

Убедительнейше прошу вас сообщить и — по возможности — внушить ему глубокое мое убеждение в том, что несомненно и непременно будут сделаны попытки уничтожить его, Бурцева.

Нисколько не удивлюсь, если сии попытки будут сделаны с двух сторон. Ценность же В. Л. — высока,— вы сие, наверное, понимаете?

Предложите ему ехать сюда, если он с доводами вашими согласится. Убедите — во всяком случае — позаботиться о самоохране.

Сейчас прочитал вашу статью в «Речи» о Годунове [2] — ура и ура!

А Богданов уже уезжает [3] отсюда в четверг, и опять вы не увидите этого человека, коего — в будущем — поставят на высоту огромную. И, разумеется, прежде нас его оценит Европа, как она начинает оценивать «смешного» русского ученого Наума Котика [4]. От сих дел у меня — кости ноют!

АМФИТЕАТРОВ НА КАПРИ

Рисунок М. С. Боткиной (бумага, карандаш). Слева под изображением: «М. Боткина. 20 февр⟨аля⟩ 09». Рукою Амфитеатрова помечено: «Капри»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Видеть вас весьма приятно было бы, но — далеки вы, сударь, как новооткрытая планета [5] системы нашей!

Кланяюсь, приветствую.

А. Пешков

Датируется по упоминанию ст. Амфитеатрова «Победа „Бориса Годунова"» (Речь. 1909. № 12. 13/26 янв.).

[1] В упомянутом письме В. Л. Бурцев сообщал Горькому: «Дело сделано, но до сих пор ужас берет, когда подумаешь, какую роль играл этот господин. Я чуть с ума не сошел, когда более года бился около с-р. ЦК, убеждая его, Е⟨вн⟩о А⟨зеф⟩ — шпион!... Сегодня-завтра я еду в поисках документов. Буду в Ницце и Генуе, конечно, я не удержусь, побываю в Cavi у Амфитеатрова» (*АГ*).

[2] В ст. «Победа „Бориса Годунова"» Амфитеатров писал об огромном успехе оперы Мусоргского и Шаляпина в роли царя Бориса в театре Ла Скала.

[3] В 1908—1909 гг. А. А. Богданов неоднократно приезжал на Капри из Парижа.

[4] В это время Горький был увлечен работами доктора Н. Г. Котика: «Эманация психо-физической энергии. Экспериментальное исследование явлений медиумизма, ясновидения и мысленного внушения в связи с вопросом радиоактивности мозга» (М., изд-во В. М. Саблина, 1907); «Непосредственная передача мыслей (экспе-

риментальное исследование)» (М., изд-во «Современные проблемы», 1908). Обе книги с пометами Горького хранятся в *ЛБГ*, вторая — с дарственной надписью: «Искренне уважаемому Алексею Максимовичу от автора. Москва, 27 сент. 1908 года» (*Описание*).

После прочтения первой книги Горький писал Пятницкому: «Меня одолевают, может быть, наивные и смешные мысли, но — я все более увлекаюсь ими. Мне кажется, например, что мысль — вид материи или, вернее, один из видов эманации материи. Что мысль и воля — едино суть. Я делаю отсюда выводы — удивительные, не забывая о том, что они, опять-таки, могут показаться смешными.

Но я не совсем мечтатель и фантазер: д-р Котик в своей книжке „Эманация психо-физической энергии" позволяет мне опереться на его опыты. Он — не один, на днях я прочитал удивительную книжку Содди о радиоактивности» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 251).

[5] Галлеева комета — названа в честь английского астронома Эдмунда *Галлея* (1656—1742), который установил периодичность (76 лет) обращения кометы вокруг Солнца. Согласно расчетам, комета Галлея должна была стать видимой на земле в 1909 г.

64. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di L(avagna. 3 февраля 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Письмо получил, Бурцеву показал, но он — фаталист и, как турок иль татарин, судьбе за все благодарен.

Сейчас проводил в Monte-Carlo Федора[1]. Был у меня два дня здесь. Кончил Милан с большими овациями. Голос все еще больной!

Я выезжаю из Кави в воскресенье, послезавтра, а к Вам попаду не раньше чем во вторник, и не позже чем в четверг. От Вас же — прямо в Черногорию[2].

Азевское землетрясение[3] измучило нашу колонию до последней возможности.

До скорого свидания. Сердечный привет Марии Федоровне. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по времени отъезда Шаляпина из Милана в Монте-Карло. См. прим. 1.

[1] Шаляпин уехал в Монте-Карло 3 февраля 1909 г. (Летопись жизни и творчества Ф. И. Шаляпина. Л., 1964. Кн. 1. С. 292).

[2] См. следующее письмо, прим. 1.

[3] Разоблачение Азефа.

65. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Антивари. Начало марта 1909 г.)

Дорогие Алексей Максимович и Мария Федоровна.

Не знаю, как у Вас на Капри, а у нас в Антивари каша, т. е. дождь.

Красóты здесь непомерные, а великолепнее всего люди. Вот уж где звучат-то гордо. Спутник мой, который впервые видит черногорцев, сбесился от восторга, зря эту породу.

Край поставлен на военную ногу[1]. Приезжих, видимо, боятся, и очень внимательно вычитываются паспорта. Нам, как русским, сделаны всякие любезности, но все-таки мы едва ли не под надзором. Завтра едем в Цетинье. Жаль, если погода не исправится.

Предстоит нам один из живительных в мире переездов на Вир-Пазар, Скутарийское озеро, а потом в горы.

Прохладно здесь, а я все еще болен. Очень много работаю и пишу. В Риме перевидал миллионы народу.

До свидания. Сердечное Вам спасибо за каприйское житье-бытье и

еще раз извините, что так много пришлось Вам со мною возиться. Напала на меня какая-то внутренняя печаль, и никак вылезти не могу. Ну уж теперь собою заниматься некогда. Отложим все до возвращения.

Был вчера в Старом Баре. Великолепнее этих развалин, кажется, еще не видывал.

А война — ох, будет! Ох, все-таки будет.

Очень всех вас люблю.

Ваш Амфитеатров

Датируется по содержанию.

[1] В начале 1909 г. Австро-Венгрия готовила военное нападение на Сербию. См.: Г—А, 7 или 8 октября 1908 г., прим. 10. Амфитеатров, неоднократно бывавший на Балканах в качестве корреспондента «Нового времени» (1894—1896) и «России» (1901), в 1909 поехал на Балканы как корреспондент либерально-кадетской «Нашей газеты» (СПб., 1907—1909). Перед отъездом он побывал у Горького на Капри, где им были написаны две первые статьи цикла «Балканский дневник», печатавшийся в феврале — марте в «Нашей газете». Одновременно в «Киевской мысли» печатался другой цикл статей — «Балканские впечатления» (см. п. 67, прим. 2). Публикуемое письмо было написано из Черногории.

Н. Е. ВИЛОНОВ («МИХАИЛ»)
Фоторепродукция. 1908—1909
Музей Горького, Москва

66. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(По пути в Солоники. 14 марта 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Плыву Эгейским морем из Пирея в Солоники. Совершенно разбила мои нервы несчастная, умирающая Черногория. Вот уж — ходит зверье неведомое, родит зверье неслыханное. Написал в «Нашу газету» статью, кажется очень горячую[1]. Прямо душит, за горло берет, как садишься писать. И нет, черт побери! Чувство расовой обиды берет свое. Уж больно подлецами оборачиваются немцы с нашим братом славянином. Спутник мой, Биркенгейм, еврей и чужд каких бы то ни было славянских чувств, а и тот говорит: невозможно! Ведь это же люди, и какие великолепные люди, а их довели до свиного хлева, до свиного корма — только не до свиных нравов, потому что по этой части у черногорцев надо поучиться всем культурным людям.

Я все время болел. Чем — не знаю. В Цетинье пришлось, к отвращению моему, звать доктора. Коновал классический. Выслушал — ничего нет. А мне каждый день скверно и все как-то по-новому.

Напишите весточку в Белград, Hotel Bulgarie, либо в Софию. Послезавтра буду в Солониках, Hotel Imperial, очень рассчитываю

застать там какие-нибудь деньги. Хорош буду, если нет. В кармане 50 франков.

Милая Мария Федоровна! Целую Вашу ручку и шлю Вам сердечный привет. З〈иновию〉 А〈лексеевичу〉, М〈арии〉 С〈ергеевне〉 и Екатерине Великой[2], когда она была еще маленькая,— поклон и рукопожатия. А тов〈ариш〉 Михайло — удивительно черногорский тип[3]. Выдержка его напоминает! До свидания, все! Обнимаю Вас, дорогой А. М.

Напишите же! Ваш А. А.

Датируется по почт. шт.

[1] Речь идет о четвертой статье цикла «Балканский дневник», написанной Амфитеатровым на пароходе «Султан» 8 марта 1909 г. (Наша газета. 1909. № 51, 3/16 марта).

Рассказывая о мужестве черногорцев, готовящихся дать отпор Австро-Венгрии, Амфитеатров приводил строки Горького «Безумству храбрых поем мы песню!» и «Человек — это звучит гордо!» Признание царским правительством германского ультиматума Амфитеатров определил как «дипломатическую Цусиму» и заключил статью словами, обращенными к общественному мнению в России: «Неужели мы там — в России допустим, чтобы свершилось это? Да не будет, братья! Да не будет!» (С. 4).

[2] Приветы также были адресованы З. А. Пешкову, М. С. Боткиной, Екатерине Андреевне *Желябужской* (1893—1966) — дочери М. Ф. Андреевой (шутливое прозвище Екатерина Великая).

[3] Никифор Ефимович *Вилонов* (Михаил — партийная кличка) (1885—1910) — рабочий, член РСДРП, большевик.

Вилонов приехал на Капри в связи с организацией партийной школы для рабочих. «Вилонов на первых же выступлениях своих по организации преподавания в каприйской школе обнаружил удивительную страстность, прямоту мысли и непоколебимую уверенность в правильности отрицательного отношения Владимира Ильича к школе»,— писал Горький в очерке «Михаил Вилонов» (*18*, 374).

67. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Капри. 22 или 23 марта 1909 г.〉

Вместе с письмом вашим — А. В. — получил IV-ю статью «Наш〈ей〉 газ〈еты〉»[1] — прочитал и так взволновался, что хоть бы драться. Хорошо пишете, со всех и всяких точек зрения — хорошо! Ныне, во дни всеобщего отступления, с великой жадностью глотаешь Ваши, воистину человечные, речи. Луначар〈ский〉 получает «К〈иевскую〉 м〈ысль〉»[2] и тоже говорит: «интернационалист — я, читая Ам〈фитеатрова〉, вдруг чувствую себя до слез славянином». Я перевожу это так: «больше и шире человеком, чем в будни и чем есть».

Ну, а если на нас, отпетых, так действует, думаю, что без ошибки можно ждать — пошевелиться «культурная» Русь, да чуть ли не начала уже: вы, конечно, знаете о воззвании к сербскому народу, напечатанному в русских газетах за подписями Погодина, Хомякова[3] и прочих? Несмотря на имена, поставленные под ним, я прочитал его с большой радостью.

Жалею, что нет «К〈иевской〉 м〈ысли〉» — говорят, вы там чаще пишете. Очень советую — как можно скорее выпускайте статьи ваши отдельной книгой[4] — это нужно.

Тревожит здоровье ваше — очень уж несвоевременное, да и непохвальное занятие, хотя оно, видимо, не мешает душе вашей гореть ярко и сильно.

Что волонтеры — есть? Много? По некоторым признакам судя, Франция начинает сербофильствовать. «Нов〈ое〉 время» говорит: «Молчим, но в свое время скажем наше слово, и оно будет веско». Вероятно, не зря говорят[5].

В общем и целом та сеть противоречий и всяческого лицемерия, коя именуется «европейской политикой», производит на меня такое впечатление: романцы и англичане провоцируют германцев на драку

со славянами, крутят большой канатище, из него же будет, со временем, накинута немцам на шею прекрепкая петля[6]. Да кстати и славянство тиснут, а особо — нас, жалких, ежели мы вовремя не прикроем шеи и боков.

Суворин отпраздновал свои 50-лет — юбилей. По сему поводу «оппозиционная печать» не преминула отвратительно пересолить кашу — навалились на старика с тем поганым сладострастием, с коим в деревне конокрадов бьют. Против пыток и смертной казни протестуют, а сами — истязуют человека с наслаждением. Считается, что вреден он и подл? Убейте, но не мучьте. Тяжко было читать «карающие» статьи, Суворину они, вероятно, останутся неизвестны, а у судей его обнажили души мелкие, изъеденные бессильной злобностью[7]. Скучно! И думается: «где ж наша культура?» В человеках ее не заметно...

Живем мы, как вы знаете,— все так же живем. Читаем, пишем. Михайло стыдится — музыка нравится ему, а что ж такое музыка? Пролетарий — а музыкой увлекается — какой позор![8] Сердит это его. Мне же до чертиков смешно. Он как губка всасывает в себя все интересное и красивое, наполняется им и богатырски растет изо дня в день. Кланяется вам.

Дела со школой — подвигаются помалу[9]. Насчет денег — туговато, так что, ежели встретится удачный случай — экспроприируйте.

На днях — нестерпимо заболела нога и вдруг — перестала болеть! Рассматриваю сие как нечто чудесное. Выздоровлением же — огорчен, думал подагра началась и вот уподобит мя Ивану Тургеневу, но — увы!

В газете «Колокол» сообщено[10], будто бы я три миллиона денег у Саввы слямзил — и найдут же, черти, время дразнить человека! Подумайте — каково было мне читать столь сладостные строки во дни, когда я и тремя тысячами не погнушался бы!

Вообще же: жизнь земная — презабавное занятие, и лучше оного — что могу себе представить?

В газете «Рус‹ское› сл‹ово›» Чириков Евгений доказывает, что он не антисемит, а Дорошевич отвечает ему — хитришь, брат![11] Разыгрался, видимо, довольно безобразный скандал на чтении пьесы Шолом Аша, где Чириков говорил некую речь. Арабажин же[12] его поддерживал. Евреи-писатели обижены, ругаются.

Богородица! Сколь трудно ныне быть писателем на Руси! Своя своих совершенно разучились познавать[13], идет какая-то мутная чепуха, и ежедень, открывая газету, ждешь чего-либо о писателе, но ничего хорошего прочитать — не ждешь.

Скорбно!

Желаю от всей души доброго здоровья, а вдохновением и бодростью духа вы и без пожеланий моих богаты.

Наши сердечно кланяются вам, советуя не утомляться чрезмерно.

Мое же мнение — если нервы — т. е. дух — приподняты — кости и мускулы и прочее все — потерпит!

Обнимаю. Крепко жму руку.

Написали бы «К‹иевской› м‹ысли›», чтоб она ваши статьи выслала мне!

А. Пешков

Датируется по времени появления ст. Амфитеатрова 3/16 марта 1909 г. и другим упоминаемым газетным публикациям.

Письмо не дошло до адресата, было возвращено Горькому из Софии и вновь послано Амфитеатрову.

[1] См. предыдущее письмо, прим. 1.

[2] «*Киевская мысль*» — буржуазно-либеральная газета, выходила в Киеве с 1906 по 1918 г. В газете принимали участие и социал-демократы. Цикл статей Амфитеатрова под общим заголовком «Балканские впечатления» печатался в газете в течение февраля—марта 1909 г.

[3] В газ. «Новое время» под рубрикой «Вечерняя хроника» (1909, № 11844, 3/16 марта) был напечатан текст «Воззвания к сербскому народу» с выражением глубокого сочувствия и братской солидарности русского общества сербскому народу в связи с нависшей военной угрозой со стороны Австро-Венгрии и ее союзников. «Воззвание» было подписано председателем Государственной думы Н. А. Хомяковым, профессором-славистом А. Л. Погодиным и др.

[4] Статьи, о которых идет речь в письме, отдельно не издавались.

[5] Можно предположить, что заключение Горького о некотором изменении отношения Франции к сербской проблеме («Франция начинает сербофильствовать») основано на ряде сообщений, опубликованных в газ. «Новое время» под рубрикой «Телеграммы наших корреспондентов». Французская печать отмечала «благоразумие и уверенность сербской политики» (1909, № 11841, 28 февр./13 марта). «Во Франции большинство общественного мнения раздражено ⟨...⟩ против Австро-Венгрии ⟨...⟩ Вся французская печать осуждает Австро-Венгрию за ее притязания» (1909, № 11842, 1/14 марта). Далее отмечался «полный поворот французского общественного мнения относительно Австро-Венгрии» (1909, № 11844, 3/16 марта). В связи с обострением конфликта французские газеты еще «энергичнее ⟨...⟩ выставляют неправоту требований Австро-Венгрии». Возможно, что далее Горький свободно цитирует редакционное заключение, завершающее обзор французской прессы: «Нам торопиться некуда, и мы можем спокойно ждать развития событий, окончательный исход которых не вызывает у нас ни малейшей тревоги...» (1909, № 11845, 4/17 марта).

[6] В п. Е. П. Пешковой (начало марта 1909 г.), жившей в то время с сыном Максимом в Париже, Горький писал: «Ох, уж эта ваша Франция! Неладно она ведет себя в делах, подготовляющих будущую войну. Кажется, что мы будем драться с немцами один на один и нам снова попадет. Международное политическое положение принимает характер все более и более неразрешимый иными, кроме пушек, способами. Драка возможна ужаснейшая» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 63—64).

[7] Пятидесятилетие общественной и литературной деятельности А. С. Суворина было торжественно отмечено 27 февраля/12 марта 1909 г., о чем подробно сообщали все русские газеты. Горький, очевидно, имеет в виду выступления «Нашей газеты», где 27 февраля/12 марта была опубликована статья за подписью Летописец, крайне отрицательно оценивающая деятельность Суворина и его газ. «Новое время», а 1/14 марта в фельетоне «Как чествовали его» О. Л. Д'Ор высмеивал юбилейные торжества. В «Киевской мысли» (1909, № 58, 27 февр./12 марта) была напечатана ст. А. Яблоновского «А. С. Суворин», в которой характеризовалась его «огромная и, воистину, страшная работа». «... За последние четверть века,— писал журналист,— в России не было ни одного злого дела, к которому не приложила бы своей руки газета Суворина».

[8] Позднее, 15/28 сентября 1909 г., Горький писал М. М. Коцюбинскому: «А между делом — музыкой занимаемся: живет здесь добрый парень, директор моск⟨овско⟩го им⟨ператорско⟩го музык⟨аль⟩но⟨г⟩о об⟨щест⟩ва Сахновский, композитор, пишет оперу и симфонию, устраивает, в праздники, по вечерам концерты — рабочая публика моя и тут на месте» (*XXIX*, 97).

[9] Речь идет об организации каприйской школы для рабочих. Об участии Горького в создании этой школы см.: *Арх. Г.* Т. XIV. С. 45—46. Амфитеатров по просьбе Горького оказывал школе материальную помощь. См. также ст. Н. И. Дикушиной.

[10] «*Колокол*» — реакционно-черносотенная, «общественная, церковная, политическая и литературная газета». Выходила в Петербурге с 1905 по 1917 г. С № 295 стала называться «Церковно-народная газета», редактор В. Г. Сенатов (до № 36 редактор А. И. Платонов).

15/28 января 1909 г. «в газете „Колокол" сообщено»: «До сих пор говорят в Москве об исчезнувших куда-то трех миллионах рублей одновременно со смертью С. Т. Морозова. Сидящий в настоящее время на острове Капри г. Горький должен был близко знать историю трех миллионов, в утайке коих его печатно обвиняли» (Колокол, № 861). Подобное сообщение появилось в 1906 г. в реакционной газете «Слово» (СПб., 1904—1909), о чем Горький писал Е. П. Пешковой: «„Слово" сообщило читателям, что я свел с ума и убил Савву Морозова, украв у него предварительно 3 миллиона» (*Арх. Г.* Т. V. С. 170).

[11] Горький имеет в виду выступление писателя Е. Н. Чирикова на чтении пьесы Шолом Аша «Белая кость» на квартире артиста Александринского театра Н. Н. Ходотова в Петербурге 18 февр./3 марта. Об этом инциденте было сообщено в петербургской еврейской газ. «Дер Фрейнд» (1909, № 47, 19 февр./4 марта). В опровержение Чириков напечатал открытое письмо «Благодарю, не ожидал» (Русское слово. 1909. № 50. 3/16 марта), о котором говорит Горький. Вслед за статьей Чирикова появились две редакционные реплики на нее. Во второй из них, «Культурные антисемиты», сообщалось о дальнейшем развитии инцидента: «На этих днях состоится второе собрание группы литераторов, в котором будут продолжаться дебаты по вопросам, поднятым Чириковым и Арабажиным» (Там же. С. 3). С резким осуждением Чирикова и поддержавших его писателей выступил В. В. Во-

М. Ф. АНДРЕЕВА

Рисунок М. С. Боткиной (цв. карандаш). Капри, 1908. Слева под текстом: «М. Боткина. 1 янв. 1908 г.»

Частное собрание, Москва

ровский в ст. «В загнившем омуте». См.: *Воровский В. В.* Сочинения. М.: Соцэкгиз, 1931. Т. 2. С. 336—344 и примеч.

Редактором газ. «Русское слово» был в это время В. М. Дорошевич.

[12] Константин Иванович *Арабажин* (1866—1929) — литератор, театральный критик.

[13] Измененное выражение из церковнославянского текста «своя своих не познаша» (Евангелие от Иоанна, гл. 1, ст. 10—11).

68. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Апрель, после 10, 1909 г.)

Дорогой А. В.—

Б. Савинков оседлал мистическую лошадь[1], разбитое на все четыре ноги и очень глупое животное,— В. Вересаев — в то же время — связал некий чулок из разных, но одинаково гнилых шерстей[2], Струве и К° поставили в тумане современности «Вехи»[3] из сухоньких палочек, подобранных ими по дороге направо. Сколь умилительно: с-деки, с-еры, кадеты и просто супостаты и фарисеи — все дружно тянут в болото, в грязь и тину, но клянутся, что влезают «на вершины

истин» — картина физиологического распада русской интеллигенции, картина преждевременной смерти ее путем самоубийства. И не благородно, что самоубийство, видно, что совершает его человек истерический, безвольный, жалкий: то он горлышко себе стеклышком поцарапает, то попробует удавиться на гашнике, то постукает лбом о стену — но все — легонько и осторожненько, без гнева и без пафоса. Дело ограничивается одними синяками да царапинками — внешними повреждениями анемичной, но толстой кожи — видеть этих мучеников, взыскующих покоя и уюта,— смешно, иногда — противно.

А с вами — что? Звучит в письмах ваших нота утомления, вам несвойственная, или я ошибаюсь? Балканы должны были, конечно, расстроить вас: ух, что мы сделали там и во сколько въедут нам эти деяния! Подумать — нехорошо![4]

Получил недавно письмо от некиих сербов[5] и, читая его, залился краской жгучего стыда и невольно подумал, повторив много раз сказанное до меня: угораздило ж меня родиться русским, экое ведь стыдное и тяжкое звание!

Но — оставим все скверное для хорошего и постараемся противопоставить всеобщему разгильдяйству и противной нашей рыхлости нечто черногорски твердое и крепкое.

Дела со школой — ладятся. Мих⟨аил⟩ — едет на родину, где проект встречен с восторгом[6]. Главное теперь — средства, очень опасаюсь, что сяду на мель с ними, а потому убедительно прошу вас — старайтесь, дорогой! В письме к М⟨арии⟩ Ф⟨едоровне⟩ — которая лежит больна, но приватно кланяется вам — вы сообщаете нечто крайне отрадное[7], кабы оно осуществилось хоть в малой дозе, но — скорее!

Дорогой — прошу! «Курганы» получил[8], спасибо!

Пишу, читаю, говорю.

Был Бунин[9] — хороший это человек и воистину поэт! Главное — честный человек, литературу любит, как мать.

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по времени посылки сб. «Вехи» из Петербурга (в последних числах марта ст. ст.) 1909 г. (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 74) и отъезду Бунина с Канри.

[1] Борис Викторович *Савинков* (псевдоним В. Ропшин) (1879–1925) — видный деятель партии эсеров, один из руководителей ее боевой организации.

В письме речь идет о его романе «Конь бледный» (Русская мысль. 1909. № 1). В одной из своих поздних заметок о Савинкове Горький писал: «После „Коня бледного" я определенно невзлюбил автора этой, насквозь лживой, повести, написанной палачом, не чуждым лиризма и зараженным карамазовской болезнью» (*Арх. Г.* Т. XII. С. 220).

[2] Имеется в виду повесть Вересаева «К жизни», напечатанная в журн. «Современный мир» (1909, кн. 1—3). Вл. Кранихфельд (Современный мир. 1909. Кн. 5) провел прямую линию от «Санина» Арцыбашева и «Коня бледного» Ропшина к вересаевской повести, героев которых объединяет индивидуалистическое мировоззрение, приведшее к разобщению личности с общественной средой. Горький написал Е. П. Пешковой, что он «убит и поражен» «выступлениями» Ропшина и Вересаева (*Арх. Г.* Т. IX. С. 65).

[3] *Вехи*. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909 (ст. Н. А. Бердяева С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева (Ланде), Б. А. Кистяковского П. Б. Струве, С. Л. Франка и др.). В п. Е. П. Пешковой Горький назвал «Вехи» — «мерзейшей книжицей за всю историю русской литературы» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 65)

Сборник был восторженно встречен представителями реакционной печати «Новое время» приветствовало выход сборника. Столыпин одобрял «интеллигентски самосуд», учиненный его авторами. С восторгом встретил «Вехи» и литературны лагерь Мережковского, Философова и др.

В. И. Ленин резко критиковал сборник в ст. «О „Вехах"», назвав его «энциклопедией либерального ренегатства» (*В. И. Ленин*. Т. 19. С. 168). См. об этом подробн в ст. Б. А. Бялика.

[4] Горький разделял взгляд Амфитеатрова на то, что, приняв ультимату Австро-Венгрии, царское правительство предало Сербию. Об этом Амфитеатр

писал в восьмой статье из цикла «Балканские впечатления» (Киевская мысль. 1909. № 79. 20 марта).

[5] О каком письме идет речь, установить не удалось.

[6] В январе—феврале 1909 г. Горький вместе с Н. Е. Вилоновым обратились с открытым письмом к рабочим московской организации РСДРП по поводу необходимых мероприятий для создания школы рабочих-пропагандистов на Капри (Пролетарская революция. 1924. № 6). В Россию Вилонов поехал для подбора слушателей школы (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 45—46).

[7] Упомянутым письмом Амфитеатрова к М. Ф. Андреевой *АГ* не располагает. Судя по следующим письмам Амфитеатрова, можно предположить, что со стороны сербских финансовых кругов поступило предложение о готовности финансировать какое-то, возможно издательское, начинание Амфитеатрова. Как видно из переписки, Амфитеатров очень скоро отказался от осуществления этого замысла.

[8] Сб. статей и воспоминаний Амфитеатрова «Курганы» (2-е изд., СПб., изд-во «Общественная польза», 1909). В него вошли: «Памяти А. П. Чехова», «Вишневый сад», статьи об А. И. Герцене, Н. С. Лескове, Н. К. Михайловском, А. И. Левитове, М. И. Писареве, Н. А. Лейкине и др.

[9] В п. Е. П. Пешковой от 16/29 марта 1909 г. Горький сообщал о приезде на Капри И. А. Бунина с женой: «Приехал Бунин, с молодой своей женой — женился он на племяннице Муромцева. Ничего, славная и простая. И он такой же, как был,— хороший человек. Несколько постарел, кокетничает этим, но — жив душой и очень радует меня серьезным своим отношением к литературе и слову» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 64).

Бунин уехал с Капри 10 апреля 1909 г. (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 331).

69. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Вторая половина апреля 1909 г.⟩

Дорогой А. В.,

досылаю вам письмо, возвращенное из Софии[1], да верите мне, что я вам писал туда.

Ох, вкусные надежды возбудило во мне сообщение ваше о сербах!

Нетерпеливо жду вас. Не совсем ясно понял, что́ вас смущает в предложении — или вы не все сказали? Тем более жажду встречи. А покелева — жму руку.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] *Г—А*, п. от 22 или 23 марта 1909 г.

70. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави ди Лаванья. Вторая половина апреля 1909 г.⟩

Дорогой мой Алексей Максимович.

Спасибо за пересланное письмо в Софию. Какая жалость, что я его не получил на месте!

Если Александр Амфитеатров говорит слово «непременно», он может быть твердо уверен, что судьба подсунет ему какую-нибудь каверзу, которая помешает непременному исполнению. Так и сейчас. Заболела и чрез то ушла от меня моя стучащая девица, и приходится мне каждую работу делать вдвое по времени и скуке. То, что собирался окончить в 10 дней, дотягивается на 20.

В предложении, о котором я писал Вам и М⟨арии⟩ Ф⟨едоровне⟩[1], вот что меня, главным образом, смущает. Придется по этим делам сноситься со всякою коммерческою публикою, до министра торговли включительно. Боюсь я, чтобы на этой почве не выросло пакостных сплетен и толкований, чтобы всякие Поссе и прочие рыцари не повесили на меня и на всякое дело, со мною сопряженное, такое количество собак, что пред оными останется только задохнуться. Я этой радости столько знал в своей жизни, что, хоть и знаю, что надо плевать, но — на 47-м году — как-то, знаете, перестает слюней хватать. Вот — из Вашей дружбы с Саввою вышли «три миллиона»[2]. Боюсь, чтобы тем же путем превращения не

получилось из письма к какому-нибудь Тимирязеву — просьба о помиловании, из письма к Крестовникову или Прохорову [3] — моление о субсидии и т. п. Откровенно говоря, мне со всей этою публикою и без того беседовать не в радость, а уж когда предвидишь, что могут тебя включить только в двусмысленную историю, совсем оно невесело. Вот почему я не спешу ни с согласием, ни с отказом, не даю на себя никаких письменных документов и жду прежде всего свидания и разговора с Вами и Вашими в подробностях. Между прочим. Одна из популярнейших в Сербии торговых фирм русских — чайная — Боткиных. Если бы она примкнула к этому Славянскому банку, то не половина, так треть дела была бы сделана. Но так как из всех Боткиных, на земле живущих, я знаю только одну Марию Сергеевну, которая не токмо чаем не торгует, но даже фотографическими аппаратами снабжает бесплатно, то для меня эта линия темна и баснословна, подобно истории мидян [4]. Быть может, через М. С. можно узнать, с кем, в случае необходимости, надо вести разговоры и пр.

Сейчас мне прислали из Белграда объяснительную записку [5] о Славянском банке, из которой Вы увидете, какого типа это предприятие и чего они ищут. Я пробежал ее только мельком. Посылаю Вам. Сохраните до моего приезда. Уставов они мне наслали много, равно как разных подписочных листов на акции, но объяснительной записки — только один экземпляр.

Я непостижимыми судьбами очень в духе.

Получил философский сборник коллективистов с Вашею статьею; [6] как всегда, смелою и прямою, рубящую дерево под самый корешок топором острым и беспощадным, только — что хотите — чести много Иванову-Разумнику и другим таковым же, если по их поводу будут умные люди писать по 200 страниц. Богданова и Вернера (ведь это он же) еще не читал [7]. Робка я, девушка, на философском пере: еще осилю ли?

Я сейчас корректирую «Тризны» (сборник) [8] и кое-что пишу. Неужели «Киевская мысль» Вам не высылалась? Отто су...ргучные палки! А «Одесские новости»?

До свидания. Сердечно приветствую М. Ф. и всех чад и домочадцев. Всего Вам хорошего, дорогой!

Крепко Вас обнимаю.

Ваш А. А.

Датируется по содержанию и по сопоставлению с предшествующим письмом.

[1] Упомянутым письмом *АГ* не располагает.

[2] С. Т. Морозов.

[3] Василий Иванович *Тимирязев* (1849—1919) — один из руководителей торгово-промышленного ведомства царского правительства, крупный представитель финансовой олигархии. С 1906 по 1909 г. — министр торговли и промышленности, член и председатель русского для внешней торговли банка.

Георгий Александрович *Крестовников* (1855—?) — крупный промышленник и финансист, председатель Московского купеческого банка и председатель Московского биржевого комитета. Далее, по-видимому, упомянут Иван Яковлевич *Прохоров* — один из владельцев Трехгорной мануфактуры, возглавлявший в это время фирму.

[4] Неточная цитата из устного рассказа И. Ф. Горбунова. См.: *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1955.

[5] Этим документом *АГ* не располагает.

[6] Сб. 1 «Очерки философии коллективизма», в котором была напечатана ст. Горького «Разрушение личности» (СПб., изд-во «Знание», 1909). Экземпляр книги хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[7] Критике философско-эстетической концепции Р. В. Иванова-Разумника была посвящена ст. Луначарского «Мещанство и индивидуализм». В сборнике также напечатаны ст. А. Богданова «Материал коллективного опыта и организующие его формы» и «Наука и философия. Диалоги» (под псевдонимом Н. Вернер).

[8] Сб. Амфитеатрова «Тризны» (М., изд. А. Д. Друтман, 1909) включал воспоминания и литературные портреты: «Александр Николаевич Чупров», «Алексей Александрович Остроумов», «Александр Николаевич Реджио», «Антон Павлович Чехов», «Юлиуш Словацкий» и др.

71. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. Начало мая 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Не то, что устал, а как-то духом смущен.

Все хорошо — и все скверно.

Приеду — расскажу. А приеду скоро.

Денно и нощно памятую о финансовых задачах. Но — словно черт под руку толкает. Только что сделаешь хороший и дельный шаг, приключается какое-нибудь контрсвинство, препятствующее обратить силы свои в должную сторону.

Вчера получил от Гессена телеграмму, возвещающую запрещение «Нашей газеты»! [1] Покорно Вас благодарю!

Дело, о котором я писал Марии Федоровне, настолько и многообещающе, и щекотливо, что я не хочу о нем писать, ибо требовало бы тетради изложения. Приеду — переговорим, и если благословите, то все обделается быстро. Но в благословении-то, сказать правду, сомневаюсь.

В Кави убийственно скучно. Я сейчас обречен писать тошнейшие мелочи, ибо деньга нужна до зареза — злободневная деньга!

Это зачем же Мария Федоровна болеет? Неодобрительно!

У Вас был Семеныч [2] и писал сюда, что Вы тоже киснете. Неутешительно. Не стоит, дорогие мои! Бросьте! Нет ли у Вас какой текущей литературы, которую надо жестоко ругать? Пошлите бандеролью. Ей-ей, возвращу сейчас же или привезу с собой.

Вересаева [3] не читал, а Рыжего жеребца [4] вылаял так, что Лопатин думает, уж не за сие ли «Нашу газету» закрыли. Но, по моим впечатлениям, не могло еще появиться.

Написал ряд маленьких этюдов о Словацком. Хорошо бы его «Лиллу Венеду» [5] перевести. Сильная революционная штука. Да где уж! когда уж! куда уж!

До скорого свидания.

Будьте здоровы. Сердечный привет М. Ф. Всего хорошего Вам, чадам и домочадцам!

Обнимаю Вас!

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по упоминанию о приостановке издания «Нашей газеты» 19 апреля / 2 мая 1909 г.

[1] Иосиф Владимирович *Гессен* (1866—1943) — политический деятель и публицист. Один из основателей и лидеров кадетской партии, активно помогал Юденичу, в эмиграции издавал газ. «Руль» и белогвардейский «Архив русской революции».

[3] По-видимому, Семен Соломонович Юшкевич.

[4] Роман Вересаева «К жизни». Далее подразумевается роман В. Ропшина (Б. В. Савинкова) «Конь бледный». Упомянутая ст. Амфитеатрова в «Нашей газете» напечатана не была. Позднее она вошла в сб. Амфитеатрова «Заметы сердца» (СПб., книжн. маг. А. Д. Друтман. 1909).

[5] Юлиуш *Словацкий* (1809—1849) — польский писатель, представитель революционного романтизма. В письме упомянуто драматическое произведение Словацкого «Лилла Венеда» (1839). В сб. «Тризны» (СПб., 1909) напечатана ст. Амфитеатрова «Юлиуш Словацкий».

72. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. Конец мая — начало июня 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Написал я штуку, которую еще в 1905 году начал для парижского театра Grand Guignol, и, конечно, забросил на трети. Теперь Гиньолю это, конечно же, ни к чему будет, да он и характер переменил, и дирекция другая. Они больше ужасами занимаются, а у меня комедия с беше-

ным плюходействием. Читал вчера при Г. А. Лопатине, Гореловых и др. Хохот был великий. Должно быть, смешно вышло. Как только перепишется и соберусь с деньгой, коей усушка и утечка, приеду к Вам читать. Именуется «Святое семейство», или «О чем скрипела дверь»[1]. В 1 действии.

С сербами необходима система неторопления. Сейчас я получил уже справки кое о ком из них. Дело иметь, кажется, можно, но — у меня нет в Петербурге Пятницкого, которому я имел бы право доверить столь же широко и уверенно, как Вы,— в своем деле. Нужен человек смышленый, твердый и бескорыстный, который мог бы заменить меня в личных переговорах. Ну, да, при скором свидании перетолкуем.

Прочитал «Бабаева»[2]... Впечатление: будто целые сутки держал в руках склизкую и вонючую гадину.

Опять чудесно Луначарский об Италии в «Киевской мысли» пишет[3].

У нас новости. Появился юный пианист Захаров[4]. Блестяще играет. Вдвоем с Гореловым наполняют Кави фортепианным звоном.

Газеты все перемерли. Чувствую себя заштатным попом. В 1871 году духовенство переживало совершенно те же минуты[5].

Думаю употребить конец лета на окончание и приведение в порядок разных драматических вещей, накопившихся за последние десять лет, без концов или без середин, или без начал. Надо же куда-нибудь девать непроизвольные досуги.

В виде отдыха вот уж месяц делаю я одну полумеханическую работу, которой, думается мне, хватит лет на пять, и, если доведу ее до конца, то получится штука, на русском языке не пробованная. А именно — только это между нами — «Словарь русского художественного языка»[6], от Карамзина до Горького включительно. За месяц я успел обработать Аксакова (чтение которого в сопоставлении с безобразием языка в «Женах» Айзмана дало мне идею этой работы). Сейчас работаю над Островским. Я привезу Вам всю эту затею, потому что рассказывать ее систему на письме длинно.

Сердечный привет Марии Федоровне и всем чадам и домочадцам.

Всего Вам хорошего, дорогой! Крепко Вас обнимаю.

Ваш А. А.

Датируется по времени публикации в газ. «Киевская мысль» очерка Луначарского «Герои дела в раздумье». См. прим. 3.

[1] Grand Guignol — французский театр, существующий с 1896 г. по настоящее время в Париже. От натуралистически-комедийного репертуара первого этапа своего существования театр перешел к пьесам «ужасов» и «кошмаров». Наиболее популярным драматургом театра стал Эндре де Лорд, написавший для него драмы «Лаборатория галлюцинаций», «Последняя пытка», «Медленная смерть» и др.

Пьеса Амфитеатрова напечатана в его кн. «„Княгиня Настя“ и другие драматические произведения» (СПб., изд-во «Просвещение», 1912) под заглавием «Два часа в благородном семействе, или О чем скрипела дверь. (Происшествие)».

[2] Роман С. Н. Сергеева-Ценского «Бабаев» (СПб., изд-во «Мир божий», 1909). Амфитеатров резко критиковал роман в ст. «О Сергееве-Ценском (разд. 2. «Гадина»)» (сб. «Заметы сердца», СПб., (1909)).

[3] В течение 1909—1910 гг. в газ. «Киевская мысль» печатался цикл очерков Луначарского «Философские поэмы в красках и мраморе. Письма из Италии» — об искусстве античного Рима и итальянского Возрождения. В публикуемом письме речь может идти об очерке «Герои дела в раздумье» (о творчестве Поликлета и Тициана) (Киевская мысль. 1909. 17/30 мая).

[4] Возможно, Борис Матвеевич *Захаров* (1887—1942) — пианист.

[5] В результате законов 1867 и 1869 гг., обобщенных церковной реформой 1871 г., в России было упразднено наследование церковных приходов и произведен их «передел»: множество мелких приходов закрыто или соединено с более крупными. В связи с сокращением приходов были точно определены их штаты. Часть священнослужителей, особенно сельских, осталась «за штатами» (*Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1930. С. 229—230).

[6] Замысел не был осуществлен.

73. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Начало июня 1909 г.)

«Святое семейство» — ожидаю, а вас видеть — отчаялся, ибо — ясно мне, что и вы уподобились Пятницкому [1]. Он, по достоверным слухам, собирается ехать сюда. Было бы очень трогательно и чудесно, если б вы оба встретились здесь, но — как поверить сему? И мечтать бесполезно.

«Словарь» ваш — ох, какая это может быть ценная книга! Особенно для с.-д.*, [2] современных литераторов.

Лескова-то не забудьте! Этот и знал, и любил русский язык, если же писал «мотариус» и «лыгенда», производя сии иностранные слова от русских вербов «мотать» и «лгать»,— так он это делал по ненависти его к чужому, право так! Хороший писатель.

А Гоголя я не люблю, ибо он был «мизантроп, развлекавший свою фантазию» [3],— извините!

Насчет банков — ничего не понял. Денег нет у меня теперь еще больше, чем не было.

Пишу всюду, а ответа — ниоткуда.

Кланяюсь и жду.

Всех благ!

А. Пешков

Датируется по предшествующему письму.

[1] Пятницкий не мог приехать на Капри до 14 сентября 1909 г.

[2] Имеется в виду строка из стихотворения Некрасова «Сеятелям» (1877): «Сейте разумное, доброе, вечное...»

[3] Возможно, неточная цитата из «Авторской исповеди» Н. В. Гоголя: «На меня находили припадки тоски, мне самому необъяснимой, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать <...> Может быть, с летами и потребностью развлекать себя, веселость эта исчезла бы, а с нею вместе и мое писательство...» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 8. С. 432—433).

74. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. Первая половина июня 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Я дописался до того, что перед правым глазом повисла какая-то густая сетка с пятнами, не желающая уходить вот уже три дня. По сей причине пишу карандашом — чернильным однако!— по линеечкам.

Очень я рад, что Вам идея словаря нравится. Сейчас у меня собрано 2000 слов, причем некоторые уже в 10, 15 и 25 значениях, каждое с иллюстрацией фразою или эпитетом классического автора. Материал этот покуда дали Аксаков, 1836—1841 гг. Лермонтова (поэм и прозы не трогал), 1½ тома Островского и «Свадьба Кречинского» [1]. Лескова я оставляю подальше, когда другие дадут хоть десяток тысяч слов. Потому что им легко увлечься и перетащить из него массу соблазнительных и удачных выдумок. Удивительная красота получается, когда освещается, например, такое слово, как *рука* или *дела*, или *голова*, или *честь*, 25-ю совершенно разными поворотами и светами.

Скептицизм Ваш совершенно напрасен. И «Св<ятое> семейство» привезу, и сам приеду. Не вечно же будут задерживать «причитающееся».

Что касается безденежья — кавийский пролетариат выражает Вам товарищеское сочувствие.

Относительно банков ничего больше писать не хочу до личного свидания, ибо тетради написать некогда, а вкратце — такая муть выходит, что нисколько не удивляюсь Вашему непониманию: и сам не понимаю.

Что касается Гоголя, извинение излишне. Грешный человек, тоже не

* Читайте — «сеятелей доброго», а не «социал-демократов», пожалуйста!

имею особенной нежности по этому адресу, сколь он ни велик и славен. И притом — реализм-то российский хорошо им воспользовался, чтобы через него развить пути новые; но сам-то он реалистом был только свысока и не любил реализма очень. Любопытная у меня вышла на этот счет переписка с Валерием Брюсовым. В его речи гоголевской сказано много дельного и верного [2].

Безденежье и газетные неплатежи вынуждают опять к запродажам на корню и втридешева, конечно. «Прометей» предлагает сдать ему 3-ю часть «Сумерков божков» и роман, который был бы продолжением «Восьмидесятников» [3]. Материалов хаотических для того и другого написано в разное время много, но как я все сие упорядочу — ума не приложу, не возьму я в толк, не придумаю. И уж очень не хочется пироги печь вместо глав. А ничего не поделать. Без кабалы не дожить до осени.

Над Ферреро возня убийственная. Вот уж «сеятели добра»-то были вместо переводчиков, и даже «мерзлые стерляди с Волги». А еще хвастались, будто Балабанова [4] просматривала и одобряла. Брала редакция столько времени, что сейчас, в отчаянии, отдал Е. И. Гореловой, чтобы она хоть смыслы-то в этом чудном переводе выправила, а то приходилось просто подряд заново переводить. Она сегодня целый ряд прямо анекдотических издержек принесла мне. И опять это мне «Зверя» [5] задержит. О, жисть!

«Св‹ятым› семейством» я более или менее удовлетворен, но не знаю, как быть с другими драматическими набросками. Думал просто обратить их в театральных поденщиков, обязанных посильно добывать поспектакльный гонорарий с Шуи, Козьмодемьянска и до Пржевальска включительно. А почитал — жалко стало и совестно. «Эх, барин, борода-то у меня седая!»

Ну, расписался. Сие картинное изображение дает Вам понятие о сети, глядя через которую писал я сие письмо. Г. А. Лопатин лает меня неистово и пророчествует всякие окулькины беды, а я уповаю: авось, не лопнет?

До свидания. Всего Вам хорошего. Крепко Вас обнимаю. Привет дорогой Марии Федоровне и всему дому.

Ваш А. А.

Датируется по содержанию. См. прим. 2.

[1] Комедия *А. В. Сухово-Кобылина* (1817—1903), написана в 1852—1854 гг.

[2] 20 марта 1909 г. отмечалось 100-летие со дня рождения Н. В. Гоголя. 27 апреля / 10 мая на торжественном заседании Общества любителей российской словесности Брюсов прочитал доклад о Гоголе. Под заглавием «Испепеленный. К характеристике Гоголя» доклад был напечатан в журн. «Весы» (1909, № 4). Отдельное издание: М., изд-во «Скорпион», 1909. См. также: *ЛН*. Т. 85. С. 772 и др.

В п. Брюсову от 15-мая 1909 г. Амфитеатров писал: «Меня очень интересует Ваша речь о Гоголе. Судя по газетным отчетам, она выделилась из праздничного краснословия попыткою к серьезной критике, за что Вы, кажется, и претерпели гонение. Как Вам известно, я далеко не сторонник „декаданса", одним из певцов которого Вы были. Но, читая переложение реферата Вашего в „Речи", я не встретил в нем ни одного положения, под которым человек искренний и с литературным вкусом не мог бы подписаться хоть обеими руками».

Далее Амфитеатров просил прислать ему текст речи, если она напечатана. И в следующем письме (4 июня 1909 г.) сообщал, что получил речь Брюсова: «Очень благодарю Вас за присылку „Весов" с Вашею интересною и вполне основательною речью о Гоголе. Посылаю Вам маленький отрывочек, напечатанный мною в „Одесских новостях", как образец непроизвольного совпадения некоторых взглядов» (*ГБЛ*).

Амфитеатров писал о Гоголе в фельетоне «После праздника» и ст. «Впечатления». В последней он привел мнение Горького о Гоголе, высказанное им в письме к нему, излагая его несколько неточно: «Максим Горький считает Гоголя мрачным мизантропом, который развлекается, издеваясь над людьми» (Сб. «Заметы сердца», С. 23).

[3] Третья часть «Сумерков божков» напечатана не была. Продолжением романа-хроники «Восьмидесятники» явился роман «Девятидесятники. (Начало века)».

[4] Анжелика *Балабанова* (1878—?) — социал-демократ. В 1897 г. уехала за границу, где примкнула к Союзу русских социал-демократов. После II съезда РСДРП — меньшевик. Играла значительную роль в Итальянской социалистической партии: входила в редакцию ее центрального органа «Avanti», являлась членом ЦК, представителем Итальянской социалистической партии в Международном социалистическом бюро. Горький познакомился с Балабановой вскоре после приезда в Италию и долгие годы сохранял с нею дружеские отношения. В п. Ладыжникову он писал: «Была Балабанова — очень милый человек! Думаю — она могла бы переводить, кстати — она этого хочет...» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 148).

В 1917 г. Балабанова вернулась в Россию, вступила в партию большевиков. В 1924 г. была исключена из партии в связи с тем, что заняла меньшевистскую позицию.

[5] «Зверь из бездны».

75. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Середина июня 1909 г.)

Дорогой мой А. В.— письмо Винниченка — цветочки[1], то ли еще будет! Жду всяческих и всевозможных заушений, оплеваний и т. п. экзерсисов. С одной стороны — так и надо! с другой же — при высочайшей интеллектуальности нашей — вы подумайте, какое огромадное наслаждение писателю в ухо дать!

Но — повторю — по делам! Не будучи груздем — не лезь в кузов, будучи же писателем — в торговлю не суй нос! Так-то.

Ожидаю вас.

И Пятницкого.

Денег.

Галлееву комету.

Европейской войны.

Полон надежд, как видите.

И когда мне плохо — я превосходно чувствую себя. В сущности, моя природная профессия — плохая жизнь. Факт.

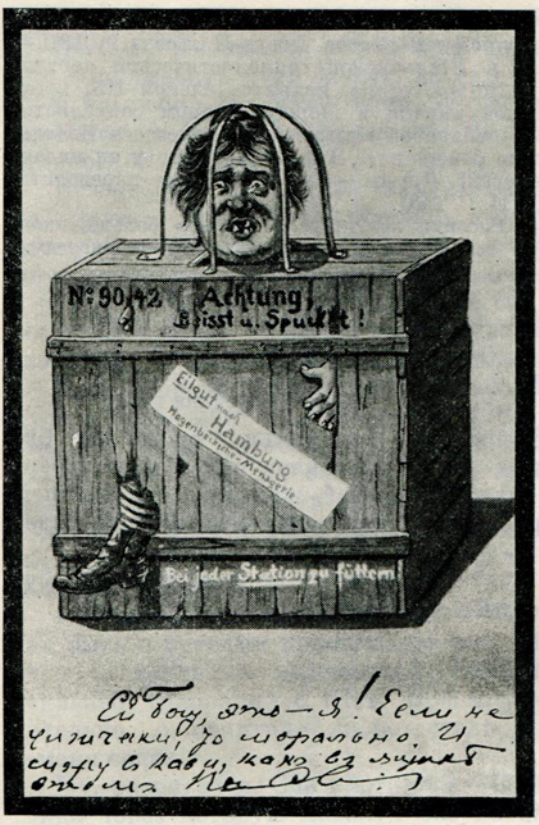
А. Пешков,

специалист по тяжелой жизни и известный любитель скучных недоразумений.

Датируется по времени публикации «Открытого письма» Винниченко Горькому.

[1] «Открытое письмо» Винниченко Горькому (опубл. на украин. яз.: Рада. 1909. № 119. 28 мая / 10 июня). В нем содержались клеветнические выпады против Горького, обвинявшегося в недобросовестном отношении к присылаемым ему рукописям.

Как видно из переписки Горького с Винниченко (*АГ*), вначале Горький доброжелательно относился к малоизвестному украинскому писателю и намеревался издать его произведения в «Знании». 12 апреля 1909 г. (из Парижа) Винниченко послал на отзыв Горькому пьесу «Базар», которую Горький подверг резкой критике (в письме иронически: «в торговлю не суй нос!»). «Талантливый вы человек, Влад(имир) Кирил(лович),— писал Горький Винниченко 17 апреля 1909 г.,— но чрезмерно любите парадоксы — мне это кажется весьма печальным, особенно когда вы выдвигаете на сцену такой опасный парадокс, как в вашем „Базаре“: „Всякая красивая женщина для мужчины — кто бы он ни был — самка“ — таков ваш тезис? Чтобы защитить его, вам пришлось сделать почти всех людей, окружающих Марусю, скотами. А люди эти революционеры. Положим, за последнее время и с-дек Вересаев и с-ер Савинков всячески сдирают с русского революционера романтические идеальные покровы, но я не могу считать их спор с русской историей победоносным для них — не могу! И буду рассматривать эту размолвку с действительностью как борьбу индивидуализма, возрождающегося для последней, предсмертной судороги, с тою творческой, новой силой, коя скоро и навсегда придушит его. Революционеры ваши — не социалисты, заметно вам это? Лучший из них, т. е. наиболее удавшийся вам, Маркович, рассуждает на четвертой странице более чем странно. Ради того разве идут люди в массу, чтобы выжать из нее „социальную слезу?“ К чему она, эта слеза, и какой в ней смысл? И весь Маркович, как типичный для вас представитель идеи „лавочки“ и „базара“, подчеркнут вами излишне, с некоторой враждебностью, мне непонятной. Вообще я не понимаю вашей пьесы, должно быть. А потому воздержусь лучше от дальнейших суждений о ней. Мне не хочется ставить вас в ряд с Вересаевым и другими ликвидаторами революции.



НАДПИСЬ АМФИТЕАТРОВА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ОТКРЫТКЕ ГОРЬКОМУ:

«Ей богу, это я! Если не физически, то морально.
И сижу в Кави, как в ящике стола.
Ал. Амфитеатров»

Капри, 8 июля 1909 г.

Архив Горького, Москва

Я позволю себе посмотреть на ваш труд как на недоразумение ваше, как на ошибку. Всего доброго! Вертайтесь-ко в Россию, и да будет вам благо!

Человек вы даровитый и, вероятно, найдете в себе сил выбраться из той пучины, которая, мне кажется, одолевает вас.

Жму руку.

Не сердитесь.

А. Пешков» (*АГ*).

В ответном письме Винниченко, хотя и пытался оправдаться перед Горьким, по от своих позиций не отступал. «Действительно,– заявлял он.– я несколько иначе понимаю *пути* к социализму (...) взгляд мой не будет взглядом идолопоклонника перед идолом своим. „Его величество" – пролетарий всероссийский,– как когда-то преклонялись с-дк, не найдя другой формы, как раболепие...» (*АГ*).

П. Винниченко только подтвердило его ренегатство, а тон не мог не оттолкнуть Горького. В следующем письме, от 5 мая 1909 г., Винниченко грозил предать гласности отказ Горького издавать его книги в «Знании». Осуществлением этой угрозы явилось клеветническое «Открытое письмо». Горький решил оградить себя от выпадов, подобных «Открытому письму» Винниченко, и написал по этому поводу Пятницкому: «Константин Петрович – посылаю рукописи, бывшие у меня; рассмотрев их, будьте добры ответить авторам как найдете нужным. Распорядитесь в конторе, чтобы впредь мне никаких рукописей не посылали. Прошу поместить в газетах прилагаемое объявление, поместить надо на первых страницах. Сделать это необходимо, ибо вслед за Винниченко начнут, вероятно, и другие авторы печатать оскорбительные письма» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 271, 387).

Определившаяся здесь линия принципиального размежевания Горького с Винниченко находит отражение и в дальнейших письмах его Амфитеатрову. Отношения Горького с Винниченко исследованы в кн.: *Крутикова Н. Е.* В начале века: Горький и символисты. Киев, 1978. С. 260—264.

76. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 8 июля 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович, на днях, кажется, совершу все дела свои и выползу из Кави на остров, Капри именуемый, с супружницею, чадом Данилой и пианистом Захаровым. Не будет ли у Марии Федоровны, хоть совестно навязывать ей хлопотную просьбу, милости сыскать для сей компании помещеньице поближе к Вашей вилле, дабы я не очень пешествием удручался? Пробудем дней 5—6. 2 комнатки бы с 4 постелями? В Пагане[1] что-то не хочется. Наши возмечтали прогуляться после долгого кавийского сидения, а Захарова я, правду сказать, тащу на Капри, чтобы Вы послушали хорошей музыки. Ибо сей юноша «Бори-

са Годунова», «Игоря» и пр. играет с голосами, как ни в чем не бывало. А совсем мальчик. Аккомпанирует прямо гениально.

Что-то всё бури на море, а то хотели мы плыть пароходом. Ил⟨лария Вл⟨адимировна⟩ думает, что мы выедем в воскресенье. Сегодня среда.

Привезу читать Вам «Святое семейство». Возвратясь от Вас, закабалюсь надолго в работу на «Прометей»[2]. Приятно мне это столько же, как в Сибирь на поселение. Не потому, чтобы «Прометеем» был недоволен, а потому, что опять, как «Сумерки божков»: полгода житья любимых образов в подневольной квартире. «Сына Человеческого»[3] Андреева ругают, а мне нравится. Если и шарж, то очень реальный. Напиши это Чехов, все бы поверили. Но Андреев так извертел себя глубокомыслием за пятак, что и в «С⟨ыне⟩ Ч⟨еловеческом⟩» ищут не прямой действительности, но почему сие важно в-пятых? И, не находя, не верят и ругаются.

До свидания, дорогой, будьте здоровы. Обычный привет.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Датируется по почт. шт.

[1] Гостиница на Капри, принадлежащая семье Пагано.

[2] В изд-ве «Прометей» печатались многие книги Амфитеатрова.

[3] Рассказ Андреева «Сын Человеческий» напечатан в альманахе «Шиповник» (СПб., 1909, кн. 9). Отзывы критики о рассказе были в основном отрицательными. См.: *Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917*. С. 429.

77. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави ди Лаванья. 14 августа 1909 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Ил⟨лария⟩ Вл⟨адимирован⟩ уже писала Вам и Марье Фед⟨оровне⟩[1], как, по приезде в Кави, мы должны были объявить войну итальяно-русской полиции[2]. Не знаю, что будет дальше, но покуда, после выстрела из «длинного Тома», т. е. моей телеграммы к Джиолитти[3], «табор вражеский заснул». Вчера возвратился Герман Александрович, и дальнейшие судьбы этого приключения передаю в руце его. Вы его увидите, вероятно, раньше, чем меня, так как, отдохнув недели две, он собирается на Капри[4].

Я написал Бурцеву о журнале дословно то, что Вы сказали мне и Ил. Вл. «Общее дело» будет двухнедельное, внепартийное, социалистически-блоковое — словом, ему хочется осуществить то, что намеревался сделать я в «Красном знамени», и, так как у него есть деньги, то, вероятно, он и выдержит дольше, чем сумел я. Некоторые группы (напр., Прокопович)[5] еще торгуются с Бурцевым из-за террора. Мое отношение к этому вопросу Вам известно.

Было бы очень хорошо и много помогло бы делу, если бы Вы дали в первый № хоть маленькую статью. Вот Вы собирались писать открытое письмо к английскому народу по поводу приезда царя. Это вышло поздно, но вскоре царь едет в Константинополь. Как здорово было бы, если бы Вы адресовали то, чего не успели высказать англичанам, к молодой и еще почти не окровавленной турецкой конституции![6] Подумайте об этом... И если надумаетесь, то известите и меня, и Бурцева. Перевод и распространение— это уже турецких товарищей дело, а они молодцы.

Постоянно я думаю о повести Вашей[7], которую Вы мне рассказали. Дорогой мой! Какой это большой и прекрасный план! Говорю это с некоторым угрызением за себя, потому что рассказанное Вами подрезывает значительно «Начало века», которое я должен писать как продолжение «Восьмидесятников»[8] и первая часть которого должна будет называться «Городок». Но это — в высокой степени наплевать, лишь бы Вы ис-

полнили поскорее и со всею, свойственною Вам, силою и глубиною Вашу превосходнейшую затею. Так, как Вы ее рассказывали, она может превратиться в цельную эпопею русской почвенности, и, после десятков лет эпизодического письма, опять получим мы опорный этакий роман, который воскресит быт, выяснит душу и русские носы поворотит, как компасную стрелку, по естественному их направлению. Вы теперь едва ли не единственный человек, который на то в состоянии, потому что, не говоря уже о таланте Вашем огромном, Вы — единственный первоклассный русский писатель, в чью честь и любовь к себе Россия верит без сомнений, не исключая даже злейших Ваших врагов. Они ругаются, злятся, клевещут, а веровать-то все-таки должны, и веруют, подлецы, веруют яко беси: веруют и трепещут. Я, знаете, твердо уверен, что в «Исповеди» стали Вы на путь к литературному евангелию и дадите нам его всенепременно и самостоятельно. И это самое важное и хорошее, чего ждет от Вас русское общество, и никакая другая Ваша деятельность, в которую Вы себя втисните, не возместит даже тысячной доли этого огромного и справедливого ожидания. Потому что и революционное Ваше значение возникает из титанической, шиллеровой страсти Вашего глубокого таланта — воистину вопящего голоса русской мать-сырой-земли. Вы сила не служебная, а самодовлеющая.

Не сердитесь на меня, что я не решился жить на Капри. Уж очень много русских: тяжело будет — нельзя жить в уездном городе, не будучи втянутым так или иначе в его хаос, а мне это совсем и не по характеру, и не по времени. Между Вами и русским Капри стоит такой энергический человек, как Марья Федоровна, и то, все-таки, быт Вашего дома — не столько жизнь, сколько кипение котловое. А ведь мне-то пришлось бы проводить зиму одному, с ребятами и прислугой. По Минусинску знаю, что это хуже одиночества, ибо не видишь, кого хочешь и видишь, кого не хочешь.

Что школа?[9] Как только получу деньги из Киева, пришлю еще 200 фр⟨анков⟩. Я, на обратном пути от Вас, что-то просвистался в Риме — на автомобиль, черт возьми! Знай наших!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Целую ручку Марии Федоровны. Всем привет!

Особенно — да здравствует микроба,
Которая за мной смотрела в оба,
Да не упьюсь, в стакане ледяном,
Вином!

Из стихов явствует, что сейчас иду купаться, и муза в кустах не бездействует.

Читаю всяческие новые истории русской литературы и возмущаюсь другом моим Е. В. Аничковым[10]. А видели Вы «Песнь Песней» в издании Пантеона?[11] Вот шарлатаны-то! Написал о В. Розанове, по этому по́воду, заметку столь ругательского звука, что «Бабаев» покажется лепетом младенца[12]. Вообще остервенился и намереваюсь лаяться на многих.

Еще раз обоих Вас приветствую, дорогие!

Ваш А. Амфитеатров

1909.VIII.14
C. d. L.

[1] Упоминаемым письмом И. В. Амфитеатровой *АГ* не располагает.

[2] Возможно, что инцидент с полицией мог быть вызван ожидавшимся приездом в Италию царя Николая II. В связи с этим итальянское правительство стремилось «обезвредить» русскую революционную эмиграцию.

Посещение Николаем II Италии должно было состояться в марте 1909 г. «Сюда — в марте — едет царь,— писал Горький Е. П. Пешковой,— поэтому русское посольство требует, чтоб меня выслали из Италии. Дабы придать этому требова-

нию некоторую „законность" — в России объявили о розыске и аресте моем. Ничего отсюда не выйдет ‹...› Здесь публика сильно возбуждена этим визитом. С одной стороны — союз по славянским делам на Балканах, и Россия нужна как союзница, с другой — царь противен даже консерваторам» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 61—62). В Италию царь приехал в октябре 1909 г.

[3] Джиованни *Джиолитти* (1842—1928) — с 1903 по 1914 г. (с небольшими перерывами) — премьер-министр Италии.

[4] Лопатин приехал на Капри только 9 декабря 1909 г.

[5] Сергей Николаевич *Прокопович* (1871—1955) — экономист, публицист и политический деятель, один из лидеров русского «экономизма», с 1890-х годов находился в эмиграции. После Февральской революции 1917 г.— министр торговли и промышленности, министр продовольствия Временного правительства. В 1922 г. был выслан из СССР за антисоветскую деятельность.

[6] Имеется в виду встреча английского короля Эдуарда VII с Николаем II в Ревеле 10 июня 1909 г. Намерение Горького обратиться с письмом к английскому народу осуществлено не было, так же как и предложение Амфитеатрова написать статью о современном положении в Турции в связи с восстановлением турецкой конституции 1876 г.

[7] По-видимому, когда в июле 1909 г. Амфитеатров приезжал на Капри, Горький делился с ним замыслом повести «Городок Окуров», задуманной как первая часть трилогии об уездной России, второй частью должен был стать «Матвей Кожемякин» и третьей — «Большая любовь». Работа над повестью «Городок Окуров» продолжалась в течение сентября—ноября 1909 г. В публикуемом письме содержится одно из самых ранних свидетельств о замысле «Окуровского цикла».

[8] Речь идет о работе Амфитеатрова над романом «Девятидесятники. (Начало века)».

[9] Имеется в виду каприйская школа.

[10] Евгений Васильевич *Аничков* (1866—1937) — литературовед, с 1908 г. профессор Петербургского психоневрологического института.

Амфитеатров имеет в виду кн.: История русской литературы / Под ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина, Д. Н. Овсянико-Куликовского. М.: изд. т-ва И. Д. Сытина, 1908. Экземпляр книги хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[11] «Песнь Песней» — сборник лирических песен древних народов Ближнего Востока, включенных в раздел Ветхого завета Библии. Традицией авторство «Песни Песней» приписывалось царю Соломону. Розанову принадлежит предисловие к кн.: «Песнь Песней» Соломона / Пер. А. Эфроса. СПб.: изд-во «Пантеон», 1909.

[12] Амфитеатров осуществил свое намерение, написав ст. «Песнь Песней» с резкой критикой работы В. В. Розанова (сб. «Заметы сердца», СПб., ‹1909›).

78. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Август, не ранее 18, 1909 г.›

Дорогой друг —

сообщите Ев‹гению› Колосову [1]: человек, о коем я говорил как о возможном издателе книги Кол‹осова›,— оказался уехавшим в Камчатку, вернется же оттуда в феврале, не раньше.

Новость: «Шиповник» и «Общ‹ественная› польза» объединились и с ноября будут издавать новый журнал, иллюстрированный, беспартийный [2]. Кулаков приглашает меня сотрудничать [3] — тысяча за лист, знай наших! Какая приятная компания: гнусный старичок Тетерников, старый, почтенный, милый С. Я. Елпатьевский, нигилист Андреев, чижик Морозов — «Дадим ли нефть и мы?», храбрый наездник Бенуа, Куприн, Зайцев [4] — хорошо!

Нет, я прав: слово «поколение» — действительно знаменует собой длительный процесс от глагола «околевать», и правильно — надо говорить не «современное поколение», а «современное поколевание».

В X альманахе «Шиповника» Блок женился на России: «О, родина! Жена моя» [5]. Сомневаюсь в законности сего брака, преувеличивает способности свои Альфонс Блок! Грустно мне до того, что в глазах зелено.

Уж скорее бы Галлеева комета приходила — всё, может, лучше будет.

Спасибо вам и супруге за добрые письма ваши.

Вдруг — я устал. В душе — какая-то слякоть, и люди кажутся мне сделанными из казанского мыла.

Собираюсь написать Кулакову серьезное письмо, а старику Елпатьевскому — другое [6].

Кланяюсь вам всем.

А. Пешков

Приписка — М. Ф. Андреевой:

Это пройдет, конечно, а вот что действительно у нас с А. М. «мальчики кровавые в глазах» — это печально. Уехать бы куда-нибудь скорее! Да — денег нет.

Как живете? Илларии Владимировне на днях пришлю кораллы и напишу. А для Вас тут всё дачи предлагают. Крепко жму Вам обоим руки.

Датируется по п. П. Е. Кулакова Горькому от 31 июля / 13 августа 1909 г. (*АГ*).

[1] Возможно, речь идет об издании кн. Колосова «Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. Опыт литературного анализа» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1912).

[2] *«Шиповник»* — издательство, организованное в Петербурге С. Ю. Копельманом и З. И. Гржебиным, существовало в 1906—1918 гг. Выпускало преимущественно произведения писателей-символистов и сочинения философов-идеалистов. Альманахи «Шиповника» были созданы в противовес сборникам изд-ва «Знание». В 1907—1909 гг. выходили под редакцией Л. Андреева.

«Общественная польза» — книгоиздательское товарищество, существовавшее с 1860 по 1916 г. Выпускало преимущественно классическую и современную реалистическую литературу.

[3] Петр Ефимович *Кулаков* (1867—?) — директор-распорядитель изд-ва «Общественная польза» — писал Горькому 31 июля / 13 августа 1909 г.: «Глубокоуважаемый Алексей Максимович, с 1 ноября или 1 декабря с.г. „Общественная польза“ совместно с „Шиповником“ предпринимает издание нового журнала литературы, искусства и культуры. Журнал должен представлять из себя значительно облагороженный тип „Нивы“, но с тем, чтобы не было никаких приложений, а весь материал давался бы в еженедельных №№.

В журнале первое место будет занимать беллетристика, затем будут отделы: искусства, литературной критики, науки, худож⟨ественной⟩ промышленности, театра, сатиры, злобы дня и общественный. Политики повседневной не будет, журнал будет в общественном отношении преследовать гуманитарные культурные задачи. Политич⟨еский⟩ обзор будет выражаться в изложении главнейших событий за неделю.

Ближайшее участие в журнале примут Андреев, Елпатьевский, Куприн, Зайцев. Редакторы отделов искусства, науки, театра и др. пока не определены окончательно, но предполагается пригласить Ал. Бенуа для худож⟨ественного⟩ отдела (выдающиеся представители современного художества тоже примут участие), Н. А. Морозова — для научного отдела и др.

Во главе издательской части становлюсь я и Копельман.

Вас, вероятно, несколько удивит ближайшее соучастие „Общественной пользы“ и „Шиповника“, Леонида Николаевича и Сергея Яковлевича. Делается это возможным ввиду широких задач, поставленных журналом, покрывающих и объединяющих разные литературные направления, а также ввиду того, что сейчас, более чем когда-либо, есть побуждения к такому литературному объединению. Само собой разумеется, что при такой комбинации „Шиповнику“ придется отказаться от слишком резких изгибов модернистской мысли ⟨...⟩

Вы понимаете, Алексей Максимович, к чему я веду речь. И Сергею Яковлевичу, и Леониду Николаевичу, и всем нам хотелось бы, чтобы и Вы приняли участие, по возможности близкое, в нашем журнале.

Наша задача — дать недорого и доступно для широких кругов читателей содержательный литературный и художественный материал, который не только доставил бы удовольствие и развлечение, но служил бы и широким культурным задачам, развивая вкус, повышая сознательность и будя стремление к лучшим человеческим идеалам. Я не думаю, чтобы Ваш образ мыслей мог помешать Вам давать нам Ваши произведения.

Я слышал, что у Вас есть готовая повесть. Если Вы не отдадите ее „Знанию“, то не дадите ли для почина нам. Если она уже устроена, то не дадите ли следующую Вашу вещь?

На всякий случай должен коснуться и материальной стороны дела: платить мы Вам будем за беллетристику по 1000 руб. за лист в 40 000 букв ⟨...⟩ Сергей Яковлевич будет принимать близкое участие в журнале, а его сын, которого Вы, вероятно, помните, будет ответственным редактором» (*АГ*).

[4] Сергей Яковлевич *Елпатьевский* (1854—1933) — писатель и земский врач, народник, был одним из руководителей журн. «Русское богатство». Рассказы

Елпатьевского были выпущены в трех томах изд-вом «Знание». С Горьким познакомился в Нижнем Новгороде в 90-е годы.

Николай Александрович *Морозов* (1854—1946) — революционер-народоволец, ученый и поэт, 21 год пробыл в Шлиссельбургской крепости. Горький приводит строку из стихотворения Морозова «При свете лампы».

Александр Николаевич *Бенуа* (1870—1960) — художник, историк искусства и художественный критик, идеолог объединения «Мир искусства». См. кн.: Александр Бенуа размышляет... М., 1968.

Борис Константинович *Зайцев* (1881—1972) — писатель.

[5] Строка из стихотворения Блока «На поле Куликовом», цитируется Горьким неточно; у Блока: «О Русь моя! Жена моя!»

[6] Кулакову Горький ответил 7 сентября 1909 г. (*АГ*).

С. Я. Елпатьевскому он написал два письма, в которых резко выступил против этого проекта: «Великолепнейший и любимый старый романтик, Сергей Яковлевич! Прислал мне зять Ваш П⟨етр⟩ Е⟨фимович⟩ любезное приглашение сотрудничать в затеваемом „Общ[ественной] пользой“ купно с „Шиповником“ журнальце, прочитал я лестное его письмо, и — стало мне грустно и очень нехорошо⟨...⟩ В самом деле: переживает страна наша духовный кризис, какого еще не переживала никогда, наступили дни серьезные: внутри — опасно, снаружи — еще страшнее! Самое бы время собраться остаткам старой русской интеллигенции и во всю силу начать организацию новорожденных людей — они есть, их много, я это хорошо знаю, но — они рассеяны повсюду и лишены объективной идеи.

Вообще — нужна упорная работа, нужны верующие люди, фанатики, пророки, а Вы — иллюстрированный журнальчик затеваете ⟨...⟩

В молодой нашей стране — столько намечается радостных возможностей, столько зреет новых сил, а Вы, „организаторы культурных предприятий“, все еще возитесь с тем поколением, которое поражено социальным индиферентизмом, импотентно, испугано на все дни живота и поколением может быть названо лишь от глагола „околевать“. Бросьте их в пасть судьбы, оставьте их, ибо ничего они не споют, ничего не скажут от души — околела зелененькая душонка...» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 75—77).

79. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави ди Лаванья. Август, не ранее 20, 1909 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

Получил Ваше письмо и вижу из него, что Вам довольно мерзопакостно. Плюньте Вы на все и берегите свое здоровье. А самое лучшее — сядьте на пароход с милою Марьей Федоровной и приезжайте в Геную, а из Генуи в 1 ч. 20 минут в Кави, где, ей богу, можно прожить несколько дней, чувствуя себя человеком по образу и подобию божию, а не туркою-силомером, на коем каждый свою словесную энергию пробует.

Удивили Вы меня слиянием «Шиповника» и «Общ⟨ественной⟩ пользы». Я написал Кулакову, что если так, то меня из клиентуры своей «Общ. польза» может вычеркнуть. Я «Шиповник» считаю издательством и этически поганым, и материально недобросовестным, чему имел личный и неприятный опыт. С ними иметь дело не хочу.

Предлагаемая Вам тысяча рублей за лист звучит не только гордо, но и убедительно. С своей стороны, полагаю, что за один лист у «Общ. пользы» заплатить деньги найдутся, так как она вот уже пятый месяц не высылает мне условленных 200 рублей в месяц. 200×5=1000. Но больше одного листа не пишите: сумлеваюсь, штоп...

У нас здесь сейчас тихо, мирно и благородно. К великому моему удивлению, итальянцы в восторге, что я оборвал полицию, и русский престиж стоит ныне здесь высоко.

Участие Елпатьевского в описанной Вами компании настолько ошеломительно, что хожу и пою письмо комиссара к Голове из «Майской ночи».

Жую «Анатэму», прочитанную нам недавно Павлом Самойловым...[1] Наглая вещь. Холодная и без малейшего уважения к публике, которую высокоталантливый плагиатор убежденно почитает безграмотной и беспамятною дурою. Очень может быть, что он и прав, но — сам-то автор,

как всегда, невежествен, и зрелище получается довольно противное: перед неграмотною Настасьей Панкратьевной Брусковой сидит полуграмотный Харлампий Мудров[2] и самодовольно стращает дуру жупелом и металлом, и оба два ничего не понимают, что говорят, но сладостно замирают от страха непостижимостей. Его пессимизму — фунтов двадцать пять, да и то — с обвесом. Но сорт, хотя и публикуется за первый,— не так чтобы: со шварой! Дело торговое-с... Сойдет!

В самом деле, дорогие, удерите, плащом прикрывши пол-лица, покуда Иллария Владимировна не исчезла еще с горизонта кавийского в Питер! Это не возьмет ни времени, ни денег, а, право, будет не худо.

До свидания. Всего Вам хорошего.

Мир всем.

Ваш Ал. Амф.

Датируется по предшествующему письму.

[1] Отдельное издание пьесы «Анатэма» вышло в свет в октябре 1909 г. (одновременно в изд-ве «Шиповник» и изд-ве Ладыжникова). Но литературным кругам Петербурга и Москвы пьеса была известна с начала 1909 г. в связи с тем, что Андреев передал ее в МХТ (премьера состоялась 2 октября 1909 г.). 18 февраля 1909 г. Андреев читал свою пьесу в Москве, на заседании «Среды»; в апреле 1909 г.— критикам и актерам у литератора Ф. Н. Фальковского. Летом 1909 г. Андреев вел переговоры о постановке пьесы также и в петербургском Новом драматическом театре (премьера состоялась 27 ноября 1909 г. Подробнее об этом см.: *Андреев Л.* Пьесы. М., 1959. С. 574—580). Актер Павел Васильевич *Самойлов* (1866—1931) принимал в 1908—1909 гг. деятельное участие в организации и работе этого театра. Проводя лето 1909 г. в Италии, Самойлов встречался с Амфитеатровым и читал ему «Анатэму». Амфитеатров поторопился написать об «Анатэме» в очередной «Записной книжке» для «Одесских новостей». См.: *А—Г*, п. от 24 сентября 1909 г., прим. 2.

[2] Персонажи из пьесы А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1855).

80. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья.› 1909.VIII.30

Дорогой Алексей Максимович.

Посылаю Вам (извините!) письмо, полученное мною от некоторого В. Островского, и копию с ответа, мною ему отправленного[1].

Фу, какая, однако, лужа на этом милом Капри! Кстати, о другом гусе, в оной плавающем. Это — что же? Так, значит, из Вашего кабинета и попер с докладом? Мил.

Я сейчас в потопе работы.

Вы мне ничего не ответили насчет Бурцева. Я ему на днях писал, чтобы он не спешил и что необходимо до начала дела редакционно спеться, а для того лично перевидаться и обстоятельно потолковать. Но сегодня, из письма его к Герм‹ану› Ал‹ександровичу›, вижу, что он ни меня не понял, ни дела, которое предпринимает, не понимает. Я его спрашиваю: какие у Вас материалы — а он толкует о статьях. Черта ли в том, что мы будем разводить антицаристскую фразеологию? Что Горький, Бурцев, Амфитеатров не питают к царю нежных чувств, это и без издания революционной газеты известно. А о фундаменте и системе пропаганды, которую будет вести «Общее дело»[2], никакого толка от Б‹урцева› не добьешься. Только две твердые точки: есть деньги и — долой царя. Маловато!

Вы, конечно, уже знаете о том, что объявлен провокатором Воскресенский (Попович). Но сейчас произошло нечто еще более ужасное: уличена и созналась в Берлине Жученко[3], пользовавшаяся таким доверием в партии, что организационное бюро требовало назначения ее секретарем! Страшнее всего возможность, что жертвою этой Жученко безвинно погибла, по неправому подозрению в провокации, недавно застрелившаяся Белая[4]. Хотя суровые скептики говорят, будто — обе хороши!

Разозлился я недавно на шарлатанскую «Песнь песней» Эфроса и Розанова и, кажется, начав с сего, напишу серию изобличений поддельной науки, эпидемически свирепствующей ныне в виде книг с картинками, а паче с приват-доцентскими пр. знаменитыми именами. «Историю русской литературы», изданную Сытиным [5], читаю, так просто руками развожу. Источников-то даже и не трогано! Можете Вы поверить, что ни в статьях о народном творчестве, ни в статьях о первых начинаниях повести и романа, ни в статьях о демонологии эта компания знатоков ни словом не обмолвилась про повесть о Соломонии Бесноватой! [6] Чего нагородил С. Городецкий, прямо стыдно. Сердито буду писать.

Корректурищи давят!

До свидания, дорогой. Всего Вам хорошего. Сердечный привет Марии Федоровне, чадам, домочадцам, палате, воинству, а в школе — строителям честного храма сего.

Будьте здоровы! Ваш А. А.

[1] Речь идет о п. В. В. Островского Амфитеатрову от 27 августа 1909 г. (*АГ*). Амфитеатров направил Горькому копию своего п. Островскому от 30 августа 1909 г. (*АГ*).

Журналист В. В. Островский, живший в это время на Капри, опубликовал в газ. «Тифлисский листок» две статьи о жизни Горького на Капри. Статьи имели явно клеветнический и провокационный характер. Автор стремился скомпрометировать Горького в глазах русского общества, давая материал для усилившейся в это время «полицейской травли» писателя.

В письме, адресованном Островскому, Амфитеатров писал: «Из Вашего же собственного изложения корреспонденций этих ясно следует, что в негодовании своем Горький был совершенно прав, так как быт его Вы изобразили совершенно фантастически, не озаботившись проверкою того, что Вы пишете,— словом, зачем-то превратили корреспонденции в памфлет, да еще незаслуженный и лишенный фактического основания. Содержание этой корреспонденции и роль, которую она может сыграть в жизни Капри, несомненно провокационные (...)» (*АГ*).

В упомянутом письме Островский отрицал принадлежность ему двух других «корреспонденций», напечатанных в «Русском слове» за подписью W.

[2] Издание не было осуществлено.

[3] Зинаида Федоровна *Жученко* (Гернгросс) — член организации эсеров, провокатор. В 1905 г. Жученко вошла в состав московского областного комитета эсеров и участвовала в эсеровских конференциях. В 1909 г. была разоблачена Бурцевым. В связи с разоблачением Жученко Горький писал Е. П. Пешковой: «Вероятно, на тебя произвело отвратительное впечатление дело Жученко?» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 72).

[4] Сведений о Воскресенском и Белой найти не удалось.

[5] В «Истории русской литературы» С. Городецким была написана седьмая глава, посвященная образам русских народных сказок. См.: *А—Г*, п. от 14 августа 1909 г., прим. 10.

[6] Позже Амфитеатров написал ст. «Соломония Бесноватая. Человеческий документ XVII века» (сб. «И черти и цветы», СПб., изд-во «Энергия», 1913).

81. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 1 или 2 сентября 1909 г.)

Дорогой мой Амфитеатр Александрович — о Бурцеве — верно: съехаться и поговорить подробнейше.

А то — царь! Эка важность.

Об Островском: благодарю вас за ответ ему, это прежде всего. Он чувствует себя, как видно, ужасным скорпионом — укусил Горького. Но не во всякое место укусить лестно, думается мне. Мутит он тут и будет мутить — что ж? Всякий делает, что может,— чёрт праведника тревожит, червь — покойника гложет, вообще люди — ложь множат — ух! какая мизантропия! Это — от Жуковского [1], коего читаю с напряжением всех сил.

Затевается здесь какой-то скандал и колония. Собственно— колония затевается для скандала, хотя скандал уже начат. Двадцать пять колонистов даже письмо в газеты послали, и я в том числе, хотя письмо это, как и вся затея, не по вкусу мне [2].

Видимо, придется уехать отсюда, очень жаль, право!

Но ежели заведутся Островские и W. и Z.— так уж надобно ретироваться. О-вский, конечно, врет, писание W. я на его, О-вского, актив не возлагал. И не мог, ибо знаю, кто эта буква.

Занят — по уши. Теперь у нас учеников 14, скоро прибудут еще 3 [3].

Кланяюсь вам, Ил‹ларии› Вл‹адимировне›, Гер‹ману› Ал‹ександрови›чу и всем, иже с вами.

А какую вы мне еретицкую книгу хотели прислать? Забыли! Эх, вы!

На днях у вас, вероятно, будет А. А. Богданов. Пока — промолчите о сем факте.

О провокаторах — ничего не знаю.

Жду «Былого» [4].

Жму руку

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 30 августа.

[1] Речь идет о поэте Василии Андреевиче *Жуковском* (1783—1852). В это время Горький готовил курс лекций по истории русской литературы для слушателей каприйской школы. Одна из первых лекций была посвящена возникновению и развитию романтизма в русской литературе и его виднейшему представителю Жуковскому. См. в кн.: *Горький М.* История русской литературы. М.: ГИХЛ, 1939.

[2] В п. к Е. П. Пешковой (29 авг./11 сент. 1909 г.) Горький сообщал: «Жить здесь мне трудно стало: клевещут на меня со всех сторон и всячески мешают работать. Завелась здесь какая-то полицейско-хулиганская история — несколько лиц, во избежание вполне возможного скандала, решили послать письмо в газеты, предупреждая итальянцев о возможном скандале» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 72). Есть основания предполагать, что обращение с письмом в газеты не состоялось. Во всяком случае, сведениями о подписании Горьким упомянутого письма *АГ* не располагает.

[3] Речь идет о слушателях каприйской школы.

[4] Речь идет о № 9 и 10 «Былого».

82. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Кави ди Лаванья. Начало сентября 1909 г.›

Дорогой Алексей Максимович.

Был у меня А. А. Богданов. Жаль, что я не могу быть полезен школе курсом русской истории. Очень уж, знаете ли, ответственная штука, чтобы взяться так сразу, без подготовки, тем более пред аудиторией, дисциплинированной в другом мировоззрении. Последнее условие, наверное, готовит лектору непрерывную дискуссию, а следовательно, необходимо иметь арсенал свой не только богатым, но и в порядке. Шлепнуться не хотелось бы, а уж ведь был пример, как говорит А. А., что «лектора протестовали», на манер неудачного тенора. Готовиться же совершенно некогда. Пишу роман и должен сдать первый том его к 1/14 октября. Называться будет «Люди девяностых годов» [1]. Сверх того, жена скоро уезжает, и дом, следовательно, останется на моем попечении. Так что в этой серии школы я могу быть ей полезен только материально, о чем и разстараюсь в возможно большем количестве, а лекторское участие надо перенести на будущее.

Ал. Ал. был очень мил. Впечатление — как всегда: жалостливое и немножко бредовое. Я, знаете, привык верить Шопенгауэру: «кто ясно мыслит, ясно выражается». Пред гениальностью, которую нельзя постичь без высшей математики, я безмолвно отступаю со смирением профана. Не особенно счастливо живется ему, должно быть,— это вот сильно сказывается.

Какую книгу я позабыл Вам прислать? — «Девичью память вином залила»...

Провел у меня два дня Рутенберг [2]. Очень хорош и прочен. От мании преследования освободился, подозрительность и неврастению избыл, про-

изводит впечатление сильное и рабочее. Всем нашим замечательно понравился.

Теперь поджидаю из Парижа Ченыкаева [3]. Знавали, поди, в Саратове?

До свидания. Сердечный привет дорогой Марии Федоровне. Всего хорошего Вам обоим.

Каково пишется?

Посылаю Вам мое возражение Ежову о Чехове. Очень уж меня обозлил Ежов [4].

Еще раз — будьте благополучны! Крепко обнимаю Вас.

Ваш Амфитеатров

Датируется по упоминанию ст. Амфитеатрова о Н. М. Ежове. См. прим. 4.

[1] В окончательной редакции роман получил заглавие «Девятидесятники».

[2] Петр Моисеевич *Рутенберг* (1876—1942) — видный член партии эсеров, инженер. После убийства в 1906 г. Гапона Рутенберг (бывший организатором убийства) эмигрировал из России. В мае 1907 г. (под конспиративной кличкой Василий Федоров) впервые приезжал на Капри.

[3] Владимир Дмитриевич *Ченыкаев* (1855—1918) — врач, эсер.

[4] Николай Михайлович *Ежов* (1862—1942) — литератор. С 1896 г. постоянный московский фельетонист «Нового времени». Был хорошо знаком с Чеховым, пользовался его покровительством, переписывался с ним. Амфитеатров имеет в виду воспоминания Ежова «Антон Павлович Чехов. (Опыт характеристики)», напечатанные в «Историческом вестнике» (1909, № 8), в которых сказалось недоброжелательное отношение их автора к Чехову. Амфитеатров выслал Горькому свою статью, напечатанную в «Одесских новостях» (1909, № 7897, 23 авг./5 сент.).

83. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 24 сентября 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Давно от Вас ни слуха, ни духа. Я работаю в 120 лошадиных сил. Сегодня уехала Иллария Владимировна в Россию, и я на 81 день один остаюсь стражем пенатов своих. Ужасно это неудобно. Хотелось бы и к Вам на Капри, и в Софию, где, по-видимому, затевается также нечто вроде научных курсов, но с более широкою программою, т. е. на общеобразовательном начале. А главное, в Софии зреют дела, и дела важные [1].

Сидим с Германом Александровичем вдвоем в огромном доме и чувствуем себя горошинами в пузыре.

Слышали Вы о курьезе, который вызвала моя статья об «Анатэме»? «Свет» по ней вообразил, что я присутствовал на чтении пьесы в Москве, и забил тревогу о бессилии полицейского надзора [2]. Провинциальные газеты подхватили — и пошла писать губерния.

Вчера опять пришлось ругать Ежова [3]. Этот господин слишком уверен, что я в переезде из Сибири в Париж и пр. растерял свой архив [4]. Иллария Владимировна пришлет мне бумаги из Питера. И жалко мне этого Ежова, а придется сильно его обидеть.

От Кулакова получил послание, из коего чувствую, что Ваше и мое письма относительно «Шиповника» его весьма смутили [5]. Тем лучше.

Думаю, что сейчас, если глаза вынесут, я буду заниматься часов по 14 в день, ибо больше и делать нечего. Романа написано семь глав [6]. К 1/14 октябрю с первым томом опоздаю, но к 15/28 поспею, вероятно. Боюсь только, что выходит не столь роман, сколь трактат о пользе травосеяния.

Как здоровье Марии Федоровны? Как она поживает? Отрастила бы себе еще руку и написала бы, что ли!

Тетрадку частушек посылаю.

Потерял я одного из лучших друзей своих: в Петербурге умер мировой судья П. П. Мельников [7]. Хороший был человек. Один из тех безмолвных сочувствователей, которым движение многим обязано.

А другого друга, кажется, утратил заживо. Айзман за что-то столь вызверился на меня, что даже убежал отсюда, не счел нужным проститься. О причинах глубоко недоумеваю.

До свидания. Всего Вам и Марии Федоровне хорошего. Напишите, как живется и работается.

Ваш Амфитеатров

Датируется по упоминанию о ст. Амфитеатрова, написанной 12/25 сентября 1909 г., и по содержанию письма.

[1] См. п. Горького от апреля, после 10, 1909 г., прим. 7.

[2] «Записная книжка» об «Анатэме» была напечатана в «Одесских новостях» (1909, № 7903, 30 авг./12 сент.). В связи с этим газ. «Свет» (выходила в Петербурге с 1882 по 1917 г.) опубликовала заметку «Рекорд бдительности» (1909, № 232, 3/16 сент.), в которой выражалось негодование по поводу бездеятельности московской полиции, якобы проглядевшей приезд в Москву «политического преступника» Амфитеатрова. В «Записной книжке» (Одесские новости. 1909. № 7920. 20 сент./3 окт.) Амфитеатров иронизировал: «„В Одесских новостях“ и в „Киевской мысли“ были переданы телеграммы негодования петербургского „Света“ против московской полиции за то, что она не арестовала меня, когда я побил „рекорд нахальства политических преступников“,— „явился в Москву и присутствовал на чтении новой пьесы другого молодца из той же шайки, Леонида Андреева“».

В следующей статье Амфитеатров объяснил, что слушал «Анатэму» в исполнении артиста П. В. Самойлова и что в Москве в последний раз был 1 мая 1904 г. (Одесские новости. 1909. № 7925. 25 сент./9 окт.).

[3] 12/25 сентября Амфитеатров вторично писал о выступлении Ежова («Записная книжка» — Одесские новости. 1909. № 7920. 20 сент./3 окт.). Он обвинял Ежова в неблагодарности по отношению к Чехову, который «всегда говорил о г. Ежове с приязнью и доброжелательством истинной дружбы». Обе статьи Амфитеатров включил в т. 14 Собрания сочинений, где опубликованы другие статьи об А. П. Чехове: «В посмертные дни», «Вишневый сад», «Цветы „Вишневого сада“», «Роман Чехова» и др.

[4] О судьбе своего архива Амфитеатров писал в предисловии к публикации писем Чехова к нему (Энергия. 1913. № 1. С. 238).

[5] См.: *Г — А.* П. от августа, не ранее 18, 1909 г., прим. 3.

[6] Роман «Девятидесятники».

[7] Петру Петровичу Мельникову посвящен сб. Амфитеатрова «Житейская накипь» (СПб., изд-во «Общественная польза», 1904) и IX том Собрания сочинений (вышел под названием «Дождя отшумевшего капли»), куда были включены некоторые статьи из сб. «Житейская накипь».

84. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Сентябрь, не ранее 26, 1909 г.)

Александр Валентинович — когда писать? Поглощает часы жизни моей школа[1], как сорока прожорливая хлопотливых мурашек, и приехал Кон⟨стантин⟩ Пет⟨рович⟩ Пятницкий, с коим я говорю, говорю, говорю![2]

Ах, хороший это народ, который из поповского звания! Устойчивый, жиловатый народище! Вот я — негодовал на К. П. и вслух, и мысленно, а приехал он, гляжу я на него: крепонький такой булыжничек, и сам крокодил нильский зубенки свои должен обломать об него. Чудесная фигура, хотя и кунктатор. Люблю человиков, кои никогда и никому не дают себя в обиду. Мало таковых.

Ну а школа, разумеется, вызвала в Париже вулканическое возмущение: как — школа? А мы, генералы от с.-д., где же? возопил истерический интеллигент и начал «дискуссию» — сиречь — идиотскую болтовню. Господи — скушно! И противно! И жалостно! Хочется ругать людей сих поносными словами — некогда да и бесполезно. В чем, в чем, а в ругани они и сами паче базарных торговок преуспели[3].

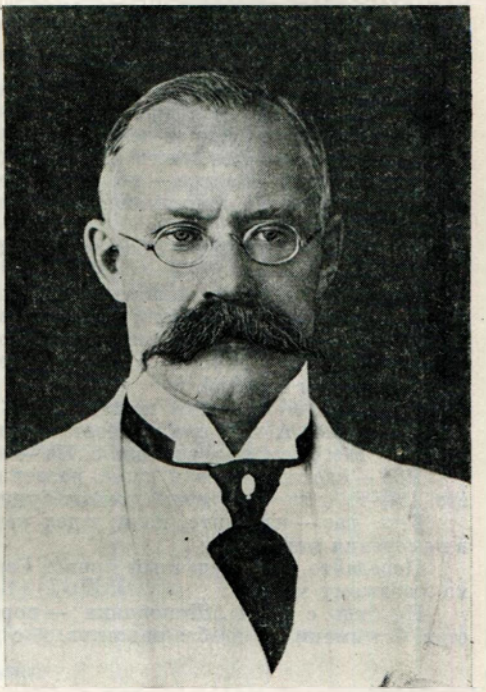
Какие же дела в Софии затеваются?[4] Эх, кабы вы, милостивейший мой государь, да явились сюда вкупе с Германом Александровичем попить несколько белого вина и потолковать с Пят. и мною, вечерочка два-семь?! Картина!

К тому же погода здесь пущена — удивительнейшая! Тишина и винцом попахивает в голубомто воздухе вечеров здешних.

Мне Кулаков не отвечал[5]. И Елпатьевский тоже не отвечал. Боюсь — обидел я его? А Крачковского обидел — с уверенностью могу сказать. В этом маленьком человеке спрятан большущий нахал, говоря между нами[6].

Статью об «Анатэме» не читал — пришлите![7] Да нет ли у Вас и Ежовой статьи? Пришлите. Все это мне надобно знать. А вам — прочитать повесть Карен Михаэлис «Девочка» в сборнике Маркса «Фиорды» № 1. Да и 2-й тоже чтите. Да и девочка! Давно я не читал столь мучительной вещи, да и читал ли когда-либо?[8]

И как будто девочка эта — душа моя! Что общего, думаю? Ищу — нет ничего. Но — как будто душа моя! Нет, хорошо пишут скандинавы, люди самого края земли, и вам, сир, надобно их читать. Вот — явитесь, а я вас обложу скандинавской литературой, а вы о ней напишите русским языком статью, хорошую, толковую статью о бестолковых людях!



К. П. ПЯТНИЦКИЙ
Фотопортрет. Капри, 3 ноября 1910 г.
Архив Горького, Москва

Пишете? И я.

О том, что «Свет» писал — не знаю. Тоже хочу знать.

А книжку вы мне обещали о ведьмовстве, чародействе[9]; и даже записано вами это обещание, по просьбе моей, в некую малую и сильно потертую книжечку.

Пятницкий однажды сказал, что на пути обратном он к вам заглянет. Ну, тогда уж и я с ним.

Пока же — до свиданья! Берегите глаза.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 24 сентября 1909 г.

[1] Речь идет о каприйской школе. М. М. Коцюбинскому Горький писал 28 сентября 1909 г. о своей «каторжной» жизни в это время: «...работы несть конца! Школа, где я читаю две лекции в неделю по литературе,— а к ним надобно готовиться...», и дальше: «Приехавшая сюда рабочая публика — чудесные ребята, и я с ними душевно отдыхаю (...) были в Неаполитанском музее, в старых церквах, в Помпее, будем и в Риме. Хорошо они смотрят, хорошо судят, и — вообще — хорошо с ними демократической моей душе!» (*XXIX*, 97).

[2] Горький и Пятницкий занимались делами изд-ва «Знание», составлением новых сборников. Пятницкий записал в дневнике: «С 1 по 10 (сентября 1909 г.) все время уходит на разговоры о делах» (*АГ*). В п. Коцюбинскому Горький сообщал: «К. П. Пятницкий приехал, и я с ним принужден просмотреть всю работу „Знания“ за девять лет — не шутка!» (*XXIX*, 97).

[3] В письме отразилось тяжелое настроение Горького, вызванное положением дел в каприйской школе и отношением к ней Большевистского центра в Париже. См. вступ. ст. Н. И. Дикушиной.

[4] См. п. Горького от апреля, после 10, 1909 г., прим. 7.

[5] В ответ на предложение П. Е. Кулакова принять участие в работе журн. «Общественная польза» Горький писал 7 сентября 1909 г.:

«Уважаемый Петр Ефимович! — За предложение Ваше — спасибо, а принять его — не могу. Почему?

Если Вам угодно знать — я откровенно скажу, что мой „образ мысли" не помешал бы мне делать культурное дело, но мое отношение к святой русской литературе не позволяет мне становиться в ряд с людями из „Шиповника", ибо большинство их — а дрянной старичок Тетерников особенно — в моих глазах не литераторы, а нигилисты, авантюристы, циники — больные, наконец.

Резко и грубо? Что ж делать? Справедливо ведь! Не могу я принять Сологуба, даже не отрицая достоинств „Мелкого беса". Для меня Рочестер-Крыжановская — образованней,— а главное — искреннее его.

Блока тоже не принимаю: талантлив, это вне спора, но — „О, родина! Жена моя!" — что это такое?

А тут еще Морозов — „бог тарамбах", „дадим ли нефть и мы" и — наконец — Бенуа!

Вы, мне кажется, ошибаетесь, полагая, что с этими людями можно создать журнал беспартийный — они все же резко тенденциозные люди! Разве партийность — только политика? Она — весь круг идей, среди коих современный духовно голый человечек пляшет свой агонический танец — смертный танец,— пляшет и воет истошным голосом.

Извините меня — мне кажется, что ваше начинание едва ли жизненно, едва ли культурно. А что оно откроет многим вредным людям путь во глубь страны нашей — это, временно, возможно. Но — не надолго.

Ибо — слагается новая душа, растет новый литератор, я это знаю, ибо — я вижу это. Ему-то, новому, и принадлежит будущее.

Еще раз — извините, коли задел как-либо лично вас: поверьте это не входило в намерения мои.

Передайте мой сердечный привет Сергею Яковлевичу, старому романтику, крепко любимому мною.

Не будь с вами „Шиповника" — порекомендовал бы вам нескольких беллетристов, без имени, но не без талантов. А с „Шиповником" они не пойдут.

Всех благ. А. Пешков» (*АГ*)

Кулаков ответил 2/15 октября 1909 г. «Ваше отношение к этому делу,— писал Кулаков,— совпавшее с многочисленными отзывами лиц, мнение которых для нас дорого, заставило меня отказаться от союза с „Шиповником"» (*АГ*).

[6] Крачковский был у Горького на Капри в конце июля 1909 г. (*XXIX*, 94). Он предложил для *сб.* «*Знания*» рассказ «Необыкновенный человек». Этот рассказ Горькому не понравился. 17 сентября 1909 г. обиженный Крачковский писал ему: «...своим холодным и снисходительным отношением ко мне — Вы будите мое самолюбие, и я считаю себя вправе сказать Вам, что мне это неприятно...» (*АГ*).

О Крачковском Горький сообщал Елпатьевскому (в авг. 1909 г.): «Был у меня недавно Крачковский — о, господи! Увидал „Тарантас" Соллогуба — очень удивился. „Не читал, говорит, этого!" А посмотрев год издания — ⟨18⟩ 45-й, ушами начал двигать от изумления — как? Автор „Навьих чар" ⟨...⟩ А вот Гейне — читал он и даже переписал его „Идеи", назвав их „Необыкновенный человек"...» (*XXIX*, 94). 7 сентября 1927 г. Горький известил Сергеева-Ценского: «...Крачковский — жив, печатается в эсеровской „Воле России", стал не так манерен, каким был, но все еще — с претензиями на мудрость. Мистик от разума. Лет 15 тому назад я его видел, он тогда был чудовищно невежественным и напыщенным человеком...» (*XXX*, 33).

[7] Горький постоянно интересовался творчеством Андреева, и в частности его пьесой «Анатэма». В начале января 1909 г. он просил Ладыжникова: «Получив „Анатэму" Леонида, пожалуйста, пошлите мне корректуру, я знаю тему этой вещи, любопытно, что он с нею сделал». В мае 1909 г. он благодарил Ладыжникова: «...сердечное спасибо за „Анатэму", рукопись я отправил Вам вчера. Читали коллективно, не понравилась нам эта вещь. Когда Вы ее напечатаете — пожалуйста, пришлите экземпляр мне...» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 186, 193).

В *ЛБГ* хранится экземпляр «Анатэмы» (изд-во Ладыжникова) с пометами Горького, а также экземпляр пьесы (Шиповник, СПб., 1909) с надписью Горького:

«В этой драме — все прекрасно!
Только — все извращено.
Все смешное в ней — ужасно,
Все ужасное — смешно».

(*ЛН*. Т. 72. С. 45)

[8] В августе 1909 г. Горький получил первый и второй сб. «Фиорды». См. список книг для посылки на Капри 18/31 июля в *АГ* и *ЛЖТ* (вып. 2, с. 87). В первом сб. «Фиорды» — «Наше царство. Датские, норвежские, шведские писатели» (пер. А и П. Ганзен, СПб., изд-во А. Ф. Маркса, 1909) — опубликованы: повесть К. Михаэлис «Девочка» — о больной, умирающей 15-летней девочке, тяжело переживавшей отчуждение между отцом и матерью; роман норвежского писателя Й. Бойера «Наше царство». Во втором сб. «Фиорды» — «Ледник» (СПб., изд-во А. Ф. Маркса, 1909) — напечатаны: Й. Бойер «Сила веры», Э. Григ «Мой первый

успех (автобиографический очерк)», И. В. Йенсен «Ледник. (Мифы о ледниковом периоде и первом человеке)» и др.

В *ЛБГ* хранятся также сб. «Фиорды» № 6, 7 (с пометами Горького) и 9 (*Описание*). Горький с большим вниманием следил за современной скандинавской литературой. В п. Л. А. Никифоровой (май 1910 г.) он писал: «...скандинавы — интереснее и серьезнее всех в наши дни» (*XXIX*, 114). В *АГ* хранится незаконченная ст. Горького о романах Й. Бойера (*АГ*). Его переписку с Бойером см.: *Арх. Г.* Т. VIII. С. 282—284.

[9] О какой книге идет речь, установить не удалось. В *ЛБГ* хранится несколько книг «о ведьмовстве», некоторые из них с пометами Горького: *Леманн А.* Иллюстрированная история суеверий и волшебств от древности до наших дней / Пер. с нем. Изд. Петерсена под ред. В. Н. Лина. М.: изд-во «Книжное дело», 1900. IX—XII; *Мишле Ж.* Ведьма/ Пер. с франц. под ред. В. Фриче. М.: изд-во «Современные проблемы», (б.г.). VIII (с пометами Горького); *Фишер В.* История дьявола / Пер. с нем. О. В. Григорьевой под ред. В. В. Битнера. СПб.: изд-во «Вестник знания», 1907; *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903 (Этнограф. бюро В. Н. Тенишева); (*Прыжов И. Г.*) Двадцать шесть московских лжепророков, лжеюродивых дур и дураков. М.: изд-во Н. Баркова, 1864; (*Чулков М. Д.*) Абевега русских суеверий, идолопоклоннических простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. М.: изд-во Ф. Гиппиуса, 1786; и др. (*Описание*).

Эти книги, по-видимому, были нужны Горькому в связи с работой над «Окуровским циклом».

85. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. Конец сентября — начало октября 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Прилагаемые двести франков — в школу. В скорости еще пришлю. Увы! Куда мне ехать! Когда не пишу, то няньчу.

Вот уже три недели не приемлю напитков, что не спасло меня вчера от хорошего припадка молодой, но многообещающей подагры.

Рад, что К. П. Пятницкий к Вам приехал, и все добро зело, то есть безвредно и прекрасно. Буду ждать вас обоих с нетерпением, хотя вы, изверги, надуете всенепременно. А как бы умственно сделали бы Вы, кабы поспешили. Эс-эр сейчас весь разъехался, так что словопрений и учительных свиданий Вам никаких не угрожает. Поспешили бы, покуда не наехало новых. Знаете — свято место пусто не бывает, как говорю я, когда в духе, и было бы болото, а черти найдутся, как лаюсь, когда не в духе.

Иллария Владимировна, конечно, будет в отчаянии, не застав К. П. в Петербурге.

Андреев разобиделся на меня смертно и жалуется интервьюерам в тоне грустно-минорном, вроде — и ты, Брут![1] Пришлось написать фельетон[2], который ему, вероятно, весьма не понравится, хотя писал я его с самыми доброжелательными намерениями и чувствами. А Вам пришлю все эти писания, как только получу из Одессы.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Поклон Константину Петровичу. Приезжайте же!

Марии Федоровне сердечный привет.

Ваш А. А.

Датируется по содержанию.

[1] Речь идет о ст. «Вечер волшебства у Л. Андреева» (Новости сезона. 1909. № 181. 17/30 сент.), в которой Л. Андреев жаловался на торопливость критиков: «Моя „Анатэма“ еще не вышла в свет, а ее уже бранят, и меня „ликвидируют“. Амфитеатров обвиняет меня в плагиате одинаково и у Шекспира и у ... Семена Юшкевича. Но, помилуйте, ведь пьесы еще нет, ее никто не читал, она не поступила в продажу».

[2] Амфитеатров ответил на выступление Л. Андреева в «Записной книжке», опубликованной в «Одесских новостях» 26 сентября/ 9 октября (№ 7925).

86. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Октябрь, не ранее 18, 1909 г.)

Да не получил же я вашего ответа на жалобы Леонида! [1]

А в «Одесских» уже «читатель» ратует против вас — ну, и надо же его, дикаря, выпороть вам! [2]

Субботний фельетон пришлите — дело это для меня живое и важное [3].

Пожалуйста!

А. Пешков

Датируется по упоминанию статьи за подписью «Читатель». См. прим. 2.

[1] «Ответ на жалобы Леонида» — «Записная книжка» от 26 сентября/9 октября 1909 г.

[2] В ст. «Так нельзя», подписанной «Читатель», автор защищал творчество Андреева от резкой критики Амфитеатрова и писал: «...есть великие таланты, делающие стоящей нашу читательскую жизнь,— и к ним принадлежит Л. Андреев: такие таланты даже бранить надо коленопреклоненно...» (Одесские новости. 1909. № 7928. 30 сент./13 окт.). Амфитеатров возразил Читателю в «Записной книжке» (Одесские новости. 1909. № 7943. 18/31 окт.). См. следующее письмо.

[3] «Записная книжка» Амфитеатрова в 1909 г. печаталась в «Одесских новостях» по субботам.

87. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1909.X.25

Дорогой Алексей Максимович.

Книжку получил [1]. Большое спасибо.

Скопились у меня дела и обстоятельства столь многочисленные и спешные, что прямо не понимаю, когда я живу. Не то что 48, 72 часов мало! Поэтому простите и попросите от меня прощения у Марии Федоровны, что не писал и теперь пишу мало и скверно.

По случаю царского проезда мы проводим здесь жизнь, окруженную шпионами (поставлены с полною откровенностью — семь штук) и секретным дознанием. Елена Ивановна Горелова воспользовалась одним маленьким недоразумением, чтобы устроить в профектуре скандалец, при коем ей удалось видеть мое incartamento, сиречь по-французскому dossier. Толстое!

Написал о «Лете» преогромную статью и отправил ее в Киев. Первая — думаю [2]. Другую напишу для Одессы [3]. Больно уж хороша штука! По стильной выработке, по великому спокойствию мысли и слова это положительно лучшая Ваша вещь.

Относительно землетрясения — не берусь судить. Как отдача долга признательности за гостеприимство эта книга произведет отличное впечатление за границею. Но итальянцев Вы, конечно, перехвалили [4]. Сам их очень люблю, но Вы уж очень-очень!

Сопоставление случая Феррера и наших русских дел наводит меня в 1001-й раз на грустные мысли о нашей совершенной отчужденности в Европе. Протестовать против единичного расстрела в Испании, принимая и чествуя величайшего убийцу мира сего, Николая Второго, нельзя сказать, чтобы красиво было и последовательно, с идейной точки зрения. А по-домашнему понятно [5].

Феррер — свой, человек романской цивилизации, а мы — чужие. В лучшем случае — скифы Анаксагоры, чтимые в качестве редкостных экземпляров, что и варварам не чужда мудрость, в худшем и обыкновенном — скифы просто. Я внимательно следил за 10-ю органами итальянской печати по поводу приезда царя и вынес отвратительнейшие впечатления. Правое свинство меня нисколько не трогает, но левое лицемерие немыслимо подло. Начистоту поставленный вопрос встретил в генуэзской газете «Il Secolo XX»:

— Что вы,— говорит,— орете против приезда царя? В 1903 году не пустили его в Италию, он рассердился и не утвердил льготных ставок на оливки и масло. А ежели сейчас его примут хорошо, то наша оливка заполонит Одессу. Одна Генуя получит выгод на 1 000 000 фр. в год. Вот вы так и скажите тем, кто подбивает вас на «сентиментальные демонстрации».

Так и сказали. Омерзительное зрелище! Вы знаете, что я не пессимист. Но обманывать себя не люблю. Так или иначе, царь свое сделал и уезжает торжествующий, а г. Виктор Умбертович Эммануилов-Савойский [6] (хорошая фамилия для провинциального актера) получил урок, что, при достаточном количестве штыков, можно проделывать какие угодно фокусы, не опасаясь крика социалистов. Да и крик-то дался, знаете ли, как один мальчик здешний про детей моих говорил:

— Что Максим и Роман делают?

— Орут.

— Отчего же не слыхать?

— Они тихо орут.

Вот баварцы — утешили, так утешили! Это — цивилизация. Это — логика. Молодцы. Вот Вы всё выбирали место, куда перебраться, буде Капри бросать придется. Уж что же лучше Мюнхена или Нюренберга? Я на следующую зиму туда обязательно переберусь.

Почему эсдеки так долго медлят с распубликованием своего Азева — доктора Баррита? По этому поводу ходят смешные слухи [7].

С Андреевым опять приходится возиться из-за Читателя, о коем Вы писали мне. Очень неприятно. Леонид Николаевич в самом деле вообразит, что я против него что-нибудь лично имею, тогда как, кроме искреннейшего уважения к его таланту, иных чувств по его адресу никогда не питал. А если на месте, где может расти пшеница, вдруг поднимается чертополох, как не прийти в горе?

Работы — до ужаса, а выбился из хорошей колеи. Очень тормошат и мешают.

До свидания, дорогой. Будьте здоровы и веселы. Кланяйтесь Вашей школе. Всего Вам хорошего.

Ваш Амфитеатров

Марии Федоровне сердечный привет. Завтра буду ей писать из Флоренции, куда еду на день, буквально затем, чтобы голову в одиночестве в порядок привести.

[1] Кн. «Землетрясение в Калабрии и Сицилии».

[2] См. следующее письмо, прим. 1.

[3] См. там же.

[4] Амфитеатров имеет в виду данную Горьким в кн. «Землетрясение в Калабрии и Сицилии» восторженную характеристику итальянского народа, его мужества и сплоченности.

[5] Осенью 1909 г. в Италии, в Раккониджи, состоялось свидание Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом III. Россия и Италия договорились о противодействии дальнейшей австрийской экспансии на Балканах и сотрудничество в осуществлении собственных территориальных притязаний (История дипломатии. М., 1963. Т. II, гл. 19).

Визит Николая II в Италию почти совпал по времени с казнью испанского ученого, республиканца Франциска Ферреры, который был обвинен в руководстве восстанием. После того как Ферреру оправдал гражданский суд, военный суд приговорил его к смертной казни. Король Альфонс XIII отклонил прошение дочери Ферреры о помиловании. Смертный приговор вызвал возмущение во всех европейских странах. В русских газетах широко освещались отклики иностранной печати на казнь Ферреры.

[6] Речь идет об итальянском короле *Викторе-Эммануиле III* (1869—1947).

[7] В 1909 г. В. Л. Бурцев объявил провокатором меньшевика Барита. После опубликования беседы с Бурцевым парижского корреспондента «Утра России» Н. М. Минского Л. Дейч обратился с письмом в редакцию газ. «Речь», в котором заявил, что «все его обвинения против Барита основаны на показаниях продажного французского агента» (Речь. № 348. 19 дек. 1909 г./1 янв. 1910 г.). В январе

1910 г. в Париже состоялся суд, в состав которого вошли меньшевик Л. Г. Дейч, эсер М. А. Натансон и Ч. (фамилия не была раскрыта, возможно В. М. Чернов). Н. М. Минский, выступивший свидетелем на суде, отметил «существование какой-то глухой и глубокой розни между Бурцевым и революционными партиями» и писал о нежелании революционных партий раскрывать дело Барита (Киевская мысль. 1910. № 5. 5 янв.). О Барите (Батушанском) см. также Г—Л, п. 2, прим. 2.

88. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Конец октября, не ранее 29, 1909 г.)

Прочитал Вашу, дорогой А. В., статью о «Лете» [1], уж очень Вы хвалите! Я даже конфузился, читая. Мне не кажется, что вещица удалась — можно было бы сделать гармоничнее. Беда в том, что задавлен я обилием материала и тороплюсь, а — это нехорошо.

Вот и опять захотелось написать повесть — помните:

Господи — помилуй нас!

Жить нам — неохота — ? [2] начал, написал четыре листа, вышло не то, чего хотел, а — необходимо печатать. Оказывается, что у меня «ужасно много нет денег». Работаю, яко каторжанин, и сидя, и стоя.

Посылаю письмо Благушина: хороший, серьезный парень. Коли возможно — помогите ему [3].

На днях получу «Анфису» [4]. «Общ‹ественная› польза» издала Премирова — ах, какой досадный человек! [5]

Кланяюсь и крепко жму ручищу. Составили три сборника, скоро выйдут, думаю, что два — конфискуют [6]. Сколь утешительно думать сие!

А. Пешков

Датируется по времени публикации ст. Амфитеатрова в «Киевской мысли». См. прим. 1. Приводим другую редакцию первого абзаца письма Горького Амфитеатрову, не отосланного адресату, по автографу, поступившему в *АГ* от В. А. Десницкого:

«Прочитал вашу — А. В., статью о „Лете“: уж очень вы хвалите,— в меру ли? Не рисуясь, говорю: примись я за это дело сейчас вот — было бы лучше написано „Лето“! Есть в нем места сомнительного достоинства, и — весьма есть.

Будете еще писать — укажите: старичок-то Кузин — старые психические пружинки растеряв — новых не приобрел и — скрипит. И — почему все старичок? Везде старичок?» (*АГ*).

[1] Повесть Горького «Лето» издана в конце 1909 г. в изд-ве Ладыжникова, в Берлине, и в XXVII *сб.* «*Знания*» почти одновременно (с цензурными сокращениями). См.: *9*, 572—578. Горький работал над повестью в октябре—декабре 1908 г. и весной—летом 1909 г. «Десять месяцев работы — и „жемчужина“»,— писал Амфитеатров (Одесские новости. 1909. № 7953. 12/25 нояб.).

В «Записной книжке» (Киевская мысль. 1909. № 281. 11/24 окт.) Амфитеатров писал о «Лете» «...Душа Горького – высший очаг любви к человечеству. Он, как и герои „Лета“, из тех, „кто ничего не боится“. Но любви же его — „за человека страшно...“».

Обе статьи вошли в Собрание сочинений Амфитеатрова (т. 22).

[2] Речь идет о повести Горького «Городок Окуров», первая часть повести была закончена в сентябре 1909 г., опубликована в XXVIII *сб.* «*Знание*» (1909).

Стихотворение Симы Девушкина — одного из персонажей повести «Городок Окуров» (*10*, 14).

[3] О ком идет речь, установить не удалось.

[4] Драма Андреева «Анфиса», впервые опубликована в альманахе «Шиповник» (1909, кн. 11). В сентябре 1909 г. Горький просил Ладыжникова: «...Пришлите „Анфису“, если получили...» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 198). Премьера «Анфисы» состоялась в Петербурге, в Новом драматическом театре 10/23 октября 1909 г.

[5] Михаил Львович *Премиров* (1878—1933?) — писатель. Рассказы «Немые дали» опубликованы в художественно-литературном сб. «Чайка» (Казань, 1909); Отдельное издание: СПб., изд-во «Общественная польза», 1910.

[6] Очевидно, Горький имел в виду XXVII, XXVIII и XXIX *сб.* «*Знания*» (вышли в нояб. и дек. 1909 г. и февр. 1910 г.). В конце октября 1909 г. Горький писал Е. А. Пешковой: «Ты скоро увидишь — я не преувеличиваю: выйдут три сборника: в одном „Лето“, в другом — „Шпион“, в третьем „Городок Окуров“ — повесть только что законченная мной» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 76—77). Однако продолжение «Жизни ненужного человека» («Шпион») в них не публиковалось,

хотя в том же письме к Е. П. Пешковой Горький сообщал: «Надо было сделать „Шпиона" цензурным,— противнейшая работа» (Там же). Повесть «Лето» была напечатана с большими купюрами. Горький, чтобы избежать конфискации сборника, обращался за помощью к О. О. Грузенбергу. См.: Г—Гр, п. 6.

89. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави. Ноябрь, не ранее 5, 1909 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович, я пробовал петь «Впереди у нас леса» [1] на голос чудесной каприотской канцонетты, которую мы слушали, сидя на террасе у Тихоновых в чудесную лунную ночь [2]. Очень хорошо выходит.

«Лето» я излюбил, крепко. Вы мне его не браните! Я буду о нем писать и еще, и еще. Ибо эта вещь — «в стороне от большого света», сиречь от накатанных рельсов к рынку, твердому с 40-х годов, и десятки российских Валентинов (помните, есть такой лакей у Гончарова в «Слугах») будут негодовать: зачем нет ничего непонятного? [3]

С Леонидом Николаевичем договорился, кажется, до конца «Записною книжкою» о Леониде Андрееве. II», которую получите в будущий четверг или пятницу. Получаете ли Вы «Од⟨есские⟩ нов⟨ости⟩»? Они клянутся и божатся, что Вам посылают с 1/14 октября.

Да, ужасно много нет денег, и ради того приходится делать глупости и торопливости. Кажется, я сейчас на стезе к одной из таковых — и преогромной.

Благушину пишу. В Америке ничего не могу сделать. Друзей моих, колонию Сахарова, побил мороз (не примите за метафору), и там полное разорение [4].

Прочитал «Красную звезду». Сколь ни убедительно рассказывает Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ександрович⟩ о достоинствах своего героя, никак не мог понять, зачем марсианам понадобилась такая ходячая сопля?

В прелести Нэтти тоже плохо верю, ибо должна напоминать рыбку «японский телескоп» [5]... Вообще, как у Лескова княгиня Протозанова критикует [6], «Уэльс вострее писал» [7].

«Анфисы» не читал. О Премирове я писал когда-то в сборнике «Издали». Его студенческая повесть была ужасна, но — прелюбопытный человеческий документ [8].

Радуюсь за «Знание», что составили три сборника (беллетристические, уповаю? Ибо философским свойственно повергать меня в уныние — за что?!), и горюю, что меня в них не будет.

С «Общ⟨ественной⟩ пользой» я — прощаюсь, ангел мой, с тобою!

Когда Вы наконец приедете?

Мы с Г. А. стареем, седеем и боимся повторить мифологию греческую: в ней кто-то от ожиданий, лет через двести, превратился в цикаду. Вот — приедете, а вместо нас двоих, два преогромных кузнечика скачут...[9] Табло *.

Покуда что купаюсь.

Ил. Вл. в Питере. Обступили ее разные издатели. Соперничества много, а денег ни у кого нет. Предложения каждый день новые, но — рассрочки, отсрочки и пр. и пр.

А мне — «темную сумму» надо.

До свидания, дорогой! Сердечный привет М. Ф. Будьте веселый и скорее пишите повесть свою.

Ваш А.

Датируется по упоминанию ст. Амфитеатрова об Андрееве в «Одесских новостях» (1909, № 7943, 18/31 окт.).

---

* картина (*фр.*).

[1] Строка из стихотворения слободского поэта Симы Девушкина («Городок Окуров» — *10*. 14).

[2] В Италии и Франции XV в. канцонетта — несложная, многоголосная, а позднее одноголосная песня, близкая к народной.

Упоминаются В. А. и Е. В. Тихоновы.

[3] Неточная цитата из первого очерка И. А. Гончарова «Слуги прошлого века. (Из домашнего архива)» — «Валентин» (Нива. СПб. 1888. № 1). На вопрос: «Зачем же ты читаешь?» — Валентин отвечает: «Если все понимать — так и читать не нужно: что тут занятного».

[4] О какой колонии Сахарова пишет Амфитеатров, выяснить не удалось.

[5] Леонид и Нэтти — герои утопического романа А. А. Богданова «Красная звезда» (СПб., т-во художников печати, 1908).

[6] Н. С. Лесков «Захудалый род. Семейная хроника князей Протозановых. (Из записок княгини ВДП)»; княгиня Протозанова — персонаж «Хроники» (*Лесков Н. С.* Собр. соч. М., 1957. Т. 5).

[7] Амфитеатров сравнивает «Красную звезду» Богданова с «Войной миров» Г. Уэллса.

[8] Амфитеатров писал о рассказе М. Л. Премирова «Большая жизнь» (из быта русского студенчества в Юрьеве) в ст. «Пятна на солнце» — сб. «Издали. Наброски эмигранта» (М., книжн. маг. Д. П. Ефимова, 1908, с. 186—214).

[9] Вероятно, имеется в виду древнегреческий миф о богине утренней зари Эос, которая попросила у Зевса для своего супруга Титона бессмертие, но забыла попросить вечную молодость. Несмотря на все ее усилия, Титон состарился и сделался сверчком (Гомеровские гимны IV в.// Эллинские поэты / Пер. В. Вересаева. М., 1929. С. 220—224, 232).

90. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Декабрь, не ранее 4, 1909 г.)

Дорогой мой Александр Валентинович — телеграмма ваша мною получена [1], но смысла ее — не понимаю, хотя это уже 17-я телеграмма по данному поводу [2]. Все спрашивают меня — в чем дело? — я же ничего не знаю. В немецком «Vorwärts» — напечатано, что меня смешали с Герциком и что весь этот шум имеет провокационный характер [3]. М. Ковалевский предлагает страницы «Вопросов жизни» для моих объяснений с партией — а что я объясню? [4] «Рус‹ское› слово» [5], «Киевские вести» всё меня дергают; являются интервьюшники и, вытаращив глаза, смотрят на меня, видимо сравнивая, похож ли я на Азефа? И еще, и проч. и т. под. Разные деликатнейшие люди шлют депеши: верим, пишут, что вы все-таки порядочный человек!

От всей этой канители у меня образовался насморк. Заниматься ею — не хочу, некогда мне. Пускай пишут что хотят, где хотят, как хотят, а у меня — работа! Роман! С любовью! В уездном городе — вы понимаете? Сосновый лес. Воинский начальник! Казначей! Городовой! Чумацкие песни!

Не шутя говорю — все это для меня так интересно, что я дрожу над бумагою, как мальчишка, и точно только что начал писать. Слов мне надобно нежных и простых — тысячи! Гневных и смешных — тысячи! Рожицы предо мною денно и нощно стоят эдакие уездные, а — тут депеши! [6]

К чёрту!

А Герману Александровичу [7] передайте мой горячий привет и скажите, что прошу его о дне приезда на Капри известить меня, дабы я его встретил. Верую, что он не откажется остановиться на вилле Spinola, где есть много комнат и мало людей. Соблазните его музыкой, коли он таковую любит, музыканта покажу хорошего! Каторжными песнями угощу, ей-богу! Ах, хороши!

О школе надо бы вам написать, но так как ведь и Вы с Г. А. приедете сюда не надолго — то не пишу. Имейте в виду — дом — пустыня, живут в нем 4 души: я, Мария, Зиновий, Пятницкий и — tutti! *

---

* всё (*итал.*).

А? Неужто не приедете? Не верю.
Жму руку.

Ваш А. Пешков

Датируется по упоминанию статьи редакции газ. «Vorwärts» от 2 декабря 1909 г.

[1] Телеграммой, которую упоминает Горький, *АГ* не располагает.

[2] Газ. «Утро России» поместила 15/28 ноября 1909 г. (№ 34) заметку «Исключение М. Горького из партии с.-д.», вызвавшую многочисленные отклики в русских и иностранных газетах. Горький выступил в печати с опровержением (Биржевые ведомости (веч. вып.). 1909. № 11434. 25 нояб./8 дек.). В газ. «Утро России» 26 ноября/9 декабря 1909 г. (№ 42) было напечатано письмо редакции «Пролетария»: «В Вашей газете от 15 ноября напечатаны две статьи об исключении М. Горького и еще нескольких лиц из РСДРП.

Убедительно просим Вас напечатать в ближайшем номере Вашей газеты, что все сказанное об исключении М. Горького и других лиц из с.-д. партии не соответствует действительности.

Ваша газета, видимо, стала жертвой какой-то мистификации.

Редакция „Пролетария"».

20 или 21 ноября (3 или 4 дек.) Ленин писал М. И. Ульяновой: «Получил сегодня номерок „Утра России" с пошлым вздором насчет Горького. Вот уже несколько дней, как некоторые газеты в Париже („L'Eclair") и в Берлине („Berliner Tageblatt") упражняются в подобном же вранье. На днях одно хорошее опровержение этого сплошного вранья они получили от „Vorwärts'a", где было весьма справедливо показано и весьма остроумно рассказано, какая это все сплошная нелепость и выдумка» (*В. И. Ленин*. Т. 55. С. 298).

В своей ст. «Басня буржуазной печати об исключении Горького» (Пролетарий. 1909. № 50. 28 нояб./11 дек.) Ленин вскрыл источник и цель этой сплетни (*В. И. Ленин*. Т. 19. С. 153).

[3] «*Vorwärts*» («Вперед») — центральный орган германской социал-демократической партии, выходил с 1876 до 1900 г. под редакцией В. Либкнехта. Газета была закрыта в 1933 г.

В приложении к газ. «Vorwärts» (1909, № 281, 2 дек.) была помещена заметка «Сенсационная новость» — опровержение клеветнических слухов об исключении из рядов партии М. Горького. В ней говорилось, «что вся эта история от начала до конца вымышлена и что в ней нет ни на волосок правды», далее высказывалось предположение: «...если корреспондент „Берлинер Тагеблатт" не стал жертвой какого-нибудь шутника из кругов русских товарищей, то он, вероятнее, всего, чуточку напутал, смешав всемирно известного писателя *Горького* с неким *Герциком*, который был обвинен в „провокации" и исключен из рядов русской социал-демократической группы в Женеве».

16 декабря 1909 г. (№ 293) газета поместила новое опровержение: «Недавно под этим заголовком мы опровергали сообщение, согласно которому *Максим Горький* якобы был исключен из русской социал-демократической партии. Теперь официальное представительство наших русских товарищей за границей просит нас опубликовать следующее заявление по этому делу:

„В части иностранной и русской прессы все еще циркулируют кем-то упорно и широко распространяемые слухи об исключении известного писателя Максима Горького из нашей партии. В связи с этим мы заявляем, что все эти сообщения *без исключения и полностью основаны на неправде*.

Не менее ложным является и слух, согласно которому Горький сам в письме Центральному комитету заявил о своем выходе из партии.

Мы обращаемся с просьбой ко всем газетам, перепечатавшим ложное сообщение, опубликовать вышестоящее заявление.

С партийным приветом

Заграничное бюро Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии"» (пер. с нем. С. В. Рожновского).

[4] Максим Максимович *Ковалевский* (1851—1916) — историк, юрист, политический деятель.

«Вопросы жизни» — по-видимому, описка Горького. Ковалевский был членом редколлегии журн. «Вестник Европы».

[5] 18 ноября/1 декабря Пятницкий в дневнике записал о получении Горьким телеграммы от «Русского слова»: «Правда ли, что вы исключены из партии»,— и его ответ: «Мне ничего не известно» (*АГ*).

[6] В декабре 1909 — начале января 1910 г. Горький работал над третьей частью «Окуровского цикла» «Большая любовь». Однако эта часть осталась незавершенной (*10*, 748—752).

Отрывок под заголовком «Из повести „Большая любовь"» был напечатан в сб. «Белый цветок» (Полтава, 1912) и в газ. «Правда» (1910, № 1, 1 янв.).

[7] Г. А. Лопатин.

91. АМФИТЕАТРОВ – ГОРЬКОМУ

(Кави. Декабрь, не ранее 7, 1909 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

К Вам поехало большое письмо с преогромною седою бородою, поэтому на сем листке изобразить остается мало [1]. Очень я жалею, что с романом Вашим не могу познакомиться, как с «Летом». Кстати сказать, статья моя о «Лете» перепечатана великим множеством провинциальных газет. Сейчас я занимаюсь тем, что пишу на Вас пасквили. Один называется «Perpetuum mobile», а другой — «Жертвы общественного внимания, или Людоедство на острове Капри» [2]. Но думаю, что злоба моя сим не удовлетворится. «Утро России» предлагает мне Париж, в настоящее время занятый Н. М. Минским [3]. Поэтому я и телеграфировал Вам, в ответ на письмо Марии Федоровны, не зная ничего насчет исключения, это надо спросить Минского, так как он парижский представитель «Утра России», которое начало весь этот шум. Я в Париж не желаю, и газета мне, по воспоминаниям, не нравится, а по начинаниям в возобновлении тем паче.

Читал сейчас «Милых людей» В. Тихонова [4]. Ужасно плохо. Из такого же материала, как Скальковский [5]. Впрочем, я сейчас о плохом письме просто не смею разговаривать, ибо «Девятидесятники» [6] мои — всесовершенная дрянь, а дописывать их буду с отвращением, ибо вторым томом поправить первого уже невозможно. Все сие сознание радости в душе предполагает немного.

Приезжайте на Святки! Иначе продам себя на елку для детей. Подумайте, сколько на меня можно навешать!

До свиданья. Всего Вам хорошего. Сердечный привет Марии Федоровне.

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по содержанию, а также по дате окончания Амфитеатровым фельетона «Perpetuum mobile»: «1909, XII. 07» н. с.

[1] *АГ* не располагает письмом, о котором упоминает Амфитеатров.

[2] В фельетонах Амфитеатрова «Perpetuum mobile» (Одесские новости. 1909. № 7984. 5/18 дек.) и «Жертва общественного внимания, или Людоедство на острове Капри» (Киевская мысль. 1909. № 336. 6/19 дек.) высмеивались слухи, распространявшиеся русскими и зарубежными газетами по поводу так называемого исключения Горького из партии.

[3] *Н. Минский* (псевдоним Николая Максимовича Виленкина) (1855—1937) — поэт, корреспондент газ. «Утро России» в Париже, после революции 1917 г. на родину не вернулся.

[4] *Тихонов В. А.* Милые люди: Комедия в 4 д.// Театр и искусство. СПб., 1909. Кн. II.

[5] Константин Аполлонович *Скальковский* (1846—1906), автор известной кн. «О женщинах. Мысли старые и новые», а также работ о балете: «Балет, его история и место в ряду изящных искусств» и др.

[6] «Девятидесятники» Амфитеатрова — вторая часть задуманной хроники 1880—1910 гг. под общим названием: «Концы и начала» («Девятидесятники». I том — «Московские осколки», II том — «Подруги»).

92. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Декабрь, не ранее 9, 1909 г.)

Милый Александр Валентинович —

поистине праздникам праздник и торжество из торжеств для души моей — видел Г. А. Лопатина! [1] Впечатление — чарующее, огромное, радостное — как будто именно его-то и ждала с тоской душа лет тридцать, и вот он пришел, чародей сказочный. Конечно — я человек преувеличенный и притом весьма ушиблен жаждой героя — ну да, ну да! — но знаете что? Только один Л. Толстой действовал на мое чувствилище столь гран-

диозно, только с ним беседуя — чувствовал я такую радость и гордость за человека, за нашу родину.

Какое дивное лицо у его души, как он чувствует красоту, этот 23 года во гробе заключенный человек [2], и как ясно, безумно хорошо понимать, что «его щя воскресшего много будет».

Надобно, чтобы он написал записки, автобиографию [3], — не напишет — ограбит бедную Русь, которая стонет и воет и страдает и не умеет радоваться.

Пишу — так, без связи, потому что очень уж рад и очень хочется поделиться радостью этой с вами.

Крепко жму руку.

А. П.

Вы его рассказы запоминаете?

Записывать надо бы!

Всего доброго, хороший мой.

Датируется по записи в *Дн. Пятницкого* о дне приезда Лопатина на Капри — 26 ноября/9 декабря.

[1] С 9 по 13 декабря 1909 г. Лопатин гостил у Горького на Капри. См.: Г — Л, «Из „Дневника Пятницкого"».

[2] Лопатин в 1887 г. был заключен в Шлиссельбургскую крепость пожизненно. Освобожден из заточения в 1905 г.

[3] В январе 1906 г. В. В. Водовозов обратился к Лопатину с просьбой сообщить краткие биографические сведения для энциклопедического словаря Брокгауза — Ефрона. Лопатин написал Водовозову два письма, в которых изложил свою биографию. Они опубликованы в кн.: *Лопатин*.

Стихи Лопатина см. также в кн.: Поэты-демократы 1870—1880-х гг. Л., 1968.

ГОРЬКИЙ И Г. А. ЛОПАТИН

Фотография Ю. А. Желябужского.
Капри. 9—13 декабря 1909 г.
Музей Горького, Москва

93. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри, 31 декабря 1909 г.)

Большой товарищ Амфитеатрофф!

Будучи понуждаем со всех сторон напоминаниями, характер императивов категорических имеющими,— обращаюсь к вам с вопросом — когда можете?

Ибо — считая от сего дня — через две недели надобно ехать из П. в Р.

Надеюсь, что все сказанное мною достаточно конспиративно: ведь совершенно нельзя понять, кто куда идет, зачем идет и причем тут вы — не правда ли?

Читали — с удовольствием — написанное вами о корреспондентах и громогласно хохотали. Нам особенно понравилось: «он его посадил на кол» [1]. Это превосходно: и трогательно, и правдиво. Ах, это самое милое занятие между товарищами — сажать друг друга на колья. Я был посажен не единожды, а в последний раз — особенно крепко. Но — не теряю надежды, что буду и еще посажен, так что, вероятно, это один из предпоследних разов.

Жду ваша рецензията на «Городок Окуров» — я теперь с аннексированными боснянами и разными славянами все беседую [2],— это отражается на языке.

Вчера возвратился из путешествия в Неаполь по морю: пароход шел на корме, подняв нос в небо,— вид гордый, но для пассажиров — унизительное положение! [3]

Некоторые вывертывались наизнанку не хуже графа Бобринского в деле Карпова [4].

Не возможно ли прочитать писание ваше о «Людоедстве на о-ве Капри»? Буде оно написано?

А что же 9-десятников не присылаете, «Знанию» сказано, чтобы вам посылались все новые книжки.

Как живете?

Я к вам не приехал — это факт. Ибо — не могу. Мне хочется лечь и лежать 13 лет, читая разные умные книжки.

Всего доброго!

Быть русским человеком — нелегкая должность, уверяю вас, хотя вы и сами это знаете.

А. Пешков

Приписка М. Ф. Андреевой:

Низко кланяюсь дорогому другу Александру Валентиновичу, детей целую.

Любящая Вас Мария

Датируется по фразе: «Вчера возвратился из путешествия в Неаполь...» См. прим. 3.

[1] Горький цитирует фельетон Амфитеатрова «Perpetuum mobile».

[2] О ком пишет Горький, установить не удалось.

[3] С 27 по 30 декабря 1909 г. Горький пробыл в Неаполе (*АГ*).

[4] Полковник Карпов — начальник охранного отделения в Петербурге — 3 декабря 1909 г. был убит взрывом бомбы. Убийство Карпова организовал А. А. Петров, в прошлом народный учитель, член партии эсеров, проникший на службу в охранку. Петров был арестован, приговорен к смертной казни. Его мемуары были переправлены за границу и напечатаны Бурцевым в «Былом» (1910, № 13; см. также Г–Л). О деле Карпова, широко освещавшемся в печати, был сделан запрос в Думу. Горький имеет в виду выступление графа В. А. Бобринского на заседании Думы по поводу дела Карпова (см.: Речь. 1909. № 344 и 346, 15/28 и 17/30 дек.).

94. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 1 или 2 января 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Книжки Герм<ану> Ал<ександровичу> переслал [1]. Очень я счастлив, что Вы так сошлись. Приехала Ил<лария> Вл<адимировна>, что дало мне возможность послать Луначарскому 500 фр., о которых была телеграмма от школы [2]. Надеюсь вскоре быть Ротшильдом на полчаса, но не обещаюсь, так как Ил. Вл. привезла данные весьма грустные. Мечтал, что приедете на праздники — но «он шутил, ведь он шутил!» В январе будет у меня здесь Федор Ив<анович> и очень просит устроить так, чтобы сие совпало с Вашим приездом, на который уповать не перестаю. На юг ему в этот раз, он боится, не удастся попасть.

Б. Лазаревский [3] просит меня похлопотать, не дадите ли чего в сборник, издаваемый в пользу семьи покойного Башкина [4], оставшейся в самом жалком положении. Хлопочу.

Тормошусь сейчас со всякою святочною канителью. Надежда свалить с себя все эти радости оптовым получением лопнула. Вместо продажи сочинений в одни руки получился только договор о преимущественной покупке их том за томом в «Просвещении» [5], так что даже не разберешь, что́ я получил — право или обязанность. А нельзя было не согласиться. На рынке паника.

«Лето» встречено в России несомненно хорошо. Говорят, ругается Дорошевич и подлаял что-то скромный Измайлов [6], но это — «батюшка, проклянн мою ниву! твое проклятие пуще навоза!» Провинция сейчас важнее столиц, а она откликается на «Лето» дружно и хорошо.

Secolo * через Рутенберга предлагает мне взять руководство русским отделом [7]. Это могло бы быть большим делом, с крупными политическими последствиями. Я дал свою программу, но ответа покуда не имею.

До свидания, дорогой А. М.! Вступаем в европейский Новый год! Авось, будет лучше предыдущего? Последнему хоть за Карпова спасибо! порадовал на отходе.

Сердечный привет и лучшие пожелания Марии Федоровне, З. А. и всем добрым каприйцам! Prosit Neujahr [2]*, как говорят немцы.

Всего хорошего и счастливого!

Ваш Ал. Амфитеатров

Простите чумазость! Это результат уверений, что чернильный карандаш — то же, что перо и чернила!

Датируется по фразе: «Вступаем в европейский Новый год!»

[1] Горький послал Лопатину свои книги «Мать» и «Лето» с дарственными надписями в Кави на адрес Амфитеатрова, но Лопатин находился в это время в Париже, Амфитеатров переслал их туда (Г—Л, п. 1).

[2] Организаторы каприйской школы создали фонд из добровольных взносов общественных деятелей и литераторов. Амфитеатров обещал дать в фонд школы 1500 франков. Очевидно, в связи с окончанием деятельности каприйской школы и необходимостью отправки слушателей в Россию создалось затруднение с финансами. См.: *А—Г*, п. от первых чисел января 1910 г.

[3] Борис Александрович *Лазаревский* (1871—1931) — беллетрист. Горький считал его писателем бесталанным (*XXIX*, 215). В 1901 г. Горький отклонил просьбу Б. Лазаревского напечатать в «Знании» сборник его рассказов (*XXVIII*, 213).

[4] Василий Васильевич *Башкин* (1880—1909) — писатель, сотрудничал в «Журнале для всех», «Русском богатстве» и др. В *АГ* хранится п. Горького Башкину (апр. 1909 г.):

«Дорогой г. Башкин —

спешу возвратить вам рукопись. Прочитал — не понравилось, извините меня! Не понимаю я — должно быть — современных настроений, и кажется мне, что нам пишут как бы сквозь сон. Для меня жизнь — симфония, создаваемая гением-музыкантом; диссонансы ее строго и стройно мотивированы, даже и диссонансы» (*АГ*).

В сб. «Огни. Литературный альманах памяти В. Башкина» (СПб., изд. «Нового журнала для всех», 1910) вошли ст. Арцыбашева и Олигера памяти Башкина, а также рассказы Телешова, Гусева-Оренбургского, Айзмана и др.

Т. I и III «Рассказов» В. В. Башкина вышли в 1909—1910 гг. в изд-ве «Общественная польза», а т. II — в 1910 г. в изд-ве «Звено».

[5] «Просвещение» — петербургское изд-во, существовало с 1896 до 1918 г., основано Н. С. Цетлиным. «Просвещение» издавало серии «Всемирная библиотека», «Современная библиотека». В серии «Современная библиотека» с 1910 по 1916 г. издавалось Собрание сочинений Амфитеатрова в 37 томах.

[6] Повесть Горького «Лето» вызвала многочисленные отклики в печати, в большинстве своем положительные. Однако были и критические отзывы. Так, А. Измайлов называл Горького «иллюстратором партийного катехизиса» (Русское слово. 1909. № 284. 11 дек.). Позже М. Кузмин писал, что Горький, «будучи членом партии, не мог взглянуть объективно» на деревню (Аполлон. 1910. № 4, янв.);

---

* век (*итал.*).

[2]* С Новым годом! (*нем.*).

К. Чуковский считал, что Горький «„измыслил" крестьян, как ранее „измыслил" своих босяков» (Речь. 1910. № 58. 28 февр./13 марта). См. также: *9*, 577—584.

Горький писал Е. П. Пешковой: «...„Лето" — ругают с напряжением, достойным более серьезной цели. Никто из критиков, видимо, не мог одолеть книгу, и мотивы, почему она написана,— никому не ясны. Странно, все, что бы я ни написал,— трактуется как моя вера, мое credo. Предрекаю: скоро из богостроителей меня переведут в чин националиста. И нисколько не удивлюсь, если прочитаю, что я — черносотенец...» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 82).

[7] «*Il Secolo XX*» — миланская газета, выходила с января 1902 г. по 1914 г. Горький советовал Амфитеатрову сотрудничать в «Il Secolo XX». См. п. от 15 и после 17 января 1910 г.

95. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. Первые числа января 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Ой, как жду «Города Окурова»!

«Девятидесятников» еще сам не получал. Да что!

Как я Вам уже писал, я послал Луначарскому для школы 500 фр., о чем уведомил и Ал. Ал. Богданова. Вчера, в ответ на сие, я получил письмо от г. Алексинского [1], начертанное наглейшим тоном генерала, распоряжения отдающего этак фельдфебелю, что ли. Отвечать сему синьору я не намерен, а Ал. Ал. выразил свое совершенное удивление, что он ставит и себя, и меня в такие милые позиции. Мне было очень трудно послать эти 500 франков, и получать за них выговор от какого-то чуж-чуженина совсем не входило в мои расчеты. Так как в письме говорилось о большой нужде учеников школы, то я нагреб и отослал на имя Покровского еще 250 франков, оставшись сам без всяких денег для 1-го января. Очень меня удивило, что деньги надо посылать не на Капри, а в Париж. С какой они, ученики, стати туда вдруг попали? Если правда, что школа туда переведена, как здесь уверяют, то жаль, что меня раньше о том не предупредили <...>

Ждал я Вас в Кави гораздо усерднее, чем евреи Мессию, ибо они теперь перестали ждать, а забавляются сионизмом. «Людоедство» напечатано в «Киевской мысли». Ведь она же, помнится, получается на Капри?

Ждал, не приедет ли к русскому Рождеству мой старший московский сын, да не смог послать ему денег на передвижение, так из этого ничего и не вышло [2].

Ил. Вл. все грозится, что скоро разбогатеем, но я становлюсь бесстрашен и на угрозы гордо улыбаюсь.

Я нечаянно книгу о чертях написал. Ей-богу! [3]

Думаю, что живу в Кави последний год. Довольно пустыни. Желаю ходить по улицам, разговаривать с людьми, имеющими какие-либо интересы, кроме провокаторов открытых, откровенных и имеющих быть открытыми, сидеть в кафе, слушать музыку, и пр., и пр., и пр.

От Германа Ал. письма ки-и-слые. Бурцев едет в Америку только 5-го января, если только опять не продаст билета.

Написали Вы что-нибудь для них? [4] Я пишу о курсистканских записках, да что-то ничего не выходит.

Когда Пятницкий едет в Россию? Побывал бы по пути!

До свидания. Сердечный привет Марии Федоровне! Желаю Вам всего хорошего. Всем поклон!

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по фразе: «Бурцев едет в Америку только 5-го января...»

[1] Григорий Алексеевич *Алексинский* (1879—1967) в годы революции 1905—1907 гг. примыкал к большевикам, член социал-демократической фракции II Государственной думы. После поражения революции, в годы реакции,— один из организаторов и участников фракционной группы «Вперед», каприйской школы, актив-

ный антиленинец. В 1918 г. эмигрировал, занимал антисоветскую позицию. Подробнее о нем см.: *Арх. Г.* Т. XIV. С. 33.

[2] Владимир Александрович *Амфитеатров-Кадашев* (1889—?) — сын Амфитеатрова от первого брака, журналист, переводчик, автор кн. «Очерки истории русской литературы» (Прага, Славян. изд-во, 1922).

[3] Речь идет о кн. «Il Diavolo». Амфитеатров позднее, при подготовке кн. «Il Diavolo» для Собрания сочинений, объяснял, что книга эта «вышла из подготовленных работ» к роману «„Жар-цвет" и трагедии „Роберт-Дьявол", еще не бывшей в печати» (*Амфитеатров.* Т. 18. С. III).

[4] Имеется в виду газ. «Общее дело», в организации которой принимали участие Бурцев и Лопатин.

96. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 4 или 5 января 1910 г.)

«Окуров» вы должны бы получить, ибо конторе «Знания» сказано Пятницким, чтоб вам посылались все вновь выходящие издания. «Киевских вестей» * — не вижу, не получаю. А люблю смеяться и — очень хорошо смеюсь, читая ваши веселые шалости. Пришлите «Людоедство» — per favore! [2*]

Алексинский — жалчайшая личность, ибо он дегенерат и нигилист. На месте души у него помещен граммофонишко плохонькой фабрики и с очень ограниченным количеством пластинок — напетых не с первого голоса к тому же.

Из того, что пишете о школе, чувствую, как будто вам неведома склока, поднятая Парижем по сему поводу? Об этом много писано и печатано и на Капри и в Лютеции, и даже я лично и собственноручно подписывал некоторые бумажки. Зачем подписывал? Кереметь знает!

(Думаю, что Кереметь мордовский суть финский Вейнемейнен [1] и — пускай Плеханов еще раз назовет меня мистиком! а я буду открывать Америки.)

Мне не хочется писать о школе и о том, почему она поехала на реку Сену, и обо всем, с нею связанном [2]. Кратко скажу: померла моя надежда № 101-й.

Засим — чувствую я себя в чем-то виноватым пред вами, как будто, занимаясь самообманом, и вас вовлек в это занятие [3]. А вообще — сердечное спасибо вам за помощь делу, которое, продолжаю надеяться,— когда-нибудь даст плоды свои (надежда № 102-й).

Приехать, пишете вы, монсиньор! Я со стула съехать не могу. В спине у меня — осиновый кол. В голове — возня. Необходимо написать русскую девушку с большой любовью. Большая любовь — вы понимаете? — Это, м.б., то, чего не было, нет еще, но что должно быть. А я — никогда не писал о девушках и о любви.

«Окуров» в первой части совершенно не удался мне. Вторая — Кожемякин. Это коротенькая вещь. Третья — Большая любовь. Я могу написать о городе Окурове 10 томов.

Получил письмо от Г. А. [4] — как восхищает меня этот чудесный человек! Ну, если вы уедете в пивной город Мюнхен, так это же скучно будет!

Начнете тянуть баварское — хорошо ли?

О каких чертях книга?

Читали вы «Мертвую зыбь» Миртова, в «Русской мысли», август—декабрь? [5] Прочитайте, это не без таланта, и хотя в том же тоне, как «Бледный конь», но честнее, искреннее. Хорошо взять Сашеньку — Дедлова, Санина, Силина и поставить их в один ряд [6]. Прочитать пред этим сопоставлением книжку Фрейда «Психопатология обыденной жизни» —

---

* «Киевская мысль».

2* пожалуйста (*итал.*).

в ней очень интересно доказывается, что в психике человека нет ничего произвольного [7].

Пятницкий едет скоро, кажется. М. б., я с ним катну до вас. Мне ведь хочется. Зина [8] где-то в Генуе, ищет работы себе и — не находит.

До свидания пока! Пришлите «Людоедство».

Всех благ!

А.

Вот что: не известно ли вам какое-либо собрание — альбом, вернее,— эротических рисунков конца XVIII и первой половины XIX века — до 48 г.? Нельзя ли мне видеть или купить — такой альбом? Если это недорого, конечно. Сочинение — не надо, именно рисунки.

Цель: сравнить отношение к эротике буржуазии, времен ее здоровых настроений и тенденций, со вкусами наших дней. Путаная задача, но — мне бы надобно это сделать, и возможно скорее.

Если знаете художников — немцев или французов,— рисовавших на эротические темки,— назовите. А если имеется что-либо подобное — пришлите.

И — нет ли у вас чего-либо о драгоценных камнях, кроме Святского и Пыляева? [9]

Ратуйте!

А. Пешков

Считаю нужным сообщить, что на вас едет художник Пархоменко [10], он уже «написал 46 портретов рус<ских> писателей, в том числе Толстого и Короленко» [11]. Вот как! Представьте себе человека, который ловил-ловил блох и поймал «в том числе» Льва.

Храброе лицо!

Датируется по упоминанию о п. Г. А. Лопатина от 1—2 января 1910 г.

[1] Горький соединяет имена двух противоположных по своей сути мифологических образов: Керемет (или Киреметь) — в удмуртской мифологии творец зла; Вяйнемейнен (или Вейнемейнен) — главный герой карело-финских рун, творец мира.

Горький имеет в виду ст. Плеханова «О так называемых религиозных исканиях в России». Во второй главе статьи Плеханов критиковал «Исповедь». Высоко оценивая Горького как художника, он писал о его слабости как философа, теоретика, отмечая его зависимость от религиозных исканий Луначарского. В конце главы Плеханов иронически спрашивал: «Почему наш политический „Буревестник“ заговорил мистическим языком святоши?» (Современный мир. 1909. № 10. С. 201).

[2] В ноябре 1909 г. группа слушателей каприйской школы во главе с Михаилом Вилоновым выступила против ее фракционного характера и послала в редакцию газ. «Пролетарий» протест против антипартийного поведения лекторов школы. Вилонов и его товарищи были исключены из состава слушателей и уехали в Париж, где встретились с Лениным. Для них был организован цикл лекций. В. И. Ленин писал Горькому 16 ноября 1909 г.: «...вышло так, что кроме противоречия старой и новой фракции на Капри развернулось противоречие между частью с.-д. интеллигенции и рабочими-русаками, которые вывезут социал-демократию на верный путь *во что бы то ни стало* и что бы ни произошло, вывезут вопреки всем заграничным склокам и сварам, „историям“ и пр. и т. п. Такие люди, как Михаил, тому порукой. А еще оказалось, что в школе развернулось противоречие между элементами каприйской с.-д. интеллигенции.

Из слов Михаила я вижу, дорогой А. М., что Вам теперь очень тяжело» (*В. И. Ленин.* Т. 47. С. 219—220).

Противоречия в школе продолжали углубляться и привели к разрыву Горького с Богдановым и Луначарским. В декабре 1909 г. Луначарский и оставшиеся слушатели уехали с Капри (*Арх. Г.*).

[3] Амфитеатров оказывал школе материальную поддержку.

[4] П. Г. А. Лопатина от 1—2 января 1910 г.

[5] Роман О. Миртова «Мертвая зыбь» печатался в «Русской мысли» (1910, № 8—12). Отдельное издание: СПб., изд-во «Прогресс», 1909.

О. Миртов — псевдоним Ольги Эммануиловны Негрескул-Котылевой (1875—1939), внучки П. Л. Лаврова, идеолога революционного народничества, автора работы «Исторические письма», который выступал в печати также под псевдонимом Миртов.

[6] Сашенька — герой одноименного романа *Дедлова* (псевдоним В. Л. Кинга, 1858—1908).

Силин — персонаж романа О. Миртова «Мертвая зыбь».

Горький неоднократно сопоставлял произведения Ропшина, Арцыбашева, Дедлова-Кинга и Миртова, видя их внутреннюю связь — пессимизм, духовное обнищание, «печальное стремление попасть в тон победителю мещанину», называл их «антиреволюционными» (п. Н. С. Каржанскому — *ЛН*. Т. 72. С. 444).

Позднее Горький рекомендовал А. К. Воронскому создать кн. «История разночинца», которая демонстрировала бы деградацию героев, от «Сашеньки» Дедлова до «Санина» Арцыбашева: «...эта печальная история революционной немощи и одновременно история мучительных — а порою смешных — шатаний молодого человека около жизни, мне кажется, будет чрезвычайно поучительна для современной молодежи, равно и для начинающих литераторов» (*Арх. Г.* Т. X. Кн. II. С. 67, 68).

[7] Зигмунд *Фрейд* (1856—1939) — известный австрийский врач-психиатр, ученый-психоаналитик. Его кн. «Психопатология обыденной жизни» (М., изд-во «Современные проблемы», 1910) с пометами Горького хранится в *ЛБГ*.

[8] З. А. Пешков.

[9] Иван Иванович *Свяцкий* (1857—1898). Имеется в виду его кн. «Драгоценные камни» (2-е изд., СПб., изд. П. П. Сойкина, 1902).

Михаил Иванович *Пыляев* (1842—1899). Имеется в виду его кн. «Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребления» (3-е изд., СПб., изд. А. С. Суворина, 1892).

Обе книги хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[10] Иван Кириллович *Пархоменко* (1870—1940) — художник. В июле 1909 г. писал портрет Л. Н. Толстого, который Толстой находил «прекрасным» (*ЛЖТ Толстого*. С. 701; *Пархоменко И. К.* Три дня у Л. Н. Толстого // Сб. воспоминаний о Л. Н. Толстом. М.: Изд-во «Златоцвет», 1911. С. 135—157).

[11] Неточная цитата из п. Пархоменко Горькому от 19 декабря 1909 г. ст.ст. (*АГ*).

97. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 7 января 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Прочитал наспех и залпом «Городок Окуров»[1]. Удивительную штуку Вы написали! Не знаю, что будет дальше, но — покуда — нравится мне даже больше «Лета». А Вы знаете, как я высоко «Лето» ценю! Все люди живые. И, что, извините, не всегда у Вас, женщины великолепны и правдивы. Неужели наконец-то настоящий русский народный роман иметь мы будем? Даже и не верится такому благополучию. Черт знает, сколько в Вас Алексея, тезки Вашего, Васильевича Кольцова насажено![2] Буду, ох, буду я писать об Окурове этом! Хороший, добротный городок. И без эрфуртской программы даже![3] Не сердитесь! Уж очень я Вас люблю, когда Вы изобразитель, а не школьный учитель. Ох, как это хорошо у Вас, когда Тиунов с Симою идут ночью, и у Симы, под говор Тиунова, стихи всё сочиняются[4]. И еще скажу: прав был Чехов, когда писал Батюшкову, что писать надо не по непосредственным впечатлениям, а по воспоминаниям[5]. Только историческая перспектива дает синтез, и, собственно говоря, каждый роман должен быть историческим, как «Война и мир», «Анна Каренина», «В лесах»[6], «Отцы и дети», «Николай Негорев»[7] и т. д.

Великолепно у Вас вступление в роман. Первая же чудесная фраза дает чисто глинкин аккорд и тон всему дальнейшему[8]. Я помянул «В лесах»: знаете Ваши два вступления схожи глубиною русского тона, а, по-моему, это значит взять ух какую большую крепость.

Вчера послал Вам «Девятидесятников». Мое мнение о сем произведении Вы знаете. К удивлению моему, критика, в лице Николая Петрова сына Ашешова[9], пропела тому сему дифирамб, коего до сих пор не удостоивались сочинения мои гораздо большего значения.

От Ал. Ал.[10] получил сейчас письмо и немедленно отвечаю.

Пишу в русское Рождество. На Новый год приезжает ко мне из Москвы старший мой сынище, парнище в 3 аршина ростом и тонкий, как жердь. Во вторник еду встречать его в Геную и ради сего отклонил даже путешествие в Сан Ремо, к Плеханову, давно обещанное.

Фельетон Дорошевича читал[11]. Могу сказать лишь, как Вы о Посце[12]... Испортила мне штука эта целый день, словно с утра, по ошибке, навозной жижи напился. Пропал казак ни за что!

Усиленно изучал в последние дни чеховские письма, по новому изданию В. Брендера[13]. Уже имеете? Много нового и интересного.

Засим — работаю в четыре руки.

До свидания. Сердечный привет Мар. Фед. Всем, всем Вам обоим хорошего!

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по содержанию.

[1] Первая часть повести Горького «Городок Окуров» была опубликована в XXVIII *сб. «Знания»* (дек. 1909 г.).

[2] Горького и поэта А. В. Кольцова Амфитеатров сопоставлял в статье о повести «Лето»: «...проза Максима Горького, стихи Кольцова. Разве это не единство настроения души, образности, святого слияния с природой...» (Киевская мысль. 1909. № 281. 11/24 окт.).

[3] Эрфуртская программа — первая марксистская программа с.-д. партии Германии, принятая в 1891 г. на партийном съезде в Эрфурте.

[4] Тиунов и Сима — персонажи повести «Городок Окуров».

[5] Федор Дмитриевич *Батюшков* (1857—1920) — историк литературы, критик. В 1897—1898 гг. редактировал русский отдел журн. «Космополис». 15/27 декабря 1897 г. Чехов писал Батюшкову: «...Вы выразили желание *в одном из Ваших писем*, чтобы я прислал интернациональный рассказ, взявши сюжетом что-нибудь из местной жизни. Такой рассказ я могу написать только в России, по воспоминаниям. Я умею писать только по воспоминаниям и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично» (*Чехов*. Письма. Т. 7. С. 123).

[6] «В лесах» — роман Павла Ивановича *Мельникова* (псевдоним Андрей Печерский) (1818—1883).

[7] «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» — роман Ивана Афанасьевича *Кущевского* (1847—1876).

[8] В 1928 г. в ст. «О том, как я учился писать» Горький заметил по поводу этой фразы: «...мне показалось, что я написал хорошо, но, когда рассказ был напечатан, я увидел, что мною сделано нечто похожее на расписной пряник или красивенькую коробку для конфет» (*XXIV*, 490).

[9] Николай Петрович *Ашешов* (псевдоним Ожигов А.) (1866—1923) — журналист, литературный критик, заведовал редакцией «Самарской газеты», работал в «Нижегородском листке», где сотрудничал Горький, с 1908 г. переехал в Москву, работал в газ. «Курьер», «Современное слово» и др. Положительный отзыв о «Девятидесятниках» Амфитеатрова см.: Современное слово. 1909. № 705. 16/29 дек.

[10] А. А. Богданов.

[11] Амфитеатров имеет в виду фельетон В. М. Дорошевича «Горький» (Русское слово. 1909. № 280. 6 дек.), в котором Дорошевич критиковал повесть «Городок Окуров».

[12] См.: Г—А, п. от 7 или 8 декабря 1908 г.

[13] Речь идет о Собрании писем А. П. Чехова (под ред. и с коммент. В. Брендера, вступ. ст. Ю. Айхенвальда; М., изд-во «Современное творчество», 1910, т. I).

98. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 8 или 9 января 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

С неприятностью Вас:
получите рукопись. Принадлежит она Ивану Николаевичу Кашинцеву, он же Калина[1], имя которого Вам, вероятно, известно, ибо в революции оно довольно славно, а сделать его таковым же в беллетристике от «Знания» зависит. Непременно приезжайте с Константином Петровичем[2].

Как Зине не стыдно очутиться в Генуе, не побывав у нас, в Кави? Кстати сказать, нам тут дали хороший адрес для работы ищущих. Я скажу Ил. Вл., чтобы она его сообщила.

Прочитал Кнута Гамсуна. Хороший писатель. Супружеские пары, пожалуй, почище написаны, чем даже в «Крейцеровой сонате»?[3]

Слушайте! А Шоломов Ашей довольно! Ну, ей-богу же, довольно. Надоело это все — ну, пуще горькой редьки. Кассели[4] эти, не знающие русского языка. Старо — хуже, чем — как мир. Старо, как пять лет назад. И какое нам в конце концов дело?

Кондурашкина[5] не читал, восчувствовав священный ужас к человеку, пишущему на столь низких широтах, при столь низкой температуре столь возвышенным пером.

Миртова не читал и не видал, ибо «Русской мысли» не получаю. А кто это?

Книги из «Знания» получил, благодарю очень. Еще не читал.

Милицыну[6] в Киеве хвалят.

«Людоедство» увидите, значит, прямо в книжке.

О самых настоящих, рогатых. Видите ли, заказал я Елене Гореловой перевести книжку «Il Diavolo» Артуро Графа[7], потому что мне понравилось, как она написана. А когда она перевела, то оказалось, едва я стал редактировать, что в ней только и было хорошего, это превосходный итальянский язык, да схема фактов. Я тогда воспользовался сим и все переработал вверх дном и руссифицировал труд сей, впустив в кампании к средневековому католическому Сатане русского многострадального дурака-чёрта. Выйдет, должно быть, читабельно. Думаю заплатить сим трудом старинный долг фирме Маркса. Еще с покойника аванс за мною числится!

Я все еще под впечатлением Окурова. Хорошо написал писатель Горький. Можно кричать ему бис!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Вашим всем привет, Марии Федоровне в особинку!

Ваш Ал. Амфитеатров

Адрес Кашинцева:

M[r] I. Kalina rue Craera, 20. Sofia. Bulgarie.

Датируется по п. Амфитеатрова от 7 января 1910 г.

[1] Иван Николаевич *Кашинцев* (псевдоним Калина) — критик, публицист. В «Знании» книги Кашинцева не издавались. Его статьи печатались в «Современнике» в 1911—1913 гг.

[2] К. П. Пятницкий.

[3] В 1910 г. вышло несколько томов Собрания сочинений К. Гамсуна (СПб., изд. В. М. Саблина).

[4] Фамилия неразборчива.

[5] Имеется в виду С. С. Кондурушкин. См. переписку Горького с ним.

[6] О Е. М. Милицыной см.: *А—Г*, п. от 10 марта 1910 г., прим. 5.

[7] Очевидно, речь идет о кн.: *Graf Arturo.* Il Diavolo. Ed. 5. Milano, 1890.

99. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не ранее 9, 1910 г.)

За «Окуров» преждевременно хвалите: в доказательство — посылаю корректуру конца первой части.

Шолом-Аши должны много, оттого их и печатают. Мне они тоже осточертели. И — увы! — я понимаю настроение А. Белого, понудившее его закатиться в антисемитизм[1]. В самом деле: вы посмотрите, какая это бестактная и разнузданная публика, все эти Мейерхольды, Чуковские, Дымовы, Ол'д'Оры и другие, им же имя — легион! В литературе русской они кое-как понимают слова, одни слова, но дух ее — совершенно чужд им. И отсюда такие лозунги, как — долой быт! Это в России! Вводят и ввозят из Европы «последние крики», озорничают, шумят, хулиганят. И в конце концов от всей этой их суеты выигрывают только антисемиты. Факт! И давно бы следовало указать на этот источник антисемитизма.

Чего вы меня всё «большевизмом» шпыняете[2]. Вы же внимательный читатель! Большевизм мне дорог, поскольку его делают монисты, как социализм дорог и важен именно потому, что он единственный путь, коим человек всего скорее придет к наиболее полному и глубокому сознанию своего *личного* человечьего достоинства.

Иного пути — не вижу. Все иные пути — от мира, один этот — в мир. Требуется, чтоб человек, однажды, сказал сам себе: аз есмь создатель мира[3]. Именно отсюда — и только отсюда! — может родиться новый человек и новая история.

Не трогайте мой социализм.

Что вы знаете о Степане Разине[4], кроме Костомарова[5], Соловьева[6] и т. д.? Нет ли специальных исследований? У раскольников нет ли чего? Помогите, ибо этот человек, названный Пушкиным «единственным поэтическим лицом русской истории»[7], спать мне не дает. Напишу я его, видимо. Может, не напечатаю, а уж напишу!

Чеховских писем не читал еще.

Привет и рукопожатия. Хочется чертей[8].

Это скоро?

А. Пешков

Датируется по содержанию и п. Амфитеатрова от 7 января 1910 г.

[1] Горький имеет в виду статью: *Белый А.* На перевале. XIV. Штемпелеванная культура // Весы. 1909. № 9 (подписана Борис Бугаев).

[2] Горький имеет в виду замечание Амфитеатрова в п. от 7 января 1910 г. по поводу Эрфуртской программы.

[3] Горький переосмысливает слова Яхве, обращенные к Моисею (Библия, Исход, гл. 20).

[4] Интерес Горького к Степану Разину проявился в его раннем творчестве (см. рассказ «Коновалов», 1897). В 1909 г. он собирал материал о Степане Разине, о чем писал Е. П. Пешковой (конец августа 1909 г.): «...очень огорчен слухом, что Чириков, будто бы, пишет Стеньку Разина. Моя тема. Я много работал уже над ней...» (*Арх Г.* Т. IX. С. 72). Пятницкий 23 ноября 1909 г. сделал запись о беседе с Горьким о Степане Разине (*Дн. Пятницкого — АГ*).

В 1919 г. Горький вновь обратился к теме Разина (см. сообщение в «Вестнике общественно-политической жизни, искусства и литературы», 1919, № 14, 14 окт., с. 3) и написал сценарий «Стенька Разин. (Народный бунт в Московском государстве 1666—1668 гг.)». В начале 1923 г. по просьбе французской кинематографической фирмы Горький продолжил работу над сценарием «Степан Разин» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 445—446). Текст сценария опубликован в *Арх. Г*, т. II

[5] Николай Иванович *Костомаров* (1817—1875) — историк, Горький имеет в виду кн. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» (1858).

[6] Сергей Михайлович *Соловьев* (1820—1879) — историк. Автор монументального труда «История России с древнейших времен» (1851—1879, т. 1—29). «История» С. М. Соловьева с пометами Горького хранится в *ЛБГ*. В третьей кн. (т. 11, гл. 5 — «Царствование Алексея Михайловича») Соловьев писал о Степане Разине.

[7] Цитата из п. Пушкина к Л. С. Пушкину (первая половина ноября 1824 г.): «Ах! боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории..» (*Пушкин А. С.* Собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1949. Т. 10. С. 108).

[8] Речь идет о кн. Амфитеатрова «Il Diavolo».

100. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 9 января 1910 г.)

Получил вашу книжку[1] в 8 вечера — к 3-м утра прочитал, и пришло в голову, что вы не только внешне[2], а и внутренне схожи с Бальзаком: такое ж изумительное знание быта, такое ж уменье находить типичное, а главнейше — ваше отношение к бабству Бальзака напоминает. Мне кажется, что он относился к женщине вот так же уважительно, но — не без опаски и — будто бы — с некоторым недоумением.

Кстати: это отношение кажется мне вообще присущим людям психически здоровым и физически большим.

После Бальзака встал предо мной образ московского лихача: молодой он, умный, с большим сердцем и, конечно, фантазер, ибо — русский же! У него этакое органическое, интуитивное доверие к жизни, хорошее, добротное. И вот: едет он по знакомым улицам, все дома ему известны, и, любовно думая о тех, кто в них живет и как живет,— лошадью он не правит. Заехал в тупик, оглянулся и — назад. Заглянул в переулок налево — улыбнулся умной улыбкой под усами, направо заглянул — беззлобно головой кивает. И снова едет кривой улицей, а из каждого окна на него прошлое смотрит и как бы просит: милый! Изъясни, пожалуйста, зачем я такое нелепое и хаотичное выросло? А он улыбается и — едет себе легонько, то туда посмотрит, то сюда и — дай ему боже здоровья! — всюду видит хорошее, а и плохое усмотря, не стонет, не охает...

Может быть, все это не так и, м. б., даже обидно вам, дорогой А. В., но вы — не обижайтесь, ей-ей пишу как думаю: не критикуя, не объясняя, а пытаясь разобраться в том сложном впечатлении, которое дала книга. Она, просто говоря, понравилась мне, хотя в ней есть места оборванные, неконченные, недосказанные. В ней — однако ж — на семь книг материала. Она то, что Чехов называл «творог». В ней есть Русь, хорошая Русь, о которой говорится хорошим русским языком. Я, читатель, очень доволен. Мне грустно и хорошо. Я очень жалею, что книга кончена, а 2-й части нет — это нечасто бывает, что, прочтя книгу, ощущаешь сожаление — эх, уж конец!

Будь я критиком — написал бы статью «А. Амфитеатров, русский писатель» — и, думаю, интересно бы написал. Нравитесь вы мне как писатель, и как человека очень уважаю я вас. Нравится мне весь ваш ход сквозь жизнь — богомольная ваша тропина.

Впал в лиризм, извините. Кончу, от всей души пожелав вам доброго здоровья, хорошего настроения.

Прочитал на днях роман Елены Вельтман «Приключения Густава Ириковича, жениха Ксении Годуновой» — вот интересная бабочка, эта Вельтман![3] Вообще читаю древности разные и весьма доволен. Многие обруганы совершенно зря, по моему убеждению. Хочется справедливой истории литературы, а ее делают еще более несправедливо, чем раньше делывали.

Ну, до свидания!

Очень по душе мне и то, что книга ваша Г⟨ерману⟩ А⟨лександровичу⟩ посвящена и что назван он в посвящении «могучим русским человеком»[4]. Отчаянно хочется мне сделать для этого человека что-нибудь приятное ему! Что бы?

Крепко жму руку. Книгу — по жребию — читает Зина, сегодня кончит, потом очередь М. Ф.

Всего доброго!

А. Пешков

Датируется по записи в *Дн. Пятницкого* 26 декабря 1909 г./8 января 1910 г.: «Получили „Девятидесятники“» (*АГ*).

[1] Роман «Девятидесятники», т. 1. «Подруги» (СПб., изд-во «Промстей», 1910).

[2] О внешнем сходстве Амфитеатрова с Бальзаком говорилось в заметке Теофраста Ренадо «В Кави ди Лаванья», напечатанной в «Одесских новостях» (1908, № 7634, 4/17 окт.).

[3] Елена Ивановна *Вельтман* (урожд. Кубе) (1816—1868) — писательница. Исторический роман «Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой» впервые опубликован в журн. «Отечественные записки» (1867, № 1—5). Отдельное издание: СПб., тип. А. А. Краевского, 1867.

[4] В посвящении романа «Девятидесятники» Амфитеатров писал: «Могучему русскому человеку Герману Александровичу Лопатину с любовью и благоговением посвящаю этот роман в память совместных дней под сенью кавийской.

Александр Амфитеатров

Cavi di Lavagna. 1909 г. XI.15».

101. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не позднее 13, 1910 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Рукопись г. Кашинцева прочитал: не зная его адреса — очень прошу вас сообщить ему, что повесть — совершенно не удалась [1].

Очень длинно, скучно и старо, язык тусклый, характеров — нет.

Крепко жму вашу руку

А. Пешков

Рукопись при сем бандеролью.

Датируется по п. Амфитеатрова от 15 января 1910 г.

[1] Амфитеатров сообщал Горькому адрес Кашинцева в п. от 8 или 9 января.

102. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья). 1910.I.15

Дорогой Алексей Максимович!

Вернулся из Милана, куда думал серьезно переезжать, но убедился, что там жить и не по климату, и не по деньгам. Не погода, а чудовище, не квартиры, а страшилища с разинутыми пастями, алчущие пришествия, по крайней мере, миллионеров. Вилла, за которую Вы платите на Капри 3000 франков, в Милане — без мебели и обстановки — стоит ... 15 000, да и то с условием, что будет заключен контракт на 5 лет. Думаю поэтому, что придется огорчить Рутенберга и от предложений «Secolo» отказаться, ибо не по состоянию [1].

Возвратясь, нашел Ваши письма и благодарю Вас за оные безмерно, равно как за вторую часть «Городка». Очень я счастлив тем, что написали Вы лист о «Девятидесятниках». Продолжаю удивляться, что, вещь, несмотря на мое совершенное к ней недоверие и почти отвращение, производит лучшее впечатление, чем я ожидал.

Пересылаю Вам письмо, полученное мною от Хейфеца [2], редактора «Од⟨есских⟩ нов⟨остей⟩». Поступите по правилу — «рече господь: аще могу, помогу!» Если не лень и не придется себя насиловать, набросайте несколько строк! Я их так много тормошу по разным делам, что очень бы хотел оказать им просимую услугу. Но в случае, если нельзя, неудобно или просто не хочется, с просьбою моей не считайтесь.

Приехал ко мне старший сын мой Владимир. 22-й год-с! Блестящ и великолепен весьма. У меня в «Восьмидесятниках» с него написана была наружность Бориса Арсеньева, но, потолковав с ним три дня, начинаю бояться, не вышел бы он в тезку своего, Владимира Александровича Ратомского [3]. Без шуток сказать: пугающего блеска юноша. Разносторонности поразительной, перечитал уйму, все слышал, много видел и говорит без умолка. А между прочим, историк и филолог. Москву новую рисует прямо-таки художественно, так что если бы Вы и Мария Фед., знающая этот город, слышали, то немало бы радовались его быстрым, но невероятно выдержанным в стиле, истинно московским метаморфозам.

У меня сегодня вместо головы котел от насморка и лихорадки, в Милане благоприобретенных. Нарочно из-за этого обстоятельства отложил читать «Гор⟨одок⟩ Окуров» на утрие, ибо — мозги к переносице стянулись и чувствую себя дураком, лишенным всякой эстетической восприимчивости.

Что написать Кашинцеву так, чтобы сердце его не пронзил кинжал? Герман Ал. пишет уйму интересного, но все сплошь печально, а многое возмутительно. Очень мне грустно, что затянул его Бурцев

в Париж[4]. Измается там старик, изорвет понапрасну нервы свои и здоровье. Его уже беречь надо по-настоящему, а не как на турецкой перестрелке, да еще такой, где стрельба идет человеческими экскрементами.

До свидания. Всего Вам хорошего! Будьте благополучны и веселы. Сердечный привет Марии Федоровне и Зин. Ал., коему великое спасибо за письмецо!

Ваш А. Амфитеатров

Послал Вам «Заметы сердца»[5]. Пленитесь роскошью издания. «Тризны»[6], вероятно, выйдут уже прямо на рогоже.

[1] См.: *А—Г*, п. от 1 или 2 января 1910 г.

[2] Израиль Моисеевич *Хейфец* — издатель, в 1910 г. ответственный секретарь редакции газ. «Одесские новости», с 1912 г. соиздатель газеты с Я. Г. Натансоном и Л. К. Гольденгорном.

[3] Борис Арсеньев, Владимир Александрович Ратомский — персонажи романа Амфитеатрова «Восьмидесятники».

[4] Бурцев привлек Лопатина к работе в газ. «Общее дело». См. ниже сообщение Е. Г. Коляды. Кроме того, Лопатин участвовал в разбирательстве разного рода дел русских провокаторов. См.: Г—Л.

[5] Сб. Амфитеатрова «Заметы сердца» (М., книжн. маг. А. Д. Друтман, 1909). Сборник составлен из статей о Гоголе, Сергееве-Ценском, Юшкевиче, Куприне, Ропшине, Толстом и др.

[6] Сб. Амфитеатрова «Тризны» (М., книжн. маг. А. Д. Друтман, 1909).

103. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не ранее 17, 1910 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю письмо для г. Кашинцева и его рукопись.

Вчера мне прислали «К. в».* с «Людоедством»[1]. Очень смешно, однако — буду просить вас — сделайте мне одолжение! — помещая этот фельетон в книжку — выкиньте из него фамилии Пятницкого и — особенно Зиновия! Первый — гость, лицо, непричастное к публичности и ненавидящее оную. Второй — мой крестник, эмигрант и *дезертир,* а также имеет и еще некоторые причины скрывать свое имя и местожительство[2]. Исключите их, прошу!

«Девятидесятники» всеми прочитаны, и всем понравилось. Я посмотрел книжку еще раз и думаю: неужели он, автор, сумеет развязать во втором томе все узлы, завязанные в первом?

Не верится; работы и материала — еще тома на три!

Всего доброго!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 15 января 1910 г.

[1] В фельетоне «Жертва общественного внимания, или Людоедство на острове Капри» упоминались имена людей, живущих у Горького на Капри, в том числе Пятницкого и З. А. Пешкова.

[2] З. А. Пешков в сентябре 1904 г., не желая отбывать воинской повинности в русской армии, эмигрировал в Канаду (*Арх. Г.* Т. XIII. С. 18—19).

104. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не ранее 17, 1910 г.)

Дорогой Александр Валентинович —

прилагая при сем немилостивый манифест г. г. книгоиздателей и книгопродавцев — убедительно прошу — обратите вы серьезное внимание ваше на сию скверну![1] Вот сукины дети!

* «Киевская мысль» (*ред.*).

И еще, поди-ка, жалуются на гнет правительства, цензуры, полиции! А сами — извольте видеть, что затеяли?

Пункт 2-й имеет в виду несомненно земские склады, уж это так!

Вы подумайте — ведь это же поход против просвещения, ведь от этого манифеста кто пострадает в первую-то голову? Крестьяне, рабочие, библиотеки при союзах — нелегальных,— ремесленники и вообще — демократы, кухаркины дети.

Пострадают и авторы, ибо, несомненно, расход книг сократится.

Ибо — пункт 6-й имеет в виду — что? Бойкот тем издателям и продавцам, кои не вступили в о-во. Ну, а этот бойкот многим из авторов солон будет!

Подождав некое время, я выступлю с воззванием к обществу по сему поводу, укажу на всю пакость и реакционность этой выходки жадных пастей [2].

Нет, каково? Демократическая страна! Добрый русский народ! Исстрадавшееся под гнетом реакции русское о-во!

А члены этого о-ва, стоящие у святого дела — литературы и науки,— эвон какие кренделя загибают!

Чем же Карбасников и Девриен [3] лучше Дубровина [4] и Думбадзе? [5]

Возмутила меня эта кулацкая выходка! Жму руку.

А. П.

Сейчас получил ваше письмо: не отказывайтесь от предложения «Secolo» — убедительно прошу! Вы подумайте, как велико м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ культурное значение вашего сотрудничества!

О Чехове — напишу и пришлю вам, а вы уж сами пошлите в «Од⟨есские⟩ нов⟨ости»⟩ [6].

Крепко жму руку

А. П.

Датируется по п. Амфитеатрова от 15 января 1910 г.

[1] Горький имеет в виду постановления Русского общества книгопродавцев и издателей (печатный текст постановлений 26 ноября 1908 г. и 27 апреля 1909 г., посланный им Амфитеатрову, хранится в *ЦГАЛИ*):

«1. С 10-го декабря 1908 г. прекратить выдачу премий и уступку при розничной продаже книг частным лицам.

2. Скидка не свыше 10% без права перепродажи может быть делаема: а) всем библиотекам (кроме публичных), б) просветительным обществам, в) учебным заведениям и г) общественным учреждениям (дворянским, купеческим, мещанским, крестьянским, земским, городским и ремесленным).

3. Скидка не свыше 15% без права перепродажи может быть делаема библиотекам публичным, т. е. взимающим с публики плату за пользование книгами.

4. Для получения скидки необходимо заказы от поименованных учреждений адресовать в магазины на бланках этих учреждений, за подписью должностных лиц.

5. Об издателях и книгопродавцах, нарушивших настоящее постановление, по установлении правлением факта нарушения, доводить до сведения г. г. членов общества и с этого момента с такими лицами прекращать торговые сношения.

Примечание. К издателям и книгопродавцам, продающим недержанные книги и учебники последнего издания с уступкой, применяется пункт 5-й постановлений, причем издатели и книгопродавцы обязуются не приобретать книг по заказам тех фирм, которые не выполняют этих постановлений.

6. Настоящие постановления применяются повсеместно в России как по отношению к членам Общества, так и не членам(?)»*

Крупные книгопродавцы и издатели, создав Русское общество книгопродавцев и издателей, пытались уничтожить мелких книготорговцев путем экономического давления.

[2] Воззвания по поводу манифеста Горький не написал.

[3] Альфред Федорович *Девриен* (1842—?) —издатель, книгопродавец. Основал издательство в Петербурге в 1872 г.

Николай Павлович *Карбасников* (1852—1922) — издатель. Основал частное издательство в Петербурге в 1871 г.

Девриен и Карбасников — члены правления Общества.

---

* Разрядкой выделены слова, подчеркнутые Горьким в тексте постановления.

[4] Иван Антонович *Думбадзе* (1851—1916) — генерал, был градоначальником Ялты, отличался жестокостью, произволом.

[5] Александр Иванович *Дубровин* (1855—1918) — основатель и бессменный председатель совета Союза русского народа. После Октябрьской революции в 1918 г. был расстрелян.

[6] 17 января ст. ст. 1910 г. исполнилось 50 лет со дня рождения Чехова. Юбилей был широко отмечен торжественными собраниями, «чеховскими днями» в Таганроге и Ялте, постановками пьес Чехова в театрах и многочисленными статьями о творчестве писателя.

Воспоминания Горького «А. П. Чехов. Отрывки из воспоминаний» впервые опубл. в «Нижегородском сборнике» (СПб., изд. т-ва «Знание», 1905); вторая часть воспоминаний — в журн. «Беседа» (1923, № 2), в цикле «Из Дневника». Обе части, объединенные в очерк «А. П. Чехов», впервые опубл. в кн.: *Горький М.* Воспоминания. Берлин; Verlag Kniga, 1923.

105. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 18 января 1910 г.)

Дорогой мой Александр Валентинович!

Извините меня: дал слово и — беру его назад, не буду писать о Чехове для «Од‹есских› нов‹остей›».

Дело в том, видите ли, что сегодня в этой газете Пильский [1], между прочим, говорит о Горьком, которого забыли и не читают. Согласитесь, что неловко мне напоминать о моем литературном бытии в том самом органе, который оное отрицает! Это — не мелочная обида, не каприз, а именно — неловко было бы! Ибо, напечатав у них нечто, я, как будто, скажу им: а я — вот он! Нехорошо.

Так уж вы, извинив меня, ответьте редактору «О. н.», что я занят повестью и не могу оторваться от нее [2].

Получил вашу книгу и с удовольствием оную читал вслух, а слушатели — хохотали. Как это хорошо — чувствовать на каждой странице, что имеешь дело с человеком, который и знает и любит литературу! Милый А. В.— желаю вам миллион таких читателей, каков аз,— конечно, чтоб они покупали книги ваши, а не в подарки получали! Нет, серьезно, очень и все больше уважаю вас и люблю, хорошая вы «русская душа».

А в «Secolo» вам бы идти! Вы поглядите, что́ творится! Юскевич и Половцев прощены — разве это не следует разъяснить Европе? [3]

А «нейтрализация Манчжурии»? [4]

Ау, Сибирь! Куда людей ссылать будем?

Идите в «Secolo», право же!

Сегодня Фиников был, да — какой еще! От рыбопромышленников из Астрахани привез поклон и статью — коллективно писали! — о законах рыбьих [5].

— Только знаете, Максим Егорыч *, бабы эти — уж они всегда напакостят, видьмы! Моя дура в Неаполе апельсины в статью завернула, да и раздави их!

— Вы мне расскажите — чего тут смотреть надо? Спрашивал я извозчика — вот он мне сказал тут ... вот: записано, нате-ка, есть это?

Читаю: крупными буквами выведено:

Мадонна мордаста

Баба русса...

— Вот,— говорит,— насчет бабы этой больно интересно!

К. П. и все мы померли со смеха — так мил, прост и наивен!

Пошлю его к вам со статьей о рыбе — можно?

Ну, до свидания! Надоел я вам, каждый день по письму!

---

* Так у Горького (*ред.*).

Эх, побывал бы у вас, но — до весны! Ковыряю повесть — идет, как будто, недурно[6].

Кланяюсь

А. П.

Всю бумагу исписал — извините за клочки!

Датируется по фразе: «Сегодня был Фиников». См.: *АГ, Дн. Пятницкого*, 5/18 января 1910 г.

[1] Горький имеет в виду ст. Пильского «В болотной мгле», где он писал: «Давно ли то время, когда о Горьком мы не могли слышать без волнения, без любви и дрожи! Но где Горький сейчас? Кто читает его? Где наша любовь?» Автор также «сожалел» об Андрееве, Бальмонте, Брюсове и др. (Одесские новости. № 8005. 31 дек. 1909 г. / 13 янв. 1910 г.).

В 1906 г. П. М. Пильский предлагал свои произведения изд-ву «Знание» (см. п. Пильского Пятницкому в *АГ*), однако предложение его Горький и К. П. Пятницкий отклонили. Отношение Пильского к «Знанию» стало враждебным.

[2] См. п. Амфитеатрова от 25 января 1910 г.

[3] Осенью 1909 г. в связи с убийством М. Я. Герценштейна шел процесс над Н. Юскевичем-Красковским, А. Половцевым и др., которые обвинялись в убийствах социал-демократов. Однако они были помилованы по распоряжению Николая II: «Государю императору благоугодно было 31-го декабря, вечером, даровать помилование Николаю Юскевичу-Красковскому и Александру Половцеву, осужденных финляндскими судами по делу об убийстве Герценштейна, и повелел немедленно освободить их из-под стражи» (Речь. 1910. № 4. 5/18 янв.).

[4] Горький имеет в виду предложение США о нейтрализации манчжурских железных дорог (Речь. 1910. № 2. 3/16 янв.). Предложение американцев царское правительство отклонило (Речь. 1910. № 8. 9/22 янв.).

[5] О ком идет речь, установить не удалось.

[6] Повесть «Жизнь Матвея Кожемякина».

106. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. Январь, не ранее 19, 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Я очень сконфужен невольною бестактностью, в которую вляпался с «Людоедством». Усиленно прошу извинения у Вас, Константина Петровича и Зины. Ввиду невинности шутки, просто не подумалось об осложнениях, кои с нею могут сопрягаться. Конечно, никуда я ее перепечатывать не буду, а отправлю ко всем чертям, кои пусть читают, буде есть охота. Кашинцеву отправляю рукопись.

До свидания. Всего хорошего! Сердечный привет всем.

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по п. Горького от января, не ранее 17, 1910 г.

107. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не ранее 21, 1910 г.)

Дорогой А. В.

«Позвольте засвидетельствовать гиперболу» — как выражается известный толстолог г. Термалама[1] в «Од⟨есских⟩ нов⟨остях⟩» — вы, видимо, придали моему письму о «Людоедстве» значение, коего оно не имело. Пожалуйста, не подумайте, что вы кого-либо из нас задели! Отнюдь нет, и не могло быть иначе подобного, как я знаю.

Обратите внимание, как в новогоднем обзоре литературы Чуковский, редактор «Приложений к „Ниве“», добродушно хвалит «Ниву». «Нива» — говорит —, как Волга, украшает Русь. О — милый и наивный мальчик![2]

Андреев продал все написанное за 100 т. руб. и все, что впредь напишет, по 1000 р. за лист «Просвещению»[3]. Немцев можно поздравить с победой — это выгодно им[4]. Но — что же будет делать «Шиповник»?[5]

Сколь все шатко и валко на земле сей!

Привет. Все кланяются.

А. Пешков

Датируется по предшествующему п. и по упоминанию о ст. Чуковского 1/14 января 1910 г.

[1] Так Горький иронически называет *И. Тенеромо* (псевдоним Исаака Борисовича Файнермана) (1862—1925) — журналиста, печатавшегося в «Биржевых ведомостях», «Ниве», «Одесском листке» и др.; И. Тенеромо писал о Л. Н. Толстом: «Жизнь и речи Л. Н. Толстого», «Живые речи Л. Н. Толстого», «Толстой и Мечников о женщине» и др.

[2] «*Нива*» — иллюстрированный, еженедельный журнал, выходил в Петербурге с 1879 по 1918 г. В приложениях к «Ниве» издавались классики русской и иностранной литературы. В новогоднем обзоре Чуковский писал: «Юбилей „Нивы" — вот действительно настоящий праздник культуры русской. Ведь „Нива" — это теперь также „явление" нашей природы, как Волга. Ее от России не оторвешь. И страшно подумать, что́ бы такое была Россия, русская дикая провинция, без своей „Нивы", заставившей насильно (носом, носом, как щенка в молоко) всю эту темную, забитую, засыпанную снегом страну проникнуться Чеховым, Достоевским, Гончаровым, Глебом Успенским, Щедриным ‹...› Я иногда думаю, что если бы не „Нива", то в России втрое было бы убийств, грабежей, насилий — и многие, может быть, теперь обросли бы шерстью и на четвереньках убегали бы в лес» (Речь. 1910. № 1. 1/14 янв.).

[3] Андреев 30 декабря 1909 г. заключил договор с Петербургским изд-вом «Просвещение».

По этому договору он продал «Просвещению» все свои сочинения за 100 тысяч рублей и право перепечатки новых произведений за 1000 р. с листа (Жизнь и сцена. Вильно. 1910. № 6. 8 янв.). Договор с «Просвещением» означал окончательный разрыв Андреева с изд-вом «Знание». Подробнее см.: *ЛН*. Т. 72. С. 312, 534, 535.

[4] Вероятно, подразумевается то обстоятельство, что изд-во «Просвещение» работало при финансовой поддержке Библиографического института Мейера (Лейпциг).

[5] Андреев печатался в изд-ве «Шиповник» с 1907 г. После заключения договора с изд-вом «Просвещение» Андреев продолжал публиковать новые произведения в альманахах «Шиповник», однако устранился от участия в редактировании, так как не был согласен с публикацией произведений некоторых авторов (Ф. Сологуба, Б. Ропшина и др.).

108. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Капри.› 1910.I.25

Дорогой Алексей Максимович.

Замотался со всякого рода литературою до того, что вздохнуть некогда. Относительно Secolo — что касается себя лично, я объявил им согласие, ибо мне журнал сей, как заработка источник, не нужен. Но одному мне, разорванному на клочки, с этим делом не справиться, а чёрт ли пойдет к ним на 200 строк в неделю по 10 centerimi строка? Они же воображают, что за сию великолепную цену могут иметь даже телеграммы собственные из России. Это чепуха. Словом, сотрудничество беру, но с большим скептицизмом и пути большого не жду.

Я Хейфецу официально послал Ваш ответ, а неофициально — начальный кусок Вашего письма с пространною головомойкою от себя и наставлениями, как надо держать в объятиях душу младую Петра Пильского. Хейфец хороший журналист, и намерения у него весьма благие, но он испакощен Одессою и лишь на пятом десятке лет открывает для себя Америки, что сенсацией обязанности журналиста не кончаются. Его надо учить и учить.

Спасибо за вторую половину «Городка Окурова». Так как она переходная, то говорить о ней в отдельности подожду, а в целом повторяю: «Окуров» — доказательство, что Вы с каждым новым томом идете

все вперед и вперед в соте изобразительности. Бытовые декорации и психологический фон написаны в «Окурове» так ярко, что пред ними уже меркнет самое действие. Да иначе и быть не может: какое действие в городке Окурове или Теплой слободе? А народ хороший, добротный. И пишете Вы его так, что смерть в Россию хочется.

По поводу 50-летней годовщины Чехова задумался я о нашей молодости в европейской семье и короткости нашей быстрой, но поистине чудодейственной, богатырской культуры. Подумайте только: если бы случай привел, поэт Федор Глинка [1] (1788—1880) мог читать и далеко не последние оды Державина (ум. 1816), и первые опыты Антоши Чехонте (1880). И Глинка только наиболее разительный пример. Живем в двадцатом веке и недовольны, что не в двадцать первом, а как сопоставишь, что между рождением Чехова и смертью Ивана Андреевича Крылова легло всего 16 лет, то и чувствуешь: чёрт возьми! Да ведь мы, в конце-то концов, люди вчерашнего числа ... Отсюда выводы: не робей, Варсонофий Петров!

Знаете, я впервые прочел «Варваров». Не знаю, в сопряжении ли с «Окуровым», но пьеса эта мне чрезвычайно понравилась в некоторых подробностях своих. А фигура Монаховой прямо-таки грандиозная. Вам бы переработать «Варваров». Ей-ей стоит! [2]

Получил вчера торжествующее письмо от «Прометея»: по поводу издания «Девятидесятников», т. е. 3100 экз., разошлось в одну неделю, и он уже проектирует второе издание. Хочу написать ему смиренно: а не будет ли Вашей милости, по таковым моим добродетелям, увеличить гонорарец?

Андреев продал Цейтлину ⟨в⟩ «Просвещение» полное собрание сочинений за сто тысяч рублей. Дешево и подтверждает то, что я писал Вам о дутых гонорарах. Мне об этом сообщил Б. Лазаревский [3], написавший книгу, которую мне смертельно хочется ругать, ибо ревнючая книга, а надо будет рекомендовать к приобретению и прочтению, ибо автор в весьма жалком положении, судя по его письмам. Да...

Виноват! Кончаю письмо, застегиваю куртку и с благоговением иду вниз: приехал Хрусталев-Носарь [4]. Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его!

Всего Вам хорошего, дорогой! Целую ручку Марии Федоровне. Сердешный ей и всем привет. Будьте здоровы.

Ваш А. А.

[1] Федор Николаевич *Глинка* (1788—1880) — поэт, прозаик. Участник войн 1805—1806 и 1812—1816 гг., член Союза спасения, затем Союза благоденствия. Активный участник движения декабристов. Широкую литературную известность Глинке принесли «Письма русского офицера». После восстания декабристов был сослан в Олонецкую губернию, затем переведен в Тверь.

[2] Пьеса Горького «Варвары. Сцена в уездном городе в четырех действиях» впервые напечатана в IX *сб. «Знания»* в 1906 г. Отдельное издание — в 1906 г. в Штутгарте.

«Варвары» впервые были поставлены на провинциальной сцене в мае 1906 г. в Курске. Монахова — персонаж пьесы. Горький в письме к Н. Д. Красову, режиссеру Петербургского театра (бывш. Неметта), писал, что, если будет решено ставить «Варваров», следует обратить внимание на Монахову: «Она — искренно верит в возможность какой-то великой, пламенной и чистой любви, верит в человека-героя, достойного этой любви» (*VI*, 555). В апреле 1907 г. «Варвары» были поставлены в Петербурге театром «Современник» и Новым васильеостровским театром.

[3] Вероятно, речь идет о повести Лазаревского «Шура». В январе 1909 г. он писал Горькому: «Хочется кончить большую повесть» (*АГ*). В конце 1911 г. Лазаревский предложил редакции «Современника» для публикации повесть, которую Горький отклонил. См. п. Горького Миролюбову (*XXIX*, 215).

[4] Георгий Степанович *Хрусталев-Носарь* (Переславский) (1877—1918) — помощник присяжного поверенного, меньшевик. В 1905 г. был председателем Петербургского совета рабочих депутатов, находившегося в руках меньшевиков. В 1906 г. был сослан в Сибирь, откуда бежал за границу; участник V (Лондонского) съезда РСДРП.

Поддерживал оппортунистическую идею созыва «рабочего съезда» (см. ст. В. И. Ленина «Ларин и Хрусталев» — *В. И. Ленин.* Т. 15. С. 254—258). В 1909 г. вышел из партии, занялся темными строительными операциями. После Октябрьской социалистической революции вел активную контрреволюционную деятельность на Украине. В 1918 г. расстрелян.

109. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. Февраль, не ранее 14, 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Совсем от Вас ни слуха, ни духа. Как живете, чего мыслите? Мы тут преуспеваем. Прочел сейчас в «Утре России», что я продал свои сочинения «Просвещению» за 45 000 рублей[1], и почувствовал себя Крезом. Я, однако, недоумеваю, что мне на сию сумму сделать: купить виллу или вторую пару сапог? Думаю, что второе будет надежнее и посильнее.

Вожусь с Secolo. Покуда прока немного. Проходит только информационный отдел. Статей прямо-таки боятся. Если будут какие сведения, по партии ли или вообще около Вас, к оглашению, пожалуйста, дорогой А. М., уведомляйте меня немедленно. Человечества, чтобы написать открытку или телеграмму, у Вас достаточно, а на литературную обработку тратить времени не надо, так как она все равно заменится итальянским переводом.

Работаю я зверски, и так как разносторонне, то на всех сторонах скверно.

Как только в самом деле покончу с «Просвещением», уйду из русской легальной газетной работы. Претит.

Так как здесь жила дочь несчастной Эфрон, Лили, то самоубийство Эфрон отозвалось в Кави глубоким унынием[2]. А еще хуже у Кропоткиных в Рапалло. У Колосовых сын — мальчик тяжело болен.

Я, было, вздумал заболеть, аккурат как в прошлом году у Вас на Капри, но, должно быть, вовремя захватил, перемогся.

Не хочется печатать 2-го издания «Девятидесятников» в том хаосе, как первое, а нет времени переработать.

Был я в Сан Ремо у Плеханова[3]. Впечатление грустное — будто побывал в XIX веке, и не весьма в конце его. Очень умен и жив, но совсем русские кругозоры потерял и голову офранцузил. Кропоткин куда любопытнее! Он теперь наш близкий сосед. Когда приедете, да съедемся, да Герман Алекс. приедет из Парижа, то останется только антихристу прийти разделить компанию, а землетрясение уж наверное будет.

Если Вы не приедете, а я получу какие-нибудь деньги, то проберусь к Вам — показать длинного сына моего Владимира. Пишет роман и недурный пьяница для своих юных лет. Веселый котенок в сажень ростом.

На следующий год мечтаю перебраться в Алассио. Очень понравилось, когда мимо проезжали.

Не будет ли какой оказии прислать Соболевского?[4] Занадобился.

Получили ли похабный французский журнал? Больше ничего не нашлось подходящего! За то там — все — эпохи!

Сейчас прислал мне свои сочинения какой-то Немов.[5] Серьезный человек. Если у Вас нет, пришлю. Уморушка! Убеждает ввести для женщин проституционную повинность. И вообще очень хорош. Всего Вам хорошего.

До свидания. Сердечный привет Марии Федоровне и всем чадам, домочадцам, палате и воинству.

Ваш А. А.

Датируется по содержанию.

[1] Сообщение об издании Собрания сочинений Амфитеатрова в изд-ве «Просвещение» см. в газ. «Утро России» (1910, № 90—97, 18 янв.)

[2] Елизавета *Эфрон* (1855—1910) — член группы «Черный передел», эсерка, покончила жизнь самоубийством 4 февраля 1910 г. (Одесские новости. 1910. № 8026. 27 янв./9 февр.). Некролог Амфитеатрова об Эфрон см. в *ЦГАЛИ* (ф. 34).

[3] Георгий Валентинович Плеханов с января 1880 по 1917 г. был вынужден жить в эмиграции — в Швейцарии, Франции, Италии.

В годы реакции Плеханов в своих работах по философии и литературе отходил от меньшевизма, он осуждал ликвидаторство, выступал за сохранение социал-демократической партии и ее марксистских основ, резко критиковал Богданова и Луначарского за отступление от марксизма. Это сближало его с Лениным и большевиками. Позднее Ленин писал о Плеханове, что он «самый знающий по философии марксизма социалист» (*В. И. Ленин.* Т. 23. С. 119) и «что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» (*В. И. Ленин.* Т. 42. С. 290).

Амфитеатров встречался и переписывался с Плехановым, п. Плеханова Амфитеатрову хранятся в *ЦГАЛИ* (ф. 34), Амфитеатрова к Плеханову — в Доме Г. В. Плеханова в Ленинграде.

[4] Очевидно, речь идет о кн. А. И. Соболевского «Великорусские народные песни».

[5] Михаил Александрович *Ашкенази* (псевдонимы М. Немов, А. Жаланский) в 1908—1909 гг. сотрудничал в «Вечерней заре», «Будильнике». Вероятно, речь идет о его кн. «Злые соблазны. Рассказы». (М., 1910).

110. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Февраль, не ранее 27, 1910 г.⟩

Я тоже все пишу, Александр Валентинович!

Очень волнуюсь, удовольствия пока не ощущаю, жгу, рву и всячески свирепствую. Наступают на меня десятками эти российские люди, и каждый просит: меня запиши! Тоже хороший человек был и тоже зря прожил всю жизнь. Уговариваю: отступитесь, братцы, я вам не историк! А они: да кому, окромя историкам-то, нашим быть? Эх, землячок, ты гляди, чего делают писатели — те, совсем нас, Русь, похерили в сердцах своих. Монахини, канатчики, бродяги, окуровцы идут, идут, идут. И чувствую, что мне с ними, как будто, не по силам справиться.

Прочитайте в «Р⟨усском⟩ б⟨огатстве⟩», как Редько Сологуба ущемил, я читал и — ощутил великий стыд за Сологуба. Он и вообще-то всегда меня смущает, напоминая того старичка, который на каприйском пароходе пред форестьерами, старость свою не уважая, плясы пляшет и рожу кривит. А тут уж прямой позор [1].

Недурен поручик Куприн в редакции «Псковского листка» [2]. «Люди» Каменского доставили мне великое удовольствие [3]. Ежова получил и вообще прочитал множество нового. Иногда вся Россия кажется покрытой прыщами и нарывами: развалилась она, истомленная противным зудом на плоскостях своих, и таращит полубезумные глаза в равнинное выцветшее, пустое небо, а в толстой коже ее все шарахаются серенькие паразитики, точат, сверлят и кладут в живое мясо поганенькие яички свои, и плодятся, и множатся, творя яды гнилые.

Вышла книга Инглиша Уоллинга [4] о России, толстая, иллюстрированная, преисполненная противной жалостью тупого и сытого человека к людям, понять которых ему не дано, к стране, духа и мук которой он не чувствует.

Ищут с меня судом 6200 р. — это очень забавная история, она, пожалуй, могла бы служить темой для хорошего юмористического рассказа. В 904 г. некто, усиленно потея либерализмом или чем-то подобным, намекнул одному партионщику, что он как-то мог бы способствовать. Был на него пущен я, и получил аз с него лепту — 3000 по-моему. 5/т, по его мнению. Тут я могу ошибиться, ибо то был год усиленных

сборов «на дело народного освобождения». Наступил год 907-й, и вот оный некто пишет мне: отдайте мои деньги! Так как мне стало стыдно, то я ответил — ладно, но подождите! А потом забыл об этой штуке. Ныне поверенный по делам сего барина, адвокат Виноград — серьезно Виноград! — строго пишет мне «Позвольте получить с вас 6200 р., ибо пять вами взято было на год сроком, да проценты набежали».

Я — буду платить им. У меня есть расписка учреждения, кое получило часть этих денег, есть свидетели моих разговоров с истцом, но — я отдам эти деньги. В иске этом есть что-то символическое для меня: мне кажется, что я возвращу все гроши, когда-то прошедшие чрез мои руки на «дело освобождения». Эти давальцы — они правы: дано на освобождение, а оного не сделано — пожалуйте 45 к⟨опеек⟩ обратно, а то — в суд! Это — резонно. Правильно [5].

Но — как же иногда неловко бывает за этого несчастнейшего русского человека. Неловко и больно.

Посылаю вам Соболевского, спасибо.

В одной из январских книг нью-йоркских журналов — кажется, в Мак-Клюре — помещена прекурьезная статья о «Союзе гостей» в Нью-Йорке [6]. Оказывается, что, когда миллионер желает устроить обед или бал и ему требуются представительные гости,— он посылает в «Союз» точный перечень: пришлите 3 маркизов, 2-х графинь, 17 баронов, князя, 10 ученых, 2 епископов и т. д. И — союз присылает. Потом — газеты пишут: вчера на балу, данном известным X, собралось блестящее о-во и т. п. Это — я понимаю! Это — упрощение.

Кстати: американская полиция из сотни преступников ловит только 2. Преступления в стране требуют ежедневно 3 миллиона дол⟨ларов⟩.

Поклон всем, а сыну вашему — в особицу. Как хорошо, что он пишет. Великое и славное это дело, писательство наше русское.— Желаю ему — сыну вашему же — успеха.

А вам здоровья, бодрости, хороших мыслей. И — не торопиться бы!

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Александр Мефодиевич *Редько* (1866—1933) — литературовед и критик. Автор статей о творчестве Горького, в частности о его драматургии — пьесах «Варвары», «Дети солнца», «Враги» и др. В ст. «Еще проблема» (Русское богатство. 1910. № 1) Редько указывал на текстуальные заимствования в романе Ф. Сологуба «Королева Ортруда» из романа Викторьен де Соссей «Бессмертный идол». В 1933 г. Горький в письме в изд-во «Academia», в связи с новым изданием романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», напомнил о ст. Редько (*XXX*, 275—276).

[2] 20 января 1910 г. Куприн проездом в Ригу остановился в Пскове. После осмотра города он посетил редакцию газ. «Псковская жизнь», где в это время готовился очередной номер. «В помещении редакции Александр Иванович экспромтом написал для „Псковской жизни“ небольшой набросок, который мы и помещаем в настоящем номере»,— писала газета. Набросок Куприна «В трамвае» и сообщение о его пребывании в Пскове см.: Псковская жизнь. 1910. № 249. 21 янв.

[3] Анатолий Павлович *Каменский* (1877—1941) — русский писатель, после Октябрьской революции эмигрировал, в начале 30-х годов вернулся на родину. В 1907 г. Горький резко отзывался о рассказе Каменского «Четыре». Характеризуя творчество Каменского, Арцыбашева, Горький писал о них как о «патологических личностях», в творчестве которых «чувствуется хаос духовный, смятение мысли, болезненная, нервозная торопливость» (*XXIX*, 17).

Отдельное издание романа «Люди» вышло в изд-ве «Прогресс» (СПб., 1910).

[4] Речь идет о кн. Инглиша Уоллинга «Послание России. (Истинное значение русской революции)» (Берлин, изд-во Фровейн, 1910). Книга хранится в *ЛБГ*.

[5] Владелец дачи в Ялте, у которого осенью 1903 г. Е. П. Пешкова с детьми снимала комнату, Н. А. Себряков в 1904 г. дал деньги Горькому на организацию социал-демократического журнала или газеты. «...Мне кажется, что Серебряков (описка Горького.— *Ред.*) дал 3, а не 5 т⟨ысяч⟩, что он дал их на партийное дело, чему я имею доказательства и свидетелей, и что разговора о процентах — не могло быть»,— писал Горький Е. П. Пешковой в декабре 1909 г. (*Арх. Г.* Т. IX. С. 82).

30 января / 13 февраля 1910 г. Горький получил от А. Б. Винограда, адвоката Н. А. Себрякова, письмо с предложением вернуть взятую сумму с процентами (*АГ*). 9/22 февраля 1910 г. Виноград писал Пятницкому: «Г-н Пешков написал мне письмо, в котором предлагает получить в уплату доход с последней изданной „Знанием" IX кн. его рассказов, причем говорит, что на этой книге он остановился потому, что она дает наибольший доход. Доверитель мой, прежде чем изъявить согласие на это предложение, и поручил мне справиться у Вас, в какой сумме и в какие сроки долг его, равняющийся в настоящее время 6290 р., может быть Вами погашен» (*АГ*).

Горький сообщал Винограду: «Милостивый государь — сим обязуюсь внести Вам, как представителю г. Себрякова, пять тысяч рублей в течение года, считая с 1-го апреля 1910 по 1-е апреля 1911. Capri. А. Пешков. V/26 910» (*АГ*).

[6] *«Мак-Клюр»* — одно из ведущих американских дешевых периодических изданий (1893—1929). Журнал основан Самуэлем-Сиднеем *Мак-Клюром* (1857—1949). В журнале публиковались произведения Марка Твена, Джека Лондона, Р. Киплинга, Артура Конан-Дойля и др.

111. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 10 марта 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Ни жив, ни мертв от работы и прямо-таки не разберу, человек я или перо. Столько надо сделать, что даже страшно собственной ненасытности, усиливающей обязательства перед самим собою. Выдерживаю характер и «Девятидесятники» второй том пишу медленнее и осмотрительнее, чем первый, хотя издатель ругается и воет. Второго издания 1-го тома не пущу, покуда второго не выпущу.

На днях кончу свои заметки об «Окурове» — вероятно, последняя моя критическая статья на весьма долгий срок: некогда! [1]

Спасибо за «Знание». XXIX сборник, если не считать «Окурова»,— надо сознаться — ужасно плох, мог бы и не выходить. Прочитал «В степи» Гольдебаева [2]. Если он очень молод, то, должно быть, талантливый. Хохотал я ужасно, потому что курьезно уж очень пишет. Да, вот у нас на Василия Немировича Данченко 40 лет плевали — ан самый молодой и первейший дебютант является — прямехонько его ученик [3]. Скиталец Ваш, извините, стал просто стоерос [4].

Милицину не читал еще [5]. Жена хвалит. Она ненавистница рассказов дамского письма, да еще из деревенской жизни, а эти одобряет — говорит, уж очень хорошо знает дама свое дело, которое изображает.

Мы собираемся переселиться в Alassio. Дом‹а›, в России, заорут, что мы едим на серебре и пьем из золотых стаканов. Только это соображение и останавливает несколько. И моря нашего непосредственного немножко жалко.

С «Secolo» вожусь, но довольно безрадостно, ибо, кроме анекдота ничего не печатают. Написали бы Вы что-нибудь? Авось, расшевелим их хоть Вашим авторитетом, как тараном.

Не интересуется Европа Россией иначе как жандармом — хоть ты плюнь!

Был у меня Хрусталев... Ужасно жалкий стал какой-то. Бодрится но перья горестно потерты и хохолок измят. Очень жаль его было.

Довольно часто вижусь с соседом, Петр‹ом› Ал‹ексеевичем› Кропот киным [6]. Старик любопытнейший, но (это на ухо сказать только дер заю) не очень уж большой. И культа кругом много. А я к этому зл становлюсь что-то все больше и больше неперенослив. Жду Герман Александровича с бурцевской смены. Затормошен он там, как собак дворовая у скупого купца. Денег никаких.

У нас тут прошли слухи, будто Вы с большевиками малость вра рез стали.

Прравда или нет? как говорит Шаляпин.

Слияние большевиков и меньшевиков возвещено мне письмом от Ал⟨ександра⟩ Ал⟨ександровича⟩ Богданова. Уж и не пойму, кто же теперь на каком будет, лесковским слогом выражаясь, состоять иждивении?

Хорошо бы было пожить еще лет пятьдесят... «а кому их надо?»

Ужасно тяжко мне далась как-то смерть Комиссаржевской, которая, даже к моему собственному удивлению, оказалась почти моею однолеткой: я — 1862, она 1863 [7].

До свидания, дорогой А. М.! Крепко Вас обнимаю.

Сердечный привет Марии Федоровне и всем святым.

Ваш Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] Статью о повести Горького «Городок Окуров» Амфитеатров не написал.

[2] Александр Кондратьевич *Гольдебаев* (псевдоним А. К. Семенова) (1863—1924) — писатель. Печатался в журн. «Русская мысль», «Журнал для всех», редактировал «Самарскую газету для всех» и др.

Горький переписывался с Гольдебаевым, привлек его к участию в *сб. «Знания»*, в 1910 г. изд-во «Знание» выпустило первый том рассказов Гольдебаева, в котором напечатана его повесть «В степи». Письма Горького Гольдебаеву хранятся в *АГ*, частично опубликованы в *Арх. Г* (Т. VII).

[3] Амфитеатров посвятил Вас. И. Немировичу-Данченко свой роман «Жар-цвет».

[4] Степан Гаврилович *Скиталец* (псевдоним Петрова) (1869—1941) — русский писатель, поэт. Печатался в «Жизни», «Журнале для всех», «Мире божьем», «Курьере» и др. Познакомился с Горьким в 1898 г. В начале 1900-х годов примкнул к группе писателей изд-ва «Знание». Отношения Горького и Скитальца были близкими до отъезда Горького в 1906 г. за границу.

Воспоминания Скитальца о Горьком см. в кн.: *Скиталец С. Г.* Повести и рассказы: Воспоминания. М., 1960. С. 285—352.

[5] Елизавета Митрофановна *Милицына* (1869—1930) — писательница. Печаталась с 1896 г. в журн. «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство». Горький привлек Милицыну к участию в *сб. «Знания»*, где было издано два тома ее произведений.

Вероятно, речь идет о рассказах «Веревка», «Не по закону», «Диспут», «На войну», которые, по предложению Горького, вошли во второй том рассказов Милицыной (изд-во «Знание», 1910). См. письма Горького — Милицыной (*Арх. Г.* Т. VII. С. 64—65, 121).

[6] Петр Алексеевич *Кропоткин* (1842—1921) — теоретик анархизма, географ, геолог. В 1872 г. примыкал к бакунинскому крылу Первого интернационала. В 1874 г. был осужден и заключен в Петропавловскую крепость. В 1876 г. бежал из крепости и эмигрировал за границу, где жил свыше 40 лет. В 1906 г. вышла его кн. «Анархия, ее философия, ее идеал» (СПб.). В июне 1917 г. вернулся в Россию и, оставаясь противником государственной власти, признал международное значение Октябрьской революции. В письме к европейским рабочим призывал воспрепятствовать интервенции против Советской России. В 1919—1920 гг. встречался с Лениным. Историческое исследование П. А. Кропоткина «Великая французская революция 1789—1793 гг.» (пер. на рус. яз. в 1914 г.) получила высокую оценку В. И. Ленина.

По поводу издания этой книги Кропоткин 16 декабря 1909 г. писал Горькому: «Дорогой Алексей Максимович! Вчера был у нас проездом Герман Александрович и сообщил весточку об вас и об вашей последней работе, которую очень меня заинтересовал. Он сказал также, что у вас гостит Константин Петрович П⟨ятницкий⟩, а я как раз накануне собирался писать вам и спросить, был ли он у вас и, если был, то на чем вы порешили насчет моей „Французской революции". При теперешних условиях не знаю — удастся ли ее издать в России...» (*АГ*).

[7] Вера Федоровна *Комиссаржевская* (1864—1910) — выдающаяся русская актриса, театральный деятель. В 1904 г. она открыла свой театр — театр Комиссаржевской. Основу репертуара составляли пьесы Горького, Чехова, Ибсена, а также пьесы русских драматургов, группировавшихся вокруг изд-ва «Знание». См. статьи Амфитеатрова о Комиссаржевской в «Одесских новостях» (1910, № 8059, 7/20 марта; № 8076, 28 марта / 10 апр.). См. также ст. Е. Дубновой «М. Горький и театр В. Ф. Комиссаржевской» (*Горьк. чт.* 1968).

112. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Март, не ранее 12, 1910 г.)

Что я с беками разъединился — непрравда, а что они с меками соединились — прравда. Где же теперь я? Не знаю, думать — не хочу, в игры эти играть некогда мне, в соединения же — не верую [1].

Ой, представьте вы себе кучу предметов несокрушимо твердого строения и самых нелепых геометрических очертаний — как объединятся таковые? На чем, кроме кладбища?

Существует в природе брекчия [2], но ее объединяют цементы, тяготение к центру земли и — вероятно! — взаимное влечение друг к другу. У людей партийных роль цемента могла бы играть демократическая идея — не играет! — тянут они — в метафизику и взаимно друг от друга отталкиваются кулаками — как объединиться им? Социализм? Не доросли, несколько, а — дорастут, когда нужда заставит, а заставит она их, видимо, нескоро. Извините меня, но я и еще раз не люблю российскую интелигенцию — каюсь в этом столь же искренно, сколь искренно мое — нелестное для нее — чувство жалости к ней.

Пребываю в городе Окурове, книга о коем, как выясняется, будет едва ли не больше города самого. Читать не будут? А — пускай. Кто-нибудь прочтет, может быть,— жителей в России немало, как это доказано переписью. От переписи естественно прыгнуть к перекиси — что значит полевение октябристов, о коем «Речь» — «основанная баком» — трубит во все трубы? [3] Перекись?

А также скажите подробно о переезде вашем в Аляссио и что значит — «дом»? Вы купили дом? Если — да, куплю себе небольшой шведский броненосец и буду приезжать в ваши моря, дабы стрелять вам в окошки коническими ядрами — клянусь? Ибо — мне досадно. Обо мне в газетах писали, что я имею дом, и даже не один, а я — не имею, про вас же не писали — а вы — имеете [4].

Читали вы, как Чуковский отчитал меня в почтенной «Речи»? [5] Прочитайте, поучительно. В аллитерации, как видите, я кое-что смыслю. Даже на «щу» могу: тщетно тщится щука ущемить леща, хотя лучше — ерша. Выдумал поговорку — «не все стерляди про уху думают»,— а к чему она — не знаю. Не отвечал долго, потому что неотрывно писал. Кончил половину повести — очень скучно вышло [6]. Вообще же живу во сне каком-то: волки воют, русские звезды горят, мятель, вороны каркают и т. д. До свидания. Письмо несколько нелепое, ну — извините! Все мало серьезно в этом мире. Желаю доброго здоровья!

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с предыдущим письмом.

[1] Отвечая на вопрос Амфитеатрова, Горький пишет о решении пленума ЦК РСДРП, известного под названием «объединительного», который состоялся в Париже 2—21 января/15 января—5 февраля 1910 г. (*В. И. Ленин.* Т. 19. С. 484, 485).

О пленуме Ленин писал 11 апреля 1910 г. Горькому: «...Теперь насчет объединения. Факт или анекдот? — спрашиваете Вы. Об этом придется рассказывать издалека, ибо есть в сем факте и „анекдотического" кое-что (больше мелкого) и серьезное, по моему убеждению.

К партийному объединению вели и ведут серьезные, глубокие факторы: необходимость очистки социал-демократии от ликвидаторства и отзовизма, в области идейной; страшно трудное положение партии и всей с.-д. работы и назревание нового типа с.-д. рабочего, в области практической...» (Там же. Т. 47. С. 249). Ленин писал также о позиции меньшевиков, «впередовцев» и о сближении большевиков с меньшевиками-партийцами.

О пленуме, о борьбе на нем с ликвидаторами, впередовцами, троцкистами и примиренцами см. ст. Ленина «Заметки публициста» (Там же. Т. 19. С. 239—304).

[2] Брекчия (итал. Breccia) — горная порода, состоит из сцементированных гидрохимическим путем обломков одной или нескольких пород.

[3] Октябристы — контрреволюционная партия, созданная в России после публикации царского манифеста 17 октября 1905 г. Партия октябристов представляла

интересы крупной буржуазии и помещиков, отстаивала монархическую власть, стояла за нераздельность Российской империи. Возглавляли партию октябристов А. И. Гучков и М. В. Родзянко.

Игра слов: «беки» — большевики, газ. «Речь» была основана Ю. Б. Баком.

[4] Семья Амфитеатровых осенью 1910 г. переехала в Феццано.

[5] Вероятно, Горький имеет в виду ст. Чуковского «Новый Горький» (Речь. 1910. № 58. 28 февр. / 13 марта).

Горький обращает внимание Амфитеатрова на аллитерацию в написанных им фразах о Чуковском: «*Ч*итали вы, как *Ч*уковский отчитал меня в почтенной „Речи"? Прочитайте, поучительно». Аллитерация на «щ» — «*щ*етно т*щ*ится *щ*ука у*щ*емить ле*щ*а» использована Горьким в рассказах «Случай с Евсейкой», «Дядя Вася» (*11*, с. 340, 488).

[6] Горький работал над второй частью «Окуровского цикла» «Жизнь Матвея Кожемякина». 5/18 марта 1910 г. он читал домашним первую половину этой повести (*Дн. Пятницкого*).

113. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 25 марта 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Какие такие дела каменные?

Воймя воем от безгрошного жития! Это много хуже, чем безгрешное. Нет, просто в Аляссио больно уж хорош дом внаймы предлагали, и если бы можно было положиться на «Просвещение», которое из меня все жилы вытянуло оттяжками заочно заключенного договора, то я нанял бы его. Но совершенно замучали меня синьоры эти, и боюсь, что Всеволод Крестовский знал эту публику лучше нас с Вами!.. Есть у него такой рассказ «Кто лучше?», и там господин Шмец [1].

Скучища смертная, хотя пишу.

Кроме политических мечтаний, все читаемое в газетах ни к чему, а политических мечтаний девать некуда.

Очень сожалею, что в Думе до мордобития не дошли [2]. Букет неполный. Даже в скандалах недотёпы. Фу, шваль какая!

Читал я Корнея Чуковского [3]. Уродит же господь этакое, в самом деле! Ведь не бездарный и не глупый человек, а ни одного слова не пишет искреннего, и ни в одном слове ему при этом не веришь. Шпагоглотатель!

Очень хорош Шолом Алейхем. Прочтите томик [4]. Многое от Диккенса!

Я сейчас два месяца рылся в дворянстве крепостном — и старине приволжских градов и дебрей.

Как Вы живете? Отчего от М. Ф. ни строчки? Начинаю думать, что сердится... За что?! До свидания. Всего Вам хорошего. Крепко Вас любящий

Ал. Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] Герой рассказа В. Крестовского «Кто лучше?» — Анатолий Борисович Шмец, журналист по профессии — «по части искусств пишет» (*Крестовский В. В.* Собр. соч.: В 8 т. СПб.: изд-во «Общественная польза», 1899. Т. 4. С. 276), а одновременно он коммерсант и ростовщик.

[2] Речь идет о скандале на заседании Государственной думы в связи с выступлением В. М. Пуришкевича по докладу министра просвещения Шварца. Пуришкевич протестовал против существования в университетах Советов старост — по его словам, «самой революционной организации»,— в которые входят женщины, и «даже женщины-еврейки». При этом он «позволил себе оскорбить женщину в самой невозможной форме выражения», как охарактеризовал его выступление председатель Думы Н. А. Хомяков. Выступление Пуришкевича было прервано криками с мест. П. Н. Милюков в самой резкой форме потребовал удаления оратора (Речь. 1910. № 61 и 62. 4/17 и 5/18 марта).

[3] См. предыдущее письмо, прим. 5.

[4] Очевидно, имеется в виду том I Собрания сочинений *Шолом-Алейхема* (псевдоним Ш. Н. Рабиновича) (1859—1916) (М., изд-во «Современные проблемы», 1910), в который вошли повесть «Дети черты» и рассказы.

114. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. 16 мая 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович, пишу Вам из Парижа на голландской картинке. Побывал в противнейшем Амстердаме, Антверпене, а третьего дня слушал в Брюсселе «Дон-Кихота» с г. Шаляпиным[1]. Федор прямо-таки велик в этой роли, что особенно важно, если вспомнить, что это первый *положительный* образ, который он создает для сцены. Более законченного, гениально прочувствованного Дон-Кихота и вообразить нельзя. Жаль, что такое вдохновенное и глубокое исполнение достанется на долю пошлейшей музыки, за которую старого дурака и архимещанина Massenet следовало бы вымазать чем-нибудь нехорошим и возить по городу на ободранном осле. Ф. Ив. мне очень понравился в это свидание. Настроение хорошее, думное, и дрянной сватишка меньше толчется вокруг него. Очень рвется к Вам и тоскует, что чем-то провинился перед Вами. До свидания, дорогой. Всего Вам хорошего. М. Ф. сердечный привет! Пишите в Cavi. Буду там через неделю.

Приехал сейчас Герман Александрович. Отличный!

Ваш А. А.

Датируется по почт. шт.

[1] Французский композитор Жюль Эмиль Фредерик *Массне* (Massenet) (1842—1912) в 1909 г. специально для Шаляпина написал оперу «Дон-Кихот». Первое представление состоялось в Монте-Карло 19 февраля 1910 г. в исполнении труппы Рауля Гинсбурга. Весной 1910 г. эта труппа гастролировала в Брюсселе. Отрицательно оценивая оперу «Дон-Кихот» и спектакль в целом, Амфитеатров подчеркивал, что образ Дон-Кихота занял особое место в творчестве Шаляпина, как «едва ли не первый „положительный". Торжество Шаляпина в роли Дон-Кихота обнаружило широту и глубину его таланта, как, может быть, ни одно из прошлых его созданий» («Маски Мельпомены», М., 1910, с. 109).

По поводу оперы «Дон-Кихот» Шаляпин писал Горькому 22 июня 1909 г.: «...два дня только были прекрасными. Это было здесь, в Париже,— один раз у Массне, а другой у Анри Кэн (Henri Cain). Один из них (первый) играл мне музыку новой оперы, а другой читал мне либретто, им сделанное, и оба раза я плакал, как корова.

Это был Дон-Кихот, рыцарь печального образа. Да, именно печального образа и такой честный, такой святой, что даже смешной и потешный для всей этой сволочи, этой ржавчины, недостойной быть даже на его латах.

Либретто сделано чудесно, музыка (кажется) отличная, и если бог умудрит меня и на этот раз, то я думаю хорошо сыграть „тебя" и немножко „себя", мой дорогой Максимыч. О, Дон-Кихот Ламанчский, как он мил и дорог моему сердцу, как я его люблю» (*Шаляпин.* Т. 1. С. 331).

115. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. Конец мая 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Как живете? Давно от Вас вестей нет.

У нас все доброкачественно.

Был Семен Юшкевич. Познакомились. Понравился мне весьма. Читал свои две драматические штуки. «Miserere» * его произвело на меня впечатление глицериновой тянучки фразистой ненужности, но «Комедией брака» я был весьма восхищен. Это — с целью, в цель и хорошо щелкнуто![1] Люблю я, грешный человек, видеть, когда писатель делает свое настоящее дело. Редкое зрелище в наш проклятый век! Так надоели эти стремления учеников учить, и декламация азбуки с таким выражением

* «Смилуйся» (*лат.*).

на лице и в таких тонах, точно она — трагический монолог. Все эти «Анатэмы», «Светлые боги», «Miserere» и прочая якобы лирическая реторика. Написал человек свое еврейство так, как его видит и знает,— вышло великолепно, ярко, сочно, красочно, даже в шаржах правдиво. А как напустил на сцену символов, которых он не чувствует, ибо неоткуда их почувствовать, вышло либретто для режиссерской работы, ловко потрафляющее на Станиславского и его декоративно-техническую мастерскую. Галлюцинация-то на сцене и пролог в эпилоге. Штучка-с!

Я сейчас совершил большое странствие, которым очень доволен, кроме русской его части, т. е. русских встреч. В этом отношении все сильнее было безнадежно грустно и жалостно. От парижской колонии я упорно прятался, но то, что видел даже в Брюсселе и Антверпене, это — уже не столь люди, сколь механизмы, автоматы Декартовы, медленно свершающие путь свой к роковому околеванию. Может быть, туда и дорога, но жаль. Сердце болит.

Большой и хороший был у меня разговор с Федором Ивановичем. Он непременно в августе к Вам собирается, и я думаю, что приедет ⟨нрзб⟩, так как ему это сейчас уже морально необходимо[2]. Я там писал, что нашел его в очень хорошем настроении, но надо прибавить, что в настроении этом есть оттенок большого испуга. Парень вдруг как-то забоялся себя самого — своей славы, своей публики, ожиданий, на него возлагаемых, и пр., потерял самоуверенность и рассмотрел большую ответственность. Конечно, все это появилось под впечатлением постоянных его горловых недомоганий, но представляется мне, во-первых, преувеличением, а во-вторых, совсем новым, по крайней мере, в таких острых формах, как сейчас. Когда это бывало, чтобы он перед спектаклем дрожал, как осиновый лист? Дон-Кихот он — очаровательнейший, чудный, слёзный. А все-таки петь таких французских гадостей не следовало, как и Vieil Aigle'er г. Гинсбурга, и видеть его благородный талант в ханжестве у этих рулеточных прохвостов из Монте-Карло весьма противно. Я ужасно рад, что ни разу не слушал его в Монте-Карло. Потому что в Брюсселе были только осколочки этой банды — и то из души прет. А воображаете, каковы они там, на мѣсте у себя, где они принцы и директора и пр. Гений в упряжке у хозяев публичного дома! Это, пожалуй, знаете ли, Дон-Кихота по сюжету стоит!.. Трагедия!

Я известил все газеты, с которыми был связан, что с 1 июня прекращаю все свои к ним срочные отношения, их освобождаю от высылки мне денег, себя от обязательного писания. Шабаш! Старый кот принимает схиму и затворяется в келье.

XXX и XXXI сборников «Знания» еще не видал, о чем из-за «Городка Окурова» очень сожалею. XXIX — за исключением «Городка Окурова», конечно, любовь моя к которому Вам известна,— столь возмутительно плох, что даже непостижимо, в каких соображениях и для какой публики Вы, господа почтенные, сей мусор из бумаги писанной превращаете в бумагу печатную[3].

Кстати, о «Знании». Сколько я мог понять из намеков Юшкевича, он разошелся со «Знанием»? Жаль. Писатель смелый, кулак хороший, и собственной рожи не жалеет в драке, что на Руси великая редкость.

Купаемся денно и нощно. Уже и Герман Александрович в воду полез.

До свидания, дорогой. Всего Вам хорошего. Привет М. Ф.! Крепко Вас обоих люблю.

Ваш А. Амфитеатров

Датируется по содержанию.

[1] Семен Соломонович *Юшкевич* (1868—1927) — писатель, сотрудничал в изд-ве «Знание». Здесь были опубликованы наиболее значительные его произведения: повесть «Евреи» (1904), драма «Король» (1906) и др. В 1903—1908 гг. «Знание»

издало Собрание сочинений Юшкевича в 5-ти томах. Позднее Юшкевич разошелся со «Знанием» и печатался в альманахах «Шиповник» и «Земля». После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

Пьеса Юшкевича «Miserere. Лирическая драма в 8 картинах» опубликована в сб. 6 «Земля» (Московское книгоизд-во, 1911).

Премьера «Комедии брака» состоялась 7/20 января 1911 г. в театре Корша. Отдельное издание пьесы вышло почти одновременно.

Горькому «Комедия брака» не понравилась. Юшкевич писал Пятницкому 6 июня 1910 г.: «Был у Амфитеатрова. Представьте, „Комедия брака" — там весьма понравилась. Очевидно, не все так привередливы, как Вы и Алексей Максимович. Ну, бог с Вами. Моя совесть чиста. Я сделал все, что мог» (*АГ*).

[2] Поездка Шаляпина к Горькому на Капри в 1910 г. не состоялась.

[3] В состав XXIX *сб.* «*Знания*», помимо второй части «Городка Окурова», были включены «Веселый батя» Ивана Касаткина, «Светлое заточение» С. Разумовского, «Стихотворения» Ивана Бунина, «Галчонок» Гольдебаева, «На бульваре» К. Ясюкайтиса, «Стихотворения» Ив. Воронова, «Цветы» Н. Каржанского.

116. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Конец мая — начало июня 1910 г.)

Александр Валентинович, как здравствуете?

Не писали вы лет 600! Оду прочитал, ее напечатать надо бы. Отдельным листочком. На тонкой-тонкой бумажке.

Навалился ли на вас Юшкевич?[1] Как нравится? После Скитальца — это самый невежественный человек в русской литературе. Мне он кажется очень талантливым, но некультурен — убийственно. Может говорить — и яростно! — о необходимости «преодолеть Пушкина». Притворяется милым ребенком, но очень хитер, к литературе — равнодушен, жаждет успеха — будет иметь его. Делает «хорошую прессу» для «Miserere». Читал он вам эту вещь? Мне показалось, что из всех писавших «о воле к смерти» он написал наиболее талантливо, наиболее искренно. Вообще — очень сложная, весьма интересная фигура, Юшкевич этот, но — Господи! сохрани и помилуй литературу русскую от людей, подобных Семену Соломоновичу.

Посылаю всю первую часть Кожемякина в корректуре; к огорчению моему, опять разбита повесть на два сборника. Трудно мне и обидно[2].

Прочитав, сообщите кратко ваше мнение — что́ излишне, чего нет. Заметил, что полыни нет в бурьяне.

Когда мы, уважаемый, увидимся? Пора бы. Если вы приедете вскоре — можете встретить здесь человека из Персии[3]. Где Гер‹ман› Ал-ч? Приедет ли, как обещал?

Что вы думаете о персидском вопросе? Кажется, это будет весьма мрачный вопрос для нас![4]

Из России имею хорошие вести о «подъеме духа». Как будто, люди становятся серьезнее?

Здесь — хорошо. Пишу пьесу. Кажется — две выйдет[5].

Будьте здоровы, дорогой. Поклон Илларии Владимировне. Жму руку.

А. Пешков

Был Бунин. Чудесное лицо! Как вам начало «Деревни»[6], по душе? Мне — нравится. Что-то серьезное и — мужественное.

Приписка Андреевой:

Дорогой друг мой — как бы хорошо было, если бы Вы приехали! Комната у нас к Вашим услугам и готова каждую минуту. Целую Илларию Владимировну и обоих Вас от всего сердца, горячо желаю всего хорошего!

М.

Датируется по п. Амфитеатрова от 8 июня 1910 г.

[1] Горький 7/20 июня 1910 г. писал Пешковой: «Вчера уехал Юшкевич, чему я очень рад. Он чувствует себя великим писателем и ужасно надоел длиннейшими словословиями собственной персоне своей. Однако он написал недурную вещь — „Miserere“, она принята в Худож⟨ественный⟩ театр. Это — из лучших его работ. Он, вероятно, порвет со „Знанием“ окончательно, счастливец» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 93).

[2] Повесть «Жизнь Матвея Кожемякина» была задумана Горьким как вторая часть «Городка Окурова», но в процессе работы переросла в самостоятельную повесть в четырех частях. Первая часть повести «Матвей Кожемякин» впервые напечатана в XXX и XXXI *сб.* «*Знания*», 1910.

Плеханов 21 декабря 1911 г. писал Горькому о «Жизни Матвея Кожемякина»: «Вы хотите знать мое мнение об этом Вашем труде? Вот оно. Пушкин, прочитавши принесенную ему Гоголем рукопись „Мертвых душ“ в первом наброске, воскликнул: „Боже, как, однако, грустна Россия!“ То же должен будет сказать про себя каждый серьезный читатель, вдумавшись в „Кожемякина“: „Грустна Россия!“...» (*Плеханов Г. В.* Искусство и литература. М., 1948, с. 756). Подробнее о «Жизни Матвея Кожемякина» см.: *10*, 716—747.

[3] Влас *Мгеладзе* (партийное имя Триа, 1868—?) — участник революционного движения в Персии 1907—1908 гг., член меньшевистского правительства Грузии. После установления Советской власти в Грузии — белоэмигрант.

В 1910 г. Мгеладзе жил на Капри. В *Дн. Пятницкого* 7 и 8 июня записано, что Горький слушал рассказы Мгеладзе о событиях в Персии. Впоследствии Горький разочаровался в нем. Андреева писала, что Горький однажды сказал: «Нет, в больших дозах и хороший парень, ежели он меньшевик, непереносим!..» (*Андреева М. Ф.* Встречи с Лениным // Горький в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 45).

[4] Революция в Иране началась в декабре 1905 г. в Тегеране. 5 августа 1906 г. под давлением народного движения шах был вынужден издать указ о конституционном строе. 7 октября 1906 г. собрался первый Иранский меджлис. Но в декабре 1911 г. меджлис был разогнан. Иранская революция была подавлена. Поражению революции и дальнейшему закабалению Ирана способствовали Великобритания и Россия.

[5] Речь идет о пьесах «Чудаки» (XXXII *сб.* «*Знания*», 1910) и «Дети» («Встреча») (Современный мир. 1910. № 9). В это же время Горький писал Сулержицкому: «А я — пишу фарсы. Написал один в четырех актах, а другой — кончаю — в двух будет. В одном — самоистребляются разные недобитые судьбою люди, в другом — купцы города Гнилищ хлопочут о желез⟨ной⟩ дороге» (*XXIX*, 119). См. также: *ЛЖТ*. Вып. 2. С. 134.

[6] Горький познакомился с Буниным в 1899 г. и привлек его к участию в изд-ве «Знание». Переписку Горького с Буниным см.: *Горьк. чт.* 1961. Бунин с женой были на Капри с 22 апреля / 5 мая по 8/21 мая 1910 г.

Начало повести Бунина «Деревня» было напечатано в журн. «Современный мир» (1910, № 3). В следующем номере журнала редакция сообщала читателям: «По желанию автора печатание повести И. А. Бунина „Деревня“ переносится на осень».

117. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Cavi di Lavagna. 1910.VI.8

Дорогой Алексей Максимович.

Спасибо за присылку «Окурова». Счастлив был прочитать «Кожемякина». Это так хорошо, так глубоко, сильно и ясно, что, наверное, не будет иметь успеха у российской критики. Слагается из «Окурова» многозначительнейший исторический роман «уездной России», а это же нож острый той одесситской европеизации, тому венскому магазину готового платья, которые представляет собою литература «эпигонов революции». Вы вот пишете об Юшкевиче, что он «преодолевает Пушкина». Мне и Герм⟨ану⟩ Алекс⟨андровичу⟩ он хватил штуку почище: «Мы должны испортить русский язык!» Преодолеть Пушкина, испортить русский язык, объявить мертвым русский быт, словом, заслонить Русь от современности и русский народ от русского общества, свести на нет русскую оригинальность. Вы своими последними произведениями, а уже в особенности «Окуровым», а в «Окурове» наипаче «Кожемякиным», портите эту музыку страшно. Ругать Вас за «Окуров», я думаю, у самого недобросовестного критикана рука не поднимется, но будут молчать и, в конце года, в «Обозрениях» напишут: «новые повести Горького не привлекли

внимания публики», хотя бы они разошлись в 200 000 экземпляров. Своими последними вещами Вы вносили в русскую революцию то, чего ей больше всего недостает для успеха: народность, а Кожемякин Ваш — уже величавейшая эпопея народности, какую только вообразить можно, это — опыт русского национализма в самом благородном, живом и нужном смысле слова. Она, эпопея Ваша, пропитана духом былинной свободы, дышит и свидетельствует, что жива и памятна (все, что памятно, живо) кондовая Русь, сама себя, нескладёху, выстроившая, сама себя она и найдет, и освободит. Все это «Речи», напр., и тому подобным строителям и упователям буржуазной олигархии на латино-германский лад, конечно, весьма хотелось бы позабыть, да по легкости мыслей необыкновенной и забывают, а Вы — тут как тут с напоминающим зеркалом «Окурова». Какое же удовольствие? Все равно бы — вдруг Стенька Разин из Жигулей вышел и в Думу прошел послушать речей гг. Милюкова и Маклакова [1]. Нехорошо.

Если позволите несколько мелких отметок, то вот:

1) Не Исаию, но Исакия. Это из Печерского патерика. «Наш еси, брате Исакие, воспляши с нами!» Отсюда — «Наш брат Исакий».

2) Нельзя ли заменить «бобину»? Трое читающих на нее споткнулись.

3) На что Вам последние 8 или 9 нравоучительных строк? Сверхаккордие [2].

Чрезвычайно жаль, что Вы раздробили «Кожемякина». Европа не рухнула бы оттого, если бы Касаткин пролежал в редакции еще месяц-другой [3], а «Кожемякина» резать на куски, как жену левита, изнасилованную сынами Вениаминовыми [4], напрасно. Уже «Ненужного человека» Вы этак-то расположили, и мне тогда было ужасно совестно, что Вы себя обидели ради «Княгини Насти» [5].

Читали Вы «Мертвую зыбь»? Пасквильною не нашел, ибо колониальные ссыльные нравы сейчас, по отзывам беглецов, стали еще хуже, но ужасно скучно и чересчур похабно. Особенно, когда соображаешь, что это дамское произведение. От родителя своего О. Миртова унаследовала философскую темноту и скуку изложения. Там у нее какая-то девица приготовляется 70 страниц чай пить. Притом автор влюблена в героя своего, хотя он и есть — и ею изображается — мерзавец из мерзавцев. Смакованье весьма тошнотворное. Вообще, эти писатели по наследству либо по протекции террористических заслуг производят странное впечатление: зачем? Герм. Ал. относится к «М. з.» мягче, чем следует, из-за памяти Лаврова, а я его дразню «кумом» [6].

Не знаю насчет «Miserere». *Искренно* о таком предмете для сцены подведомственной цензуре — по-моему — ничего нельзя сказать. Тут выть хочется, а он отделывается наивностями символических намечков. Впрочем, пьеса может быть полезна — не сама собою, но как Худ〈ожественный〉 т〈еатр〉 поставит (если захочет подчеркнуть) сцену в погребке [7], а затем как повод для публицистов высказаться о послереволюционном декадансе общества. Хотя Юшкевич сделал ее столь специфически еврейскою, что обобщений для России из нее не выведешь, да о России в «Miserere» и ни одного слова нет. Я Вам говорю: Юшкевич смелый. Он открывает свои карты одинаково пред русскими и евреями. Это мне в нем нравится. А вот когда он мне ни с того, ни с сего хвалится, что Островского не читал, то я даже не спрашиваю:

— Почему же?

А просто думаю:

— Врёшь.

Читали Вы «Морское свечение» Бальмонта? Я его видел в Париже. Весьма великолепен, хотя носом покраснел. Ругает Египет, откуда вернулся, ибо не видал ни крокодилов, ни бегемотов [8]. А я ругаю Амстер-

дам, потому что город грязный, скучный, жирный, и только и хорошего есть в нем, что зоологический сад с крокодилом. Сад первоклассный.

Я сейчас весь в работе ножницами и клеем. Сдаю «Просвещению» разное свое старье. Сдал «Княжну», «Жар-цвет», «Отравленную совесть» [9]. Чувство при этом такое, будто производишь собственную свою ликвидацию. Хорошо бы пьесу писать, да напугался я. К тому же и «Девятидесятники» требуют внимания к оным.

Сейчас собраться мне мудрено. Когда буду переезжать в Специю, покину своих устраивать все сии транспорты, а сам с Г. А. ударюсь к Вам.

До свидания. Всего Вам хорошего. Привет Марии Федоровне!

Ваш А. Амфитеатров

В Созонова, вскоре кончающего свой каторжный срок, уже несколько раз стреляли чрез окно без всякого к тому повода часовые в Зерентуйской тюрьме [10]. Точно так же в Ильинского, который убил Игнатьева [11]. Тюремное начальство не при чем и тоже в ужасе от этих покушений, но ничего не может сделать, так как комендант внешней охраны тюрьмы отвечал буквально: — Не ваше дело. Это касается меня одного, а я имею особые инструкции. Вести эти привез прямо из Зерентуя беглец Филипченко. Я составил статьи для «Secolo».

Охота была Вам посылать телеграмму писательскому съезду! [12]

О Персии я того же мнения, что Василий Иванович в «Бешеных деньгах» [13] о Марокко:— Персия так она Персия и есть, и с чего они там мрут, с холода или с голода, мне все равно, а нам надо паче всего уповать... Разумеется, будет скверно. Когда же бывает хорошо?

Если к серии героических разочарований, охвативших нас тучею со всех сторон, присоединим еще разочарование финляндское,— прямо гроб: ложись да помирай! [14]

Вы счастливее меня на известия. Вам пишут о подъемах, а мне все о поражениях...

Все, мол, пропало, кроме чести, сия же последняя не могла пропасть потому, что ее и не было.

Чайковский возвратился в Лондон, совершенно убитый [15].

[1] Павел Николаевич *Милюков* (1859—1943) — руководитель кадетской партии, депутат III и IV Думы, редактор газ. «Речь». Входил в состав Временного правительства. После победы Октябрьской революции эмигрировал в Париж, где редактировал эмигрантскую газ. «Последние новости», активно выступал против Советской России.

Василий Алексеевич *Маклаков* (1870—1957) — член ЦК кадетской партии с 1906 г. Депутат II, III, IV Думы. После революции эмигрировал.

[2] Амфитеатров делает ряд замечаний по тексту повести: дьячка Коренева Горький сравнил с пустынником Исакием, которого черти заставляли играть и плясать под музыку (*10*, 166). См.: Киево-печерский патерик по древним рукописям // Киев, 1870. С. 14—15). В корректуре Исакий ошибочно был назван Исаией (см. след. п.).

Бобина — в различных производствах род катушки, валик для намотки. У Горького в тексте повести: «...под ногами у них валяются бобины — конусообразные куски дерева» (*10*, 139).

При подготовке повести «Жизнь Матвея Кожемякина» в Собрании сочинений (Пг., изд-во «Жизнь и знание», 1913) Горький оставил «нравоучительные строки», о которых пишет Амфитеатров. При издании Собрания сочинений в изд-ве «Книга» (1922) Горький, внеся в текст повести значительные изменения (см. также след. п.), «нравоучительные» строки также не снял.

[3] Иван Михайлович *Касаткин* (1880—1939) — писатель, переписывался с Горьким. В XXX *сб. «Знания»* вместе с первой частью повести «Жизнь Матвея Кожемякина» был опубликован рассказ И. Касаткина «С докукой». См. в наст. томе сообщение И. А. Ревякиной «Горький — редактор „Просвещения"».

[4] Согласно библейской легенде, левиты происходили от Левия. Легенду о сынах Вениаминовых и жене левита см.: Библия. Книга судей. Гл. 19, 20, 21.

[5] В XXIV *сб. «Знания»* (СПб., 1908) вместе с началом повести Горького «Жизнь ненужного человека» был напечатан «роман для театра» Амфитеатрова «Княгиня Настя».

[6] Лопатин помог Лаврову бежать из ссылки за границу. Об истории побега см. в ст. П. Л. Лаврова, в кн. *Лопатин.*

[7] Премьера пьесы Юшкевича «Miserere» состоялась в Московском художественном театре 17/30 декабря 1910 г. Сцена в погребке дяди Лейзера — третья картина драмы.

[8] Бальмонт совершил кругосветное путешествие, затем жил в Париже, вернулся в Россию в мае 1913 г., когда была объявлена политическая амнистия в связи с 300-летием дома Романовых. О своем кругосветном путешествии Бальмонт писал в кн.: «Змеиные цветы» (1910), «Край Озириса» (1914).

Кн. Бальмонта «Морское свечение. Статьи и рецензии» (СПб., М., т-во М. О. Вольф, 1910).

[9] При подготовке романа «Отравленная совесть» для издания в Собрании сочинений Амфитеатров в заметке «От автора» писал: «Роман „Отравленная совесть", моя первая беллетристическая работа, в настоящем издании дополнена против первого отдельного издания 1898 г. несколькими сценами и диалогами из предварительных этюдов к нему: „Алимовская кровь" („Русские ведомости", 1884), „Людмила Верховская" (1889), „Отравленная совесть", роман („Наблюдатель", 1895), „Обожание", и др. Кроме романа „Отравленная совесть", существует под тем же названием драма моя, написанная на тот же сюжет» (*Амфитеатров.* Т. 3).

[10] Егор Сергеевич *Созонов* (1879—1910) — эсер. В 1904 г. убил министра внутренних дел В. К. Плеве. Был приговорен к вечной каторге. Протестуя против телесных наказаний политкаторжан (27 нояб. 1910 г.), покончил жизнь самоубийством в Горном Зерентуе.

Зерентуйская каторжная тюрьма (местечко Зерентуй) возникла в XVIII в. Здесь отбывали наказание политические заключенные: декабристы, участники революционного движения второй половины XIX в., участники революции 1905—1907 гг. Зерентуйская тюрьма была упразднена в феврале 1917 г.

[11] Алексей Павлович *Игнатьев* (1842—1906) — граф, государственный деятель, был противником созыва Государственной думы. В 1906 г. Игнатьев был убит в Твери эсером С. Н. Ильинским.

[12] См.: Г—А, п. от июня, не ранее 23, 1910 г.

[13] Василий Иванович — персонаж пьесы А. Н. Островского «Бешеные деньги». Амфитеатров перефразирует слова Василия Ивановича: «Этаких стран я, сударь, и не слыхивал. Морок, так он Мороком и останется, а нам не для чего. У нас, по нашим грехам, тоже этого достаточно, обморочат как раз. А знают ли они там холод и голод, вот что?» (*Островский А. Н.* Собр. соч. М., 1960. Т. 5. С. 485).

[14] См.: А—Г, п. от 14 июня 1910 г.

[15] Николай Васильевич *Чайковский* (1851—1926) — русский политический деятель, в 1904 г. примкнул к эсерам. В 1910 г. порвал с ними и отошел от политической деятельности. После Октябрьской революции — активный враг Советской власти. Член правительства А. И. Деникина. После разгрома армии Деникина эмигрировал в Лондон.

118. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Июнь, не ранее 10, 1910 г.)

Наскоро отвечаю:

Исаию — корректор родил.

Бобина — необходима, без нее веревку не совьешь.

Нравоучительные строки? К отдельному изданию готовя книгу — все выкину.

Разбросал «Кожемякина» — не я. Такова судьба.

И «Княгиня Настя» не при чем в этом деле.

Судьба, говорю, виновата. Доля. И — сродные с нею существа [1].

«Мертвая зыбь» — не нравится: капризно, претенциозно и тенденциозно.

В «Кожемякине» — отсутствует полынь и нет мух. Не пахнет пирогами с луком на постном масле.

Что вы не сказали мне ни слова о татарине? [2]

Человек из Персии — удивителен. Он окунул меня в сказку волшебную, в эпос.

Мне жаль, что вы не слышите его, вы бы оценили!

«Морских свечений» не читал. Обращаю ваше внимание на графа Ал. Ник. Толстого.

Это — юный человек, сын Толстого, губернского предв⟨одителя⟩ дворянства в Самаре, родственник И. С. Тургенева[3]. Хорошая кровь.

Юшкевича — переоцениваете. Ой, я его сначала знаю и — провижу конец.

Нет ли у вас в библиотеке истории каких-нибудь уездных городов? Шуи, Клина, Чухломы, Арзамаса? Если есть — пришлите, усердно прошу! Губернских — не надо, имею[4].

«Строельных» книг нет ли?[5] Очень нуждаюсь!

В «Кожемякине» — попов нет. Отложены на вторую часть, весьма трудную, куда надо влить горы материала — на десять листов.

Сижу, яко прикован к стулу и столу, и сочиняю пьесу бабскую[6]. Обижать начали баб наших. Всех и все обижают — вы правы.

И — спасибо вам за письмо, верно вы меня ставите, пошли вам Русси Бог — здоровья и бодрости душевной.

Жму лапу, кланяюсь.

Что же — ни вы, ни Герман Александрович не приедете?

Возьмите меня хоть в Сицилию-то!

А? «Возьмите, дяденьки, я лёхкай!» — как кричат мальчишки.

До свидания

А. Пешков

Приписка М. Ф. Андреевой:

Очень кланяюсь Вам, Илларии Владимировне и Герману Александровичу. Так хотела бы повидаться!! Очень хотела бы.

М

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 8 июня 1910 г.

[1] Горький обыгрывает название ст. А. А. Потебни «О доле и сродных с нею существах», оттиск которой с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (Труды Московского археологического общества. М., 1865. Т. 2).

В эти годы Горький проявлял большой интерес к народному творчеству, в частности к понятиям «судьба», «доля», «горе». См. рассказ Маркуши в «Жизни Матвея Кожемякина» (*11*, 299—307), заметку ⟨«О судьбе»⟩ (*Арх. Г.* Т. XII. С. 94—95), статью «О писателях-самоучках» (*XXIV*) и др.

В «Жизни Матвея Кожемякина» использованы, в частности, материалы ст. П. Иванова «Народные рассказы о доле» (Сб. Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1892. Т. 4) и А. И. Сонни «Горе и доля в народной сказке» (оттиск из «Университетских известий», Киев, 1906). Обе работы хранятся в *ЛБГ*.

[2] Татарин Шакир — персонаж повести «Жизнь Матвея Кожемякина».

[3] Алексей Николаевич *Толстой* (1882—1945). Мать писателя — урожденная А. Л. Тургенева — детская писательница *А. Бострэм*.

В 1907 г. А. Н. Толстой выпустил первый сборник стихов «Лирика». Однако обратил на себя внимание читателей своей прозой «Заволжье», «Неделя в Туреневе» и др. (1910). В рассказах и повестях этого времени он писал о жизни разоряющегося дворянства.

[4] В *ЛБГ* хранится большое количество книг о городах, среди них — редкие книги по краеведению XVIII и XIX вв. Например: *Забелин И. Е.* Кунцево и древний Сетуньский стан: Историческое воспоминание. М.: изд. Солдатенкова, 1870 (с пометами Горького); книги об Угличе (1895), о г. Коврове (1886), о Ростове Великом (1886) и др.

[5] «Строельные книги» — книги о постройке новых и восстановлении укреплений старых городов в XVI—XVII вв., в них даны сведения о населении городов, укреплениях, церквах, казенных зданиях, таможенных избах и др.

В *ЛБГ* хранится «Строельная книга города Пензы» с предисловием В. Борисова (М., 1898) (*Описание*).

[6] Пьеса «Чудаки».

119. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Кави, 14 июня 1910 г.⟩

Это письмо я написал для одного одессита, но думаю опубликовать его [1]. Если у Вас сохранились отношения с финляндскою печатью, было бы хорошо послать им туда [2]. Я не знаю кому адресовать. Буде найдете необходимым, пошлите.

До свидания. Желаю всего хорошего.

М⟨арии⟩ Ф⟨едоровне⟩ привет.

Ваш. А. А

Датируется по приложенной к письму ст. Амфитеатрова, написанной 14 июня 1910 г.

[1] «Ответ на письмо» написан Амфитеатровым в связи с обсуждением на заседании III Государственной думы внесенного Столыпиным 17 марта 1910 г. законопроекта, представлявшего собой, по словам В. И. Ленина, «самый наглый поход самодержавия против свободы и самостоятельности Финляндии» (*В. И. Ленин.* Т. 19. С. 218).

Революционные события 1905—1907 гг. в России и Финляндии вынудили Николая II утвердить 20 июня 1906 г. новую конституцию Финляндии — «одну из самых демократических конституций всего мира» (Там же. С. 219). Однако после подавления Свеаборгского восстания самодержавие повело борьбу с завоеванной независимостью Финляндии. Проект Столыпина означал «полное разрушение финляндской свободы», писал В. И. Ленин в ст. «Поход на Финляндию» (Там же. С. 218—219).

Другая редакция машинописного текста ст. Амфитеатрова «Ответ на письмо (группы финляндских деятелей)» с незначительными изменениями в тексте и пометами автора хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 34.

[2] С передовыми кругами Финляндии Горький был связан с 1905 г., в январе—феврале 1906 г. он жил в Финляндии. В 1907 г. в ответ на просьбу передовых представителей финской общественности Горький выступил со ст. «О Финляндии» — в защиту финского народа от самодержавия. Статья была опубликована в Берлине и частично в России в газ. «Речь» (1907, № 305, 28 дек.).

О Горьком и его связях с Финляндией см.: *Туртайтен Арво.* Максим Горький и финны // На рубеже. 1956. № 5, С. 174; *Федоров В. Г.* Максим Горький в Финляндии // Скандинавский сборник. М., 1963. Т. VI. С. 274—289; *Горький. М.* Письмо А. Галлену (*XXIV*, 20—23).

120. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Июнь, не ранее 16, 1910 г.⟩

Рукопись немедля отправил в Стокгольм и тотчас же написал в Финляндию, чтобы ее получили. Посылать прямо в Гельсингфорс — боюсь — пропадет [1].

Написано — хорошо, произведет впечатление. Вести оттуда — суровые. Возможна — драка. Не то что общее восстание, но ряд жестоких вспышек в разных местах. Люди, извещающие о возможности этой,— скорбят, называя сие «нарушением национальной (?) дисциплины» и прочими не удобь понятными словами.

«Возбуждения — незаметно, напротив — все с виду спокойно, и — однако каждый день может разразиться нечто совершенно неожиданное, пожалуй — страшное. Успокаиваем, следим и — не знаем, что будет» [2].

Это из Або пишут.

Я — плохо понимаю, как можно успокаивать человека, коего схватили за горло и душат?

«Не брыкайся, не дрыгай ногами, все равно задохнешься». Так?

А. П

Датируется по предшествующему письму.

[1] Подразумевается ст. Амфитеатрова о Финляндии.

[2] Установить адресата питируемого письма не удалось.

121. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 21 июня 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

О татарине — жду следующей части.

Правда ли, что Вы сходитесь с эс-эрами? Извините Вы меня, но — если правда — охота же Вам из-под дождя да в воду! На кой Вам бес все эти партии? «Поэт, живи один!» Уж как на Окурове-то великолепно сказалось поэтическое одиночество это!

Я с эс-эрами большой приятель и нахожу их полезнее всех других партий и написать для них рад, когда надо, и денег даю, когда есть, но в упряжку партийную идти... брр! Хрен редьки не слаще. Меньше фраз псевдонаучного талмудизма и споров о начальном яйце, но бюрократия и ревнивая узость та же, что и всюду.

Читал «Две лестницы» Никифорова [1]. По-моему, он с талантом, и есть сильные страницы, хотя это не столь «Две лестницы» сколько двести двадцать две прелестницы. Хочу написать о нем стихи и прислать Вам в архив.

Получили Вы град опечаток, именуемый «Тризнами» [2].

На меня напал в «Н⟨овом⟩ вр⟨емени⟩» Розанов [3]. «Я сама мужику брюхо выем!»

Осенью я уповаю привезти Вам некоторый литературный дар, который Вам, наверное, доставит удовольствие.

Читали вы в «Русском богатстве» статью Виппера «Сумерки людей» [4]. Вот прелесть! Злодей, он утащил мою идею «Зверя из бездны», но молодчина! Здорово и ловко сделал. Я ему даже письмо написал!..

Не сердитесь, что написал насчет партии.

О Вас распространяется столько слухов, что я этому и не придал бы значения, если бы не имел о том разговоров с людьми, близкими к ЦК.

До свидания, дорогой. Сердечный привет М. Ф.

Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Датируется по почт. шт.

[1] У Амфитеатрова — ошибка. Речь идет о писательнице Людмиле Александровне Никифоровой, которая переписывалась с Горьким, жила на Капри. Ее повести «Две лестницы», «Артель» печатались в XXX и XXXIII *сб.* «*Знания*» за 1910 г. В п. от 20 мая / 2 июня 1910 г. Горький рекомендовал Никифоровой настойчиво продолжать литературную учебу, учиться типизировать действительность»: «Искусство — есть искусство типизировать, то есть отбирать наиболее общезначимое, наиболее человеческое...» (*XXIX*, 116).

[2] Кн. Амфитеатрова «Тризны». См.: *А—Г*, п. от 15 января 1910 г.

[3] Очевидно, ошибка Амфитеатрова. В «Новом времени» (1910, № 12261, 2/15 мая) была напечатана статья, содержавшая резкую критику романа «Девятидесятники», названного «газетной дешевкой», автор которого «потрафляет вкусам нового „потребителя"», и подписанная «Искатель жемчуга», под этим псевдонимом выступал в «Новом времени» П. П. Перцов. В ст. В. Розанова, публиковавшихся тогда же в «Новом времени», Амфитеатров не упоминался.

[4] Роберт Юрьевич *Виппер* (1859—1954) — историк, академик. «Сумерки людей» — публичная лекция, прочитанная в Москве 27 августа 1910 г. (Русское богатство. 1910. № 5).

122. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Июнь, не ранее 23, 1910 г.)

Господине!

Ай!

Ай!

Ай!

Помилуйте!

И поверьте, что в некотором отношении и центральные комитеты кален-

дарям подобны. Нет, я никуда от себя самого не ухожу и — не уходил. Не уходил, да. Вы будете спорить и усмехаться, и указывать на признаки. Господь с вами, указывайте! Но — я вам не поверю.

«Съезду литераторов» *не я* посылал телеграмму [1], а — Бунин Иван и Мария Федоровна, я же о ту пору стоял в Монте-Карло пред казино, и меня весьма тошнило. «Съезд» прислал на Капри телеграмму сам, первый, и в телеграмме той наименовал меня изменником или же изгнанником, а может быть — извергом. Разве можно понять телеграмму? Но отвечать на нее — необходимо, так требуют благовоспитанность с культурностью, вежливость и прочее.

Написал я, черт меня побери, пьесу и даже, м. б., две. Когда — осенью? — приедете вы, буду ее читать. А м. б. — их. Потому что — м. б., их три: одна в четырех, а две — по одному акту [2].

Виппера еще не читал. Сегодня буду. Читал же Маннов двух, немцев, — кровные братья они между собой [3].

В сущности — современная литература преинтересна не только общим тоном смущения и отчаяния, но и как-то еще, особенно. Я, например, читаю и вижу пред собой — людей, как их изобразил какой-нибудь манн, людей, как я их знаю, людей, как я их хочу видеть, и — самое интересное! — автора, который мечется, весь издерганный внутренне и внешне, в тщетных усилиях разместить своих героев так, чтобы видно было, до чего он умный, знающий, ловкий и сильный человек.

Такие анунции, авторы эти — беда!

А Гаврила Благовещенский уже о Тарновской пишет, каков? [4]

«Кожемякин» — подвигается. Насчет городов вы не ответили — нет у вас?

Жаль.

Кланяюсь!

А. Пешков

Если в издании с-р «Федор Дядин» [5] выйдет — не заключайте отсюда, что я в боевую организацию вступил!

Не пишите мне, Христа ради, на этой анафемской вашей бумаге! Ибо когда вскрываешь сизое ваше письмо, то оно разлезается в кусочки, отчего читать трудно и понять нельзя. Честное слово!

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 21 июня 1910 г.

[1] В Петербурге с 21 апреля / 4 мая по 29 апреля / 12 мая 1910 г. проходил Второй всероссийский съезд писателей и журналистов. Большинство столичных газет и литературных организаций — «Речь», «Русское богатство», Литературный фонд и др. — «воздержались от участия в работе съезда». Отрицательно отнеслись к съезду Л. Н. Толстой, Андреев. Толстой писал Г. К. Градовскому, председателю кассы взаимопомощи Литературного фонда, что не мог бы принять участия в работе съезда, так как эта работа определяется «правительством», а «в наше время всякому уважающему себя человеку, а тем более писателю, нельзя вступать в какие-либо добровольные соглашения с тем сбродом заблудших и развращенных людей, называемых у нас правительством» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 81/82. С. 211).

Ленин в «Заметках публициста» назвал съезд писателей съездом «прихлебателей от литературы» (*В. И. Ленин.* Т. 19. С. 281).

Андреева по этому поводу писала Амфитеатрову: «Относительно телеграммы он зря на меня кивает — правда, что послала ее, в ответ на съездовское приветствие, я — по совету И. А. Бунина. Но телеграмма была от них такая, что не ответить — значило бы быть очень здорово грубым, и сам А. М. тоже, будь он сам здесь, ответил бы» (*АГ*).

[2] Горький закончил работу над пьесой «Чудаки» и завершал работу над второй пьесой — «Дети» («Встреча»), о содержании третьей пьесы он писал Л. А. Сулержицкому (*XXIX*, 118).

[3] Генрих *Манн* (1871—1950) и Томас *Манн* (1885—1955) — немецкие писатели. В 1909 г. московским изд-вом «Современные проблемы» было начато издание Собраний сочинений Г. Манна в 8-ми томах и Т. Манна в 5-ти томах.

В *ЛБГ* хранятся книги Г. Манна и Т. Манна с пометами Горького (*Описание*).

[4] Гаврила Благовещенский — так в шутку Горький называл Габриела *Д'Аннунцио* (1863—1938), итальянского писателя-декадента, впоследствии фашиста (после укрепления диктатуры фашистов Д'Аннунцио отошел от активного сотрудничества с ними). Annunzio — по-итальянски благовещение.

В 1910 г. итальянские газеты были заполнены материалами уголовного процесса М. Н. Тарновской, обвинявшейся в подстрекательстве к убийству с корыстной целью. В «Пестрых главах» Амфитеатров назвал это время «тарновским периодом» итальянской печати (Современник. 1911. № 1. С. 245). Очевидно, в числе других по поводу процесса Тарновской выступал и Д'Аннунцио.

[5] Рассказ Горького «Федор Дядин» впервые напечатан в 1909 г. в сб. «Непогасшие огни», кн. 1 (Екатеринослав), о чем сообщалось в газ. «Биржевые ведомости» 14/27 ноября 1909 г.

Рассказ был написан Горьким в 1908 г. для литературно-художественного сборника Международного комитета помощи безработным рабочим России (комитет был создан в 1906 г., в Лозанне). См. прим. 6, к п. 8.

123. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Август, не ранее 6, 1910 г.)

Опять мною прострелило мимо вас, дорогой Александр Валентинович, а, ей же богу, не я в этом повинен![1] Наша жизнь — нам судьбой суждена и т. д.

Здесь, на Капри, были Гусев, Куприна, Иорданский, Коцубинский[2], и — наслушался я горестных рассказов о литераторах, литературных нравах, задачах. Это очень тяжко, очень тошно.

Плохо с Куприным — пьет все и близок болезни опасной, Арцыбашев — тоже вдребезги болен, а Леонид окончательно погрязает в авантюризме, вот — в общем — сведения о трех наилучших людях современности, о столпах литературы нашей. Я очень удручен.

Обратите внимание ваше на Алексея Н. Толстого, прочитайте его «Заволжье» и рассказы в «Аполлоне» — стоит![3] Про него говорят, что он близок с Кузминым[4] и прочими, но — сам он мне кажется здоровым парнем.

Сейчас меня ежедневно пишут семеро художников, в их числе — Бродский, восходящим светилом именуемый. Действительно — талантлив[5].

Как вы живете? Когда в Специю и — к нам? Герман Александрович говорил, что как только вещи ваши двинутся в Специю, вы — на Капри. Отправляйте вещи скорее!

Написал нечто вроде водевиля — вышло плохо[6].

Ах, как иногда хорошо думаю я — чего и вам желаю. И как скверно пишу — не желаю этого никому, а вам — тем более.

Живет у меня Никифорова, написавшая «Две лестницы». Дама — питерская.

Если б вы приехали скоро — застали бы здесь персидского революционера — хорош!

До свидания! И. В.— поклон.

Не сердитесь на меня, а?

А. Пешков

Нет ли у вас «акафистов» ваших[7]?? У меня украли их, а надо! Возвращу!

(Последнему слову — не верьте.)

Датируется по записи в *Дн. Пятницкого* о встречах с Иорданским.

[1] 30 июля Горький возвратился на Капри из Аляссио, где находились Е. П. Пешкова и Максим. Аляссио расположено недалеко от Кави ди Лаванья.

[2] Летом 1910 г. на Капри побывало много русских писателей, художников и др. М. К. Куприна-Иорданская и Н. И. Иорданский, издатели и редакторы журн. «Современный мир», жили на Капри с 22 июля по 6 августа; М. М. Коцюбинский — с 15 июня по 4 августа; Л. А. Никифорова — с 23 июля по 17 августа; С. И. Гусев-Оренбургский приезжал 23 июля. Очевидно, о состоянии Куприна, Арцыбашева и Андреева рассказывали Горькому Иорданские.

[3] Повесть А. Н. Толстого «Заволжье» («Мишука Налымов») печаталась в альманахе «Шиповник» (СПб., 1910, кн. 12), в журн. «Аполлон» (1910, № 4 и 8) были опубликованы рассказы «Неделя в Туреневе («Петушок») и «Аггей Коровин».

[4] Михаил Алексеевич *Кузмин* (1875—1936) — поэт, драматург и переводчик. Сотрудничал в журн. «Весы», «Аполлон», «Золотое руно» и др. В начале литературного пути примыкал к символистам, позднее — к акмеистам. После революции много занимался театральной критикой и художественными переводами — Апулея, Боккаччо, Шекспира.

В «Заметках о русской беллетристике» М. Кузмин писал: «Гр. А. Толстой дал широкую бытоописательную повесть „Заволжье", где несколько сгущенными красками изображены поколения отживающего, одичавшего дворянства». И далее: «Во всяком случае, эта повесть — произведение наиболее значительное в сборнике, и можно только поздравить „Шиповник" за такое „обновление вещества", как привлечение гр. Толстого к участию в альманахе» (Аполлон. 1910. № 8. С. 55—59).

[5] Возвращаясь из Неаполя на Капри, Горький познакомился с группой русских художников — И. И. Бродским, Н. П. Шлеиным, Я. М. Павловым, С. М. Прохоровым, И. Я. Дмитриевым и др. Художники навестили Горького, беседовали о ним об искусстве. Горький позировал художникам, и они написали несколько портретов, два из них (И. Бродского и Н. Шлеина) в настоящее время находятся в экспозиции музея А. М. Горького в Москве.

И. И. Бродский вспоминал: «...мы приступили к работе над его портретом. Он позировал нам в белом костюме, сидя в плетеном кресле, положив ногу на ногу. Ежедневно окруженный мольбертами, он терпеливо просиживал по два-три часа, и так в течение двух недель подряд...» (*Бродский И. И.* Мой творческий путь. Л., 1965. С. 41—47).

[6] В это время Горьким была написана одноактная комедия «Дети» («Встреча»).

[7] Вероятно, Горький просит кн. Амфитеатрова «Акафист Сергею Каменностровскому» и «Стихири» (Париж. изд. редакции журн. «Красное знамя», 1906). В заметке «От автора» Амфитеатров писал о гонениях на газ. «Русь», где они впервые были напечатаны, и далее объяснял: «Если я публикую их теперь отдельным изданием, то лишь потому, что меня постоянно запрашивают об „Акафисте" и „Стихирях"» (с. 3).

Акафист — церковная хвалебная песнь и молитвы спасителю, богоматери и святым угодникам, исполняемые стоя. Амфитеатров использовал форму акафиста для сатиры:

Радуйся, обещаний невыполнение!
Радуйся, в частном слове произведение!
Радуйся, публике очков втирание!
Радуйся, к нуждам народным невнимание!..

124. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави ди Лаванья. 20 августа 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Живущая здесь вдова бедного Штифгнара перевела «Взятие Бастилии» Роллана — штуку эффектную и до сих пор еще не появлявшуюся на русском языке. Не возьмете ли в «Знание»? Не поленитесь ответить. Я когда-то редактировал вторую часть трилогии «Дантона»[1]. Из всех драматических произведений на темы Французской революции эта казалась мне наиболее похожей на литературу и настоящий театр.

Читали Вы Вл. Жаботинского «Чужбину»?[2] Если нет, я Вам пришлю. Эта вещь меня страшно потрясла и заставила вновь пережить прилив острой жалости к еврейству русскому. Таких отчаяний самоотречения, кажется еще ни одна раса не выделяла. Страшная книга. И так как слышен несомненный талант, то читать ее жутко.

Я сегодня кончил и отослал 1-й том «Зверя из бездны», т. е. редактировал его к печати. 1-й том — листов 25, а то и все тридцать[3].

До свидания, всего Вам хорошего. Переезд в Специю предвидится 15 сентября. Привет Марии Федоровне и всем святым дома Цезарева, как писывал апостол Павел[4].

Ваш Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] «Взятие Бастилии» — пьеса Р. Роллана из цикла исторических драм о Великой французской революции, который не был полностью осуществлен. Из задуман-

ГОРЬКИЙ И ХУДОЖНИКИ: С. М. ПРОХОРОВ, И. И. БРОДСКИЙ, Я. М. ПАВЛОВ, М. В. ПЕЧАТКИН НА ВЕРАНДЕ ВИЛЛЫ «СПИНОЛА»
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, август, до 23 1910 г.
Музей Горького, Москва

ных 12 пьес Роллан написал только восемь. Пьеса «Дантон» (1899) на русском языке издана в 1920 г., «Взятие Бастилии» (1901) на русском языке — в 1906 г., в переводе Е. М. Александровой.

В изд-ве «Знание» пьесы Р. Роллана о Французской революции не выходили.

[2] Владимир Евгеньевич *Жаботинский* (1880—1940) — писатель, журналист, переводчик, впоследствии один из руководителей сионистского движения.

[3] Роман Амфитеатрова «Зверь из бездны» был впервые частично опубликован в журн. «Современник» в 1911—1912 гг. Новая редакция романа готовилась автором для Собрания сочинений в изд-ве «Просвещение».

[4] В христианской мифологии *Павел* — один из апостолов, сыгравший в оформлении и распространении христианского вероучения значительную роль. Церковь приписывает ему 14 посланий, включенных в Новый завет.

125. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Август, не ранее 22, 1910 г.⟩

Спешу известить вас, Александр Валентинович, что трилогия Роллана и его книга о народном театре — переведены и осенью этой выйдут в «Знании» [1]. Сообщите об этом вашей переводчице, дабы она торопилась продать свою рукопись до выхода знаниевской книги, в случае нужды я постараюсь задержать издание.

Жаботинского — не читал. Я не поклонник его озлобленного, истерического таланта, хотя, разумеется, понимаю причины озлобления и считаю Жаб⟨отинского⟩ весьма талантливым. Милость будет — пришлите его книжку, возвращу.

Нет ли «Притч» ваших? [2]

Вы Нерона расписываете, а я всё уездных Калигул вычерчиваю [3].

«Кожемякин» — двигается. Напишу «Дело Бубновых» [4] — это интересное дело, не знаю, слажу ли!

Ныне изображают мя красками на полотне четверо художников, а один, изобразив, уехал.

На всех выставках будущего сезона явятся портреты М. Горького — купите штучки три!

А мне — куртаж!

Жарко, холерно, утомительно.

Кланяюсь

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 20 августа 1910 г. (*АГ*).

[1] В ноябре 1910 г. в изд-ве «Знание» вышла кн. Р. Роллана «Народный театр» (статьи и рецензии 1900—1903 гг., в пер. И. Гольденберга). В журн. «Современник» (1911, № 2) была напечатана положительная рецензия на книгу. Трилогия Роллана в «Знании» не издавалась.

[2] Вероятно, Горький имеет в виду кн. Амфитеатрова «Притчи скептика. (Свое и чужое)» (СПб., тип. т-ва «Труд», 1908).

[3] *Нерон* Клавдий Цезарь (37—68) — римский император, отличался большой жестокостью. В историческом сочинении «Зверь из бездны» Амфитеатров писал об эпохе императора Нерона.

Калигула Гай Цезарь Август Германик (12—41) — римский император, за время своего короткого царствования (37—41) прославился стремлением к неограниченной власти и жестокостью, был убит.

[4] «Дело Бубновых» — неосуществленный замысел Горького.

126. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Кави. 13 сентября 1910 г.)

В недоумении сердитом
Прочла кавийская земля,
Что Горький с дружеским визитом
Был во дворце у короля [1].
Кавийцы дни свои проводят
Куда мрачнее, чем Максим:
Ни в гости к королям не ходят,
Ни короли не ходят к ним.
Переругались все, как черти,
Текут потоки ерунды,
И, что противно пуще смерти,
Пошли третейские суды.
В грустях от судопроизводства,
Мы в дом, как в нору, залегли,
Но, чтоб осталось с Вами сходство,
Играем тоже в «короли».

Надеюсь, что этого милого занятия достанет до четверга 15/IX, когда мы перебираемся на новые квартиры, и Специя примет нас, как еще живых людей, а не в качестве удавленников от муки. Посылаю Вам наш специальный адрес:

Spezia. Fezzano. Villa Buriassi.

Всего хорошего! Сердечный привет М. Ф. До свидания!

Ваш Ал. Амфитеатров.

Датируется по почт. шт.

[1] Подразумевается широко распространившееся в зарубежной и русской прессе сообщение о встрече Горького с итальянским королем Виктором-Эммануилом III на Капри.

В п. к Короленко Горький писал, что его беседа с итальянским королем — «апокриф» (*XXIX*, 128).

127. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. 21 сентября 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Мы перебрались, и у нас очень хорошо: красиво, комфортно и уединенно. Приезжали бы поскорее! Здесь можно отдохнуть хорошо.

ГОРЬКИЙ НА ВЕРАНДЕ ВИЛЛЫ «СПИНОЛА»
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1910
Музей Горького, Москва

Жаботинский отказался от идеи публиковать свою пьесу [1] — кажется, под влиянием моего письма, в котором я ему указывал, что ему придется пьесу эту защищать и от с. д., и от глупой части интеллигентного еврейства, а вряд ли он найдет орган печати, достаточно смелый, чтобы открыть свои страницы под защиту от двух таких сил. А «Новое время», которое далеко не дурак, искусственно влюбится в «Чужбину», использует ее для травли «жида» и потопит Жаботинского своими симпатиями. Ведь надо же сознать ясно: бытовые обличения «Контрабандистов» [2], даже пьесы Юшкевича и Ш. Аша,— детский лепет сравнительно с этим плачем Иеремии.

Отослал я 2-й том «Девятидесятников» и с приятностью убедился, что роман еще и не начинался, а потому предстоит его еще тома два! Ну и писатель!

В кабинете у меня такой хаос, что смотреть жутко. Недели на две разборки хватит.

Если Вас интересует теперь XVIII век, то имейте в виду, на случай приезда, что «Р〈усская〉 старина» [3] и «Р〈усский〉 архив» [4] имеются у меня с основания до 1907 года полностью и с приложениями. Сейчас они во Флоренции, а в конце недели будут уже здесь. К 15 февраля 1913 года я намерен выпустить «Историю династии Лже-Романовых» [5] и собираю исподволь материал. Все «заделались» историками, Плеханов пишет историю общественной мысли в русском XIX веке [6]. Брал у меня кое-какие материалы. Рубакин — историю литературы новейшей [7] и т. д.

У нас страшные грозы.

Жаль, не знаю, куда задевались открытки, а то бы послал бы Вам вид нашего обиталища. Он — вроде Вашего, но интимнее, потому что

залив много меньше, и живее, потому что порт кипит движением, видишь близко сверху вниз большой город, арсенал 6000 рабочих и пр. Отсутствие Везувия восполняется белыми карарскими горами. До свидания. Всего Вам хорошего. Пишите и приезжайте. Г〈ерман〉 А〈лександрович〉 еще в Bogliasco, лечится у dr. Залманова,[8] а главное, судит и рядит переругавшихся русских.

Ваш А. А.

Датируется по почт. шт.

[1] Пьеса Жаботинского появилась в печати (Чужбина. Комедия в 5 д., СПб. изд. Ц. Крайз, 1910).

[2] «Контрабандисты» — спектакль Суворинского театра по пьесе В. Крылова и С. К. Литвин-Эфрон «Сыны Израиля». См. также: *Г—Ляц*, п. 23.

[3] *«Русская старина»* — ежемесячный исторический журнал, выходил в Петербурге с 1870 по 1918 г.; до 1892 г. журнал редактировал Михаил Иванович *Семевский* (1837—1892) — историк, публицист, автор работ, характеризующих жизнь и быт придворных.

В «Русской старине» печатались неопубликованные тексты Пушкина, Лермонтова, Рылеева и др., материалы русского фольклора, материалы к биографиям. Редакция «Русской старины» при Семевском вела большую работу по сбору ценных источников — о восстании декабристов, о М. А. Бестужеве, художнике И. К. Айвазовском, Т. П. Пассек и др.

[4] *«Русский архив»* — ежемесячный исторический журнал, издавался в Москве с 1863 по 1917 г. Основателем и редактором-издателем журнала был Петр Иванович *Бартенев* (1829—1912) — историк, археограф, библиограф. В «Русском архиве» было опубликовано большое количество исторических и литературных документов XVIII—XIX вв.— о Пушкине, Жуковском, Гоголе, материалы об истории освободительного движения в России — преимущественно о декабристах.

В повести «Жизнь Матвея Кожемякина» Горький использовал литературные материалы XVIII—XIX вв.: «Записки Фридриха Великого о России в первой половине XVIII в.» (Русский архив. 1877. Кн. 1. С. 8 — см.: *11*, 431); И. С. Аксаков «Краткая записка о странниках, или бегунах» (Там же, 1866. Стлб. 637— *11*, 400).

[5] См.: *А—Г*, п. от 12 декабря 1911 г., прим. *4*.

[6] Очевидно, Амфитеатров имеет в виду работу Плеханова «История русской общественной мысли», которую в апреле 1909 г. предложило написать Плеханову изд-во «Мир». Книга вышла в 1914 г.

Материалы к «Истории русской общественной мысли» и «Общий план» работы впервые опубликованы в кн.: Философско-литературное наследие Плеханова. М., 1974. Т. 3.

[7] Николай Александрович *Рубакин* (1862—1946) — русский писатель и библиограф, автор работ по библиографии, истории книжного дела в России. В 1907 г. эмигрировал в Швейцарию, где жил до конца жизни. Ленин, Плеханов, Кропоткин и другие крупные общественные деятели и писатели пользовались книгами его библиотеки (в настоящее время она хранится в Гос. биб-ке СССР им. В. И. Ленина).

Основная работа Рубакина — «Среди книг» (М., 1911—1915, т. 1—3). Рецензируя второй том книги Н. А. Рубакина в 1914 г., Ленин писал: «Автором и его многочисленными сотрудниками, названными в предисловии, затрачен громадный труд и начато чрезвычайно ценное предприятие, которому от души надо пожелать расти и развиваться вширь и вглубь. Особенно ценно, между прочим, то, что автор не исключает ни зарубежных, ни подвергшихся преследованиям изданий. Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись.

Недостаток сочинения — эклектизм автора и недостаточно широкое (вернее, едва только начавшее применяться) обращение к специалистам за сотрудничеством по определенным вопросам» (*В. И. Ленин.* Т. 25. С. 111—114).

[8] Абрам Соломонович *Залманов* (1866—1964) — доктор медицины, автор кн. «Тайна и мудрость тела», «Чудо жизни». Учился в Москве на медицинском факультете. За участие в организации Всероссийской студенческой забастовки в 1899 г. был арестован и сослан. Затем уехал в Германию, где завершил свое образование. В Италии, в местечке Нерви, недалеко от Генуи, стал директором санатория для политэмигрантов. У него лечились Роза Люксембург, Клара Цеткин, Плеханов, бывали Горький, Ленин.

В начале первой империалистической войны вернулся в Россию. После Октябрьской революции работал в Наркомздраве. С октября 1918 г. лечил Ленина, Крупскую и сестер Ленина М. И. и А. И. Ульяновых, бывал в семье Ленина. В 1921 г. уехал за границу.

Залманов был женат на племяннице Лопатина.

128. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Сентябрь, не ранее 23, 1910 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Не попросите ли вы Жаботинского — от моего имени — прислать мне «Чужбину»? [1] Я понял из вашего письма, что в продажу книга эта не поступит, а иметь ее — необходимо! Хорошая книга! Наши эдак редко пишут и совсем не умеют писать так теперь, когда надо бы!

Мне, знаете, жаль, что не выйдет «Чужбина» в публику, жаль! Конечно, вы — правы, «Н〈овое〉 в〈ремя〉» — оближет ее своим гнусным языком, и многие другие сукины сыны ликовать будут, но — есть же где-нибудь на Руси здоровые, честные люди? Это книга — для них.

Вы посмотрите-ка, что пишет Вася Богучарский и как истолковывает его Вас. Розанов! [2] Что, вообще, пишется Н. Минским, Гершензонами [3] и прочими — книга честного человека не может быть неуместной среди этого гнусного шепота могильщиков, которые поносят мертвых, но — боятся их.

Начало истории Т〈арновской〉 мне было известно, и конец ее не удивил меня. Всё может быть, всё!

Колосова — не жалко. Колпинский — несимпатичен мне [4].

Продолжаю прихварывать, это очень противно с непривычки.

Насчет Романовых: вы знаете, что еще Де ля Шетарди считал эту фамилию прекратившейся? Сие обозначено в его депешах, 113-ая страница [5].

Книг-во «Сфинкс» объявляет об издании Ферреро в 5-и томах,— это ваш перевод? [6]

Будьте здоровы!

Не сомневаюсь, что по скорости попаду к вам, а когда — не знаю еще.

Поклон

А. Пешков

Датируется по предыдущему п. Амфитеатрова.

[1] По-видимому, Амфитеатров написал Жаботинскому о просьбе Горького, и тот прислал ему свою пьесу с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову с глубоким уважением Вл. Жаботинский. Одесса. 4/17.XI. 910». Книга хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[2] В. Розанов в ст. «Тьма» (Новое время. 1910. № 12384. 4/17 окт.), критикуя ст. В. Я. Богучарского «Из истории политической борьбы в 80-е гг.» (Русская мысль. 1910. № IV, V, VIII, IX), одновременно яростно нападал и на Чернышевского, и на Добролюбова и обвинял революцию и революционеров в «дикости и самой грубой азиатской элементарности».

[3] Горький имеет в виду ст. М. О. Гершензона «Творческое самосознание» в сб. „Вехи" (М., 1909).

[4] Дмитрий Дмитриевич *Колпинский* (1884—1912) — журналист, знакомый Горького по Нижнему Новгороду. В 1912 г. во Флоренции застрелился (см. п. Горького Е. П. Пешковой — *Арх. Г.* Т. IX. С. 139).

[5] Маркиз *де ла Шетарди*, посол Франции в Петербурге, в п. от 25/14 октября 1740 г. писал: «... еще страннее, что царица, обольщенная мыслию возродить прекратившуюся фамилию Романовых в лице принца Ивана и не будучи в состоянии достигнуть иначе, как при посредстве принцессы Анны — внуке по матери царя Ивана...» (Маркиз де ла Шетарди в России 1740—1742 гг. СПб., 1862. С. 113). Согласно императорскому манифесту от 5 октября 1741 г., дети, рожденные от брака принцессы Анны с принцем Брауншвейгским, имели право наследовать русский престол.

[6] Изд-во «*Сфинкс*» (1907—1914) издавало книги по истории, философии, естествознанию, экономике — в основном иностранных авторов.

В 1908 г. Амфитеатров организовал группу переводчиков труда Г. Ферерро «Величие и падение Рима». Однако перевод оказался плохим, писал позже Амфитеатров, «редакция потребовалась долгая и большая, а тем временем и я во многом у Ферреро разочаровался» (*Амфитеатров*. Т. 5. С. XXVIII).

Работа Ферреро «Величие и падение Рима» в переводе и с предисловием А. А. Захарова в пяти томах издана в Москве М. и С. Сабашниковыми, в 1915—1923 гг. Хранится в *ЛБГ* с пометами Горького (*Описание*).

129. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Конец сентября 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Книга Жаботинского — хорошая книга, самая талантливая вещь из всей антиреволюционной литературы. Много в ней верного, еще больше такого, с чем я никогда не соглашусь, а спорить не стану из чувства глубокого уважения к автору — душе пламенной и полной гневной скорби [1].

Талантливый он человек и — превосходный еврей, да пребудет же таковым во все дни своя!

Читал — смеялся горько и почти ревел от ярости, от нестерпимой жалости к Моте, Макару и другим, слишком хорошо знакомым мне людям. Сколько их, разбитых, проходит предо мною, и немалое число удаляются туда, «иде же несть печалей». Умирают они — виновато улыбаясь. Мученики — виновато улыбаясь!

Молчание. Тяжело говорить.

А у меня — нейрастения начинается. Достиг! Доктор рекомендует настойчиво — не писать, не читать, не ругаться и вообще ничего не делать. Я второй день и не делаю ничего, но — реагирую, а это хуже всех утомляет. Ибо реагировать приходится на такие штуки: писатель Арцыбашев побросал в воду морскую столы, стулья, фонари и еще какие-то предметы — вероятно, у него тоже нейрастения. А «Новое время» — по этому поводу написала нечто анафемски гнусное [2].

Другой писатель привлекается к суду за кражу со взломом, совершенную в пьяном виде. Потерпевшего, сидельца винной лавки, уговаривают: оставь, дядя! А он: нет, не оставлю! Г〈осподина〉 писателя все уважают, *поэтому* я не могу оставить! «Поэтому» — обратите внимание! Тут есть смысл, а?

Чёрт дернул Андреева затеять какую-то киевскую двойную бехгалтерию — черная пресса грегочет в дикой радости: «вот они, вожди ваши!» [3] Текут ручьи бурной грязи и все глубже вырывают овражище между «интеллигенцией и народом». Душа моя болит насквозь. Хоть бы извне откуда свежим дунуло на Русь эту несчастную! А и вне — нехорошо! Прочитайте-ка Фаррера «Цвет цивилизации» [4] — ужасно! А книжка имеет дьявольский успех.

Ну, довольно, наныл! Не моя это специальность, но — терпенья нет! К тому же — нейрастения.

Вот как приеду к вам, украду итальянский броненосец и уеду на оном в разные безбрежные океаны. А пока — до свидания!

С новосельем! Хорошо ли?

Ну как же надоели мне с этим королем? Телеграммы присылали, приходили люди с аппаратами; большеносые эдакие брюнеты, серьезные, останавливали на улицах, любезно улыбаясь, а я им вместо — здравствуйте! — говорил свирепо — Non e vero! * — и сломя голову бежал прочь.

Получил рукопись статьи «Горький и Ракониджи» [5] — с просьбой сказать — что я думаю о ней? Чёрт вас возьми — думаю я.

Есть в этом глупейшем шуме нечто очень противное и удручающее меня весьма. Такие пустяки, в такое сложное время и — возбуждают интерес,— не понимаю, кто же вмещает сие?

Написал пьесу о матери [6]. Залез в историю, читаю XVIII век в России — Шетардиев, Сегюров [7] и прочих иностранцев мемуары. Тяжело!

Желаю всего доброго вам, дорогой!

Будьте здоровы! Книгу вышлю завтра [8].

Поклон Илларии Владимировне.

А. Пешков

* Неправда! (*ит.*)

Датируется по содержанию.

[1] Е. П. Пешковой Горький писал о «Чужбине»: «Жаботинский написал превосходную книгу „Чужбина" — жаль, не хочет ее издавать. Книга стонов и рыданий честного человека о горе народа своего» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 101).

[2] Факты аморального поведения некоторых писателей, широко освещавшиеся в газетах, вызывали постоянную тревогу Горького. Об этом он писал Е. П. Пешковой в октябре 1910 г.: «Из России доходят всё печальные вести, поскольку речь идет о литераторах и литературе. Куприн допился до галлюцинаций. Леонид страдает манией величия в злейшей форме. Его — нестерпимо жалко. Временами он и сам понимает драматизм своего положения. Относятся к нему — насмешливо и грубо: недавно одна дама назвала его в лицо „хамом". Вообще, как видно, литератор совершенно утратил старое обаяние и свой престиж в обществе» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 102).

[3] Горький имеет в виду «историю» постановки пьесы Андреева «Gaudeamus» одновременно в двух драматических театрах Киева. Об этом инциденте сообщалось в ряде газет, в том числе в «Киевской мысли» (1910, № 226, 23 авг.), «Киевском театральном курьере» (1910 № 656, 12 авг.) и др. Андреев выступил в журн. «Театр и искусство» (1910, № 37, 12 сент.) с открытым письмом «Мое объяснение». Изложив «историю» постановки своей пьесы двумя театрами, Андреев писал: «...не видя иного выхода из очень затруднительного положения, я предложил ставить пьесу обоим театрам, уменьшив обычные авторские с 5% до 2% для каждого театра. В случае отказа я решил совсем не ставить пьесу в Киеве. По счастью, оба театра согласились».

Премьера пьесы в театре Соловцова состоялась 31 августа 1910 г., а в театре Бергонье — 3 сентября.

[4] Клод *Фаррер* (Фредерик Шарль Эдуард Баргон) (1876—1957) — французский писатель. Роман «Цвет цивилизации» вышел во Франции, в 1905 г., получил Гонкуровскую премию. На русском языке издан в 1909 г.

[5] О какой рукописи идет речь, установить не удалось.

Ракониджи — местность под Турином, где состоялась встреча Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом III в октябре 1909 г.

[6] «Васса Железнова».

[7] Кн. «Маркиза де ла Шетарди в России 1740—1742 годов» (СПб., 1862) и «Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. 1785—1789» (СПб., 1865) с пометами писателя хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

В повести «Жизнь Матвея Кожемякина» Горький привел цитаты из кн. де ла Шетарди и графа Сегюра в рассказе Марка о том, что чужеземцы писали о русском народе (*11*, 431).

В 1935 г. Горький в п. Я. Б. Гамарнику рекомендовал мемуары Шетарди в качестве материала для хрестоматии по истории России. См.: *Арх Г.* Т. X. Кн. 1. С. 387.

[8] Вероятно, речь идет о пьесе Жаботинского «Чужбина».

130. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. 4 октября 1910 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Вот какое дело и какая большая просьба.

С 1-го января 1911 года будет в городе С.-Петербурге выходить ежемесячный литературно-политический журнал «Современник» [1] с сатирическим отделом в нем «*Сверчок*»: как видите, претензия на пушкинские традиции [2]. Журнал этот будет морально мой и руководиться будет мною. Официальным редактором его явится П. Ф. Боцяновский [3], а официальными издателями В. А. Тихонов (драматург) и М. М. Коялович [4], ведший политический отдел «Руси». Стоить будет 12 р. в год. При 5000 подписке покрывает расходы. Будет паевой для всех сотрудников, число коих предполагается ограниченным. Гонорарная расплата предполагается в таком виде. Журнал принимает на себя обязательство гонорара в том размере, как автор ценится или желает цениться на журнальном и книжном рынке. В этот счет он в текущем году, т. е. 1911, по напечатании уплачивает автору 50—75—100 р. с листа. По истечении года доплачивает остальную часть, поскольку то позволяет наличность кассы, а ежели последняя не покроет расхода, то недоплата

остается на издании висящим долгом 1912 года — к уплате в первую очередь.

Зная меня, Вы знаете, какой вид придать я могу журналу. Общеходовых, затрепанных, модернистских и т. п. имен не будет, ни одного. За «модою» гнаться — ни в коем случае. Словом, ни Потапенки[5] в прошлом, ни Потемкина[6], ни даже Макса Волошина[7] в настоящем. Журнал будет ровный, твердый, социалистический, ясный, внепартийный. Словом, буду вести, поскольку смогу, политически — «Красное знамя» без антицаризма открытого, литературно — утверждение хороших русских традиций реализма в художественном и словесном творчестве. В общественном отделе буду сам много работать, уповаю на Гер⟨мана⟩ Ал⟨ександровича⟩. Еврейство поручу Жаботинскому и открою его отдел для полемики. Словом, это — наспех пишу, а ежели быть делу, устроим подробную запись и сговоримся.

Очень бы, нутром хотелось, дорогой А. М., привлечь Вас к сочувствию и участию в этом деле. Слышу я и чувствую, что из него может и должно вырасти большое и хорошее дело. В академики ни Вы, ни я не годимся, и свою академию, при известной выдержке и энергии, малопомалу — слово даю Вам — сочиним и к дирижерскому пульту станем. Пора взрослым людям по-взрослому заговорить. Десятилетие ученических тетрадок, выдаваемых за литературу, всем опротивело — если публика, с отчаяния, за Вербицкую[8] схватилась, значит, выросла в ней потребность, чтобы с нею по-человечески разговаривали. Вот и дадим ей человеческий разговор серьезной мысли и здравого смысла. Помогите, дорогой! Примкните к начинающему делу хоть маленькими вещами.

Отвечайте поскорее, а еще лучше — приехали бы Вы поскорее. Словами намного быстрее и толковее все объяснить и переговорить. Жду Вас крепко и любовно. Мария Федоровна! Да будет Вам обоим сидеть на выспе Вашей (по-польски острове)! Посмотрите хоть цвет других гор и моря! До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] Кн. 1 ежемесячного журнала литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни «*Современник*» вышла в Петербурге в конце января 1911 г. См. дальнейшую переписку.

[2] «Сверчок» — шутливое прозвище Пушкина в литературном кружке «Арзамас», члены которого получали прозвища, взятые из баллад Жуковского.

[3] Владимир Феофилович *Боцяновский* (1869—1943) — критик, автор первой кн. о Горьком — «Максим Горький. Критико-биографический очерк» (СПб., 1901). Письма Горького В. Ф. Боцяновскому см.: *XXVIII*, 129—130, 139—140. Боцяновский был редактором только первого номера журнала.

[4] Михаил Михайлович *Коялович* (1859—1916) — сотрудник социально-политического отдела журнала, член редколлегии.

[5] Игнатий Николаевич *Потапенко* (1856—1929) — писатель, начал печататься в 1881 г. Широкую известность получила повесть «На действительной службе» (1891). Помимо повестей и рассказов, писал очерки, рецензии, пьесы.

[6] Петр Петрович *Потемкин* (1886—1926) — поэт, драматург, театральный критик. Сотрудничал в журн. «Сатирикон», «Новый сатирикон», «Солнце России», «Аргус», «Синий журнал». В последние годы занимался переводами, писал стихи для детей.

[7] Максимилиан Александрович *Волошин* (1877—1932) — поэт, критик, художник, примыкал к символистам, позднее печатался в журнале акмеистов «Аполлон».

[8] Анастасия Алексеевна *Вербицкая* (1861—1928) — известная романистка. Амфитеатров имеет в виду нашумевший роман «Ключи счастья» (Современный роман. М.: изд. автора, 1909. Кн. 1 и 2). В *ЛБГ* хранятся «Ключи счастья» и другие кн. Вербицкой с дарственными надписями Горькому (*Описание*).

НАДПИСЬ ГОРЬКОГО НА ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ОТКРЫТКЕ АМФИТЕАТРОВУ
Флоренция, 6 октября 1910 г.
Архив Горького, Москва

131. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Флоренция. 6 октября 1910 г.)

Едем!

А когда доедем — не знаю. Ибо по дороге к вам заглянем в Пизу, Сиену, Лукку и еще куда-то[1]. Но — будьте благонадежны и пеките пирог. О дне, когда его печь,— сообщим срочной депешей по кабелю.

Мы.

На лицевой стороне открытки шуточная приписка Горького:

В этой комнате, за этим столом написано это письмо.
Знай наших!

Наружный вид внутренностей отеля Гельвеция во Флоренции.

Датируется по почт. шт.

[1] 1 октября 1910 г. Горький с З. А. Пешковым отправились в путешествие по северной Италии. Они посетили Флоренцию, Пизу, Лукку, затем Горький был несколько дней в Специи, куда, как писал он Е. П. Пешковой, его призвала необходимость «видеть Амфитеатрова и еще кое-кого» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 97). Из Специи Горький выехал в Сиену и 22 октября 1910 г. вернулся на Капри (*Дн. Пятницкого*).

О необходимости этой поездки Горького М. Ф. Андреева писала Амфитеатрову 2 октября 1910 г.: «...Нервы А. М. в ужасном состоянии, он почти не спит, ест еще меньше обычного, бледен. Прошлогодняя школа — нравственный разрыв с Луначарским, Богдановым, которых он и по сейчас очень высоко ставит как талантливых людей, а Богданова считает выдающимся ученым, усиленная работа при условии, что чуть не каждую написанную страницу у него из рук рвет К. П., тогда как самому А. М. хотелось бы задержать ее, поработать еще, дать полежать написанной вещи, и многое еще другое, ежедневное, мелкое, но волнующее и неприятное... А главное и прежде всего — общее положение дел в России, падения и крушения, общее положение литературы русской и г.г. литераторы — всё это доконало даже и его крепкую натуру... И доктора очень значительно заявили мне о необходимости немедленного отдыха, полной смены обстановки...» (*М. Ф. Андреева.* С. 185—187).

132. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Пиза. 9 октября 1910 г.)

Мы уже в Пизе.

Лазили на башню [1], смотрели Гоццоли [2], завтра — Лукку, а оттуда — к вам. Ноги устают.

А. Пешков

Датируется по почт. шт.

[1] Горький приехал в Пизу 9 октября 1910 г., откуда 10 октября выехал в Лукку.
[2] Беноццо *Гоццоли* (Gozzoli, 1420—1498) — флорентийский живописец. Горький имеет в виду 22 стенных фрески в Кампо Санто в Пизе, где художник изобразил события Ветхого завета от Ноя до Моисея.

133. ГОРЬКИЙ И ДР.— АМФИТЕАТРОВУ, Г. А. ЛОПАТИНУ

(Капри. 1 ноября 1910 г.)

Грустим, нет Вас, привет Александру, Илларии со чадами и большому Герману.

Лидия, Зиновий, Алексей, Мария [1]

Подлинник хранится в ЦГАЛИ (ф. 34), *в АГ* — фотокопия.
Датируется по помете на телеграфном бланке.
Текст написан латинскими буквами.

[1] Кроме Горького и М. Ф. Андреевой, телеграмму подписали З. А. Пешков и его жена — Лидия Петровна *Пешкова* (урожд. Бураго) (1889—1956).

134. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Ноябрь, не позднее 5, 1910 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю книжку Алексея Толстого. Прочитав — возвратите, прошу [1].

Посылаю камею для Ил. Вл. Человек с немецким лицом, одет в средневековый костюм, греческая надпись на камее гласит: «Изакеия». Это, может быть, Изаак, композитор-немец, живший при дворе Лаврентия Медичи и написавший музыку на текст драмы Великолепного «San Jiovanni e Paolo». Сие, конечно, догадка [2].

Деревья на днях будут высланы из Неаполя.

Великое вам спасибо за «Рус‹ский› арх‹ив›» — очень интересные томики и весьма мне на пользу. Ах, милостивец! Верьте: не токмо подарок дорог, но того паче — любовь ваша человечья!

О рассказе для «Совр.» думаю. Не могу остановиться на теме. Напишу скоро.

А не следует ли вам прочитать тихоновский роман до печати? [3]

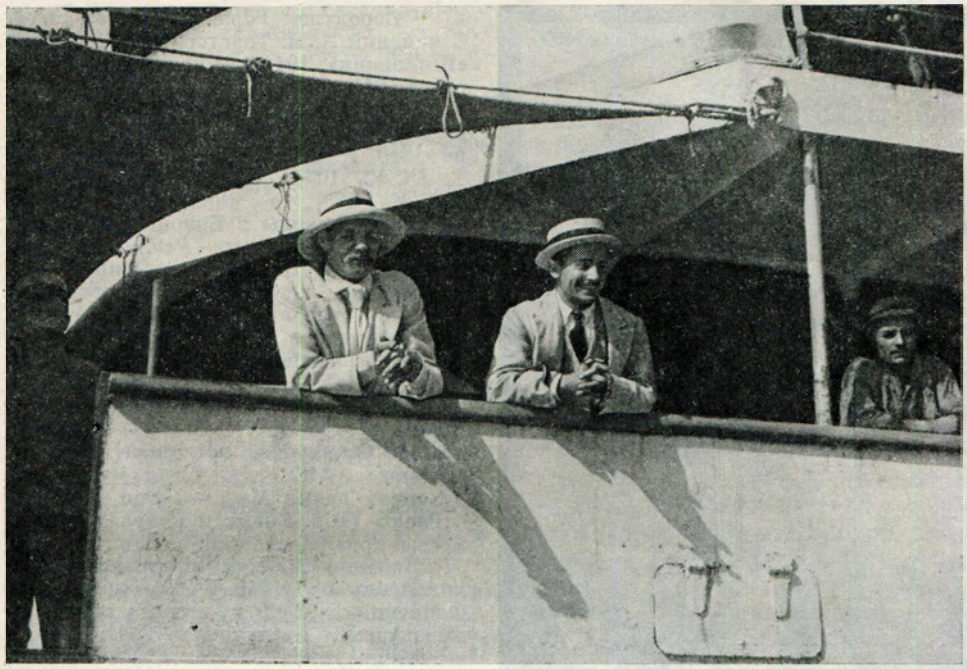
Скоропалительные наши молодожены находятся в состоянии непрерывного и немого удивления друг пред другом — кроме сего, что́ сообщить о них?

На воскресенье назначен ими прием поздравлений — это будет грандиозно! Явится сотни три людей, а то и больше. Факт [4].

Каприйцы отнеслись и относятся к этому скоропостижному браку изумительно: мы просто потерялись и не знаем как, чем благодарить за такое милое, трогательное до слез внимание! Хорош здесь народ! Аминь.

Сообщите, получены ли вами последние издания «Знания» — Сургучев, Шмелев, «Чудаки», Роллан? Обязательно сообщите. Обращаю внимание ваше на Сургучева [5].

А Михайло Арцыбашев перелеонидил-таки Андреева в пессимизме — во сто лошадиных сил пессимизм пущен! В помощь взяты Толстой с



ГОРЬКИЙ И З. А. ПЕШКОВ НА БОРТУ ПАРОХОДА ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДКИ ИЗ НЕАПОЛЯ НА КАПРИ

Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1910

Музей Горького, Москва

Достоевским. «Смерть Ивана Ильича» пространно искажена, Кириллов выворочен наизнанку, Рогожин изувечен, свидригайловщина привлечена и — получилась окрошка совершенно несъедобная, на мой вкус. Называется эта махинация «У последней черты злости и глупости»[6].

Фамилия кланяется. Все заняты приготовлениями к воскресенью, устают и к вечеру ходят, высунув языки.

Прочитал «Гаудеамус»[7]. Кокетственно, нарочито, а все же талантливо. А вот «Нагая наложница» Бласко Ибаньеса — хорошо![8] Это — серьезно, это — умно, это — талант! И хорош III-й том Ш. Алейхема[9].

Будьте здоровеньки! А Фиников — прав: вино у вас кислое. Много пить его — не стоит оно этой чести.

Вот я и уязвил вас!

В заключение — телеграфический анекдот — фраза вашей телеграммы «не понимаем, куда поехали» — весьма меня смутила, ибо «о» из слова «поехали» выпало по дороге. И вопрос ваш был понят не сразу. Да останется комическое сие событие между нами.

Не позабудьте, дорогой, выписать мне отцов церкви, особенно же Тертуллиана и Иринея![10]

Сердечный привет любимому Герману Александровичу, Илларии Владимировне, детям и всей нижней палате!

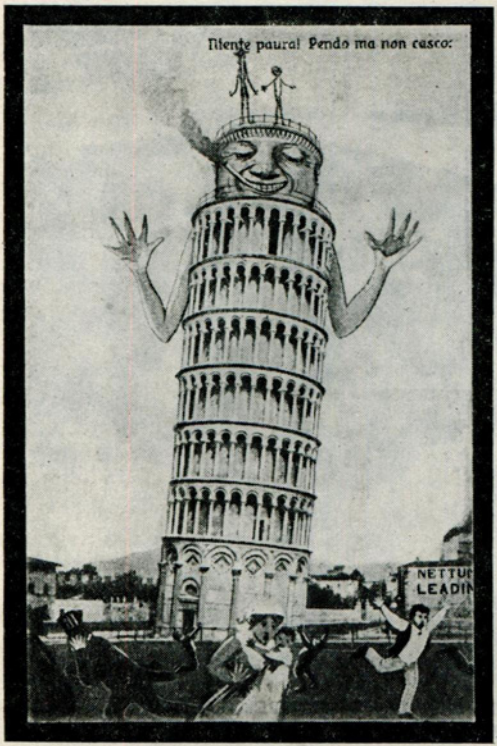
Очень палата эта по душе мне пришлась!

Всех благ!

А. Пешков

Пожалуйста, пришлите мне оставленные у вас Богдановым — как вы говорили — книги Френсена[11]. Видите — какой он? Получил уже премию Нобеля, а у нас — не читают!

Датируется на основании п. Амфитеатрова от 7 ноября 1910 г.



ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ОТКРЫТКА, ПОСЛАННАЯ ГОРЬКИМ АМФИТЕАТРОВУ

Пиза, 9 октября 1910 г.

Архив Горького, Москва

[1] Вероятно, Горький послал т. 1 Сочинений А. Н. Толстого (СПб., изд-во «Шиповник», 1911; вышел в свет в октябре 1910 г.).

О А. Н. Толстом как многообещающем художнике Горький писал в ноябре 1910 г. Е. П. Пешковой (*Арх. Г.* Т. IX. С. 104), М. М. Коцюбинскому (*XXIX*, 138), а также слушателям партийной школы в Болонье: «Обратите его (Луначарского.– *Ред.*) внимание на нового Толстого. Алексея – писателя, несомненно, крупного, сильного и с жесткой правдивостью изображающего психическое и экономическое разложение современного дворянства» (Там же, 142).

[2] Речь идет о композиторе Генрике *Изааке* (1445–1517). В 1484–1495 гг. жил во Флоренции, при дворе Лоренцо Медичи, в 1488 г. написал музыку к духовной драме Медичи «San Jiovanni e Paolo» («Св. Иоанн и Павел»), писал мессы, хоралы, светские песни.

Лоренцо *Медичи*, прозванный Великолепным (1449–1492),– правитель Флоренции с 1469 г., видный политик, выдающийся итальянский поэт, покровитель искусств.

[3] Роман В. А. Тихонова «Карьера» был принят в «Современник» без предварительного чтения рукописи членами редакции. Печатался в № 1–6 журнала за 1911 г.

[4] Горький имеет в виду З. А. и Л. П. Пешковых, бракосочетание которых состоялось в Неаполе, во время пребывания там Горького и М. Ф. Андреевой 29–31 октября. 16–29 октября 1910 г. Пятницкий записал в дневнике: «Неожиданно уезжают в Неаполь Горький и Зиновий. Встречать невесту. Там же будет свадьба» (*АГ*). Прием поздравлений по случаю свадьбы состоялся в воскресенье, 6 ноября (Там же).

[5] Речь идет о книгах, выпущенных изд-вом «Знание»: *Сургучев И.* Рассказы. СПб., 1910. Т. 1; *Шмелев И.* Рассказы. СПб., 1910. Т. 1; *Роллан Р.* Народный театр / Пер. с франц. И. Гольдеберга. СПб., 1910; пьеса Горького «Чудаки» была напечатана в XXII *сб.* «*Знания*» (СПб., 1910).

[6] Горький пишет о романе Арцыбашева «У последней черты», опубликованном в сб. «Земля» (М., 1910). Критика отмечала глубокий пессимизм и фальшь романа Арцыбашева. Горький писал о романе Е. П. Пешковой в ноябре 1910 г. (см.: *Арх. Г.* Т. IX. С. 101, 104), Короленко: «Читали Вы „У последней черты“? Я не люблю Арцыбашева, он — талантлив, конечно, но мне кажется неумным и болезненно злым. Эта повесть окончательно убила во мне остатки интереса к нему: франт, но — весь в чужом! Нахватал у Толстого, у Достоевского ⟨...⟩ все искажает, мнет и, кажется, делает это только для того, чтобы перелеонидить Андреева в пессимизме» (*Горький и Короленко*. С. 64).

[7] Пьеса Андреева «Gaudeamus» (Gaudeamus (*лат.*) — возрадуемтесь — название старинной студенческой песни) опубликована в альманахе изд-ва «Шиповник» (СПб., 1910, кн. 13). Премьера пьесы состоялась в Новом драматическом театре в Петербурге 16 сентября 1910 г. Большинство рецензентов писали, что пьеса ниже таланта Андреева. Однако в 1912 г. пьесы «Gaudeamus» Андреева и «Васса Железнова» Горького получили Грибоедовскую премию от Московского общества драматических писателей и оперных композиторов (Речь. 1912. № 42. 13 февр.).

[8] Висенте *Бласко Ибаньес* (1867—1928) — испанский писатель и политический деятель. В 1906—1909 гг. создал цикл философско-психологических романов: «Нагая маха» (1906) (у Горького — « Нагая наложница »), «Мертвые повелевают» (1909), «Луна Бенатор» (1909).

[9] В третий том Собрания сочинений Шолома-Алейхема в изд-ве «Современные проблемы» (М., 1910) вошли рассказы «Маленькие люди» с предисловием автора. Амфитеатров высоко оценил вышедший том Собрания сочинений Шолом-Алейхема (Одесские новости. 1910. № 8070. 20 марта / 2 апр.).

[10] Речь идет о кн. «Сочинения святого Иринея, епископа Лионского» и «Творения Тертуллиана, христианского писателя в конце второго и в начале третьего века» (пер. Е. Карнеева; СПб., 1847—1850, ч. 1—4). Книги с пометами Горького хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[11] Густав *Френссен* (1863—1945) — немецкий писатель. Один из наиболее ярких представителей немецкого так называемого «патриотического искусства», Френссен после 1933 г. проповедовал в своем творчестве идеологию фашизма. О каких книгах спрашивает Горький, установить не удалось. Возможно, имеется в виду роман Френссена «Hilligenlei» (1906). Нобелевскую премию Френссен не получил.

135. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Fezzano. 7 ноября 1910 г.›

Дорогой Алексей Максимович.

Алексеем Толстым я не то что изумлен, восхищен, а просто раздавлен. Это такая сила прет, что я даже не знаю, чего от него ожидать можно. Какой-то словесный Роден, чтобы не побеспокоить — оставить про запас — тень Микель Анджело. Есть страницы, от которых пахнет не то что огромным талантом, а, даже страшно вымолвить, прямо-таки гением. Спасибище Вам, что Вы меня с ним познакомили. Черт его побери, чудовище эдакое, потому что он-таки чудовище же великолепное! Прямо в родню, к однофамильцу своему так и лезет — и в лучшую того пору! Ведь это же «Холстомер» в глаза глядит, «Поликушка», «Два гусара». Грандиозные задатки у человека. Неужели он из кузминской и пр. компании?[1] Не могу понять. Что делать сему в компании сладострастных насекомых? Знаю, надо его перечитать[2].

Сургучев мне понравился весьма. Хороший акварелист и жизнерадостный человек. Я написал о нем немножко. Я хочу звать его в «Современник».

Мне очень понравилась Ваша «Встреча». Я люблю этот тон быстрых и коротких одноактных бытовых вещей,— Ил. Вл. от нее в восторге и пророчит ей театральную судьбу «Завтрака у предводителя»[3].

Шмелева не получал, а Полит‹ическую› экон‹омию› Богданова и Степанова, да[4].

Чертовы телеграфщики! Из-за них никогда ничего хорошего нельзя сказать добрым людям. Хотел телеграфировать молодым:[5]

— Благослови Вас бог, а я не виноват!

Да ведь пришло бы что-нибудь столь несуразное, что и не понять.

Кончил вчера 2-й том «Зверя». Устал, как божья тварь.

До свидания. Я думаю, Вы и М. Ф. с праздниками с ног сбились? Всего Вам обоим хорошего! Молодым совет да любовь. У нас все в порядке.

Ваш Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] Амфитеатров имеет в виду дружеские отношения А. Толстого с М. Кузминым.

[2] В ст. «Новая сила» Амфитеатров высоко оценил творчество А. Н. Толстого. Он писал, что А. Н. Толстой «истинный антипод г. Арцыбашева», что ни Чехов, ни Горький, ни Андреев «не научили его своим песням» и что талант Алексея Толстого напоминает «другого великого однофамильца своего, Льва Толстого, Толстого — 30-летнего автора „Холстомера“, „Двух гусаров“, „Поликушки“» (*Амфитеатров*. Т. 15. С. 391, 345).

[3] «Завтрак у предводителя» написан Тургеневым в 1849 г. М. С. Щепкин привез пьесу из Франции для журн. «Современник». Однако пьесу задержала цензура. Напечатать ее удалось в журн. «Современник» только в 1856 г. (кн. VIII).

Театральная цензура проявила снисходительность и одобрила пьесу. Цензор представил комедию Тургенева как простую картину провинциальных нравов. Поставили пьесу в декабре 1849 г. в Петербурге, на сцене Александринского театра, в бенефис Каратыгина. До появления в печати пьеса Тургенева распространялась в списках, читалась на литературных вечерах. Ф. Кони в рецензии на пьесу писал, что это «бесспорно лучшее произведение из всех, какие в последние два года

являлись на русской сцене» (Пантеон и репертуар русской сцены. СПб., 1850. Кн. 1. Отд. VII. С. 26—27).

[4] *Богданов А., Степанов И.* Курс политической экономии. СПб.: изд-во «Знание», 1910.

[5] З. А. и Л. П. Пешковым.

136. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Ноябрь, не ранее 14, 1910 г.)

Дорогой и большущий друг!

Посылаю рукопись (наброски). Если дело пойдет — дам еще жалобу кущца, коя, думаю, будет более забавна и не столь груба. С офицером я не сладил: не удалось развернуть с достаточной ясностью путаницу в его ошеломленных испугом мозгах [1].

Но — если б вы знали, как мне трудно писать и с каким усилием я отрываюсь от своей темы!

А тут еще обезумела природа: небо прокисло, стало подобно овсяному киселю, тает, рвется, и в дырья его садит неистовый ветер, опрокидывая все, что можно. Море — воет, все качается, двери хлопают, во все щели плещет дождь — кавардак со стихиями! И — уверяю вас! — в этом виноват Арцыбашев.

По ночам в небо выкатывается луна, вид у нее простуженный, распухший, улыбочка кисленькая и критическая. Но тотчас на нас, как нищие на семишник, бросаются, наваливаются тучи и давят, гасят, растирают по мокрому небу в желтовато-тусклое пятно. И — все носится ветер, точно у него жена сбежала, захватив с собой последние в доме 16 рублей, но оставив трех дочек в коклюше и сынка с золотухой. Пароход из Неаполя не ходит к нам, прошлый раз подпрыгнул, поплевался черным горьким дымом и — ушел обратно.

Третий день нет почты, а итальянцы злорадно уверяют меня, что Лев Толстой с монашенкой сбежал, Софья же Андреевна будто отравилась. Не верю,— ибо — напечатано в газетах [2].

И что Лев Львович гениальный скульптор [3] — не верю, хоть на кол посадите!

А «Деревню» Бунина [4] надобно вам прочитать, факт! Он развертывается как превосходнейший прозаик. Только — густо очень.

Рекомендую вниманию вашему «Мелкого беса» Генриха Манна [5], это — значительно, а Сологуб — старый паяц, и Редька уязвила его насмерть.

Ах, господи боже, до чего это противно и гнилостно, прокаженно и нищенски-жалобно!

Напишите мне, как творится «Современник» и какие новости в этой стороне.

Если же ветер не перестанет — прощайте! — возьму в руки зонтик, раскрою его и улечу куда-нибудь за грань миров, где бы не дуло мне в коленки и не грозил ревматизм, подагра, проказа и прочие беды.

И не свистело бы в ушах мережковским голосом, и не стучало бы в окна философским тупым языком, и — до свидания.

А. Пешков

Датируется по содержанию и по сопоставлению со следующим письмом.

[1] Речь идет о рассказе Горького «Жалобы» (I) для кн. 1 «Современника». Офицер Швецов — главный персонаж рассказа.

[2] Точное известие об уходе Толстого из Ясной Поляны Горький получил только 16 ноября (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 159), хотя слухи об этом распространялись с 11 ноября. Первые сообщения об уходе Толстого появились в русских газетах 30 октября/12 ноября 1910 г. 31 октября/13 ноября передавались подробности о маршруте Толстого, в частности о его посещении сестры, М. Н. Толстой в Оптиной пустыни.

Горький оценил уход Толстого скептически. «Горький в уходе видит желание

вознести, укрепить себя в глазах людей как нечто непогрешимое. Говорит об этом с неприязнью»,— записал Пятницкий в дневнике 24 ноября/7 декабря 1910 г. (*АГ*) Позднее в очерке «О С. А. Толстой» Горький писал: «По моему мнению, Льву Николаевичу Толстому вообще и никогда не следовало уходить, а те люди, которые помогали ему в этом, поступили бы более разумно, если бы помешали этому. „Уход" Толстого сократил его жизнь, ценную до последней минуты,— вот неоспоримый факт» (*16*, 372). Подробнее об этом см.: *Бялик Б.* Великое слово. М., 1981. С. 107—109.

[3] Горький относился к Л. Л. Толстому отрицательно, см. его п. к Ф. Д. Батюшкову (*XXVIII*, 276—277), а также п. Л. Л. Толстому (*АГ*).

Л. Л. Толстой в 1908—1909 гг. увлекался скульптурой, учился у О. Родена.

[4] Речь идет о второй части повести «Деревня» (Современный мир. 1910. № 10). См. п. Горького Бунину от 9 ноября 1910 г. (*Горьк. чт.* 1961. С. 49—50). Третья часть повести была напечатана в № 11 «Современного мира». Отдельной книжкой повесть издана Московским книгоизд-вом (1910).

Бунин писал: «Популярность моя началась с того времени, когда я напечатал свою „Деревню". Это было начало целого ряда моих произведений, резко рисовавших русскую душу, ее светлые и темные, часто трагические основы. В русской критике и среди русской интеллигенции, где, по причине незнания народа или политических соображений, народ почти всегда идеализировался, эти «беспощадные» произведения мои вызвали страстные враждебные отклики. В эти годы я чувствовал, как с каждым днем все более крепнут мои литературные силы» (*Бунин И. А.* Предисловие к кн. «Весной в Иудее — Роза Иерихона». Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1953).

Многие рецензии на повесть Бунина «Деревня» были отрицательны. См.: Летопись литературных событий // *Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917 г.* С. 469—470.

[5] Роман Г. Манна «Учитель Унрат» вышел на немецком языке в 1905 г. На русском языке под названием «Мелкий бес» — в Собр. соч., т. IV. (М., изд-во «Современные проблемы», 1910; пер. В. М. Фриче).

137. ГОРЬКИЙ — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

(Капри. Ноябрь, не ранее 14, 1910 г.)

См. публикацию Д. Нормана и В. Эджертона.

138. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1910.XI.14

Дорогой Алексей Максимович.

Так взволнован «концом Толстого»[1], что не могу ни о чем другом думать. Если это не кончится полицейско-Софьиной комедией, то это — начало религии... Помните, что я в «Современниках» писал[2].

Молодчина старик! Честно загнул конец свой. Лишь бы не испакостили родня и сердобольные друзья.

Прочитал три тома стихов Бунина[3]. Не надо. Мертвечина. Дай ему бог здоровья и чин президента академии наук, а стихи пусть кто-нибудь другой пишет. Это не поэзия, а версификация.

Нет, какая же силища старика-то? А?.. Кругом, кругом вышел хорошо. Вы представить себе не можете, как я рад... Большая это грусть — Толстого не любить и в него не верить. И вдруг —

И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь...

Хорошо, Алексей Максимович! Хорошие русские люди, добротный народ!

Прочитал Аверченка «Веселые устрицы»[4]. Вот дрянь-то! Только и хватило, что на 5 минут!

А о Бунине Вашем написал стихи.

Прочитан Бунин. Как шершавый куль,
Плохие рифмы волоклись и вязли.
Весной поет над розами буль-буль *.
В Одессе есть миллионер Маразли.

* соловей (*перс.*).

Велик поэт. Созвучных скрипов царь,
Он важен, как Анубисова крипта [5].
Но — «Энциклопедический словарь»
Необходим к сим таинствам Египта.

Надеюсь, оцените рифмы и точки среди стиха.
Всё хорошо, всё шутки... А где-то старый Лев бродит?
Привет Марии Федоровне и молодым!
Всего Вам, дорогой, хорошего [6].

Ваш Амфитеатров

[1] Речь идет об уходе Толстого из Ясной Поляны.

[2] Амфитеатров имеет в виду свою ст. «Лев Толстой», где он писал: «Необходимость осветить свою жизнь и освятить свою проповедь личным страданием Лев Толстой понимал очень хорошо уже в давнее время. Если хотите, его главное страдание — что он чужд страданиям, не „потерпел за веру". Были случаи, что он упрямо добивался гонений, открыто призывал их» (*Амфитеатров А.* Современники. М., 1909. С. 59).

[3] Имеется в виду т. 2, 3 и 4 Собрания сочинений Бунина, в которые вошли его стихотворения за 1903—1908 гг. (2-е изд., СПб., изд-во «Знание», 1909).

[4] Аркадий Тимофеевич *Аверченко* (1881—1925) — писатель. Автор юмористических рассказов, фельетонов, пьес. Сотрудничал в журн. «Сатирикон», с 1913 г. редактор «Нового сатирикона». После революции эмигрировал.
«Веселые устрицы» — сборник юмористических рассказов (СПб., 1910).

[5] Анибус — в древнеегипетской мифологии бог-покровитель мертвых. Крипта — подземный ход.

[6] Это стихотворение опубликовано. Газетная вырезка, без обозначения библиографических данных, хранится в *ЦГАЛИ* (ф. 66) в коллекции, собранной И. А. Белоусовым.

139. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 17 ноября 1910 г.)

Бесстыдно и неукротимо реву, как только представлю себе его лежащим лицом в небо, с руками, сложенными на груди, и эти монгольские скулы, по которым уже не побежит его большая умная улыбка [1]. Вот она — монашенка! Пришла и увела — навсегда. Почему, ну почему мне, когда я прочитал о его уходе из дома, представилось, что идет он по киевскому шоссе и — монашенка рядом, черная монашенка выше его ростом?

Чувствую себя сиротой. С утра сижу, пишу о нем, чтоб хоть так немного погасить тоску. Написал Короленке [2], вот вам пишу теперь и, с поражающей ясностью, вижу эту милую маленькую, угловатую фигуру, с большущей головой.

Вы правы, конечно, теперь начнут «творить легенду», и это будет противно, будет вредно для страны.

Не святой он, а человек, который даже и нам, не согласным с ним, был и ближе, и дороже бога, был милее и понятней всех святых. Дивная гордость наша, колокол правды, на весь мир гремевший,— замолк! И — когда? Уже и без этого горя мы согнуты даже до земли.

Национальный гений ушел из жизни нашей.

А тут еще представляешь неизбежное это звериное рыкание и хрюканье скотское, кое поднимается у гроба его, и лицемерный плач тех, кто считает себя наследниками его души — его необъятной души!

Вот когда захотелось мне в Россию, чтобы там, на месте, на ярмарке лицемерия, тщеславия и всякой скверны сказать — цыц!

Невыносимо тоскливо, и не глаза — сердце плачет. Какой конец! Как это многозначительно и глубоко вышло у него. Осиротела Русь. Эх, А. В., прокляты мы, брат, каким-то злым проклятием.

Жди третьей смерти — это всегда так бывает: трое уходят один за другим. Вот и теперь Муромцев [3], Толстой и — еще кто-нибудь по скорости за ними отойдет.

А мы останемся, и дело наше — с нами.

Нам — бороться против религиозной легенды.

Вижу соотечественников: ходят друг к другу и рассуждают: как — служить панихиды али нельзя? С одной стороны — следует: демонстрация, с другой — не следует: не церковник [4]. Очень мучаются, наверное, болваны.

Ко мне уже заявились корреспонденты, интервьюэры, подают телеграммы. Я ничего не буду писать о нем, ни здесь, ни в России. Не могу. И венка — не возложу: все это не идет к нему, все может оскорбить его великую память.

А. Пешков

Сейчас получено известие, что слух о смерти ложен. Не знаю, чему верить. Перевернуло меня кверху ногами, и в голове — сумбур.

У нас здесь творится необычное: хронический какой-то ураган. Все ломает и бьет людей. Даже наш остров сотрясая, чего с ним никогда не бывало. В порту Неаполя множество несчастий. А в океане, на расстоянии трех дней пути от Нью-Йорка,— что-то взорвалось — читали? Возмущены стихии или радуются? Стихийный человек кончается.

Датируется по содержанию.

[1] В ночь на 4/17 ноября 1910 г. распространилось ложное известие о смерти Толстого. «Около часу ночи редакции газет были встревожены полученным из Москвы слухом о роковом исходе болезни Толстого. После тщательной проверки, длившейся до половины четвертого ночи, выяснилось, что из Астапова телеграммы с этими страшными известиями не было. Срочные телеграммы из Москвы подтвердили, что и там такого известия нет. Телеграфные сношения с Астаповым крайне затруднены ввиду огромного нашествия корреспондентов»,— говорилось в сообщении «Речи» (1910, № 303, 4/17 нояб.). В этот день, 4/17 ноября, Горький получил телеграмму о смерти Толстого от Д. Чена (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 160).

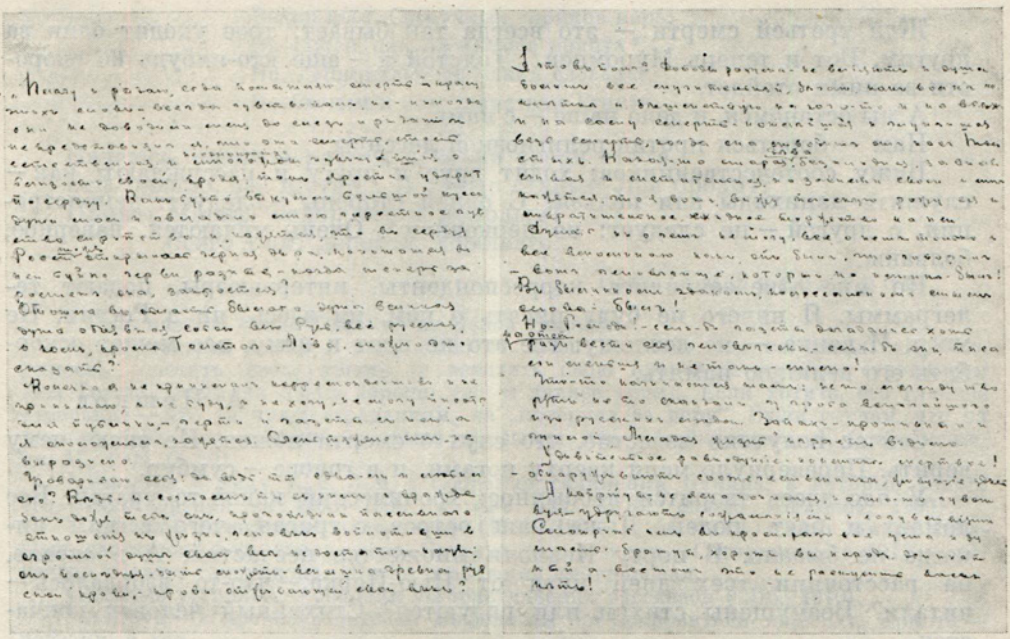
[2] Потрясенный известиями об уходе и смерти Толстого, Горький, 16 и 17 ноября пытался писать В. Г. Короленко. Письмо не было закончено и отправлено адресату. В 1919 г., работая над воспоминаниями о Толстом, Горький включил это письмо в текст очерка. Он писал: «Печатаю письмо, не исправляя в нем ни слова, таким, как оно было написано тогда. И не заканчиваю его, этого почему-то нельзя сделать» (*16*, 260).

Ленин в ст. «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба» писал о мировом значении Толстого, о слабых и сильных сторонах его гения, он призывал рабочий класс, изучая художественные произведения Льва Толстого, лучше узнать своих врагов, и, разобравшись в учении Толстого, понять собственную слабость, понять, чтобы идти вперед. Он писал: «Этому-то движению вперед мешают все те, кто объявляет Толстого „общей совестью", „учителем жизни". Это — ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого. Эту ложь о Толстом, как „учителе жизни", повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы» (*В. И. Ленин*. Т. 20. С. 71).

Отношение к смерти Толстого, уходу из жизни национального гения выразили и рабочие депутаты III Государственной думы, они телеграфировали в Астапово: «Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства российского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого и непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых» (Речь. 1910. № 307. 8 нояб.)

[3] Сергей Андреевич *Муромцев* (1850—1910) — профессор, юрист, один из основателей и член ЦК кадетской партии, председатель I Государственной думы, после ее роспуска подписал «Выборгское воззвание», призывавшее к пассивному сопротивлению правительству. Был осужден на три месяца тюремного заключения, умер 4/17 октября 1910 г.

[4] Л. Н. Толстой был «отлучен» от православной церкви «Определением» святейшего синода от 20—22 февраля 1901 г. (Церковные ведомости. 1901. № 8). Одновременно цензура запретила «обсуждение» этого постановления синода в печати, а затем было запрещено помещение приветствий Толстому.



140. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1910.XI.21

Дорогой Алексей Максимович.

Сердечное спасибо за «Жалобы». Мне этот рассказ нравится — особенно как первая часть серии, которую Вы намерены сделать. Это будет превосходно.

Вчера получил коллективную телеграмму от «Современника», что объявление уже выпущено. Примкнули к редакции Лукашевич и Водовозов [1]. Написал я Волховскому, чтобы повидался с Зангвиллем и пригласил его [2].

Читаю в газетах о Ваших болезнях и беспокойствах по поводу приключений Л. Н. Толстого [3]. Охота Вам принимать всех этих газетных болтушек!

Бунин Ваш в прозе VI-го тома своих сочинений мне нравится, но поэт он такой же, как я столяр [4]. Это не творчество, а клейка виршей.

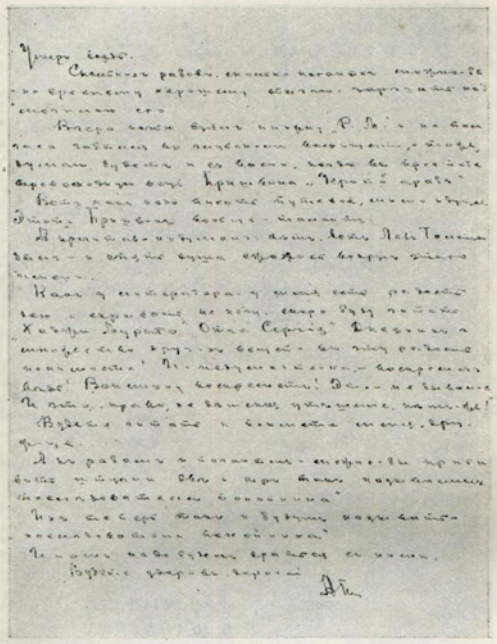
Напечатал я «О Шаляпине» [5]. Вероятно, поссорился там с ним, хотя — наши говорят — «ежели умный человек, то поймет».

Книги получаю отовсюду, кроме своих собственных издательств! Так что мое язвительное ликование по поводу «Княгини Насти», которой я так и не видел в «Знании», уменьшается, очевидно, это всеобщий недуг больших издательств.

Очень приятно мне, что «Современник» был в состоянии обойтись без семеновского капитала [6]. Явился некто Певин [7] из Екатеринбурга, дал денег (сколько еще не знаю) и строит типографию. Говорит: смысля дело, полагаю, что в убытке не останусь.

Вокруг Л. Н. милая русская газетная публика разыграла такую пошлую фарсовую оргию, что я отказался писать об этом событии. Ну и времячко, и народец! Не удивлюсь, если завтра увижу рисунки «Умирающий Толстой» (шарж).

«Утро России», как ни в чем не бывало, разлетелось ко мне с весьма широкими предложениями. Даже и отвечать не стану.



ПИСЬМА ГОРЬКОГО АМФИТЕАТРОВУ ОТ 21 И 22 ИЛИ 23 НОЯБРЯ 1910 Г.

Капри

Архив Горького, Москва

До свидания, дорогой! Привет Марии Федоровне и всем, святым дома Цезарева.

Не хвалимся мерзостями погоды. У нас было землетрясение — и промолчали.

[1] Иосиф Дементьевич *Лукашевич* (Юзеф) (1863—1928) — революционер-народник. За участие к подготовке покушения на Александра III был приговорен к смертной казни (1887). Казнь была заменена бессрочным заключением в Шлиссельбургскую крепость. Освобожден в 1905 г. С 1920 г. профессор геологии Вильнюсского университета.

Василий Васильевич *Водовозов* (1864—1933) — публицист, общественный деятель, сотрудник журн. «Современник».

[2] Израэль *Зангвилль* (1864—1924) — еврейский писатель. Родился и жил в Англии. П. Амфитеатрова Зангвиллю с приглашением сотрудничать в журн. «Современник» см. в *ЦГАЛИ* (ф. 34).

[3] Горький не принимал репортеров многочисленных газет, которые обращались к нему с просьбой написать о Толстом или дать интервью, однако в прессе публиковались различные вымышленные сообщения. М. Ф. Андреева писала Р. П. Авраамову 18—19 октября: «...мы совершенно выбиты из колеи известием о Толстом, А. М. даже захворал, ни о чем не может говорить, не может работать и жестоко страдает, читая всякие пошлости в русских и иностранных газетах. В „Маттино" напечатали интервью, которого, конечно, не было,— заходили какие-то два господина и просили об интервью, им отказали. Потом они пришли сообщить, что сведения о смерти Толстого неверны, по полученным известиям он тяжело болен. Их приняли ровно на две минуты, расспросили, в каких выражениях получена телеграмма, и они ушли, в результате — три столбца интервью нелепейшего свойства! И так — всегда...» (*М. Ф. Андреева*. С. 188).

[4] Первые пять томов Собрания сочинений Бунина изданы изд-вом «Знание» (СПб., 1902—1909); шестой том («Стихотворения и рассказы 1907—1909 г.») — изд-вом «Общественная польза» (СПб., 1910).

[5] В ст. «О Шаляпине», написанной в связи с сообщением о том, что в России казенные театры готовят к постановке оперу Массне «Дон-Кихот», Амфитеатров резко отзывался о музыке Массне. Он писал, что для Шаляпина унизительно петь в этой опере, и если он вынужден это делать, чтобы открыть дорогу русскому искусству, то это «геройская жертва, но бесполезная». И далее: «...пора Шаляпину быть господином своего гения и вести свое искусство по тем прекрасным светлым путям, о которых он так чудно, так обаятельно, так справедливо и метко говорит (...) Тот, кто научил публику любить и понимать Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, кто пересоздал и облагородил „Демона" Рубинштейна, не может способствовать тому, чтобы уши русской публики засорялись „Дон-Кихотом" Массне» (Маски Мельпомены. М., книжн. маг. А. Д. Друтман, 1910. С. 115—129).

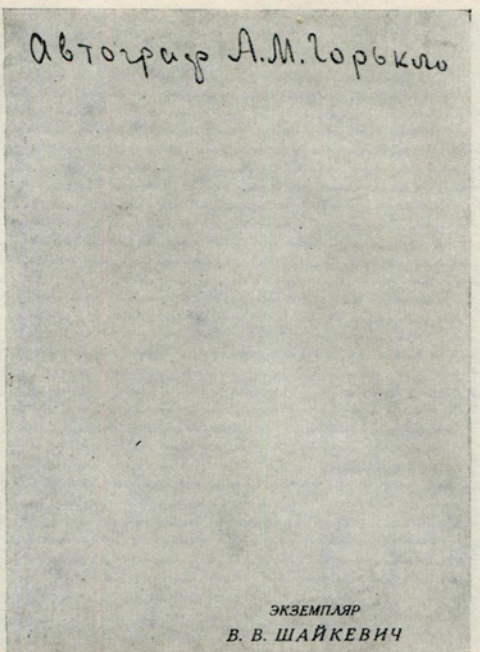
[6] Михаил Николаевич *Семенов* — петербургский издатель.

[7] Петр Иванович *Певин* — издатель «Современника».

141. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 21 ноября 1910 г.)

«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть» [1] — красу этих слов — всегда чувствовал, но — никогда они не доводили меня до слез и рыданий, и не представлял я, что эта смерть, столь естественная и неоднократно извещавшая о близости своей, придя, так яростно ударит по сердцу.



Как будто выкусили большой кусок души моей, и овладело мною горестное чувство сиротства, и кажется, что в сердце России тоже открылась черная дыра, копошатся в ней буйно черви разные — когда теперь зарастет она, закроется?

Отошла в область былого душа великая, душа, объявшая собою всю Русь, все русское,— о ком, кроме Толстого Льва, можно это сказать?

Конечно, я не принимал корреспондентов и не принимаю, и не буду, и не хочу, не могу писать для публики — черти и газеты с нею, а я ополоумел, кажется. Очень тяжело мне, невыразимо.

Уговариваю себя: да ведь ты едва ли и любил его? Ведь — не согласен ты с ним и враждебен даже тебе он, проповедник пассивного отношения к жизни, человек, воплотивший в огромной душе своей все недостатки нации; он последняя — быть может — вспышка древней русской крови — крови, отживающей свой век?

А что в том? Доводы разума — не влияют, и душа болит все мучительней, бегаю, как волк по клетке, и бешенствую на кого-то, и на всех, и на саму смерть; пошлейшая и глупейшая вещь смерть, когда она отводит от нас Толстых. Какая-то старая дева, бесплодная, завистливая и мстительная по зависти своей, и мне кажется, что я вот вижу плоскую рожу ее и отвратительное, ехидное торжество на ней.

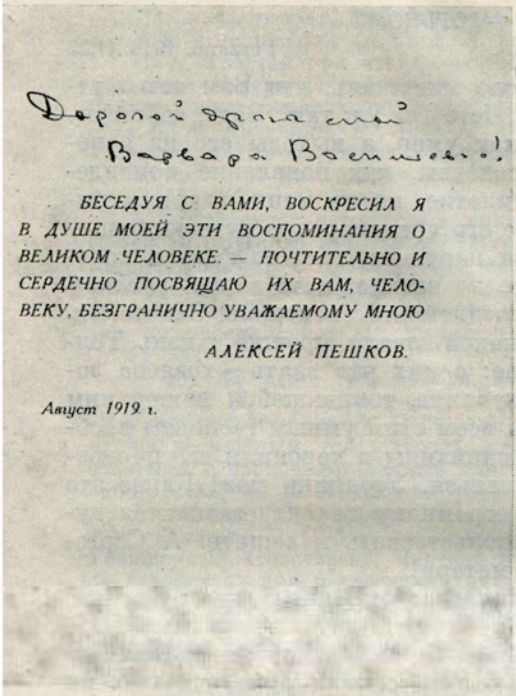
Думать ни о чем не могу, все о нем только, и все вспоминаю, как он был, что говорил — вот человечище, который поистине — был! В былинном эдаком, колоссальном смысле слова — был!

Но — господи! — если бы газеты догадались хоть на этот раз вести себя человечески — если бы они писали меньше и не так — мимо!

Что-то начинается там: не то «легенду творят», не то скандал у гроба величайшего из русских людей. Запах — противный и гнилой. «Младая жизнь» играет, видимо.

Удивительное равнодушие — поистине мертвое! — обнаруживают соотечественники, живущие здесь.

А каприйцы — не ясно понимая, но что-то чувствуя — удручают сожалениями и сочувствиями. Смотришь им в красноречивые уста и думаешь:


Дорогой друг мой
Варвара Васильевна!

БЕСЕДУЯ С ВАМИ, ВОСКРЕСИЛ Я В ДУШЕ МОЕЙ ЭТИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОМ ЧЕЛОВЕКЕ. — ПОЧТИТЕЛЬНО И СЕРДЕЧНО ПОСВЯЩАЮ ИХ ВАМ, ЧЕЛОВЕКУ, БЕЗГРАНИЧНО УВАЖАЕМОМУ МНОЮ

АЛЕКСЕЙ ПЕШКОВ.

Август 1919 г.

АВТОГРАФИЧЕСКОЕ И ПЕЧАТНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ ГОРЬКОГО В. В. ШАЙКЕВИЧ НА КНИГЕ: М. ГОРЬКИЙ. ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЬВЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ТОЛСТОМ

Пб., 1919

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

братцы, хороший вы народ, деликатный, а все-таки это не раскусить вам — нет!

Письмо написано на следующий день после смерти Л. Н. Толстого (7/20 нояб. 1910 г.).

[1] Строка из песнопения, которое исполнялось при православном отпевании.

142. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 22 или 23 ноября 1910 г.)

Умер вождь.

Скольких рабов, сколько поганых можно бы — по древнему хорошему обычаю — зарезать над могилою его.

Вчера ночью взял книжку «Р〈усской〉 М〈ысли〉» и на полчаса забылся в глубоком восхищении — то же, думаю, будет и с вами, когда вы прочтете превосходную вещь Пришвина «Черный араб»[1].

Вот как надо писать путевое, мимо идущее. Этот Пришвин вообще — талант.

А прочитав — подумал: нет, вот Лев Толстой был — и опять душа сжалась вокруг этого имени.

Как у литератора — у меня есть радость, кою и скрывать не хочу: скоро буду читать «Хаджи Мурата», «Отца Сергия», «Дневник» и множество других вещей[2] — вы эту радость понимаете! И — подумайте-ка — воскреснет ведь! Воистину воскреснет! Это — небывалое. И это, право, не детское утешение, нет же!

Будете читать и поймете меня, дружище.

А к рабам и поганым — можно бы прибавить штучки две и три так называемых последователей покойника.

Их теперь так и будут называть — «последователи покойника».

И нам надо будет драться с ними.

Будьте здоровы, дорогой

А. П

Датируется по содержанию.

[1] Повесть М. М. Пришвина «Черный араб» впервые напечатана в журн. «Русская мысль» (1910, № 11).

Горький высоко ценил талант Пришвина. Переписку его с Пришвиным см.: *ЛН*. Т. 70.

[2] Неизданные произведения Толстого «Хаджи-Мурат», «Отец Сергий» и др. публиковались в «Посмертных художественных произведениях» (М., 1912, под ред. В. Г. Черткова, т. I, II, III). Полный текст этих произведений Толстого был опубликован в изд-ве «Свободное слово» (Берлин, 1912).

«Дневник Льва Николаевича Толстого» (т. I. 1895—1899) вышел в 1916 г. (М.), под редакцией В. Г. Черткова, с многочисленными купюрами.

143. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1910.XI.23

Дорогой Алексей Максимович, ужасно мне жаль, что Вам так жутко пришлась смерть Льва Николаевича. Чего Вы уж так? Ведь, собственно-то говоря, он уже лет пятнадцать как умер, а выходы его из яснополянской могилы были столько же полезны, как появление привидения [1]. Я не любил его последнее десятилетие, но на меня, как я и писал Вам, произвело сильное впечатление его предсмертное путешествие — желание большого и благородного зверя нарушить неволю свою и хорошо, честно умереть. К сожалению, и то не вышло, и то милая русская публика испакостила и обратила в постыднейший спектакль. Знаете ли, жутко делается, когда видишь, среди какой швали прошла жизнь Толстого! И это я пишу не только о родне: с них что взять — хозяева золотого рудника! — Но и обо всей этой публике, толпившейся между ним и роднею. Хоть убей, не понимаю, зачем всем этим умным господам необходимо, чтобы попы служили по Л. Н. панихиды и хоронили его церковным порядком [2]. Чертков [3] противен донельзя. Угодники мои! Какое это великое несчастье, когда поблизости к огромному таланту заводится дурак с характером и начинает законодательствовать и вещать! А Сергеенко [4]. Впрочем, ну их всех к чёртовой матери!

Дайте мне критика, который бы не танцевал от Маркса, как от печки, и поэтов! Нету!

В самом скором времени жду в Специю к себе нашу редакционную компанию для обсуждения делов. Если бы Вы смогли приехать хоть на денек, чтобы принять в этом участие! Какую бы мы хорошую и точную программу вместе выработали бы! Боцяновского у нас не будет: струсил. Я рад. Получил длинное письмо от Тихонова. Певин, должно быть, практически смыслящий человек. Настоящие объявления «Современника» начнутся только по свидании со мною. Ассигнуются на них 6000 рублей. Это ничего. Вы не знаете адреса Алексея Толстого?

Шолом Алейхем прислал чудесный рассказ и пишет другой для третьей книжки [5].

Вы не знаете адреса Зангвилля?

Что-то мне надо Вам отослать, а что — не вспомню.

Я очень усердно написал об Алексее Толстом, Герман Ал<ександрович> ругается, что слишком.

Смотрел вчера Новелли [6] в «Papa Lelennard». Совсем одряхлел старик! Плохо, землей пахнет.

У нас, как, вероятно, и у Вас, чудесная, но холодная погода. Вчера мы с Гер. Ал. ходили на горы за 12 верст. Очень это было хорошо, и так как все время поднимались по зигзагам отлогого шоссе, то нисколько не утомились.

Да! Еще сюрприз: наши милейшие фецканцы надумались выбирать меня... в синдики!!! [7] Отклонил, указывая, что я — русский подданный. Говорят: охота Вам! переходите в наше. Вы только вообразите меня опоясанным трехцветным шарфом. Что ленты-то пошло бы! И чего Лида и Зина спешили! Ради удовольствия их обвенчать, уж так и быть пошел бы в синдики. До свидания, дорогой! Будьте здоровы. Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

[1] Мнение о том, что Толстой как художник «лет пятнадцать как умер» Амфитеатров высказывал неоднократно. Он писал в ст. «Л. Н. Толстой» (1907): «При всем моем глубоком уважении к личности Л. Н. Толстого, при восторженном благоговении к его стихийному гению и великим заслугам в области литературы и общего русского культурного сознания, я должен с полной откровенностью заявить, что принадлежу к числу тех „восьмидесятников", в жизни и развитии которых Толстой прошел стороной и почти бесследно» (*Амфитеатров*. Т. 22. С. 21). См. также п. 19.

После чтения ст. Амфитеатрова Толстой записал в дневнике 15 июля 1907 г.: «Стыдно и неприятно» (*ЛЖТ Л. Н. Толстого*. С. 592).

С. А. Толстая при чтении статей Амфитеатрова 29 декабря 1915 г. записала в дневнике: «Вчера поздно читала грубые статьи Амфитеатрова о Льве Николаевиче. Сейчас виден непорядочный человек, этот неудавшийся попович-литератор» (*Толстая С. А.* Дневники. М., 1978. Т. II. С. 430). Как указывается в комментариях к «Дневникам», «в Собрании сочинений Амфитеатрова статья была помещена в новой редакции, и ее антитолстовская направленность была значительно усилена» (Там же. С. 585).

[2] Амфитеатров неточен в изложении фактов. 4/17 ноября 1910 г. от святейшего Синода в Астапово приехал из Оптиной пустыни старец Варсонофий с целью примирить Толстого с православной церковью, 7/20 ноября — тульский архиерей Парфений, также присланный Синодом по желанию Николая II для того, чтобы узнать, не хотел ли Толстой «раскаяться в своих заблуждениях» и не был ли он «против погребения его по православному обряду» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 351, 352).

В тот же день, 7/20 ноября, в своем донесении вице-директор департамента полиции Н. П. Харламов писал товарищу министра внутренних дел П. Г. Курлову: «Миссия преосвещенного Парфения успеха не имела. Никто из членов семьи не нашел возможным удостоверить, что умерший выражал какое-либо желание примириться с церковью» (Смерть Толстого по новым материалам. М.: изд. Публичной биб-ки СССР им. В. И. Ленина. 1929. № 831, 855).

[3] Владимир Григорьевич *Чертков* (1854—1936) — издатель, публицист, близкий друг Толстого. В 1883 г. познакомился с Л. Н. Толстым и стал его сотрудником. Убежденный «толстовец», Чертков пропагандировал учение и творчество Толстого. За содействие при переселении духоборов был выслан из России (1897). В 1908 г. вернулся на родину. После смерти Толстого подготовил к изданию «Посмертные художественные произведения» (т. I, II, III). После революции был главным редактором юбилейного 90-томного Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

[4] Петр Алексеевич *Сергеенко* (1854—1930) — писатель, познакомился с Толстым в 1882 г. Автор кн. «Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой» (М., 1898).

[5] Вероятно, речь идет о рассказе Шолом-Алейхема «Избранные. (Из жизни маленьких людей)». Напечатан в журн. «Современник» (1911, № 1). Другие рассказы Шолом-Алейхема в 1911 г. в «Современнике» не печатались. В п. от 17 ноября 1910 г. рассказ назван «Уполномоченный».

[6] Эрмете *Новелли* (1851—1919) — итальянский артист. Исполнитель ролей в фарсах и остроумных комических монологах. С 1890 г. Новелли стал выступать в драматических и трагедийных ролях.

[7] Синдик (syndikos — греч.) — в древней Греции — защитник в суде; в некоторых странах Западной Европы — представитель какого-либо учреждения, общины или корпорации, уполномоченный на ведение дел.

144. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Ноябрь, не ранее 25, 1910 г.)

Что вы его не любили — не удивляюсь, ибо сам часто питал к нему чувство, ненависти близкое, а все же смерть его принимаю как мое, личное горе. И — не могу иначе, ибо — хорошо очень помню, глубоко он сидит в душе [1].

Ехать мне в Специю — нет возможности, а вот почему бы вам всем сюда не прокатиться?[2]

Работы у меня — леса. Одних «жалоб», должно быть, три будет, да еще о «мимо идущих» людях рассказывать намерен [3]. Да «Кожемякин» все еще [4]. Да Соловьева читать надобно внимательно и разные книжки об уграх, немцах, финнах и литве разной и обо всем, чем нас били и чем добили до пассивизма, проповеди «неделания», анархизма и прочих недугов. Так-то.

И очень я хотел бы говорить с вами обо всем этом, а — ехать не под силу, ибо — при всем перечисленном еще и кашляю.

Адреса Зангвиля не знаю, спросите у Алейхема. Толстого — тоже, пишите на «Шиповник». Кличут — Алексей Николаевич, кажись.

Поэты — если нравятся: Александр Сергеевич Черемнов, Крым, Алупка, дача Борисовой [5].

Смотрите его стихи «Крым» в 33-м сборнике, «Белоруссия» в 34-м. Иван Воронов [6].

Лондон, 6, Upper Woburn place,

W. C.

Вы напрасно беспокоитесь о них, они прибегут, их множество. Но надобно их учить.

А еще вот что надобно: выдвигать из тени В. Г. Короленко как единственного писателя, способного занять место во челе литературы нашей. Человек внепартийный, строгий в оценках, тактичный и мягкий, он способен многих попридержать, и, несомненно, роль совестного судии — по плечу ему [7].

В то же время он и по таланту, не говоря о его общественных заслугах гражданского характера,— ныне первый. В нем — все права на первенство, и заслуги его велики; перечитайте — книжки, если не верится вам, пересмотрите путь его. Превосходная фигура.

Было бы очень уместно провести параллель между «Детством—отрочеством» и «Записками современника», и вообще сейчас хорошая статья о Короленке — и общественно, и литературно необходима [8].

Но — писать мне трудновато: голова болит, а также нервы. Весьма хотелось бы поговорить лично, вопросов — куча.

Не надумаете ли приехать сюда, а?

Вот бы славно было!

Кланяюсь всем.

А. Пешков

Сын ваш прислал письмо, что нашел книги для меня,— послал я ему, милому, денег, скорее бы получить, а то — не верю, что нашел.

Датируется по п. Амфитеатрова от 23 ноября 1910 г.

[1] Речь идет об отношении Амфитеатрова к Л. Н. Толстому.

[2] Имеется в виду совещание членов редколлегии журн. «Современник» у Амфитеатрова.

[3] В цикл «Жалобы» вошло четыре рассказа.

Вероятно, Горький имеет в виду рассказы, которые позднее объединились в кн. «По Руси». Начало работы над циклом «По Руси» относится к 1912 г. В издании И. П. Ладыжникова эти рассказы опубликованы под названием «Записки проходящего». Подробнее о произведениях, вошедших в цикл «По Руси», см.: *14*, 578—588.

[4] Во второй половине 1910 г. Горький работал над второй частью повести «Жизнь Матвея Кожемякина» — «Постоялка». 25 декабря 1910 г. он читал домашним эту часть повести (*Дн. Пятницкого*).

[5] Александр Сергеевич *Черемнов* (1881—1919) — поэт, переводчик. Переписывался с Горьким с 1905 г. С 1907 г. печатался в *сб. «Знания»*.

Цикл стихотворений А. С. Черемнова «Крым» вышел в XXXIII *сб. «Знания»*, «Белоруссия» — в XXXIV сб. (1911).

[6] Иван Карпович *Воронов* — поэт. В конце 1909 г. из Воронежа переехал в Петроград, в июле 1910 г. уехал за границу и поселился в Лондоне, переписывался с Горьким. В январе 1910 г. Горький писал ему: «Если угодно знать мое мнение о Ваших стихах — мне они очень нравятся и бодрым тоном и хорошей, умной улыбкой, которая сопровождает почти каждое из них» (*XXIX*, 108). Стихотворения И. К. Воронова публиковались в XXIX и XXX *сб. «Знания»* (1910).

[7] Вопрос о том, кто «возглавит» русскую литературу, обсуждался в печати. Так, Вл. Кранихфельд (Современный мир. 1911. № 1) писал, что «по своему умонастроению ближе других» к Толстому Короленко, но «зажигать, заражать он не призван», у Леонида Андреева «есть вкус к идеям, но тоже нет страсти» и «неведом ему» путь, по которому надо идти, у Бунина «нет вкуса к идеям», Куприн — «жадный к жизни художник», однако у него много «невыполняемых обязательств» перед читателем, Сергеев-Ценский — «еще впереди», Сологуб — «человек, приговоренный к смерти». Кранихфельд делал вывод, что «из представителей современной русской литературы» никто не достоин занять место Толстого. См.: *Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917*. С. 474.

[8] Л. Н. Толстой «Детство» — впервые опубликовано в журн. «Современник» (1852, № 9) за подписью Л. Н., «Отрочество» — там же (1854, № 9). Редакция писала, что оба произведения — части большого романа «Четыре эпохи развития».

Первый том «Истории моего современника» В. Г. Короленко публиковался с января 1906 г. по октябрь 1908 г. в журн. «Современные записки» (№ 1), «Современность» (1906, № 1, 2), «Русское богатство» (1906, № 5; 1907, № 1; 1908, № 2, 3, 8, 10).

Горький писал Коцюбинскому 7/20 ноября 1910 г.: «В. Г. Короленко прислал мне „Записки" — взял я превосходную эту книжку в руки и — перечитал ее еще раз. И буду читать часто — нравится она мне все больше и серьезным своим тоном, и этой, малознакомой современной нашей литературе, солидной какой-то скромностью. Ничего кричащего, а все касается сердца. Голос — тихий, но ласковый и густой, настоящий человечий голос. И на каждой странице чувствуешь умную, человечью улыбку, много думавшей, много пережившей большой души. Хорошо!» (*XXIX*, 136—137).

Ст. Амфитеатрова об «Истории моего современника» см. в кн. «Заметы сердца» (с. 100—104).

145. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Капри. Ноябрь, не ранее 25, 1910 г.〉

Дорогой Александр Валентинович!

В объявлении о «Современнике» сказано: «издается при *ближайшем* и *исключительном* участии А. Амфитеатрова» — это едва ли грамотно, а далее *жирным шрифтом*: «*при постоянном сотрудничестве Максима* Горького» [1].

Это — не годится.

Я очень прошу Вас — скажите, чтобы непременно убрали жирный шрифт и — «постоянное сотрудничество» — это необходимо! Я прошу печатать имя мое в строку с именами всех других сотрудников, настаиваю на этом.

И я никогда не подписывал своих вещей именем Максима — а всегда — М. Горький. Очень может быть, что это «М» — скрывает Мардохея, Мафусаила или Мракобеса.

Простите меня — но я очень прошу исполнить мое желание!

Очень!

А. Пешков

Датируется по содержанию и по п. Ленина от 9/22 ноября 1910 г. См. прим. 1.

[1] П. Горького написано под воздействием письма к нему Ленина. Объявление об издании «Современника» появилось в газ. «Речь» (1910, № 305, 6/19 нояб.). 9/22 ноября 1910 г. Ленин писал Горькому по поводу нового журнала: «Сегодня читаю в „*Речи*" объявление о „*Современнике*", издаваемом „при ближайшем и *исключительном* (так и напечатано! неграмотно, но тем более претенциозно и многозначительно) участии Амфитеатрова" и при Вашем постоянном сотрудничестве».

Далее Ленин писал, что журнал должен иметь направление: «Журнал без направления — вещь нелепая, несуразная, скандальная и вредная. А какое же направление может быть при „исключительном участии" Амфитеатрова? 〈...〉 Амфитеатровский журнал (хорошо сделало его „Красное знамя", что вовремя умерло!) есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей „левизны" для политики мало, что после 1905 года всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо» (*В. И. Ленин*. Т. 48. С. 3—5).

146. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1910.XI.30

Дорогой Алексей Максимович.

Объявление было временное [1] — как можете заметить, даже без указания адреса редакции. В составлении его я не принимал участия и формы не видел, понятно. Вперед объявлений о сотрудниках не будет никаких, так как я вообще против рекламы заклинающей. Будет печататься краткое содержание текущей книжки. Содержание 1-й половины первого № такое:

1. Максим Горький. Жалобы. 1.
2. Альфред де Мюссе. Андреа дель Сарто.

3. Александр Амфитеатров. Закат старого века. Глава 1.
4. Герман Лопатин. Не наши.
5. Шолом Алейхем. Уполномоченные.
6. В. А. Тихонов. Роман. 1.

Вторую половину буду формировать на будущей неделе, когда приедут Тихонов, Певин и Коялович. Имею для нее множество, все — кроме критики! Поэтам писать раздумал. В конце концов, хорошего все равно никто не напишет, а печатать ерунду, за которую надо платить рубль за строчку только потому, что под ней стоит подпись Бунина, что ли, или Бальмонта,— дело никчемное. Никому этого всерьез не надо, а ратовать против моды мне что-то не страшно.

О желании Вашем я написал немедленно. Если объявление в той форме, как оно Вам не угодило, появится по истечении недели от сего числа, будете иметь право ругать меня.

Какая плохая журнальная брошюра Р. Роллана. Зачем Вы ее издавали? Я не читал ее, впрочем, в оригинале. Мелодрама его много лучше, хотя также, конечно, «Измаил» слева.

Получил Шмелева[2]. Еще не читал. Гу‹сева›-Ор‹енбургского›[3] тоже. Скучно. В сотый раз вывороченное нанковое полкафтанье[4].

Относительно Короленки с Вами согласен и сам так думал, но боюсь, что по настоящей скромности и серьезности своей фигуры мало приемлем он в божницу современного россиянина. Толстой был не криклив сам, да талант у него кричал. Короленко же все-таки акварель, искусство на любителя, которое всегда останется достоянием знатоков, между тем как масса будет глазеть на картины широкого размаха, хотя бы их писал господин Арцыбашев либо даже Анатолий Каменский.

Из объявлений для журналов разных вижу, что Вы очень много пишете мелких вещей или собираетесь писать. Вот обстоятельство, по которому я несколько жалею, что Вы уклоняетесь от титула — *постоянного* сотрудника «Современника»[5]. Хотелось бы чувствовать, что этот журнал будет для Вас не в разряде «всем сестрам по серьгам».

Переварить не могу сдачи «Вассы Железновой» на капитуляцию и эксплуатацию Кугелям![6]

О Короленке статью заказал новаку одному. Если не выйдет, напишу что-нибудь сам. Вам бы хорошо это сделать!

Вы знаете американского писателя-социалиста Dovleu?[7] Я — нет. Очень рекомендует к приглашению Ф. В. Волховский.

В «Шиповник» А. Н. Толстому писать не буду, ибо желаю, чтобы письмо до него дошло, а в кампанию жулья, там заседающего, верю не больше, чем в российско-правительственный черный кабинет.

Все-таки Л. Н. хорошо похоронили. С сердцем!

К какому № ждать 2-й «Жалобы»? Ко 2-му или 3-му?

Жаль, что Вы не можете приехать на съезд наш. Очень полезно было бы. Ребята наши не смогут приехать на Капри, так как все они народ, связанный сроками возвращения. Приедут на два, на три дня и поскачут обратно опрометью, ибо Певин клянется и божится, что выпустит журнал 5/18 января. А снабдить публику инструкциями весьма было бы надо.

У нас нет холодов, бурь и дождей, очень тепло и мягко, не туманно.

Смотрел Новелли еще два раза. В комедиях Гольдони — большой мастер. Отличный техник в «Людовике XI». Это не Росси[8] и Сальвини, но у нас такого большого актера все-таки нет. Ленский, пожалуй, был последним — А. П., московский, конечно[9].

Пишу роман и поэтому зол, как чччерт.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Есть ли у Вас «Дмитрий Самозванец»? Хомякова? Имеется ли в нем потребность для библиотеки?[10]

До свидания. Всего Вам хорошего. М. Ф. сердечный привет и всем чадам и домочадцам.

Ваш А. А.

[1] См. предыдущее письмо.

[2] Вероятно, Амфитеатров получил первый том рассказов И. Шмелева (СПб., изд-во «Знание», 1910), в который вошли: «Распад», «Гражданин Уклейкин», «Вахмистр», «По спешному делу» и др.

[3] В XXXIII *сб.* «*Знания*» (1910) был напечатан рассказ С. И. Гусева-Оренбургского «Рыцарь Ланчелот».

[4] Нанка — род бумажной ткани, китайка.

[5] См. предыдущее письмо.

[6] Андреева вела переговоры с А. Р. Кугелем об издании журн. «Театр и искусство» пьесы Горького «Васса Железнова». См.: п. М. Ф. Андреевой О. И. Дымову (*М. Ф. Андреева.* С. 187); А. Р. Кугель «Листья с дерева: Воспоминания» (Л., 1926).

«Васса Железнова» («Мать») в издании журн. «Театр и искусство» 7/20 октября 1910 г. была представлена в цензуру и разрешена к представлению с цензурными изъятиями 11/24 октября (*ЛЖТ.* Вып. 2. С. 152, 153).

[7] Dovleu к работе в журн. «Современник» не привлекался.

[8] Эрнесто Росси играл роль Людовика XI в одноименной пьесе Делавиня, Дон Гуана в «Каменном госте» Пушкина. Станиславский говорил о нем как о гениальном актере.

[9] Александр Павлович *Ленский* (псевдоним Вервициотти) (1847—1908) — артист, режиссер, педагог. Один из лучших исполнителей роли Гамлета. С 1876 г. до конца жизни играл в труппе Малого театра. В ст. «Александр Павлович Ленский» Амфитеатров писал: «Скончался великий артист, выбыл из мира огромный талант, которому, быть может, только печальные условия русского искусства не дали вырасти, или, вернее будет сказать, развернуться в гения» (*Амфитеатров.* Т. 21. С. 30).

Павел Дмитриевич *Ленский* (кн. Оболенский) (ум. в 1910) — с 1879 г. драматический актер Александринского театра, педагог.

[10] Речь идет о пьесе «Дмитрий Самозванец», трагедия в 5-ти д. (в стихах). соч. А. Хомякова (М., тип. Лазаревых, ин-та вост. яз., 1833).

147. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 1 или 2 декабря 1910 г.)

Нет, Александр Валентинович,— «постоянное сотрудничество» надобно снять[1]. Я знаю вас,— но — мы с вами от журнала за тысячи верст, г.г. же Певина, Кояловича и др.— я не знаю. Как они думают, что́ намерены делать — мне неизвестно, боюсь, что и вам — не вполне. Будучи столь жестоко ошеломлен, современный россиянин способен на самые неожиданные прыжки: вы хорошо знаете, что прыжки эти делались и делаются даже людями и более определенных репутаций, чем те люди, о коих мы ведем речь.

Кроме «Совр.», я буду еще писать в «Совр⟨еменном⟩ мире», и — нигде больше[2]. Мало ль какие вещи пишутся в объявлениях, вот напр.— прилагаемое — эко, закатили! И особенно эта праздничность тем неприятна, что совпадает со днями траура.

Читали: рабы начинают уничтожать себя над могилою вождя! Видите? Думаю, что и еще с десяток их зарежется и перестреляется, облив чистейшую могилу на земле гнилой своей, холопьей кровью.

Бунин кончил «Деревню» — это первоклассная вещь. Первый раз в литературе нашей — если не считать «Утро помещика» — слишком отдаленное, и «В овраге» — вещь эпизодическую,— первый, говорю, раз «Деревня» написана столь мужественно — правдиво, с таким искреннейшим стоном и так «исторически». А какие удивительные детали![3]

Этот Краснобаев, расписывающийся Бенедиктов — какая тут драма приоткрыта. «Тень язычника» — изумительно на месте. Смерть нищего — Л. Н. впору! Да, да! Вот тема для статьи «Дворянство Ал. Толстого и крестьянство Бунина»[4].

Пишущему о Короленке надо посоветовать: обратил бы внимание на Тюлина в «Река играет», указал бы, что наверху нас — все еще Обломов жив, а внизу — Тюлин живет,— эти двое и провалили 905 год [5].

Толстого Алексея вы, на мой взгляд, перехвалили [6]. Рано бы о нем *так* писать. Очень жаль, что вы не знаете «Мелкого беса» Генриха Манна — книги, написанной раньше Сологуба. Для меня несомненно, что Сологуб пил из этого источника. О Кугеле — ничего не знаю, это М. Ф. устраивала: очень нужны были деньги.

Жаль, что питерцы ваши не могут передвинуться сюда, очень жаль! Не будь у меня такой кашель, я бы поехал к вам.

Хомякова имею статьи, а стихов и прочих его интересных художеств — нет.

Стихи, кажется, недавно Суворин издал, обязательно выпишу [7]. Кстати — пришлите мне книжки Френсена!

Пишу как сумасшедший. Когда дам вторую «Жалобу»? Вероятно — к марту, апрелю, не позднее.

Будьте здоровы. Кланяюсь всему дому.

А похороны Л. Н.— мне не нравятся, нет. Это — не то. Это — не его.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 30 ноября 1910 г.

[1] По настойчивому требованию Горького фраза о «постоянном сотрудничестве» в объявлении о выходе журн. «Современник» была снята.

[2] В 1911 г. Горький, помимо журн. «Современник» и «Современный мир», печатался и в других изданиях: «Новая жизнь» (№ 5, «Сказка». Отрывок), «Запросы жизни» (№ 11, «Издалека» 1), «Новый журнал для всех» (№ 37, «Старик»), «Путь» (№ 2, «Сказка» XI), «Звезда» (№ 21, «Сказка» III; № 29, «Сказка» VIII). Приложенное Горьким объявление не сохранилось.

[3] Бунин 20 августа 1910 г. сообщал Горькому, что после большой и напряженной работы закончил «Деревню».

Горький отправил Бунину несколько писем, где отзывался о повести «Деревня» восторженно, отметив лишь одно: «Если надобно писать о недостатке повести — о недостатке, ибо я вижу лишь один — недостаток этот — густо! Не краски густы, нет — материала много. В каждой фразе стиснуто три, четыре предмета, каждая страница — музей! Перегружено знанием быта, порою — этнографично, местно...» (*Горьк. чт.* 1961. С. 50).

По прочтении всей повести в декабре Горький писал: «Конец „Деревни“ я прочитал — с волнением и радостью за Вас, с великой радостью, ибо Вы написали первостепенную вещь. Это — несомненно для меня: так глубоко, так *исторически* деревню никто не брал<...> Я не вижу, с чем можно сравнить Вашу вещь, тронут ею — очень сильно. Дорог мне этот скромно скрытый, заглушенный стон о родной земле, дорога благородная скорбь, мучительный страх за нее — и все это — ново. *Так* еще не писали. Превосходна смерть нищего, у нас бледнеют и ревут, читая ее. Дивная черта — „тень язычника“! Вы, может быть, и сами не знаете, как это глубоко и верно сказано» И далее: «Но я знаю, что, когда пройдет ошеломленность и растерянность, когда мы излечимся от хамской распущенности,— это должно быть или — мы пропали! — тогда серьезные люди скажут: «Помимо первостепенной художественной ценности своей, „Деревня“ Бунина была толчком, который заставил разбитое и расшатанное русское общество серьезно задуматься уже не о мужике, не о народе, а над строгим вопросом — быть или не быть России? Мы еще не думали о России — как о целом — это произведение указало нам необходимость мыслить именно обо всей стране, мыслить исторически (Там же. 1961. С. 52, 53).

[4] Смерть нищего Иванушки, «тень язычника» — эпизоды повести.

[5] В статье о Короленко Амфитеатров эту мысль Горького изложил следующим образом: «Встреча с перевозчиком Тюлиным („Река играет“) вылилась поистине „перлом создания“, вырос новый всероссийский тип „Обломова снизу“». «Обратите внимание на Тюлина,— писал мне Горький,— в том, что наверху Обломов, а внизу Тюлин,— фатум русского прогресса» (см.: *Амфитеатров*. Т. 15. С. 378).

О Тюлине как о национальном типе Горький писал в статье «Разрушение личности» (*XXIV*, 52—53), в лекциях «История русской литературы» (*Арх. Г.* Т. I), в воспоминаниях «О В. Г. Короленко» (*16*, 240—259): «Говорят, я довольно удачно читал рабочим реферат, темой которого была роль Тюлина в русской истории,— у меня вышло так, что и Минин, и Болотников, и Пугачев — все Тюлины!» (*XXIX*, 311),— писал он Короленко.

Однако Горький видел и многообразие русского национального характера: «Платон Каратаев и Калиныч несомненно русские мужики, но это мужики централь-

ной, московской Руси, и такие типы „смирных" людей — очень редки на Волге, едва ли возможны в Сибири, их нет на Украине. И. А. Бунин очень верно, очень умело пишет орловского мужика, но для Верхнего и Среднего Поволжья этот тип почти неправда — психику волжанина наилучше уловил Короленко в лице Тюлина. „Мужики" Чехова — правдивый этнографический очерк, да, около Москвы — в Калуге, Туле, Орле — этакие фигуры не редкость и очень естественны, но — разве похожи на них вологжане, новгородцы, поморы». И далее: «У нас на Руси не было и нет еще того единства социальных, политических и, словом говоря, культурных условий, которые позволили бы нам создать единодушие, выработать твердый, определенный тип русского человека, русского мужика...»,— писал Горький А. Г. Туркину (Урал. 1968. № 3. С. 150).

[6] См.: *А—Г*, п. от 7 ноября 1910 г.

[7] Очевидно, Горький имеет в виду кн.: *Хомяков А. С.* Стихотворения: С портретом автора и биографическим очерком. СПб.: изд. А. С. Суворина, 1910.

148. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Fezzano. 4 декабря 1910 г.⟩
1910.XI*4

Написал в Петербург, чтобы сняли и «постоянного».

Относительно праздничности объявления Вы совершенно превратно понимаете, господине! Не думаю, чтобы за последнее десятилетие Вы нашли в русской журналистике объявление, которое, без крика и зазывательства, отметило бы только пять постоянных и действительных своих сотрудников. Относительного жирного шрифта — что поделаешь? Объявлений много, и надо, чтобы читатель газет видел Вас, меня, другого, третьего. Когда «Знание» печатает свои объявления, его шрифты еще жирнее. Это Вы мне, будучи не в духе, написали.

Что касается траура, я того мнения, что горе горем, а дело делом, и из-за смерти большого русского писателя нет никакого основания задерживать объявление о журнале, который собирается сделать тоже немаленькое русское литературное дело.

Относительно Алексея Толстого Вы правы: тон взят высокий, но я вообще имею эту манеру: когда вижу настоящую надежду, скорее перехвалить, чем недохвалить. Это обязывает. Время критики разжалования и снимания эполет, если придет, то никогда не опоздает. А когда талант начинает и не слышит счужа яркого привета, горько ему и темно. Всегда я в таких случаях вспоминаю свою литературную молодость, и хочется мне, чтобы сменникам было светлее и легче и видели они большую к себе любовь. К тому же этот Алексей Толстой уж очень потрафил на меня, изобразив во весь рост дворянское гадючье гнездо — сословие, к которому питаю искреннейшее отвращение.

Шмелев Ваш очень плох[1]. Подражатель ничтожного типа, размазывающий то щедринского Гришку-портного[2] («Гражданин Уклейкин»), то Ваши образы из «Фомы Гордеева» и т. д. Может быть, «выпишется», но покуда Бог с ним.

От Сургучева получил очень милое письмо. Вот этот со способностями. «Деревни» не читал и не имею где достать. Если у Вас свободна, пришлите. Меня интересует Бунин двойственностью своего таланта: всё, что я читал его в стихах,— жидкая версификация; всё, что в прозе,— поэзия, творчество. Если у этого человека есть за душою что сказать, может написать большую вещь.

Получил вчера от А. А. Богданова письмо о школе в Болонье[3]. Сия последняя для меня совершенный сюрприз, и, конечно, ничего равно ни уму, ни сердцу не говорящий. Конечно, просят денег. Я отказал. Что такое «впередовцы» и почему я должен радоваться, что Ленин в чем-то и как-то там провалился с первою школою? Я всего этого не знаю. Когда Вы у меня были, то о школе мы говорили довольно много, но сих

---

* Видимо, описка — должно быть XII.

глубокомыслей как-то не коснулись, а Ленина, помнится, Вы мне очень хвалили. Просветите, если сами просвещены.

Соображение насчет Короленки — о Тюлине и Обломове передал к сведению пишущего статью. С мнением, что Тюлин и Обломов погубили 1905 год, не совсем согласен. Было и это, но коренная причина представляется мне иною. Вы знаете мой взгляд: социальной революции не может быть в стране, которая не прошла сквозь революцию национальную. В 1905 году, уповая на экономическое движение рабочих, позабыли, что дело идет в России и о России, революция оказалась ни русскою, ни народною — метафизическою в конце концов. Стеньку Разина разбудить не сумели, да и не захотели <...> На политическую революцию смотрели свысока, а материал социальной революции даже вооружить не позаботились. Ну да об этом лучше не начинать! А то содрогнешься, и сердцу больно!

Перечитываю «Войну и мир». Эка слоновий разгул! Если бы я был Леонидом Андреевым, то есть человеком с огромными литературными способностями и совершенно обеспеченным крупною доходностью старых своих сочинений, без надобности зарабатывать новыми,— я засел бы лет на пять за материалы для нового романа этой эпохи. Он нужен. Ответственность и ужас померяться с Толстым велики, но новый роман нужен. Уж очень много новых данных открыто и накопилось с тех пор, как писал Л<ев> Н<иколаевич> свою эпопею. Знаете ли, когда перечитываешь ее теперь, после нескольких мемуаристов, сделавшихся известными в 1880—1908 гг., поминутно изумляешься удивительной прозорливости Л. Н., который часто отгадывал ему неведомое, и поминутно жалеешь, зачем он многого не знал, описывая, как десять лет спустя узналось. Так, например, в русской литературе есть ли более страшная художественная картина, чем убийство Верещагина?[4] Но — представьте себе — после ужасного в педантическом тоне своем рассказа сухого и скучного Рунича[5] о чудовищной интриге, погасить которую должно было это злодейство, интерес толстовской картины значительно блекнет, и тезис, им излюбленный, о случайности и стихийности коллективных движений получает подрывающий удар. Нужен новый Александр, новый Наполеон, крестьянство, которого в романе нет, купцы и попы-бонапартисты, сектанты-наполеоновцы, князья, которые вдруг об уделах почему-то вспоминать стали, и пр.

Опять болтаю! Ну, не буду. До свиданья. Всего Вам хорошего М. Ф. и дому привет.

Ваш А. А.

Нет, Андреев не сделает. Очень мещанин с песенником жестоких романсов. Может быть, Бунин или новый Толстой, если вырастет. Вас не считаю: за Вами Стенька Разин числится в долгу![6]

Дата п. уточнена по предыдущему п. Горького.

[1] Речь идет о т. 1 «Рассказов» И. Шмелева. См.: *А—Г*, п. от 30 ноября 1910 г.

[2] Герой рассказа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Портной Гришка» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. сочинений. М., 1937. Т. 16).

[3] После закрытия каприйской школы «впередовцы» решили организовать новую школу для рабочих в Болонье. Она открылась 21 ноября 1910 г. Приглашенные для чтения лекций Ленин и Горький в Болонью ехать отказались. «Со впередовцами дел иметь не хочу»,— писал Ленин Горькому 3 января 1911 г. (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 14). Подробнее о школе см.: *Арх. Г.* Т. XIV. С. 68—69.

Амфитеатров в ответе Богданову сообщал, что не может дать денег на новое начинание, которое Горький не поддерживает. Свой долг за каприйскую школу (750 франков) он обещал выслать, как только сможет.

[4] Убийство Верещагина — эпизод из третьей части романа «Война и мир» (гл. XXV). Михаил *Верещагин* (1790—1812) обвинялся в переводе из газ. «Гамбургские известия» и распространении «Письма Наполеона к прусскому королю» и «Речи Наполеона к князьям Рейнского союза в Дрездене», был приговорен к бессрочной каторге. Перед вступлением Наполеона в Москву граф Ростопчин распоря-

дился отдать его на самосуд толпе, приказав: «Руби его!» Верещагин был растерзан толпой.

По поводу этого эпизода известный общественный деятель, юрист А. Ф. Кони писал: «Описание этого события у Л. Н. Толстого в „Войне и мире" является одной из гениальнейших страниц современной литературы. Проверяя это описание по показаниям свидетелей, приходится заметить, что указание толпе „на изменника, погубившего Москву", и затем расправа с ним — всеми рассказывается совершенно одинаково, а предшествовавшее ей приказание рубить Верещагина передается совершенно различно» (*Кони А. Ф.* Психология и свидетельские показания // Новые идеи в философии. СПб., 1913. Сб. 9).

[5] Амфитеатров имеет в виду воспоминания Павла Дмитриевича *Рунича* (1778—1860), в которых рассказано о расправе графа Ростопчина с Федором Петровичем *Ключаревым* (1754—1820), московским почт-директором. Его арест и ссылка были результатом личной вражды Ростопчина. Поводом для ссылки Ключарева стала передача его сыном иностранных газет Верещагину (Из записок П. Д. Рунича // Русская старина. 1901. № 3).

[6] Речь идет о намерении Горького написать о Степане Разине.

149. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 10 декабря 1910 г.)

Дорогой А. В.!

Вы посмотрите-ка, что делает нахальный этот жидёнок Ауслендер — умереть со смеха! [1]

«Нам, уставшим» — каково? [2] Ему двадцать две годины неполных, ножки у него, как спичечки,— посылаю вам его портретик для «Сверчка».

«Успокоительный» Лесков!

Спросить бы г.г. Гессенов—Набоковых—Милюковых — как они относятся к этому изблеванию мальчишескому в своей архикультурной газете? [3]

Рецензию — пришлите обратно. Сохранить желаю. «Успокоительный» Лесков, трактирный писатель — это так оригинально.

Жму руку и будьте здоровы.

А. Пешков

Приписка М. Ф. Андреевой:

Дорогой Александр Валентинович.

А. М. посылает Вам карикатуру — весьма, впрочем, похожую на портрет г.г. С. Ауслендера и Нины Петровской [4], сделанную М. С. Боткиной, когда те наносили визит vill-e Blaesus три года тому назад. Впоследствии этот визит был изображен ими в весьма превратном виде [5]. Теперь они с Н. Петровской чуть ли не в контрах, а тогда путешествовали вместе, ей было лет 40, а ему — 22—23 максимум... Кстати, миленький Александр Валентинович, на днях в разговоре с Лидочкой [6] мимоходом выяснилось, что Вы с Илларией Владимировной заподозрили меня в ридикюльном (от слова — ridicule *) желании уменьшать свой возраст. Смею Вас уверить, что родилась я от законных супругов Юрковских [7] и в метрике значусь младенец Мария — родилась 21 июня 1871 года; в 1886 году в мае месяце кончила Литейную гимназию, причем меня не хотели выпускать, т. к. мне не хватало 1 месяца до 16-летнего возраста; в 1886 же году 1 1/2 месяца играла в Казани у Медведева [8] — выдержать этой марки по младости своей не могла и в 17 лет 29 июля 1887 года вышла замуж [9]; в 1888 году 29 ноября родился мой сын Юрий [10], которому вот сегодня, значит, минуло 22 года, это явствует еще и из того, что он только что освободился от воинской повинности. Мы с Вами познакомились в 1889 году, в Тифлисе уже, после того, как Вы перестали давно быть певцом, а мне было тогда только 19 лет, хотя я и была уже мамаша годовалого сына, или даже двухгодовалого. Сестре

* Смешно, смешной (*фр.*).

Н. И. ПЕТРОВСКАЯ И С. А. АУСЛЕНДЕР

Рисунок М. С. Боткиной (бумага, карандаш). Капри, 1908. Справа под изображением рукою Боткиной: «1908 г. М. Б.», слева — рукою Горького: «Нина Петровская, С. Ауслендер, рисунок М. Боткиной»

Архив Горького, Москва

моей Надежде Федоровне, всего на два года моложе меня бывшей, ровесник кто-то из Гореловых[11], так что подлинность моих цифр легко засвидетельствовать. Неужели я в 40 лет — 8 лет тому назад — решилась бы связать судьбу А. М. со старой бабой, каковою в настоящее время себя считаю? Нет, миленький, я до смерти боюсь всего смешного! Сведения сего письма могут пригодиться для некролога, т. к. надеюсь, что Вы меня переживете; только, ради бога, не подумайте, что я обиделась — это было бы тоже ридикюльно. Будьте здоровы, дорогой мой, хоть и заняты очень — пишите нам, пожалуйста, поклон Илларии Владимировне. Как доехали деревья?

М.

Датируется по содержанию.

[1] Сергей Абрамович *Ауслендер* (1888—1943) — писатель, драматург.

[2] Горький цитирует рецензию Ауслендера на кн. Амфитеатрова «Княжна. Роман-хроника» (Речь. 1910. № 321. 22 нояб./5 дек.). Рецензия С. Ауслендера с подчеркиваниями Горького хранится в *АГ*.

[3] В. Д. *Набоков* — издатель газ. «Речь». И. В. *Гессен*, П. Н. *Милюков* — редакторы газ. «Речь».

[4] Нина Ивановна *Петровская* (1884—1928) — писательница. Брюсов в своем романе «Огненный ангел» изобразил Петровскую в образе Ренаты.

[5] Мария Сергеевна *Боткина* в 1908 и 1909 г. гостила у Горького. Петровская писала о своем пребывании на Капри в ст. «Максим Горький на Капри (литературный силуэт)» (Астраханец. 1908. № 7. 5 мая).

[6] Л. П. Пешковой.

[7] Федор Александрович *Федоров-Юрковский* (1842—1915) — отец М. Ф. Андреевой, режиссер.

Мария Павловна *Юрковская* (по сцене Лелева) (1843—1919) — мать М. Ф. Андреевой, актриса Александринского театра. М. Ф. Андреева родилась в 1868 г.

[8] Петр Михайлович *Медведев* (1837—1906) — антрепренер, режиссер, актер. Драматическая и оперная труппа Медведева выступала в Саратове, Казани и других городах.

[9] Андрей Андреевич *Желябужский* (1850—1932) — первый муж М. Ф. Андреевой. Главный контролер Курской и Нижегородской железных дорог, член правления Российского театрального общества.

[10] Юрий Андреевич *Желябужский* (1888—1955) — сын Андреевой, деятель советского кино. Кинорежиссер, сценарист.

[11] Речь идет о С. И. или Е. И. Гореловых.

150. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1910.XII.11

Дорогой Алексей Максимович.

Во избежание возможных недоразумений пробегите прилагаемые письма.

Затем так уж и позвольте мне поступить с посылкою денег, как я пишу в конце второго письма, то есть направить их к Вам, потому что, кроме Вас, я решительно не считаю себя связанным с кем-либо в этом деле и переписки с Богдановым поддерживать не намерен. Я не мальчишка, чтобы мною распоряжались, как им нравится,— я даже не знаю, кто [1].

Очень сожалею, что не могу сию же минуту послать деньги. В конце ноября и начале декабря когда же бывают деньги у литератора? К святкам жду гонорара за сданный 3-й том «Зверя из бездны». Если же, кроме того, «Прометей» успеет до праздников начать 2-е издание 1-го тома «Девятидесятников», то пришлю вам всю сумму полностью без рассрочки.

По целым дням занят формировкою «Совр<еменника>». О Муромцеве пишет Водовозов. Будем прилагать портреты. В первом даем Пушкина, Льва Толстого и, по случаю столетия, Альфреда де Мюссе [2]. Нет ли у вас в портфеле лишнего «Знанию» рассказа на тему о ноябрьском законе? [3] Нужен очень. Брусянин [4] прислал, но ерундища газетного происхождения, без всякого наблюдения — отказал.

Тихонов [5] повествует о литературных временах и нравах, анекдоты столь изумительные, что даже забывает привирать, и глаза наливаются самыми горестными слезами, странными на лице такого жизнерадостного человека. Не говоря уже о пьянстве и разврате прямо-таки чудовищных и даже неслыханных, дошли до фальсификации рукописей. Какой-то Маныч или Коптелев, Кибелев, черт его знает, приносит в редакцию рукопись. Ее признают возможною к напечатанию, предлагают 100 рублей гонорара. Означенный гусь отвечает:

— Никакого расчета. За подписью Александра Ивановича я получу 125.— Как? — Очень просто. Он подпишет — рукописи цена станет 250 рублей; 125 — ему, 125 мне!.. Сидят, надо ехать к девкам, денег нет. Александр Иванович оглядывает свиту своих «манычаров» (сам прозвал) и вопиет:

— У кого из вас есть рассказ?

Кто-нибудь откликается.

— Давай.

Под рукописью ставится подпись «А. Куприн», и рассказ везется кем-либо из «манычаров» в редакцию поплоше, напр. в «Петербургскую газету». Худяков [6] смотрит подпись, видит, что она настоящая, купринская, и приказывает: выдать деньги.

Ему замечают:

— Подпись купринская, но рассказ — такая дрянь, что, поверьте, не купринский.

— А мне какое дело?..

Но вообще за последнее время, по наблюдению Тихонова, хулиган значительно схлынул. В театрах — ни одного полного сбора, кроме... Островского! В театре Леванта-Андреева пустынно. «Чудаки» публике не понравились, но к ним был интерес, и 4 представления дали сборы, ставшие редкостью в театре этом[7]. Говорят, что наследники Островского возьмут за этот сезон не один десяток тысяч.

Заметку возвращаю. Ну что Вы! Ауслендер — христианин. Я его так отчитал за «Пушкина-сноба», а он еще кроток.

Ой, устал!

До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

Написали бы страниц 5—6 относительно Толстого-то и Короленки. Статья статьею, а Ваше слово как это сразу двинуло бы. А журналу — радость.

[1] Богданов обратился к Амфитеатрову с просьбой выслать для школы оставшуюся сумму (750 фр.) для расходов по школе. См.: *А—Г*, п. от 4 декабря 1910 г.

[2] К столетию со дня рождения Альфреда де Мюссе в журнале была опубликована его драма «Андреа дель-Сарто» и очерк Т. Щепкиной-Куперник «Альфред де Мюссе. (Набросок)» (Современник. 1911. № 1).

[3] Речь идет об указе от 22/9 ноября 1906 г. (закон Столыпина), по которому царское правительство взяло курс на сильное крестьянство. В изменение и дополнение к этому указу Николай II 14/27 июня 1910 г. утвердил закон о ликвидации крестьянской поземельной общины. О ноябрьском законе в «Современнике» (1911, № 5) была напечатана ст. С. Т. Семенова «Легко ли у нас выделяться из общин».

[4] Василий Васильевич *Брусянин* (1867—1919) — писатель, публицист, литературный критик. В последние годы жизни секретарь Л. Андреева. Сотрудничал в «Северном вестнике», «Новом слове», «Жизни», «Вестнике Европы» и др.

В 1911 г. печатался в большевистской «Звезде», в 1913 г.— в «Правде». Автор кн.: «Леонид Андреев. Жизнь и творчество» (М., 1912), «Дети и писатели. Литературно-общественные параллели. (Дети в произведениях А. П. Чехова, Леонида Андреева, А. И. Куприна и Ал. Ремизова) (М., 1915) и др.

[5] В. А. Тихонов.

[6] Сергей Николаевич *Худяков* (1897—1928) — журналист, драматург. Редактор-издатель «Петербургской газеты».

Горький с тревогой писал о фактах недостойного поведения Куприна в п. к Пешковой 26 ноября/9 декабря 1910 г. (см.: *Арх. Г.* Т. IX. С. 108).

[7] Премьера «Чудаков» состоялась 24 сентября 1910 г. в Новодраматическом театре в Петербурге. До начала репетиций Андреева 5/18 сентября 1910 г. предупреждала режиссера Дымова: «Если позволите — очень важно, чтобы артист, играющий Мастакова, не утрировал смешных или, вернее, комических черт, а Елена Николаевна была бы в высшей степени мила, проста и мягка» (*М. Ф. Андреева*. С. 187).

6 октября Горький сообщал Пешковой: «Ты, конечно, знаешь, что моя пьеса провалилась в Питере? Говорят, однако, что в Киеве она шла с успехом. Не верю. А о провале — жалею. Никогда меня не трогали эти провалы, а на сей раз задело! Почему? Потому ли, что нездоровится, или же потому, что в пьесе есть, против обыкновения, нечто личное? Не знаю» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 98).

Рецензенты писали, что театр «пьесы не понял», а актер, игравший главную роль, скомкал ее. Пьеса быстро сошла со сцены (см.: *Юзовский Ю.* «Чудаки» М. Горького // Чудаки: Материалы и исследования. М.: ВТО, 1946. С. 5).

«Чудаки» были поставлены в Париже членами большевистской эмигрантской кассы. 21 ноября/3 декабря 1910 г. на спектакле присутствовал Ленин. С. И. Гопнер вспоминала: «Не берусь сейчас утверждать, чья это была инициатива — поставить только появившуюся, возбудившую всяческие толки пьесу Горького. Быть может, это и подсказал Владимир Ильич<...> Что, однако, помню более твердо, так это то, что, когда, затеяв постановку, мы с ним делились планами, он эту пьесу уже знал и, как видно, высоко оценивал. Во всяком случае, к предположению ее поставить он с самого начала отнесся в высшей степени одобрительно, отмечая ее своевременность» (*Гопнер С. И.* В. И. Ленин в Париже // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М.: Политиздат, 1969. Т. II. С. 295, 296).

151. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1910.XII.13

Дорогой Алексей Максимович.

Некогда мне, как черту в аду, и устал я, аки пес, а между тем не могу оторваться от дела, чтобы написать Вам, какой милый писатель хохол Коцюбинский и как мне понравилась книжка его, изданная «Знанием» [1]. Я получил ее сегодня и прочитал урывками, между занятиями, а теперь всю ее держу в голове и радуюсь. Менее других мне нравятся его крымские рассказы, это все-таки экзотика и наблюдение вчуже, со стороны. Но все, что от Украины, Польши и Бессарабии, великолепно. Мягкий тон тургеневского ученика, хотя и почитал он уже Кнута Гамсуна («Дебют») [2]. Ужасти, как мил. Я немедленно написал ему приглашение в «Современник», а Вы, если будете ему писать, скажите, что приобрел он большого поклонника. Два больших горя: Водовозова в январе сажают на 9 месяцев в Кресты, а Алексея Толстого тянут отбывать воинскую повинность [3]. Очень любопытное сегодня получил письмо от сына, из Москвы, о похоронах Льва Толстого. До свидания! Всего Вам хорошего!

Ваш А. А.

Сегодня получил сведения, будто Егор Созонов застрелился из страха телесного наказания. Если правда, то вот и третья смерть большого русского человека, которую Вы предчувствовали. А еще вероятнее, что Егора С. пристрелили в тюрьме, как давно уже и неоднократно пытались.

[1] Амфитеатров пишет о первом томе рассказов Коцюбинского в переводе Мих. Могилянского (СПб., изд-во «Знание», 1911).

В декабре 1910 г. Горький писал Коцюбинскому: «Книжку Вашу прочитал с большим наслаждением, с душевной радостью...», и сообщал, что посылает экземпляр книги с замеченными во время чтения, ошибками переводчика (*XXIX*, 149).

В марте 1911 г. Горький извещал Коцюбинского об интересных рецензиях на первый том его рассказов в газ. «Речь», журн. «Современный мир», «Современник» и в провинции (Там же, 163).

Второй том рассказов Коцюбинского также вышел в изд-ве «Знание» (СПб., 1911), третий — в книгоизд-ве писателей (М., 1914).

[2] «Дебют» — рассказ Коцюбинского, напечатан в первом томе.

[3] А. Н. Толстой был призван в армию в первую мировую войну. В 1914—1916 гг. он был военным корреспондентом «Русских ведомостей».

152. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 15 декабря 1910 г.)

Дорогой мой А. В.— что скажешь вам по поводу писем строгого человека Богданова? [1] Формальная точка зрения: обещал? Подай! Мне было стыдно читать его письмо к вам. Может быть, вы позволите мне расплатиться за вас, да не обидит вас это предложение! Я просто не знаю, что мне делать: писать ему я — не могу, ибо давно уже отказался от всяких сношений и отношений с ним. И вообще с ними, но — с рабочими у меня есть отношения, хотя в школу я не поеду, о чем и заявил рабочим, указав причину: не хочу встречаться с людями, неприятными мне [2].

Посылаю вам новый рассказ Андреева: игра на цымбалах нутряного, исконно-русского анархизма, пропади он пропадом! Жидко, старо, скучно. И — вредно для нас, сыты мы этим [3].

Ауслендер — земляк мне, зовут его Сергей Абрамович, в Нижнем его числили евреем. Есть у меня и еще земляк в поэтах Борис Садовской, он же Лев Пущин, а вернее — Поросенок выпущен [4].

Сегодня отъехал от меня Цейтлин Натан [5]; наездник храбрый, но — в боевом деле — не весьма хитер. Главная его сила — вся в убеждении, что коли русский — стало быть, мямля, ленив думать и цены себе не

ведает. Думаю, что сему герою великие победы одержать суждено и даней хазарам мы еще поплатим обильно.

Ни о Короленке, ни — тем паче! — о Толстом писать не стану — ни времени, ни сил не имею для этого.

Сообщенное вами о диком племени «манычаров» знал из другого источника; боюсь, что это правда и — не верится. Маныч — это из тех, что кошек драли[6].

Будьте здоровеньки, желаю всего доброго и всем кланяюсь.

Сообщите, когда выйдет 1-й №[7].

А. Пешков

На обложке 21-го выпуска журнала «Пробуждение» изображен Персей с головою медузы в руке и подписано[8] «Персиянин».

Там же, под картиною Кнауса, подписано Диффенбах[9], но это — пустяки, а вот «персиянин» — очень веселая штучка!

Достаньте «Записки литературного Макара» Сивачева[10], очень любопытно: некий знакомый мой рабочий разносит Чирикова, Григория Петрова, Горького, говорит о Потапенке, будет говорить о Дорошевиче, Сумбатове[11] и многих. Весьма негодующе, местами — верно и талантливо. Документ — ценный для характеристики человека, вылезающего с глубокого низа.

Выходят — выпусками в Москве — лучше пошлю вам первый; есть уже второй.

Датируется по дню отъезда Н. С. Цетлина с Капри 2/15 декабря 1910 г. (*Дн. Пятницкого*).

[1] См.: А—Г, п. от 11 декабря 1910 г.

[2] Горький был приглашен читать лекции слушателям школы в Болонье, однако не поехал, в письме к рабочим он писал:

«Дорогие товарищи!

Сердечно тронут Вашим письмом и горжусь отношением Вашим ко мне. Поверьте — мне очень хочется быть с Вами, но, если бы я приехал — мне пришлось бы молчать, ибо сильный кашель почти не позволяет говорить и все время мучают головные боли. Вместе с нездоровьем мне мешает приехать и обилие работы» (*XXIX*, 141—142).

[3] Рассказ Андреева «День гнева» (Современный мир. 1910. № 12).

[4] Борис Александрович *Садовской* (1881—1952) — писатель, литературный критик, примыкал к символистам. Сын нижегородского историка А. Я. Садовского.

[5] В автографе — Цейтлин. Горький и Пятницкий вели переговоры с Н. С. Цетлиным, владельцем петербургского изд-ва «Просвещение», об издании и продаже продукции «Знания». Соглашение не состоялось.

[6] П. Д. Маныч — литератор, был близок к Куприну, использовал его имя в корыстных целях. См. также: Г—СМ, п. 5, прим. 8.

[7] Первый номер журн. «Современник» вышел в январе 1911 г.

[8] На обложке журн. «Пробуждение» (1910, № 21) была помещена репродукция с картины немецкого художника Кунца Майера «Персей» (Персей — древнегреческий герой, сын Зевса и Данаи, убивший Горгону Медузу).

Репродукция с картины Людвига Кнауса «Прощенные» была помещена в № 26 журнала за 1910 г.

[9] Карл Вильгельм *Диффенбах* (1851—1913) — немецкий художник, жил на Капри. Осенью 1906 г. Горький писал Андрееву: «Вот я познакомился с одним чудаком — это известный художник Диффенбах» (*ЛН*. Т. 72. С. 278). В 1907 г. Горький вместе с Десницким посетил его мастерскую (*Десницкий В. А.* А. М. Горький: Очерки жизни и творчества. М., 1959. С. 161—162), 2 апреля 1910 г. Горький был на выставке картин Диффенбаха на Капри (*Дн. Пятницкого*).

[10] Михаил Гордеевич *Сивачев* (1887—1937) — писатель-самоучка, познакомился с Горьким в 1905 г. в Финляндии (*XXVIII*, 378—379). Автор книг автобиографического характера: «На суд читателя. Записки литературного Макара» (М., 1910, вып. I), «Прокрустово ложе. Записки литературного Макара» (Современные проблемы, 1911, вып. II), в которых Сивачев рассказывал о своей жизни и своем вхождении в литературу, о знакомстве с писателями. Осенью 1911 г. Горький писал П. В. Мурашеву, члену редакции газ. «Живое слово»: «...к его (Сивачева.— *Ред.*) книге все отнеслись недостаточно внимательно, и никто не оценил социальной важности ее. Я лично не считаю книгу Сивачева искренной и правдивой в той мере, как он мог бы ее сделать, нахожу также, что она очень испорчена демагогией,

но тем не менее это одно из значительнейших явлений современности, подтверждающих...раскол демократии с интеллигенцией...» (*XXIX*, с. 202—203).

Письма Горького Сивачеву см. *XXIX*, 378—379 и в газ. «Литература и жизнь» (1960, № 107, 9 сент). В 1934 г. Сивачев в п. к Горькому просил содействия в переиздании кн. «Прокрустово ложе». Первый выпуск кн. Сивачева «На суд читателя» Горькому прислал Н. С. Каржанский. Он писал 5 декабря 1910 г.: «...посылаю Вам „печалования" Сивачова. Книжка не моя и дана мне с условием, что Вы ее продержите не более 2-х дней. Среди тех литераторов, которые живут в Париже, книга имеет успех: на этот единственный экземпляр охотников нет отбою» (*АГ*).

[11] Александр Иванович *Южин* (настоящая фамилия Сумбатов) (1857—1927) — артист, драматург, театральный деятель. С 1882 г. и до конца жизни работал в Малом театре. Лучшие роли Сумбатова-Южина — романтические — в пьесах Шиллера, Гюго. Ст. Амфитеатрова о Сумбатове-Южине см. в кн. «Маски Мельпомены» (с. 5—21).

153. АМФИТЕАТРОВ И ДР.— ГОРЬКОМУ

⟨Феццано. 18 декабря 1910 г.⟩

Редакция «Современника»[1] в полном составе приветствует великого писателя и дорогого сотрудника. Сожалеем о его отсутствии. Самые лучшие пожелания.

Амфитеатров, Коялович, Певин, Лопатин

Датируется по почт. шт.

Телеграмма на итальянском языке. Перевод Р. И. Хлодовского.

[1] Редакционно-издательский комитет журн. «Современник» (1911, № 1) выступил в составе: А. В. Амфитеатров, В. Ф. Боцяновский, М. М. Коялович, П. И. Певин, В. А. Тихонов.

Лопатин не входил в состав комитета, в первом номере журнала он был объявлен в числе сотрудников «Современника».

154. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Декабрь, не ранее 19, 1910 г.⟩

Александр Валентинович, дорогой мой!

В «Речи» от 1/14 дек⟨абря⟩ снова явилось это погребальное объявление, и — снова протестую против жирного шрифта и «постоянного сотрудничества».

Напоминаю объявителям скандал «Речь» — «Совр⟨еменный⟩ мир», вызванный справедливой *по существу* статьей Чуковского[1]. Повторять его не следовало бы, а ведь повторение скандала — возможно, ибо — сами вы судите — ну какой же я «постоянный»? И не обещал я постоянства, и невозможно оно для меня.

Жму руку.

А. Пешков

Очень мешает мне это похоронное объявление!

Датируется по содержанию.

[1] Горький имеет в виду ст. Чуковского «Литературные стружки» (Речь. № 64. 7 марта), в которой редакция журн. «Современный мир» обвинялась в «обмане читателей», так как журнал не напечатал многих произведений, объявленных на 1909 г. О «скандале» «Речь» — «Современный мир» см. в разделе Г—СМ, п. 1,

155. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1910.XII.20

Дорогой Алексей Максимович!

Ей-ей, не виноват: письма мои о жирном шрифте и постоянном сотрудничестве разошлись с Певиным, который в это подготовительное время мотается между Петербургом, Екатеринбургом и Феццано, так что

он ничего не подозревал и не мог сделать распоряжений и только здесь, вчера узнал о Вашем желании, по которому и распорядится немедленно, как только приедет в Питер. Сегодня утром он, Тихонов и Коялович уехали. Значит, в субботу уже будут в Пб-ге.

С какой стати Вы за меня платить будете?[1] Мало у Вас собственных расходов?! Спасибо, но никак на сие согласиться не могу.

Кстати. По скольку прикажете числить Ваш гонорарий? При определении оного себя не обидьте, а тонкость шкуры «Современника» примите в соображение.

Бунин прислал мне «Деревню». Как его адрес? Надо мне ему ответить. Вещь любопытная, хотя, признаюсь, по Вашему отзыву я ждал большего. Напишу о ней в связи с Ал. Толстым и «Серебр‹яным› голубем» А. Белого[2].

Бальмонт прислал стихи. Чудовищные. Напечатать нельзя, а возвращать — больно.

От Андреева начинает чем-то архаическим пахнуть. Фу, как давно это было! Тридцатые годы, что ли...

Деревья приехали!

У нас святочные приготовления елок домашней и школьной.

До свидания, дорогой. Всего Вам хорошего.

Ваш Амфитеатров

[1] См.: *Г—А*, п. от 15 декабря 1910 г.

[2] Андрей Белый «Серебряный голубь», повесть в 7 главах (Весы. 1910. № 3—7, 10—12). Отдельное издание: М., изд-во «Скорпион», 1910. Роман получил восторженную оценку в критике: «капитальное издание» (М. Кузмин), «гениальный размах», «выход в ширь народной жизни» (Н. Бердяев) и др. См.: *Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917*. С. 441.

Амфитеатров не разделял мнения критиков и писателей модернистского направления. По поводу «Серебряного голубя» он писал: «...главный и органический недостаток „Серебряного голубя“ ‹...› холодная рассчитанность ‹...› Когда Андрей Белый ‹...› пытается уверить нас, что его вытканные „под Гоголя“ узоры „вполне реальны“, читатель пожимает плечами:

— А, может быть, этого не было?

И — вот поди же ты! В „Мелкого беса“ верим, в „Городок Окуров“ верим, в Симбирск Алексея Н. Толстого верим, в „Деревню“ Бунина верим, а перед „Серебряным голубем“ ежимся. „А, может быть, этого не было?“» (Современник. 1911. Кн. 1. С. 328—331).

О «Деревне» Бунина Амфитеатров писал в ст. «Литературные впечатления» (Современник, 1911. Кн. 2). См. вступ. ст. к переписке.

156. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Конец декабря 1910 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Прежде всего — с Новым годом!

Поздравляю искреннейше вас, Ил. Вл., Герм. Алек. и всех жителей дома вашего! Почему-то верю, что наступающий принесет-таки нечто доброе и новое.

Засим: напишите вы «современникам», чтоб они гонорарии, причитающиеся мне, немедленно, если это можно, переслали:

казначею Фребелевского О-ва[1]
Екатерине Петровне Чечулиной.
СПб., Эртелев пер., д. № 12.

Пожалуйста! Я не знаю, какой гонорар назначить: 500 — не много? Если возможно — очень прошу о 5-истах, дело-то хорошее: детский дом имени Льва Толстого[2].

Был все время адски занят: маялся со 2-й частью «Кожемякина», устал и разнервничался весьма.

Ну, будьте здоровеньки. А — «Жар-цвет»?

Крепко жму руку.

А. Пешков

Датируется по ответному п. Амфитеатрова от 2 января 1911 г.

[1] Фребелевские общества (по имени известного немецкого педагога Фридриха *Фребеля*, 1782—1852) возникли в России в начале 70-х годов XIX в. в Петербурге, Киеве, Харькове и других городах. Они открывали детские сады (на частные средства) и курсы, которые готовили квалифицированных руководителей детских садов. Фребелевские курсы существовали до 1917 г. и после революции были преобразованы в Институт дошкольного образования.

[2] Идея создать Народный детский дом им. Л. Н. Толстого принадлежала слушательницам Фребелевских курсов в Петербурге (Речь. 1910. № 326. 27 дек.). Горький активно поддержал эту идею. По просьбе В. А. Герда, председателя комитета организации Народного детского дома им. Л. Н. Толстого (*АГ*), Горький написал обращение к итальянскому народу (Русская литература. 1968. № 2. С. 15—16).

В декабре 1910 г. Горький писал редактору газ. «Киевская мысль»: «Милостивый государь г. Редактор!

В течение 1910 года я получал бесплатно редактируемое Вами издание.

Искренно благодарю Вас за любезность, оказанную мне, посылаю Вам с этим письмом рукопись моего очерка.

Считаю нужным указать, что одновременно рассказ послан: „Одесским новостям", „Южному краю", „Киевской мысли" и „Нижегородскому листку".

Если издатель пожелал бы оплатить мой труд гонораром — покорно прошу сделать это так:

гонорар он назначит по своему усмотрению, а я прошу выслать назначенную сумму по адресу: С.-Петербург, Эртелев переулок, д. № 12, казначею Фребелевского общества Екатерине Петровне Чечулиной, с пометкой: „В фонд детского дома имени Л. Н. Толстого".

Посылать деньги от моего имени необязательно, издатель может сделать это от своего лица, если ему угодно.

Настоящее письмо покорно прошу не опубликовывать, ибо опасаюсь, что известие о моем участии в деле организации Детского дома может вызвать нежелательный и вредный делу шум.

Еще раз благодарю за любезность Вашу, милостивый государь, свидетельствую искреннее почтение Вам и всей редакции.

Желаю в Новом году — новых сил, бодрости духа» (*АГ*).

Об организации Детского дома Горький сообщал также сыну: «...огромнейший домище построим в Питере!..» (*Арх. Г.* Т. XIII. С. 83).

В ст. «О писателях-самоучках» Горький писал: «К сведению господ авторов, из произведений которых составлена эта статья: гонорар за статью поступает в фонд по организации в С.-Петербурге Детского дома Льва Николаевича Толстого» (*XXIV*, 99).

Однако идея создания Детского дома им Л. Н. Толстого не была реализована, так как средства для его строительства были собраны незначительные.

157. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано.⟩ I.2.11

Дорогой Алексей Максимович.

Умеренность гонорарных жажд Ваших превзошла все ожидания Певина. Я немедленно написал ему Ваши распоряжения. Будет исполнено.

Как — на март — будет вторая «Жалоба»? Жду усерднейше и с вожделением.

А к Бунину, и после «Деревни», любви у меня мало. Барином писана вещь, с господской брезгливостью.

Ко 2-й книжке буду писать «Деревню в новой русской литературе» (Бунин, Милицына, Родионов, Белый и др.) [1].

Перевел Вам сегодня 250 франков на богдановский предмет.

Работишены у меня ... это — я Вам доложу!

У нас все благополучно, хотя холодно.

Читали Вы Бальмонтовы «Змеиные цветы»? [2] Я теперь, когда ругаюсь, то героями из этой удивительной книги. Например:

Девятикратная Собака! Кровавая раковина женщины!

А путевые письма его к Екатерине Алексеевне в той же книге — прелесть! С наслаждением читал.

До свидания. Всего Вам хорошего. М. Ф. сердечный привет.

Ваш А. А.

[1] См. вступ. ст. к переписке Горького и Амфитеатрова.

[2] Знакомство Горького и Бальмонта состоялось в 1901 г. Еще до знакомства, в 1900 г., Бальмонт напечатал три стихотворения, посвященные Горькому (Жизнь. 1900. Июль). Горький писал Бунину: «А что Вы скажете о стихах Бальмонта? Мне, грешному, „Ведьма" очень понравилась. Знай я, где он живет,— поблагодарил бы поэта за внимание» (*Горьк. чт.* 1961. С. 14).

В 1902 г. Горький привлек Бальмонта к работе в изд-ве «Знание». В 1906 г. был издан его сб. «Стихотворения». Бальмонт участвовал в редактировании «Истории живописи XIX века» Р. Муттера, в издании 3-томного Собрания сочинений Шелли и др.

Однако близости в отношениях Горького и Бальмонта не было.

В 1905 г. Бальмонт совершил большое путешествие в Мексику и Соединенные Штаты Америки. Кн. «Змеиные цветы» (М., изд-во «Скорпион», 1910) была составлена из путевых очерков, переводов мифов ацтеков и майя, а также писем к жене Екатерине Алексеевне Бальмонт (урожд. Андреевой). В книгу вошли описания выдающихся памятников древнемексиканских культур.

158. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.I.4

Дорогой Алексей Максимович!

В «Киевской мысли» оповещено, что на днях в Берлине выходят Ваши «Жалобы», и затем приводятся обширные цитаты из рукописи, из которых следует, что в руках корреспондента была или самая брошюра, или ее корректурные листы. Посылаю Вам № «К⟨иевской⟩ м⟨ысли⟩» [1].

Вы хорошо поймете и недоуменье, с каким я встретил это событие, и истекающее из него недоразумение с редакцией «Современника». Напишите, пожалуйста, как мне изъяснить все это Певину и др.? Ведь делу молодого журнала этим двойственным появлением «Жалоб» наносится неожиданный и незаслуженный удар. Вместо того чтобы дать, как обещано, Вашу новую вещь, мы, оказывается, теперь дадим старую, которую, одновременно с нами и даже раньше нас, может любой издатель перепечатать и пустить на рынок, так как *русские издания, вышедшие за границей*, не ограждены в России авторским правом. Ради бога, исправьте как-нибудь это недоразумение, хотя бы задержав на два месяца берлинское издание. Книжка «Современника» выйдет 12/25 января. С 1/14 февраля пусть «Жалобы» там выходят себе, если Вам это надо.

Ясюкайтис какой-то прислал мне четыре из рук вон скверных стихотворения [2]. Пишет, что был у Вас на Капри. Если читал Вам стихи свои, претерпели же Вы муку! Возвратил.

Видели новое объявление «Современника» с содержанием первой книжки? 28 листов! [3]

Если берлинских «Жалоб» остановить нельзя, то не найдется ли у Вас нового рассказа той же серии? Вы писали о купце. Тогда мы особым объявлением разъясним публике, почему вышла замена. Пожалуйста, поторопитесь с этим делом. Существую, как на иглах.

До свидания. Всего Вам хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. Амфитеатров

[1] Сообщение о выходе «Жалобы» I в изд-ве И. П. Ладыжникова (Берлин, 1910) в газ. «Киевская мысль» (1909, № 349, 18/31 дек.).

[2] В журн. «Современник» в 1911 г. стихи Константина Ясюкайтиса не публиковались. Рассказ К. Ясюкайтиса «На бульваре» печатался в XXIX *сб. «Знания»* (СПб., 1910).

В декабре 1910 г. Ясюкайтис был у Горького на Капри.

[3] Объявление о содержании журн. «Современник» было напечатано в газ. «Речь» (1910, № 347, 18/31 дек.).

В связи с этим В. И. Ленин писал Горькому 3 января 1911 г.: «Насчет „Современника". Читаю сегодня в „Речи" содержание 1-ой книжки и ругаюсь, ругаюсь. Водовозов о Муромцеве... Колосов о Михайловском, Лопатин „Не наши" и т. д. Как тут не ругаться? А Вы еще точно дразните: „реализм, демократия, активность". Вы думаете, это — хорошие слова? Слова *скверные*, всеми буржуазными ловкачами на свете используемые, от кадетов и эсеров у нас до Бриана или Мильерана здесь, Ллойда Джорджа в Англии и т. д. И слова скверные, надутые, и содержание обещается эсеровско-кадетское. Нехорошо» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 11).

159. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не позднее 5, 1911 г.)

Вы по поводу «умеренности гонорарных жажд» — серьезно говорите, или это — ирония под меня пущена?[1] Сообщите, а то я смущен.

Холодно у вас? У нас тоже. Хоть стихи пиши. Сын ваш, милый человек, прислал мне Тертуллиана, Лактанция[2], обе книги Властова[3], а Иринея — нет еще[4]. А я — затерял его адрес и ни поблагодарить, ни спросить — не могу. Дайте адрес!

Совсем болен я, кажется мне. Под лопаткой сидит нечто, подобное плевриту.

Вышел журнал «Новая жизнь», а — зачем вышел неизвестно![5]

«Сатирикон» становится все злее и умней[6].

Отвечайте насчет гонорария, ей-богу, обеспокоен я!

Когда напишу вторую «Жалобу»? Не могу сказать точно, подождите.

Кланяюсь, жму руку

А. Пешков

Сейчас получил письмо по поводу «Жалобы».

Рассказ — *не вышел и не выйдет* до появления в России.

В Берлин послал нагоняй, дабы впредь они не сообщали рецензентам, чего не надобно.

Кроме этого — ничего не могу сделать.

Датируется по п. Амфитеатрова от 2 и 7 января 1911 г.

[1] См.: *А—Г*, п. от 2 января 1911 г.

[2] В. А. Амфитеатров 29 октября / 11 ноября 1910 г. писал Горькому, что «нашел многие из книг», которые тот хотел бы иметь» (*АГ*).

Лукий Нелий Фирмиан Лактанций (Творения Лактанция, писателя, в начале четвертого века прозванного Христианским Цицероном / Пер. Е. Карнеева. СПб.: изд-во Кораблева и Сирякова, 1848. Ч. 1—2). Книга хранится в *ЛБГ* с многочисленными пометами Горького (*Описание*).

[3] В *ЛБГ* хранятся три кн. Г. К. Властова: *Гезиод.* Поэмы. Подстрочный перевод с греческого / Вступ. ст., пер. и прим. Г. Властова. СПб.: тип. «Общественная польза», 1885 (с пометами Горького); *Властов Г.* Теология Гезиода и Прометей. СПб.: тип. Глазунова, 1897; Священная летопись / Прим. и толкование Г. Властова. СПб.: тип. «Общественная польза», 1878—1898. Т. 2—5.

[4] В п. В. В. Розанову в начале 1911 г. Горький писал: «Мне необходимо сочинение Иринея лионского против ересей — рус. изд. 871? перев. Преображенского — безуспешно ищу эту книгу у букинистов более двух лет, наконец, решил обратиться к Вам — не найдете ли?» (Контекст 1978. М., 1978. С. 302). Розанову удалось достать книгу для Горького.

[5] «*Новая жизнь*» — ежемесячный журнал, выходил в Петербурге с декабря 1910 г. по 1916 г. Редакторы журнала П. А. Берлин, Н. А. Архипов-Бенштейн. Участие Горького в журнале ограничилось публикацией третьей сказки из цикла «Сказки об Италии» — «Сказка. Отрывок» (1911, 5). В сентябре 1911 г. Горький отказался печататься в «Новой жизни». См. ниже, а также Г—СМ.

[6] «*Сатирикон*» — еженедельный сатирический журнал, выходил в Петербурге с 1 апреля 1908 г. по 1914 г. Редактор А. А. Радлов, позже А. Аверченко. В журнале сотрудничали Аверченко, С. Черный, Тэффи и др.

160. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.I.7

Дорогой Алексей Максимович.

Когда же я прибегал в беседах с Вами к ироническим приемам? Конечно, всерьез говорю: дешево взяли, я думал, спросите дороже. Ну, стало быть, гуляй, «Современниче»! Такое его каторжное счастье.

Адрес сына:

Москва. Спиридоновка. Д. Германовой. Владимиру Ал. А-ву.

Ну, я ли не редактор? Умолил неумолимого Герм. Ал. написать немножко о Караулове! [1]

Относительно Берлина — больше того, что сделали к обузданию, ничего и не надо. Спасибо.

«Жар-цвет» и «Княжну» так упорно и не получаю от «Просвещения».

С Коцюбинским я списался.

Толстого и Короленко придется, видимо, писать самому. Между тем о Толстом пришлось много говорить в «Пестрых главах» [2].

Думал неделю отдохнуть — получил сегодня от «Просвещения» корректуру «Зверя из бездны».

«Новую жизнь» не видал, равно как и «Сатирикон». От Саши Черного имел нежное письмо, в котором он очень симпатичен [3].

Вступление в «Совр». написал суровое [4]. Разговариваю с публикою строго вообще, с индивидуалистами в особенности.

За строки, как Андреев о Вас у Фидлера написал, много ему грехов простится и симпатий возвратится [5].

Нужны мне рецензенты по всем отраслям литературы и науки. Если есть у Вас дельные ребята, давайте.

«Русская история» Покровского и Сторожева никуда не годится [6]. Совершенно не научное предприятие строить нечто свое на чужом фундаменте, без поверок его крепости. Для романа скучно, для науки — жидко, легкомысленно, доверчиво. Швах.

Вандаля следовало бы снабдить примечаниями, да и вообще критически редактировать, а то сей француз, склонный к отсталости, как вообще свойственно французским ученым, порядком устарел, даже по русским источникам последнего десятилетия [7]. И притом нельзя же оставлять в русском переводе такие французские обмолвки, как «*Николай* Сперанский!»

Ах, хорошо бы получить от Вас вторую «Жалобу» хоть для мартовского №! А уж на апрель-то уповаю!

Редко радуюсь чьему-либо неуспеху — тем более если хорошо отношусь к автору, но искренно доволен, что «Miserere» провалилось у художественников. Не фальшивьте, обе стороны! [8]

Россия даже в землетрясении не могла не побить западных рекордов! Что за ужасы! Наш Конст<антин> Дмитриевич ведь из Верного родом [9].

Дьяволы-анархисты сделали все, чтобы лишить русских эмигрантов права убежища и обратить в «волков» для всего света. Но — молодцы же! какого страха задали! Пушки, шотландская гвардия... Я советую Аладьину воспользоваться этим обстоятельством для окончательного подрыва в Англии царского престижа [10].

— Милорды и милэди! Вы видели, что для взятия двух русских, вооруженных только маузерами, потребовались целые отряды полицейских, пожарных, полк шотландских стрелков, артиллерия. Их все-таки взяли только мертвыми. Так дерутся русские, когда им есть за что драться. Судите нас сами: как должен быть ненавидим в народе царь Николай II и его режим, если такой народ мог проиграть русско-японскую войну...

А вообще-то тяжко и жутко!

До свидания. Всего Вам хорошего. М. Ф. сердечный привет. Юной чете такожде. Кажется, Вам вскоре предстоит осуществить на практике стихотворение:

Пусть гордится старый дед
Внуков резвою семьею?..

Ваш А.

[1] Лопатин написал краткие воспоминания о Василии Андреевиче Караулове. См. «Письмо в редакцию» (Современник. 1911. Кн. 1).

[2] В «Пестрых главах» Амфитеатров писал о Л. Н. Толстом (Современник. 1911. Кн. 1) и о Короленко в связи с 25-летием его возвращения из ссылки (кн. 2).

[3] Саша *Черный* (Александр Михайлович Гликберг) (1880—1932), поэт-сатирик, один из сотрудников «Сатирикона». В августе 1912 г. Горький писал Е. П. Пешковой: «Послал тебе стихи Саши Черного, одного из талантливейших людей в „Сатириконе",— не смущайся грубостью, обрати внимание на искренность его тоски» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 110). В 1911 г. Черный ушел из «Сатирикона», печатался в «Современнике». См.: Г—Ляц.

[4] Имеется в виду ст. «От редакции» кн. 1 «Современника» за 1911 г.

[5] В сб. «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей». Собрал Ф. Ф. Фидлер (М., изд. И. Д. Сытина, 1911). Андреев писал: «...пробуждением истинного интереса к литературе, сознанием важности и строгой ответственности писательского звания я обязан Максиму Горькому. Он *первый* обратил серьезное внимание на мою беллетристику (именно на первый напечатанный мой рассказ „Баргамот и Гараська"), написал мне и затем в течение многих лет оказывал мне неоценимую поддержку своим всегда искренним, всегда умным и строгим советом. В этом смысле знакомство с Максимом Горьким я считаю для себя как для писателя величайшим счастьем; и если говорить о лицах, оказавших действительное влияние на мою писательскую судьбу, то я могу указать только на одного Максима Горького, исключительно верного друга литературы и литератора» (с. 31).

[6] Речь идет о «Русской истории с древнейших времен» в 5 томах, 10 книгах (М., изд-во «Мир», 1910—1913) М. Н. Покровского при участии М. Н. Никольского и В. Н. Сторожева. В 1910 г. были изданы т. I, кн. 1 и 2; т. II, кн. 3 и 4.

Горький высоко оценил работу Покровского. Он писал в 1919 г. Воровскому: «„Мир" — это солидное дело, под его маркой изданы прекрасные книги — в их числе „Русская история" М. Н. Покровского» (*Арх. Г.* Т. X. Кн. I. С. 13).

1/14 сентября 1916 г. Горький просил Покровского: «И было бы прекрасно, своевременно, необходимо, если б Вы дали „Курс русской истории" применительно к потребностям и уровню интеллекта новой русской интеллигенции. Нельзя ли сократить Ваш пятитомный труд до двух томов...» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 141). Покровский подготовил «Русскую историю в самом сжатом очерке». Эта книга вышла в 1920 г. в Госиздате.

Высокую оценку кн. Покровского дал Ленин 5 декабря 1920 г.: «Тов. М. Н.! Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга „Русская история в самом сжатом очерке". Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки...» (*В. И. Ленин.* Т. 52. С. 24).

[7] Альбер *Вандаль* (1854—1910) — французский ученый, историк. Его труд «Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи» (т. 1—3) издан «Знанием» в 1910—1913 гг. Книги с дарственными надписями переводчицы В. Шиловой хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[8] Театральные критики единодушно отметили неудачу постановки «Miserere» в Художественном театре.

Вл. И. Немирович-Данченко, режиссер «Miserere», писал И. М. Москвину о мотивах выбора пьесы Юшкевича: «Юшкевич нарисовал эпидемию самоубийств молодежи, которой, „нечем жить". Это ужасное, страшное явление современности. Юшкевич отнесся к нему как поэт, а не моралист. А потом пусть общество ужасается, волнуется, ищет причин и лекарств этого явления» (*Немирович-Данченко Вл. И.* Избранная переписка. М., 1979. Т. 2. С. 17).

[9] 23 декабря 1910 г. газеты опубликовали сообщение о сильном землетрясении в Верном, о разрушениях и человеческих жертвах («Русское слово» и др.).

Константин Дмитриевич Бальмонт родился в Гумнищах, Шуйского уезда, Владимирской губернии.

[10] Амфитеатров имеет в виду заметку «Осада дома на улице Сидней» (Речь. № 252. 23 дек. 1910 г. / 5 янв. 1911 г.), в которой сообщалось о столкновении русских анархистов с английскими войсками и полицейскими. В результате были ранены 19 полицейских и убиты два русских. В связи с этим английские газеты писали о необходимости принять меры против анархистов, «которые обращают свое

оружие против страны, дающей им убежище» (Там же). На следующий день корреспондент писал, что события на Сидней-стрит станут предметом обсуждения в парламенте «об изменении законов о чужестранцах» (Речь. № 253. 24 дек. 1910 г./6 янв. 1911 г.).

А. Ф. *Аладьин* — член I Государственной думы, после разгона Думы, до Февральской революции, жил в Лондоне, писал в английских газетах («Times» и др.).

161. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 8 января 1911 г.)

Что написал Андреев?[1] Не вем. И плохо верю. Леонид — он хитрый, как Юшкевич.

В «Miserere» сфальшивила одна сторона — художественники. Семен написал искренно.

Уверен, что, работая над этой штукой, он боялся смотреть в темные углы — а вдруг — Она там сидит, вкусно оскаля зубы?

Насчет рецензентов — подумаю, попишу. Посылаю письмо Окунева — смотрите его рассказ в 32 сбор<нике> «Знания». Мне он кажется человеком не без таланта, и если б можно было помочь ему — м. б., он весьма годился бы «Совр.»[2]

Затем: советую пригласить на роль рецензента — и беллетриста тоже — Александра Николаевича Тихонова, С. П. Бургская сторона, Широкая улица, д. № 21, квар. 10 — Варваре Васильевне Шайкевич, для А. Н. Т.

Я вам говорил о нем — горный инженер, редактор студенч<еской> газеты в 906 г., очень образованный человек, хорошо знает литературу. Его повесть пойдет в «Совр<еменном> мире» текущ<его> года[3].

Рецензент по истории, истории церкви, по богословию — Василий Алексеев Десницкий[4], Юрьев, университет.

Лицо вполне солидное. Специалист по местной истории, автор труда «Село Павлово в XVII веке»— кажется, сей труд еще не вышел.

Кроме Коцубинского[5], рекомендовал бы Винниченка.

Хотите написать о белорусской литературе? Очень интересное явление. Материал пришлю.

Между делом вы бы перевели «Вечную песню» Янка Купала, славная вещь[6].

Берлинцев изругал по Бальмонту. Недовольны!

Был у меня сегодня Ризов[7]. Понравился. Вспоминали о вас — просили кланяться.

Будьте здоровы.

А. Пешков

Письмо Окунева — возвратите. И — да останется оно между нами.

В Флоренции Via Gino Capponi 15 живет Петр Ширяев[8] и пишет рассказы. Человек обещающий, что имейте в виду.

Датируется по фразе «был у меня сегодня Ризов» (*Дн. Пятницкого*, 26 дек. 1910 г./8 янв. 1911 г.).

[1] См.: *А—Г*, п. от 7 января 1911 г., прим. 5.

[2] Яков Маркович *Окунев* (1882—1939) — писатель, журналист, печатался в «Знании». В XXXII *сб. «Знания»* (СПб., 1910) опубликован его рассказ «Дарья Авилова с сыновьями».

Окунев писал Горькому: «Я занимаюсь уроками 10—12 часов в сутки, приходится бегать по грошовым урокам, чтобы прокормить себя и семью. На себя остается 3—4 часа. Тогда я, усталый, опустевший, сажусь писать и переживаю ужасные муки, чувствуя, что в голове — ни одного образа, что перо валится из усталых рук» (*АГ*).

В ответном письме Горький сообщал Окуневу: «Уважаемый Яков Маркович! В „Знании“ работы нет, а в „Совр<еменнике>“ — возможно, что и найдется. Вместе с этим письмом пишу Амфитеатрову — это его журнал, т. е. он там — голова.

Получили ли Вы гонорар за „Авилову“?

Будьте здоровы, не падайте духом, будемте пробовать все способы, какими можно выбраться из Витебска.

Крепко жму руку.

А. Пешков»

(*АГ*).

[3] Александр Николаевич *Тихонов* (Серебров) (1880–1956) – писатель, активный участник многих издательских начинаний Горького. До революции работал в газ. «Звезда», «Правда» в журн. «Просвещение», «Современник», «Современный мир», «Летопись» и др. В послереволюционный период – в газ. «Новая жизнь», в изд-вах «Всемирная литература», «Academia», «Круг», «Федерация», «История фабрик и заводов», в серии ЖЗЛ и др.

Письма Горького А. Н. Тихонову опубликованы в *Горьк. чт.* 1959 (с. 5–98). Воспоминания Тихонова о Горьком «За Невской заставой» – в кн. «Время и люди» (М., 1955, с. 73–79).

Речь идет о повести А. Н. Тихонова «Шебарша» (Современный мир. 1911. № 8). В *АГ* хранится рукопись повести с большой правкой Горького, его замечаниями и отзывом.

Варвара Васильевна *Шайкевич* (1886–1953) – жена А. Н. Тихонова. Горький посвятил ей свою кн. «Ералаш и другие рассказы» (Пг., 1918): «Варваре Васильевне Шайкевич посвящаю». И. С. Зильберштейн в ст. «Подарки Горького» (Литературная Россия. 1968. № 16. 12 апр.) приводит посвящение В. В. Шайкевич на кн. «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» (Пг., 1919). См. в наст. томе. В *АГ* хранятся четыре книги с дарственными надписями Горького: одна – В. В. Шайкевич и три книги – ее сыну Андрею Шайкевичу.

В. А. ДЕСНИЦКИЙ НА ВИЛЛЕ «СПИНОЛА»
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, 1909
Музей Горького, Москва

[4] Василий Алексеевич *Десницкий* (псевдоним В. Строев) (1878–1958) в начале 900-х годов принимал активное участие в революционном движении, сотрудничал в большевистских газетах. В 1909 г. – участник фракционной каприйской школы. В 1910 г. – преподавал в Юрьевском (Дерптском) университете. С 1919 г. от партийной работы отошел. Преподавал и занимался научной работой в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена и в других вузах.

В последние годы А. В. Десницкий был научным сотрудником Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Основные труды по истории русской и зарубежной литературы XVII–XX вв. см.: Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1958; А. М. Горький: Очерки жизни и творчества. М., 1959; и др.

[5] Михаил Михайлович *Коцюбинский* (1864–1913) – украинский писатель, некоторое время жил на Капри, переписывался с Горьким. В очерке «М. М. Коцюбинский» Горький писал: «У него тонко развита эстетическая чуткость к доброму, он любит добро любовью художника, верит в его победную силу, и в нем живет чувство гражданина, которому глубоко и всесторонне понятно культурное значение, историческая стоимость добра» (*11*, 178–185).

[6] Янко *Купала* (псевдоним Ивана Доминиковича Луцевича) (1882–1942) – народный поэт Белоруссии. С творчеством Купалы и Якуба Коласа Горького познакомил А. Посох – белорусский учитель, который в июле 1910 г. вместе с группой учителей из России приехал на Капри. По просьбе Горького он прислал ему сборники стихов белорусских поэтов (*Посох А. Ф.* Мое знакомство с Алексеем Максимовичем Горьким. Минск, 1936).

Стихи Купалы и Коласа произвели на Горького сильное впечатление. Он писал Коцюбинскому 7/20 ноября 1910 г.: «В Белоруссии есть два поэта: Якуб Колас и Янко Купала – очень интересные ребята! Так примитивно-просто пишут, так ласково, грустно, искренно. Нашим бы немножко сих качеств!» (*XXIX*, 138),

и А. С. Черемнову: «...знаете Вы белорусских поэтов Якуба Коласа и Янко Купала? Я недавно познакомился с ними — нравятся! Просто, задушевно и, видимо, поистине — народно. У Купала есть небольшая поэмка „Адвечная песня" — вот бы перевести ее на великорусский язык!» (Там же, 144).

В ст. «О писателях-самоучках» (Современный мир. 1911. № 3) Горький обратил внимание читателей на растущую молодую литературу белорусов и привел слова «Адвечной песни» Янки Купалы (в своем переводе). Он писал о глубоком смысле этой песни, «которая, может быть, на время станет народным гимном белорусов» (*XXIV*, 135). В малой серии «Библиотеки поэта» «Адвечная песня» опубликована в переводе Горького.

[7] Дмитрий Христофорович *Ризов* (1863—1918) — активный поборник объединения Болгарии. В 1910 г. Ризов занимал пост болгарского посла в Италии, к этому времени относится знакомство Горького с Д. Х. Ризовым и его женой Босилкой Ризовой. Супруги Ризовы в 1910 г. посетили Горького на Капри. Пятницкий писал в своем дневнике о беседе Горького с Ризовым о русской литературе и влиянии русской культуры на Болгарию (*АГ*). Об их отношениях см. подробнее в статье В. П. Вильчинского «Д. Ризов и М. Горький» (М. Горький и его современники. Л.: Наука, 1968).

[8] О Петре Алексеевиче *Ширяеве* (1888—1935) Горькому писал Н. Каржанский (*АГ*). В *АГ* хранится п. Горького Ширяеву:

«Стихи уж очень обычны, подобные пишутся в наше время саженями.

Вы слишком произвольно ставите ударения, а „морозный" снег — это едва ли удачно.

Рассказ вызвал впечатление смутное и тяжкое. Я, видимо, неспособен понимать психику людей, подобных Вашим героям, и воздерживаюсь от суждения по существу вопроса.

Форма его будит досадное чувство отсутствием простоты, неровностями языка и постоянным вмешательством автора в дела и мысли героев его.

Мал запас слов, много повторений, построение хаотично и утомляет читателя. Есть лишние, ничего не говорящие детали.

Если это Вас не рассердит — повторяю: надо писать проще, спокойнее, более сжато» (*АГ*).

Ширяев публиковался в журн. «Современник». В *ЛБГ* хранятся две книги Ширяева, одна из них — с дарственной надписью и пометами Горького (*Описание*).

162. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.1.12

Дорогой Алексей Максимович.

Разве Вы не получаете андреевского капища, именуемого «Утро России»? Там была огромная выписка из новой автобиографии Леонида, где он замечательно тепло и искренно пишет о Вашей роли в его первом литературном развитии [1].

Письмо Окунева мне не очень понравилось. Во всяком случае, приму к сведению и сделаю все, что могу. Писать не так необходимо, как он думает, а против кормления при литературных делах я люто враждебен. Тихонов наслал мне таких голубчиков, что только плюнь и свистни [2].

Александру Тихонову непременно напишу. Я ведь познакомился с ним у Вас. Парень показался мне умным. Десницкому тоже напишу.

Если Ширяев пришлет что́, обращу особое внимание [3].

Белорусами весьма заинтересован. Пришлите.

Как прикажете насчет прилагаемого просительного письма? Удовлетворить или нет? Я ничего не имею против [4] <...>

Устал я несносно, а тут еще у нас все в доме больны: Ил. Вл., Бубка, Женя, маленькие, Стефания [5]. Ил. Вл. прошла через такую «ангину флегмонозу», что одну ночь думал я: шабаш, вдовею!.. Бубка сейчас подозрителен по плевриту, но, полагаю, обойдется,— однако третий день лежит.

А где Винниченку достать?

До свидания. Всего Вам хорошего. М. Ф. и всем святым дома Кесарева привет.

Ваш А. А.

ГОРЬКИЙ В КАБИНЕТЕ ВИЛЛЫ «СЕРАФИНА»
Фотография Левдика. Капри, 1911
Музей Горького, Москва

[1] В московской газ. «Утро России» часто печатались произведения Андреева, разного рода сообщения о его жизни и деятельности, интервью с писателем и т. д. Подробнее см.: *Андреев Л. Н.* Письма к А. П. Алексеевскому / Публ. В. Н. Чувакова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 178—192.

Упоминаемая «огромная выписка из новой автобиографии» Андреева была напечатана не в «Утре России», а в газ. «Речь», (№ 349, 20 дек. 1910 г. / 2 янв. 1911 г.), в разделе «Литературная неделя». Полностью автобиография была напечатана в сб. «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей» (М., изд. И. Д. Сытина, 1911 г.).

[2] В. А. Тихонов.

[3] В «Современнике» (1911, кн. 6) был напечатан рассказ П. А. Ширяева «Тени».

[4] Упоминаемое письмо не найдено. Судя по ответному письму Горького, речь идет о Федоре Павлове, обратившемся с просьбой о высылке ему журн. «Современник».

[5] Бубка — сын Амфитеатрова, Даниил Александрович Амфитеатров — пианист, дирижер. Женя — Е. П. Бураго (сестра Л. П. Пешковой); «маленькие» — младшие сыновья Амфитеатрова, Максим и Роман (в будущем — музыканты); Стефания — экономка в доме Амфитеатровых (сообщено Е. З. Пешковой).

163. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 14 или 15 января 1911 г.)

Капище Леонидово получаю, но — статью его просмотрел. Искать — не стану и некогда, да и охоты нет. Читали о нападении на него, Леонида? Думаю, что — дело пьяное [1].

Письмо Федора Павлова — возвращаю, могу ли просить, чтоб ему выслали журнал за мой счет?

Пожалуйста!

Бялорусскую литературу — посылаю [2], а вы мне ее возвратите, хорошо?

И возвратите сочинение Сивачева [3], если это вам интересно, пришлю вторую тетрадь, где говорится о Горьком и его звериных глазах [4].

Прочитал «Жар-цвет» [5] — интересно, хорошо! Вот желал бы этой книге широкого распространения! Скольких она может вылечить и скольких заставила бы поумнеть.

Такой вы хороший леший и так много знаете — завидно мне!

Винниченке пишите по адресу «Земли» [6], а то спросите Коцубинского, это лучше.

Будьте здоровы.

А. Пешков

Вторую «Жалобу» [7] — может — к марту успею дать. Хотите — устрою для «Совр.» статью о современной татарской прессе и литературе в России, а также переводы с татарского? Очень интересно, никому не ведомо. Ново! Оригинально! Бум!

Театр! Татарская драма! [8]

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 12 и 17 января 1911 г. Письма к Амфитеатрову, не датированные Горьким, можно датировать на протяжении 1911 г. с большой степенью точности (чаще всего в пределах двух-трех дней). Основанием для их датировки являются всегда датированные письма Амфитеатрова, почтовый коэффициент (письмо с Капри в Феццано — как и обратно — приходило на второй, а иногда и на следующий день), а также чрезвычайно интенсивный и устойчивый ритм переписки: письмо, как правило, вызывало немедленный ответ.

[1] В течение января появился целый ряд газетных сообщений, в которых всячески раздувался происшедший на даче Андреева в Рейволе (Финляндия) инцидент: ссора писателя с бежавшим из ссылки эсером М. Х. Румянцевым, проживавшим у Андреева в качестве садового сторожа, завершившаяся его выстрелом в Андреева. Горький особенно болезненно реагировал на появившуюся позже сенсационную заметку в «Новом времени» (1911, № 12546, 15/28 янв.) «К покушению на Леонида Андреева». См. п. А. Н. Тихонову, январь, не ранее 20, 1911 г.— *Горьк. чт.* 1959. С. 19.

[2] По-видимому, Горький послал Амфитеатрову стихи Якуба Коласа и Янко Купалы. См.: Г—А, п. от 8 января 1911 г., прим. 6.

[3] Первый выпуск «Записок литературного Макара». См.: Г—А, п. от 15 декабря 1910 г., прим. 10.

[4] Второй выпуск кн. М. Сивачева «На суд читателя. Записки литературного Макара». По формату и объему и первый и второй выпуски напоминают тетради. Во втором выпуске Сивачев, рассказывая о своей встрече с Горьким в Финляндии, писал, что во время его «исповеди» Горький смотрел на него «большими, тяжелыми, буквально звериными глазами такого крупного зверя, который чувствует свою мощь и презирает находящегося перед ним маленького зверька за его бессилие», и, выслушав исповедь, сказал: «Не могу вам ничем помочь» (с. 109).

К этому месту в книге сделано примечание: «Позже, когда этого писателя имел возможность наблюдать лично, когда вчитался в его произведения,— я понял, что „звериные глаза" и заявления о невозможности помочь — это своеобразное испытание „на личность" в духе Горького. Тот человек, который задавлен жизнью до того,

когда утрачивается гордость (...) такой человек, хотя бы он и был достоин поддержки, мог бы еще подняться, участия в Горьком не встретил бы. Горький слишком субъективно смотрит на людей» (с. 110). См. также: А—Г, п. от 26 января 1911 г., прим. 1.

[5] *Амфитеатров А.* Жар-цвет: Фантастический роман. СПб.: изд-во «Просвещение», 1910.

[6] «*Земля*» — литературный альманах, издававшийся «Московским книгоиздательством писателей» в 1908—1917 гг. Винниченко был постоянным сотрудником альманаха.

[7] Второй рассказ из цикла «Жалобы» был напечатан в журн. «Современник» (1911, кн. 3).

[8] В то время Горький начал переписываться с татарским писателем Гаязом *Исхаковым* (псевдоним Чингиз) (1878—1954). Гаяз Исхаков в 1906 г. подвергся репрессиям за издание газеты демократического направления «Танг» («Утренняя заря»). С 1908 г. жил в Константинополе, осенью 1911 г. вернулся в Россию. После Октябрьской революции Исхаков эмигрировал.

В п. Горькому от 19 декабря 1910 г. Гаяз Исхаков сообщил, что выслал в изд-во «Знание» свою пьесу «Брачный договор» («Алым-бирдым») в переводе на русский язык (*АГ*). Как это видно из п. Исхакова Горькому от 6 января 1911 г., Горький положительно оценил пьесу и предложил написать ему «Очерк о современном состоянии татарской литературы» (*АГ*). См.: Г—А, п. от 22 марта 1911 г., прим. 3.

164. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.I.17

Дорогой А. М.! Прилагаю Вам вырезку из письма Певина[1]. Если, ввиду отсутствия Чеч<улиной>[2], надо поступить как-либо иначе, то телеграфируйте: «Sovremennik, Pieterburgo».

Спасибо за белорусов.

Татар давайте, давайте! «Статья давай, рассказ давай, стыха давай!»

Рад, что Вам понравился «Жар-цвет», хотя Вы на него уж очень серьезно взглянули. В конце-то концов, мистификация же вольтерианская[3]. Я из-за этого и держал ее так долго под спудом. Выходит 2-м изданием[4].

«Совр.» опоздает-таки на несколько дней из-за Чирикова и Водовозова, черт бы их грыз![5]

Любопытная штука письмо Антоновича[6]. Собака ужасная и бурсак лютый, но — черт их знает, этих старичин, приятно с ними дело иметь. Логики и, коли пишут, так знают что.

Очень мне нравится новая теория, что не татары нас отатарили, но сами около нас татарами сделались из довольно приличных монголов.

Суворин хорошо издал Плано Карпини и Рубруквиса[7], но, чёрт бы его драл, дорого. Что это я сегодня расчертыхался, однако?

Сивачева хотел задержать еще несколько дней, так как хотел написать о нем, но, если надо, пошлю. «Звер<иные> глаза» тоже пришлите.

Мучительно редактировать журнал, особенно на расстоянии столь дальнем, но интересно[8].

До свидания. Всего Вам хорошего. Будьте здоровый! М. Ф. и «чадам родимым» привет.

Ваш А. А.

Адрес Павлова-то у Вас в письме, а у меня нету.

[1] Прилагаемая вырезка из п. Певина не разыскана.

[2] Речь идет о денежных взносах на строительство Народного детского дома им. Л. Н. Толстого.

[3] В «фантастическом» романе Амфитеатрова «Жар-цвет» повествуется о мистических веяниях в среде интеллигенции. Автор дает рационалистическое объяснение изображенным в книге явлениям внушения, передачи мыслей на расстоянии, «автогипнотизма» и др. Именно эта проблематика романа, по-видимому, привлекла Горького, который интересовался непознанными явлениями человеческой психики и их научным толкованием. Упоминая о Вольтере, Амфитеатров, вероятно, имеет в виду просветительскую критику религиозных мифов в его творчестве.

[4] «Жар-цвет» составил второй том Собрания сочинений Амфитеатрова. Книга вышла в свет между 30 марта и 6 апреля 1911 г. (Книжная летопись. 1911. № 14. 8 апр.).

[5] Предполагалось, что кн. 1 журн. «Современник» будет выпущена 12/25 января 1911 г. (Г—А, п. от 4 января 1911 г.), но она вышла в свет только 24 января / 6 февраля (А—Г, п. от 11 февр. 1911 г.) без «Заметок провинциала» Е. Чирикова. Речь идет, возможно, и о ст. Водовозова «С. А. Муромцев как председатель Государственной думы» (Современник. 1911. Кн. 1).

[6] Максим Алексеевич *Антонович* (1835—1918) — литературный критик, философ, публицист, сотрудник и член редакции некрасовского журн. «Современник», где он вел отдел «Русская литература». С закрытием «Современника» (1866) отошел от активной литературно-общественной деятельности. Во время организации Амфитеатровым нового журн. «Современник» и выпуска его первой книги Антонович был в активе редакционно-издательского комитета журнала. Упоминаемое Амфитеатровым п. Антоновича было напечатано в кн. 1 журн. «Современник» в разделе «Письма в редакцию». В нем он высказал резко отрицательное отношение к господствующему в «нынешней печати» мистицизму, богостроительству и богоискательству, к расцвету «порнографической», «сыщицкой» и «декадентско-символической» литературы, «кичливости „святой Руси“ перед гнилым Западом» и т. п. (с. 392—393). 22 декабря 1910 г. / 4 января 1911 г. Антонович сообщал Амфитеатрову: «Мой набросок, как я ни старался сдерживать себя и не горячиться, вышел довольно резким и похожим на обвинительный акт. Но переделать его и смягчить я не могу заставить себя, да уже и не время теперь. Поэтому лучше будет, если Вы напечатаете мои заметки в конце книжки, не как статью с ответственностью редакции, а просто как личное письмо человека, пока еще постороннего для редакции, и снабдите его со стороны редакции всякими оговорками, замечаниями, несогласиями в чем-нибудь и даже возражениями — на что я наперед даю свое полное согласие» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

В послесловии «От редакции» отмечалось, что совпадение взглядов Антоновича с программой журнала «обозначилось гораздо больше чем „наполовину“, которой согласен удовлетвориться уважаемый публицист (...) М. А. Антонович пожелал придать настоящему своему выступлению форму „Письма в редакцию“, снимающую с нас ответственность за разногласие с ним во второстепенных деталях» (Современник. 1911. Кн. 1. С. 400).

В дальнейшем Антонович от участия в журнале отошел.

[7] *Плано Карпини Иоанн де.* История монголов: Рубрук Вильгельм де. Путешествие в восточные страны/Введение, пер. и прим. А. И. Малеина. С прилож. 8 рис., карты и указателей. СПб., изд. А. С. Суворина, 1911. В кн. 1 журн. «Современник» этому изданию была посвящена рецензия (без подписи), в которой было высказано сочувственное отношение к «новой теории», упоминаемой Амфитеатровым (с. 438—441).

[8] Приблизительно в то же время (янв., после 19, 1911 г.) Горький писал Е. К. Малиновской: «Амфитеатров — человек честный, литератор хороший, грамотен и знающ. Издали, конечно, мало сделать можно, и, думаю, долго этот журнал не выстоит, а попробовать — надо» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 340).

165. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 22 или 23 января 1911 г.)

Нового издания Плано Карпини — не видел, а есть старое, 40-х годов в переводе Семенова[1], того, который перевел Барбаро, Кампензе, Контарини и Павла Иовия,— вот ежели бы найти это старенькое! Первый том — Барбаро и прочие — у меня есть, а второго — не найду![2]

О монголах — о Тамерлане — есть чудесная книга Гонзалеса Клавихо, издана Академией[3]. Серьезный парень был этот кастильянский посол и умел много видеть.

Рубруквиса — не знаю. Кто таков и когда — куда ездил?[4]

Что́ значит «письмо Антоновича», когда, кому, зачем писано?

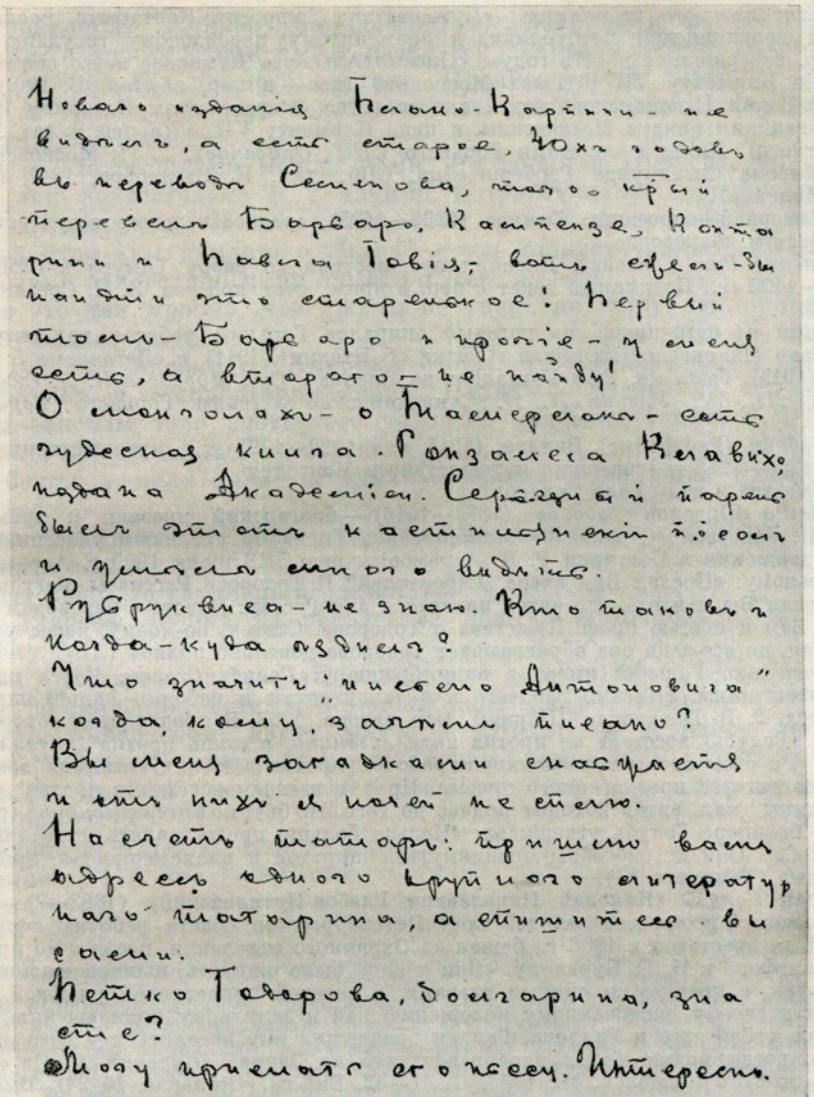
Вы меня загадками снабжаете, и от них я ночей не сплю.

Насчет татар: пришлю вам адрес одного крупного литературного татарина[5], а спишитесь вы сами.

Петко Тодорово, болгарина, знаете?

Могу прислать его пьесу. Интересно[6].

А буде у вас такое настроение, чтобы Сивачева ругать,— молю! — ругая его, Степу Голубя[7] вспомните и не забудьте указать господам



ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ГОРЬКОГО АМФИТЕАТРОВУ
ОТ 22 ИЛИ 23 ЯНВАРЯ 1911 г.
Архив Горького, Москва

партийным товарищам всех сект и цветов, сколь нехорошо обучать людей демагогии и какие нехорошие результатики отсюда выскакивают.

Весьма кланяюсь.

Очень скучен, зол и утомлен зело.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 17 и 26 января. Написано по приезде из Неаполя. См. следующее письмо.

[1] В России произведения Плано Карпини были изданы в 1795 г., 1800 г. и 1825 г. См.: *Плано Карпини Иоанн де.* Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. I. Плано Карпини. II. Асцелин/ Пер. Д. И. Языкова. СПб., 1825.

[2] Имеется в виду изд.: Библиотека иностранных писателей о России. Отд. первое. Т. I / Иждивением М. Калистратова, трудами В. Семенова. СПб.: тип. III отд. собственной е.и.в. канцелярии, 1836. Т. I: «Путешествие в Тану Иосафата Бар-

баро, венецианского дворянина»; «Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей венецианской республики, к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 году»; «Письмо Альберта Кампензе к его святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии» (все — в пер. с итал. В. Семенова); «Павла Иовия Новокомского книга о посольстве, отправленном Василием Иоанновичем, великим князем Московским, к папе Клименту VII...» (в пер. с лат. М. Михайловского). Книга с пометами Горького (*ЛБГ, Описание*). Т. II: Московские записки барона Сигизмунда Герберштейна. СПб.: тип. К. Вингебера, 1847 (в пер. А. И. Малеина).

[3] Тамерлан — прозвище *Тимура* (1336—1405), среднеазиатского государственного деятеля и полководца.

Клавихо Рюи Гонзалес. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. / Подлинный текст с пер. и прим., сост. под ред. И. И. Срезневского. СПб., 1881.

Одним из источников, на который опирался Горький, работая над сказкой о Тамерлане (IX сказкой из цикла «Сказки об Италии», 1911) и «Легендами о Тамерлане» (1915), была кн. Рюи Гонзалеса де Клавихо. См.: *Муратова К. Д.* Сказки об Италии // *МИ*, IV; *Ульрих Л. Н.* Самаркандские легенды Горького // *Горьк. чт.* 1962.

[4] *Рубрук* (Рубруквис) Виллем (1215 или 1220—1293 гг.), путешественник, монах. В 1253—1255 гг. совершил путешествие в Монголию.

[5] Имеется в виду Гаяз Исхаков.

[6] Петко Юрданов *Тодоров* (1879—1916) — болгарский прозаик и драматург. Пьеса П. Тодорова «Строители» была послана Горькому активным участником рабочего движения в Болгарии Р. П. Аврамовым еще 5/18 июня 1909 г. Аврамов писал Горькому: «Послал Вам вчера „Строителей“ П. Тодорова. Рассказы смогу послать позже, если Вы найдете, что автор интересен для России. Вместе с переводом пьесы послал Вам и статью проф. Крыстева о Тодорове. Статья, по-моему, чересчур пристрастная, но все-таки она обрисовывает Тодорова довольно полно» (*АГ*).

[7] Очевидно, Горький имеет в виду брошюру: *Голубь Степан.* Через плотину интеллигентщины. (Письмо рабочего к интеллигентам и рабочим нашей партии) / С предисл. Г. В. Плеханова. ⟨Париж⟩. Изд. автора, 1908. В предисловии говорилось: «⟨...⟩ он ⟨Голубь⟩ восстает не против *интеллигенции*, а лишь против „*интеллигентщины*“, и в этом восстании мыслящего рабочего против „интеллигентщины“ заключается весь интерес предлагаемого письма. Правда, в своем восстании против „интеллигентщины“ наш автор доходит подчас до того, что бьет по *интеллигенции*» (с. VII). В своей брошюре Голубь утверждал: «Нельзя больше предоставлять интеллигентов самим себе... Они не способны проникнуться широтой и планомерностью пролетарской силы» (Там же, с. 81).

Степан *Голубь* (Николай Николаевич Глебов-Путиловский) (1883—?) — рабочий, слесарь Обуховского завода, член Петербургского совета рабочих депутатов 1905 г. Был арестован в 1906 г., бежал из Охранного отделения, после чего приехал в Гельсингфорс к Н. Е. Буренину. «Как и надо было ожидать, пылкий юноша, почти мальчик, с красивыми синими глазами, с веселой приветливой улыбкой, относящийся к своему рискованному положению как к занятному приключению, заинтересовал и Горького и Галлена. Галлен предложил ему поселиться у него до того времени, когда можно будет переправить его на Запад» (*Буренин Н.* Из жизни большевистского подполья. М., 1933. С. 31—32. Биб-ка «Огонька», № 24). Вместе с Горьким, Амфитеатровым, Андреевым, Злинченко Степан Голубь входил в Международный комитет помощи безработным рабочим в России (см.: *Злинченко К. П.* Комментарий к письмам В. И. Ленина и Н. А. Семашко к Злинченко К. П. // *ЦГАЛИ*, ф. 217, оп. 1, ед. хр. 20). В 1909 г. жил на Капри.

166. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 24 января 1911 г.⟩

Послал вам второй выпуск «жалоб» Сивачева и — прошу: не ругайте его! Демагогия всегда и всяческого порицания достойна, но в этом случае она суть болезнь, привитая интеллигентом, как всегда демагогия рабочего [1].

Был у меня москвич Цингер [2], физик, близкий знакомый Толстых, и — растерзал душу мою рассказами о последних месяцах жизни Л⟨ьва⟩ Н⟨иколаевича⟩ — что-то ужасное, стыдное и тоскливое. Так, напр., Л. Н. вел два дневника: один — для всех, другой — для себя, и этот, последний, он прятал в уборной под судно! [3] От кого? Оказывается — от С⟨офьи⟩ А⟨ндреевны⟩, ибо эта несчастная женщина давно уже и неизлечимо душевно больна, по диагнозу профессоров-психиатров ей гро-

зит — паранойя! Сейчас эта болезнь выражается в форме бешеной алчности, а впоследствии имеет развиться в картину полного безумия и — будто бы — не без примеси эротики. Предполагается везти ее в санаторию за границу, ибо ее болезнь может, якобы, принять формы, опасные для окружающих [4].

Пусть это останется между нами. Не верил я Цингеру, но — он говорит так доказательно и с такими потрясающими подробностями.

А у маленького Льва [5] развивается что-то вроде мании величия, и слова отца «вы думаете о Льве» [6] — он толкует так, что Л. Н. этими словами заповедано миру думать о Льве Львове!

Все это так мрачно, что просто не знаю, не вижу как, не могу, — откачнуться от этого!

А тут еще письмо из Америки о том, что организовался синдикат для покупки и эксплоатации Ясной Поляны [7]. Знаете ли вы, что по нашим законам тело неотпетого человека владелец земли, в коей оно закопано, может вырыть и увезти?

В башке у меня какие-то туманы черные, а на душе тоска. Нехорошо все.

Худож<ественный> театр, якобы, думает слиться с Малым, т. е. — поступить в казну [8].

Идет какой-то глупейший развал.

А Андреев Леонид из револьвера палит — комично это, но — тоже невесело.

Был в Неаполе, слушал «Валкирию» — хорошо! [9]

Ну, до свидания. Устал и немножко ною. Да, вот что:

некто Карцевский, автор рассказа «Ямкарка», в одном из сбор<ников> «Знания», переводит всю серию романов Р. Роллана «Жан Кристоф». Первый роман около 4 листов — уже переведен, не надо ли для «Совр.»? [10]

Сообщите. Адрес С. Карцевского:

Genève, 7 III, Rue de la Cluse.

Жму руку

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 26 января 1911 г.

[1] В автобиографическом повествовании Сивачева о трудном пути писателя-самоучки из народа справедливая критика «культурного» общества соединялась с демагогическими выпадами против интеллигенции вообще, с противопоставлением интеллигенции и народа. Горький протестовал против этой общественно вредной позиции. Но вместе с тем оценил эту книгу более проницательно, чем Амфитеатров. В том же 1911 г. он писал П. В. Мурашеву, автору статьи о кн. Сивачева: «Я лично не считаю книгу Сивачева искренной и правдивой в той мере, как он мог бы ее сделать, нахожу также, что она очень испорчена демагогией, но тем не менее это одно из значительнейших явлений современности, подтверждающих <...> раскол демократии с интеллигенцией...» (*XXIX*, 202—203).

[2] Александр Васильевич *Цингер* (1870—1934) — физик, профессор Московского университета, сын известного математика и ботаника В. Я. Цингера. Автор воспоминаний «У Толстых» (Международный толстовский альманах / Сост. П. Сергеенко. М.: изд-во «Книга», 1909) и др.

[3] С. Л. Толстой писал в примечаниях к дневникам С. А. Толстой: «Начиная с конца июля, он (Л. Н. Толстой.— *Ред.*) вел два дневника: большой и малый. Большой дневник Чертков отдавал переписывать чуть ли не на другой день после его написания <...> маленький же дневник отец никому не давал читать, даже Черткову» (Дневники Софьи Андреевны Толстой 1910 / Ред. и предисл. С. Л. Толстого, прим. С. Л. Толстого и Г. А. Волкова. М., 1936. С. 17).

[4] С. Л. Толстой вспоминал: «Моя мать была склонна к истерии, а с годами она все больше утрачивала свое душевное равновесие; надо полагать, что этому способствовал и разлад ее с отцом <...> Действительность ей представлялась как бы в кривом зеркале, а временами она теряла самообладание, так что в некоторых словах и поступках ее нельзя было признать вменяемой» (Там же. С. 7).

Через 13 лет Горький написал очерк «О С. А. Толстой» (Беседа. 1924. № 5), в котором дал объективную оценку ее личности.

[5] У сына Л. Н. Толстого — Л. Л. Толстого.

[6] Горький имеет в виду предсмертные слова Л. Н. Толстого, о которых он мог узнать из опубликованных к тому времени воспоминаний А. Л. Толстой: «...Он сказал так: Только одно советую вам помнить: есть пропасть людей на свете, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва» (Бюллетени книжных и литературных новостей. 1911. № 7—8. 15/28 дек. С. 212). Позже предсмертные слова Толстого были воспроизведены в воспоминаниях В. Г. Черткова (Биржевые ведомости. 1911. № 17. 21 янв./3 февр.). См. также: У Толстого. 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого // *ЛН*. Т. 90. Кн. 4. С. 429—430.

[7] О каком письме идет речь, неизвестно. В русских газетах также появились сообщения о поездке одного из наследников Л. Н. Толстого в Америку с целью продажи Ясной Поляны (Звезда. 1911. № 4. 6/19 янв.; Утро России. 1911. № 19. 12/25 янв.).

[8] Эти слухи не подтвердились.

[9] «Валькирия» — опера Вильгельма Рихарда *Вагнера* (1813—1883); 2-я часть тетралогии «Кольцо нибелунга». Пятницкий записал в дневнике 5/18 января 1911 г.: «...Кармела говорит, что Г(орький) и М(ария) Ф(едоровна) едут в Неаполь. Зачем? Слушать „Валькирии": сегодня — последний спектакль» (*АГ*). Из Неаполя Горький и М. Ф. Андреева уехали 8/21 января 1911 г.

[10] Сергей Осипович *Карцевский* (1884—1955) — русский лингвист. Бо́льшую часть жизни провел в Швейцарии. Рассказ С. И. Карцевского «Ямкарка» был напечатан в XXXI *сб. «Знания»*.

С. И. Карцевский сообщил Горькому о своем переводе романа Р. Роллана «Жан Кристоф» в письме из Женевы от середины января 1911 г. (*АГ*).

167. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.I.26

Дорогой Алексей Максимович.

О Сивачеве писать не буду, ибо того ведь только и алчет эта злобная мокрица, чтобы о ней писали, кричали, ею возмущались и мазали слизью ее всех людей с именем. Вторая книжка его еще противнее первой [1].

О графине С(офье) А(ндреевне) я давно это слышал от Сергеенки, который мне сие рассказывал как милую игру влюбленных стариков и был очень удивлен, когда я ему возразил, что игра эта похожа на большое семейное свинство. Почему paranoia и пр.? Любят у нас сложные объяснения. Просто скверная баба, которая к старости окончательно распустилась и сделалась мерзейшею старухой. Так как я Сергеенку не видел лет 8—9, то, стало быть, свинство давнее.

Я сижу в состоянии тихого бешенства, в которое приведен разнообразными причинами, из них же первая — «не угодно ль этот финик вам принять?» [2]

Думаю написать сказку о Федюхе, дворовом холопе, да вот где газета, которая напечатает ее «на закрытие»? Шаляпину написал, что увольняю его от неприятности нашей старой дружбы [3].

Другой предмет моего тихого бешенства, который меня, можно сказать, снедает,— Евгений Чириков: проморил журнал три недели без оригинала, заставил нас черт знает как опоздать и наконец прислал — под видом «Провинц(иального) обозрения» — две странички саморекламы и общих фраз, ругающих «половиков» еще похабнее, чем сами половики пишут [4].

Письмо Антоновича прочтете в № 1 «Совр.»

Татарина давайте.

Роллана пусть переводчик пришлет, почитаю — конечно, без всяких обещаний. С романами его я незнаком [5]. Драмы мелодраматичны, извините за градейомовую фразу [6].

«Валькирию» смерть люблю. Дуэт Зигмунда и Брунгильды в особенности: вот оно настоящее-то богоборчество, без крика и угрозы револьверного Леонида.

Рубруквис, он же Рубрук, посол Людовика IX (Святого) [7] в орду, в 1253-5 гг., проехал до Каракорума. Любопытный мужчина. Очень уж

у него ярко выражается испуг пред желтой опасностью, который охватил Европу в XIII веке, совсем как в XX. А монголы-то — сдается, правы были французики прошлого века — были далеко не малокультурны...

Цингер, конечно, сын старого математика? А старик неужели еще жив?

Едет к нам Ф. В. Волховской.

Болгарина пришлите.

О белорусах... я сейчас, вообще, под итальянскими впечатлениями, стою за диалектальную литературу, ибо она одна у итальянцев на что-нибудь похожа, но — знаете ли, если белорусский язык — язык [8], то я поднимаю голос за выделение калужской литературы, а уж о возможностях нижегородской, пермской и пр. литератур — нечего и говорить. Да Решетников и писал уже на пермском языке!

Нет ли у Вас «Наших преступлений» Родионова? [9] Мои современные идолы до сих пор не прислали, а у меня без них стоит общая статья о деревне в литературе... [10]

Принесли такую почтищу, что больше не могу писать.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М〈арии〉 Ф〈едоровне〉 привет!

Ваш Ал. Амф.

Ответное письмо на п. Горького от 22 или 23 января и 24 января 1911 г.

[1] Во втором выпуске своей кн. «Записки литературного Макара» Сивачев, рассказывая о том, как он безуспешно обивал пороги редакций журналов и газет, упомянул также газ. «Русское слово» и сотрудничавших в ней Амфитеатрова и Дорошевича в ряду тех равнодушных, которые «бесконечно милы, неописуемо милы — и бесконечно, неописуемо жестоки к тем, которые безмолвно, одним своим видом напоминают о неприятном: о долге человека!» (с. 89).

[2] В левом углу письма наклеена газетная вырезка с сообщением Осведомительного бюро о состоявшемся 6-го января (ст. ст.) в Императорском Мариинском театре спектакле «Борис Годунов», который «удостоили» своим присутствием «их величества государь император и государыня императрица Мария Федоровна», и о коленопреклоненном исполнении гимна хористами театра, в котором принял участие Ф. Шаляпин. Официальное сообщение об инциденте в Мариинском театре было подхвачено реакционной прессой, восхвалявшей патриотические чувства Шаляпина, и многими буржуазно-либеральными газетами, наперебой обвинявшими артиста в холопстве перед царем. В печати «была так затемнена истинная сущность этой истории (манифестация хора была вызвана отнюдь не „патриотическим" восторгом перед Николаем II, а стремлением привлечь внимание царя к своей петиции об улучшении материального положения), что создалось весьма преувеличенное представление о проступке Шаляпина, даже в рядах передовой части русского общества» (*Шаляпин.* Т. 1. С. 666). В письме к Горькому от 18/31 июля 1911 г. Шаляпин так рассказывал о происшедшем: «...находясь 〈...〉 в полной невозможности уйти со сцены, оторопел, совершенно растерялся, даже, может быть, испугался, потерял вполне способность спокойно размыслить и стал на колени около стоявшего близ меня, в глубине сцены, кресла 〈...〉 Таким образом, случилось, что я явился действующим лицом этой пакостной и пошлой сцены, и когда, наконец, спустя минуту, все это понял, то было уже поздно...» (Там же. С. 335).

[3] Свое открытое п. Ф. И. Шаляпину от 26 января 1911 г. Амфитеатров начал со ссылки на официальное сообщение: «Осведомительное бюро опубликовало официально и подчеркнуло чувствительную сцену твоего коленопреклонения перед Николаем II». Далее Амфитеатров писал: «В фазисе столь глубокого верноподданничества тебе не могут быть приятны старые дружбы, в том числе и со мною. Спешу избавить тебя от этой неприятности. Можешь впредь считать меня с тобой незнакомым. Крепко больно мне это, потому что любил я тебя и могучий талант твой» (Там же. С. 666). Письмо это Амфитеатров разослал в редакции многих русских газет.

Шаляпин не счел необходимым отвечать Амфитеатрову на это письмо. Но свое возмущение им он высказал в письме к другу, адвокату М. Ф. Волькенштейну, 9 марта 1911 г.: «Неужели можно хоть на минуту подумать, что мне необходимо вставать на колени перед царями, неужели можно думать, что мне нужны титулы в виде солиста, и неужели я из таких, что ради какой бы то ни было даже выгоды способен идти и подлизаться?—А?.. А между тем все, и даже Амфитеатров (положим, я его никогда не считал своим другом), сразу решили, что я подлец,

лакей и т. д., и т. п. ⟨...⟩ Не стесняясь, пишут о моих „хамских" якобы поступках, о том, что я „холоп" и т. д.» (Там же. С. 432). Об этом письме Шаляпина сообщалось в газетных корреспонденциях. См., напр., «Одесские новости» (1911, № 8361, 6/19 марта).

[4] Обозрение Чирикова «Заметки провинциала» начали печататься в «Современнике» начиная с кн. 3. «Половиками» Амфитеатров называет писателей, в произведениях которых выразилось пристрастие к проблемам «пола», идеям так называемой свободной любви. «Половых проблем», которыми «накормили досыта» обывателя, Чириков касается в кн. 3 журнала (с. 312). Ранее, в ст. «От редакции», было специально оговорено, что понятие «свобода пола», завещанное старым «Современником», не имеет ничего общего с современным взглядом на «закрепощение человека половой его функцией, к которому свелись и общественная проповедь, и этический катехизис российских послереволюционных „индивидуалистов"» (Современник. 1911. Кн. 1. С. 8).

[5] О том, что имя Роллана «малоизвестно русскому читателю», писал и рецензент первого русского издания первой части «Жана Кристофа» А. Кастринский (Утро России. 1911. № 133. 11/24 июня). В «Современнике» роман «Жан Кристоф» не печатался.

[6] Слово «дрядеймовую» образовано, возможно, от фамилии писательницы И. Ф. Драгейм-Сретенской.

[7] *Людовик IX Святой* (1214—1270) — французский король.

[8] Ошибочный взгляд на белорусский язык как на диалект, «наречие великорусского языка» разделялся в то время рядом историков и лингвистов.

[9] И. А. Родионов «Наше преступление. (Не бред, а быль). Из современной народной жизни». См.: Г—А, п. между 29 января и 1 февраля 1911 г., прим. 1—4.

[10] «Литературные впечатления». См.: А—Г, п. от 2—5 февраля 1911 г., прим. 8.

168. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 28 и 31 января 1911 г.)

Предлагаю вниманию вашему:

драму Петко Тодорова и статью о нем Миролюбова [1];

речь Сергея Карцевского о Толстом [2];

три «лирики» И. Вольного [3], автор только что прибежал из Сибири, ибо начальство хотело привезти его оттуда в Россию «и повесить!» [4]. Удивительно симпатичный парень, серьезный, кажется, способный. Был сельским учителем, с.-р.

Татарам написал в Константинополь и Уфу, ответов еще не имею [5].

«Наши преступления» завтра пришлю, дома нет их. «Бялорусский» язык — не весьма удобочитаем, но — для меня суть не в нем, а в том, что и этот забитый народ желает «людьми зваться».

В февр⟨альской⟩ книге «Сов⟨ременного⟩ мира» пойдет давно обещанная этому журналу моя заметка о «писателях-самоучках», где это стремление «зваться людьми» я очень подчеркиваю, возлагая на оное великие надежды [6].

Дорогой мой друг! Вы — пятый прислали мне сообщение о коленопреклоненном пении гимна Федором. Нестерпимо больно и обидно читать, как гений русский — гений народный! — холопствует пред мерзавцем. Стар я, видимо, и очень тяжело переношу такие гнусности.

Писать Федору — не буду, я давно уж не пишу ему. А посвящение с «Исповеди» сниму [7] и впредь живым людям книг посвящать не буду, разве — мертвому кому, ибо «мертвии» не токмо «срама не имуть», но и сотворить оный не могут [8].

Тяжко, милый Ал. Вал.! Экая несчастная страна!

Будьте великодушны, напишите «Совр.», чтобы в тех случаях, когда я буду просить высылать куда-либо журнал *за мой счет*,— делали бы это!

Статью о самоучках пришлю вам на предмет прочтения и буду просить усердно: киньте в публику мысль о необходимости организации в России о-ва для помощи писателям-самоучкам. Это, ей-ей, надобно и давно пора устроить [9].

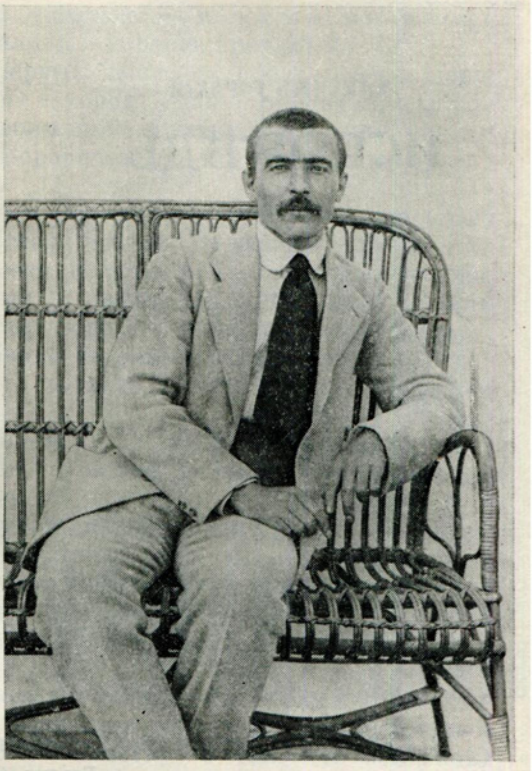
Подумайте — скольким Кольцовым и Никитиным может быть облегчена жизнь работою такого о-ва!

Желаю доброго здоровья, бодрости духа и всего, всего хорошего.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 26 января и 2–5 февраля 1911 г.

[1] Миролюбов — псевдоним болгарского критика и литературоведа Крыстю *Крыстева* (1866–1919). Пьеса П. Тодорова «Строители», как и упоминаемая статья о ней Крыстева-Миролюбова, в журн. «Современник», напечатана не была. Возможно, публикации пьесы помешал ее плохой перевод на русский язык. «Я послал Вам,– писал Р. П. Авраменов Горькому 28 ноября 1911 г.,– $1^1/_2$ года тому назад пьесу Петко Тодорова (перевод с болгарского) „Строитель" („Строители"). Не найдете ли рукопись ее у Вас на Capri? Автор требует ее обратно, а я совсем не помню, возвратили ли Вы ее мне или нет. Отзыв о ней Вы прислали мне, но рукопись, кажется, осталась у Вас» (*АГ*). Отзывом Горького о пьесе «Строители» *АГ* не располагает. Позже, 26 сентября 1912 г., Тодоров вновь выслал Горькому драму «Строители» (в пер. В. Язвицкого). О своей пьесе Тодоров писал М. Ф. Андреевой значительно позже – 5 мая 1913 г.: «„Строители"– моя первая вещь, там есть легкоисправимые шероховатости, но она показывает всю трагедию моего народа с момента, когда он вступил в сознательную жизнь» (*М. Ф. Андреева*. С. 249).



И. Е. ВОЛЬНОВ

Фотография Ю. А. Желябужского. Капри. вилла «Спинола», 1909—1911

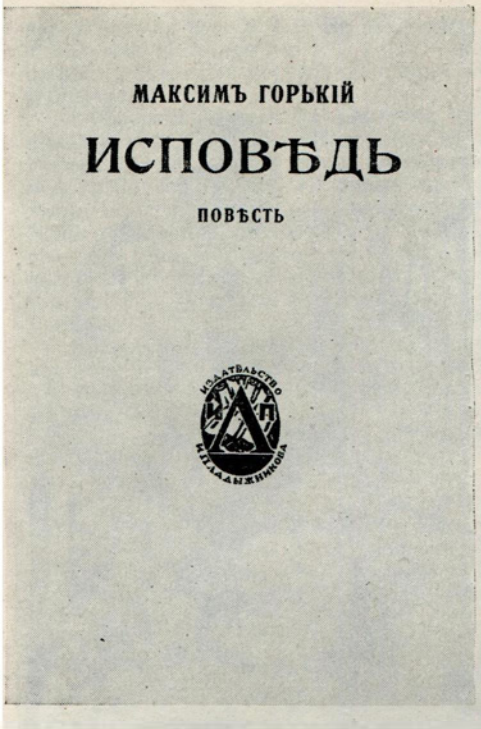
Музей Горького, Москва

Переписку Горького с Тодоровым и Крыстевым см. в кн.: *Арх. Г.* Т. VIII. С. 146—151.

[2] Упоминаемая речь была произнесена С. И. Карцевским на французском языке 8 декабря 1910 г. в Женевском университете на торжественном собрании, посвященном памяти Л. Н. Толстого. В письмах к Горькому от 11 января и середины января 1911 г. С. Карцевский просил содействовать опубликованию этой речи в каком-либо журнале (*АГ*).

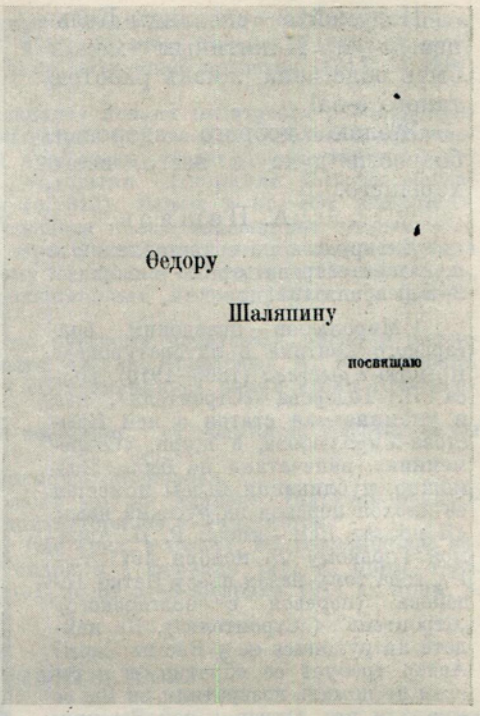
[3] Иван Егорович *Вольнов* (псевдоним Иван Вольный) (1885—1931) родился в семье крестьянина, окончил учительскую семинарию, после чего преподавал в сельских школах Орловщины. С 1903 г. член партии эсеров. За покушение на мценского исправника был заключен в тюрьму, затем сослан в Енисейскую губернию, откуда бежал за границу в октябре 1910 г. Вернулся в Россию в 1917 г., участвовал в гражданской войне. Жил в родном селе Богородицком Куракинской волости Орловской губернии. В 1919 г. был арестован, но освобожден в результате вмешательства В. И. Ленина и Горького (*В. И. Ленин*. Т. 50. С. 280; Т. 51. С. 70). Письма И. Е. Вольнова Горькому (1915—1916) напечатаны в *МИ*, I. Вскоре после смерти Вольнова Горький написал воспоминания о нем — «Иван Вольнов». На Капри Вольнов приехал из Швейцарии в январе 1911 г.

Горький выслал Амфитеатрову три стихотворения в прозе — «Три грезы» — Вольнова (Современник. 1911. Кн. 2). «...Затесавшись на Капри,— писал Вольнов в автобиографии,— показал Максиму Горькому то, что я писал в Цюрихе. Все приставал к нему с вопросом, следует ли мне писать дальше. Просил, чтобы „честно" мне ответил. Горький ласково обходил вопрос, щадя мое самолюбие. Все, что я показал ему, было плохо. Но напечатал это в амфитеатровском „Современнике" за 1911 год. Амфитеатров впихнул туда немало и отсебятины. Это мои первые шаги» (*Клейнборт Л. М.* Очерки народной литературы. 1880—1923 гг. Л., 1924. С. 149).


МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

ИСПОВѢДЬ

ПОВѢСТЬ


Ѳедору

Шаляпину

посвящаю

М. ГОРЬКИЙ. «ИСПОВЕДЬ» С ПЕЧАТНЫМ ПОСВЯЩЕНИЕМ Ф. И. ШАЛЯПИНУ
Берлин, 1908
Музей Горького, Москва

[4] См. об этом в очерке Горького «Иван Вольнов» (*20*, с. 324—325).

[5] В Константинополе находился Гаяз Исхаков. Кому писал Горький в Уфу — неизвестно.

В ст. «О писателях-самоучках» (Современный мир. 1911. № 2) Горький отметил «быстрый рост татарской прессы и литературы в России», «культурную работу татарской интеллигенции в Казани, Симферополе, Уфе, Баку» (*XXIV*, 135).

[6] Строчка из стихотворения Янки Купалы «А кто там идет по болотам и лесам...», которое Горький цитировал в ст. «О писателях-самоучках»: «А чего ж теперь захотелось им, // Угнетенным века, им, слепым и глухим? // Людьми зваться».

[7] Повесть «Исповедь» была посвящена Шаляпину. Своего намерения снять посвящение Горький не осуществил.

[8] «Мертвые срама не имут» — слова киевского князя Святослава перед сражением с греками в 970 г.

[9] Общество для помощи писателям-самоучкам не было создано. См. также: Г—СМ, п. 8.

169. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 29 января и 1 февраля 1911 г.)

Посылаю книгу Родионова [1].

Обратите внимание ваше благосклонное на разноголосицу предисловия и текста.

Сие можно объяснить так: написал земский начальник Родионов книгу и показал рукопись кому-то, кто умнее его, и этот, умный, сказал: «Здорово пущено, но — старо, слишком явны преувеличения, и сразу видно, что клевета. В таком виде — не будет иметь успеха. Давай сочиним предисловие, в коем скажем, что, мол, все это „наше преступление“ и что надо нести в народ „мир, свет, знания“ [2]. Читатель поверит и не заметит, что в тексте мы рекомендуем водворять мир посредством виселиц» [3].

Так и сделали, сволочи. А читатель — и даже писатель Чуковский — не заметили и похвалили — хорошо, правдиво![4]

А оно — не правдиво, ибо: во-первых, действие происходит в Боровичах Новгор<одской> губер<нии> — город дан — Боровичи, предместье — Спас, а в одном месте своим именем названа деревня Потерпеловка — таковая в 5-и верстах от Боровичей, по течению Мсты, против Потерпелицкого порога.

Почему сие важно? А потому, что население в тех местах не чисто земледельческое, а *фабрично-заводское*, вокруг Боровичей — залежи белой глины и стоят немецкие фабрики посуды и 24 гончарных завода, а также — кирпичные — знаменитый «боровской» кирпич. Земля Ев. Аничкова[5], многословного профессора, сдана в аренду Вехтеру, кажется, на ней тоже огромная фабрика изделий из белой глины. Хлебопашество же в уезде совершенно не развито, о чем даже в географии сказано[6].

Стало быть: действующие у Род<ионова> мужики прежде всего — не мужики, а ф<абрично>-з<аводские> рабочие, разница, сами понимаете,— существенная, в смысле психики.

Но, и приняв во внимание буйственный характер ф-з. рабочего, все же, я уверен, врет Родионов, а уличить его — просто: стоит только навести справочку в Бор<овской> уезд<ной> земской больнице: сколько битых поступает в амбулаторию по праздникам? В среднем. И — окажется, что 12-ти зарезанных в один Спасов день — не было[7]. Сволочь он, Родионов-то!

«Речь» устами Чуков<ского> признала книгу сию верным отражением правды житейской, но— спустя несколько м<еся>цев — сконфузилась и поместила на 3-й странице своей — заметку о том, что зем<ский> нач<альник> Род<ионов>, автор «Преступления», слишком уж усердно дует мужиков по зубам[8]. Сейчас пойду искать этот № «Речи»— авось вам годится для порки земского начальника.

Эх и православных душ печальник,
Господин земской начальник,
Ён не курит, ён не пьет,
Мужиков по мордам бьет!

А «Речь» не могу найти, жаль!

А. Пешков

Подчеркивания Амфитеатрова выделены разрядкой.

Датируется по сопоставлению с предыдущим письмом Горького и п. Амфитеатрова от 2—5 февраля 1911 г.

[1] В 1909—1910 гг. вышло шесть изданий кн. И. А. Родионова «Наше преступление». Горький читал шестое издание книги. На шестое издание книги ссылается и Амфитеатров в своих «Литературных впечатлениях».

В основе сюжета книги — зверское убийство несколькими крестьянами своего односельчанина, следствие и суд над убийцами, завершившийся их фактическим оправданием. Общая картина народной жизни предстала у Родионова — земского начальника и отставного подъесаула — тенденциозно мрачной: убийства, кровопролитные драки, поголовное пьянство, с одной стороны, и попустительство либерально настроенных чиновников — с другой. При этом развязывание темных инстинктов народной массы непосредственно соотносится с недавними революционными событиями. Выход «Нашего преступления» вызвал резкое осуждение большей части демократической критики.

[2] В предисловии к книге, написанном ее автором, говорилось: «Народ спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет трудиться. Не моя задача перечислять причины, приведшие нас к такому ужасающему положению; но есть одна <...> которую я не могу обойти молчанием. Причина эта — разобщение русского культурного класса с народом <...> Понесем туда, „во глубину России", мир, свет и знания <...> Я потому и назвал свою книгу „Наше преступление", что считаю те ужасы, которые описаны в ней <...> нашей виной, виной бросившего народ на произвол стихий образованного русского общества» (*Родионов И. А.* Наше преступле-

ние. (Не бред, а быль). Из современной народной жизни. 6-е испр. изд. СПб.: тип. А. С. Суворина., 1910. С. III–IV).

[3] В ст. «О писателях-самоучках» Горький писал о том же более подробно: «...в тексте книги (Родионов.– *ред.*) говорит устами одного из героев, явно сочувствуя ему:

„Если бы у нас в уезде вздернули трех-четырех..."»

И приводит такой диалог:

«– Послушать вас – народ, выходит, совсем зверь.

– Помноженный на скота.

– Господа, не обижайте скотов и зверей. Мужик куда гаже» (*XXIV*, с. 134). Горький не совсем точно воспроизводит отдельные реплики персонажей кн. Родионова со с. 10, 110 указ. изд.

[4] Горький имеет в виду ст. Чуковского «Новый Горький» (Речь. 1910. № 58. 28 февр./13 марта). Назвав кн. Родионова «самой отвратительной, самой волнующей, самой талантливой из современных книг», автор статьи противопоставил (хотя и с оговорками) ее «жестокую правду» о деревне «утешительному обману» повести Горького «Лето».

Горький писал по этому поводу в ст. «О писателях-самоучках»: «Раньше на такие книги не обращали внимания, а ныне – влиятельной газетой, в которой пишут люди культурные,– злая и темная книга эта признана за верное отражение действительности» (*XXIV*, 134).

[5] Е. В. Аничков – уроженец гор. Боровичи Новгородской губернии.

[6] «Боровичи – уездный город Новгородской губернии ‹...› Хлебопашество мало развито, вследствие малоплодородной почвы. Также мало развиты скотоводство, пчеловодство и огородничество ‹...› Многие из жителей занимаются добыванием извести по рекам Мсте и Быстрице, приготовлением кирпича, известного в Петербурге под именем боровского, выделкою глиняной посуды...» (Энциклопедический словарь. СПб: изд. Брокгауза и Ефрона, 1891. Т. 7. Стб. 429–430). В *Дн. Пятницкого* запись от 3/16 января 1911 г.: «Вернул Горькому – Родионов „Наше преступление". Разговор о книге. Указываю, что пригородные села – около Борович – не настоящая деревня. Г‹орький› говорит: „Буду писать статью об этой книге"». Статья написана не была.

С рекомендацией поместить статью о кн. Родионова Горький обратился также к издательнице журн. «Современный мир» М. К. Иорданской. См.: Г–СМ, п. 9.

[7] В кн. «Наше преступление» говорилось: «За время, начиная с ночи на воскресенье и до утра понедельника, в больницу доставлено 12 человек. Все это были тяжело изувеченные в праздничных пьяных драках ‹...› Из 12-ти потерпевших двое уже лежали в покойницкой, остальных доктор относил к разряду тяжко изувеченных...» (с. 101–102).

[8] Горький имеет в виду ст. «Не бред, а быль г. Родионова», в которой рассказывалось об избиении Родионовым крестьянина Григорьева, за что Родионов был привлечен к уголовной ответственности и по суду оштрафован. Автор заметки (подпись Вик. П-въ) сообщал: «...это не единственное такое дело у г. Родионова. У него была уже аналогичная история с крестьянином Кирсановым. Выходит, что это, так сказать, одно из обычных его настроений. Тоже, значит,– не бред, а быль...» (Речь. № 348. 19 дек. 1910 г. / 1 янв. 1911 г.)

170. ГОРЬКИЙ – АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 30 или 31 января 1911 г.›

Дорогой А. В.

Есть у вас, в числе многих хороших книг, книжка о цезарях[1], кажется, «Эпоха цезарей» или «История эп‹охи› цез‹арей›» – автора забыл, но – француз, кажется.

Ежели вы поняли, о чем я говорю, будьте великодушны, пришлите мне эту книгу! Ей-ей – не зажилю! Прочитаю и в полной сохранности возвращу.

А очень нужно.

А. Пешков

Датируется по составлению с ответным п. Амфитеатрова от 2–5 февраля 1911 г.

[1] Цезари. Соч. гр. Франца Шампаньи / Пер. Д. Киреева. СПб., изд. Моск. общ. Вольф, 1882. Т. 1, 2. Оба тома с пометами Горького хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

171. АМФИТЕАТРОВ – ГОРЬКОМУ

⟨Феццано. 2–5 февраля 1911 г.⟩
Fezzano. 1911.II.2

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю Вам книги, о которых Вы спрашиваете. Это — *Шампаньи* «Цезари». Старье и совершенное ничтожество, толкущееся на давно разрушенных взглядах и неразборчиво приемлемых авторитетах. Шампаньи, должно быть, по-латыни не знал, поэтому переводные места у него безобразны, да и русский перевод тоже подгулял. Вообще рекомендовать его сочинения к чьему-либо просвещению отнюдь не смею. Вот — Виппера «Очерки истории Римской империи» — это вещь [1].

К 1 марта выйдет первый том моего «Зверя» [2].

Ширяева рассказ возьму [3]. И. Вольный человек, видимо, с дарованием. Я с удовольствием напечатал бы его стихотв⟨орения⟩ в прозе, если бы из них убрать Всемогущих, Богов, всякое это мистическое восклицательство, от которого меня после святошества, распущенного в русской печати по поводу Льва Николаевича и Караулова [4], мутит больше, чем когда-либо. Если у Вольного это всерьез, значит, он с «Совр.» не споется. Если у него это «символы», зачем же символы непременно из молитвенника? По-моему, там у него все можно перевести из мужского в средний род, из личного представления в общее понятие. Тогда можно. Несносно светское поповство.

Кстати, о мощах Караулова. Из Герм. Ал.[5]: В Шлиссельбурге несколько человек сдрейфили, стали исповедоваться и причащаться. Завел это Морозов, а Караулов потянулся за ним. Герм. Ал. задал ему хорошую головомойку за «жидкость на расправу». Караулов, не зная, как защититься, и говорит:

— Герман, но ведь мы так отвратительно едим, а причастие так вкусно.— Можете себе представить, как Герм. Ал. взбесился.

— Ах вы, иезуиты! Признавайся: это тебе Морозов аргумент подсказал.— Караулов расхохотался и признался, что да.

Скоро об этих благочестивых говениях узнали Вера Ник⟨олаевна⟩ и Волкенштейн и так зарычали, что, несмотря на вкусность причастия, комедию прекратили.

О речи Карцевского скажу то же самое, что о Вольном. Очень недурная вещь, много дельного, охотно напечал бы, но проповедовать божество, равно как объявлять Толстого безначальным и бесконечным, значило бы противоречить целям журнала.

Вы в одном из писем прекрасно сказали, что делом нашей скорби о Толстом должна быть борьба с тем, что в Толстом было вредно [6]. Вот это самое — идолослужение — и вредно.

Распоряжения все сделал. Пишите, в случае чего — все-таки лучше мне. А то там Тихонов [7] с Певиным грызутся и не разговаривают, соперничая во власти. Обычная история. Мои же распоряжения прочны.

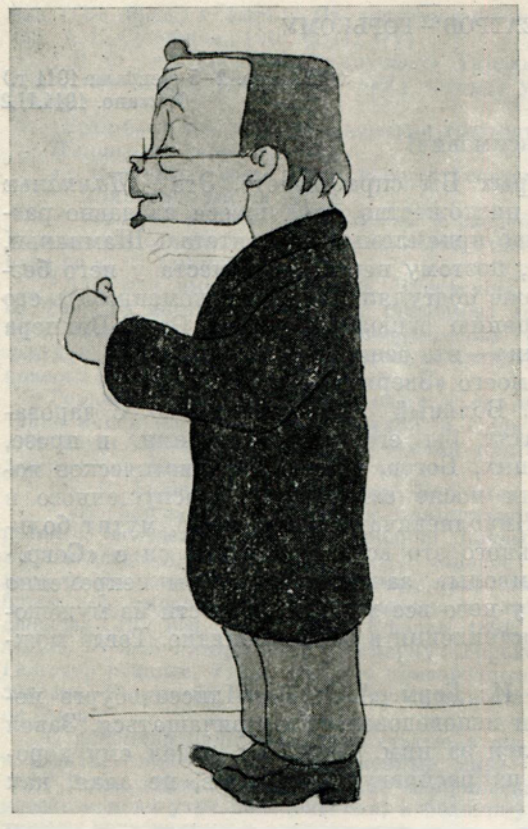
«Цезарей» послал Вам с Рутенбергом.

От болгарина пощадите! Верь это же — черт знает что!

Большое спасибо за Родионова и письмо о нем. Можно сделать ссылку на Ваше мнение? [8] Кстати, это будет маленькой компенсацией «Совр.» за Ваш «преферанс» * к «Совр⟨еменному⟩ миру» [9]... Эх, вечно-то мне одному приходится огороды городить и капусту садить, а один-то, сказывают, в поле не воин.

---

* Предпочтение (*фр.*).



Е. И. ЧИРИКОВ

Шарж В. В. Каррика (бумага, акварель). 1899—1900

Музей Горького, Москва

Чуковского, «Речь» и слезные слова я, конечно, уберу. Важен только провокационный факт подлога деревни. Из Родионова я сделал кота и Лету [10].

Относительно самоучек... Прочтите, пожалуйста, в «Восьмидесятниках» есть страничка в первом томе: то же самое затевал Борис Арсеньев, когда ему было 18 лет [11]. Юноша Вы сорокалетний! романтициссимус неисправимый! Да разве есть писатели *не* самоучки? Где они, эти культурные учреждения, общества, школы и пр., в которых готовятся писатели и могут наверняка фабриковаться писатели? Никто из нас в писательстве не может гордиться какою-либо специальною писательскою преемственностью: Чехов учился не писательству, а медицине, я — праву и пению, Куприн — офицер, Сергеев-Ценский — тоже, Тихонов — тоже [12]. О Вас — и говорить нечего! Каждый литератор русский самоучка. В 97—98 гг. была такая компания, под председательством некоего Макс. Леонова [13]. Ничего не вышло, кроме обозленных самолюбий. Это Вас Сивачев так расстроил?

Четвертый день пишу Вам это письмо! Вот времена-то какие! До свидания. Всего Вам хорошего. Когда ждать рассказа? М. Ф. привет!

Ваш. А. А.

Получаете Вы «Театр и иск‹усство›»? Что Чириков часом с ума не сошел? Того и жди — расчеркнется: Фердинанд VIII, король испанский [14].

Вторая дата п. определяется по фразе: «Четвертый день пишу вам это письмо!»

[1] *Виппер Р.* Очерки истории Римской империи. М., 1908. Книга с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[2] *Амфитеатров А.* Зверь из бездны: Историческое сочинение. В 4 т. Т. 1. Династия при смерти. СПб., ‹1911›. Книга с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[3] См.: Г—А, п. от 8 января 1911 г., прим. 8.

[4] Василий Андреевич *Караулов* (1854—1910) — в 80-е годы участник «Народной воли». Был арестован в 1884 г., приговорен к 4 годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге. Впоследствии отрекся от своего революционного прошлого, вступил в кадетскую партию. Амфитеатров имеет в виду целый ряд статей о Караулове, появившихся в периодической печати в связи с его смертью, в которых восхвалялись гражданские доблести Караулова (см., напр.: Речь. 1911. № 5. 6/19 янв.; № 6. 7/20 янв.). «Удивительно,— писал В. И. Ленин в ст. „Карьера русского террориста“,— что находятся люди, способные считать себя сочувствующими демократии, которые теперь, по случаю смерти Караулова, чествуют его как „демократа“, „борца“ и т. п.» (*В. И. Ленин.* Т. 20. С. 98).

[5] В рассказе, который передает Амфитеатров, упоминаются, кроме Караулова, революционеры-народники: Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, Л. А. Волькенштейн.

[6] См.: Г—А, п. от 17 ноября 1910 г.

[7] В. А. Тихонов.

[8] П. Горького от слов «Посылаю книгу Родионова» до «в один Спасов день — не было» Амфитеатров включил в свои «Литературные впечатления», в раздел, посвященный кн. Родионова «Наше преступление» (Современник. 1911. Кн. 2). Помимо этой книги, в статье рассматривались «Рассказы» Милицыной (СПб., изд-во «Знание», 1910, т. I—II) и «Деревня» Бунина (Моск. книгоизд-во, 1911).

[9] В журн. «Современный мир» (1911, № 1) был напечатан рассказ Горького «Мордовка»; там же (№ 2) — ст. «О писателях-самоучках».

[10] «Кота и Лету», т. е. котлету.

[11] Скептическое отношение к горьковской идее Амфитеатров подтверждает эпизодом из своего романа «Восьмидесятники», один из героев которого, «юный мечтатель» Борис Арсеньев, «носился с идеей общества „Ломоносов", имеющего задачею — поднимать и развивать скрытые в народе таланты-самородки. С двумя Ломоносовыми юный энтузиаст потерпел уже свирепейшее фиаско (...) Но пламя, оживлявшее эту огненную душу, не погасло от двух ушатов холодной воды» (*Амфитеатров А.* Восьмидесятники. 2-е изд., доп. СПб., 1908. С. 13).

[12] В. А. Тихонов офицером участвовал в русско-турецкой войне.

[13] Максим Леонович *Леонов* (псевдоним Максим Горемыка) (1872—1929) — поэт и журналист, отец Л. М. Леонова. Организовал кружок «писателей-самоучек» из народа, который в 1903 г. стал называться Суриковский литературно-музыкальный кружок. М. Л. Леонов издавал коллективные сборники произведений членов кружка.

[14] Ст. Чирикова «Как я стал драматургом» (Театр и искусство. 1911. № 3. 16/29 янв.). Статья носила юбилейный характер (отмечался 25-летний юбилей творческой деятельности Чирикова). Амфитеатров напоминает о герое повести Гоголя «Записки сумасшедшего» Поприщине, вообразившем себя испанским королем Фердинандом VIII. Тогда же Горький писал Бунину по поводу юбилея Чирикова: «И блестящий юбилей Евгения Чирикова во дни, когда снова сотни и сотни студентов гонят, бьют, сдают в солдаты,— не утешает» (*Горьк. чт.* 1961. С. 58).

172. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 7, 8 или 9 февраля 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Показал Вольному ваше письмо — он вам отвечает сам. Хороший это мужик, вы подумайте — русский, а без работы жить не может и, удивляясь красотам здешним,— тоскует по Сибири. А все оттого, что не интеллигент.

С Карцевским может сами спишетесь? Если вещь его заслуживает внимания.

Адрес: Женева, 7[III] Rue de la Cluse.

Болгарина — возвратите [1].

На «мнение» ссылайтесь, убрав «Речь» и Чуковского.

О «преферансах» — напрасное слово, в чем и убедитесь со временем.

Прошу выслать «Современник» по двум адресам:

1. Париж. Тургеневская библиотека [2].
2. Неаполь. Vomero, Biblioteca-russa [3].

По Питеру идет окаяннейшая сплетня: Ковбасенко — нелегальный Румянцев [4] был, будто, вызван Леонидом в ред. «Речи» для примирения, но сам Леонид не поехал в «Речь», а послал Чуковского. Румянцев же, подходя к редакции, был арестован на улице. Выводы отсюда делают черт знает какие.

«Театр—искусство» не получаю, а интересно бы прочитать, как Евг(ений) Никол(аевич) пишет о Чирикове.

А вы получаете «Синий журнал»? [5] Попросите снабдить вас оным. Совершенно свиний журнал.

О самоучках — вы и верно и неверно пишете. Я имею в виду возможность сохранять энергию людей «страшной жизни», необходимость помогать им материально и морально. Гибнет больно много их.

А что я романтик, так вы сами — такой же, только больше и толще.

Чуть-чуть не кончил вторую «Жалобу», да вот наехало народу большое число и очень разного, так что дни и ночи все говорим. А потом мне придется на квартиру новую переезжать — очень мучительная операция![6]

Читаю Соловьева историю, купно с Костомаровым, Ключевским и т. д.[7] Вы не обидитесь, если я скажу, что этот Соловьев[8] — оглушительно бездарен?

За «Цезарей» — спасибо. Но ежели это плохо — не буду читать.

Жму руку и кланяюсь всем.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 2—5 и 11 февраля 1911 г.

[1] Пьесу П. Тодорова «Строители».

[2] Тургеневская библиотека была основана в 1875 г. в Париже по инициативе Лопатина, при содействии И. С. Тургенева. Ее фонды создавались пожертвованиями русских эмигрантов. «Тургеневская библиотека в Париже,— вспоминал активный участник революционных событий 1905—1907 гг. А. В. Буров,— была в те годы главным организующим центром русских эмигрантов (...) Кроме богатейшего собрания книг, библиотека имела все русские газеты и журналы. Библиотека устраивала лекции, рефераты, служила явкой для приезжающих» (*Буров А.* Далекое и близкое // Звезда. 1961. № 6. С. 172). И. Д. Сытину Горький сообщал 4 мая 1912 г., что «Тургеневская библиотека в Париже находится в хороших руках и является серьезным культурным делом в городе, где живет 90 тысяч русских» (*АГ*). См. также: *Бушинский Вл.* Судьба тургеневской библиотеки // Книжное обозрение. 1980. № 24. 13 июня; Г—Гр, п. 28, прим. 5.

[3] В. А. Десницкий вспоминал: «...много скиталось по Европе россиян (...) Появились русские студенты в таких городах, где их раньше никогда не бывало. Появились они и в Неаполе: на Вомеро образовалась целая колония русских студентов, более сотни» (*Десницкий В. А.* Статьи и исследования. Л., 1979. С. 451).

В корреспонденции «Общество русских в Неаполе» сообщалось: «В неаполитанской русской колонии, увеличивающейся ежегодно как благодаря наплыву молодежи, поступающей в здешние высшие учебные заведения, так и удалению русского элемента из других слоев России, уже давно чувствовалась потребность в организованном центре; с этой целью образовано в последнее время беспартийное „Общество русских в Неаполе". При обществе имеется библиотека и кабинет для чтения» (Русские ведомости. 1910. № 29. 6/19 февр.). В книге записей Пятницкого «Выдачи 1900—1912 гг.» есть свидетельство, что Горький и сам посылал в это время книги в ту же библиотеку: «1911, март 10-го. Уплачено за купленные для русской библиотеки Vomero книги и расход по пересылке их» (*АГ*).

[4] М. Х. Румянцев проживал в доме Л. Н. Андреева по паспорту крестьянина Аврама Ковбасенко.

[5] *«Синий журнал»* — «тонкий» иллюстрированный еженедельный журнал бульварного пошиба. Издавался М. Г. Корнфельдом в 1910—1917 гг.

[6] Переезд на виллу «Серафина» состоялся во второй половине февраля. М. Ф. Андреева писала Коцюбинскому 12 марта 1911 г.: «Переехали мы на виллу „Серафина". Веселее тут, солнца больше, больше бывает на воздухе Алексей Максимович, и на том спасибо! А по „заграницe", конечно, опять сплетня поплыла: Г. купил себе новую виллу за 50 тысяч. По секрету — мы платим 1200 франков в год» (*М. Ф. Андреева.* С. 195).

[7] По-видимому, пристальное чтение Горьким в это время русских историков было связано, в частности, с его замыслом издания книг по истории русского народа, которые противостояли бы официозным историческим версиям.

[8] Несколько ранее Горький в п. к Е. К. Малиновской (янв., после 19) дал значительно более положительную оценку «Истории России с древнейших времен» Соловьева: «Возьмите все 28 томов,— писал он,— и хорошенько прожуйте их; результаты будут очень хорошие: во-первых, под теорию вы подложите свой фундамент, во-вторых — вам будет понятна психология рус(ского) народа и рус(ской) интеллигенции» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 341).

173. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.II.11

Дорогой Алексей Максимович.

Успели ли получить «Современник»? Уже конфискован за «Не-наших» Герм⟨ана⟩ Ал⟨ександровича⟩ [1]. Конечно, это придирка, а за «вообще». Думаю, что успели спасти довольное количестве экз⟨емпляров⟩, так как книжка вышла в понедельник, поступила на рынок во вторник, а в субботу была конфискована. Вышла-то, собственно, в воскресенье, да Певин вовремя заметил, что на 16-й стр. в Вашем рассказе [2] типография (вообще убийственная) сделала безграмотный пропуск,— остановил выход и перепечатал лист, так что этими экземплярами испорченными только члены редакции награждены. Сколько я из-за этого переволновался, можете себе представить.

Теперь, к сожалению, буду писать Вам очень неприятную вещь — опять о Федоре Шаляпине. Вы, вероятно, читали его интервью по поводу коленопреклонения, что он мужик и не может видеть без волнения царя-батюшки. Что он стал холопом, черт с ним, ему же хуже, но то, что он Вас к этому делу припутал, это уже не холопство, а подлость. Я даже не ожидал, что по этому поводу даже какое-нибудь «Утро России» зарычать сумеет [3]. Теперь же я Вам должен объяснить одну штуку, по которой это подло и вредно в особенности. Когда Тихонов, Коялович и Певин были здесь, я заметил, что у них есть какой-то вопрос о Вас, а сказать не решаются. Наконец Тихонов проболтался. Оказывается, в Петербурге распускается усиленно слух, что Вы просили у царя помилования и права возвратиться на родину и что не сегодня-завтра милость сия будет Вам дарована. Как эта гнусная сплетня действует на умы, сами можете легко представить. Мне не хотелось Вам этого сообщать, но — раз Федор Иванович обращает Вас в таком щекотливом случае в щит свой, полагаю, что дальнейшее молчание было бы неудобно и повлекло бы к дурным последствиям. Советовать Вам решительно ничего себе не позволю, но думаю, что как-нибудь Вам Федорову болтовню надо бы оборвать — тем более что болтает он направо и налево, как мне из Москвы пишут. Между прочим, получил о том же письмо от сына моего с такою подробностью. Овация в «Борисе» была полицейски подготовлена потому, что при предшествовавшем посещении царем театра публика не требовала повторения гимна, а при появлении царя в ложе раздалось шиканье. Кстати: прилагаю Вам то письмо, которое я тогда послал Федору. Теперь очень жалею, что не крепче.

Ах, эта андреевская история — кошмар поганый какой-то.

Знаете Вы некоего Вережникова? Отличный рассказ мне прислал о попах [4], и без подражания Гусеву-Оренб⟨ургскому⟩. Вольного, согласно его письму, немножко переделал.

Навязывал мне Тихонов [5] в редакцию Сургучева секретарем. А теперь получились об этом Сургучеве сведения такие, что, если правда, то его ни к какой редакции подпускать нельзя: будто он, как Тих. выражается, «двуручничает» — «Знанию» дает рассказы, а в Ставрополе редактирует черносотенную газету и держит весьма грязного типа трактир, в коем мордобойствует во вкусе подъесаула Родионова [6]. Я написал Тихонову, чтобы он не был бабой, у которой человек в воскресенье ангел, а в понедельник утром — сукин сын. Но все-таки смутило меня это очень. В секретари редакции страшно сажать. Не знаете ли чего об этом парне и нет ли кого нейтрального в Ставрополе, у кого возможно было бы справки собрать?

Нечего сказать, приятненькое письмецо вышло. Ах, ты, мать честная! И что за время переживаем!

Я сейчас в Короленку влюбился. Пишу о нем с благоговением [7].

Хороший мужик.

Милые воспоминания Феликс Волховский прислал. Хоть и с детства начинает, а хорошо [8].

До свидания. Сердечный привет Марии Федоровне. Очень прошу простить, что не ответил на последнее письмо: совсем измотался. До свидания, дорогой! Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

[1] Публикация очерка Лопатина «Не-наши» в кн. 1 «Современника» сопровождалась примечанием от редакции, в котором сообщалось, что этот очерк был впервые напечатан в 1874 г. в т. III журн. «Вперед!» и что он был написан «по свежим воспоминаниям о совместном житье с‹...› „Не-нашими" в Иркутском остроге». «„Не-наши",— писал Лопатин,— представители „странной секты", „истинные аскеты и мученики своих убеждений", которые отрицали „Бога и черта", принадлежность к какой бы то ни было религии или секте, царя, духовенство, гражданское и военное начальство, законы, нравы, обычаи, одним словом все, кроме собственного авторитета» (с. 62).

[2] Рассказ «Жалобы» ‹I›. Журн. «Современник» набирался в типографии «Т-во художеств‹енной› печати» (СПб.).

[3] 24 января / 6 февраля 1911 г. в газ. «Столичная молва» появилось мнимое интервью Шаляпина о происшедшем в Мариинском театре, которое затем обошло многие газеты. Шаляпину приписывались следующие слова: «...это был ‹...› патриотический порыв, который охватил меня безотчетно, едва я увидел императорскую ложу ‹...› Правда, была еще одна мысль. Была мысль просить за моего старого друга Максима Горького, надеясь на милосердие государя». На следующий день это интервью было перепечатано в газ. «Утро России» в заметке «„Счастливый момент" в жизни Шаляпина» (1911, № 9. 25 янв. / 7 февр.) с критическими комментариями: «Неизвестно, для какой надобности потребовалась ссылка на Максима Горького, который, конечно, никогда бы не воспользовался услугой своего счастливого друга, инсценированной в такой обстановке». Несколько позднее Шаляпин категорически опроверг газетные информации в письме к адвокату Волькенштейну: «Газеты подняли бурю ‹...› и напечатали интервью с сотрудником, которого я и в глаза не видел...» (Одесские новости. 1911. № 8361. 6/19 марта).

[4] *Вережников А.* Человеческие радости // Современник. 1911. Кн. 3.

[5] В. А. Тихонов.

[6] Сургучев долгое время жил в Ставрополе. В 1911 г. был редактором ставропольской общественно-литературной газ. «Наш край» (с № 8). Газета издавалась Обществом Северо-кавказских овцеводов. Издание прекратилось в 1911 г.

[7] Амфитеатров закончил ст. о Короленко 14 февраля 1911 г. (Современник. 1911. Кн. 2).

[8] *Волховской* (*Волховский*) *Ф.* Отрывки одной человеческой жизни // Современник. 1911. Кн. 4.

174. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Париж. 14 февраля 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Лида с Зиной решили ехать в Австралию, Мельбурн,— мне кажется, что это решение доброе, и я прошу вас помочь мне устроить этот переезд.

В сих целях не можете ли вы написать в «Современник», чтоб сей журнал выдал Зиновию Пешкову билет «специального корреспондента» — это, во-первых,— удешевит путь, во-вторых, сразу может поставить Зину в Мельбурне на ноги.

Нельзя ли также достать такую ж карточку от «Одесских новостей»?

И наконец: не окажется ли возможным прислать авансом за мартовский рассказ 500 р.[1] по адресу Капри, *Зиновию* Пешкову?

Дорогой друг,— устройте все, что можете, а я, в свою очередь, буду всячески стараться возместить вам милости и любезности ваши.

Будьте добреньки ответить по адресу:

M-me C. Pechkoff
38 bis rue Fontenay, Chatillon
près Paris [2]

Всего лучшего!

А. Пешков

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ОТЪ РЕДАКЦІИ . . . 3
II. ЖАЛОБЫ. Разсказъ. — М. Горькаго . . . 13
III. ЗАКАТЪ СТАРАГО БЕКА. Романъ. — Александра Амфитеатрова . . . 29
IV. ВЕЧАНІЕ. — Германа Лопатина . . . 60
V. МАРИКЕНЪ. Романъ. — Маргариты Оду. (Перев. И. Р.). Съ предисловіемъ Октава Мирбо . . . 83
VI. ВОЗВРАЩЕНІЕ. (Изъ эпопеи маленькихъ людей). — Шоломъ Алейхема. Перев. съ еврейскаго Изы Кремеръ . . . 119
VII. КАРЬЕРА. Романъ. — Вл. А. Тихонова . . . 155
VIII. АНДРЕА ДЕЛЬ САРТО. Драма. — Альфреда де Мюссе. Перев. Кн. . . . 190
IX. АЛЬФРЕДЪ ДЕ МЮССЕ. Некрологъ. — Т. Щепкиной-Куперникъ . . . 223
X. ПЕСТРЫЯ ГЛАВЫ. — Александра Амфитеатрова . . . 231
XI. УСПѢХИ ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ. Приложеніе электричества. — І. Лукашевича . . . 261
XII. С. А. МУРОМЦЕВЪ, какъ ученый и общественный дѣятель. Государственная Дума. — В. Б. Ведеховова . . . 287
XIII. Л. Н. ТОЛСТОЙ ВЪ БОЛГАРІИ (изъ жизни и поѣздокъ его). — И. Калины . . . 306
XIV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. — Александра Амфитеатрова . . . 319
XV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — М. М. Ковалевича . . . 351
XVI. ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУЧЕНІЯХЪ. — А. Артемьева . . . 364
XVII. ВЪ ТРАУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ. — А. Артемьева . . . 377
XVIII. СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА. (Отъ И.) . . . 382
XIX. ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ. — М. Антоновича и Германа Лопатина . . . 392
XX. ВЪ МІРѢ ИСКУССТВА. — Вл. Боцяновскаго . . . 405
XXI. ТРИЯ СТАРАГО «СОВРЕМЕННИКА». — М. М. Ковалевича . . . 415
XXII. НОВЫЯ КНИГИ. С. Фонъ-Кицъ. Въ скупые дни. Романъ. — Полное собраніе сочиненій А. А. Фета. — К. Д. Бальмонтъ. Зеленые листы. — Ив. Бунинъ. Деревня. — Д. И. Пихно. Рѣчи. — И. И. Янжулъ. Воспоминанія о передвижникахъ и не только объ нихъ. — Пѣсни. — Аѳанасій Скальковскій. Краткій перечень Таможенъ и Мытницъ. Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. — Томасъ де Пикко Кардини. Исторія женскихъ монашескихъ орденовъ. — Вильгельмъ де Рубрукъ. Путешествіе въ восточныя страны . . . 420
XXIII. Объявленія

СОВРЕМЕННИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ,
НАУКИ, ИСТОРІИ, ИСКУССТВА
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ЯНВАРЬ · 1911

Изъ первой книги журнала „СОВРЕМЕННИКЪ", въ силу опредѣленія С.-Петербургской судебной палаты отъ 9 Февраля с. г., изъята статья „Не-Наши" Германа Лопатина (стран. 60—82).

СОДЕРЖАНИЕ И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННИК» С ВКЛЕЙКОЙ ОБ ИЗЪЯТИИ СТАТЬИ «НЕ-НАШИ» Г. А. ЛОПАТИНА

1911, кн. 1

Приписка З. А. Пешкова:

Алексей просит Вас прислать по вышенаписанному адресу «Современник» [3]. Шлю Вам сердечный привет, дорогой Александр Валентинович!

З и н а

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 16 февраля 1911 г.

[1] Второй рассказ из цикла «Жалобы».

[2] Горький и З. А. Пешков находились под Парижем у Е. П. Пешковой с 13 по 25 февраля 1911 г.

[3] Лишь в августе 1911 г. Е. П. Пешкова сообщала Горькому: «Прислали мне из Fezzano 2 книжки „Современника". Очень понравилась Анна Виванти» (*АГ*).

175. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.II.16

Дорогой Алексей Максимович.

Несколько дней тому назад послал Вам очень важное и спешное письмо на Капри (о Шаляпине, Сургучеве [1] и пр.) и пребывал в некотором волнении, не получая ответа,— ан, оказывается, Вы в Париже.

Корреспондентские билеты будут сделаны. Напишу сегодня же.

Относительно аванса: он возможен будет только по выходе февральской книжки, как оплата мартовского гонорара,— значит, этак к 21—22 февр⟨аля⟩ русского стиля, не раньше. Иначе невозможно: конфискация первой книжки держит кассу без поступлений. Пишу сегодня же.

Австралийский проект — одна из тех внезапностей, которые в первый момент принимаешь как шутку, пока не чувствуешь от шутки этой

треска во лбу и синяка на лбу. Вмешиваться в чужие предприятия не в моих привычках, но полагаю, что путешествие в страну кенгуру с беременною женою, которую будет рвать при малейшей качке (два океана-с!), вряд ли удобная затея. Тем более, что по приезде на место, не оглядишься, как Лиде придется уж и рожать, что тоже мало способствует устройству.

Как Зина едет в Мельбурн? На какое-нибудь готовое занятие или место? Ибо если только «искать счастья», то, право, с возможными для молодых средствами лучше бы поискать его сейчас сперва в Европе. Ведь для всей этой австралийской авантюры, предполагая условия путешествия и жизни мало-мальски приличные, надо истратить, по крайней мере, три тысячи рублей (500 рублей билеты туда, несколько месяцев существования в безумно дорогом городе — имею о тамошних ценах обстоятельные сведения от *маленьких* артистов и хористов итальянских,— роды и какой-нибудь фонд на возможность возвращения при неудаче). Полагаю, что с фондом в 3000 рублей в Европе пара молодых и здоровых людей может очень хорошо начать какое-либо собственное дело, хотя бы торговое или ремесленное. Корреспондентство из фиктивного в фактическое Зине обратить тоже гораздо легче, чем из Мельбурна, в Париже или Лондоне.

У Зины приличная наружность, хорошие манеры, он любит хорошо одеваться. Голова у него на плечах, кажется, имеется, говорить может, языки знает, пишет складно. Отчего ему, при таких данных, не выработать себя в политического корреспондента из Парижа или Лондона? Это интересно, и на это в России большой спрос. Если бы он занялся этим сейчас же, как школою, то я уверен, в месяц-другой, разобравшись в истории и ходе партий, он вымуштруется настолько, что будет годиться в европейские обозреватели даже для ежемесячного журнала. Если нужно какое-нибудь содействие техническое к тому, то и я рад служить, и я уверен, Коялович не откажет. Везти же себя самого и молоденькую жену-девчонку (только ведь ростом высока!), которая ни на каком языке не говорит, кроме русского, и ни в какой среде не жила, кроме русской, на устройство жизни в южное полушарие — это, право, на игрушки смахивает... Все сии соображения явились мне, конечно, ввиду внезапности Вашего сообщения. Разумеется, если Зина получил туда приглашение на верное, закрепленное место, то — какие же разговоры! Беру свои слова обратно. Чем скорее молодые семьи становятся на собственные ноги, тем приятнее видеть.

Необходимо предпринять что-нибудь против усиленной рекламы Родионову в Европе. Распространяется это из Берлина. В «Stampa» восторженная статья, где Родионов сравнивается с Тургеневым. Вопиют: вот она какова, русская-то, народная масса! Написал письмо в редакцию [2]. Не знаю, поместят ли.

До свидания. Всего Вам хорошего. Зине привет.

Ваш Ал. Амф.

[1] См. п. от 11 февраля 1911 г.

[2] О статье в итальянской газ. «Il Stampa» и о п. Амфитеатрова в редакцию газеты сведениями не располагаем.

176. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 2 марта 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Получив прилагаемую книжку,— посылаю вам ее,— не пригодится ли для сравнения и вообще?[1]

Как здоровье, как живете?

А. Пешков

Вчера возвратился из Парижа, очень устал [2], извините, что не пишу в ответ на ваше письмо [3].

Датируется по упоминанию о возвращении Горького из Парижа на Капри.

[1] О какой «книжке» идет речь, неизвестно.
[2] Горький вернулся из поездки в Париж на Капри 1 марта 1911 г.
[3] Имеется в виду п. Амфитеатрова от 11 февраля.

177. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 4 или 5 марта 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Только что вернулся домой [1] и сижу перед гейзером почты русской: что ни письмо — так и брызжет грязью.

Россияне поймали — грешницу-прелюбодейку в лице Федора Шаляпина и дразнят меня — хорош дружок у тебя, хорош?

Я — помолчу покуда, а после отвечу им по душе [2].

Посылаю вам письмо Павловича, говорят — он очень осведомленный человек в вопросах политики внешней [3].

До свидания! Вскорости напишу подробно и длинно.

А. Пешков

Датируется по содержанию и по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 5 и 8 марта 1911 г.

[1] Письмо написано до отъезда Горького в Неаполь (5 марта 1911 г.).
[2] В августе 1911 г. Горький объяснил в п. Шаляпину причины того, почему он не смог тогда же осуществить своего намерения: «Неумно ты сделал, что сразу же после этой истории не поехал ко мне или не объяснил условий, при коих она разыгралась,— знай я все с твоих слов,— веря тебе, я бы что-нибудь сделал, чтоб заткнуть пасти твоих судей» (*XXIX*, 170).
Открытое письмо в защиту Шаляпина Горький написал позже — в сентябре 1911 г. См.: Г—А, п. от 15 или 16 сентября 1911 г., прим. 3.
[3] Михаил Павлович *Павлович* (Михаил Лазаревич Вельтман) (1871—1927) — публицист, ученый-востоковед. Член РСДРП с 1898 г. Участник революции 1905—1907 гг. В 1907 г. был арестован, бежал в Финляндию, откуда переехал в Париж. В 1909 г. читал лекции в партийной школе на Капри, в 1911 г.— в организованной «впередовцами» школе в Болонье. В эмиграции «занимался научной и публицистической деятельностью. Революционное и национально-освободительное движение на Востоке, проблемы империализма, международные отношения и внешняя политика империалистических государств в Азии и Африке — такова основная проблематика его многочисленных статей, опубликованных в русских и иностранных журналах, а также отдельных брошюр и книг». См.: *Павлович М.* Восток в борьбе за независимость. М., 1980. С. 29.
Упоминаемое п. Павловича не разыскано. Очевидно, в нем Павлович предлагал «Современнику» свою статью. Позже, 15 мая 1911 г., Водовозов сообщал Амфитеатрову, что получил письмо из Парижа от Павловича, в котором тот спрашивал о судьбе своей ст. «Англия и Германия и вопросы будущей войны» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). Статья напечатана в «Современнике» под несколько измененным названием. См.: А—Г, п. от 30 августа 1911 г., прим. 3.

178. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. III.5.1911

Дорогой Алексей Максимович!

Давно нет от Вас никаких известий.

Посылаю 250 франков — третью порцию, коею, значит, я по школе квит [1].

Был у меня Каржанский [2]. Рассказывал о Капри, о том, как видел Вас в Риме [3] пр.

Что же супруги-кенгуру и австралийские путешествия?[4]

С «Современником» маюсь много. Навалили сейчас публицистического материала — не проворотить.

Судьба первой книги мне до сих пор неизвестна [5]. Суды да суды.

Боцяновский сбежал «страха ради иудейска» [6]. Очень я этому рад.

Тихонов болен и жалуется, что ему не дают власти. Верно [7].

Таким образом, все дело теперь на мне и на двух петербургских выполнителях, но не законодателях [8]. Удобно, но уж очень трудно и работно.

Вторая книга слаба беллетристикой. Во второй части есть вещи сильные [9].

Получил рассказ от Милицыной. Очень хорош, но желает... 300 с листа, ссылаясь на «Знание»![10] Должен написать, что таких цен на «рынке» нет. Разбогатеем, больше заплатим!

Подписка, несмотря на конфискацию и на враждебное замалчивание эсдекских рутинеров, растет. Не робей, воробей!

Вы не ответили мне на спрос о Сургучеве. А мне очень важно, ибо — либо сажать его в секретари, либо поворот от ворот.

Какое дерьмо наворотил Л. Андреев по поводу смерти Толстого![11]

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет М. Ф. и будущим двуутробкам, с потомством в проекте [12].

Ваш А. А.

[1] Речь идет о денежных взносах Амфитеатрова на отправку рабочих — учеников каприйской партийной школы в Россию. А. А. Богданову Амфитеатров писал 3 декабря 1911 г., что сочувствовал каприйской школе, поскольку она возникла «под авторитетом А. М. Пешкова» (*ГБЛ*, ф. 439, ед. хр. 22, к. 11, л. 5).

[2] О приезде Каржанского на Капри Пятницкий записал в дневнике 21 января / 3 февраля 1911 г.: «К завтраку выходит Каржанский, приехавший из Алжира (...) За обедом Карж(анский) и Чайковский» (*АГ*).

[3] Горький приехал в Рим из Парижа 27 февраля.

[4] Поездка З. А. Пешкова и его жены в Австралию не состоялась.

[5] После изъятия ст. Лопатина «Не-наши» кн. 1 «Современника» вновь поступила в продажу, о чем сообщалось в специальном объявлении «От конторы журнала „Современник“» на последних страницах кн. 2 и 3 журнала.

[6] За конфискацией какого-либо издания обычно следовало привлечение к судебной ответственности его ответственного редактора.

С кн. 2 «Современника» за 1911 г. имена В. А. Тихонова и В. Л. Боцяновского в составе редакционно-издательского комитета не указывались.

[7] Отношения Амфитеатрова и В. А. Тихонова осложнились также и тем, что Амфитеатров подверг редакционной правке его роман «Карьера» (п. В. А. Тихонова В. В. Водовозову от 4/17 марта 1911 г.— *ЦГАОР*, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 2503, л. 3).

[8] Т. е. М. М. Коялович и П. И. Певин.

[9] В кн. 2 «Современника» напечатаны: Амфитеатров «Закат старого века» (продолжение), Н. Дружинин «В суете», В. А. Тихонов «Карьера» (продолжение), Маргарита Оду — роман «Мари-Клер» (продолжение), Октав Мирбо «Эпидемия. Сатира в 1 акте», И. Вольнов «Три грезы». Далее, во «второй части» книги, напечатаны ст.: «Пестрые главы» и «Литературные впечатления» Амфитеатрова, «Крепостное право и крестьянский вопрос в России» Ю. Лавриновича, «Памяти Герцена» М. Кояловича, «Аграрный вопрос в первой Государственной думе», «Бюрократия и дума», «Из траурных воспоминаний» В. Водовозова, «Н. К. Михайловский как критик органической теории общества» Е. Колосова, «Политическое обозрение» М. Кояловича, «Научная хроника» И. Лукашевича, «Новые книги». Книга завершалась сатирическим отделом журн. «Сверчок».

[10] Очевидно, речь идет о рассказе Е. М. Милицыной «Призраки (эскиз)» (Современник. 1911. Кн. 4). Позже писательница прислала в журнал еще три рассказа: «Ночь», «Старики» и «Скрывной» (*ИРЛИ, ЗК Миролюбова*).

[11] Имеется в виду памфлет Андреева «Смерть Гулливера» (Утро России. 1911. № 35. 13/26 февр.). Памфлет был прочитан автором на вечере в Мюнхене, посвященном памяти Толстого, в начале декабря 1910 г. (Утро России. 1910. 16/29 дек.) А. С. Серафимовичу Андреев писал в ноябре 1910 г.: «Скверно было последние дни с этим „чествованием памяти Толстого“. Сколько неподдельного свинства! Я даже скандальную вещь написал: „Смерть Гулливера“, но боюсь печатать, уж очень густо» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. Л., 1979. С. 181).

[12] З. А. Пешкову и его жене.

179. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.III.8

Дорогой Алексей Максимович.

Рад был получить от Вас наконец весточку, а то был уже в трех волнениях, где Вы и что с Вами?

Шаляпинский дождь сыплется на меня в столь же плачевной мере. Каждый день два-три письма иронических, злорадных или ругательных.

Сейчас получил письмо от сына из Москвы [1]. У ряда знакомых его был сделан обыск — искали моего письма к Шаляпину. Самого его с матерью, однако, не обыскивали, вероятно, правильно рассуждая, что не настолько же они глупы, чтобы хранить оригинал.

По всей вероятности, все сие откликнется на «Совр.» мрачно.

Как ни пакостно ведет себя Федор, но в телеграмму, им якобы посланную в ответ на привет черносотенцев, я отказываюсь верить, в чем и расхожусь с Герм. Ал., по скептическому мнению которого «все станется».

В дополнение всех благ цензура взяла Шаляпина под специальную свою защиту. Запрещена (пишет «Театр и искусство») какая-то пьеса о Шаляпине [2]. «Утро России» судят по 129 статье![3]

Статьи пусть присылают всякие, но в предварительные переписки вступать с авторами, ей-ей, не могу. Сколько расплодилось этой авторской наивности, Вы не поверите, так как Вам приходится иметь дело преимущественно с беллетристами, а эти всегда заранее уверены, что все, что они ни напишут, клад для редакции. Но общественники и научники с их предварительными запросами ужасны. Ну, как я буду знать, подходит статья или не подходит, если я ее не видал? А таких писем — добрый десяток каждую неделю. И, конечно, обижаются, когда не отвечаешь.

Замечательную штуку мне прислал один гимназист из Екатеринослава. Литературно никуда не годится: жалкое подражание Андрееву, но как «человеческий документ» нечто бесконечно страшное в своей наивности. Напечатать нельзя, а статью, кажется, напишу.

Ушли у нас Боцяновский и Тихонов, чему весьма рад. Первый струсил тюремной решетки и потери казенного места, которое он себе подыскал. Второй два с половиной месяца ровно ничего не делал, всем мешал скулением и страхами, а мне писал жалкие письма с требованиями «железного режима»: интересно, как бы я стал этот режим проводить, из-за 3000 верст. В конце концов обиделся и отстранился. В результате на меня теперь свалилась должность — и беллетристику читать!

Ужасно трудно. Совершенно нету людей в Питере. Все путное — либо в тюрьмах, либо в ссылке, либо в эмиграции. Осталось в Питере несколько второстепенных эсдеков, которых нельзя допускать к журналу по деспотической их узости, два-три эс-эра-фанатика, с которыми я был бы очень рад печатать журнал в Париже, но в Петербурге это было бы пустою тратою времени и денег, и два-три эс-эра подмазанных, о которых не знаешь, не обратят ли они редакцию в провокаторскую ловушку. А затем сплошной кадет.

Водовозов садится в тюрьму [4]. Лучше бы он мне палец отрезал!

Таковы-то наши дела.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет!

Ваш А. А.

Не помню, писал ли я вам, что Сивачев прислал мне «Прокрустово ложе» (то же самое, что «Литер<атурный> Макар») с льстивою надписью и письмо с просьбою о нем написать. Думаю, что молчать об этом авантюристе — единственная правильная политика. Это что-то хуже Степана Голубя!

[1] От В. А. Амфитеатрова-Кадашева.

[2] Факт, о котором сообщает Амфитеатров, использован им в юмористической заметке, помещенной в «Сверчке»: «Театр и искусство» в № 2 рассказывает следующую историю: «Одна москвичка послала в драматическую цензуру пародию на оперу „Дон-Кихот" под названием „Дон Федор Иванович Кихот". Хотя в пародии ничего обидного для Федора Ивановича Шаляпина не было, цензура потребовала замены наименования „Федор Иванович" другим» (Современник. 1911. Кн. 2. С. 390—391).

[3] Редактор газ. «Утро России» был привлечен к ответственности за помещение 11/24 февраля ст. «Правительство и дума» (Утро России. 1911. № 35. 13/26 февр.). Этот факт обеспокоил Амфитеатрова и в связи с тем, что он послал в «Утро России» свое «Письмо в редакцию» — «О В. Л. Бурцеве», в котором защищал Бурцева от нападок на него газ. «Новое время» (Утро России. 1911. № 42. 22 февр./7 марта). За эту публикацию газ. «Утро России» также была привлечена к ответственности (Речь. 1911. № 53. 24 февр./9 марта).

[4] Водовозов несколько раз привлекался к судебной ответственности за свою литературно-издательскую деятельность в 1905—1907 гг. Решением суда от 1 декабря 1909 г. он был приговорен к одному году заключения в крепость, но фактическое исполнение приговора все время откладывалось (*ЦГАОР*, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 1215). Опасения Амфитеатрова были вызваны тем, что 10/23 февраля 1911 г. С.-Петербургским комитетом по делам печати было возбуждено против Водовозова еще одно дело (Там же, ед. хр. 1211). Но и на этот раз Водовозов не подвергся заключению, что позволило ему тогда же принять дела от Кояловича в качестве редактора научного и общественного отделов журнала (п. Водовозова Амфитеатрову от 20 марта/3 апр. 1911 г.— *ЦГАЛИ*, ф. 34).

180. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 8 или 9 марта 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Кто такой Сургучев — не ведаю. Никогда его не видал и письмом вашим испуган [1]. Вот и все, что могу сказать по этому поводу. Моя переписка с ним ограничилась тремя письмами [2]: он спросил, может ли издать рассказы в «Знании»? Я ответил: погодить бы, мала книжка-то, для рубля цены. Он стал иронизировать: литература-де не ситец. Ну — издавай. Больше ни слова пока.

Милицына — женщина капризная и о себе думающая очень много.

Посылаю стихи Воронова [3], неважные, кажется, но все же прочитайте для знакомства.

Посылаю Кожемякина 2-ю часть. Так как в России она еще не вышла, вы о ней не пишите, ладно?[4]

Ну, дядя, закатили же вы посвященьице мне [5]! Сконфузился я и рассердился на вас и чуть не написал ругательнейшее письмо. Дорогой человек — я вас искреннейше и все более люблю, все более ценю — но все же вы напрасно так меня изобразили в том самом журнале, коего я постоянный сотрудник.

Вообще — друзьям не надобно говорить друг о друге, все значительное о них будет сказано врагами. А уж мы с вами наживем их себе. Денег — не наживем, а врагов — вдосталь!

Вот что: существует в Париже и в голодном положении известный вам хороший человек Виктор Сергеевич Миролюбов. Он несколько тяжеловат в личном общении, но — я думаю, что не велика беда, если принять во внимание его работоспособность и литературное чутье: вспомните, как он, единолично, поставил и вел «Жур⟨нал⟩ для всех» [6].

Не найдется ли у «Совр.» работы для него, Миролюбова? Вот — секретарь-то! И при этом он человек с большими связями в литературе — чуете?

Его адрес: 12, Avenue Reille
Paris, XIV

Подумайте.

Сажусь кончать рассказ для «Совр.» [7]

Андреева о Толстом не читал и не интересуюсь. Наврал чего-нибудь; он, Леонид, не любил Толстого[8]. Был у меня Станиславский[9]. Господи помилуй, до чего красив, ярок и неисчерпаемо талантлив этот человек! Много баяли про вас.

Будьте здоровы.

Австралия — лопнула, ибо Лиде ехать морем «absolutemente» запрещено. Сия поездка грозит жизни ее, как сказал весьма опытный доктор-гинеколог. Они в Неаполе Лидо-Зины эти. Они оба — ребятишки маленькие. Очень милые, но им будет труднее, чем я думал.

Кланяюсь.

А. Пешков

Напишите, чтобы *за мой счет* выслали журнал по адресу:

Napoli, Vomero.
Biblioteca russa — ладно?

Рукописи, мною посылаемые, по прочтении возвращайте, прошу. А то авторы загрызут меня.

Письмо написано после возвращения Горького из Неаполя на Капри — 8 марта. Ответное на п. Амфитеатрова от 5 марта 1911 г.

[1] Имеется в виду п. Амфитеатрова от 11 февраля 1911 г.

[2] Горький упоминает о письмах Сургучева к нему от 9 апреля и от июля 1910 г. и о своем п. Сургучеву от конца июня 1910 г. (*АГ*). Впоследствии между Горьким и Сургучевым установились дружеские отношения.

[3] Присланные Горьким стихи И. К. Воронова в «Современнике» напечатаны не были.

[4] «Матвей Кожемякин» (часть вторая, «Постоялка») (Берлин, изд-во Ладыжникова, 1911). XXXV *сб. «Знания»*, в котором была напечатана «Постоялка», вышел в свет 28 марта / 10 апреля 1911 г.

[5] Амфитеатров посвятил Горькому роман «Закат старого века» (Современник. 1911. Кн. 1—3, 8—12). В посвящении говорилось:

«Алексею Максимовичу Пешкову — великой русской душе, неугасимому пламеннику верующей воли, неутомимой творческой силе — дружески посвящается эта угрюмая повесть о бездушных, безвольных и бессильных днях.

Александр Амфитеатров.
Fezzano, 1910.XI.29» (Современник. 1911. Кн. 1. С. 29).

[6] Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939) — издательский деятель. В октябре 1897 г., став фактическим редактором «Журнала для всех», Миролюбов превратил его в общедоступный дешевый литературно-общественный и научный ежемесячник для широкого демократического читателя. Миролюбову удалось привлечь к журналу лучшие писательские силы. В нем печатали свои произведения Чехов, Горький, Серафимович, Вересаев, Л. Андреев и мн. др. Андреев писал в 1901 г. в своей рецензии на журнал: «Несомненно, что как и появление „Журнала для всех", так и его вполне определившийся в настоящее время успех представляют собой не только узколитературное, но и общественное явление» (*Л-ев.* Впечатления // Курьер. 1901. № 5, 5 янв.). В годы первой русской революции в «Журнале для всех» печатались статьи, имеющие ярко выраженный антиправительственный характер, в результате чего в сентябре 1906 г. журнал был приостановлен в административном порядке, а все его номера за этот год конфискованы. С конца 1906 г. по февраль 1908 г. Миролюбов пытался продолжить издание журнала под другими названиями — «Народная весть», «Трудовой путь», «Наш журнал». Но и они были закрыты. В марте 1908 г. Миролюбов был вынужден уехать из России в связи с привлечением его к судебной ответственности за издание журналов.

[7] Рассказ «Жалобы» II.

[8] Об отношении Андреева к Л. Н. Толстому см.: *Беззубов В. И.* Лев Толстой и Леонид Андреев // Ученые зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 104. Труды по русской и славянской филологии. Т. IV. Тарту. 1961. С. 130—172.

[9] К. С. Станиславский был на Капри с 2 по 5 марта 1911 г. (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 184, 185).

181. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 10, 11 или 12 марта 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю рукопись [1]. Мне все мнится, что по 500 — дорого и, пожалуй, лучше по 400, что ли?

Я до сего дня не знаю, внес ли Певин деньги в фонд «Детского дома» [2] — устроители не озаботились известить меня о получении этой суммы и других. И на письмо мое, посланное три месяца тому назад [3],— не ответили мне, дельцы, до сего дня. Это так чудесно и таинственно, что я начинаю «строить догадки и предположения», а вас прошу: будете писать Певину, спросите: вносил он деньги или нет? Если нет — пусть подождет. Извините меня за беспокойство!

Прочитал «С〈о〉вр.» — интересная книжка, знаете! [4] «Пестрые главы» несколько длинны и утомляют, но — хорошо наговорено! [5] И «предварение» — хорошо! [6] То-то много народа обиделось. Можете быть уверены, что десятка два злых человеков ожидают удобного случая, дабы навалиться на журнал врасплох [7].

«Голос Москвы» утверждает, что Шаляпин *говорил* одному из сотрудников «Голоса» о Горьком, т. е. о том, что он, Шаляпин, Горького ради колена свои согнул [8]. Приятная должность — Горьким быть и иметь гениальных друзей, кои тебя понимают весьма своеобразно и, при случае, именем твоим прикрывают подлость свою.

А роман Тихонова — вещь беззубая, извините [9]. Знаете вы «Детство крестьянина» самоучки-провансальца Баптиста Бонне, книгу, переведенную на французский язык А. Доде? [10] Это, на мой взгляд, поярче Оду [11], весьма даже ярче.

Господи! Как у меня много денег нет! А со всех сторон — просят! За время поездки в Париж напросили 9300 р.

Если сивачевское «Прокрустово ложе» вмещает более тех двух выпусков, кои он издал прежде,— пришлите мне книжку, пожалуйста! Любопытно, как он меня отделывает [12].

Что вы думаете по поводу Миролюбова? Он мог бы читать беллетристику и облегчить ваш труд.

Читаю Фон-Визина [13]. Дрянно. А ведь «подавал надежды», его первый рассказ «Сази», напечатанный в «В〈естнике〉 Е〈вропы〉» 94—5 годов, вызвал большое внимание и похвалы, весьма громкие. И вместе с ним очень хвалили тогда Ширкова [14], автора хорошего рассказа «Идеалист и материалист» [15], — он тоже уездный предводитель дворянства, как и Ф. Визин. Некрёпки дворяне. Что-то будет с Ал. Толстым? Роман его не буду читать, пока весь не напечатается [16]. А Леонид написал чепуху, и очень стыдную, очень тяжелую [17]. Жалко мне его — до зубной боли!

Будьте здоровы.

Кланяюсь всем.

А. П.

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 8 и 14 марта 1911 г.

[1] Рукопись рассказа «Жалобы» II.

[2] Народного детского дома им. Л. Н. Толстого.

[3] Упоминаемым письмом *АГ* не располагает.

[4] Имеется в виду кн. 1 «Современника».

Кроме упомянутых в этом письме произведений, содержание кн. 1 «Современника» составили: «Жалобы». Рассказ. М. Горького, «Избранное. (Из жизни маленьких людей)» Шолом-Алейхема, драма Альфреда де Мюссе «Андреа дель Сарто» и послесловие к ней Щепкиной-Куперник «Альфред де Мюссе», начало романа А. Амфитеатрова «Закат старого века». В кн. 1 вошли также ст. В. В. Водовозова «С. А. Муромцев как председатель Государственной думы», И. Лукашевича «Успехи землеведения» (происхождение континентов), И. Калины (Кашинцева) «Л. Н. Толстой в Болгарии при жизни и после смерти», А. Амфитеатрова «Лите-

ратурные впечатления», М. М. Кояловича «Политическое обозрение» и «Тени старого „Современника“», А. Артемьева (М. Кояловича) «Из траурных воспоминаний» и «Из общественных настроений», Вл. Боцяновского «В мире искусства», ст. «Современная жизнь России» (без подписи) и рецензии в разделе «Новые книги» (без подписи).

[5] Публицистическим заметкам Амфитеатрова «Пестрые главы» был предпослан эпиграф: «„Прими собранье пестрых глав, полусмешных, полупечальных“. Пушкин». В них идет речь о восприятии на Западе русского народа и русской культуры через анекдотические представления о «славянской душе» и об огромном значении для современного мира жизни и деятельности Толстого.

[6] По-видимому, имеется в виду ст. «От редакции», излагающая платформу издания: верность традициям 60-х годов XIX в. (стремление «поставить 〈...〉 новый „Современник“ 〈...〉 на уровень старого „Современника“» — с. 3); реализм («...мы глубоко уверены, что только реалистические методы открывают человеку прямой и твердый путь к самоопределению его в государстве, народе, обществе, семье, природе» — с. 4); внепартийность («...мы не принимаем на себя клички ни одной из политических партий, определившихся в нашем отечестве по разграничению 1905 года 〈...〉 Не для междоусобной брани, но для единения широко открываем мы страницы „Современника“ всем деятелям русского прогрессивного лагеря...» — с. 5); отрицание мистицизма и индивидуализма («...в жизнь русского общества вошел — вернейший слуга и надежнейший фактор всякой реакции — мистицизм, с неизменными спутниками своими — научным невежеством, схоластическою диалектикою и литературной порнографией» — с. 8). В статье было обещано широкое освещение жизни народов России в литературном и публицистическом отделах журнала («...мы предоставим им самим, в оригинальных рукописях на родных языках 〈...〉 познакомить наших читателей с бытом, психологией, идеалами и надеждами их народов» — с. 6—7); ознакомление читателя с современными научными достижениями («...мы широко открыли страницы „Современника“ для общедоступной обработки современных вопросов по естествознанию, положительным наукам, технике...» — с. 7).

О резко критическом отношении В. И. Ленина к внепартийной позиции журнала см. в ст. Бялика.

[7] Самым злобным откликом в печати на появление первой книжки «Современника» было выступление В. Буренина в «Новом времени». Объектом основных нападок стали «Письмо в редакцию» М. Антоновича с апофеозом 60-х годов, «старого» «Современника» и «рыночно-либеральная беллетристика» журнала во главе с «бывшим гением» Горьким (Новое время. 1911. № 12536, 12550. 4/17 февр., 18 февр./3 марта).

В сатирическом стихотворении «Крамольный плач „Современника“, или Спасение России (и притом без кавычек) литератором Кислошерстниковым» (подразумевался Буренин) Амфитеатров связал последовавшую вскоре конфискацию кн. 1 «Современника» и с этой статьей:

«Обругал Амфитеатрова
И на Горького наврал.
О Максиме Антоновиче
Ядовитый поднял свист 〈...〉
Литератор Кислошерстников
Насчет нас предупредил.
Удалася операция
По примерам издавна:
Нас постигла конфискация —
И отчизна спасена!»

(*Амфитеатров А.* Ау! Сатиры, рифмы, шутки, фельетоны и статьи. СПб.: изд-во «Энергия», 1912. С. 197).

[8] В «Голосе Москвы» (1911, № 36, 15/28 февр.) шла речь не об «интервью» сотруднику «Голоса», а об «интервью», впервые появившемся 24 января/6 февраля 1911 г. в «Столичной молве» и перепечатанном многими газетами. См.: Г—А, п. от 11 февраля 1911 г., прим. 3.

[9] Роман В. А. Тихонова «Карьера», посвященный проблемам семьи и брака, печатался в первых шести книгах «Современника».

[10] Батист Бонне «Детство крестьянина. Провансальские очерки». Напечатаны с предисловием А. Доде в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки» (1897, т. 1, № 1—3, июль — сент.).

[11] Маргарита Оду «Мари-Клер». Роман (пер. И. Р.) с предисловием Октава Мирбо (Современник. 1911. Кн. 1).

[12] Речь идет о Собрании сочинений М. Сивачева (М., изд-во «Современные проблемы», 1911—1912), первые два тома которого, вышедшие в 1911 г., составила кн. «Прокрустово ложе. Записки литературного Макара». В т. I «Прокрустова ложа» вышли первые два выпуска и новый выпуск (всего в т. I и II — 10 вып.), в котором Сивачев продолжил свой рассказ о встречах с Горьким. В предисловии «От автора»

Сивачев сообщил, что в противоположность первым выпускам все лица в его «записках просто идут под вымышленными именами или под инициалами ‹...› Исключение будет для одного только М. Горького; но его скрыть нельзя и по техническим условиям — слишком большую роль он сыграл в моих записках, и слишком крупно его имя, чтобы всякий его не мог узнать...» (Там же. Т. I. С. 7).

[13] Имеется в виду «охранительный» роман С. И. Фонвизина «В смутные дни» (СПб., 1911). В кн. 1 «Современника» роману посвящена рецензия (по-видимому, Амфитеатрова), в которой позиция Фонвизина охарактеризована как крайне правая.

[14] Рассказ «Сази» принадлежит В. Ширкову (Вестник Европы. 1895. № 10, 11). В «Вестнике Европы» были напечатаны повесть С. И. Фонвизина «Сплетня» (1895, № 1, 2) и рассказ «Муж» (1896, № 8).

[15] Сведениями об этом рассказе не располагаем.

[16] Роман Ал. Н. Толстого «Две жизни» (впоследствии — «Чудаки») печатался в кн. 14 альманаха изд-ва «Шиповник» (вышла в янв. 1911 г.) и в кн. 15 (вышла в мае 1911 г.) (СПб., 1911).

[17] Имеется в виду рассказ Л. Андреева «Рассказ змеи о том, как у нее появились ядовитые зубы» (альманах изд-ва «Шиповник». СПб., 1911. Кн. 14). Горький писал Бунину не ранее 23 февраля / 8 марта по этому поводу: «Вышла не змея, а злая кологривская мещанка. Написано плохо» (*Горьк. чт.* 1961. С. 59).

182. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.III.14

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо большущее за «Жалобы»! Отличная штука!

Певин деньги давным-давно внес, о чем я извещен им также давным-давно. Вобще по этим делам он, кажется, аккуратен.

Ответственного редактора — хоть на рынке нанимай! Никому больше не охота в кутузку. Книжка готовая, отпечатанная лежит потому, что некому подписать. Торгуем старого гробокопателя Быкова [1].

Остаемся в февральском № без общественного обозрения. Коялович написал такое дерьмо, что я не пропустил [2]. Провинц‹иальные› картинки Чирикова должны заменить это. Тоже неважно. Будете ругать меня за Дружинина [3] и будете правы. Не жантильничай с приятелями в литературном деле, не печатай, что ни к селу, ни к городу!

Стихи — бог с ними. Как-нибудь в летние месяцы соберу хорошенькие кусочки из мусора насланного и напечатаю сразу все гуртом под общим заголовком «Дебютанты», «Пробы пера», что-нибудь в этом роде [4].

Хорош уж очень Кожемякин! Дневник его штука поразительная. И женщину хорошо написали. Откровенно говоря, первая интеллигентка Вам так цельно удалась: никакой нарочности, всю живую вижу — и не сухарь учительной премудрости [5]. За душу хватающая вещь!

Очень хочется сделать что-нибудь для Миролюбова. Я очень уважаю В. С., да он же и мой университетский товарищ [6]. Но — что́ изобрести? Разумеется, я отдам ему предпочтение в каждом эмигрантском деле, т. е. таком, которое можно делать за границею, но штука-то в том, что у нас людей в Питере на месте нет, а здесь — что же он сможет выработать? Так как он тесно связан с эс-эрскими изданиями, то вряд ли может надолго отлучаться из Парижа [7]. Во всяком случае, повидаться бы с ним хорошо было и потолковать обстоятельно. Если бы он мог приехать — побывать денька на два, на три? Буде насчет капиталов слабо, я возьму дорогу на свой счет.

В Неаполь давно сделано распоряжение [8], но книжка стала жертвой конфискации.

Хрусталев со мной штуку сыграл. Предложил себя как парижского корреспондента. От этого я не то, чтобы уклонился, но не сказал ни да, ни нет, ибо его коррес‹пондентских› способностей не знаю. А предложил ему сделать статью о Витте по поводу известной брошюры Морского [9]. Телеграфирует: «Согласен, переводите телеграфом деньги». Недо-

умеваю: какие я ему деньги переведу, когда, во-первых, еще не условливались, во-вторых, я не видал работы, в-третьих, деньги редакционные не у меня в Специи, а в Петербурге у Певина? Затем приходит письмо от Хрусталева, что рукопись готова, но он в таком бедственном положении, что ему не на что ее переслать. Я немедленно посылаю ему 50 фр. и пишу, что, как только прочту рукопись и определю степень ее цензурности для появления в петербургском журнале, немедленно же телеграфирую в «Современник» о переводе ему гонорара. С того времени — вот уже месяц, как умер Хр. А я остался без статьи о том же Водовозова! Неважно это все-таки, когда глава правительства [10] не выдерживает даже 50-франковой пробы... Это — между нами, конечно. Что же битого человека обижать.

Охота Вам Сивачова читать! Пошлю.

«Карьера» — это мой кошмар.

А «Мари-Клер» — не скажите, свежейший ландыш. Особенно вторая и третья часть. Душу чистит.

С апреля будем печатать испанца Пио Бароху [11]. Любопытный парень.

А вот умер у французов некий Луи Филипп (не король). Вот талантище-то! Но почти не переводим, черти бы его съели! Что ни рассказ, то либо 73, 74, либо 128, 129, либо 1001 статья! [12]

Знакомы Вы с Дж. Папини? [13] Фортелит пессимизмом почище великого Леонида, но куда же умнее, культурнее, изящнее.

Обратили Вы внимание на статьи Ады Негри по вопросу о свободе материнства? Слащаво, но знаменательно и, для итальянской косности, даже сильно.

Относительно гонорара — как хотите! Вы знаете: никто от своего счастья не отказчик. Но позвольте сообщить Вам нашу финансовую конституцию. По оной сотрудники делятся на две категории, нет, вернее, впрочем, на три: члены редакции, сторонние и гастролеры, так сказать. Основное правило, что за лист оригинального текста, без различия содержания — публицистического, научного, беллетристического, мы платим сто рублей с листа. Члены редакции и те из гастролеров, кои на то согласны,— привычные к большим гонорарам — заявляют цену, которую они желают установить раз навсегда за собою (ну, скажем, я считаюсь по журналу в 350 р.), и тогда, из цены этой, им выплачивается 100 р. с листа немедленно, а остальное пишется в долг за изданием — к пропорциональной уплате в конце года из прибылей. Если в конце года долг издания сотруднику не погашается, то он переносится на следующий год, и т. п. Я не предлагал Вам эту комбинацию, потому что знаю, что Вам всегда нужны наличные деньги, а не создание собственности на журнал, которое мне, напр., очень важно. Поэтому я и выгородил Вас в гастрольное положение, оплачиваемое полностью, без кредитных льгот. Но, если бы это Вас заинтересовало, то имейте сие паевое предприятие в виду, равно как и то обстоятельство, что при долгосрочном кредитном расчете, конечно, и гонорар можно наметить больше — в силу риска, которому он подвергается. Я уменьшил себе гонорар сравнительно с тем, что получал в последние годы, но исключительно с целью педагогическою, чтобы обуздать аппетиты некоторых участников и в особенности милого друга Тихонова, который, наголодавшись, разучился считать деньги иначе, как на миллион, и гонорары иначе, как многими сотнями рублей. Ну а больше меня-то ему все же неудобно было запросить, так что он и другие должны были свою фантастику умерить. Если мы выдержим год, то журнал будет мне должен тысяч двадцать, что равно тому оборотному капиталу, которым распоряжается Певин. Конечно, такой выручки, чтобы долг этот получить, ждать невозможно, да я и не мечтаю, но для меня важно юридическое закрепление за мною права собственности в журнале не неус-

тойкою, которую всегда можно оспаривать (судись из-за границы-то!), а капитализацией задолжания, правом взыскания во всякое время. Словом, страховка, что журнал будет принадлежать тем, кто работает, а не тем, кто дал оборотный капитал, который мы, конечно, выплатим в первую голову.

Словом, вот какова наша картина. А затем повторяю Вам: нам, конечно, 400 приятнее 500, но это — если только Вам не в обиду.

До свидания. Всего Вам хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

[1] Петр Васильевич *Быков* (1843—1930) — писатель и библиограф (см.: *Бенина М. А.* Ценные труды библиографа П. В. Быкова // Русская литература. 1974. № 1). Быков был утвержден ответственным редактором журнала 3/16 марта 1911 г. (*ЦГИАЛ*, ф.777, оп. 16, № 145). Он вел беллетристический отдел, читая рукописи и передавая их на окончательное заключение Амфитеатрову.

[2] «Политическое обозрение» Кояловича все же было напечатано в кн. 2 «Современника».

[3] Речь идет о повести Н. Дружинина «В суете» (Современник. 1911. Кн. 2).

[4] Своего намерения Амфитеатров не осуществил. В ст. «От редакции» (Современник. 1911. Кн. 1) по поводу публикации стихотворений в журнале говорилось следующее: «В первой книжке „Современника" читатель не найдет одного постоянного отдела других русских журналов: стихов. Сознаемся, что для второй книжки в отдел этот покуда также ничего не намечено. Это не значит, чтобы мы принципиально отказывались от помещения поэтических опытов. Но должны с откровенностью признать, что при современном упадке русского поэтического творчества мы смотрим весьма скептически и на возможность, и на надобность этого отдела» (с. 10).

[5] Имеется в виду героиня «Постоялки», второй части повести «Матвей Кожемякин»,— политическая ссыльная Евгения Мансурова.

[6] В. С. Миролюбов «поступил в Московский университет, курса в нем не кончил, был исключен как депутат от студенчества для выработки и подачи петиции» (*Миролюбов В. С.* Ответы на анкету.— *ИРЛИ*, ф. 185, оп. 1, № 58, л. 4).

[7] В Париже Миролюбов редактировал сборники «Народное дело», издававшиеся партией эсеров. О характере деятельности Миролюбова в этом издании свидетельствуют его письма к Н. А. Рубакину 1909 г., в которых он неоднократно обращался с просьбой дать статьи антимонархического характера: «Не дадите ли о царе в военный сборник? Дайте хоть на 1/2 листа, для солдат — очень нужно. Нужно же им показать, кто ими повелевает» (*ГБЛ*, ф. 358, ед. хр. 254, к. 31, л. 5).

[8] Распоряжение о высылке журн. «Современник» в русскую библиотеку в Неаполе.

[9] А. Морской «Исход русской революции 1905 г. и правительство Носаря» (М., 1911).

[10] Амфитеатров имеет в виду пребывание Г. С. Хрусталева-Носаря на посту председателя Петербургского совета рабочих депутатов в 1905 г.

[11] Пио *Бароха-и-Неси* (1872—1956) — испанский писатель. В «Современнике» его произведения не были напечатаны, возможно и потому, что Горького не удовлетворило качество переводов его романа. «Вы не можете себе представить,— писал Горький в конце марта 1911 г. Малиновской,— что́ делают наши переводчики с авторами: вот предо мною два перевода одного и того же романа Пио Барохи, и — по одному тексту Бароха — суровый эс.-дек., а по другому — мягкий кадет. И даже — сюжет изменен! Несомненнейше изменен» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 343).

[12] Шарль Луи *Филипп* (1874—1909) — французский писатель. По определению Луначарского, «социалист теоретически и преданный друг трудящегося люда» (Гений и голод // Новая жизнь. 1911. № 13. Дек.). См.: *Луначарский А. В.* Собр. соч. В 8 т. М., 1965. Т. 5. С. 193.

Амфитеатров перечисляет действующие ст. «Уголовного уложения», утвержденного 22 марта 1903 г. (СПб., Сенат. тип., 1903): 73 (богохульство), 74 («поношение установлений или обрядов церкви»), 128 («дерзостное неуважение верховной власти»), 129 (возбуждение к бунту). Ст. 1001 «Временных правил для неповременной печати» от 26 апреля 1906 г. предусматривала привлечение к ответственности за порнографию.

[13] В беседе с Ауслендером в марте—апреле 1908 г. Горький назвал Джованни *Папини* (1881—1956) в числе молодых итальянских писателей, которых считает наиболее интересными (*Аусленде́р С.* Кукольное царство // Золотое руно. 1908. № 6 С. 71—73).

183. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано. 15 марта 1911 г.)

Дорогой А. М.!

Не думаете ли Вы, что на 1-й странице не в тоне всего языка купцовского эта вот фраза:

«так что механизм души работает неправильно»

и на 3-й

излишним разъяснением портит предыдущую лаконическую характеристику другая:

«Он очень честный в деле, это я так, ласково, жуликом его». И из предыдущего ведь видно, что ласково [1].

Мне кажется, и ту, и другую можно было бы опустить без всякого ущерба для вещи, а даже с выгодою. А вещь больно хороша. Умственная. И Герм. Ал. весьма хвалит. По-моему, она даже лучше первой «Жалобы». А может быть, потому, что мне быт знакомее и ближе. Я с солдатом мало знаком. Сейчас отослал «Жалобу» в Питер.

До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

Датируется по почт. шт.

[1] Имеется в виду первая страница рассказа «Жалобы» II. Указанные Амфитеатровым две фразы отсутствуют в журнальном тексте (Современник. 1911. Кн. 3). Во всех последующих изданиях эти фразы в тексте сохранены. См.: *11*, 25—26 и «Варианты», III, 543.

184. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 16 марта 1911 г.)

Сударь —

возвратите мне рукописи, посланные мною вам в разное время, и, возвращая, скажите: следует вам посылать оные или — ненадобно?

Пока же вы мне сего не сказали — посылаю еще одну — убедительно прося — прочитайте! И прилагаемое письмо прочитайте. Вот он, мужичок-от, каков становится![1]

Советовать вам — не смею, но — если бы эту штуку поместить с выдержкой из письма Касаткина, в виде предисловия [2], так рядом с моею «Жалобой», пожалуй, и хорошо было бы!

Отзыв ваш о «Жалобе» хотя и лестен, но несправедлив, эта штука мне не удалась,— пальцев в ней нет, хорьковой морды и маленького страшка [3].

За Кожемякина же — благодарю весьма. Пока что — вещь эта мне нравится и очень меня волнует. Как-то справлюсь с третьей частью, коя будет озаглавлена «Другими глазами», и почти всю ее должен написать сам Матвей [4]. Влезть в его шкуру — трудненько, и боюсь, что не хватит мне языка.

О Сивачеве — тяжело говорить, но — судите вы о нем неверно: не один он, вот в чем суть! И — подумайте, какой неприятный момент наступил для русской интеллигенции — сверху ее душат и с низа бьют.

Сивачевых эдаких только я лично знаю десятка с полтора — ох, как трудно держать их в узде, чтобы не печатали они своих желчных измышлений.

А надобно держать, будучи выдержан — и Сивачев полезен может быть.

Аду Негри — не читал, но читал Винниченко «Честность с собой» [5] — вот бы его на европейские языки переперетъ! Ахнули бы европы и — прекратили всякие сношения с Русью, оградясь от нее высоченною сте-

ной. Вы бы прочитали «Честность», автору «Вик‹тории› Павловны» и «Лусьевой»[6] необходимо это, необходимо ему, бабьему потатчику!

О Луи Филиппе — слышал, но — не читывал, но безъязычию моему[7].

Будьте здоровы, а гонорар определим в 400 рублев. Надо бы 350, да уж очень одолевают меня денежными просьбами — беда!

Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 14 марта 1911 г.

[1] Рассказ крестьянина Ивана Ганюшина «Павел Чижов». Был напечатан в кн. 4 «Современника».

[2] Упоминаемым п. И. М. Касаткина Горькому *АГ* не располагает. Выдержки из этого письма в виде предисловия использованы не были.

[3] В рассказе «Жалобы» II исповедуется перед случайным встречным купец, уехавший из России («из Дремова в Геную»), пострадавший в годы революции. «Как — чего испугался? — говорит он собеседнику.— Все испугались, и причины для того были, когда окрест города мужичок, знаете, нахмурился и попер, без разумения, на все законные преграды — давай ему земли! ‹...› а они, пролетары эти, всего усерднее по карману норовили ударить» (*11*, 27). Горький, по-видимому, не был удовлетворен прежде всего тем, что недостаточно выявил злобность своего героя («хорьковая морда»), опасную активность его «маленького страшка».

[4] В процессе работы замысел Горького претерпел изменения: он отказался от намерения писать повесть от лица Матвея Кожемякина и от названия «Другими глазами». Работа над третьей частью повести была закончена в конце июля 1911 г. (*10*, 722—723).

[5] Повесть Винниченко «Честность с собой» была напечатана в сб. 5 «Земля» (Моск. книгоизд-во, янв. 1911 г.).

В повести Винниченко в искаженном свете изображалась жизнь революционной эмиграции, что вызвало возмущение в социал-демократической среде. В. И. Ленин писал в мае 1914 г. И. Ф. Арманд о том, что только занятость помешала ему в 1911 г. ответить «на брошюрку Винниченко на русском языке, посвященную оправданиям по поводу тех обвинений, которым он подвергся от с.-д. за „Честность с собой“» (*В. И. Ленин*. Т. 48. С. 285).

[6] Горький называет повести Амфитеатрова, посвященные женскому вопросу: «Виктория Павловна» и «Марья Лусьева».

[7] Произведения Шарля Луи Филиппа в то время в переводе на русский язык не были напечатаны. Первый (и единственный) том Собрания сочинений французского писателя был издан в следующем году (*Филипп* Шарль Луи. Собр. соч. Т. 1. «Бюбю Монпарнасский. (Язва жизни)». М., изд-во «Мечты», 1912). В мае 1911 г. в изд-во «Знание» к Миролюбову поступила рукопись перевода того же романа Шарля Луи Филиппа. К изданию не была принята (*ЗК Миролюбова*).

185. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 17 марта 1911 г.›

Совершенно так: обе указанные вами фразы необходимо выкинуть, а за указание — благодарить вас! Действуем — вы — выкиньте, а я вас — сердечно благодарю.

Получил известие, что Виктор Сергеевич Миролюбов — «пирамидальный буйвол индианский», как звал его Г. И. Успенский,— едет на Капри,— телеграфировал ему, чтоб он заехал попутно к вам,— ладно ли?

А. В. дорогой! Буде опрокинется он на вас — приласкайте колокольню эту! Вы — умеете. Он же — человечище весьма нежной души и вполне достойный внимания, уважения, ласки, а — охолодал в мрачном-то городе Париже. Ой, как хорошо было бы достать ему работешку какую-нибудь!

Не выдумаете ли хоть синекуру какую, а я бы взялся за аккуратнейшую оплату оной? Лично — ничего не могу придумать, помогите!

И будьте здоровы еще лет тридцать пять! Хватит с вас?

А на родине делишки-то взыграть хотят!

Сир! Ваше мнение насчет монгольской авантюры — каково будет?[1] Это, на мой взгляд, предприятие весьма беременное самыми неожиданными последствиями.

А разгромы университетов?[2] И бунтарство промышленников московских и самарских?[3]

Всего же лучше умная политика болвана Столыпина — великолепен его циркуляр по губернаторам о выборах в Думу! Каково октябристам-то?[4]

Ах, в России даже октябристом неудобно быть и тяжело!

Читал речь Маклакова и — даже смеялся, вот полевел парень![5]

Хошь — не хошь, а полевеешь! История — она заставит.

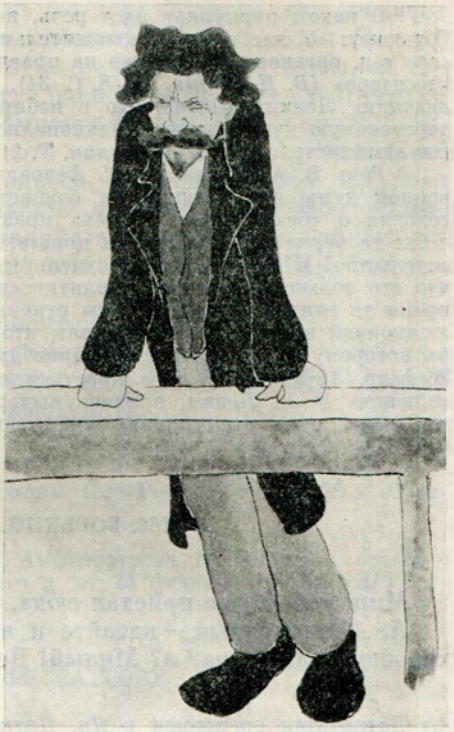
Мне почему-то весело, хотя исписался я до слепоты. Хожу в очках и, кажется, стал похож на верблюда.

До свидания!

Миролюбова-то!

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 15 марта 1911 г.



В. С. МИРОЛЮБОВ

Шарж В. В. Каррика
(бумага, акварель, тушь). 1899—1900
Лист из альбома шаржей и карикатур, подаренных автором Горькому в 1900 г.
Музей Горького, Москва

[1] Русские газеты того времени были заполнены сообщениями о взаимоотношениях России и Китая в связи с фактами несоблюдения Китаем торгового договора, заключенного в 1881 г. Среди многих сообщений были и такие, которые впоследствии оказались ложными (слух о том, что русские войска намерены занять г. Кульджу, оставленный ими при заключении договора 1881 г.— Речь. 1911. № 33. 3/16 февр.). В результате русско-китайского конфликта последовала нота русского правительства Китаю от 4/17 февраля (о правах российского правительства в Монголии и Застенном Китае). Ответная нота китайского правительства носила примирительный характер (Речь. 1911. № 38. 8/21 февр.).

[2] Имеются в виду репрессии против высших учебных заведений в Москве и Петербурге в ответ на студенческие волнения, начавшиеся в конце 1910 г. в связи со смертью Л. Н. Толстого и в знак протеста против истязания политических заключенных в тюрьмах Зерентуя и Вологды. 31 января 1911 г. был закрыт Петербургский университет, из него исключены 392 студента. Из Московского университета было исключено несколько тысяч студентов. В знак протеста против реакционной политики министра просвещения Л. А. Кассо ряд профессоров демонстративно покинули университет. В корреспонденции, помещенной в газ. «Утро России» (1911, № 33, 11/24 февр.), сообщалось: «В университете жизнь совершенно заглохла. Человек тридцать—сорок студентов уныло бродят по пустынным коридорам нового здания <...> В аудиториях от 4 до 6 „академиков"».

Студенческим беспорядкам в «Современнике» была посвящена ст. Б. Фроммета «Из исторических картинок мымрецовщины. О студенческих волнениях» (1911, кн. 10).

[3] Подразумевается заявление 66 представителей московского торгово-промышленного капитала, напечатанное в газ. «Русские ведомости» (1911, № 33, 11/24 февр.) и других газетах. Признавая необходимой борьбу со студенческими забастовками, авторы заявления в то же время считали, что крайние меры, принимаемые правительством по отношению к участникам студенческих волнений, ставят под угрозу само существование высшей школы, и осуждали действия правительства.

Это заявление под заголовком «Протест московских капиталистов» было перепечатано с редакционным вступлением в газ. «Звезда» (1911, № 9, 12/25 февр.). В той же газете (№ 10, 19 февр./3 марта) была напечатана ст. В. И. Ленина «Заметки. Меньшиков, Громобой, Изгоев», в которой оценивались отклики различных органов печати на выступление московских промышленников (*В. И. Ленин.* Т. 20. С. 147—156).

[4] О каком циркуляре идет речь, неизвестно. 27 мая 1911 г. В. И. Ленин писал Горькому: «У нас говорят положительно, что есть циркуляр Столыпина о закрытии *всех* с. д. органов. Это похоже на правду. Перед IV Думой подтянут, вероятно, еще вдесятеро» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 34). В ст. «Некоторые итоги предвыборной мобилизации» Ленин отметил, что в избирательной кампании по выборам в IV Государственную думу «правые, националисты, октябристы „работают" при явной помощи администрации» (*В. И. Ленин.* Т. 21. С. 311).

[5] Речь В. А. Маклакова 25 февраля / 10 марта 1911 г. на III сессии Государственной думы при обсуждении бюджета Министерства внутренних дел. Маклаков говорил о «безотрадных плодах» правительственной политики: «И пора спросить себя: да верна ли, наконец, та дорога, на которую Россию так упорно толкает правительство? И мы не можем осудить это недовольство русского общества, сказавши, что это только признак его политической незрелости ⟨...⟩ недовольны в настоящее время те центральные элементы страны ⟨...⟩ которые боятся новой вспышки революционной волны ⟨...⟩ все говорят, что если мы будем идти дальше по тому пути, по которому нас ведут, то нас приведут ко второй революции» (Речь. 1911. № 55. 26 февр. / 11 марта). В ст. «„Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция» В. И. Ленин, приведя выдержки из речи Маклакова, отметил знаменательность этого выступления «наиправейшего из кадетов» (*В. И. Ленин.* Т. 20. С. 178).

186. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 17 марта 1911 г.⟩

Миролюбов уже приехал сюда, сейчас [1].

Ал. Валентиныч — катайте и вы сюда на два-три дня, для отдыха и хорошего разговора,[2] а? Милый! Действуйте!

А.

Датируется по записи в *Дн. Пятницкого* о приезде В. С. Миролюбова.

[1] Пятницкий записал 4/17 марта: «Приносят записку М. Ф. о приезде Мирол⟨юбова⟩ ⟨...⟩ Обедаю вместе. Там же Мирол⟨юбов⟩ и сибиряк. Уходим около 10» (*АГ*). Между Горьким и Миролюбовым была достигнута договоренность о вхождении последнего в редакцию изд-ва «Знание». Об этом свидетельствует *ЗК Миролюбова*, открывающаяся записями о поступивших к нему рукописях: «„Знание" 17—30 марта 1911 г.». Позже, 16 августа 1911 г., Миролюбов сообщал В. В. Муйжелю: «Что посылается для „Знания" на имя Горького, он посылает мне» (*ИРЛИ*, ф. 123, оп. 2, № 337, л. 2).

[2] Разговора о привлечении Миролюбова к участию в редактировании журн. «Современник».

187. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 20.III.1911

Дорогой А. М.!

Приехать не могу: «Зверь из бездны» лежит на груди моей и рвет оную когтями.

Ганюшин высоко интересен и отослан мною в набор.

Рукописей, Вами посланных, у меня только речь о безначальности и бесконечности Льва Толстого [1], да болгарская драма, кои посылаю [2].

Теперь о В. С. М⟨иролюбове⟩.

Хотелось бы очень мне повидать его и съесть с ним несколько золотников соли. Дело в том, что если он не связан теснейшим образом с Парижем и не заскучал бы житием в захолустьи, то я мог бы предложить ему не синекуру, как Вы пишете, а настоящий редакционный труд. Я совершенно погибаю под «Совр⟨еменником⟩», который жрет у меня время, как кот сметану, и помощник мне необходим. Ил. Вл. иногда за меня пишет письма, но даже и эта помощь слабая отпадает все больше и больше, т. к. дети растут, учатся, и у нее ни на что, кроме домашних хлопот, не остается времени. Не говорю уже о том, что в чтении рукописей я совсем без помощи, и, не будь ласкового добровольца, Германа Александровича, я пропал бы. Так вот. Если бы В. С. при-

ехал к нам в Феццано, да присмотрелись бы друг к другу, как уживемся по-человечески и сможем ли вместе работать, то я передал бы ему часть редакционной работы и переписки по редакционным делам, и, полагаю, нам обоим это было бы ко благу, равно как и «Совр.» Памятуя его всегдашнюю симпатичность, я не сомневаюсь, что мы сошлись бы, если, конечно, он захочет. Сперва я это сделал бы неофициально, чтобы не возбуждать редакционного вопроса, а месяца через два ввел бы его и прямо в редакционно-издательский комитет с самостоятельными полномочиями. Обдумайте это, пожалуйста, и если дело пойдет, посылайте ко мне В. С. Буду ему очень рад и, как уже писал Вам, сотрудничество с ним предпочту всякому иному.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Да! Забыл! Жаботинского зовут Владимир Евгеньевич [3].

Плохую статью написал я о Короленко, да — что же делать? Другие еще хуже написали. Пришлось самому выступать.

Ваш А. А.

[1] Имеется в виду речь Карцевского о Толстом. См.: Г—А, п. между 28 и 31 января 1911 г., прим. 2.

[2] Драма «Строители» Петко Тодорова.

[3] По-видимому, Горький спрашивал у Амфитеатрова об имени и отчестве В. Е. Жаботинского в связи с получением его п. от 24 февраля 1911 г. (*АГ*).

188. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 22 марта 1911 г.)

Александр Валентинович, дорогой мой!

Вы не ответили мне на вопрос — нужно ли посылать вам рукописи и не навязчиво ли это с моей стороны?

За Ганюшина — рад. Вы сделаете к его рассказу маленькое предисловие?[1]

С Мировым [2] сегодня разговорюсь. Посылаю очерк развития татарской литературы, если хотите — могу прислать перевод пьесы Гаязова «Алдым-бирдым» — сиречь — «Брачный договор» [3].

Я думаю со временем издать в «Знании» книгу рассказов и стихов Гаязова [4], он кажется мне очень интересным, да и вообще пора обратить внимание на татар.

А то вот не хотите ли еще латышей? И статью о культурном движении в поволжской мордве? [5]

Ох, когда мы соберемся с силами и будем издавать всероссийский журнал — т. е. журнал, который был бы одинаково интересен для всех «народностей, входящих в состав» нелепейшего государства нашего? [6]

А Китай-то разъярили-таки! Вот вам «зверь из бездны»! [7]

Милюковскую речь читали? [8] Пикантно! Вас грызут звери и рукописи, а меня окуровцы и рукописи, а кто злее — это еще неизвестно, да!

Сегодня 22-е марта, а я отправляю на почту рукописи 63—⟨6⟩5,— это за три неполных месяца!

Хорошую пьесу прислали мне, ой злая! И, кажется, талантливо.

Когда у вас будет чтецом В⟨иктор⟩ С⟨ергеевич⟩ — это весьма хорошо отзовется на журнале! Связи у него хороши!

Ну, будьте здоровеньки!

Сейчас на голову мне свалятся Сытин, Ладыжников, Каменский [9] — бедная моя лысая головенка!

Давайте выдумаем июньскую 6-ю книжку «Современника» так, чтоб читатель, прочтя ее, сбесился со зла?

Повидаться бы!

Пожалуй, если Мир⟨олюбо⟩в двинется к вам, то и я махну с ним, хотя — некогда мне — отчаянно! [10]

А. Пешков

Датируется по фразе: «Сегодня 22-е марта».

[1] Рассказ И. С. Ганюшина «Павел Чижов» был напечатан с пояснением от редакции: «Автор этого рассказа, переданного редакции М. Горьким,— крестьянин Нижегородской губернии. Писание его с натуры, автобиографическое. Рассказ появляется в том виде, как доставлен был в редакцию. Г⟨осподин⟩ Ив. Касаткин, направивший рукопись к М. Горькому, лишь выправил ее орфографически и устранил кой-какие стилистические нескладицы, но даже почти не сокращал. Печатаем с удовольствием произведение И. С. Ганюшина как любопытный подлинный документ о настроениях современной глухой деревни» (Современник. 1911. Кн. 4. С. 87).

[2] С В. С. Миролюбовым. Под псевдонимом Миров он выступал на сцене Большого театра в 1890-х годах.

[3] Неджиб «Пробуждение русских татар и их литература» (Современник. 1911. Кн. 4). Рукопись очерка в переводе на русский язык Г. Свердловой была выслана Горькому Гаязом Исхаковым 3 марта 1911 г. «Мне очень неловко перед Вами,— писал Исхаков,— что обещанный мной очерк об истории развития татарской литературы опоздал на целый месяц. Извиняюсь за свою неаккуратность, хотя не моя в том вина, а переводчицы: она взялась, было, писать этот очерк, но, убедившись, что это ей не по силам, бросила. Пришлось обратиться к знакомому журналисту, Неджибу-эффенди. Таким образом, очерк этот написан не специалистом по этому вопросу и вдобавок является переводом с татарского» (*АГ*). Горький отвечал Исхакову в середине марта: «Очерк, присланный вами, показался мне вполне отвечающим той цели, которая имелась нами в виду,— ознакомить культурное русское общество с современной литературой татар. Исправив некоторые шероховатости языка, я отправлю этот очерк в журнал „Современник“ ⟨...⟩ Затем, если вы не против этого, мы поместим очерк как предисловие к вашей книге» (*АГ*). Рукопись очерка, отредактированная Горьким, хранится в *АГ*. О характере правки см. ст. И. Рахлина «Эпизоды великой дружбы. А. М. Горький о татарском народе и его культуре» в сб. «Горький в Татарии» (Казань, 1961, с. 67—70).

Пьеса «Брачный договор» написана Гаязом Исхаковым в казанской тюрьме (*Исхаков Гаяз.* Автобиография // *ИРЛИ*, ф. 185, оп. 1, № 1900). В «Современник» не была принята. Напечатана в журн. «Заветы» (1914, № 6).

[4] Произведения Гаяза Исхакова «Знанием» не издавались.

[5] Упоминаемые Горьким материалы в «Современнике» не появлялись. Говоря о латышах, Горький мог иметь в виду писателя Яна Яковлевича *Страуяна* (1884—1941), рассказы которого были присланы ему Г. А. Алексинским для «Знания». В *ЗК Миролюбова* мартом 1911 г. отмечено чтение рассказа Страуяна «С того берега». В апреле 1911 г. Горький писал Алексинскому: «Спросите Страуяна — не хочет ли он поместить свои вещи в „Совр⟨еменнике⟩“ Амф⟨итеатрова⟩ или в „Мире“? А я похлопочу, и это будет скорее, чем в „Знании“?» (сообщено И. С. Зильберштейном). В «Современнике» и «Современном мире» рассказы Страуяна напечатаны не были.

Предположительно статью о латышах Горький мог связывать с Янисом Эрнестовичем *Янсоном-Брауном* (наст. фам.— Янсон) (1872—1917) — одним из лидеров латышского социал-демократического движения, литературным критиком, который в то время находился в эмиграции; ст. «о культурном движении в поволжской мордве» — с Михаилом Прокофьевичем *Герасимовым* (1889—1939) — поэтом, революционером, находившимся с 1907 г. в эмиграции. Он встречался с Горьким в Париже и на Капри. Мать Герасимова была мордовкой. От нее Герасимов унаследовал знание мордовского языка.

[6] Слова, заключенные в кавычки,— из ст. «От редакции» (Современник. 1911. Кн. 1). Этот свой замысел Горький вынашивал на протяжении 1910-х годов. Он помышлял не только об отдельном издании такого типа, но и о расширении в этом направлении программ других журналов. См.: Г—Ч, Г—М, Г—Ляц.

[7] Несмотря на обмен нотами в феврале 1911 г. (см.: Г—А, п. от 17 марта 1911 г., прим. 1), положение на границе России и Китая оставалось напряженным. В русских газетах печатались в это время тревожные сообщения под заголовком «Русско-китайский конфликт», и в частности сообщения о том, что китайские войска спешно стягивались к североманьчжурской границе. 11/24 марта 1911 г. китайскому правительству была вручена ультимативная нота, которая была принята 15/28 марта. Эти события освещались в «Современнике» в политическом обозрении Кояловича (1911, кн. 3).

[8] Имеется в виду речь П. А. Милюкова в Государственной думе (Речь. 1911. № 60. 3/16 марта). Речь содержала критику деятельности Столыпина и министра иностранных дел С. Д. Сазонова. «Можем ли мы в таком ответственном положении, в какое поставила нас страна, давать этим людям возможность продолжать делать дальше то, что они делают?» — спрашивал Милюков. И далее, обвиняя их в умении «в момент наступления внешней опасности создавать себе внутренних врагов, вез

де, где только можно их найти, и даже там, где их нет», заявил: «...мы присутствуем при каком-то вальтасаровом пире в тревожном ожидании, что наконец грозная рука исторического рока напишет огненные слова».

[9] Пятницкий записал 3/16 января 1911 г. сообщение Горького: «Вот письмо Каменского о предложении Сытина. Дает 100 000 : 50 000 — мне, 50 000 — на расширение дела. Тогда я мог бы взяться за дело, для которого есть силы: организовать молодых писателей ⟨...⟩ Г⟨орький⟩: Я напишу — и он (Сытин.— *ред.*) приедет ⟨...⟩ Он еще раньше собирался приехать ко мне. Он говорил дважды, что дал бы 20 000 за 6 фельетонов для „Р⟨усского⟩ слова". Мне он интересен как русский купец» (*АГ*).

Сытин и Ладыжников приехали на Капри 22 марта, Каменский — 23 марта. Вместе с Горьким, Пятницким и Миролюбовым они вели 23 и 24 марта переговоры о дальнейшей судьбе изд-ва «Знание» (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 190—191; см. также: *Арх. Г.* Т. IX. С. 114, 332). Намерение Сытина войти пайщиком в изд-во «Знание» не осуществилось. Подробнее см.: *Голубева О. Д.* Два издателя. (И. Д. Сытин и М. Горький) // М. Горький и его современники. Л.: «Наука», 1968.

[10] Поездка эта откладывалась Горьким вплоть до начала апреля. См. телеграмму Горького от 3 апреля 1911 г.

189. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.III.26

Дорогой Алексей Максимович!

Вот-то была бы радость, если бы Вы в самом деле вместе с В⟨икто-ром⟩ С⟨ергеевичем⟩ приехали. Оно следовало бы, очень следовало повидаться и обсудить дальнейшие планы некоторых кампаний.

То, что Вы пишете мне относительно будущих книжек «Совр.», исполнило меня надеждами славы и добра [1]. Конечно, душою рад. Споемся — и давайте.

На В. С. возлагаю большие упования и жду его крепко [2].

Сейчас приехали Лидо-Зины [3], но я их еще не видал, ибо маюсь над академическим изданием Лермонтова [4]. То-то плохо!

Шаляпин продолжает дурить и шебаршить, стараясь и невинность сохранить, и капитал приобрести. Сомневаюсь, чтобы первое удалось. И изолгался же несчастный парень!

В 3-й книжке «Совр.» не будет ни «Литер⟨атурных⟩ впеч⟨атлений⟩», ни «Пестрых глав». Уступаю честь и место старику Антоновичу [5]. Даю кусок из 2-й части «Зверя» — «О гуманной власти» [6]. Хотя почти дословный перевод из Сенеки, боимся, что — под конфискацию.

Нет, какова штука со Столыпиным и Каковцовым?![7]

И на Тибре, и на Ниле
Телеграф пошел трубить:
Слово Каком заменили —
Како Слову тверду быть?

Ах, под нашим зодиаком
Ненадежен алфавит —
Како ль Словом, Слово ль Каком,—
Никого не удивит! [8]

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Сердечный привет М. Ф.

Ваш А. А.

[1] «В надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни» — первые строки «Стансов» (1826) Пушкина.

[2] В. С. Миролюбова.

[3] Л. П. и З. А. Пешковы.

[4] Амфитеатров писал рецензию на «Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова» (т. 1—3, под ред. и с примеч. Д. И. Абрамовича, изд. разряда изящной словесности Имп. академии наук. СПб., 1910). Рецензия под названием «Новое издание сочинений Лермонтова» напечатана в «Современнике» (1911, кн. 4). Собр. соч., состоящее из 5 т., было завершено в 1913 г.

[5] Предполагалась публикация ст. Антоновича «о письмах Толстого, поскольку в них характеризуется его личность, его философия» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). 3/16 апреля 1911 г. Водовозов, сообщая Амфитеатрову о материалах петербургской редакции «Современника», писал: «Имеется корректура статьи М. Антоновича о письмах Л. Толстого. Статья сама по себе недурная и заслуживающая напечатания, но таковое, очевидно, невозможно. Не понимаю, когда и как могла быть получена и набрана эта статья» (Там же). Статья напечатана не была.

[6] «Апостол гуманной власти. Девятнадцать веков тому назад. (Этюд к книге „Зверь из бездны")» (Современник. 1911. Кн. 3).

[7] Имеется в виду так называемый министерский кризис, в результате которого председатель Совета министров П. А. Столыпин подал в отставку: его преемником называли министра финансов В. Н. Коковцева. Отставка Столыпина не была принята Николаем II, о чем сообщалось в газетах 11/24 марта 1911 г.

[8] В стихотворении Амфитеатрова «Слово» и «Како» употребляются в значении согласных С и К. С — намек на Столыпина К — намек на Коковцева. Стихотворение было напечатано в сатирическом разделе «Сверчок» с изменениями во втором четверостишии, без подписи, под заглавием «Алфавитная реформа (7 марта 1911 г.)». Далее по тому же поводу публиковались «Мысли, сомнения и недоумения» (Современник. 1911. Кн. 3).

190. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 27 или 28 марта 1911 г.)

Посылаю — куриозное письмо Льдова и мой ответ ему [1]; так как дело касается «Современника» — вам нехудо ознакомиться с этими финиками.

Миролюбов собирается к вам и меня тащит.

Вы как об этом мыслите? Ежели двое свалятся на вас, а?

Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по упоминанию п. К. Н. Льдова.

[1] Константин *Льдов* (Витольд-Константин Николаевич Розенблюм) (1862 — после 1935) — поэт. См. о нем в кн.: Поэты 1880—1890-х годов. Л., 1972. С. 175—178. Имеется в виду п. Льдова Горькому от 25 марта из Монако, в котором он жаловался на то, что Коялович отказался печатать в «Современнике» три его поэмы, переданные в редакцию за месяц или полтора до выхода в свет первой книги журнала. Льдов писал: «Обратиться к Вам с жалобою на Вас же, так как журнал „Современник" выходит при Вашем ближайшем участии и делает Вас нравственно ответственным за всякое бесчинство там, проделанное Вашими помощниками и доверенными, я считаю справедливым на основании уважения, внушенного мне как Вашими сочинениями, так (и еще более!) Вашим человеческим обликом» (*АГ*).

В *АГ* сохранилась машинописная неавторизованная копия ответного п. Горького к К. Льдову:

«Милостивый государь Константин Николаевич.

Возвращая Вам Ваше письмо, считаю необходимым сообщить следующее: я рядовой сотрудник „Современника", у меня нет в редакции этого журнала ни „помощников", ни „доверенных", и как старый литератор Вы, конечно, знаете, что издание журнала с „помощниками" и „доверенными" вообще невозможно.

Я не нахожу, чтобы г. Коялович поступил „бесчинно" по отношению к Вам, отказавшись печатать Ваши поэмы,— будучи на его месте я поступил бы так же. Полагаю, что и Вы, в бытность Вашу редактором разных изданий, нередко отказывались печатать те произведения, которые находили недостаточно интересными или не отвечающими тону Вашего издания».

191. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 29 марта 1911 г.)

Дорогой А. В.!

Посылаю письмо Малышева [1], пригодится на случай, если Родионов полезет в словесную драку [2]. Нет, каковы эти страдальцы о России — фон-Визину она «опротивела» [3], Родионов именует ее «хамской и варварской». Тесно, видно, им, душечкам. А стихи ваши тоже вызвали у меня некия потуги лирические <... >

Вышло, пожалуй, в стиле нижегородской речной полиции, уж не обессудьте!

Дня через два-три, устроясь тут с некиими делами, повалимся на вас. Поклоны, приветы.

Стишки-то вслух не читайте, я славы не жажду, нет.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с ответным п. Амфитеатрова от 31 марта 1911 г.

[1] Возможно, имеется в виду п. Сергея Васильевича *Малышева* (1877—1938) — профессионального революционера, большевика, позднее — сотрудника дооктябрьской «Правды». Знакомство его с Горьким относится ко времени первой русской революции. Упоминаемое письмо неизвестно.

[2] По-видимому, в связи с публикацией в «Современнике» (кн. 2) ст. Амфитеатрова «Литературные впечатления». «Г⟨осподин⟩ Родионов может хвалиться,— писал Амфитеатров,— ему удалось написать одну из самых гнусных и бесчеловечных книг, какие когда-либо появлялись в европейской печати. В своем роде эра российского одичания!» (с. 295). В статье подробно излагаются также обстоятельства уголовного дела об избиении подъесаулом Родионовым крестьянина Кузьмы Григорьева (на основании газетных сообщений) (с. 268—269).

[3] «Россия опротивела» — этими словами завершается дневник Хорвата, героя романа Фонвизина «В смутные дни», который он вел в самый разгар революционных событий.

192. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.III.31

Дорогой Алексей Максимович!

Ждем Вас и В⟨иктора⟩ С⟨ергеевича⟩ усиленно!

Сейчас получил Ваше письмо с припиской М. Ф.[1], что она также имеет намерение прокатиться и побывать у нас. Нечего и говорить, как я и Лара были бы ей рады. Но смущает нас сейчас то, что, по обилию в доме «жóнщин», не можем сейчас комбинировать удобного помещения для М. Ф. Двух мужчин благоустроить расположение комнат легко позволяет, а даме не выходит. Ну, да об этом пусть Лара пишет.

Относительно Малышева. Если он добудет подлинный экземпляр, надписанный Родионовым, или фотографический снимок[2], почему же и не сделать этому казаку-разбойнику скандала еще и еще?

И в желллллезные сердца — бей!

Кстати, о железных сердцах. Сахновский пустился в беллетристику и написал рассказ, в коем какая-то дама хочет «зажечь» русского композитора и говорит ему что-то вроде:

— Мой чуткий! хрупкий, огненный!

А он зажечься никак не может. Действие, кажется, где-то в горах[3]. В самом деле, зажечь Сахновского, когда он взошел на горную вершину, вряд ли возможно. Но зато, если уж загорится, то-то копоти будет! Отчего это все романтики в России жиреют? Вы едва ли не единственное исключение.

Гостят у нас Лидо-Зины, они же кенгуру[4]. В воскресенье думают ехать в Милан. Очень они милы и приятны. Думаю, что жизнь у них сладится и будет хорошая и трудовая. Я впервые имел случай поговорить с Зиною поближе и посерьезнее, и очень он мне понравился. Умный паренек и много знает. Я его тяну в журнализм[5], и наметили мы с ним ряд статей об итальянском земельном и рабочем устройстве на живой лад, с бытовыми иллюстрациями. Об этом он Вам, конечно, сам писать будет.

Герман Александрович не очень здоров в последние дни. Взволновался очень одним совершенно напрасным разговором с проезжим боевиком[6], а ему это вредно. Бросается на желудок и сердце. Два дня сидит слабый-преслабый. Сегодня стал бодрее.

Был Бурцев. Очень ему надо с Вами видеться. Когда приедете — поговорим.

Степан Голубь две тетради своих сочинений прислал! Ну, что я с ними буду делать?[7]

Вчера уехал от нас проф. Лутугин[8]. Намеревался побывать у Вас на Капри.

Прошло несколько интересных боевых фигур. Вообще, весна.

Погода чудесная.

На меня напала лень. Сижу, читаю Иеронима Ясинского и изумляюсь, что дожил до 48 годов, не подозревая, что на Руси был такой писатель, чуть мне не современный! Каким манером он сошел на нет?[9] Ведь даже, когда он пасквили, погубившие его репутацию, пишет, талантлив и ярок дьявольски. В «Лицемерах» Лесков, Максимов, Пыляев и др. так написаны, что жутко делается: словно напротив тебя покойники сидят[10]. И женщин писать мастер, особенно девушек. В «Вечном празднике» у него есть такая Софи[11] — отдай все, да и мало. И многое предвидел этот господин Иероним умом своим — зловещим и недоброжелательным. Свенцицкий в жизнь пришел двадцатью годами позже, чем был им написан[12]. Андреев так и смотрит из «Города мертвых», равно как и Сергеев-Ценский[13]. К сожалению, у меня Ясинский только до «Старого друга»[14]. Нет ли у Вас дальнейших его вещей?

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Крепко жду! Сердечный привет М. Ф.!

Ваш А. А.

Виктор Сергеевич! Двигайтесь! Померяемся главами!

[1] П. от 29 марта 1911 г. Текста приписки (видимо, она была сделана на отдельном листе) в *АГ* нет.

[2] О чем идет речь, установить не удалось.

[3] Возможно, Юрий Сергеевич *Сахновский* (1866—1930) — композитор, критик и дирижер. С 1901 г. вел музыкально-критическую деятельность, печатал статьи в газ. «Курьер», «Русские ведомости» и др. Был на Капри у Горького в 1907 г. О каком рассказе идет речь, неизвестно.

[4] «Лидо-Зины, они же кенгуру» — намек на предполагавшееся путешествие З. А. Пешкова и его жены в Австралию.

[5] См.: А—Г, п. от 16 февраля 1911 г.

[6] Боевик — член боевой организации партии эсеров.

[7] Произведения Степана Голубя в «Современнике» не публиковались.

В кн. 10 «Современника» было напечатано его «Письмо в редакцию» — «Рабочие и министры» по поводу брошюры А. Морского «Исход русской революции 1905 года и правительство Носаря» (М., 1911). В своей значительной части это письмо было перепечатано в корреспонденции Ильина ⟨Ф. Ф. Раскольникова⟩ «Витте и рабочие», в легальной большевистской газ. «Звезда» (1911, № 28, 5/18 нояб.).

В советское время были изданы кн.: *Глебов-Путиловский Н. Н.* Пролог к киноспектаклю «Нетерпимость» Пг., 1921; *Глебов-Путиловский.* Дом здоровья: Рассказ эмигранта / Обложка работы Филонова. Л., 1930; Сборник памяти Ильича: 25 лет. По воспоминаниям членов Петербургского совета рабочих депутатов / Под общей ред. Глебова-Путиловского. М., 1931 (в этом сборнике помещены воспоминания Глебова-Путиловского «Ильич в Совете» и другие статьи). См. также: Г—Ив.-Р, п. 15, прим. 2.

[8] Леонид Иванович *Лутугин* (1864—1915) — геолог, прогрессивный общественный деятель, принимал участие в многолетних исследованиях Донбасса. За обзорную геологическую карту Донбасса, составленную в 1911 г., получил на международной выставке промышленности и труда в Турине большую золотую медаль. Некоторое время жил у Амфитеатрова в Феццано (*ЦГАОР*, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 2057, л. 25).

[9] Иероним Иеронимович *Ясинский* (псевдонимы Максим Белинский, Чуносов, Независимый) (1850—1931) — беллетрист и публицист. Начал печататься в 1870 г. В первый период своей деятельности был близок к демократическому лагерю литературы, позднее сотрудничал в консервативной печати. Автор романов охранительного характера — «Иринарх Плутархов» (1886), «Первое марта» (1900) и др.

А. М. Скабичевский отмечал в «Истории новейшей русской литературы. 1848—1892 гг.»: «Стараясь писать как можно более, поставляя свои вещи разом во многие издания, Ясинский с каждым годом более и более выдыхается и опошляется. Как вследствие этого обстоятельства, так и бесцеремонного списыванья портретов с живых личностей, доходящего до неблаговидного пасквилянтства, произведе-

ния Ясинского перестали принимать в наиболее порядочных и уважаемых публикою органах, и он опустился до исключительного сотрудничества в иллюстрированных изданьицах и таких убогих журнальчиках, как „Наблюдатель“» (2-е изд. СПб., изд. Ф. Павленкова, 1893, с. 342).

Отношение Горького к Ясинскому было неизменно отрицательным. В п. к Л. Андрееву Горький высказал свое возмущение по поводу приветственной телеграммы Ясинскому, посланной Андреевым в день 40-летия его литературной деятельности (*XXIX*, 193). Осенью 1911 г. Горький отказался от сотрудничества в журн. «Новая жизнь», узнав, что в нем должна быть напечатана повесть Ясинского (см.: Г—А, п. от 17 окт. 1911 г., прим. 4). В ноябре Горький писал Ясинскому о «совершенной непримиримости» их «отношений к людям, к литературе» (*XXIX*, 209).

[10] *Ясинский Иер.* Лицемеры. СПб., 1894.

Ясинский был некоторое время близок к Н. С. Лескову. В 1892 г. отношения были прерваны в связи с публикацией ст. Ясинского «Анекдот о Гоголе» (Исторический вестник. 1891. № 6), которая вызвала полемический отклик Лескова — ст. «Нескладица о Гоголе и Костомарове» (Петербургская газета. 1891. № 192. 16 июля) (*Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 208—212. См. также с. 652—653). Воспоминания Ясинского о Лескове см. в его кн. «Роман моей жизни» (М.; Л., 1926). В кн. А. Н. Лескова «Жизнь Николая Лескова» (М., 1954) в эти воспоминания вносятся некоторые уточнения.

Сергей Васильевич *Максимов* (1831—1901) — писатель, этнограф. Литературную известность приобрел очерками из народного быта, собранными в кн.: «Бродячая русь Христа ради» (1887) и др.

Михаил Иванович *Пыляев* (1842—1899) — историк-бытописатель.

[11] Героиня романа «Вечный праздник» (СПб., 1888) Софья Рахманова (Софи) — эмансипированная молодая девушка, собственными усилиями прокладывающая себе дорогу в жизни.

[12] Валентин Павлович *Свенцицкий* (1879—1931) — писатель, публицист. В 1905 г. возглавлял вместе с философом В. Ф. Эрном Христианское братство борьбы. Автор нашумевшего романа «Антихрист. (Записки странного человека)» (1908) и драмы «Пастор Реллинг» (1909), в которых современники увидели проповедь декадентского аморализма.

Амфитеатров, по-видимому, имеет в виду повесть Ясинского «Учитель» (Полн. собр. повестей и рассказов И. Ясинского. СПб., 1888. Т. 4).

[13] Повесть Ясинского «Город мертвых» (Там же) проникнута мотивами безумия, смерти, ужаса жизни, душевной катастрофы. В этом, по-видимому, видит Амфитеатров близость Андрееву и Сергееву-Ценскому, раннее творчество которого отмечено декадентскими влияниями.

[14] Роман «Старый друг» был напечатан в кн.: *Ясинский И. И.* Старый друг. Путеводная звезда. СПб., 1891.

193. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 3 апреля 1911 г.)

Будем завтра утром [1].

Горький

Текст на телеграфном бланке, латинскими буквами.
Подлинник хранится в ЦГАЛИ, (ф. 34); в *АГ* — фотокопия.

[1] Горький телеграфировал о выезде в Феццано вместе с Миролюбовым. Пятницкий записал в своем дневнике: «*19 марта* ⟨*1 апреля*⟩ ⟨...⟩ Мир⟨олюбов⟩ рассказывает, что сегодня пришел к нему Г⟨орький⟩. Завтра они едут к Амфит⟨еатрову⟩ ⟨...⟩

20 марта ⟨*2 апреля*⟩. *Воскр⟨есенье⟩*. Завтрак с Мир⟨олюбовым⟩. Провожаю на пароход» (*АГ*). В Феццано Горький заехал проездом в Париж. Время пребывания Горького в Феццано может быть установлено по п. Г. А. Лопатина В. Я. Богучарскому от 5 и 9 апреля 1911 г., в которых он сообщал, что Горький гостит в Феццано. День отъезда Горького из Феццано в Париж устанавливается лишь предположительно по фразе из п. Лопатина к Богучарскому от 21 апреля 1911 г.: «Горького здесь нет уже. Он уехал в Париж еще до получения Вашей открытки». Открытка Богучарского была получена в Феццано 16 апреля 1911 г. (*ГЛМ*, ф. 2, оп. 1, д. 234). Следовательно, Горький находился в Феццано более недели. В Париж уехал между 10 и 15 апреля 1911 г.

194. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Париж. Вторая половина апреля, до 22, 1911 г.⟩

Сижу у Е⟨катерины⟩ П⟨авловны⟩ — вдруг является большой и сочный индивидуй — я, говорит, Тотомианц [1]. Верно ли, что Амф⟨итеатров⟩ едет в Неаполь и Испанию? И как раз в этот момент — ваше письмо! [2] Я подтвердил Тотовы сомнения: едва ли можно вас видеть на сей земле!

А к вам я не заеду, не имею на сие времени [3]. На Капри еду обязательно к 22, жду вас к тому же дню [4]. Ехать вместе? Устраивайтесь. Имею остановиться в Риме [5] и Орвиетто.

Жму руку

А. Пешков

Зина, который со мной, кланяется.

Датируется по содержанию и времени отъезда Горького из Парижа (прим. 4).

[1] В. Ф. Тотомианц.

[2] Упоминаемое п. Амфитеатрова не разыскано.

[3] В Париже Горький был занят рядом литературно-организационных дел. Особенно большое значение имела встреча Горького с В. И. Лениным. «...Я увидел его в Париже, в студенческой квартирке из двух комнат ⟨...⟩ — вспоминал Горький в очерке „В. И. Ленин“.— Тогда разваливалось „Знание“, и я приехал поговорить с Владимиром Ильичем об организации нового издательства, которое объединяло бы, по возможности, всех наших литераторов. Редактуру издательства за границей я предлагал Владимиру Ильичу, В. В. Воровскому и еще кому-то, а в России представлял бы их В. А. Десницкий-Строев.

Мне казалось, что нужно написать ряд книг по истории западных литератур и по русской литературе, книги по истории культуры, которые дали бы богатый фактический материал рабочим для самообразования и пропаганды.

Но Владимир Ильич разрушил этот план, указав на цензуру, на трудность организовать своих людей ⟨...⟩ Но главный и наиболее убедительный для меня довод его был приблизительно таков:

— Для толстой книги — не время ⟨...⟩ Нам нужна газета, брошюра ⟨...⟩ нам нужно бросить в массы десятки, сотни тысяч листовок ⟨...⟩ Подождем с издательством до лучших времен» (*20*, 19—20).

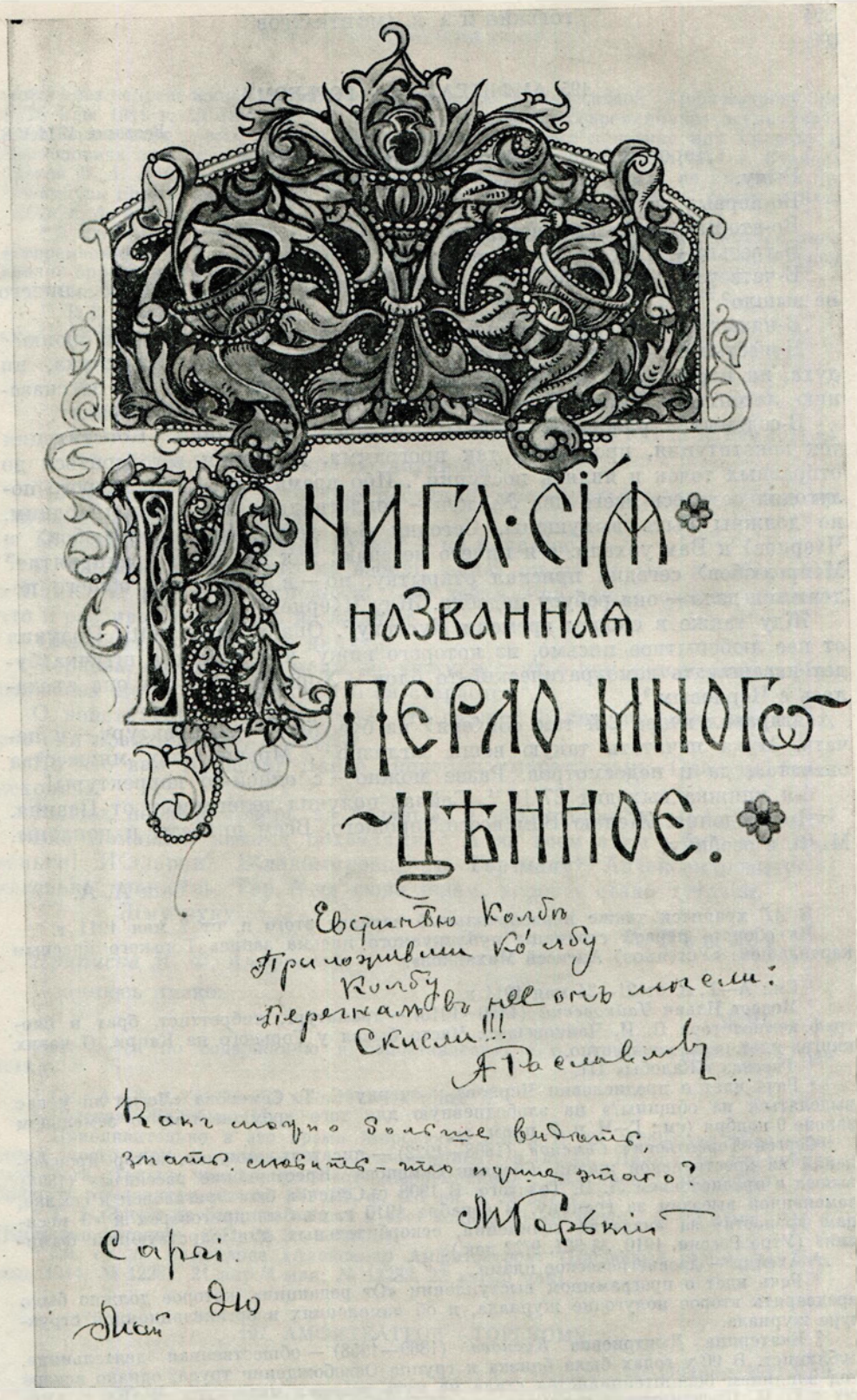
[4] 22 апреля Горький уехал из Парижа в Рим. На Капри вернулся 25 апреля. Возвращаясь на Капри, Горький ненадолго заехал в Феццано с Черновым обещая вскоре вернуться туда вместе с Миролюбовым (п. Лопатина Бурцеву от 30 апреля 1911 г.— см. сообщение Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...») для обсуждения вопроса о формировании коллективной редакции «Современника», куда вошли Чернов (см.: Г—Ч) и Миролюбов. Впоследствии на редакционное совещание в Феццано приехал только Миролюбов.

[5] В Риме 24 (?) апреля Горький посетил международную художественную выставку (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 194). Выставка открылась 9 апреля 1911 г. в связи с пятидесятилетием провозглашения города Рима столицей Италии. Промышленный отдел выставки был открыт в Турине.

На художественной выставке в Риме были представлены «все страны Европы, Соединенные Штаты С. Америки, Аргентина, Китай, Япония и др. ⟨...⟩ Выставка расположена в главном дворце искусств и в 11-ти павильонах, рассыпанных по Винья Картони» (Международная художественная выставка 1911 г. в Риме: Очерк с планами выставок и г. Рима. М.: изд-во «Образовательные экскурсии», 1911. С. 26).

Горький писал художнику С. М. Прохорову, что на него произвели сильное впечатление работы испанских художников — Игнасио *Сулоага* (1870—1945) и Эрменхильдо *Англада-и-Камараса* (1872—1959), а также хорватского скульптора Ивана *Мештровича* (1883—1962) (*АГ*).

Этой выставке в кн. 6 «Современника» была посвящена специальная ст. «Римская международная художественная выставка» за подписью Э. Х. В статье отмечалось, что достоинством выставки являлось ознакомление «с нарождающимися национальными школами стран, до сих пор еще не успевших заявить о себе своим участием в общей художественной жизни ⟨...⟩ Дания, Норвегия, Венгрия, Сербия и многие другие страны дали все, что имеют». См. также: Г—А, п. от 9 или 10 октября 1911 г., прим. 5.



ЗАПИСЬ ГОРЬКОГО В АЛЬБОМЕ Е. И. ВАШКОВА

Архив Горького, Москва

195. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.V.8.

Дорогой Алексей Максимович!

Рычу.

Во-первых, не приехали.

Во-вторых, никаких известий с о. Капри.

В-третьих — а Гусев-Оренбургский?[1]

В-четвертых — с Чайковским относительно книг, очевидно, ничего не вышло?[2]

В-пятых — «Жалобы» когда чаять к написанию: к маю или июню?[3]

В-шестых — Чернов, очевидно, утонул, ибо от него ни слуха, ни духа, ни корректуры, а предисловие, как ему свойственно, он, по сказанию летописца Миролюбова, превратить намерен в послесловие[4].

В-седьмых — граждане! ахейцы![5] изверги! голубчики! Конституция так конституция, программа так программа, но время договориться до отправных точек и являть поступки[6]. Ибо время идет, и до второго полугодия осталось всего два №, кои — коллегиально ли, мною ли одним, но должны быть выпущены. Сегодня 8-й день, что М⟨иролюбов⟩ и Ч⟨ернов⟩ к Вам уехали, а я ничего не знаю: как же стоит предприятие? М⟨иролюбов⟩ сегодня прислал открытку, но — в отношении общего положения дела — она ребусу подобна. Жду Ч⟨ернова⟩.

Жду также в скором времени Кускову[7]. Она в Ospedaletti. Получил от нее любопытное письмо, из которого вижу, что нелегкая штучка будет навешивать демократический-то блок[8]. Хорошо, если бы она съехалась с Черновым[9].

Отправил вчера 2-й том «Зв⟨еря⟩ из б⟨ездны⟩» — корректуру — в печать. Мука печатать такую вещь заглазно[10]. Мрачно жду множества опечаток, да и недосмотров. Разве можно — с одной-то корректуры!

4-я книжка выходит 27/10[11]. Сейчас получил телеграмму от Певина.

До свидения. Желаю Вам всего хорошего. Всем приветы и поклоны. М. Ф. в особину.

Ваш А. А.

В *АГ* хранится также первоначальный вариант этого п. от 7 мая 1911 г.

На обороте первой страницы публикуемого письма запись Горького красным карандашом: «Уст⟨инов⟩ Алексей Михайлов».

[1] См.: А—Г, п. от 21—24 мая 1911 г.

[2] Модест Ильич *Чайковский* (1850—1916) — драматург, либреттист, брат и биограф композитора П. И. Чайковского. Часто бывал у Горького на Капри. О каких книгах идет речь, неизвестно.

[3] Рассказ «Жалобы» III.

[4] Речь идет о предисловии Чернова к очерку С. Т. Семенова «Легко ли у нас выделяться из общины?» на злободневную для того времени тему о земельном законе 9 ноября (см.: Г—Ч, п. 2, прим. 8).

Сергей Терентьевич *Семенов* (1868—1922) — писатель-самоучка, автор произведений из крестьянской жизни. Сборник Семенова «Крестьянские рассказы» (1894) вышел с предисловием Л. Н. Толстого. В 1908 г. Семенов был приговорен к ссылке, замененной выездом за границу. В декабре 1910 г. он был приговорен к «3 месяцам крепости» за «издание сочинений, оскорбительных для царствующей фамилии» (Утро России. 1910. № 321, 9/22 дек.).

[5] Ахейцы — древнегреческое племя.

[6] Речь идет о программном выступлении «От редакции», которое должно было предварять второе полугодие журнала, и об изменениях в организационной структуре журнала.

[7] Екатерина Дмитриевна *Кускова* (1869—1958) — общественная деятельница, публицист. В 90-х годах была близка к группе Освобождение труда, однако вскоре под влиянием бернштейнианства стала на путь ревизии марксизма. В 1906 г. вместе с С. Н. Прокоповичем издавала полукадетский журн. «Без заглавия», была активным сотрудником газеты левых кадетов «Товарищ». Амфитеатров пытался привлечь Кускову к «Современнику» еще в январе 1911 г. Но Кускова отказалась тогда сотрудничать в журнале, в котором, как она считала, «есть политический

отдел без определенной политической линии» (п. Кусковой Амфитеатрову от 13/26 янв. 1911 г. *ЦГАЛИ*, ф. 34). Пытаясь на основе «Современника» осуществить идею блока всех левых партий, Амфитеатров пригласил в начале мая Кускову и Прокоповича для переговоров с новым составом редакции. 10 мая 1911 г. Кускова писала Г. А. Лопатину: «Алек‹сандр› Вален‹тинович› спрашивал, не имеем ли мы что-нибудь против „конгресса“ „Современника“ ‹...› 19—20, наверное, будем у Вас» (*ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, д. 10).

[8] 6 мая 1911 г. Кускова писала Амфитеатрову по поводу первых четырех книг «Современника»: «С „Современником“ так ничего и не вышло ‹...› У Вас журнал вполне определившийся: журнал эсеровский» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[9] См.: А—Г, п. от ‹21—24 мая 1911 г.›, прим. 2.

[10] Т. 2. «Зверя из бездны» — «Золотое пятилетие».

[11] Амфитеатров сообщает о выходе кн. 4 «Современника».

196. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 10 или 11 мая 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Не приехав к вам — хорошо поступил, ибо — устал я, как собака на охоте, и кашляю, яко овца.

Почему к вам не прибыл Гусев [1] — не понимаю.

С Чайковским — ничего не вышло, занят он по музыке и собирается в Клин. Не решился беспокоить. Сам зайти — не успел, одначе слышал, что в разбивку продавать не желают.

«Жалобу» получите на днях [2].

Чернова, по болезням моим, не вижу, а слух о нем таков: пишет. Миролюбова же вижу, и вижу, что он старается [3].

О конституции и программе — что скажу? В сих вопросах я — швах, ибо они практические, анафемы.

На что вам Кускова? Дайте спокойно умереть даме. Она, чу, больнехонька.

Вышел первый «Зверь из бездны», я объявление видел [4]. Ох, жду!

Вас Измайлов измаял похвалами? [5] А за всем этим — будьте здоровеньки! И‹лларии› В‹ладимировне› и Гер‹ману› Ал‹ександровичу› — низенько кланяюсь. Гер. А-ча сюда ждем, хорошо стало туточки.

Жму руку

А. Пешков

Приписка М. Ф. Андреевой:

Кланяюсь низко.

М. Ф.

Датируется по содержанию и сопоставлению с п. Амфитеатрова от 8 мая 1911 г.

[1] См.: А—Г, п. ‹от 21—24 мая 1911 г.›, прим. 6.

[2] Рассказ «Жалобы» III.

[3] Приблизительно в это время Миролюбов писал В. В. Муйжелю: «Беллетристика моего приема пойдет в „Современнике“ в июле. Пришлите что-нибудь ради бога. Только что вернулся от „Современника“, где провел две недели ‹...› Спешить приходится вовсю» (*ИРЛИ*, ф. 123, оп. 2, № 337, с. 3).

[4] Т. 1 «Зверя из бездны» вышел в свет только 23—30 июня / 6—13 июля 1911 г. (Книжная летопись. 1911. № 26. 2 июля).

[5] См. ст. А. Измайлова «Александр Амфитеатров» (Биржевые ведомости. Утр. вып. 1911. № 12281. 21 апр./4 мая; № 12283. 22 апр./5 мая).

197. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.V.19

Дорогой Алексей Максимович.

Посылаю Вам горестное письмо Шолома-Алейхема. А что тут будешь делать? Могу написать обстоятельный обзор этой великой исторической несправедливости, но будет это столь же результатно, как черпать воду

решетом [1]. Если выдумаете что-нибудь более осязательное, напишите: заранее присоединяюсь.

5-я кн. «Совр.» выйдет 20 мая/3 июня. Поспешите, если можно, с «Жалобою» или известите, чтобы перенести ее на июнь, хотя очень хотелось бы на май [2].

Чернов написал о Гиппиус хорошо [3], о Семенове средне [4]. Пишет по поводу столыпинских деяний [5]. Нанял он квартиру [6].

Я для мая дал статью о Ферреро [7].

Маемся чрез отдаление Миролюбова. На что он «Знанию» на Капри? А предчувствую, что с каждым днем будет труднее для «Совр.»: подумайте, ведь нам 12 книжек надо составлять!

А и мерзкая же эта сударыня Гиппиус! Чернов ее выпорол, но, по грехам ее, мало.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. Амфитеатров

[1] Упоминаемое п. Шолома-Алейхема (С. Н. Рабиновича) не разыскано. Оно касалось, по-видимому, обстоятельств так называемого дела Бейлиса.

Приказчик кирпичного завода в Киеве еврей М. Бейлис был ложно обвинен в убийстве 12/25 марта 1911 г. тринадцатилетнего мальчика Андрея Ющинского якобы с ритуальной целью. 29 апреля / 12 мая 1911 г. правые внесли в Думу для обсуждения запрос по поводу ритуальных убийств, он сопровождался разнузданной антисемитской кампанией, в которой особенно усердствовала газ. «Новое время».

[2] Рассказ «Жалобы» III был напечатан в кн. 5 «Современника».

[3] Ст. Чернова «Литературные впечатления» о романе З. Гиппиус «Чертова кукла» (Русская мысль. 1911. 1—3) была напечатана в кн. 5 «Современника». Чернов писал о богоискательских тенденциях романа, стремлении Гиппиус повернуть революционеров «в сторону познания» религиозного смысла собственной практики, отмечал «фатальную раздвоенность русского революционера» в изображении Гиппиус (с. 323). См.: Г—Ч, п. 2.

[4] См. А—Г, п. от 8 мая 1911 г., прим. 4.

[5] Чернов написал для кн. 5 «Современника» внутреннее обозрение. Но вместо него там появилась ст. Водовозова «На Родине. (Министерский и парламентский кризис в стране, в которой, слава богу, нет парламента)». См.: Г—Ч, п. 2, прим. 2.

[6] Уехав из Парижа, Чернов поселился в Фецдано.

[7] Ст. Амфитеатрова «Гульельмо Ферреро и его критики» (Современник. Кн. 5) была посвящена труду Ферреро «Величие и упадок Рима» и критическим работам о Ферреро, вышедшим в 1910—1911 гг.

198. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 19 мая 1911 г.)

Александр Валентинович, дорогой!

Нельзя ли возможно скорее выслать гонорар Исхакову за статью о татарской литературе? Адрес прилагаю.

Что с вами, как дела, почему не пишете? Как поживает «Зверь»?

Кланяюсь всем.

Здоровьишко трещит, и нерв попискивает.

Вечером сегодня отдам «Жалобу».

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с первой фразой ответного п. Амфитеатрова от (21—24 мая 1911 г.).

199. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 21 или 22 мая 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович.

«Жалоба» сдана Миролюбову, вероятно, сегодня же он ее отправит Вам [1].

Очень прошу Вас: не можете ли Вы сейчас же получить с конторы деньги и, вычтя мой Вам долг, прислать мне остаток?

Письмо Рабиновича не нравится мне [2]. Антисемиты Дрюмон и Лютостанский [3] — евреи, Азеф — тоже. Это и многое другое в таком духе — позорит Рабиновича? В моих глазах — нет, и мне странно, что — по Рабиновичу — Амфитеатров и Горький опозорены выходкой хулигана Савенко [4]. Надо бы ему, литератору, писать грамотнее или осторожнее, что ли.

И затем, он плохо знает провинциальную прессу, коя полна горячих протестов по поводу этого хулиганства, не знает он того, что даже Меньшиков [5] — отказался от защиты Савенко.

Мне бы тоже хотелось «двинуть» г. Рабиновича на доброе дело: за последнее время евреи, работающие в желтой прессе — почти сплошь еврейской, принимают весьма деятельное участие в травле демократии, всячески издеваясь над демократическими идеями. Вот бы г. Рабиновичу и другим умным людям и внушить этим журналистам — «господа, действуя так в демократической стране, вы тем самым можете сильно способствовать росту антисемитизма, ибо евреи вы и ваше непохвальное поведение легко может отозваться не на вас только, а вообще на евреях».

О еврейских же погромах можно говорить с меньшей похвальбою, после того как черный российский погромщик устроил томскую и иные гекатомбы [6].

Весьма тороплюсь, а посему пишу кратко. М. Ф. приветствует вас.

А. Пешков

Датируется по содержанию и фразе из п. Амфитеатрова от ⟨21—24 мая⟩: «V. 24. Сейчас получил Ваше письмо».

[1] III рассказ из цикла «Жалобы» был получен Амфитеатровым, вероятно, 27 мая (А—Г, п. от 27 мая 1911 г.).

[2] И. Шолома-Алейхема.

[3] Эдуард Адольф *Дрюмон* (1844—1917) — французский историк, публицист, автор ряда антисемитских книг и статей. О деятельности Дрюмона Горький мог получить, в частности, обстоятельное представление из большой ст. Е. Смирнова «Эдуард Дрюмон и антисемитское движение во Франции», напечатанной в журн. «Жизнь» (1899, т. X, окт.).

И. *Лютостанский* — автор кн. «Вопрос об употреблении евреями-сектаторами христианской крови для религиозных целей в связи с вопросом об отношениях еврейства к христианству вообще» (М., 1876) (*Описание*).

[4] Имеется в виду письмо по поводу «дела Бейлиса» сотрудника газ. «Киевлянин» Савенко (писал под псевдонимом Запорожец), напечатанного в газ. «Новое время» (1911, № 12617, 29 апр./12 мая) под названием «К убийству Ющинского». В нем утверждалось, что убийство Ющинского носило ритуальный характер. Письмо это послужило поводом к антисемитской кампании в правой прессе.

[5] Горький мог иметь в виду, например, ст. «Размышления», в которой говорилось о полемике Меньшикова с Савенко (Речь. 1911. № 104. 8 апр. / 1 мая).

[6] Речь идет о зверской расправе над народной милицией и гражданским населением, учиненной черносотенцами и полицией 20 октября 1905 г. в Томске (см.: *W. B.* Очерки современного революционного движения в России // Красное знамя. 1906. № 3. С. 102—107).

200. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано. 21—24 мая 1911 г.⟩
Fezzano. 1911.V.21

Дорогой Алексей Максимович!

Ну, вот, Певин ищет Неджиба, а он оказывается Исхаковым. Немедленно пишу [1].

Были у нас Прокопович и Кускова. Ничего. После первого дня сражения — увы, не столь о журнале, сколь по существу — с Викт⟨ором⟩ Мих⟨айловичем⟩ второй день принес мир и соглашение, которое я, так сказать, вымолчал. Словом, к блоку принципиально примыкают, а в деталях, я так полагаю, время поможет спеться [2]. Они мне очень понравились, хотя говорили много странного и неожиданного. Например, ужасно

запуганы великим могуществом Петра Струве и «Русской мысли» [3] и, весьма сочувствуя борьбе с ними, воздыхают в то же время, что, мол, дай бог нашему теляти волка поймати.

Обрадовали известием о «Жалобе». Жду.

Завтра пошлю Вам мой проект по еврейскому делу [4].

Был у меня Каржанский и, кажется, обиделся, ибо приехал в страшную суету и не до него было. Не нравится он мне. Но интересен как неистощимый кладезь сплетни. Благодаря ему узнал, что повесть Влад. Сарматова писана с определенных лиц, которых я очень знаю [5].

Я не ждал к себе Гусева-Оренб⟨ургского⟩, а Вы мне обещали прислать его сочинения для статьи о русском духовенстве и даже в книжку о том записать изволили — и позабыли. Пришлите. Тогда к июньской книжке напишу [6].

Так как Вы великий частушник, просмотрите у Миролюбова рукопись Френкеля, которую я через Венгерова получил [7].

Нет, знаете, Кускову Вы рано хороните. Она жиляная!

Ужас, как тонко стали мыслить и чувствовать в Питере. Боюсь, что так нельзя. Нарождается какая-то интеллигенция над интеллигенцией, которая, по-моему, дьявольски аристократична. Меня страшно поразило, когда В. М. на указание необходимости отвоевать читательскую массу у безразличного либерализма получил весьма презрительный ответ:

— Это меня нисколько не интересует.

Однако:

«Русское слово»	— 150 000	500 000, а каждый № газеты, по статистике, читают мало-мало 5 человек. Пренебрежение к читателю, расползшемуся в $2^1/_2$ миллиона, диковато, как хотите...
«Биржевка»	— 150 000	
«Утро России» и прочие «Утра»	— 100 000	
Разные аплике	— 100 000	

Я нездоров. Нога всё болит. Капоцци говорит, что надо одеть какие-то особенные чулки, а я негодую: что я, старый архимандрит, что ли?

Измайлова читал. Ах, какой я хороший писатель!

Ил. Вл. уверяет, что это он ввиду распространившегося, было, первоапрельского слуха о моей смерти написал мне некролог, а потом, чтобы материал не пропадал, использовал в виде статьи.

Жду «Зверя» с нетерпением. Как получу — Вам.

До свидания. Всего Вам хорошего. Привет М. Ф.

Выздоравливайте поскорее; что касается нервов — да усмирит их весна!

О семиреченских казаках читали? Недурное предзнаменование для войны! [8]

Ваш А. А.

V.24

Сейчас получил Ваше письмо [9]. Так-то оно так, а поддержать евреев все же надо. Очень я этой ритуальной легенды не люблю — быть может, потому, что много изучал ее. О деньгах сейчас же написал.

[1] Гонорар за очерк Неджиба «Пробуждение русских татар и их литература» задержался из-за того, что деньги были направлены Певиным в Константинополь на имя Неджиба, в то время как Исхаков в п. к Горькому от 31 марта 1911 г. просил выслать деньги на его имя (*АГ*).

[2] Встреча Амфитеатрова и Чернова с Кусковой и ее мужем — публицистом и экономистом Прокоповичем состоялась в Феццано и Специи 20—21 мая. Отношение Кусковой и Прокоповича к результатам этой встречи было гораздо более критическим, чем у Амфитеатрова. 23 мая 1911 г. Кускова сообщила Водовозову: «...только что покинули Spezia ⟨...⟩ В Spezia я застала Чернова, который расположился там как редактор „Соврем⟨енника⟩“. К нашему приезду там вышла уже вся черновская музыка. Амфитеатров оказался вполне в их руках и потихоньку признался мне, что они желали бы Вашего удаления, но что на это „он“ не согласился ⟨...⟩ Два дня мы проспорили с Черновым. Опять эта злосчастная община и главное — бойкот

Думы ⟨...⟩ Как же быть? Спорить в журнале? Но ведь там предполагается — и основательно, система блоков, а не споров» (*ЦГАОР*, ф. 539, оп. 1, ед. хр. 2254, л. 17—18, 19).

Однако, как видно из последующих п. Кусковой к Амфитеатрову, она продолжала сочувственно относиться к самой возможности объединения. 18 июня 1911 г. Кускова писала Амфитеатрову: «Я очень рада, что последнее письмо Ваше дает мне так много определенного. Во 1-х, относительно идеи М. Горького о „блоке". По-моему, идея эта настолько ценна сейчас для России, что, сколько бы ни пустили средств и сил для ее пропаганды — всё будет мало. Меня смущает только одно, как и раньше, что в вашем предполагаемом блокированном комитете нет ни одного кровного с.-д. Мы все — ревизионисты. Затем идут кровные (вроде Чернова) с.-р.» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). Основным условием сотрудничества Кускова поставила отказ от бойкота выборов в Думу и от пропаганды эсеровской идеи террора: «...блок может состояться лишь при признании выборов и замолчании террора ⟨...⟩ Все мы, в свою очередь, конечно, обязались бы ничего не писать против террора. Но за выборы — это же необходимо!» (п. Кусковой Амфитеатрову от 19 июня — Там же).

На этой противоэсеровской платформе Кускова и Прокопович объединились с Водовозовым (который в то время примыкал к трудовикам), настаивая на сохранении за Водовозовым руководящей роли в общественно-политическом отделе журнала.

В это же время, 14 июня 1911 г., Водовозов писал Амфитеатрову: «Блок на почве бойкота решительно невозможен, потому что выборы в Думу начинаются, они имеют большое значение для всех партий» (Там же). Здесь же, высказываясь об общих перспективах блока, Водовозов замечал, что Чернову мог бы противостоять «кто-нибудь вроде Плеханова или даже Ленина; но редакции из Ленина, Чернова, Плеханова, Вас, Миролюбова, меня — я решительно не в состоянии представить» (Там же).

[3] *«Русская мысль»* — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Москве с 1880 по 1918 г. После революции 1905 г. в своей общественно-политической платформе выражал позиции правого крыла кадетской партии; с 1907 г. выходил под редакцией П. Б. Струве.

Памфлет о Струве и «Русской мысли» Я. Вечева (Чернова) был напечатан в «Современнике» (1911, кн. 8) под заглавием «Кризис либерализма».

[4] Так называет Амфитеатров свое «Письмо в редакцию» (с датой: «Fezzano. 1911.V.21»). Очевидно, письмо это было выслано Горькому не на следующий день, а несколько позже. См.: Г—А, п. между 26 и 29 мая 1911 г.

[5] Роман В. Сарматова «Таких много» в *ЗК Миролюбова* помечен буквой Н (не принят).

[6] Тема русского духовенства была одной из центральных в творчестве Гусева-Оренбургского. Статья Амфитеатрова, названная «Благоденственное житие», была напечатана в кн. 10 «Современника» за 1912 г.

[7] Упоминаемая рукопись значится в *ЗК Миролюбова*: «23 ⟨мая⟩. Новгородская частушка. Кир. Львов. Френкель. СПб., В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩, 16 л., д. 55, кв. 8. Статья студента. Сыро, необстоят⟨ельно⟩. Выводы в⟨есьма⟩ сомнительны. Систематика — тоже. Ценно как материал».

[8] Амфитеатров имеет в виду сообщение, помещенное в вечерней хронике «Нового времени» (1911, № 12621, 3/16 мая) о том, что «Государь император собственноручно соизволил начертать» на телеграмме с выражением верноподданнических чувств чинов 1-го Семиреченского казачьего полка: «Благодарю семиреченских казаков за вековую честную службу». Эта телеграмма приобрела особый смысл в связи с тем, что в начале марта 1911 г. в Семиреченском военном округе (на границе с Китаем) была проведена пробная мобилизация войск. См. сообщения в газ. «Утро России» (1911, № 53 и 54, 5/18 и 6/19 марта).

[9] Приписка была сделана Амфитеатровым после того, как он получил п. Горького от 21 или 22 мая 1911 г.

201. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.V.27

Дорогой Алексей Максимович.

«Жалобу» получил [1]. Спасибо. Миролюбов назначил ее на июнь, но я надеюсь, что она успеет войти в май. Уже поехала.

Эта «Жалоба» нравится мне гораздо менее двух первых, особенно второй. Субъективного много вложили Вы в уста неподходящие, а тона субъективности последовательно выдержать не решились. От этого вещь вышла пегая, неопределенная и как бы робкая: производит такое впечатление, будто не действующее лицо, но автор боится сказать что-то,

рвущееся у него из души,— откроет рот, вот-вот отрежет, ан смолчал... пауза... и опять пошел разговор «вообще».

Увидите Миролюбова, скажите ему о перемещении «Жалобы» в май. Он прислал мне чью-то принятую рукопись с украинского, а чью — не обозначил. Завтра отошлю.

Чернов о Столыпине написал очень хорошо [2]. Он-таки выпишется в чудесного политического фельетониста. Притом легко с ним очень, с редакторской точки зрения. Покладистый автор, желающий, чтобы у него все было по-хорошему. И работник.

Я в V-й книжке буду представлен только Феррерой и несколькими рецензиями [3].

До свидания. Желаю Вам всего хорошего!

У Вас теперь пунктик — Судьба, Доля и т. п. Я, грешный человек, в российский фатализм очень плохо верю, и сдается мне, что теория Ваша относительно XVII века более находчива и остроумна, чем надежна...[4]

Гранатова «История XIX века» кончилась какими-то спешными комками, а не выпусками [5].

А Винниченкова «Честность с собою», извините за выражение, свинья!

Разные беллетристы присылают разные сочинения, а читать некогда! О, жизнь!

Еще раз — всего Вам лучшего! М. Ф. привет!

Ваш А. А.

[1] III рассказ из цикла «Жалобы».

[2] См.: А—Г, п. от 19 мая 1911 г., прим. 5.

[3] По-видимому, Амфитеатрову принадлежали три неподписанные рецензии в кн. 5 «Современника» на кн. Вас. Немировича-Данченко «Ранние огни» (М., 1910), А. Тырковой «Ночью» (СПб., 1911) и М. Арцыбашева «У последней черты» (Париж, книгоизд-во «Bibliopolis», 1911, ч. 1).

[4] Интерес к представлениям Горького о Судьбе и Доле, связанный с раздумьями писателя о русском национальном характере, отражен и в третьем рассказе цикла «Жалобы», о котором идет речь в этом письме (*Бялик Б. А.* Коллективное творчество народа // Бялик Б. О Горьком: Статьи. М., 1947. С. 175—190).

[5] Книгоизд-вом братьев А. и И. Гранат и К° выпускались многотомные издания: «История XIX века» под редакцией французских историков Э. Лависса и А. Рамбо (СПб., 1905—1907, т. 1—8), «История России в XIX веке» (СПб., 1907—1911, т. 1—9). Амфитеатров имеет в виду последнее. В 1911 г. вышли в свет т. 8 и 9 «Истории России в XIX веке» — «Конец века. (1892—1900)». Эти тома отличались от предшествующих менее полным освещением различных сторон русской жизни, что сказалось и на объеме томов. По-видимому, именно для этих томов была написана по предложению издателей ст. В. И. Ленина «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», которая по цензурным условиям не была напечатана. Об изд-ве см.: *Белов С. В.* Братья Гранат. М., 1982.

202. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Между 26 и 29 мая 1911 г.›

Придумали вы, Александр Валентинович, весьма остроумно [1]: представил я себе протестующую Академию с высочайшим Ером [2] во главе и — расхохотался — озорство!

Само собою разумеется, что я лично во всякий коллективный протест пойду, а один — вдвоем, втроем — не сунусь. Бесполезно да и смешно.

А вот пусть все Куприны, Андреевы — Арцыбашево-Толстые с Ценскими и прочими заявят о своем отношении к сему вопросу, ну — и я тоже подпишу бумагу, ежели она будет написана с достаточной определенностью [3].

Где печатаете вы ваше письмо? И нет ли у вас желания вовлечь в дело В. Г. Короленко?

«Сказки» мои чли?[4] Как? Следует ли печатать их в «Современнике»? На сие жду ответа. И денег жду. Очень. Беден я, как турок.
Кланяюсь, во всех направлениях.
М. Ф.— тоже.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 21—24 и 31 мая 1911 г.

[1] Горький имеет в виду амфитеатровское «Письмо в редакцию» (см. п. от 21—24 мая, прим. 4). В нем содержалось предложение «соединить те индивидуальные усилия, которыми до сих пор русские литераторы боролись с мрачною ритуальною легендою, в усилие дружного коллектива». Такой «коллектив» Амфитеатров увидел прежде всего в отделении изящной словесности Императорской Академии наук (К. Р., Кони, Голенищев-Кутузов, Арсеньев, Боборыкин, Веселовский, Котляревский, Овсянико-Куликовский, Бунин), которому и предложил содействовать в создании специальных брошюр для народа («200—300 000 брошюр»).

«Письмо в редакцию» появилось в «Парижском вестнике» (1911, № 22, 3 июня). В России было напечатано значительно позднее в сб. «Ау!» под заглавием «К делу Ющинского».

[2] Подразумевается великий князь Константин *Романов* (1858—1915) — поэт. Свои стихи подписывал «К. Р.». Был президентом Российской Академии наук с 1889 г. по день смерти.

[3] Идея коллективного обращения к русскому обществу в связи с «делом Бейлиса» возникла, как о том сообщал Короленко своей жене 15/28 октября 1911 г., «в Петербурге, в кружке литераторов» (*Короленко В. Г.* Собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 761). Воззвание «К русскому обществу (по поводу кровавого навета на евреев)», написанное Короленко, было напечатано в газ. «Речь» (1911, № 329, 30 нояб./13 дек.) и перепечатано многими газетами. Воззвание, кроме Короленко, подписали: Горький, А. Блок, Л. Андреев, А. Серафимович, Я. Купала, В. Засулич, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Е. Чириков, Ф. Сологуб, Алек. Толстой, А. Федоров, М. Арцыбашев, Н. Олигер, Скиталец, С. Н. Сергеев-Ценский, А. Бенуа и мн. др.

[4] Имеются в виду V, VI и VII «Сказки» из цикла «Сказки об Италии».

203. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 31 мая 1911 г.)

А. В., дорогой.

Я послал этим аргентинцам[1] все издания «Знания» и очень прошу вас помочь им в свою очередь!

Кое-кого я знаю там — весьма хорошие ребята!

Кланяюсь, желаю всего лучшего!

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с ответным п. Амфитеатрова от 2 июня 1911 г.

[1] Возможно, имеются в виду русские эмигранты, покинувшие Россию в связи с репрессиями, последовавшими в ответ на революционные выступления 1905—1906 гг.

Как сообщалось в «Парижском листке» (1910, № 24, 20 авг.), в Буэнос-Айресе (Аргентина) существовала русская рабочая социал-демократическая группа и «скромная русская библиотека».

204. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.V.31

Дорогой Алексей Максимович.

«Сказки» получил...

Ну что ж?

1) Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.

2) Ты сам доволен ли, взыскательный художник?[1]

Отправил их с пометкою на июнь. Написал, чтобы деньги переведены были по выходе майской книжки[2]. Увы! в «Сказках» не более $^1/_2$ листа!

Приехал вчера ночью из Милана Зина потолковать о работах. Очень он мил и трогателен в качестве молодого супруга и являет большое трудолюбие. Не знаю, за что Миролюбов забраковал его американский

рассказ[3]. Я прочитал вчера, Герм. Ал. также, и оба мы нашли, что это, при некоторой наивности и элементарности, все же и жизнь, и живая лепка, и, во всяком случае, головою выше и таракановской мути пессимистической, и Винниченковой болтовни, которые он принял[4]. Мне не хочется на первых порах спорить, иначе я отстаивал бы Зинин рассказ. Пошлю его в другое место[5]. Парню надо печататься и печататься. Да и гонорар ему — ох, как не лишний!

Еврейскую мелодию послал я в несколько газет, между прочим, в «Речь», которая *поймет* и потому не напечатает, в «Бирж⟨евые⟩ вед⟨омости⟩», которые не поймут и потому напечатают, в «Русское слово», которое поймет, но притворится, что не поняло, и, пожалуй, напечатает, и в «Утро России», которое ничего не поймет, но все равно напечатает, а если не напечатает, то с перепуга от старых за меня штрафов.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

[1] Неточные цитаты из стихотворений Пушкина «Герой» и «Поэту».

[2] Для кн. 5 «Современника» предназначался рассказ «Жалобы» III.

[3] Речь идет о рассказе З. А. Пешкова «Без работы», который Миролюбов оценил как «скучн⟨ые⟩ воспоминания об америк⟨анских⟩ скитаниях» (запись от 20 мая — *ЗК Миролюбова*). Оценка Миролюбова совпадала с горьковской (Г—А, п. от 2 июня 1911 г.). В журн. «Современник» (кн. 5) был напечатан другой рассказ З. А. Пешкова — «Страна Надежд».

[4] Имеются в виду рассказ И. А. Тараканова «Один в природе», о котором Миролюбов отозвался так: «Есть стиль, есть идеи, есть замысел» (напечатан в кн. 6 «Современника») и рассказ Винниченко «Кузь и Грыцунь», оцененный Миролюбовым как «хороший рассказ, с юмором, сильный» (*ЗК Миролюбова*). Напечатан в XXXVII *сб. «Знания»*.

[5] Амфитеатров отослал рассказ З. А. Пешкова «Без работы» А. А. Измайлову в газ. «Биржевые ведомости». Он писал ему 19 июня 1911 г.: «...решился направить Вам рукопись одного молодого автора, имя коего Зиновий Алексеевич Пешков. По отчеству и фамилии можете догадаться, что это приемный сын Горького. Парень любопытнейший. Исходил и изъездил весь свет, был на возу и под возом. Теперь он начал писать» (*ИРЛИ*, ф. 115, оп. 3., № 8, л. 3). Сведениями о публикации рассказа не располагаем.

205. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 2 июня 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

«Сказки» посланы на тот случай, если б «Жалоба» пошла в 6 книге, а раз она идет в 5-й — «Сказки» я считаю лишними, и следовало бы возвратить их мне, о чем я писал вам или говорил Миролюбову?[1] Не помню. Не нахожу их удобными для журнала.

Рассказ Зинин я в свое время читал и содержание оного не одобрил, как и Миролюбов[2]. Работать Зине — надо, так, но — я его знаю более десяти лет и знаю, что ленив он на работу, хотя несомненно талантлив и много обещает. Его следует подталкивать, и, если это сделает умелая и сильная рука, как ваша,— толк из малого будет, надо думать[3].

Пишу, все пишу!

Попросите — при случае — контору прислать вместе с деньгами и расчетишко мой — нужен для некиих соображений хозяйских.

Ох, как много у меня нет денег!

Поклоны, приветы, рукопожатия.

А. Пешков

А Зине бы не жаловаться на недостаток средств: на 300 лир в месяц вдвоем можно жить здесь, люди живут и на меньшее до половины, да и недурно живут[4].

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 31 мая и 4 июня 1911 г.

ГОРЬКИЙ И З. А. ПЕШКОВ У ДВЕРЕЙ ВИЛЛЫ «СПИНОЛА»
Фотография Н. Е. Буренина. Капри, 1909—1910
Музей Горького, Москва

[1] В п. В. С. Миролюбову между 26—30 мая 1911 г. Горький просил вернуть рукописи V, VI, VII «Сказок» (из цикла «Сказки об Италии»), если они не войдут в кн. 5 журн. «Современник» (*МП*, III. С. 51, дата уточнена). «Сказки» были напечатаны в кн. 6 «Современника».

[2] Рассказ З. А. Пешкова «Без работы».

[3] 4 июня 1911 г. З. А. Пешков писал Горькому из Милана: «Я понемногу пишу, а главное, работаю над улучшением своего русского языка. Взял у Алек⟨сандра⟩ Валентиновича немного книг: Печерского, Писемского, Лескова, Тургенева, Островского» (*АГ*).

[4] 300 лир — деньги, которые Горький ежемесячно высылал З. А. Пешкову (*АГ*).

206. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

1911.VI.2. Fezzano

Дорогой Алексей Максимович.

Конечно, пошлю аргентинцам все, что есть. Жаль, что поздно. У нас mademoiselle Alice [1] уехала в Бразилию. С нею можно было бы отправить хоть десять пудов книг, ибо пароходчики на багаж добры.

Я очень огорчен смертью Ключевского. Потерять на расстоянии 6 месяцев таких людей, как Толстой и Ключевский,— это жуткое дело для страны. А в промежутках, хоть и поменьше калибром, а все же крупные мертвецы — Сергеевич, Муромцев, Якубович...[2]

Ключевского мне особенно жаль и потому, что умер рано, не кончив своего великого и мудрого дела (в противоположность Льву Ник‹олаевичу›, который, наоборот, слишком пережил свое дело), да и потому, что — как смолоду зачаровал он меня с кафедры, так и в склоне к старости чаруюсь книгою. Если у нас за последние 30—40 лет являлся литературно-научный гений, то, конечно, это был Ключевский... Думаю, что суждено этому человеку расти по смерти долго и мощно. Народная фигура[3].

Сейчас я читаю полемику против его «Боярской думы» — Сергеевича и др. Умный человек Сергеевич и знает свое дело, как чёрт, и, покуда допекает Ключевского, кажется неотразимым. Но он поневоле должен вставлять подлинные тексты Ключевского и... после каждого из них все допекание Сергеевича разлетается дымом, а в памяти остается Ключевский: этакий же резец у человека! что ни удар, то фигура...[4]

А вообще историк у нас неплохой пошел. Какая великолепная фигура как научный художник Платонов! Покойник Павлов-Сильванский. Молодой Пресняков[5]. Ничего. Живет земля святорусская. Хоть и подлец же она, эта земля.

Какого Вы мнения насчет обращения газеты «Русское слово» в прокурорский надзор по уголовным делам?! Совершенно прокуроры № 2. Уж добро бы один Влас, а то и старик Немирович — туда же![6]

Получил вчера от Водовозова тревожное письмо[7]. Приидоша к нему эсдеци нецыи, от них же краю угла сый Львов Рогачевский, муж разума детьска, сплетнеточив же от младости своея... Напугали Водовозова Черновым и Миролюбовым до полусмерти, и пришлось мне вчера целый день сидеть и писать успокоительное письмо[8].

Между прочим, Водовозов пишет, что «Жалоба», ввиду запоздания, вряд ли может попасть в май, т. к. пришлось бы ее (он пишет, когда она еще не получена) верстать в конец беллетр‹истического› отдела, телеграфировал, чтобы все-таки ставили. Не знаю, успеют ли[9]. Я получил ее 14/27 и сейчас же отправил — значит, в Питере она 18/31, а книжка должна выйти 20/3 — 23/6.

О деньгах я написал. Но Певина нет в Петербурге. Ездит, налаживая провинциальные агентуры. Послал бы Вам своих, но сейчас нищ. Подождем несколько дней. До свидания. Желаю Вам всего хорошего, М. Ф. привет.

Ваш А. А.

[1] По-видимому, Алисетте де Бельтран, о встрече с которой много лет спустя в Рио-де-Жанейро рассказал журналист Ю. М. Гальперин: «В один из обычных дней в пресс-центр пришла седая дама в белом костюме. Визитная карточка рекомендовала ее весьма внушительно: „Профессор Алисетте де Бельтран, основатель, директор-президент Института психопедагогики“ ‹...› „ ‹...›я родилась в Бельгии, училась в Италии, и там судьба свела меня с русскими эмигрантами, революционерами ‹...›“ Мадам Бельтран развернула пакет, достала довольно объемистый старенький альбом. И вот в далеком Рио-де-Жанейро я увидел никому не ведомые строки, написанные рукой Максима Горького:

„Свобода любит красоту,
А красота — свободу.
М. Горький
10/3 — 1911“

— Вы были знакомы с Горьким?!

— Да, и довольно близко. В течение целого года мы часто встречались в кругу русских эмигрантов, их итальянских друзей» (*Гальперин Юрий.* Человек с микрофоном. М., 1971. С. 244—245).

[2] В. О. Ключевский умер 12/25 мая 1911 г. Василий Иванович *Сергеевич* (р. 1832 — ум. 26 нояб./9 дек. 1910 г.) —историк русского права. Его памяти посвящена значительная часть ст. «Из траурных воспоминаний» А. Артемьева (М. Кояловича) (Современник. 1911. Кн. 1). Сергей Андреевич *Муромцев* умер 4/17 октября 1910 г. Петру Филипповичу *Якубовичу* (р. 1860 — ум. 17/30 марта 1911 г.) был посвящен некролог Водовозова и ст. Амфитеатрова «Литературные впечатления. П. Я. (П. Якубович-Мельшин). Стихотворения. Том I. Изд. 6-е. Том II. Изд. 4-е. СПб., 1910, изд. книготов-ва „Просвещение"» (Современник. 1911. Кн. 4).

[3] Через десять лет, в 1921 г., Амфитеатров вспоминал: «Мы, студенты первых курсов, увлекались Ключевским, обожали Ключевского. Однако сомневаюсь, чтобы многим из нас было тогда ясно все огромное значение нашего любимого профессора». Упомянув о переиздании произведений Ключевского в 1919 г., Амфитеатров писал далее, что это переиздание «уже опять превратилось в библиографическую редкость <...> и нет сомнения, что, живи мы в сколько-нибудь нормальных типографских условиях, Ключевского можно бесстрашно издавать еще и еще, как издаются Пушкин, Толстой, Лермонтов, Чехов» (текст выступления на вечере, посвященном памяти В. О. Ключевского — *ЦГАЛИ*, ф. 34).

[4] Монография В. О. Ключевского «Боярская дума Древней Руси» неоднократно издавалась в 1882—1919 гг. «Критику» Сергеевича см. в кн.: *Сергеевич В.* Древности русского права. 3-е изд. СПб., 1908. Т. II. С. 463—501.

[5] Сергей Федорович *Платонов* (1860—1933), Николай Павлович *Павлов-Сильванский* (1869—1908), Александр Евгеньевич *Пресняков* (1870—1929).

[6] Амфитеатров имеет в виду корреспонденции из зала суда Дорошевича и Вас. Ив. Немировича-Данченко по делу Вонлярлярских, печатавшиеся в газ. «Русское слово» начиная со 2/15 мая 1911 г. Крупный промышленник В. М. Вонлярлярский и его сын Д. В. Вонлярлярский обвинялись в подлоге завещания. В своих корреспонденциях Дорошевич и Вас. Ив. Немирович-Данченко высказывали тревогу по поводу ведения дела и возможного оправдания подсудимых, пользующихся поддержкой в правительственных кругах. По приговору суда Вонлярлярский был оправдан, а его сын признан «виновным, но заслуживающим снисхождения» (Русское слово. 1911, № 119. 26 мая/8 июня).

[7] В п. Водовозова от 15/28 мая 1911 г. содержалось сообщение о предложении, сделанном Водовозову как представителю петербургской редакции «Современника» М. С. Ольминским (Александровым) «от группы следующих лиц: Бонч-Бруевич, Б. Б. Веселовский, В. Базаров, В. Величкина (Бонч-Бруевич), Лосицкий, И. В. Чернышев <...> они входят в журнал в качестве сотрудников, но только групповым образом с следующей конституцией:

1. Они имеют право отвода сотрудников.
2. Рекомендации сотрудников.
3. Внутреннее обозрение должно быть в руках одобренного ими человека, причем, если оно будет в моих руках, то они заранее дают мне свою инвеституру.
4. Должны быть регулярные собрания ближайших сотрудников журнала» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

Водовозов писал Амфитеатрову далее: «...их сотрудничество, в особенности Бонч-Бруевича, действительно, очень желательно, но <...> их конституция <...> представляется крайне опасной» (Там же).

[8] Водовозов не был информирован Амфитеатровым об изменениях в редакционном комитете журн. «Современник». Он узнал об этом от Львова-Рогачевского, о чем и написал Амфитеатрову 15/28 мая 1911 г. Кандидатура Чернова как «вдохновителя и направителя <...> общественного отдела» журнала была неприемлема для Водовозова, ведущего этот отдела (Там же).

[9] Рассказ «Жалобы» III был напечатан в кн. 5 «Современника», в конце беллетристического отдела (десятым номером).

207. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VI.4

Дорогой Алексей Максимович.

Ни единого слова о возврате «Сказок» Вы мне не писали, за исключением того случая, если я найду их непригодными для «Совр.». Таковыми я их не нашел, как не найду ничего, над чем Вы ставите свое имя. Вошла ли «Жалоба» в май, не знаю, ибо рукопись попала ко мне страшно поздно, 14/27 — значит, за неделю до выхода книги. Все, что надо, в контору написал. Расчет Ваш очень прост. 500 р. внесено Певиным в Народный дом Толстого, 225 переведено Napoli Morgano, 228 р. взяли у меня. Всего материала, печатанного и сданного, около трех листов. Вот почему я и писал Вам прошлый раз: увы! мал капитал, ожидаемый Вами. О счете конторе написано.

Вы напрасно предположили, что Зина мне жаловался на недостаток средств. И не думал. На 300 фр., хотя и *втроем* (а не вдвоем, как Вы пишете), конечно, жить можно, хотя и не скажу, чтобы недурно. Парню просто и хочется, и время, и надо самостоятельно зарабатывать деньги, к чему и следует открыть ему дорогу. О том и стараюсь.

Относительно его рассказа[1] я остаюсь при особом мнении, поддержанном, впрочем, всеми, где сущими. Рассказ как рассказ. По крайней мере, кусок жизни, и не совсем обыкновенной. Повествование бодрое, грамотное, при некоторой редакционной правке — даже гладкое и складное. Если можно принимать к печати полуграмотное кисляйство Тараканова[2] и болтовню Винниченки[3], то Зину печатать и бог велел. У Вас в «Знании» я Вам насчитаю десять-пятнадцать рассказов, которые хуже Зинина. Уж эти мне повышенные требования к «своим» и страх литературного «непотизма» *! Подталкивать хорошо, когда есть куда. Вы знаете, что в рукописях литературные дебютанты не вырабатываются. Не знаю, как заленится, а покуда чрезвычайно деятелен.

Вот, кажись, и все покуда — очередное. Тону в делах. До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

[1] «Без работы».

[2] Помимо очерка Тараканова «Один в природе» (см. п. 204, прим. 4), Миролюбов одобрил также его очерк «Айне Булак». Он записал 15 июля 1911 г.: «...есть свой стиль. Есть красивая природа». 16 августа Миролюбов читал еще один его очерк «В большом городе» (*ЗК Миролюбова*). Очевидно, именно два последних очерка имел в виду Горький в п. к Миролюбову (до 12 сентября 1911 г.): «Тараканову надо возвратить очерки. Как жаль, что он манерничает. Очень интересен» (*XXIX*, 181). Очерк «Айне Булак» был напечатан в «Современнике» значительно позже (1912, кн. 8).

[3] Имеется в виду рассказ Винниченко «Кузь и Грыцунь».

208. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VI.17

Дорогой Алексей Максимович.

Как же быть все-таки с «Сказками»? Они набраны[1]. Если дадите что-либо в июль — а следовало бы дать ввиду дебютности этой книжки[2],— то, если не хотите печатать «Сказок», конечно, дело Ваше; если же не дадите, то лучше бы их напечатать в июне, чтобы не было долгого перерыва без Вас. А, по-моему,— еже писах, писах: печатать «Сказки», а в июле бы «Жалобу» № 4? [3]

С Водовозовым приходится разойтись. На редакторском экзамене он провалился безнадежно, а главное, явил уж слишком большое своевольство: напихал в 5-ю книжку авторов и статей, о которых я не имел никакого понятия до тех пор, пока не увидал книжки[4]. Вот-те и коллектив, и коллегиальная редакция! А главное, он, никому не показав, напечатал свою статью[5] (явно науськаный), столь вызывающую и программную, что эс-эров и эс-деков-отзовистов[6] она должна была, очевидно, поссорить с журналом. И так как все это — после обмена писем о блоке и визита Кусковой, которая была его депутаткою и с которою мы тут хорошо договорились насчет общей платформы, какие табу соблюдать, то, очевидно, статья написана не случайно, а с намерением ангажировать журнал и заставить меня помириться с свершившимся фактом. Ну, нет. Не на таковского напал. Вчера я телеграфировал, а сегодня написал Быкову, чтобы все рукописи и корректуры направлялись теперь в Fezzano и без моей подписи ни единая не поступала бы в набор.

---

* От лат. nepos (nepotis) — замещение по протекции доходных или видных должностей родственниками.

Будем редактировать здесь, а там посадим добросовестных приказчиков, которые должны печатать, не рассуждая.

22-го приезжает Певин. Непременно жду к этому времени Миролюбова, и было бы очень хорошо и важно, если бы хоть на денек приехали Вы. Помимо всех иных обстоятельств, второе полугодие журнала должно начаться манифестом союзной редакции, и манифест сей, конечно, должно выработать коллективно[7]. Вы, стало быть, как вдохновитель идеи демократического блока тут в первую голову[8].

Видеть не могу 5-й книжки — так она меня удручает. Этакий опреснок! И как подумаешь, какой политический фельетон Чернова в редакции недвижим остался![9] Давно такой блестящей памфлетической вещи не читал. Вообще, вот работник — это я Вам доложу! А вместо этого какие-то Коробки, Гешины, Клочковы... Тьфу!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет. Если сколько-нибудь возможно, приезжайте, ибо времени до июля — как кот наплакал.

Ваш А. А.

[1] См.: Г—А, п. от 2 июня 1911 г., прим. 1.

[2] Кн. 7 «Современника» была подготовлена новой редакцией журнала: Амфитеатровым, Миролюбовым (редактор беллетристического отдела), Черновым (редактор общественного отдела). Но состав нового редакционно-издательского комитета в кн. 7 (и в последующих) указан не был. Сообщалось о подписке на «новый большой ежемесячный журнал „Современник", издаваемый при ближайшем участии А. В. Амфитеатрова, М. Горького, В. С. Миролюбова и В. М. Чернова». Далее печатался значительно расширенный по сравнению с кн. 1 «Современника» список авторов, сотрудничающих в журнале. Среди новых имен Н. Д. Авксентьев, А. В. Вережников, Ю. П. Виппер, Н. И. Коробка, Е. М. Милицына, В. С. Миролюбов, Вас. И. Немирович-Данченко, Н. И. Ракитников, В. М. Чернов, Саша Черный, С. А. Щепотьев.

[3] Рассказ «Жалобы» IV был напечатан в кн. 9 «Современника». В кн. 7 журнала Горький не дал своего произведения.

[4] Амфитеатров имеет в виду ст.: Н. Коробка «Декабристы братья Борисовы и Общество соединенных славян», Е. В. Гешин «Очерк приказчичьего движения», М. Клочков «Из траурных воспоминаний. В. О. Ключевский».

[5] Имеется в виду обозрение Водовозова «На Родине. Министерский и парламентский кризис в стране, в которой, слава Богу, нет парламента» (Современник. 1911. Кн. 5). Свое обозрение Водовозов поместил вместо рекомендованного Амфитеатровым внутреннего обозрения Чернова, в котором утверждалась неприемлемая для Водовозова идея бойкота выборов в Государственную думу (п. Водовозова Амфитеатрову из Петербурга от 29 мая, 14 и 25 июня 1911 г.— *ЦГАЛИ*, ф. 34).

[6] Отзовисты — фракционная группа бывших большевиков. Оформилась в 1908 г. (А. А. Богданов, Г. А. Алексинский, А. В. Луначарский, М. Н. Лядов и др.). Отзовисты требовали отзыва социал-демократических депутатов из III Государственной думы и прекращения работы в легальных организациях. В 1909 г. вошли в группу «Вперед». Еще в июне 1909 г. в резолюции Совещания расширенной редакции «Пролетария» отмечалось: «Отзовистско-ультиматистская агитация уже стала приносить несомненный вред рабочему движению и социал-демократической работе. При дальнейшем ее продолжении она может стать угрозой единству партии, ибо эта агитация приводила уже к таким уродливым явлениям, как объединение отзовистов и эсеров (в СПб.) для проведения отказа в помощи нашему партийному думскому представительству...» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 1. С. 276).

[7] Окончательно вопрос решился в начале июля. 3 июля 1911 г. Амфитеатров написал Водовозову о невозможности дальнейшей совместной работы: «Во всем черновском инциденте выясняется между нами полное разногласие и взаимонепонимание». Он писал далее о своем нежелании предоставить петербургской редакции самостоятельность (на чем особенно настаивал Водовозов): «...надо сосредоточить его („Современник".— *Ред.*) редакцию здесь, за границею, и вести его как наш заграничный изгойский отклик на русские дела. В этом смысле мы и говорили и пришли к соглашению с П. И. Певиным» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). Водовозов получил это письмо 25 июня / 8 июля, в день, когда им было написано п. Амфитеатрову с отказом быть членом редакции в журнале эсеровского направления (Там же). В связи с этим и Кускова, ранее предложившая «Современнику» свои статьи, отказалась от сотрудничества в журнале (п. Амфитеатрову от 7 июля 1911 г.— Там же).

Водовозов вернулся в редакцию «Современника» после того, как из нее вышли Чернов и Миролюбов. В ноябре 1911 г. в печати появилось сообщение о том, что

ФАРАЛЬОНИ. СКАЛЫ У БЕРЕГОВ КАПРИ
Картина Н. А. Прахова (дерево, масло). 1910
Музей Горького, Москва

Водовозов «представлял „Современник" на совещании представителей от двадцати периодических изданий, организовавших Петербургское общество литераторов и ученых» (Книжный вестник. 1911. № 49).

[8] Скептически относясь к возможностям Амфитеатрова создать журнал на основе «блока», Горький все же в это время сочувствовал самой идее объединения. Об этом свидетельствует п. В. И. Ленина Горькому от 27 мая 1911 г., из Парижа, в котором, отзываясь на еще одну попытку Горького в этом плане, Ленин писал: «Чтобы избежать разочарований и безнадежной склоки, надо, по-моему, быть очень осторожным насчет „объединения". Ей же ей, не объединяться теперь, а размежевываться надо!» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 33—34).

[9] См.: Г—Ч, п. 3.

209. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 17 июня 1911 г.)

Александр Валентинович почему молчит?

Благоденствует, сердится, нездоров или разучился письма писать? Сие — тревожно.

«Зверя» — нет, «Современника» — нет [1], ничего нет, кроме луны, подобной ощипанному подсолнечнику, смотрит она в окно мое длинное и якобы вопрошает: что, робенок? А я ей, молча, язык показываю.

Сын же ваш московский обо мне забыл и книг не шлет [2]. Увы, мне!

Ну, и как вы живете? Это очень интересно.

А. Пешков

Датируется по содержанию и сопоставлению с п. Амфитеатрова Горькому от 19 июня 1911 г.

[1] Имеется в виду кн. 5 «Современника».

[2] В. А. Кадашев-Амфитеатров разыскивал необходимые Горькому книги. См.: Г—А, п. от 9 или 10 августа 1911 г., прим. 2.

210. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VI.19

Дорогой Алексей Максимович.

Луна и у нас есть, а сверх того ветер бурный.

Московский сын вот уже ровно месяц не пишет мне ни строки. Насчет сердцов — выдумаитя тоже!

Получили «Современник»? Не смотрели бы глаза мои!

Приезжайте, пожалуйста. Це дило треба разжуваты.

«Зверя» до сих пор в глаза не видал, хотя вылез из берлоги уже второй том. Вожусь с корректурою третьего, хотя журнальные дела поминутно отрывают.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

Гостит у нас сейчас певица Зоя Лодий[1]. Поет русских авторов с чувством.

Получили ли из «Совр.» деньги?

[1] Зоя Петровна *Лодий* (1886—1957) — певица (лирическое сопрано). В 1906—1908 гг. училась в Петербургской консерватории, затем совершенствовалась в Италии. С 1912 г. вела большую концертную деятельность в Петербурге, Москве и других городах России, а также за границей. В 1925 г. Лодий провела месяц в Сорренто, часто бывала у Горького, пела в его доме (*Лодий З.* Мои встречи с А. М. Горьким — *АГ*).

211. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 19, 20 или 21 июня 1911 г.⟩

Печатайте, А. В., сказки[1]. Иного ничего нет, и написать не успею; времени у меня мало, а работы много, как никогда. Дорожу всяким часом и даже купаться не могу начать, а надо бы.

Очень много в этом году русского народа наезжает, и народ все весьма интересный — тьфу, тьфу, чур меня!

К вам — не попаду[2], должен стоять на страже в ожидании скоропостижных приездов разных нужных лиц. Помимо этого, не хочется прерывать работу.

Что Водовозов уйдет[3] — не горе, полагаю, он никогда не казался мне гениальным. И что Кускова не придет — не беда, думаю, да и рано «Совр.» в кусочки ходить. Лучше строить дело на молодых, новых силах, собрать их — можно, и В⟨иктор⟩ С⟨ергеевич⟩ весьма об этом старается.

А насчет блока Вик⟨тор⟩ Мих⟨айлович⟩ лучше меня дело понимает[4]. Буде же я окажусь очень нужен — уговорите Певина ехать сюда, а сами — с ним. Пора. Здесь — прохладно и приятно. Где «Зверь»? Все еще в бездне «Просвещения»? Страдаю!

Будьте здоровы!

А М. Ф.— кланяется.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 17 и 23 июня 1911 г.

[1] В кн. 6 «Современника» были напечатаны три «Сказки» Горького из цикла «Сказки об Италии» (V, VI, VII).

[2] Е. П. Пешковой Горький объяснил причины своего нежелания ехать в Феццано: «Я не могу отдать себя целиком „Современнику", чего хотели бы Чернов и К°, не могу даже посвятить этому делу много времени, его у меня — нет, оно потребно на целый ряд других, не менее важных задач. К осени я должен сорганизовать еще два журнала и газету, это необходимо» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 111). Письмо ошибочно датировано в этом издании 5 марта. Оно написано позже, по-видимому, июнь, до 20, 1911 г.

[3] Миролюбову Горький писал в первой половине июня: «Если голос мой имеет какое-либо значение в конфликте редакции „Современника" с г. Водовозовым — передаю право голоса Вам» (*МИ.* III. С. 79).

[4] См.: Г—Ч, п. 3.

212. АМФИТЕАТРОВ – ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VI.23

Дорогой Алексей Максимович.

Вчера у нас был день событий.

Приехал Миролюбов, а Лида, как увидала его, обомлела и с перепуга, несколько часов спустя, родила великолепную девицу[1]. Августейшая родительница и ребенок совершенно здоровы.

Жаль, что Вы не можете приехать. Это совсем не для совпадения с Певиным нужно, как Вы почему-то предполагаете,— Певин и мною в одиночку напет будет, сколько требуется. А надо выработать если не блок, то программу реформы и манифест об оной, который и обратится в конституцию журнала[2]. Чернов Вас в этом случае никак заменить не может, ибо он лицо в некотором роде официальное, значит, связанное[3]. Ну, да Ваше дело.

Когда свалю дела, что, надеюсь, с организацией редакции заграничной, не за горами, с удовольствием приеду к Вам на Капри сделать легкую передышку. Ехать же сейчас на Капри для деловых разговоров бесполезно: времени потеряем уйму, а поговорить в Вашей толчее, с постоянною сменою приезжающих и отъезжающих все-таки не придется как следует. Это значило бы лишь в хаос окружающих Вас дел и проектов внести еще одну заботу.

Певин еще не приехал, и телеграммы от него нет. Где он, не знаю. Если сегодня не явится, телеграфирую.

Вообще, боюсь я, что идея блока отцвела, не расцветши. Из разговоров с Миролюбовым вынес впечатление, что больших и результативных собеседований между вами за этот промежуток дней не было.

Нет, не скажите. Мне и Водовозова, и Кусковой жаль, ибо люди честные и испытанно стойкие в совершенно опустошенной русской интеллигенции сейчас ценная редкость. Что касается молодых сил, не вижу я их, да ведь и те, которые являются, надо же дисциплинировать кому-нибудь.

Ну, да поведу дело, как умею, сам. Не впервой этот снег мне на голову.

Гусева-Оренбургского я от Вас так и не дождался — ау, моя статья о духовенстве.

Объявился Слово-Глаголь[4]. Просится работать. Пишет из глухой деревни Аткарского уезда. Что Вы на это скажете?

Вот и все, что есть очередного...

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

Грущу без Герм. Ал.: уехал вчера на Lago di Como для свидания с Даниельсоном[5] и братьями[6]. Недели три проскитается, а то и больше.

[1] Дочь З. А. и Л. П. Пешковых – Елизавета Зиновьевна *Пешкова* (р. 1911) – переводчица, преподаватель иностранных языков.

[2] «Манифест», выработанный в Феццано в последних числах июня на совещании Певина, Амфитеатрова, Чернова и Миролюбова, был напечатан в кн. 7 «Современника» (ст. «От редакции»). Одновременно в специальном проспекте издания, выпущенном в июле 1911 г., были напечатаны оба «манифеста» — январский и июльский. Текст июльского манифеста был написан Черновым при участии Амфитеатрова (А—Г, п. от 9 ноября 1911 г.).

[3] Имеется в виду руководящее положение Чернова (член Центрального комитета) в партии эсеров. Определяя свою политическую позицию как «внепартийную», Амфитеатров все же признавался в п. к Н. А. Рубакину от 2 сентября 1910 г.: «Из действующих партий наиболее чувствую и близко стою к социалистам-революционерам. Считаю себя, если хотите, незаписанным эсером. Но в хороших отношениях и со всеми другими левыми партиями, борющимися с монархизмом» (*ГБЛ*, ф. 358, к. 199, ед. хр. 45).

[4] Слово-Глаголь – псевдоним Сергея Сергеевича *Гусева* (1854—1922), беллетриста и публициста. В 90-е годы сотрудничал в «Самарской газете».

[5] Николай Францевич *Даниельсон* (псевдоним — Ник. — он, Николай — он) (1844—1918) — экономист, социолог и публицист. Завершил начатый Лопатиным первый перевод «Капитала» К. Маркса на русский язык (СПб., 1872). Впоследствии перевел также второй и третий тома. Переписывался с К. Марксом и Ф. Энгельсом.

[6] Всеволодом Александровичем и Николаем Александровичем Лопатиными.

213. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 4 или 5 июля 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Нельзя ли сказать конторе, чтоб прислала мне гонорарию? Очень нужны деньги по случаю приезда многих безденежных людей.

Приехал В‹иктор› С‹ергеевич› в добром порядке и хорошем настроении, сегодня будем разговаривать с ним [1].

Установилась здесь отличная погода: не жарко, а тепло, светло, тихо и ласково.

Были «сатириконцы» вчетвером, интересные и, действительно, веселые ребята [2]. Был Сургучев [3] — парень симпатичный и серьезный. Знает китайский язык, изучал философию и литературу китаев. Золотарев приехал [4], и еще скоро двое литераторов явятся.

Был на днях российский деревенский поп и занятно говорил о Господе: или, говорит, я его, или он меня должен отринуть! Двадцать лет состязается с Богом, но — обедни служит и вообще к ремеслу своему привержен.

Были также люди из Читы, Харбина и сообщают, что у них там страх пред войною с Китаем все растет, многие фирмы ликвидируют дела и прочее. Очень пессимистичны [5].

Народа — множество, и всё интересный народ.

Будьте здоровы все!

А «Зверь»?

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 7 июля 1911 г.

[1] Миролюбов приехал из Феццано, где проходило редакционное совещание «Современника». «Три дня вырабатывали конституцию с Певиным,— писал Амфитеатров Лопатину 1 июля 1911 г.,— все редакционные дела переносятся сюда. Там оставили только безгласного исполнителя здешних решений. Составили манифест ‹...› Певин по всем делам отчитался весьма блистательно и вообще был весьма хорош, так что даже Миролюбов уезжает на Капри в очень хорошем духе...» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[2] «*Сатирикон*» — еженедельный журнал сатиры и юмора; выходил в Петербурге с 1908 по 1914 г. О пребывании сатириконцев на Капри у Горького летом 1911 г. Сургучев рассказывал в п. к В. А. и Е. В. Тихоновым осенью 1911 г.: «Сидим мы там у него — вдруг прикатывает вся редакция „Сатирикона“: Аверченко, Радаков, Ремизов, Ландау. Повел нас Горький в „Gaudeamus“ — такой ресторан на Капри есть ‹...› Весело было удивительно!» (*ЦГАЛИ*, ф. 493, оп. 1, ед. хр. 61, л. 15).

А. Т. *Аверченко* — беллетрист, редактор журнала, А. А. *Радаков* и Н. В. *Ремизов-Васильев* (Ре-Ми) — художники, Г. А. *Ландау* — беллетрист.

[3] Сургучев уехал за границу 16/29 мая, вернулся 30 июня / 13 июля 1911 г. На Капри в гостях у Горького находился недолго (п. Сургучева к Е. В. и В. А. Тихоновым от 1/14 июля 1911 г.— Там же, л. 1).

[4] «В марте 1911 г. по постановлению Министерства внутренних дел А. Золотарев был опять выслан на три года в Нарымский край. Ввиду болезни родные снова добились замены Сибири высылкой за границу ‹...› А. Золотарев сразу же отправился на остров Капри к М. Горькому, где прожил до 1914 г.» (*Астафьев А.* Забытый писатель. (А. А. Золотарев) — *Горьк. чт.* 1966. С. 326).

[5] Имеются в виду события в Сычуани, где развернулось движение «защиты железных дорог», вызванное соглашением цинских властей 20 мая 1911 г. с консорциумом английских, немецких, французских и американских банков, по которому строительство железных дорог в Китае передавалось в руки иностранного капитала. События в Сычуани послужили толчком к революционному восстанию 10 октября 1911 г. См.: Г—А, п. от 17 октября, прим. 7.

214. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VII.7

Дорогой Алексей Максимович!

В контору пишу немедленно. Значит, на днях получите, вместе с Вашим счетом.

«Зверь» ползет где-то между Петербургом и Специей, ибо «Просвещение» послало его для экономии товарным порядком.

Гоните Миролюбова поскорее вспять. Мудрено без него с разными текущими вопросами.

Был у меня Рубакин[1]. Интереснейшие материалы привозил и показывал. Будет Вам писать насчет самоучек. У него по этой части письменный запас с 1889 года. Нам он дает серию этюдов (по письмам) «Бодрые люди» и несколько статей о психологии читателя, также результаты анкеты[2]. Удивительно интересны материалы его переписки. Ни у кого еще такой не видал. Говорит, что в России настроение революционное, очень бодрое; хныканье и мямленье только в партиях. Эсеры тоже, побывав на родине, приободрились; застали дела свои куда лучше, чем ожидали, и бойкотистскую идею весьма популярною[3].

С сатириконцами в журнале их я незнаком, а в газетах они меня не восхищают. Нутряной гогот какой-то. Аверченко же в последнее время повторяется прескучно. Хорошенького понемножку.

Этой войны с Китаем мы уже года три ждем. А вернее: со времен басни дедушки Крылова и водевиля «Война Федосьи Сидоровны с китайцами»...[4] В июньском № у нас статья Вережникова — «С кем мы воевали»[5]. Так себе. Мне не нравится.

Слушайте! Вот же дрянь делает покуда Мережковский из «Александра I»[6]. Тени Мордовцева[7] и Данилевского[8] только переглядываются:

Какой бы шум вы подняли, друзья,
Когда бы это сделал я!

Обругали бы их в лучшем виде.

Пишу в «Сверчок» трагедию «Юрундуля», с участием св. Зинаидицы Троебратчицы, матери Философицы и прочих именитых гастролеров[9].

Не знаю, как быть с «Александром I». Ждать его конца или заняться им от книжки к книжке? Исторических-то промахов уже достаточно сделано...

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. Амфитеатров

[1] В начале 1911 г. Амфитеатров пригласил Н. А. Рубакина принять участие в журнале. Он писал ему 4 февраля 1911 г.: «Если примете предложение, обрадуете меня весьма. Если не только примете, но и пришлете что-либо поскорее — обрадуете вдвое» (*ГБЛ*, ф. 358, к. 199, ед. хр. 45, л. 6 об.). Имя Рубакина указывалось в числе сотрудников журнала начиная с кн. 2 «Современника».

[2] «У Н. А. Рубакина,— вспоминал его сын, А. Н. Рубакин,— был огромный и тесный контакт с читателями путем личной переписки с ними — а переписывался он более чем с 20 тысячами читателей. Для них он составлял индивидуальные программы по самообразованию — всего около 15 тысяч программ. Культурную работу свою он рассматривал „как средство". „Цель же была революция" — так определял свою деятельность он сам» (Книжное обозрение. 1977. 7 янв.).

Упоминаемые материалы в журнал не были присланы. В ноябре 1911 г. Рубакин послал Миролюбову рассказ «Розовая лампочка».

[3] Идею бойкота выборов в IV Государственную думу, поддержанную некоторыми деятелями партии эсеров, в том числе и Черновым. Социал-демократы большевики стояли на противоположных позициях. В. И. Ленин в ст. «Об избирательной кампании и избирательной платформе» писал в октябре 1911 г.: «В будущем году предстоят выборы в IV Гос. думу. Социал-демократия должна *немедленно* открыть избирательную кампанию» (*В. И. Ленин*. Т. 20. С. 355).

[4] Имеются в виду басня И. А. Крылова «Три мужика» и «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами» Н. А. Полевого (1842). Об этой комедии ирони-

чески писал В. Г. Белинский в рецензии «Русский театр в Петербурге» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 395—398).

[5] Ст. А. Вережникова «С кем мы воевали» (Современник. 1911. Кн. 6) посвящена Китаю.

[6] Д. Мережковский «Александр I» (Русская мысль. 1911. № 5, 6, 10—12; 1912, 1, 3, 4, 10—12).

[7] Даниил Лукич *Мордовцев* (1830—1905) — русский и украинский писатель, историк. Автор многочисленных исторических романов.

[8] Григорий Петрович *Данилевский* (1829—1890) — русский и украинский писатель. Исторические романы Данилевского «Мирович», «Княжна Тараканова» и др. пользовались большой популярностью.

[9] Речь идет о намерении Амфитеатрова написать пародию на роман З. Гиппиус «Чёртова кукла». Юрундуля — главный герой этого романа Юруля (Юрий Двоекуров), Зинаида Троебратчица — Гиппиус (Амфитеатров обыгрывает изображенное в романе «троебратство» героев-богоискателей — Дидима Ивановича Саватова, его племянника Ореста и бывшего мастерового Сергея Степановича); Философица — Д. Философов. В «Современнике» пародия не была напечатана.

215. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VII.8

Дорогой Алексей Максимович.

С майского «Совр‹еменника›» Вам следует 750 франков.

Шестьсот, согласно Вашему письму, задерживаю в квит Вашего долга.

Сто пятьдесят препровождаю.

О высылке Вам за июнь написано.

Жду Миролюбова.

Получили нечто от Маргариты Оду [1].

Неужели на июль от Вас ничего не будет?!

Ой, надо Альбова писать...[2]

До свидания. Желаю Вам всего хорошего

Ваш А. А.

[1] Маргарита Оду «Новые рассказы» («Невеста», «Жеребята», «Барка королевы», «Отец», «Мать и дочь») (Современник, 1911. Кн. 7).

[2] Михаил Нилович *Альбов* (1851—1911) — писатель. Его произведения были посвящены преимущественно жизни духовенства и городского мещанства. Об Альбове Амфитеатров писал в «Литературных впечатлениях» (Современник. 1911. Кн. 7).

216. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 13 или 14 июля 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Прилагаю при сем письмо Исхакова, кое прошу мне возвратить [1], письмо для Виктора Сергеевича и рукопись, адресованную ему [2].

Попросите, пожалуйста, выслать Исхакову деньги-то!

И — будьте здоровы. Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 16 июля 1911 г.

[1] П. Гаяза Исхакова Горькому из Константинополя от 20 июня 1911 г., в котором он сообщал о задержке гонорара за ст. «Пробуждение русских татар и их литература». В этом же письме Исхаков сообщал о публикации произведений Горького («Мать» и «Русский царь») в турецких газетах (*АГ*).

[2] О каком письме и рукописи идет речь, неизвестно.

217. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VII.16

Дорогой Алексей Максимович.

Решительно все гонорары по июнь включительно выплачены и разосланы. О Свердловой, т. е. Неджиб [1], Певин меня даже запрашивал особо, ибо адреса на рукописи не было, а получил я его от Вас месяц или 1 ½ тому назад и немедленно о том написал. С заграничными посылами вечная путаница, в которой обыкновенно виноваты адресаты.

Деньги Богучарского [2] гуляли по Европе, покуда не вернулись в Питер, Волховский дал адрес на Лондон, уехал в Париж, в Париже не оставил дальнейшего адреса, а из дальнейших же адресов сокрушался, что не получает гонорара [3], который не мог его найти ввиду парижской «пробки». Вообще, что в таких случаях терять время на письма к редакторам?

Надо строго писать в контору. А то вот: из Константинополя на Капри — 3 дня, из Капри в Феццано — 1 ½; из Феццано в Петербург — 3 ½, да у двоих литераторов время отнято. Письмо Исхака посылаю в контору, с тем, чтобы навели справки, а затем возвратили Вам.

Письмо и рукопись Мир<олюбову> передал. Конфискация нас опять жестоко укусила [4].

Получили ли все-таки книжку 6-ю?

До свидания, желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Сейчас прочитал снова адрес Исхакова на письме его к Вам... Это совсем другой адрес, чем раньше был. Очевидно, на этом какая-нибудь и путаница. Тем более при множественности и разнообразии в Константинополе почт: русской, австрийской, французской и т. д.

[1] Г. Свердлова — переводчик ст. «Пробуждение русских татар и их литература».

[2] Гонорар за ст. Богучарского «Русское освободительное движение и война за освобождение Болгарии» (Современник. 1911. Кн. 3).

[3] Гонорар за ст. «Отрывки одной человеческой жизни» Ф. Волховского (А—Г, п. от 11 февр. 1911 г., прим. 8).

[4] Кн. 6 «Современника» была конфискована за публикацию в ней ст. Амфитеатрова «Черная сотня античного Рима. Этюд к „Зверю из бездны"». Ответственный редактор журнала П. В. Быков был привлечен за помещение этой статьи к уголовной ответственности. В его деле содержится «частный протест» прокурора С.-петербургской судебной палаты, в котором говорится: «Общий смысл статьи заключается в подчеркивании и проведении путем как бы исторического сопоставления той мысли, что царствующая династия в России основана якобы на узурпации и что связь ее с прямым потомством царя Михаила Федоровича Романова является как бы фиктивною <...> Автор имеет в виду тенденциозное освещение современного положения Верховной власти в России, и все его исторические сопоставления носят безусловно неуважительный, оскорбительный характер для исторически сложившейся у нас Верховной власти» (*ЦГИАЛ*, ф. 1363, оп. 4, № 1387, л. 2, 3). В конце августа кн. 6 «Современника» поступила в продажу после того, как статья Амфитеатрова была изъята в той части тиража, которая распространялась в России. За границей журнал продавался в не искаженном цензурой виде.

218. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VII.19

Дорогой Алексей Максимович.

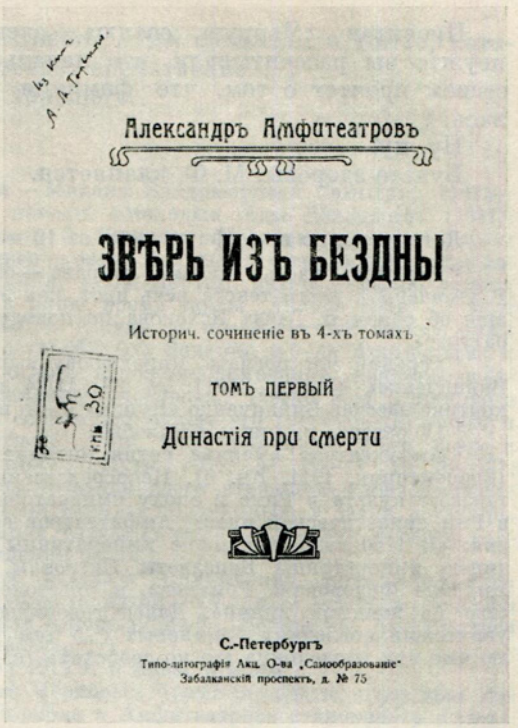
Посылаю Вам, наконец, «Зверя из бездны» [1]. Что первый том уже запрещен, Вы, вероятно, уже знаете из газет [2]. Второму недолго ждать той же участи, судя по кампании, ведомой справа. Не скажу, чтобы это было весело. Знаете, двадцать лет работать для того, чтобы тебе под конец всего намордником рот затянули, оно немножко жутко... Вряд ли суд отбарахтает «Зверя» — посему не будьте особенно щедры на экземп-

ляр: очевидно, ему предстоит обратиться в библиографическую редкость?.. Знаете, которая это конфискация моих отдельных изданий с 1905 года? Одиннадцатая! Недурно для одного автора и поощряет работать в России, черт возьми. А административная из-за меня кара — 27-я! О, господи, Микола Милосливой!

Не знаю, что будет с третьим томом, но четвертый нечего и думать выпускать в России[3]. Буду искать переводчика и издателя за границей — по-немецки или французски. Не найду — напечатаю сам по-русски в Париже, чтобы, по крайней мере, не пропал главный труд моей жизни и хоть дети бы им со временем воспользовались.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.


Александръ Амфитеатровъ

ЗВѢРЬ ИЗЪ БЕЗДНЫ

Историч. сочиненіе въ 4-хъ томахъ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Династія при смерти

С.-Петербургъ

Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразованіе"

Забалканскій проспектъ, д. № 75

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ:
АЛЕКСАНДР АМФИТЕАТРОВ. ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ
СПб., (1911)

Личная библиотека Горького, Музей Горького, **Москва**

[1] Т. 2 «Зверя из бездны» — «Золотое пятилетие» (СПб., изд-во «Просвещение», 1911) — вышел в свет между 26 мая — 2 июня 1911 г. (Книжная летопись. 1911. № 22. 4 июня).

[2] В газ. «Утро России» (1911, № 151. 2/15 июля) было помещено следующее сообщение: «Наложен арест на книгу Амфитеатрова „Династия при смерти" (т. 1 «Зверя из бездны».— *Ред.*). Аресту предшествовала кампания правой печати, усматривавшей в книге оскорбление Величества в сравнении с временами Нерона».

Сообщение о наложении ареста на т. 1 «Зверя из бездны» (*Амфитеатров.* Т. V) с возбуждением судебного преследования по ст. 128 уголовного уложения было помещено в «Книжной летописи» (1911, № 28, 16 июля, с. 44) в разделе «Правительственные распоряжения».

[3] Т. 3 «Зверя из бездны» — «Цезарь-артист» — вышел в свет в начале 1913 г. (на титуле — 1912 г.). Т. 4 — «Погасшие легенды» — в 1914 г. В *ЛБГ* хранятся первые три тома «Зверя из бездны». Т. 1 — с пометами Горького (*Описание*).

219. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Капри. 19 или 20 июля 1911 г.〉

Дорогой Александр Валентинович!

Еще письмо 〈...〉 * беспокою, но — человек 〈...〉 [2]* сти[1].

Прилагаемую вырезку передайте, пожалуйста, Вик〈тору〉 Сергеевичу. Я лично — доволен, что Винниченко дождался пощечины, давно заслуженной им за его грязные фантазии[2].

Напишу ли к августу «Жалобу»?[3] — Не обещаю, уйма работы, а в этом году работаю неспоро, все что-то нездоровится. На днях меня осматривал доктор и весьма усердно советовал отдохнуть да, кстати, покормиться тиоколем, что я и начал.

* Дефект текста.
[2]* Дефект текста.

Прочитав «Черную сотню» — очень удивился и очень смеялся: неужто вы рассчитывали, что начальство с благодарностью и удовольствием прочтет о том, что фамилия Романовых давным-давно пресеклась?[4]

Ну, ну!

Будьте здоровы. М. Ф. кланяется.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 16 и 22 июля 1911 г.

[1] Верхняя часть письма справа — оборвана. Пропуски обозначены — ‹...› В утраченной части текста речь идет, как это видно из ответного п. Амфитеатрова, еще об одном п. Гаяза Исхакова по поводу гонорара за статью о татарской литературе.

[2] Горький мог послать Миролюбову вырезку со ст. Ольминского «„Беллетрист" Винниченко» (Звезда. 1911. № 25. 11/24 июня), в которой подвергнуты резкой критике рассказ Винниченко «Купля» и его повесть «Честность с собой».

[3] IV рассказ из цикла «Жалобы».

[4] Амфитеатров «Черная сотня античного Рима. Этюд к „Зверю из бездны"» (Современник, 1911. Кн. 6). Непосредственная тема очерка – организация императорского культа в Риме в эпоху императора Августа. Говоря о «процессе вбивания в Рим династической идеи», Амфитеатров ссылался также на факты русской истории: «В 1740 году, кончиною императрицы Анны Иоанновны, и в 1761 году, кончиною императрицы Елизаветы Петровны, прекратилось прямое потомство царя Михаила Федоровича Романова, и престолонаследие русское ушло в боковое родство по женской линии». Далее говорилось о том, что «Екатерина II, быстро уничтожив последних Романовых ‹...› тем не менее сама принимает истребленное ею имя как наследница его по свойству» (с. 234—235).

220. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VII.22

Дорогой Алексей Максимович.

Письмо Исхака Певину отослал, хотя, правду сказать, претензию нахожу неосновательною. За переводные статьи у нас платится 40 р. и 25 р. лист. Ему посланы деньги по 40-рублевому расчету. По-моему, достаточно. Статья же, сами знаете, первобытная. Платить за нее почему-то как за оригинальную можно лишь в видах покровительства татарской литературе, но для сей филантропии журнал еще слишком беден и должен ограничиться доброжелательством. Впрочем, это только мое мнение. Певину я написал, чтобы он, если можно, послал Исхаку еще что-нибудь. Но не знаю, в Петербурге ли еще Певин.

Жаль, что к августу не даете «Жалоб». И в июле ничего. Трудно.

Прислал роман Марк Криницкий[1]. И под Санина, и под «Чертову куклу», и не знаю под что еще[2]. Герой — альфонс, вор, эстет. Оригинальности ни капли, а автор хитренький. Прямо на пьедестал господина сего не возносит, да и на чистую воду не выводит. Знания жизни ни малейшего. Судебный процесс написан так, что, очевидно, автор никогда в суде не бывал. Даже об экспертизе не слыхивал! В общем, гадость...[3] Чернову почему-то понравился сей фолиант. Я отказался печатать.

Даже у нас на мысе жарко.

О Винниченко прочитал. Откуда это? Выпороть его весьма требуется, но не так, мне кажется, его следовало; он как талантливый человек заслуживает большего внимания, а его арривизм * (с типически хохлацким пробованьем почвы) большей острастки. Небось, Миролюбову-то какой сладостный рассказ прислал![4] Не знаю, что Чернов сделает из статьи о «Честности с собой»[5]. Хороший из него журналист будет, если станет терпения школу пройти и самосознания — позабыть триумфы лидерства

* От франц. arrivisme (карьеризм).

и писательства, так сказать, митингового[6]. Его фельетон о Витте, который я вчера правил, хорош и произведет впечатление[7].

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Получили «дохлого» «Зверя»?

[1] Марк *Криницкий* (настоящее имя — Михаил Владимирович Самыгин) (1874—1952) — писатель. Имеется в виду его повесть «Молодые годы Долецкого» (1911).

[2] С романами Арцыбашева «Санин» и З. Гиппиус «Чертова кукла» сближает новую повесть Криницкого и Ю. Васильев — автор большой статьи о ней, написанной в связи с выходом отдельного издания: «„Мы мертвы, давно",— мудро уронил когда-то Сологуб, утверждавший, что в наше время живы „только дети" ... И к таким мертвецам принадлежит и Санин, и Юруля, и поставленный между ними герой повести Винниченко „Честность с собой" ⟨...⟩ Задание и г-на Арцыбашева и г-жи Гиппиус тождественно, ибо в его основу положено намерение „показать искания" „современной души" — души современного человека... Роман г-на Криницкого по самой своей теме позволяет сделать сближение между его героем — Долецким и героем г-жи Гиппиус — Юрулей» (Мертвые души. Искания современной души в романах З. Гиппиус и Марка Криницкого // Путь. 1912. № 10—11. С. 76—77).

[3] Герой повести Гавриил Долецкий, превыше всего ставящий удовлетворение своих эгоистических желаний, попадает на скамью подсудимых, а затем в Сибирь. Судебному процессу посвящены последние главы повести. В финале повести есть намек на возможность духовного возрождения героя.

[4] В *ЗК Миролюбова* указаны три рассказа Винниченко, присланные для *сб. «Знания»*,— «Тайна», «Кузь и Грыцунь» (с датой 18.V.) и «Солдатки» (с датой 12 ⟨VII⟩), отмеченный Миролюбовым как «нецензурный». Возможно, Амфитеатров имеет в виду именно этот, последний, рассказ.

[5] См.: Г—А, п. от 11 или 12 сентября 1911 г. и прим. к нему.

[6] Надежды Амфитеатрова на то, что Черновым будут позабыты «триумфы лидерства», не оправдались. Отношения Чернова и Амфитеатрова становились в дальнейшем все напряженнее. Чернов стремился к усилению своего влияния в журнале, намереваясь сделать его эсеровским. 8 августа 1911 г. Лопатин писал И. В. Амфитеатровой из Парижа о Чернове: «Но особенно интересны отрывки из писем В. М. из Fezzano в П⟨ариж⟩. Он предлагает партии внести на издание „С⟨овременника⟩" 10 000 руб., обещая, что в таком случае „все дело будет вполне в наших руках" и проч. Неполноту своего успеха ныне (в смысле влияния — верховодства) объясняет моим враждебным отношением к нему» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[7] Речь идет о ст. Чернова «Откровенная книга. А. Морской „Исход русской революции 1905 г. и правительство Носаря"», в которой брошюра Морского характеризуется как «сплошная реклама все тому же графу Витте». В этой статье содержались призывы отказаться от чрезмерных «иллюзий» по отношению к революции 1905—1907 гг. Говоря о «разъединенности» внутри «крайней левой нашего освободительного движения» как об его «основной болячке», Чернов отстаивал осужденную в п. Ленина Горькому от 22 ноября 1910 г. идею политического союза на почве «общей „девизны"» (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 4). С полемическими возражениями Чернову выступил Ю. Каменев ⟨Л. Б. Каменев⟩. Его ст. «От демократизма к либерализму» была напечатана в журн. «Просвещение» (1911, № 1, дек.).

221. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 24 июля 1911 г.⟩

Александр Валентинович —

имейте в виду, что повесть Криницкого, рукопись коей у вас, *уже начата печатанием в «Новой жизни»* под заголовком «Молодые годы Долецкого». Половина повести напечатана в 3-й книге, а как это понимать — не знаю. Я ее читал в рукописи; не понравилась, очень[1].

«Зверя» получил, еще не читаю, а от «Черной сотни» — в большом удовольствии. Поучительно и густо.

Не ругайте меня: издыхаю в работе.

Всего лучшего, жму руку.

А. Пешков

Датируется как ответное на п. Амфитеатрова Горькому от 22 июля 1911 г.

[1] Еще до того, как повесть Криницкого «Молодые годы Долецкого» была представлена «Современнику», автор предложил ее изд-ву «Знание» и одновременно журн. «Новая жизнь». «Знание» отказалось печатать повесть.

В *АГ* хранится выписка из п. Криницкого Миролюбову, сделанная рукой Горького: «Марк Криницкий. Вещь, забракованная вами, переходит в полное мое распоряжение, браковать же вы можете исключительно по художественным соображениям, а отнюдь не по идейным». Эта фраза возмутила Горького, который писал Миролюбову 31 августа или 1 сентября 1911 г.: «Избави, боже, от таких нигилистов» (*XXIX*, 176).

В журн. «Новая жизнь» повесть Криницкого печаталась в № 3 и 7—9 за 1911 г.

222. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VIII.6

Дорогой Алексей Максимович.

Проводил вчера Виктора Сергеевича в Давос[1]. Нехорош он показался мне перед отъездом, а главное, как-то испуган.

Говорил он мне, что 3-я часть «Кожемякина» очень хороша[2]. Это здорово!

Сегодня Зина уехал в Канаду.

Июльский «Современник» выйдет завтра или послезавтра.

Был у нас скульптор Жуков. Большой талант и любопытный сибирячок[3].

Приехал сын мой Владимир. Говорит, что так как недосланных книг не было и нет ни у единого букиниста московского, а букинист Фадеев[4] все-таки берется их найти, то от сего букиниста Вы их прямо и получите, как скоро он их найдет,— ему на сей предмет и остаток денег вручен.

Жду прохладных дней (сравнительно), чтобы поехать в Рим и Турин[5].

А с историческими брошюрами разошлось?[6] Вчера Женичка Колосов[7] привозил мне стон души Качоровского[8].

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. поклон!

Ваш А. А.

[1] Миролюбов уехал в Давос (Швейцария) для лечения обострившегося туберкулезного процесса.

[2] Третью часть «Жизни Матвея Кожемякина» Горький выслал Миролюбову после 29 июля (*XXIX*, 172).

[3] Иннокентий Николаевич *Жуков* (1875—1948) — скульптор, родился в Сибири, на руднике Горный Зерентуй. В 1902 г. окончил Петербургский университет. В 1908 г. уехал совершенствоваться в Париж, учился у Антуана Бурделя. В начале 1911 г. Жуков прислал Горькому фотографии своих работ. Горький нашел в его произведениях «что-то глубоко верное, русское» (п. Жукову от 9 февр. 1911 г.— Забайкалье. 1949. № 3. С. 212).

[4] Иван Михайлович *Фадеев* — московский букинист.

[5] Очевидно, в Рим — на международную художественную выставку, в Турин — на выставку промышленности и труда (архитекторы русского павильона — В. А. Щуко и В. А. Субботин).

[6] Речь идет о горьковском замысле издания серии брошюр «История русского народа». Историк А. М. Устинов, привлеченный к этому изданию, писал Горькому в связи с разработкой плана серии: «По цене издание должно быть доступным для широких масс. Популярность изложения сводится исключительно к возможной простоте языка научных статей старого „Журнала для всех"» (*АГ*).

[7] Е. Е. Колосов.

[8] Карл Романович *Качоровский* (род. 1870—?) — экономист. В начале 90-х годов входил в петербургскую группу народовольцев. Позже принимал участие в партийной прессе социалистов-революционеров, хотя формально к их партии не принадлежал. Участие Качоровского в журн. «Современник», по мнению В. И. Ленина, высказанному в п. Горькому 22 ноября 1910 г., могло придать журналу «направление из тупоумных, эсеровское» (*В. И. Ленин*. Т. 48. С. 4). В кн. 9 «Современника» была напечатана ст. Качоровского «Отмена семейного права».

223. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 6 августа 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Под рукопись, посланную мной для сентября[1], пришлите мне — очень прошу! — *сто* лир!

Необходимо сплавить отсюда одного парня[2], а денег дома — нет. Если вас не затруднит это — пошлите сегодня же!

Крепко жму руку, желая всего доброго —

А. Пешков

Датируется по ответному п. Амфитеатрова от 8 августа 1911 г.

[1] IV рассказ из цикла «Жалобы» был выслан Миролюбову. Горький писал: «Посылаю Вам рукопись на сентябрь, и — освободите меня до января, в крайнем же случае — до декабря — ладно? Очень уж много работы» (*XXIX*, 173). В *ЗК Миролюбова* отмечено: «9.VIII. Горький. Жалоба».

[2] О ком идет речь, неизвестно. По-видимому, судя по ответному п. Амфитеатрова, об одном из участников революционного движения в России.

224. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VIII.8

Дорогой Алексей Максимович.

Как только получу деньги, сейчас же пошлю. Сегодня сух до дна и едва наскреб 20 fr. для такой же цели, как Вы пишете: отправить одного эстонца, желающего сдаться и сесть в тюрьму, до города Рима...[1] Страшные вещи он рассказывал.

Рукописи сентябрьской еще не получил[2].

У нас тут в четверг спуск броненосца «Conte Cavour», и потому на заливе чёртова суматоха.

Алексей Толстой меня огорчил романом. Плохо это очень[3].

А «Отчий дом» читали? Штучка-с. Автор только в нынешнем году окончил Московский университет...[4]

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] О ком идет речь, неизвестно.

[2] Рукопись IV рассказа из цикла «Жалобы».

[3] Имеется в виду роман А. Н. Толстого «Две жизни» (впоследствии «Чудаки»), окончание которого было напечатано в кн. 15 альманаха «Шиповник». В рецензии на эту книжку альманаха Амфитеатров писал, что характерный для многих современных беллетристов процесс превращения жизни в «творимую легенду» «печально сказывается в романе Алексея Н. Толстого»: «...поспешил молодой автор взяться за роман и не осилил его громадной машины. Большой талант не мог не сказаться двумя-тремя вспышками. Но нет общей, внутренней правды в романе, и, чем дальше идешь, в глубь его, тем ближе и прозрачнее скользят призраки нарочной выдумки, тем теснее сплетается жизнь с легендой» (Современник. 1911. Кн. 8. С. 393).

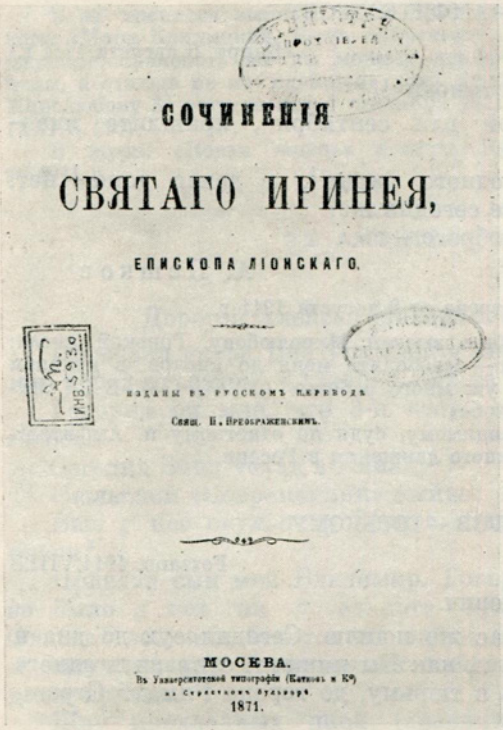
[4] *Н. Н. Русов* (1884 — ?) — писатель. Роман «Отчий дом» (роман в 2-х ч. М., изд-во «Образование», 1911) был посвящен С. Н. Булгакову. Герой романа, пережив духовный кризис, находит выход из него в религии. Этому произведению в «Современнике» была посвящена ст. В. Чернова «Литературные впечатления. Культурный пустоцвет» (Современник, 1911. Кн. 8).

225. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 8, 9 или 10 августа 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Будьте добреньки, скажите первенцу вашему[1], что *Иринея я достал* — он издан Тузовым в 904 г., цена — 2 р., *Голубинского тоже достал* — издан О⟨бщество⟩м истории и древностей российских в 901 г.[2]



СОЧИНЕНІЯ

СВЯТАГО ИРИНЕЯ,

ЕПИСКОПА ЛІОНСКАГО.

ИЗДАНЫ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

Свящ. П. Преображенскимъ.

МОСКВА.

1871.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ: СОЧИНЕНИЯ СВЯТОГО ИРИНЕЯ, ЕПИСКОПА ЛИОНСКОГО М., 1871
Личная библиотека Горького, Музей Горького, Москва

Нельзя ли написать букинисту, чтоб он не беспокоился, а то — куда мне дубликаты?

Весьма боюсь, чтоб В〈иктор〉 С〈ергеевич〉 не расклеился. Вот вам Феццано — горячий погреб со сквозняками всех двенадцати степеней.

А Качоровский стонет напрасно — если Колосов верно передал вам звуки, Качоровским испускаемые. Во всем, что лежит за границами его специальности, Качоровский, по-моему, лирически воркует. Это очень приятный старый голубь — но — мне кажется, он неизлечимо развращен Зинаидой Гиппиусом, которая просто — переодетая мужчина, и Дмитрием Мережковской, который, несомненно, женщина. Борода его догадки моей не опровергает — мало ли бородатых торговок! И — Юлия Пастрана [3] тоже.

А вот Философоф — сам не знает, кто он, и все требует доказательств: баба или мужик он? Вообще, тут насквозь мистика.

Ежели вам все сие непонятно — вините жару и обилие комет, а также — экскурсантов из России. Я — совершенно запутался и не могу уже распознать экскурсанта от кометы. Когда что-нибудь стоит предо мною, извиваясь штопором и глаголет: «мы должны сойти с путей рационализма, губительных душе, мы должны изменить и расширить орбиты нашего бега в вечности», — я, хотя и вижу пред собой ноги в белых штанах, но принимаю это как обман зрения. «Будете вы китайской провинцией!» — говорю я им, кометам, а они отвечают: «Будем радоваться этому, — наш верный путь — к Востоку, там наше счастье».

Сии аморфные тела плавают над водой в лодках и поют «Солнце всходит и заходит», а также «Из страны, страны далекой» и «Вниз по матушке» — мне тоже очень остро хочется по матушке их. Кричат: «здравствуйте, А. М.!» И пытаются сфотографировать Горького, когда же рыбаки препятствуют сему — они их, рыбаков, кулаками.

Могу ли я назвать все сие кошмарное — «гармонией сфер». А они очень обижаются, что я не чувствую «гармонии сфер, выработанной — выявленной — тремя величайшими мыслителями современной России Розановым—Шестовым—Мережковским», о чем смотри «замечательное исследование» — забыл чье [4]. Скоро забуду все. Уже начинаю сожалеть, что грамотен. Во сне вижу Крачковских — зеленые с желтым. На болоте вышью — не от глагола — пить, а птица — выпь — сидит Анатолий Бурнакин [5] и — гукает, а министр Кассо представляется мне лангустой.

Вообще — я живу скверно, измучен наездами из России, и мне кажется, что экскурсия — суть болезнь весьма неэстетического характера, подобная поносу. Извините! Ну — морская болезнь, коею страдает

вся Русь, ибо ее — закачало. До свидания! Ехать надо не в Турин, а на Капри, где очень хорошая музыка. М. Ф. кланяется.

Игнорирую фиту! А вы — обскурант, фитофил[6].

Крепко жму вашу руку. И совершенно напрасно вы не едете сюда.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 6 и 12 августа 1911 г.

[1] В. А. Кадашеву-Амфитеатрову.

[2] Названные Горьким кн. (Сочинения святого Иринея, епископа Лионского / Изд. в рус. пер. протоиереем П. Преображенским. 2-е изд. СПб.; изд. И. Л. Тузова, 1900 (Горький ошибочно называет 1904 г.); *Голубинский Е.* История русской церкви; В 2-х кн. 2-е изд., испр. и доп. М.: О-во истории и древностей российских при Московском университете, 1901—1904. Т. 1.) были получены Горьким от В. В. Розанова в конце июля 1911 г. Там же хранится и 1-е изд. «Сочинений святого Иринея» (см. *ил.* на с. 330). Книги хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[3] Юлия *Пастрана* (1834—1860) — танцовщица, родом из Мексики, получившая большую известность благодаря ненормальному развитию волосяного покрова.

[4] Подразумевается кн. Б. Грифцова «Три мыслителя. В. Розанов, Д. Мережковский, Л. Шестов» (М., изд. В. М. Саблина, 1911).

[5] Анатолий Андреевич *Бурнакин* (ум. 1932) — поэт, критик, сотрудник газ. «Новое время».

[6] Шутка Горького. В словах фита и фитофил он написал θ.

226. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VIII.12

Дорогой Алексей Максимович.

Вотще напали из-за В〈иктора〉 С〈ергеевича〉 на Fezzano, ибо, каковы бы ни были недостатки последнего зимою, при циклонах и пр., но в качестве летней резиденции очаровательнее ничего не выдумаешь, ибо: 1) масса зелени, 2) купанье победительное, 3) сколько бы градусник ни показывал, всегда есть какое-либо воздушное течение, низводящее жару к возможности дышать, что в нынешнее жутко-знойное лето не шутка...

Г〈ерман〉 А〈лександрович〉 в Париже сейчас; и очень это меня волнует, ибо совсем поздно ему жариться на решетке, подобно св. Лаврентию.

А знаете, эти россияне, которые Вас удручают своими благоглупостями, пожалуй, в России уже выдохлись и удрали за границу от своей старомодности. Владимир[1] и еще кое-кто из молодежи привезли очень хорошие сведения о повороте общества... Многое шевелится, здорово учатся и читают, мистическое шутовство и всякое с ним сопряженное баловство быстро и шибко тает, а знать и действовать публика желает весьма.

Возвращаясь к В. С., молю Вас принудить свою фантазию к созданию образа хотя грандиозного, но малопоэтического. Представьте себе человека, который, осмотрев, как мог внимательно, дворец, спрашивает затем провожатого: а где тут у вас нужник? Провожатый, предполагая, что нужник ему нужен покуда нужно, указывает. Каково же его удивление, когда он видит, что турист вносит в нужник свои вещи и поселяется там на постоянное житье?

Именно так распорядился собою В. С. в Fezzano, вопреки просьбам, мольбам, предостережениям и пр. Упрям же ведь, как 40 000 козлов.

Я очень жалею об его отсутствии, так как он человек порядка, и с ним работать можно, даже очень можно. Да и милый он. Я его люблю. И дело знает.

В〈иктора〉 М〈ихайловича〉 [2] мало вижу. Плыви, мой челн, по воле волн!

О «Совр.» ничего Вам не пишу, так как, по-видимому, Вас сие не весьма интересует, а накопилось всего на добрый том, который написать мне нет времени.

Ох, уж какие Капри!

1) Совр.

2) «Зверь».

3) Корректуры «Просв〈ещения〉».

4) Маленькие писания ради «прибавки к своим скудным средствам», как поется в опере «Кармен». Ибо тощ!

Новость: «друзья» Ф. И. Шаляпина хлопочут о пожаловании ему владимирского креста и потомственного дворянства. Оказывается, попытка к сему делалась уже год тому назад, но дело не прошло. Надеюсь дожить до афиш с графом Шаляпиным.

Ну вот и всё. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

О книгах Владимиру сказал, напишет.

Ваш А. А.

[1] В. А. Кадашев-Амфитеатров.
[2] В. М. Чернов.

227. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VIII.14

Дорогой Алексей Максимович!

Получил от Мир〈олюбова〉 4-ю «Жалобу». Очень хороша. Напоминает «Лето». Я думаю, что успеем еще поставить ее в августовскую книжку, и потому написал в контору, чтобы Вам посланы были за нее деньги. А на сентябрь еще хоть 8 стран〈иц〉?

Мы, вследствие конфискации «Зверя», сели и сидим в буквальном смысле без гроша [1].

Букинисту написано.

Миролюбов сегодня в письме ругает Давос.

Читаю писателя Пришвина. Одного героя у него собаки съели, другого гуси заклевали, следующего, вероятно, таракан забодает или щука сожрет [2].

Некто Михайлов прислал превосходный рассказ «Мечты» [3]. В лучших чеховских тонах.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

[1] Речь идет о конфискации кн. 6. «Современника», в которой была напечатана ст. Амфитеатрова «Черная сотня античного Рима. Этюд к „Зверю из бездны"». См. п. от 16 июля 1911 г.

[2] Имеются в виду рассказы М. М. Пришвина «Крутоярский зверь» (Шиповник. СПб., 1911. Кн. 15) и «Птичье кладбище. Сельские эскизы» (Русская мысль. 1911. № 7).

В рецензии на кн. 15 альманаха «Шиповник» (Современник. 1911. кн. 8) Амфитеатров отнес рассказы Пришвина к произведениям, содержащим «легенды в стиле модерн, по требованию последней моды, на заданные темы: половой вопрос, религиозные искания или отрицание общественной деятельности» (с. 393). В рецензии есть текстуальные совпадения с этим письмом. Отношение Горького к творчеству Пришвина этих лет было принципиально иным.

Рассказ «Крутоярский зверь» предполагалось, как это видно из п. И. Бунакова к Горькому от 28 мая 1911 г., напечатать в «Современнике». «Уважаемый Алексей Максимович,— писал Бунаков Горькому.— До сих пор не знаю хорошенько, сладилось ли окончательно дело с „Современником". Но слышал, что вести благоприятные. Теперь представляется случай, который мне не хочется упускать. Я познакомился с Ремизовым, который, узнав, что Вы интересуетесь и одобряете Пришвина, предложил мне немедленно достать для „Совр.", по его мнению, превосходный

рассказ Пришвина. Дело в том, что он в близких отношениях с Пришвиным, исправляет его рукописи и только что передал его рассказ в „Русскую мысль". Но там рассказ напечатают не ранее осени и заплатят всего 100 руб. за лист. Кроме того, очевидно, Пришвину будет приятно попасть в „Современник" при новой редакции. Вот Ремизов и предлагает немедленно взять этот рассказ из „Р. м." и передать в „Совр."» (*ИРЛИ*, ф. 185, оп. 1, № 1799).

[3] Рассказ И. Михайлова «Мечты» был напечатан в кн. 9 «Современника».

228. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 16 или 17 августа 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Я писал В⟨иктору⟩ С⟨ергеевичу⟩, что IV-я «Жалоба» — *на сентябрь* и что я прошу освободить меня до января.

Ныне обращаюсь с просьбой этой к вам — пожалуйста, поместите в сентябрь! [1]

Очень рекомендую у Пришвина рассказ «Черный араб».

Всего доброго! Поклоны.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 14 августа 1911 г.

[1] Рассказ Горького был напечатан в кн. 9 «Современника» под заглавием «Жалобы» IV.

229. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.VIII.30

Дорогой Алексей Максимович.

Так затормошен, что целую неделю не мог написать ни единой строки иначе, как для печати: притиснуло меня непутем. Простите бога для!

Относительно «Жалоб» сейчас же написал. Если, паче чаяния, выйдут в августе, то, стало быть, были уже сверстаны и отпечатаны в первый или второй лист, но уповаю, что успели переменить их на сентябрь. Нам-то август был бы много выгоднее ввиду «ближайшего участия» [1], но — конечно, как знаете. Деньги получили?

Перерывом до января приводите Вы меня в ужас. «Я эти Ваши слова не иначе как в шутку понимаю...» [2]

Видеться с Вами надо до чертиков. Свидеться невозможно. Кажется, даже и на выставках мне не быть также.

Августовская и сентябрьская книжки будут у нас сильные.

Очень большой успех имеет Павлович [3]. Вы его знаете ведь?

Просится к нам Цыперович [4] из «Совр⟨еменного⟩ м⟨ира⟩.» Напишите, мнение како мыслите? Я — за.

Печатать «Чужбину» Жаботинского или подождать? Ему-то — хочется. А карта не без риска.

Айзман прислал рассказ. Неважный [5]. Сургучев: так себе [6].

Вообще, лучшее, что есть сейчас нового,— двух незнакомцев: один — Михайлова, другой — Антонова [7] рассказы. Фамилии демократические.

Устал, як бис. До свидания! Всего Вам хорошего. М. Ф. поклон.

Ваш А. А.

[1] Имеется в виду объявление, которое печаталось начиная с июльской книги журнала (вплоть до октябрьской), о продолжении подписки на журн. «Современник», издаваемый «при ближайшем участии А. В. Амфитеатрова, М. Горького, В. С. Миролюбова и В. М. Чернова».

[2] «Я слова эти ваши не иначе как в шутку принимаю...» — реплика Улиты в разговоре с Счастливцевым в пьесе А. Н. Островского «Лес» (действие IV, явление IV).

[3] Амфитеатров имеет в виду ст. М. Павловича «Англо-германская распря и „будущая война“» (Современник. 1911. Кн. 7). В п. к Лопатину того же времени Амфитеатров успех статьи Павловича поставил в связь с неуспехом статей Чернова. «Плачевнее всего,— писал он,— совершенный неуспех публицистики Чернова в России. За границей мы читаемся в какой-нибудь сотне экземпляров, между своими, а в России — не нравится. Письма пишут недоуменные, печать равнодушна — новый mascote *, словом, мы в нем не приобрели и, сверх естественного прироста по полугодовой подписке, государственный переворот наш покуда нам не дал ни одного подписчика, которого можно было бы приписать эсеровскому варяжству. Вот Павловича статья имела большой успех...» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[4] Григорий Владимирович *Дыперович* (1871—1932) — экономист и публицист. В революционном движении — с 1888 г. Неоднократно подвергался арестам и высылке. После Октябрьской социалистической революции работал в профессиональных союзах, сотрудничал в различных журналах.

[5] Д. Я. Айзман был приглашен к сотрудничеству в «Современнике» Миролюбовым (п. Айзмана (черновой автограф) к Миролюбову от 21 июня 1911 г.— *ГБЛ*, Айз. 5. 42). Им был прислан в «Современник» рассказ «Новобранец Ильюшка» (Современник. 1911. Кн. 11).

[6] Имеется в виду рассказ Сургучева «Сон». В. А. Тихонову Сургучев писал тогда же: «Есть небольшая новость. Миролюбов просил у меня рассказ для сборника „Знания“, так как он редактирует их. Послал ему „Сон“ и сообщил, что пишу „Губернатора“. Он взял „Сон“, передал в „Современник“ (...) Написал, что „Сон“ пойдет в сентябре» (*ЦГАЛИ* ф. 34). Рассказ в «Современнике» напечатан не был, так как Сургучева не удовлетворила сумма предложенного ему гонорара. Был напечатан во т. II «Рассказов» И. Сургучева (СПб., изд-во «Знание», 1913).

[7] А. Антонову Амфитеатров писал 8 октября 1911 г. из Феццано: «Прочитав „Молодую жизнь“, я немедленно переслал ее к заведующему беллетристическим отделом В. С. Миролюбову с рекомендациями к принятию под условием небольших переделок...» (*ЦГАЛИ*, ф. 34). Под несколько измененным названием — «Молодые годы. Повесть из быта учащейся молодежи» — произведение Антонова было объявлено на 1912 г. (Современник. 1911. Кн. 11). Повесть напечатана в кн. 1, 3, 4 за 1912 г.

230. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 4 или 5 сентября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович.

Денег — не получил.

За Павловича — рад. Был уверен, что его статьи понравятся.

Рад также Михайловым, Романовым, Антоновым, Тараканово-Тимофеевым и Вечевым — ура! [1]

Хорошо бы Чернову заняться Гершензоном [2], а вам — Шестовым. Сии двое очень достойны внимания вредоносностью своей, особенно — Шестов. Весьма рекомендую его книги о Толстом — Достоевском. Последнего разносит, включительно до обругания дураком, уличая попутно Н. К. Михайловского во лжи [3].

А что — много еще манифестов будете печатать? Зададут вам за них, если вы не поспеете оправдать заявлений ваших громогласных [4] хотя бы критикой шестовского нигилизма и гершензоновского идеализма. Возьмитесь-ка за сие, право же, это вполне своевременно.

Некто Иткин спрашивает о судьбе своей рукописи «Легенда о Джакопо Виллари» [5].

Тихонова отзыв о «Соврем‹еннике›» читали? [6]

Пишу, яко бешеный [7].

Жму руку.

А. Пешков

На обороте листа в правом углу рукою Горького написано: «С. Иткину» (зачеркнуто красным карандашом).

Датируется по п. Амфитеатрова от 7 сентября 1911 г.

[1] Помимо И. Михайлова и А. Антонова, Горький называет авторов кн. 7 «Современника» — Ив. Тараканова (рассказ «Один в природе»), Б. Тимофеева (рассказ «Последний приют») и Чернова, статья которого «На современные темы» («посвященная министерскому кризису») была напечатана под псевдонимом Я. Вечев в

* звезда (*фр.*).

разделе «Дела и дни». Горький упоминает также писателя Пантелеймона Сергеевича *Романова* (1884—1938), рукопись которого «Отец Федор» была прислана ему Л. Шестовым, в то время как рассказ был напечатан в журн. «Русская мысль» (№ 7). См. п. Горького Миролюбову от 12 августа 1911 г. (*XXIX*, 173).

[2] Михаил Осипович *Гершензон* (1869—1925) — историк литературы и общественной мысли, участник сб. «Вехи». Ст. Гершензона «Творческое самосознание», напечатанная в этом сборнике, вызвала ряд критических высказываний Горького в его статьях и письмах В. Г. Короленко (*XXIX*, 128), Р. В. Иванову-Разумнику (Г — ИВ-Р) и др. Во второй половине сентября 1911 г. Горький вновь напомнил о вредном с «точки зрения социально-педагогической» выступлении Гершензона, «рекомендовавшего штыки для воспитания чувства государственности в русском народе» (*XXIX*, 186).

Книги Гершензона по истории русской общественной мысли, в которых отразились идеалистические воззрения их автора,— «История молодой России» (М., тип. И. Д. Сытина, 1908), «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (СПб., тип. М. М. Стасюлевича, 1908) и др.— испещрены пометами Горького (*ЛБГ*) (*Описание*).

[3] Лев *Шестов* (псевдоним Льва Исааковича Шварцмана) (1866—1938) — философ-экзистенциалист, литературный критик. Философские воззрения первого периода его деятельности характеризовались крайним пессимизмом, иррационализмом, идеей трагического одиночества человека перед лицом всеобщей бессмысленности существования, отрицанием общественных и этических идеалов. Философское credo Шестова выразилось, например, в его кн. «Апофеоз беспочвенности» (1905).

Горький имеет в виду кн. Шестова (указываются издания, хранящиеся в *ЛБГ*) «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше. (Философия и проповедь)» (СПб., тип. М. М. Стасюлевича, 1900) и «Достоевский и Нитше. Философия трагедии» (Собр. соч. 2-е изд. СПб., изд-во «Шиповник», (1911). Т. 3) (с пометами Горького) (*Описание*).

В кн. «Достоевский и Нитше» Шестов отождествляет позицию Достоевского с позицией его героя — человека из подполья, который осознал, что «победить идеализмом свои несчастья и сомнения — невозможно» (с. 92). В этом утверждении Шестов усматривает отражение эволюции самого Достоевского: «Достоевскому стыдно вспомнить, что он когда-то сам был идеалистом. Он хотел бы отречься от своего прошлого и, за невозможностью обмануть себя, старается представить себе свою недавнюю жизнь в ином свете, придумывает себе смягчающие вину обстоятельства» (Там же, с. 93). В подтверждение цитируются «Записки из подполья»: «У нас, русских, вообще говоря, никогда не бывало глупых, надзвездных немецких, и особенно французских, романтиков, на которых ничего не действует, хоть земля под ними трещи, хоть погибай вся Франция на баррикадах — они всё те же, даже для приличия не изменяются и всё будут петь свои надзвездные песни, так сказать, по гроб своей жизни, потому что они дураки. У нас же, в русской земле, нет дураков...». «Уж будто у нас нет „дураков"!—восклицает Шестов по этому поводу, напоминая о раннем периоде творчества Достоевского.— А кто по ночам воспевал Макара Девушкина? Кто обливался слезами над Наташей даже в ту пору, когда земля уже трещала под ногами? Увы, этих страниц прошлого не вытравить из памяти, сколько ни хитри. Из всех наших романтиков Достоевский был самым мечтательным, самым надзвездным, самым искренним» (Там же, с. 93—94; слова, выделенные разрядкой, отмечены Горьким на полях красным карандашом).

Рассуждения Шестова о Н. К. Михайловском (авторе известной статьи о Достоевском «Жестокий талант») сводятся к тому, что перед лицом трагической реальности его отвлеченные идеи гуманности и добра — лишь обман. Горький отметил на полях следующее высказывание Шестова: «Но Н. К. Михайловский один из тех счастливых избранников, которым дано всю жизнь служить идеям. Таким людям и идеи служат, оберегая их от ужаснейших переживаний» (Там же, с. 91).

[4] «Манифестами», т. е. программными статьями «От редакции», открывались кн. 1 и 7 «Современника».

В кн. 7 говорилось: «Ввиду расширения нашего редакционного круга мы считаем полезным повторить пред читателями некоторые положения нашей программы, придав им более твердое и определенное развитие, чем успели мы сделать это в январе» (с. I—II). Однако изложенная здесь «программа» оставалась столь же неопределенной и аморфной. Например, политические задачи издания характеризовались следующим образом: «В политике у нас есть заветная мечта — объединение всех тех сил, которые ныне так разрозненно борются за один и тот же, дорогой нам, общественный идеал — за царствие труда» (с. IV).

Горький отнесся к этому манифесту резко отрицательно.

[5] Семен Григорьевич *Иткин* — писатель, в то время жил в Виннице. Печатался в журн. «Русское богатство». В 1912 г. жил на Капри. Упоминаемое произведение в «Современнике» не было напечатано.

[6] О каком отзыве идет речь, неизвестно.

[7] Горький спешил закончить работу над последней (IV) частью «Жизни Матвея Кожемякина».

231. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.IX.7

Дорогой Алексей Максимович.

Деньги Вам, наверно, теперь уже переведены. Имею о том письмо от Певина, находящегося на Кавказе.

Статьи В. А. Тихонова не читал. Где она была и что собою представляет? Какой-нибудь стон оскорбленного самолюбия?

Гершензон и Шестов получат должное в чреду свою. Сейчас Чернов растерзал Русова [1] и терзает Винниченко.

Нет, манифестов до подписки печатать никаких не будем. Мы и этот-то печатать не хотели, но он был уже сверстан, так не переверстывать же стать. Громогласия в нем не усматриваю — может быть, потому, что он безжалостнейше сокращен и упрощен мною из действительно громогласного манифеста, в коем В〈иктор〉 М〈ихайлович〉 объявлял сим всем нашим верноподданным и т. д.

Достоевского — дураком? Шестоподобно! О Михайловском менее сочувствую, так как ему цель, оправдывающая средства, была весьма нечужда, и побрёхивал он временами весьма нецеремонно. (Не при Колосове будь сказано!)

В августовской книжке будут интересные воспоминания о Некрасове (Колбасина-старца) [2]. Вообще, она очень недурна [3]. Ждал от Павловича 3-й статьи, которой он и тему прислал «О тройственных группировках» [4], но что-то не присылает.

В сентябре постараемся дать 28 листов.

Было денежное затруднение — две конфискации за полгода не шутка. Но Певин внес еще десять тысяч и подмазал колесо.

Рукописи Иткина у меня нет и не было. Вероятно, у Миролюбова.

Это хорошо, что пишете, как бешеный: я уже в тихом помешательстве.

Ну, я от Тимофеевых и Тараканових далеко не в таком восторге. Откровенно говоря, печатание всего этого представляется мне чем-то вроде воспитательной филантропии. Пущай. И хуже пишут, а девственному сердцу Виктора Сергеевича — радость.

У нас сейчас гостят Катерина Павловна с Максимом [5]. Этакий же прелестный и умный малый! Очень он мне понравился. Хороший будущий человек глядит из этих отцовских глаз на материнском лице. Сегодня повезу его на катере по заливу в открытое море, а завтра они, к сожалению, уже думают ехать в Швейцарию.

Был на днях, проездом к месту служения, Рутенберг, очень веселый и оживленный. Махнул рукою на все авантюры с углем [6] и т. п. — к великой моей, правду сказать, радости, так как вот уже второй год жду я, что разразится на почве этой какой-нибудь панамский скандал,— и занялся настоящим своим гидравлическим делом, в котором и полезен будет, и сыт, и по человечеству новому взглянуть имеет возможность. А Пальчинские и Ермоловы непременно, в конце концов, всадили бы его в скверную историю, которая измазала бы громкое революционное имя, и без того уже, по милости ЦК, многострадальное [7]. Читали брошюру Колосова? [8] Два года назад имела бы — большой и сильный смысл. Теперь — ни к чему, даже на самого Рутенберга она произвела отрицательное и недоуменное впечатление. Мертвых с погоста не носят. Но, в конце концов, для истории хорошо. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Имеется в виду ст. В. Чернова «Литературные впечатления. Культурный пустоцвет».

[2] Елисей Яковлевич *Колбасин* (1831 или 1832—1885) — писатель, критик, сотрудник некрасовского «Современника». Его публикация «Из воспоминаний о

Н. А. Некрасове» напечатана в кн. 8 «Современника» за 1911 г. в разделе «Тени старого „Современника"».

[3] Помимо упоминавшихся выше статей, в кн. 8 «Современника» напечатаны рассказ А. Туркина «Душа болит», рассказ А. Окулова «С той стороны», рассказ С. Подьячева «Как Иван „провел время"», заметки А. Дермана «Дни-годы», продолжение романов Амфитеатрова «Закат старого века» и Анни Виванти «Поглотители», статьи Качоровского «Община на нелегальном положении», Я. Вечева (Чернова) «Дела и дни. II. Кризис либерализма», М. Павловича «Французский империализм», Чирикова «Заметки провинциала».

[4] Ст. М. П. Павловича «Разложение „тройственного соглашения"» напечатана в кн. 9 «Современника».

«Тройственное согласие» (Антанта) — империалистический блок Великобритании, Франции и России: оформился в 1904—1907 гг.

[5] Е. П. Пешкова с сыном заехала в Феццано к Амфитеатрову по дороге из Аляссио в Швейцарию.

[6] По предложению горного инженера Пальчинского, уполномоченного Совета съезда южнорусских углепромышленников, П. М. Рутенберг пытался в 1909—1911 гг. добиться заключения русско-итальянского соглашения о продаже донецкого угля в Италию. Его поддерживал А. С. Ермолов — председатель русско-итальянской торговой палаты. Причины того, почему такое соглашение не было достигнуто, Рутенберг изложил в ст. «Как устанавливаются у нас международные связи — вопрос о поставке итальянскому правительству русского угля» (Современник. 1911. Кн. 10).

[7] Рутенберг обвинялся ЦК партии эсеров в том, что он участвовал в убийстве Гапона, не получив на то санкции ЦК.

[8] Подразумевается, по-видимому, изданная за границей брошюра Евгения Колосова «I. Как нам относиться к Думе (в защиту старых позиций). II. Из области партийной этики (к делу Рутенберга)» (Париж, изд. автора, 1911).

232. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.IX.10

Дорогой Алексей Максимович.

В Специи, пользуясь весьма хорошо оборудованной артистической мастерской (Officina Arti Grafiche), группа итальянской молодежи начала издание очень красивого художественного журнала «L'Eroica», посвященного, главным образом, поэзии[1]. Обратились ко мне за сотрудничеством, а также за ходатайством о таковом пред Вами, о чем молят весьма страстно и нежно. Я написал им, чтобы они выслали Вам журнал, а покуда посылаю Вам свой экземпляр для ознакомления. Так что примите сие письмо как письмо от «Эроики» и ответьте им поскорее, ибо они в трех волнениях. Если нового ничего не можете дать, позвольте им напечатать какой-либо старый Ваш рассказ, еще не переведенный в Италии. Может быть, которую-нибудь из «Сказок»? Адрес их: Spezia, Corso Cavour, 5, имя редактора Ettore Cozzani. Я отвечал им, что могу только передать просьбу, а ответа пусть уж они ждут прямо от Вас[2].

К⟨атерина⟩ П⟨авловна⟩ и Максим уехали вчера в Швейцарию. Хорош у Вас мальчик, большое он на меня впечатление произвел, хотя, как Вы знаете, выбор по детской части у нас немалый.

Зина уже вышел из эмигрантской «тюрьмы»[3]. Просидел в ней дней десять.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш. А. А.

«Прелюдию» Иткина сейчас получил. Превосходная вещь.

[1] *«L'Eroica»* — журнал литературы и искусства, основанный итальянским писателем Этторе Кодзани. Издавался в Милане, затем в Риме (1911—1921).

[2] Горький в журн. «Эроика» не печатался.

[3] В Канаду З. А. Пешков уехал из Италии 6 августа 1911 г. В конце сентября Е. П. Пешкова писала Горькому: «Получила недавно письмо от Зиновия. Сообщает, что, как приехал в Америку, был арестован и две недели пробыл в эмигрантск⟨ом⟩ доме, так как не было у него нужных для въезда в Америку денег. Выручил его оттуда какой-то профессор, у которого он теперь и работает в качестве переводчика» (*АГ*).

233. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 11 или 12 сентября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Ввиду того, что В⟨иктор⟩ М⟨ихайлович⟩ пишет о Винниченко, нужным считаю сообщить, что сим последним написана огромнейшая стр. в 400 с лишком повесть о революционерах [1], я ее читал и — вот прилагаю мой о ней *очень мягкий* отзыв [2].

Повесть эта *несомненно* будет напечатана, и я уверен, что за нее очень схватятся все, кому революция ненавистна и кто захочет поплевать на революционера.

Мне казалось бы, что со статьей о Винниченко надобно подождать до выхода этой повести, которая прогремит [3].

Спешу сообщить сие.

Кланяюсь, жму руку, желаю всего лучшего.

А. Пешков

Отзыв — послан В. С. Миролюбову, вы мне его возвратите, т. е. возвратите экземпляр, приложенный к этому письму.

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 14 сентября 1911 г.

[1] Речь идет о рукописи повести В. К. Винниченко «На весах жизни», предложенной автором для *сб.* «*Знания*». Повесть была напечатана в мае 1912 г. в сб. 9 «Земля» (Моск. книгоизд-во, 1912). После ее выхода появился ряд рецензий преимущественно критического характера (Русское богатство. 1912. № 9; Русские ведомости. 1912. № 112. 17 мая; Русская мысль. 1912. № 8, и др.).

[2] П. Миролюбову после 2 сентября 1911 г. с отзывом о повести Винниченко «На весах жизни» см.: *XXIX*, 177—180. «Общее впечатление ⟨от⟩ повести таково,— писал Горький,— нет на свете людей извращеннее, распутнее, бессовестнее и глупее, чем русские революционеры» (Там же, 178).

[3] В конце этого п. Черновым, которого Амфитеатров ознакомил с ним, сделана приписка, адресованная Амфитеатрову: «О Винниченко подожду, но больше потому, что до сих пор не имею книги. Беда с Россией, да и только». Статья Чернова не была написана.

234. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.IX.14

Дорогой Алексей Максимович.

Очень рад, что мы с Вами одного мнения о Винниченке. Это увлечение Виктора Сергеевича мне очень не по вкусу [1]. Я уступил В. С. после многих споров, дав место одному рассказу Винниченки (плохому, несмотря на сделанные сокращения) [2], но больше не согласен, хотя бы он присылал тургеневской силы вещи, ибо он модно гонится за успехом скандала (не понимая, что время, когда выходили в люди «Санины» и «Бледными конями» [3], прошло), и — сегодня Вы его напечатаете, а завтра он — выкинет такую штуку, что пойдет вонь, как из помойной ямы. Письмо Ваше пошлю со следующей почтой, как только Женя [4] снимет копию в архив. До свидания. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

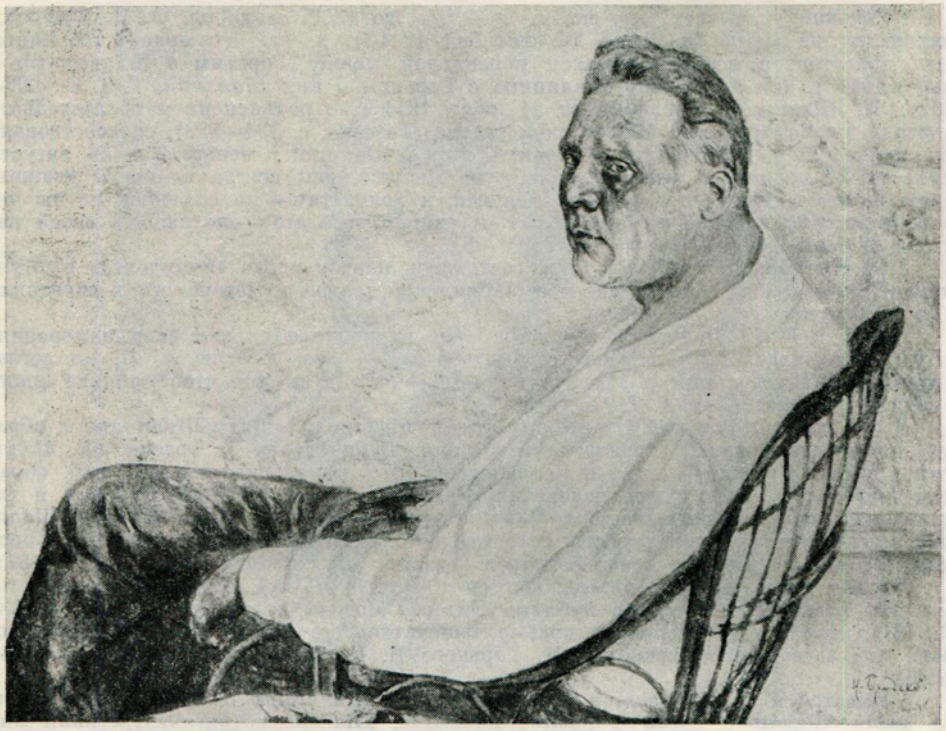
Ваш А. А.

[1] Миролюбов положительно оценивал все произведения, присланные ему Винниченко, его связывала с Винниченко длительная переписка и в дальнейшем — в 1913—1916 гг. (*ИРЛИ*, ф. 185, оп. 1, № 367).

[2] О каком рассказе идет речь, неизвестно. В «Современнике» рассказ Винниченко не был напечатан.

[3] Романы «Санин» Арцыбашева и «Конь бледный» В. Ропшина (Б. В. Савинкова).

[4] Е. П. Бураго.



Ф. И. ШАЛЯПИН

Портрет работы И. Ц. Бродского (холст, масло). Капри, 1911. Фоторепродукция. Портрет был написан во время пребывания Шаляпина у Горького на Капри 19—24 сентября 1911 г. Тогда же подарен Шаляпиным Горькому. В настоящее время местонахождение портрета неизвестно

235. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 15 или 16 сентября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

У меня живет Федор, и было бы очень хорошо, если б вы повидались с ним. Пробудет он здесь до 12-го числа[1], а 19-го у него в Питере спектакль «Борис»[2].

Мне кажется, что этого человека нельзя отталкивать в ту сторону, куда идти он не хочет, и что за него и можно и следует подраться, ибо человек он символически русский и в дурном, и в хорошем, а хорошего в нем всегда больше, чем дурного.

Я лично очень просил бы вас подумать о нем так хорошо, как вы можете, и повидаться, поговорить с ним, со мною.

Забот — он стоит, не правда ли?[3]

Письмо ваше очень огорчило его, конечно, но «виноватости» своей он не отрицает, и письмо это — не помеха свиданию[4].

Очень плохо ему, трудно. И похож он на льва, связанного и отданного на растерзание свиньям.

В стране, где Павлу Милюкову, объявившему себя и присных «оппозицией Его Величества»,[5] — сие сошло без свиста и суда — не подобает судить безапелляционно Шаляпина, который стоит дороже шестисот Милюковых.

Жду скорого ответа

А. Пешков

Датируется по содержанию и сопоставлению с ответным п. Амфитеатрова от 18 сентября 1911 г.

[1] Горький указывает дату по ст. ст.— т. е. до 12/25 сентября. Ф. И. Шаляпин находился на Капри с 10 по 24 сентября 1911 г. н. ст. Его приезд на Капри был подготовлен возобновившейся перепиской между Горьким и Шаляпиным в июле 1911 г. (см. переписку Шаляпина с Горьким в кн.: *Шаляпин*. Т. I. С. 323—362). П. Шаляпина Горькому от 31 июля 1911 г. с разъяснением обстоятельств эпизода, происшедшего в Мариинском театре (Там же, с. 334—338), способствовало их дальнейшему сближению. Горький писал Шаляпину между 2 и 14 августа 1911 г.: «И люблю, и уважаю я тебя не меньше, чем всегда любил и уважал; знаю я, что в душе — ты честный человек, к холопству — не способен, но ты нелепый русский человек и — много раз я говорил тебе это! — не знаешь своей настоящей цены, великой цены» (*XXIX*, 170).

[2] 19 сентября/2 октября 1911 г. состоялось первое после «инцидента» выступление Шаляпина на русской сцене в Мариинском театре, в Петербурге, в спектакле «Борис Годунов».

[3] В п. к Е. П. Пешковой Горький более подробно объяснил свои намерения: «Буду уговаривать Амфитеатрова вступиться за Федора, а если А. В. не согласится — разойдусь с ним и „Современником" — разойдусь так, чтоб публика знала причину разрыва» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 121).

В эти же дни Горький написал открытое письмо в защиту Шаляпина с обращением «Дорогой друг!», предназначенное для опубликования в России. «Ф. Шаляпин,— писал Горький,— лицо символическое; это удивительно целостный образ демократической России, это человечище, воплотивший в себе все хорошее и талантливое нашего народа, а также многое дурное его (...) Федор Иванов Шаляпин всегда будет тем, что он есть: ослепительно ярким и радостным криком на весь мир: вот она — Русь, вот каков ее народ — дорогу ему, свободу ему!» (*XXIX*, 187).

Письмо было передано отъезжающему в Петербург Н. Е. Буренину с тем, чтобы оно распространялось «в публике Питера, Москвы и т. д.» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 121). При жизни Горького письмо напечатано не было. Впервые опубликовано под заглавием «Письмо А. М. Горького Н. Е. Буренину» в *Горьк. чт.* 1954 (с. 62—63).

[4] Имеется в виду открытое п. Амфитеатрова Шаляпину от 26 января 1911 г. 31 июля Шаляпин писал Горькому из Виши: «Из Петерб(урга) переслали мне письмо Амфитеатрова (оно было адресовано в Петербург, и я получил его сравнительно поздно). (...) Сел, было, писать ответ Амфитеатрову, но из Москвы и Питера мне сообщили, что Амфитеатров разослал разным лицам и редакциям копии с его ко мне письма, и это письмо ходит по рукам. Мне показалось это и странным, и очень злым с его стороны. Стало мне также ясным, что письмо он мне написал совсем не оттого, что он меня, как он пишет в письме, „крепко любил", а кто его знает, по каким, но, несомненно, по другим причинам. Поэтому я решил Амфитеатр(ову) ничего не писать» (*Шаляпин*. Т. I. С. 336).

[5] Лидер партии кадетов Милюков заявил в своей речи на завтраке у лорд-мэра Лондона 19 июня/2 июля 1909 г., что, «пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству» (Речь. № 167. 21 июня/4 июля 1909 г.).

236. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

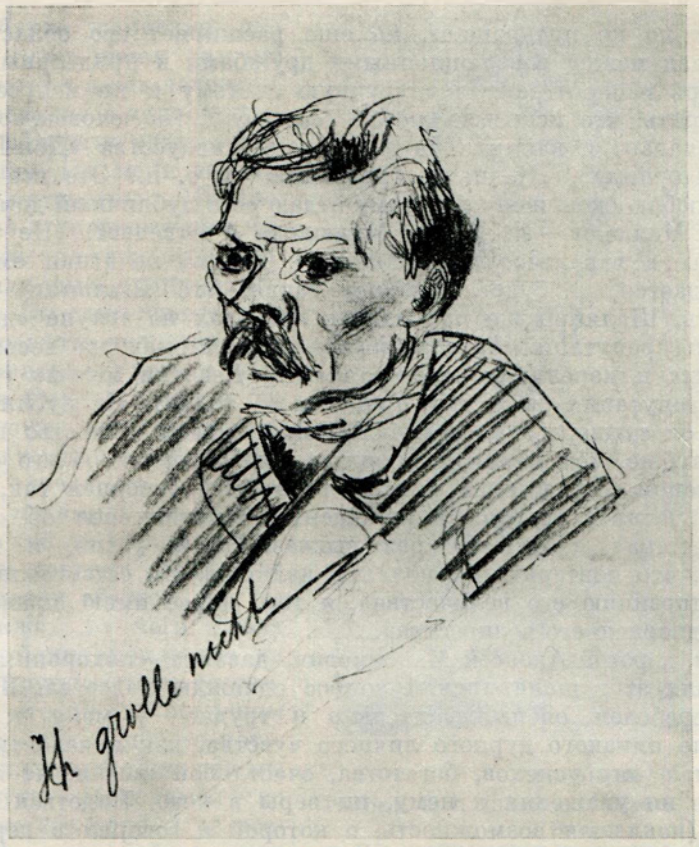
Fezzano. 1911.IX.18

Дорогой Алексей Максимович!

Из того, что у вас находится Ф. И. Шаляпин и Вы предлагаете мне повидаться с ним, заключаю, что Ф. И. разорвал контракт с Императорским театром[1] или вообще совершил какой-нибудь публичный акт, доказывающий, что он «в ту сторону идти не хочет», с такою же яркостью, как ярки были факты, доказывавшие, что он в ту сторону идти хочет и идет. Если это так, то решительно ничего не имею против визита Федора Ивановича, охотно его приму и пожму ему руку, ибо его артистическую силу я ценю высоко.

Но, к сожалению, в письме Вашем нет никаких указаний на какое-либо выступление Ф. И. Шаляпина в сказанном направлении. Если мое предположение верно, будьте ласковы меня о том уведомить. Если же я ошибаюсь и Ваше свидание состоялось только на почве старой дружбы, восторжествовавшей над временными принципиальными разногласиями, то я должен уклониться от предлагаемой Вами встречи с Федором Ивановичем.

Вы предлагаете с кем-то «драться» за Шаляпина. В свое время я выполнил эту обязанность к великому таланту и человеку, которого



ГОРЬКИЙ

Рисунок Ф. И. Шаляпина (бумага, карандаш). Капри, 10—24 сентября 1911 г. слева внизу авторская надпись: Ich grolle nicht» («Я не сержусь».— *Нем*).— название романса Р. Шумана на слова Г. Гейне из цикла «Любовь поэта»

Музей Горького, Москва

любил, и много дрался за Ф. И. Шаляпина. Полагаю, что в настоящее время драться за него — это значило бы драться с ним самим. Полагаю также, что и палка наша, которой мы могли бы драться, немножко слишком коротка сравнительно с дубиною конторы императорских театров, Гинцбурга и т. п. «Забот» Шаляпин весьма стоил, но и имел он их со всех сторон предостаточно. Почти сорокалетнему мужику пора самому знать, с кем он, кто он, что он и куда идет.

В письме Вашем самые выразительные для характеристики Шаляпина строки: «Пробудет он здесь до *12*-го числа, а *19*-го у него в Питере спектакль „Борис"». Извините, но сие предсезонное паломничество (после парижских свистков и в предчувствии русских) не возвысило Шаляпина в моих глазах.

Метафора о льве... полно Вам! Кто его связывал? кто отдавал на съедение свиньям? Не было и нет порядочного человека, сколько-нибудь к нему близкого, который не протестовал бы против его злоупотреблений своим талантом и обаянием, против размепивания большой личности на денежную авантюру и барство, в которых он увяз. Что ему плохо и трудно, верю, ибо и в писании сказано: «горе грешнику, на две стези ходящу». Но это поправимо лишь одним способом: надо перестать двуручничать. К сожалению, этого последнего занятия

он не только не прекращает, но еще расширяет его область. Сперва двуручничал между революционными дружбами и придворным холопством, теперь распространяет двуручную систему и на искусство. Разве можно верить, что искренно *любит свое искусство* человек, который продал свой талант и влияние на засаривание искусства «Дон-Кихотами», «Старыми орлами», «Иванами Грозными»[2] и т. п.? Это все равно что сказать: люблю свою жену и потому отдаю ее в публичный дом.

Павел Милюков — за Павла Милюкова и отвечает. (Не говоря уж о разницах в характере деятельности.) Трепка печатная ему и давалась, и дается, и будет даваться такая, что Шаляпину и во сне не снилась. Шаляпин же пятнадцать лет ехал на титуле «друга Горького» и на репутации артиста-революционера, как на весьма добрых пристяжных к коренному своего таланта. Десятки мелких грехов против этой репутации были ему прощены за талант. Но публичный срам, которому он подверг *эту* свою репутацию, ранил общество и нас всех гораздо глубже, чем самого Шаляпина. Вы говорите об его символическом значении. Вот именно. Символ-то и был осквернен так, что сосуд в честь обратился сосудом в поношение. Мнения свои об «оппозиции его величества» я столько раз высказывал и устно, и письменно, и печатно, что повторять их полагаю излишне. Но естественно, что, отрицая «оппозицию его величества», я тем менее имею права на сближение с «дворнею его величества».

Словом, дорогой Алексей Максимович, давайте — похороним в отношениях наших этот шаляпинский вопрос однажды навсегда. Шаляпиным я уже переболел очень мучительно и трудно — у меня к нему нет решительно никакого дурного личного чувства, как к человеку, от всей души желаю ему успехов, богатства, счастливой жизни, но я не нахожу в себе ни уважения к нему, ни веры в него. Видеться при таких условиях (исключая возможность, о которой я говорил в первых строках своего письма) было бы и бесполезно, и тяжело. Отболело — и довольно. У меня к нему нет больше ни дурного, ни хорошего отношения. Это — просто вычеркнутый из моей жизни номер.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

[1] Ф. И. Шаляпин писал Горькому 31 июля: «Я уже думаю о том, чтобы больше не возвращаться не только на императорскую сцену, но даже и в Россию вообще, но это выходит тоже не очень складно. Оно, конечно, я пою то тут, то там в Европе, но, в сущности, какой же я итальянский или французский артист. Ведь если я уйду совершенно из России, то и искусству моему будет конец (...) В России думал я иногда о своем театре. Но это же для меня невозможно (...) Петь в частных театрах?.. Это и того хуже... Такие выверты, такие стили модерн, что не только петь в этих театрах, а и слушать, что там говорят и играют,— тошнехонько» (*Шаляпин*. Т. I. С. 337).

[2] «Дон-Кихот» — опера Ж. Массне, «Старый орел» и «Иван Грозный» — оперы Р. Гюнсбурга. Лопатин не согласился с этими высказываниями Амфитеатрова. Его возражения см.: Л—А, п. 17. Один из рецензентов писал по поводу выступления Шаляпина в опере «Иван Грозный»: «...Какой колоссальный, чисто русский талант Шаляпина! Ему нужно либретто Пушкина, Лермонтова, Алексея Толстого, ему нужна музыка Мусоргского, Глинки, Вагнера, ему нужен театр La Scala, московский Большой театр! И этот талант-колосс бьется на крошечной сцене Монте-Карло, как орел в раззолоченной клетке попугая, и негде развернуться гению: жалкая музыка, жалкий антураж» (*Каменец-Сафонова А.* «Иван Грозный» в Монте-Карло// Театр и искусство. 1911. № 11. С. 238).

237. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 20 или 21 сентября 1911 г.)

Весьма жаль, дорогой Александр Валентинович, что, отвечая на мое письмо по поводу Шаляпина, вы — очевидно — имели в виду его и ему писали, а не мне,— должно быть, поэтому письмо ваше имеет такой

тон, как будто написано для публики[1]. Я же писал вам не как публицисту, а как человеку, чье чувствование в данном случае мне необходимо знать и чьи чувствования для меня вообще и всегда интересны. Мнение ваше я знал по первому письму к Шаляпину, оно тоже огорчило меня, показавшись слишком поспешным[2]. Вы сами знаете, как трудно оправдать человека, как легко обвинить его; ведь и вы в свое время были судимы и обвиняемы не однажды и несправедливо[3], и точно так же, как вы в данном случае не спросили виновного, *почему* и *как* он провинился, в той ли мере виноват, как на него доносят, — вас тоже не спрашивали об этом. И вы знаете также, до чего любит русская публика поплевать на человека крупнее ее ростом.

ГОРЬКИЙ

Рисунок Ф. И. Шаляпина (бумага, цв. карандаш). Капри.
Под изображением слева авторская подпись: «Ф. Шаляпин, Capri, 18/5 сентября 1911 г.»
Музей Горького, Москва

Пишу это не из надежды переубедить вас, а просто потому, что тяжело и жалко, что мы столь круто расходимся во взглядах на это дело. Мне всероссийский мордобой надоел. Скажу, однако, что Федор никаких телеграмм Союзу русского народа, конечно, — не посылал, смешных и пошлых интервью не давал и т. д.[4] Он и не мог этого делать, ибо сначала не знал за собою вины и не чувствовал ее, а потом — узнал, понял, что действительно виноват, и оправдываться уже не мог. А на сцене в знаменитом спектакле он вел себя так, что лица, бывшие в театре тогда, — как Гинцбург, Крамалея[5] — не заметили его поступка и узнали о коленопреклонении уже на другой день, из газет. Человек растерялся и сделал глупость, этим воспользовались и истолковали глупость как холопство.

Он парень честный, по-русски и, как все мы, постоянно садящийся в какую-нибудь лужу.

Ну, оставим это.

Хорошо бы ввести в «Совр.» обозрение журналов. Обратите внимание на статью Аничкова — август, «Совр‹еменный› мир» — «Отрывок из дневника Добролюбова»[6], а также на книгу Келтуяла «Курс истории русской литературы для самообразования», вышла 2-я часть первого тома, очень заслуживает отзыва, и весьма нужная книга для демократа-читателя[7]. Жаль — дорога.

Всего доброго вам.

А. Пешков

Датируется по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 18 и 23 сентября.
На первой странице — помета Амфитеатрова «2-ое письмо Горького».

[1] П. Амфитеатрова было воспринято как «открытое» также Г. А. Лопатиным и В. Л. Бурцевым. Они предлагали опубликовать его в газ. «Будущее», на что Амфитеатров своего согласия не дал. См.: Л—А, п. 15, 16.

[2] Свое открытое письмо о Шаляпине от 26 января Амфитеатров послал Горькому лишь 11 февраля 1911 г. В ответном п. от 4 или 5 марта 1911 г. Горький резко осудил кампанию, поднятую против Шаляпина. 12 сентября 1911 г. Горький писал Е. П. Пешковой об Амфитеатрове: «Очень талантливый человек, и я его за многое уважаю, но — письма к Шаляпину не могу простить. Разве ты влезла бы на плечи упавшего для того лишь, чтоб тебя — *тебя* — виднее было людям,— вот какая хорошая — высоко стоит? Да. А он — влез. Не может забыть „Нового времени", своего прошлого и старается всё — чтоб другие забыли об этом» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 120).

[3] Речь идет об «обвинениях», связанных с сотрудничеством Амфитеатрова в газ. «Новое время» в 1893—1899 гг. в качестве московского корреспондента. От своей «нововременской» позиции Амфитеатров публично отказался в основанной им, совместно с Дорошевичем, газ. «*Россия*» (1899—1902).

[4] 23 и 24 сентября на Капри обсуждался вопрос о необходимости еще одного «открытого письма» — письма самого Шаляпина. Об этом свидетельствуют записи в *Дн. Пятницкого*. Предварительная «схема» письма, составленная Пятницким, была передана Горькому и им одобрена. См. в наст. томе: Шаляпин в гостях у Горького на Капри в сентябре 1911 г.

В связи с этим Горький, видимо, уже 24 сентября (в день отъезда Шаляпина с Капри) направил Н. Е. Буренину письмо, в котором просил его повидаться с Шаляпиным и помочь ему в случае необходимости выступить «перед публикою с письмом, в коем он:

во-первых — признает себя повинным в том, что, растерявшись, сделал глупость,

во-вторых — признает возмущение порядочных людей естественным и законным,

в-третьих — расскажет, как и откуда явились пошлые интервью и дрянные телеграммы, кои ставятся в вину ему (...) Надо же распутать всю эту дикую путаницу, надо отделить правду ото лжи, клеветы и всяческого злопыхательства...» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 220). После успешного выступления Шаляпина в «Борисе Годунове» Буренин и рекомендованный Горьким юрист Д. В. Стасов решили «пока ничего не предпринимать и даже уговорить и Фед. Ив. никаких писем в газеты не писать» (Там же, с. 221). Горький не считал это решение правильным. «Верно ли вы сделали,— писал он Буренину в середине октября 1911 г.,— отговорив Федора от объяснения с публикою? Пожалуй — нет; ведь публика злопамятна и долго носит камень за пазухой, особенно долго в том случае, когда она имеет право кинуть камнем в грешного» (*XXIX*. 205).

[5] Илья Яковлевич *Гинцбург* (1859—1939) — скульптор; Михаил Михайлович *Крамалей* (ум. 1914) — журналист, драматург.

Приехав на Капри, Гинцбург рассказал Горькому об обстоятельствах «инцидента» 6/19 января 1911 г. Горький писал Е. П. Пешковой 12 сентября 1911 г.: «Теперь для меня ясны рассказы „очевидцев происшествия", на спектакле этом они были, а коленопреклоненного Шаляпина — не видели, ибо он стоял где-то сзади хора, в толпе, действительно присев на колени, но не понимая — что случилось и зачем сие? Гинзбург, скульптор, бывший на спектакле, узнал о „событии" только из газет. Крамалея — тоже» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 119).

[6] Ст. Е. В. Аничкова «Отрывок из „Дневника" Добролюбова» была напечатана в журн. «Современный мир» (1911, № 8).

[7] Василий Афанасьевич *Келтуяла* (1867—1942) — историк литературы. Речь идет о кн. Келтуялы «Курс истории русской литературы. Пособие для самообразования» (ч. I, кн. 1 — СПб., 1906; ч. I, кн. 2 — СПб., 1911), посвященной фольклору и истории древнерусской литературы до конца XVII в. (*ЛБГ*) (*Описание*). Первую часть курса Горький считал «ценной работой» (п. Пятницкому, около 14/27 янв. 1908 г.— *Арх. Г.* Т. IV. С. 226). В 1908 г. Горький переписывался с Келтуялой по поводу этой книги (*Желтова Н.* Письма Горького В. А. Келтуяле // Русская литература. 1966. № 4. С. 187—189). Очевидно, Горький ознакомился с предисловием Келтуялы к ч. 1 кн. 2 «Курса истории русской литературы» после того, как рекомендовал эту книгу в «Современник» для отзыва (*Бялик Б.* О Горьком. М., 1947. С. 195). Несколько позже это предисловие вызвало целый ряд его критических замечаний. См.: Г — Ляц, п. 4, прим. 1.

238. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.IX.23

Дорогой Алексей Максимович!

Если бы я имел в виду Шаляпина, то Шаляпину и написал бы. Письмо адресовано к Вам — следовательно, для Вас оно и писано. Переговариваться с кем-либо через чужие плечи не в моих правилах.

Размежевывать в себе области публициста и человека я тоже не привык и совершенно не знаю, как это может уживаться, что вот в Иксе публицист — одно, а человек — другое. И если человек и публицист оказываются чем-то разным и способным разно мыслить и говорить и писать, то уж и не знаю, право, как Вы определяете публициста, что ж это за существо.

Впервые слышу от Вас, что мое письмо к Шаляпину Вас огорчило. И в письмах того времени, и в устных разговорах Вы говорили совсем не то.

Если надо касаться личных примеров и, следовательно, говорить за себя, то скажу, со всем отвращением к этому занятию, что к обвинению, по моему глубокому убеждению, могут быть только три отношения, которые все три мне и случалось применять в жизни своей. Ибо это Вы напрасно, хотя и любезно, говорите, что меня обвиняли только несправедливо. Бывали и справедливые обвинения, за которые я в свое время и отбывал свою заслуженную и иногда мучительную нравственную кару. Три отношения эти:

1) Если ты чувствуешь себя виноватым, смой с себя вину, какою бы тяжелою житейскою ценою тебе это не досталось.

2) Если ты чувствуешь себя невиноватым, но уважаешь среду, которая тебя обвиняет, протестуй гласно, требуй суда и оправдания, публичной реабилитации, опять-таки не справляясь с практическими удобствами и неудобствами, которыми это будет осложнено.

3) Если чувствуешь себя невиновным и не уважаешь среду, которая тебя обвиняет, то делай свое дело, как делал, и не обращай внимания на обвинение.

Шаляпина я не вижу ни на одном из этих прямых ходов, но очень много вижу на задних кривых ходах, направленных к тому, чтобы утерянную невинность возвратить и капитал сохранить. Таково опубликованное письмо его к Волькенштейну[1] с лживыми словами, будто я его грубо обругал, рассчитанными на то, что в русских газетах нельзя поместить опровержения, что обругал я не его, а Николая II. Таков и предсезонный визит его сейчас к Вам. Девять месяцев прошло с его коленопреклонения, и за этот срок он не сделал ни одного прямого шага к своей реабилитации, а все только испытывал «психологические средства» к продолжению двуручничества. Я в число таких средств попадать не имею ни малейшего желания.

Вы защищаете Шаляпина в том, в чем я его никогда и не обвинял (телеграмма Союзу русского народа, интервью какие-то). О первой я, как только узнал, сказал при всех, что это враки и быть этого не может, ибо Шаляпин не дурак. Интервью его — такая сбивчивая штука, что я о них отказываюсь судить и просто исключаю их из этого дела. Во всяком случае, прямого опровержения этих интервью Шаляпиным тоже сделано не было. Что же касается интервью в «Matin»[2], то редакция, предвидя манеру интервьюируемого отрекаться от своих слов, взяла его от Шаляпина в письменной форме, о чем и предупредила своих читателей. Да, повторяю, все это для меня нисколько не важно.

Не важно даже и то, кто видел коленопреклонение, кто не видел (NB. Вы не находите, что в подобном случае стать на коленки в уголке еще некрасивее, чем на авансцене?). *Важно одно*: официально было возвещено urbi et orbi*, что Ф. И. Шаляпин, друг Горького и русской революции, «человек из народа», публично стал на колени пред Николаем II, убийцею и палачом своего народа, и пел ему гимн. На это официальное оповещение Шаляпин не ответил и не отвечает единственно так, как оно заслуживало: уходом из царской музыкаль-

---

* городу и миру (*лат.*).

ной дворни в свободное художество или хоть резким заграничным протестом против унижения, которому его в числе этой дворни подвергли. Когда будет сделано что-либо такое, тогда я тоже, как и Вы, почту его «парнем честным». Покуда же считаю только парнем, весьма соблюдающим свои выгоды и при кошачьей блудливости заячьи трусливым. И не обижайте уж так русскую публику: Шаляпин выше ее физическим ростом и талантом, но не душою [3].

Это я пишу Вам, конечно, тоже не для того, чтобы убеждать Вас, а для того, что есть вопросы, которые между людьми в таких хороших отношениях, как мы с Вами, должны быть выяснены до конца. Я думал, что достиг этого в прошлом письме, но из Вашего ответа вижу, что ошибся.

Относительно журнального обозрения — конечно, очень хорошо бы ввести. Но зачем только желательный оборот? Присядьте, да и введите. Либо присадите дельного человека, коли у Вас есть. А мы будем рады.

К нам входит Серошевский [4].

На книгу обращу внимание.

Добролюбовым у нас завален ноябрь [5].

До свиданья. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Извините, что второе письмо переписываю на машинке. Когда я волнуюсь, то рука пишет вместо букв черт знает что.

[1] Свои возражения Шаляпину на его п. М. Ф. Волькенштейну (А — Г, п. от 26 янв. 1911 г., прим. 2) Амфитеатров направил в редакции газет «Одесские новости» и «Биржевые ведомости» (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

[2] В интервью, напечатанном в «Le Matin», Шаляпин, судя по сообщениям русских газет, сказал, в частности, о том, что эпизод в Мариинском театре 6 января 1911 г. произошел «не по собственному импульсу, а что об этом его просили хористы, готовившиеся возбудить ходатайство об улучшении их участи» (Голос Москвы. 1911. № 36. 15/28 февр.).

Позднее, 1 февраля 1912 г., Шаляпин писал Горькому: «...ведь я, если и оправдывался, так довольно-таки пошло, написав письмо в „Matin“» (*Шаляпин*. Т. I. С. 343).

[3] Горький писал Е. П. Пешковой 5 октября: «И ты — права, сказав, что перепиской я ничего не добьюсь от Амфитеатрова, так и вышло. Он — столь свирепо радикальничает в своих письмах, что мне даже неловко было читать их, очень уж „молодо“, „прямолинейно“ и — напоказ. В нем, к сожалению, весьма развит этот „наклон души“ — действовать напоказ (...) Лично он — А. В.— все-таки, конечно, по-прежнему нравится мне, и мое к нему отношение инцидент не изменил...» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 123).

[4] Вацлав *Серошевский* (писал под псевдонимом Вацлав Сирко) (1858—1945) — польский писатель, этнограф, печатался также на русском языке.

[5] См.: А—Г, п. от 10 октября 1911 г., прим. 5.

239. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 4 октября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Сообщите, пожалуйста, отчество Ф. Волховского — очень нужно! [1]

Всего лучшего!

А. Пешков

А денег-то мне Певин не выслал за 4-ю.[2] Нельзя ли? Сижу без оных.

Текст на иллюстрированной открытке: Siena. Oratorio di S. Bernardino. L'Angiolo annunziante.

Адрес рукою Горького:
S-r Amfiteatroff
Spezia, *Fezzano*
Villa Buriassi.

Датируется по почт. шт.

[1] 20 сентября 1911 г. Горький послал в Арвей (Швейцария) на имя Е. П. Пешковой «материал» для редактируемого Ф. В. Волховским журн. «За народ» (издавался в Париже) (*Арх. Г.* Т. IX. С. 122). Благодаря Горького за присланный им «ценный документ для характеристики теперешней солдатской жизни», Волховский сообщал, что напечатает его в журнале (Там же, с. 335). Горький спрашивал об отчестве Волховского, по-видимому, для того, чтобы ответить на полученное от него письмо.

[2] За рассказ «Жалобы» IV.

240. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.X.6

Дорогой Алексей Максимович.

Волховского зовут Феликс Вадимович.

Певину телеграфировал.

Он только вчера приехал в Питер из Ессентуков, а без него там, известно, степь безответная.

Очень просит Вас Бурцев, и к просьбе его усерднейше присоединяюсь я: 1) принять участие в газете, которую он-таки начинает и первый № которой выйдет 15-го октября, 2) дать в этот № несколько строк политико-лирического обращения к публике, которое могло бы пойти как воззвание от редакции; программу издания пишу я — без подписи. Как только сделаю, Вам пришлю. Бурцев просит так: «напишите, как если бы Вы сами собирались издавать газету». Нечего и говорить, что как моя программа, так и Ваше обращение, если согласитесь написать, не потерпят никаких редакционных изменений. В первых числах русского октября я еду в Париж, чтобы принять участие в организации этого дела. Оно обещает успех, потому что около редакции есть кружок опытных журналистов, а Бурцев раздобылся деньгами, достаточными, чтобы просуществовать (прижимисто, конечно) в течение года. Название проектируется «Будущее» [1] (в ответ «Былому»). Выходить будет покуда раз в неделю как полная газета и раз в виде дополнительного листка. Если явится приток средств, переведем дело в ежедневное. Не придет ли Вам в мысли название лучше «Будущего»? Меня что-то не осеняет. Помогите Бурчику именем и сотрудничеством — он, конечно, и сам Вам пишет, да и говорил с Вами в Париже, я только подкрепляю ходатайство. От себя лично могу прибавить, что я на это предприятие смотрю очень серьезно и жду от него многого и в организации его намерен принять участие энергическое. А, как Вам известно, я к газетному делу имею некоторый нюх и привычку и, если бы видел перевес шансов в сторону неудачи, не принял бы участия в «Будущем», как не принимал в «Общем деле» [2]. Работать покуда буду, конечно, бесплатно. Пожалуйста, дорогой А. М., помогите этому делу!

Приехал Миролюбов. Поселится в Нерви или Сестри. Здесь нет ему, по болезням его, удобного помещения [3].

Приехал Герм. Алекс. Он также в больших хлопотах по бурцевскому предприятию и также усиленно просит Вас о содействии и поддержке оному.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Еженедельная газета, издаваемая В. Л. Бурцевым в Париже с 22 октября 1911 г. по 4 января 1914 г., получила название «Будущее» («L'Avenir»). Материалы газеты печатались параллельно на русском и французском языках. В новой газете Бурцев продолжал начатое в газ. «Свободная Россия» и журн. «Былое» разоблачение секретных дел Департамента полиции. 3 ноября 1914 г. Петербургской судебной палатой был составлен «Обвинительный акт о сыне штабс-капитана Владимире Бурцеве», по которому Бурцев был привлечен к суду за издание газ. «Будущее». В акте говорилось: «Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого,

Бурцев, не признавая себя виновным, объяснил, что, „все, помещавшееся им в „Будущем", явилось критикою существующего в России строя"» (*ГИМ*, отд. письм. источн., ф. 31, ед. хр. 91, л. 81). В качестве обвинения было выдвинуто также то обстоятельство, что «...издаваемая Бурцевым в Париже газета „Будущее" продавалась в Париже открыто в киосках и у газетчиков, а кроме того, получила распространение и вне Парижа, а также в городах других государств, кроме Франции, в Болгарии и Сербии, причем пересылалась и в Россию» (Там же, л. 80 об.). Первый номер газ. «Будущее» привлек внимание В. И. Ленина. В ст. «О социал-демократической фракции II Думы» он сослался на материалы, разоблачающие провокационную деятельность охранки, которые приводились в этом номере газеты (*В. И. Ленин.* Т. 20. С. 382–383).

[2] О газ. «Общее дело» см. в сообщении Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...»

[3] Е. П. Пешковой Горький в конце сентября писал: «А Миролюбов все прихварывает, теперь переехал в Сестри Леванте» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 123). На Капри Миролюбов приехал 11 октября.

241. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 9 или 10 октября 1911 г.)

Дорогой мой Александр Валентинович!

«Будущее» — как заголовок газеты — и меня тоже не вдохновляет, нельзя ли окрестить иначе как-нибудь? «Накануне», «Рассвет», «Заря» — не знаю как!

Что-нибудь напишу и пошлю вам, это — на днях[1]. А пока: не пригодится ли сие письмо для первого № — а?

Происхождение его такое: каторжане александр⟨овского⟩ Централа прислали мне *сработанную ими* копию наручников в миниатюре — вещицу поистине очень изящную! Они там вообще занимаются художествами и — очень успешно.

Вы уж сами решите, стоит ли оглашать это письмо, пожалуйста, сами. И, разумеется, — в случае оглашения — не надо упоминать, какая тюрьма[2]. Они получили письмо и ответили мне весьма трогательно[3].

Кончил «Кожемякина» и — не удался мне он[4].

Очень бы надо повидаться с вами: не думаете ли вы поехать в Рим — до Парижа — и когда бы? Я собираюсь туда на пару дней поглядеть российскую живопись[5].

Отвечайте.

Жму руку, всего лучшего вам!

А. Пешков

Датируется по п. Лопатина Бурцеву от 11 октября 1911 г.: «А. В. получил сейчас от Горького письмо, которое и посылает Вам вместе с приложением». См. сообщение Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...»

[1] См.: Г—А, п. от 13 октября 1911 г., прим. 10.

[2] Горький выслал Амфитеатрову свое письмо «Каторжанам Александровской центральной тюрьмы», в котором писал: «Мне передан ваш подарок — наручники, вещица в малом виде — изящная, а в натуральном — подлая...» (*XXIX*, 190) Письмо было напечатано в газ. «Будущее» (1911, № 1, 22 окт.) под заглавием «Письмо каторжанам -ской Центральной тюрьмы».

[3] Горький направил «Письмо каторжанам...» иркутскому ссыльному М. Шефтелю, от которого и получил ранее «ручные кандалики», сделанные заключенными александровского каторжного Централа. Шефтель бежал из Иркутска в Париж и в п. Горькому от 25 сентября 1911 г. ст. ст. (в автографе ошибочно проставлен месяц — X вместо IX) рассказал о том, с какими трудностями ему удалось переслать каторжанам п. Горького.

«На Вашу дорогую весточку, — писал он, — в далекую Сибирь к товарищам Алекс⟨андровского⟩ каторжного Централа и ко мне — я с радостью отвечаю не из стен проклятых казематов, не из тайги холодной, а из Парижа ⟨...⟩ Ваше заказное письмо, адресованное на мое имя в Иркутск, было, как видно, по дороге перлюстрировано ⟨...⟩ И все-таки послание достигло цели, и сквозь толщу стен проклятых казематов оно пробралось! И обратную весточку я получил, это больше чем радостными были те минуты, когда Ваше послание они читали». Шефтель сообщал

далее, что «в Централе имеется теперь так называемая Художественная мастерская», в которой производятся «резьба по дереву, кости, работа акварелью на ими сработанных кожаных вещах и дереве. Открытки из бересты и на них акварелью из жизни каторги etc.» «Цель этого предприятия,— писал он,— конечно, приобретение денег для тов‹арищей›». Шефтель просил Горького помочь организации выставки этих вещей в Париже (*АГ*).

[4] 5 октября Горький сообщил Е. П. Пешковой: «Кончил 4-ю часть „Кожемякина“ — вышло, конечно, не то, чего хотелось. Следовало бы подождать печатать, но — нельзя: нужно же, чтоб выходили сборники „Знания...“» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 123).

[5] Речь идет о русском отделе Международной художественной выставки в Риме. 18 октября 1911 г. М. Ф. Андреева писала Т. В. Красковской и Н. А. Румянцеву о Горьком: «Может быть, на днях он съездит в Рим посмотреть русский отдел, хоть его и ругают, но нам и такой интересен» (*М. Ф. Андреева.* С. 211).

Александр Бенуа в ст. «Художественная жизнь» писал: «Менее торжественен был „триумф“ русского искусства на выставке в Риме, однако нужно тут отметить, что русский павильон, построенный по проекту В. А. Щуко, был одним из самых красивых, а многие в нем выставленные предметы принадлежали к лучшему изо всей выставки. Особенно художественными достоинствами отличался зал Серова и залы, посвященные произведениям художников „Мира искусства“, „Союза ‹русских художников›“, „Нового общества“. Как и следовало ожидать, успех русского отдела в Риме получил совершенно противоположный отзвук в русской художественной критике, почти целиком находящейся во власти у самых косных и безвкусных элементов» (Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. СПб.: изд. редакции газ. «Речь». ‹1912›. С. 459—460).

242. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.X.10

Дорогой Алексей Максимович.

Надо составлять проспект «Современника» на будущий год, чтобы включить его в ноябрьскую книжку [1]. Кроме того, Певин думает разослать его в большом количестве, как объявление.

Сообщите, пожалуйста, что́ Вы думаете дать нам в будущем году, хотя бы в первой лишь половине?

Всякое даяние благо и всяк дар совершен, но чрезвычайно хотелось бы получить от Вас большую вещь, способную занять книжки три, этак, значит, листов на 6, на 7. Поди, ведь, лежит что-нибудь этакое в полуотделанном-то виде? А материально — это и нам, и Вам будет выгодно.

Если большой вещи дать будет нельзя и Вы будете давать по-прежнему только мелкие рассказы, то нельзя ли будет их объявить общей серией, вроде «Жалоб», и, возможно, в большем количестве, этак хоть через месяц, если не каждый месяц?

Вообще — почему Вы не хотите иметь от «Совр.» правильных 5—6000 рублей в год — хоть убейте, не понимаю. Ведь для этого надо получить в каждый № только печатный с четвертью лист Вашего материала. А что хотите говорите, но правильное постоянное получение даже в среднем размере гораздо выгоднее кушевого даже в размерах больших. Тем более что с гонораром «Совр.» Вы сами свеликодушничали, слишком дешево взяли. Я прямо скажу, что журналу выгоднее платить Вам 500 р., как решено было раньше, но чаще получать на страницы свои Ваш материал.

Коцюбинский прислал «Сон» [2].

Грыземся с В‹иктором› С‹ергеевичем› из-за повести Шмелева [3]. Я нахожу, что именно потому, что талантливо, надо, чтобы автор еще поработал над вещью к совершенству ее, а он торопит печатать. Бедный В. С. заболел в Сестри. Ох, уж этот мне Давос! Вечная история: пока там — великолепно; выехал оттуда — вдвое хуже.

Серошевский дает в ноябрь очерк о Толстом [4].

Номер весь будет состоять (кроме романов, конечно) из статей, посвященных памяти Добролюбова и Толстого. В особенности наляжем на первого[5].

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Завтра пошлю Вам, что написал для бурцевской газеты.

[1] В кн. 11 «Современника» было помещено объявление о подписке на 1912 г. на «ежемесячный большой журнал литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни, издаваемый при ближайшем участии Александра Амфитеатрова». В объявлении сообщалось: «В 1912 г. (втором году издания) „Современник" будет выходить по той же программе, в том же направлении внепартийного передового органа, при значительно расширенном составе сотрудников».

[2] Амфитеатров пригласил М. М. Коцюбинского сотрудничать в «Современнике» еще в период организации журнала. Он писал ему 15 декабря 1910 г.: «А. М. Пешков рекомендовал мне обратиться к Вам с предложением поработать для начинаемого мною „Современника"...» (цит. по кн.: *Крутикова Н. Е.* В начале века: Горький и символисты. Киев, 1978. С. 250). Рассказ «Сон», полученный от Коцюбинского, был объявлен на 1912 г. в кн. 11 «Современника» за 1911 г. Напечатан в кн. 5 «Современника» за 1912 г.

[3] Как это видно из записной книжки В. С. Миролюбова, речь идет о рассказе И. С. Шмелева «Стена». Рассказ был прочитан им 15 сентября и оценен положительно. Горький же увидел в рассказе много недостатков (п. В. С. Миролюбову от 12 сент. 1911 г.— *XXIX*, 181—182). В «Современнике» рассказ не появлялся. Вошел в кн.: *Шмелев Ив.* Рассказы. М.: Книгоизд-во писателей, 1913. Т. IV.

[4] Очерк Серошевского о Л. Н. Толстом в «Современнике» напечатан не был. Толстому были посвящены «Очерки из истории русского патриотизма. II. Лев Толстой и Александрово воинство» Амфитеатрова и «Толстой о политической борьбе» Е. Е. Колосова.

[5] В ноябре 1911 г. исполнилось 50 лет со дня смерти Н. А. Добролюбова; отмечалась годовщина смерти Толстого. Кн. 11 «Современника» открывалась портретом Добролюбова. В ней напечатаны ст. «Дела и дни Н. А. Добролюбова» Е. Аничкова и В. Княжнина и «Социально-политические взгляды Н. А. Добролюбова» Ю. Стеклова. Кроме упомянутых статей, в кн. 11 «Современника» напечатаны рассказы «Новобранец Ильюшка» Д. Айзмана, «В полях» Г. Гребенщикова, повесть Клементины Блэк «Агитатор» (продолжение), роман Амфитеатрова «Закат старого века» (продолжение), роман Анни Виванти «Поглотители» (окончание), очерк А. Хирьякова «Три встречи», ст. Суханова «Неурожай и его спутники», Мих. Павловича «Великая китайская революция», Евг. Чирикова «Заметки провинциала».

243. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.X.13

Дорогой Алексей Максимович.

Переслал Бурцеву письмо Ваше[1], а Вам посылаю то вступление, которое я для него сделал[2]. В экземпляре, Вам посылаемом, нет нескольких абзацев, касавшихся Финляндии, еврейского и славянского вопросов. Я их вставил потом. Рабочего вопроса я совсем не касался, рассчитывая на Вас. Напишите, право! Внесите в начало дела свое сильное лирическое слово. Авось, сладим.

В «Кожемякине» очень много хорошего. Не знаю, чего Вы ворчите. Быть может, к выигрышу вещи можно было бы убавить и сжать резонерскую часть, вообще повести события более быстрым темпом, но это — единственное, что приходит в голову как возражение непосредственно после прочтения. А это возражение парализуется соображением, что, ведь, конца-то не знаем[3], так что, может быть, именно такой ход и необходим и для автора, и для читателя, чтобы хорошо и сильно подошел роман к станции назначения.

Прочитал «Живой труп» и целый день ходил злее чёрта. Этих Чертковых, Александр Львовн, Немировича и Станиславского просто пороть надо[4]. Ведь это же срам, что такое. Можно ли было начинать посмертного Толстого с такой мелодраматической ерунды, да еще окружать ее столь безобразною рекламною шумихою?[5] Ведь совершенно же ясно,

что пьеса совсем не написана, что это — неудавшийся набросок, который Толстой никогда не пустил бы в публику... Язык-то! язык! «Я восхищаюсь пред тобою», «кроме здесь»... И в какое это время происходит? Сейчас — современность (пародия на суд‹ебное› следствие), сейчас — сороковые годы (цыгане и Маша)... Очень нехорошо.

Шмелевский «Человек из ресторана» длинен, но, в большинстве страниц, хорош, и очень иногда хорош [6].

Очень и мне хотелось бы Вас повидать и о многих планах, прожектах и обстоятельствах поговорить. Если не задержит меня получение денег до невозможности ехать в Париж иначе, как стремглавно, то с удовольствием приехал бы в Рим. Напишите, когда Вы точно там можете быть и где остановитесь. Рекомендую Hôtel Pincio.

В октябрьской книжке начинаю «Очерки по истории русского патриотизма (1812 год)» и первый очерк, называемый «Наполеон — Пугачев», посвящаю разъяснению, как в 1812 году дворянство, с Ростопчиным и в. кн. Екатериною Павловною во главе, воевали против русского народа за крепостное право [7]. Проработал я над 1812 годом почти весь 1911 год и думаю, что приготовил несколько таранов господам лже-Романовым неприятных [8], а для сознания русского читателя небесполезных. Ах, если бы я был уверен, что проживу еще 25 лет! Чего-чего только еще наработать возможно. А то уже часто отрекаешься от будущего плана по размышлению: у меня нет шансов дожить до возможности за него приняться.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] П. «Каторжанам Александровской центральной тюрьмы».

[2] Имеется в виду редакционная ст. «Наша программа», которая открывала первый номер газ. «Будущее» (22 окт. 1911 г.). В ней была определена основная задача газеты — «посильно бороться со всеми пережитками самодержавия в действующем строе»; в качестве политического лозунга момента выдвигался «пересмотр положения о Государственной думе и отмена избирательного закона 3-го июня». Газ. «Будущее» характеризовалась в этой статье как «орган вполне беспартийный», ставящий своей целью «не объединение оппозиционных и революционных партий», не установление «между ними глубоко и широко идущего блока», а сближение их «на почве единой общей практической задачи...» Ленин резко критически оценил эту программу в ст. «О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы» (*В. И. Ленин.* Т. 21. С. 15).

[3] Амфитеатров имеет в виду ч. III повести «Матвей Кожемякин» (XXXVI *сб.* «*Знания*» вышел в свет 16/29 сент. 1911 г.).

[4] Пьеса «Живой труп» была опубликована впервые в газ. «Русское слово» 23 сентября/6 октября 1911 г. и в тот же день вышла отдельным изданием: *Толстой Л. Н.* Живой труп: Драма в 6-ти действиях и 12-ти картинах / Под ред. В. Г. Черткова. М.: изд. А. Л. Толстой, 1912.

«Живой труп» был предоставлен А. Л. Толстой в распоряжение Московского Художественного театра (Театр и искусство. 1911 № 3. 16/29 янв.). Постановку пьесы в МХТе осуществили К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко (премьера — 23 сент./6 окт. 1911 г.). Станиславский играл в спектакле князя Абрезкова.

[5] Пьеса и спектакль Московского Художественного театра были встречены с большим интересом. На следующий день после опубликования пьесы газ. «Речь» сообщала: «Вчера вышла из печати (изд. А. Л. Толстой) и поступила в продажу драма Л. Н. Толстого „Живой труп". Книга появилась сразу в трех изданиях: в 60, 25 и 10 коп.— и с утра покупалась нарасхват у уличных продавцов. С сегодняшнего дня пьеса становится общим достоянием, перепечатка ее и постановка на сцене разрешается безвозмездно» (1911, № 262, 24 сент./7 окт.). В газетах сообщалось также о выходе на экраны фильма «Живой труп» (Утро России. 1911. № 218. 23 сент./6 окт.).

«Что-то большое и величественное,— писал Н. Л. Геккер (Н. Г.) в „Одесских новостях",— пришло в литературу. Пришло и заняло в ней подобающее место, вытеснив не то что излишнее и ненужное, а скорее всего, временное, чем питаются и удовлетворяются по нужде и за недостатком лучшего» (1911, № 123, 28 сент./11 окт.). «Мораль Толстого,— писал И. Игнатов,— которая, м. б., станет действительным приобретением человечества через много, много поколений, здесь воспринята не разумом, она как бы вошла в физический организм Протасова, сделалась

его составной частью и превратила Федю в „гражданина будущих поколений...“» (Русские ведомости. 1911. № 218. 24 сент./7 окт.).

[6] «Человек из ресторана» И. С. Шмелева был напечатан в XXXVI *сб. «Знания»*.

[7] «Очерки из истории русского патриотизма (1812). I. Наполеон — Пугачев» (Современник. 1911. Кн. 10); II. «Лев Толстой и Александрово воинство» (Современник. 1911. Кн. 11). В первом очерке «Наполеон — Пугачев» Амфитеатров, обращаясь к мемуарным свидетельствам и историческим документам, утверждает, что московским генерал-губернатором Ф. В. Ростопчиным и его вдохновительницей вел. кн. Екатериной Павловной руководила в борьбе с Наполеоном не патриотическая идея, а боязнь «пугачевщины извне», т. е. освобождения крестьян от крепостного права, которое «совершалось уже самым занятием русской территории французскими войсками» (Современник. 1911. Кн. 10. С. 171).

[8] См.: Г—А, п. от января, не ранее 30, 1912 г., прим. 6.

244. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 13 октября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Я мог бы дать на 912-й повесть в 6, 7 листов[1], но при условии: по 500 р. за лист, и пусть Певин теперь же даст мне 1000 р. Поверьте — очень неловко писать о таких вещах в таком тоне да к тому же — вам, но — дела мои столь плохи, что и сказать трудно[2].

Засим: 22-го октября в Москве «в торжественном по случаю столетия существования заседании О-ва любителей росс‹ийс›кой словесности» — ух ты! — будут вероятно, прочитаны мои воспоминания о Каронине[3] — это около печатного листа; если хотите — я пришлю вам рукопись, м. б. годится для «Современника». Вы скажете мне об этом — т. е. годится или нет — вполне откровенно. Не подойдет ли к ноябрьской книге?[4]

Журнальное обозрение — необходимо, я — конечно — не годен на это амплуа и предложением вашим удивлен, весьма[5]. Но — скоро сюда приедет А. Тихонов, и я обязательно попробую с ним — не выйдет ли чего? А если с ним не выйдет — другого найду.

Хорошо бы первую книжку 12 г. снабдить обзорами 11-го — обзорами всех сторон русской жизни.

Так, например, обзор торгово-промышленной деятельности мог бы написать Цыперович, это знающий дело парень, возьмите его статьи «Синдикаты», «Сахар», «Чугунный голод»[6].

Обзор «течений общественной мысли» сделал бы Базаров, Павлович — иностранную политику России[7], а «жизнь деревни» — И. Гордеев, это какое-то новое и очень живое перо в «Рус‹ском› богатстве»[8].

Литературный обзор — вы, если не найдется нового кого-либо. Базарова вообще следовало бы привлечь к журналу, это человек серьезный, за что и зачислен в еретики правоверными с.-д.[9]

Для Бурцева пишу, пришлю вам[10].

Как бы это повидаться с вами? Не длинное лежит меж нами расстояние, а вот поди же!

Досадно.

Желаю всего доброго

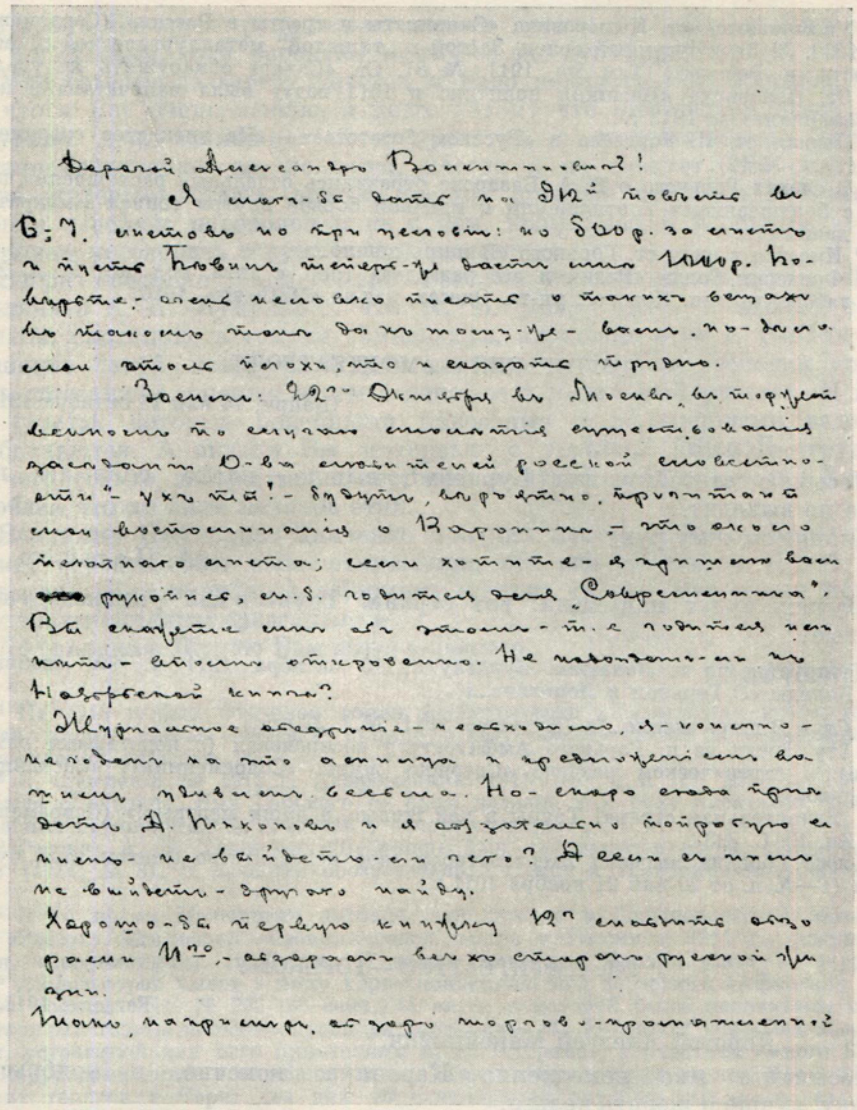
А. Пешков

Хотите испытать большое наслаждение?

Прочитайте книжку Содди «Радий», издание «Mathesis»[11].

Датируется по ответному п. Амфитеатрова от 15 октября 1911 г.

[1] 5 октября 1911 г. Горький, сообщая Е. П. Пешковой о завершении работы над четвертой частью «Жизни Матвея Кожемякина», писал: «Сейчас же начну „Записки доктора Ряхина“ — вещь небольшая» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 124). Пятницкий предложил Горькому отдать «новую вещь в 6 листов» «Современному миру» (*Дн. Пятницкого*, запись от 28 сент./11 окт.). Но Горький предпочел «Современник». Повесть написана не была. Сохранились лишь ее черновые фрагменты. См.: *10*, 661—691.



ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА ГОРЬКОГО АМФИТЕАТРОВУ

Капри, 13 октября 1911 г.

Архив Горького, Москва

[2] Е. П. Пешковой Горький писал 14 октября 1911 г.: «С 912 г. надобно работать в журналах. „Знание" не кормит» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 124).

[3] Общество любителей российской словесности при Московском университете — одно из старейших литературных обществ (1811—1930). С просьбой откликнуться на юбилей Общества к Горькому обратился 11/24 сентября председатель Общества А. Е. Грузинский (ответное п. Горького от 20 сент./3 окт. см.: Вопр. лит. 1986. № 6. С. 158—159. Выдержки из писем Грузинского Горькому см.: *11*, 541—542).

Воспоминания Горького были прочитаны Грузинским 22 октября/4 ноября на вечернем заседании Общества. «Я лично был увлечен вещью,— писал Грузинский Горькому 24 октября/6 ноября 1911 г.,— и взялся ее читать сам, из внутренней потребности. Кажется, не напортил, по крайней мере, чувствовал, что публике передался основной тон» (*АГ*). На том же заседании читались произведения Бунина, Андреева, Чирикова, Боборыкина и др.

[4] Под названием «Писатель» воспоминания были напечатаны в журн. «Современник» (кн. 10), позднее получили название «Н. Е. Каронин-Петропавловский».

[5] Горький отвечает на п. Амфитеатрова от 23 сентября 1911 г.

[6] Упоминаются ст. Цыперовича «Синдикаты и тресты в России» (Современный мир. 1909. № 3), «Чугунный голод. Застой в „тяжелой" металлургической промышленности в России» (Там же. 1911. № 8). Ст. «Сахар» обнаружить не удалось.

[7] Ст. Павловича «Внешняя политика в 1911 году» была напечатана в кн. 1 «Современника» за 1912 г.

[8] Первая ст. И. Гордеева в «Русском богатстве» — «Из анекдотов современности» (1911, № 12).

[9] В словах Горького о В. А. Базарове отразились отдельные расхождения писателя с большевиками в отношении к идейной борьбе внутри социал-демократического движения.

[10] Имеется в виду ст. Горького «В ширь пошло...»

[11] Фредерик Содди «Радий и его разгадка» (пер. с англ. под ред. Д. Д. Хмырова, лаборанта имп. Новорос. ун-та. Одесса, изд-во «Mathesis», 1910).

245. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 14 или 15 октября 1911 г.⟩

Дорогой А. В.!

Посылаю статейку для Бурцева [1], вышло — плохо, понимаю, но — иначе не выходит.

Кланяюсь, жму руку

А. Пешков

Шутить будут над нами: вот страна! Трупы в ней — живые, души — мертвые! [2]

Датируется по п. Лопатина Бурцеву от 16 октября 1911 г. См. сообщение Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...»

[1] Ст. «„В ширь пошло..."» (Будущее. 1911. № 1. 22 окт.).

[2] Эту фразу из п. Горького Амфитеатров воспроизвел (с некоторыми изменениями) в сатирическом разделе «Сверчок» журн. «Современник»: «Восклицание М. Горького:

— Удивительная страна! Трупы в ней живые, а души мертвые!» (Современник. 1911. Кн. 10. С. 393).

Позже Горький выразил Амфитеатрову свое недовольство фактом этой публикации (Г—А, п. от 20 или 21 ноября 1911 г.)

246. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.X.15

Дорогой Алексей Максимович.

Посылайте мне немедленно Каронина: конечно, в ноябрьскую книжку, лучше и желать нельзя.

Повесть на 1912-й год пишите непременно. Вопрос об авансе я улажу в Париже. Если Певин будет кряхтеть и жаться, министерский вопрос из сего сделаю либо собственный роман [1] на полгода отложу, но 1) уверен, что кряхтеть и жаться он не будет, 2) что Ваша повесть окупит себя уже при подписке. Словом, я считаю это дело решенным, положитесь на меня и пишите. Мне же, для разговора с Певиным, дайте поскорее заглавие и приблизительное понятие о среде и сюжете. В проспект я помещу заглавие [2], конечно, только в том случае и тогда, когда приду с Певиным к соглашению об авансе.

Относительно А. Тихонова ничего не могу сказать. «Шебарша» его в «Совр⟨еменном⟩ мире» вещь очень ничтожная, но весьма вероятно, что беллетристика не его дело. А язык у него есть. Если к этому будут и мысли, то отчего же и не дебютировать ему в роли журнального обозревателя [3]. Заказа сделать не могу, а с пробою милости просим.

Цыперович к нам стучался, я ответил ему самым любезным письмом принципиального согласия, а дальнейшее передал «по департаменту» В. М. Чернову. Почему они до сих пор не спелись, не понимаю [4].

Против Базарова решительно ничего против не имею и буду очень рад его статьям, хотя, вероятно, приму за сие душ воркотни.

Мне самому до зарезу хочется и надо повидать Вас. Хочется, потому что я Вас очень люблю, а надо, потому что накопилась масса литературных дел, возможностей и проектов, о которых писать было бы длинно бесконечно, да, пожалуй, иногда и не следует, ибо одно дело слова, которые летают, другое письма, которые остаются... Очень уж многим я сейчас недоволен и не с кем, кроме Вас, о недовольствах сих по душам поговорить и пути из них наметить.

Вчера обозлило меня «Утро России» сплетнями какого-то Фомы Райляна о А. И. Куприне [5]. Что А. И. может быть и бывает совершенною скотиною, в том не сомневаюсь, но хорош этот г. Райлян — совершенно лакей, который, будучи допущен к пьяным господам «разделить компанию», спешит затем с доносом в моральный участок. И хороши газеты, которые подобными пакостями с лицемерными вздохами пробавляются. А видели Вы интервью с героями «Живого трупа»? [6] До чего только дойдем мы в жестокой печатной своей подлости... Хоть бы оглоблей что ли били нахалов этих...

Владимир Немирович-Данченко получил пост покойного Барышева [7]. Может сказать себе: ныне отпущаеши, ибо сие равняется 15 000 дохода в год... Как в оп‹ере› «Кармен» поется: «и еще вот малая прибавка к твоим скудным средствам...»

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] На 1912 г. был объявлен роман Амфитеатрова «Дрогнувшая ночь», являющийся второю частью «Заката старого века», напечатанного в «Современнике» (Современник. 1911. Кн. 11).

[2] В проспекте на 1912 г. (Современник. 1911. Кн. 11 и 12) повесть Горького не была объявлена. Имя Горького не было названо и в ряду писателей, чьи произведения предполагалось печатать в «Современнике».

[3] Рассказ А. Н. Тихонова «Шебарша» был напечатан в журн. «Современный мир» (1911, № 8). В качестве обозревателя Тихонов в «Современнике» не выступал.

[4] В то время Цыперович активно сотрудничал в большевистской легальной газ. «Звезда». Его обзор «Экономическая жизнь в России в 1911 г.» появился в журн. «Современник» (1912, кн. 1) после того, как Чернов ушел из журнала.

[5] Амфитеатров имеет в виду корреспонденцию под заглавием «Афинская ночь» (Утро России. 1911. № 222. 28 сент./11 окт.), в которой были напечатаны с комментариями газеты большие куски из «описания» Ф. Райляном «подобия афинской ночи, устроенной для него приятелями А. И. Куприна», с участием самого Куприна. Корреспонденцию завершали слова: «Так гибнут русские гении под аккомпанемент тапёров...» Через два дня, 30 сентября/13 октября 1911 г., в газ. «Утро России» (№ 224) появилось сообщение о том, что Куприн вызвал Райляна на дуэль, от которой Райлян отказался.

[6] В основу сюжета драмы «Живой труп» легло судебное дело супругов Е. П. и Н. С. Гимер, с которым Толстой ознакомился в 1897 г. Речь идет о корреспонденции, напечатанной в газ. «Утро России» (1911, № 221, 27 сент./10 окт.): «Живые герои „Живого трупа“. У Е. П. Гимер», в которой приводились слова «бывшей госпожи Гимер»: «Все это прошло, к чему все снова возобновлять? Не надо‹...› Видели же пьесу? В общем многое верно. Даже то, что нас выдал не муж, как об этом говорили...»

[7] Имеется в виду сообщение: «Место умершего члена комитета Общества драматических писателей и оперных композиторов И. И. Мясницкого (Барышева) занял В. И. Немирович-Данченко» (Утро России. 1911. № 215. 20 сент./3 окт.).

247. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. 17 октября 1911 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Сейчас не могу ехать в Рим [1], застигнут предложением вашим на самом интересном месте, интересном и опасном.

Посылаю рукопись [2], письмо на имя Лидин Петровны [3], письмо Ясинского Зиновию, присланное — почему-то — на мой адрес и на мое

А. И. КУПРИН
Шарж А. М. Любимова (Сигналы, 1906, вып. 4, с. 5)
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

имя[4] вместе с другим письмом, кое тоже сообщаю вам в копии[5]. Вот у меня и создался «инцидент».

Для «Совр.» думаю написать «Дневник никудышника», герой — «человек, который выдумал себя», и выдумка эта пожрала его. Много места посвящу описанию тех физических условий, среди коих слагается психика никудышников[6].

Намерение: приласкать человека; конечно,— дрянь ты, милый, но — согласен — жизнь твоя трудная! Однако — ты дрянь, голубчик!

Думаю, что напишу весело, так что, хотя будут слезы, но и смешному — простор.

После Парижа, значит, увидимся? Ой, как это хорошо будет!

Ну — с богом!

А насчет денег — не очень давите издателя-то!

Вы уж вон как: министерский кризис!

Китайцы-то, а? Ох скоро нас бить будут![7]

Всего хорошего вам!

Подарите мне Эйфелеву башню. Купите и подарите. Ее продадут дешево, она безобразней того, что сказано о ней Мопассаном[8]. А мне — годится. Поставлю ее тут и буду залезать от посетителей — на-ко возьми меня!

А. Пешков

Ф. Райлян — редактор-издатель журнала «Свободным художествам»[9], сам — художник и автор, кажется, всех академических скандалов, наиболее громких. Его имя связано также и с недавним самоубийством пейзажиста К. — забыл фамилию[10]. Что он написал о Куприне? Мне бы надо знать это.

Да, «Трупом» торгуют бойко. Вот-те и вегетарианцы.

Но — боже мой! — как мало — все-таки — уважается даже огромное имя, великая работа Толстого! И как тяжко читать глаголы Юшкевичей, Нилусов, Федоровых — снисходительные их глаголы![11] Воистину нехорошо!

А. П.

Датируется по содержанию (см. прим. 1) и сопоставлению с п. Амфитеатрова от 15 октября 1911 г. В п. от 23 ноября 1911 г. Амфитеатров сообщал Горькому, что получил это письмо «перед самою парижскою поездкою, следовательно, 5 недель тому назад».

[1] Горький отвечает на не дошедшую до нас телеграмму Амфитеатрова, о которой мы узнаем из п. Лопатина Е. Ю. Григорович от 17 октября 1911 г.: «Ал⟨ександр⟩ Вал⟨ентинович⟩ думает отправиться завтра с сыном в Рим дня на 2 или 3; а затем, захватив на обратном пути Ил. Вл., поехать с ними на недельку в Париж. Если это состоится (что узнается еще сегодня из ответной депеши

Горького), то между 18 и 28 октября я буду жить здесь в состоянии относительного одиночества...» (*ЦГАОР*, ф. 9104, оп. 1, ед. хр. 2, л. 4).

[2] Очерк «Писатель» («Н. Е. Каронин-Петропавловский»).

[3] Л. П. Пешкова.

[4] П. Ясинского З. А. Пешкову, не разыскано.

[5] В п. Горькому от 23 ноября 1911 г. Амфитеатров сообщал, что «никакой копии в письме не оказалось».

По-видимому, имелось в виду п. Ясинского Горькому от 27 сентября / 10 октября 1911 г., написанное по поводу отказа Горького сотрудничать в журн. «Новая жизнь» в связи с предстоящей в нем публикацией повести Ясинского «Болезнь Арланова». Ясинский просил разрешения напечатать письмо Горького в редакцию журнала, воспринятое им как «запрещение» печатать повесть (*АГ*). Отвечая Ясинскому 3/16 октября 1911 г., Горький писал: «Лично я — не имею ничего против опубликования письма, посланного мною редакции журнала „Новая жизнь“..

А против выражения Вашего: „Вы запретили печатать мою повесть“ — протестую. Запрещать я не имею права и не имел желания, я просто заявил редакции, что не считаю для себя удобным печататься в одном издании с Вами» (*XXIX*, 197).

Копию п. Ясинского Горький приложил также к своему п. П. А. Берлину, одному из редакторов журн. «Новая жизнь», в котором писал: «... и Вы, и г. Архипов, приглашая меня сотрудничать в „Новой жизни“, должны были предвидеть возможность приглашения г. Ясинского в сотрудники Вашего журнала» (Там же. С. 197).

[6] «Дневник никудышника» — одно из названий задуманной Горьким в это время повести.

О «никудышниках» Горький писал в ст. «Разрушение личности», имея в виду интеллигенцию 80-х годов: «„Радикалы“ превращались в „непротивленцев“, „культурники“ в „никудышников“,— и один из честнейших русских писателей, святой человек Николай Елпидифорович Петропавловский-Каронин говорил, конфузливо потирая руки:

— Чем им поможешь? Ничем не поможешь! Потому что как-то не жалко их, совсем не жалко?» (*XXIV*, 56).

В этой же статье Горький писал о том, что «рост „лишних“, „никудышных“, „никчемных“, „ненужных“ людей»— распространенное явление в России (Там же. С. 77).

[7] 10 октября 1911 г. в Китае захватом повстанцами г. Учана началось возглавленное Сунь Ятсеном революционное движение, получившее название Синьхайской революции, которое носило антифеодальный характер. Русские газеты систематически печатали сообщения о ходе событий в Китае. В большевистской легальной газ. «Звезда» была введена специальная рубрика «Революция в Китае», которая открывалась ст. В. Д. Бонч-Бруевича «Проснувшийся дракон» (Звезда. 1911. № 26. 23 окт. / 5 нояб.). Журн. «Современник» откликнулся на происходящее в Китае ст. Павловича «Великая китайская революция» (кн. 11), в которой анализировался социальный характер революции и освещалась деятельность ее вождя Сунь Ятсена. Основываясь на первых сообщениях о китайских событиях, Горький предполагал, по-видимому, еще бо́льшее, чем это было в начале года, обострение отношений между царским правительством и Китаем. На Шестой (пражской) всероссийской конференции РСДРП (состоялась 18—30 янв. 1912 г.) была принята специальная резолюция «О Китайской революции», в которой говорилось: «Конференция, ввиду кампании правительственных и либеральных („Речь“) газет, пропагандирующих — в интересах российских капиталистов — отторжение от Китая, пользуясь революционным движением в нем, пограничных с Россией областей,— констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае, и клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, с. 344). Свою солидарность с революционным движением в Китае Горький выразил в п. к Сунь Ятсену от 25 октября 1912 г. (*XXIX*, 275—276).

[8] Подразумеваются очерки «Бродячая жизнь», в которых Мопассан писал о том, что «бежал из Парижа и даже покинул Францию», так как не мог переносить Эйфелеву башню — «эту высоченную и тощую пирамиду железных лестниц, этот остов безобразного великана» (Полн. собр. посмертных произведений Гюи де Мопассана и соч. небеллетристические. Дополнительный тринадцатый том к изд Ф. И. Булгакова и Н. Н. Дунаева. СПб.: изд. Ф. И. Булгакова, 1907. Т. 13. С. 600, 601).

[9] «Свободным художествам. Ежемесячный иллюстрированный художественно-литературный и научный журнал». Издавался Ф. Р. Райляном в 1910—1913 гг.

[10] Имеется в виду К. Я. Крыжицкий, который покончил жизнь самоубийством

4/17 апреля 1911 г. Подразумевается ст. Ф. Райляна «Весенняя выставка в Академии художеств» (Против течения. 1911. № 20. 12/25 марта).

[11] Горький имеет в виду публикацию А. Ара в газ. «Одесские новости» (1911, № 8530, 28 сент./11 окт.), в которой приводятся высказывания о пьесе «Живой труп» С. С. Юшкевича: «Если бы меня спросили, представляет ли собой „Живой труп" шедевр,— я бы затруднился ответить. Произведение это ничем не замечательно...»; А. М. Федорова: «И пленяет не глубина замысла, не новизна и оригинальность характеров, а то обаяние, которое разлито где-то между строк. Несомненно, конечно, что Толстой имел основание быть недовольным этим произведением»; художника и писателя П. А. Нилуса: «И если вы меня спросите, есть ли это свойство пленять в „Живом трупе", я скажу: вероятно меньше, чем в других вещах».

248. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Париж. 26 или 27 октября 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Певин может в счет повести прислать Вам из Петербурга авансом сейчас 500 р. и в декабре 500 р.

О «Петропавловском» мы успеем — он говорит, поставит в октябрьскую книжку, что также, полагаю, Вам выгоднее, ибо ускорит получение гонорара.

Я выезжаю из Парижа сегодня или завтра. Пишите в Fezzano. Неделю я должен проработать над октябрьскою книжкою [1]. А затем хорошо было бы повидаться, ибо грядущий год обещает много интересного. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Письмо на бланке Hotel Richmond, Paris.

Датируется по содержанию и сопоставлению с п. Амфитеатрова Е. П. Пешковой из Парижа от 24 октября 1911 г., в котором он предлагал ей встретиться 25 октября 1911 г.: «...очень не хотелось бы уехать так, чтобы вас не повидать» (*АГ*).

[1] Кн. 10 «Современника» была отпечатана к 9 ноября 1911 г. (Г — А, п. от 14 нояб. 1911 г.)

249. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 29 или 30 октября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Если мне теперь же пришлют 500 аванса и гонорар за «Каронина», то в декабре 5-и сот уже не надобно, я обойдусь. Скажите это Певину.

В Рим, на свидание с вами, могу выехать тотчас же, как получу деньги, а раньше — не могу, не с чем.

Удручен и взбешен: московская газета «Живое слово» напечатала статью гнуснейшего тона «В защиту изгнанника» — предлагается о‹бщест›ву подать петицию на имя царя, дабы он меня «простил» и позволил мне возвратиться в Россию [1]. Провинциальная пресса перепечатывает эту пошлость.

Закатил письмо в редакцию газеты и — отдельно — лицам, хваливш им мне оное издание, сотрудничающим в нем и приглашавшим меня к сотрудничеству! [2] Если письмо не напечатают — напишу статью о литературных нравах современности по поводу этого инцидента, а также и столкновения с «Новой жизнью» из-за Ясинского.

Ну — времена!

А бурцевский «Авенир» [3] почему-то напомнил мне горбатовского цирульника Авенира Святухина — тот был тоже жидкокровный какой-то, головку держал набок и все, бывало, говорил вполголоса: «Если на этот предмет смотреть прямо, так без ошибки можно сказать».

Сходство разумею чисто номинальное и ничего сатирического не думаю при этом.

Очень огорчен историей Куприна — Райляна, боюсь, что еще не кончена она и что А〈лександр〉 И〈ванович〉[4] либо физиономию оному Райляну испортит, либо еще хуже придумает что-нибудь.

Между прочим: русские художники рассказывают, что из-за Райляна ушел Куинджи[5] и что Райлян же довел до самоубийства Крыжицкого.

Фигура! А издает журнал «Свободным художествам».

Ну, будьте здоровы!

Так известите Певина, чтоб прислал гонорар и 500, а больше — не нужно.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 1 ноября 1911 г.

[1] Горький имеет в виду ст. П. Ордынского «В защиту изгнанника» (Живое слово. 1911. № 31. 3/16 окт.). О том же шла речь и в «Заметках на полях» П. В. Мурашева, напечатанных там же.

[2] Письмо-протест Горького «Г〈осподину〉 редактору газеты „Живое слово“» было напечатано в газ. «Живое слово» (1911, № 34, 24 окт./6 нояб.) (*XXIX*, 191). Письмо было получено редактором газеты П. В. Мурашевым 13/26 октября 1911 г. (*АГ*). Горький имеет в виду также свое п. Львову-Рогачевскому около 10/23 октября 1911 г., в котором он писал: «Я послал Вам по питерскому адресу письмо, в котором высказано мое отношение к „Живому слову“. Так как я согласился сотрудничать в газете этой не вследствие приглашений г. Мурашева, а по силе Вашего и Бонча-Бруевича желания, я, мне кажется, имел право надеяться и ждать, что как Вы, так и В. Д. Бонч-Бруевич после статей в 32 №-е, не преминете выразить протест против них публично» (*XXIX*, 195). Это письмо Львов-Рогачевский переслал Бонч-Бруевичу 13/26 октября 1911 г. «Очень извиняюсь,— писал он,— что подвел Вас, я написал уже Алек〈сею〉 Макс〈имовичу〉, что вина падает всецело на меня. Посылаю Вам письмо Горького...». Здесь же Львов-Рогачевский писал о том, что на совещании в Москве «заявил редактору протест против статьи, поставившей Горького на одну доску с обывателями...» (*ГБЛ*, ф. 369, к. 297, ед. хр. 45, л. 1). Бонч-Бруевич отказался от сотрудничества в газете, наложив запрет на печатание присланной в газету статьи (п. П. В. Мурашева Бонч-Бруевичу от 21 окт./3 нояб. 1911 г.— *ГБЛ*. ф. 369, к. 305, ед. хр. 50, л. 1).

Несколько позже, в начале ноября 1911 г., Горький писал П. В. Мурашеву: «Право — я всей душою желаю Вам успеха в Ваших попытках создать хорошую демократическую газету и очень огорчен тем, что не могу работать с Вами. Если бы Вы знали, какой дождь писем ко мне вызвали статьи „Жив〈ого〉 слова“ и как меня язвят черносотенцы,— ага, милости запросил! 〈...〉 А „инцидент“ сочтем оконченным и не станем больше возвращаться к нему, памятуя, что дело заключено не в личных обидах, а в общественном значении фактов» (*XXIX*, 202, 204).

[3] Имеется в виду первый номер газ. «Будущее» («L'Avenir»).

[4] А. И. Куприн.

[5] Незадолго до смерти художника А. И. Куинджи (11/24 июля 1910 г.) Райлян выступил со статьей, содержавшей оскорбительные выпады против него, за что и был осужден третейским судом.

250. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.XI.1

Дорогой Алексей Максимович.

Возвратился я из Парижа со множеством неприятностей, о которых даже и писать неприятно и которые весьма мало сглаживаются немногими и частичными приятностями, за сие время полученными.

Певин встретил очень любезно меня и более чем нелюбезно редакционный мой отчет, на который он ответил мне отчетом конторским. Из последнего же следствует, что во втором своем полугодии, т. е. при коллективной редакции, «Современник» стал быстро терять спрос и в ноябре мы оказываемся отброшенными назад к апрелю, то есть, как выразился Певин, мы имеем только ту подписку и тот тираж, который

сделали Вы и я своим участием. Дальнейшее шло естественным приростом до мая и июня, в июле зловеще застряло на точке замерзания, что могло быть объяснено конфискацией предшествующей книжки [1], а в августе спрос пошел на убыль (на минутку взбодрен был интерес чириковской конфискацией) [2], и в сентябре и в октябре «Совр.» очутился лицом к лицу с тою публикою, с которою начинал, и вдобавок недовольною и ропщущею. Главные жалобы — против завала журнала эс-эрскими теоретическими статьями [3] и плохою мелкою беллетристикою, которою снабжал «Совр.» В. С. Миролюбов. Певин объехал за лето всю почти Россию, следил за книжками «Совр.» по магазинам и библиотекам. Разрезывают Вас, меня, Чирикова, *политический* фельетон Чернова, переводной роман — и кончено: остальное не тронуто; настолько скептически относится публика к объявленным статьям. Многие из них настолько враждебно принимаются публикою, что, например, печатать Колосова Певин отказался наотрез и лучше предложил уплатить ему следуемый гонорар без напечатания новой статьи о Михайловском.

Я уже давно предчувствовал все это по слухам и намекам, и это было одною из главных причин, по которой мне так хотелось увидаться с Вами ранее моего отъезда в Париж, и очень сожалею, что не пришлось. Сейчас сбываю с рук Х-ю книжку, значит опять некогда, а между тем необходимо. Но, признаюсь, мои предчувствия не заходили так далеко и я не ожидал, чтобы дело обстояло так нехорошо. Когда я упрекнул Певина, зачем он держал меня в заблуждении, он хладнокровно ответил мне:

— Да что же было волновать вас до времени и отбивать от работы? Все равно ведь я этого дела не брошу, а вот — свиделись и давайте говорить, как быть.

Дефицит наш к концу года будет равняться 35 тысячам рублей. Певина это, к моему удивлению, не смущает: на новый год он составил бюджет в 90 000 р., да сверх того 17 000 р. ассигнует в ноябре, декабре и январе на широчайшую рекламу. Доход, по его расчету, «Совр.» может дать только в 1913-м году, к концу его. 1912-й он кладет в убыток 20 тысяч.

Я, конечно, высказал ему все неудовольствия, накопившиеся по поводу типографских недочетов, корректуры, неаккуратностей петербургской редакции и конторы, дурной экспедиции и пр. Часть он признал и дал слово исправить, а часть изъяснил — надо отдать ему справедливость — весьма обстоятельно и не к своему ущербу.

А затем и сам выразил претензии ко мне, что журнал строится скучно и неинтересно для широкой публики, что я даю меньше материала, чем привыкли меня читать, что я уступил в другие руки публицистический фельетон и вообще не редактирую журнала с тою самостоятельностью, на которую он рассчитывал, помятуя мое уменье и опыт. В особенности отрицательно относился он к критическим статьям Чернова и редакторству Миролюбова. В последнем случае, к сожалению, мне возразить было нечего: миролюбовское хозяйство в беллетристическом отделе было, действительно, из рук вон плохо. Что касается Чернова, то его критическая неумелость — конечно — лишь результат новости для него этого дела, если он поработает на этом поприще, то, при его больших способностях и цепком уме, быстро и хорошо выпишется. Во всяком разе Певин настаивал, чтобы я снова взял редакцию всецело в свои руки, ибо иначе он в журнал не верит. Назначить В. С. Миролюбову жалованье он категорически отказался, что поставило меня в очень щекотливое и затруднительное положение, так как — Вам известно — до сих пор В. С. получал мое редакторское жалованье и сия прореха в бюджете, за истекшие шесть месяцев, была мне весьма чувствительна.

Как бы то ни было, возвращался я из Парижа весьма растрепанный в чувствах своих, обдумывая, как бы смягчить и уладить все эти неурядицы, неприятные вдвое, потому что ставят в острые отношения к людям, которых люблю и уважаю, а сверх того и страшно несвоевременные. В конце концов я решил покуда молчать и делать дело как было, лишь фактически борясь против исключительности материала, которым мы заваливаемся,— объясниться с Черновым, который как человек умный и все-таки журналист, конечно, меня понял бы, а Миролюбова тянуть, пока силы-мочи хватит, in status quo * как члена редакции бесполезного и даже тяжеловатого, но терпимого за хорошесть человека и старые симпатии. Поэтому, когда приехал вчера ко мне неожиданный Миролюбов, я не сказал ему ничего покуда. Мне очень хотелось ранее повидаться и посоветоваться с Вами. Но так как он расспрашивал меня о парижских делах и разговорах, то о недовольстве Певина и публики журналом вообще, беллетристическим отделом в особенности, конечно, я не мог умолчать. На сегодня у нас должен был быть разговор о рукописях, хотя я и просил его отложить, так как безумно занят окончанием книжки. К разговору он привел и Чернова и, по сдаче рукописей, заявил, что из журнала уходит. Признаюсь с искренностью, что эта неожиданная декларация, хотя и была несколько обухом по лбу, но причинила мне великое облегчение, так как сразу рассекла тяжелый и мудреный узел, который я видел пред собою и который я — решительно не знал, как развязать. Как твердо и быстро был сделан отказ, точно так же и принят. Последнего, по-видимому, Чернов не ожидал, потому что начал, было, уговаривать Миролюбова — не разрушать редакционного коллектива. Я на это сказал, что об этом слове, т. е. редакционном коллективе, нам надо говорить особо, так как ухудшившиеся во всех отношениях условия журнала заставляют меня сосредоточить редакцию в своих руках и, покуда не наладятся денежные дела «Совр.», вести его лично, предоставив заведующим отделами голос только совещательный. Если на меня ложится вся моральная ответственность за успех журнала, то я должен взять на себя и фактическую. Мог бы я прибавить ко всему этому, что коллектив, о котором говорит Чернов, с первого же месяца обратился в фикцию, что одного своего соредактора я не видал месяцами, а другого многими неделями, что помощи в редакционной работе я никакой не имел, а работы, вследствие новых переписок и двойного чтения рукописей, у меня выросло вдвое, ибо, кроме собственных рукописей, пришлось еще снова перечитывать тот материал, который поступал от Миролюбова, принимавшего и отвергавшего рукописи крайне капризно, и т. д. Но, зная, что́ сказать — это значило бы отягчить разрыв ссорою, я воздержался от мотивировки. Чернов заявил тогда, что он вступал в «Совр.» и дорожит им, лишь поскольку он видит в журнале орган, которому он, Чернов, может придать определенное течение и определенный характер, за выдержку которого он, Чернов, ручается. Не могу сказать, чтобы сей вотум недоверия было приятно выслушать, но — опять-таки к лучшему: разъяснило положение, объяснило и комментировало парижские слухи, которыми мне там прожужжали уши разные человеки[4] и которые настолько распространены, что даже до Певина дошли в одной конторе объявлений и порядком-таки его обидели. Чернову я ответил, что в направлении и выдержке журнала он сомневаться оснований не имеет и что сотрудничество его как политического писателя для «Совр.» гораздо важнее его редакторства и всегда желательно, а в редакции я могу предложить ему постоянную роль заведующего отделом с совещательным голосом: следовало точнее сказать — с правом решения, но не без-

* существующее положение (*лат.*).

апелляционного,— но весь разговор был так короток и быстр, что я не успел сообразить этой формы. В сущности же, это — то, что фактически установилось с первых же дней журнала, так как редакционных собраний было у нас 2½, да и те только даром время взяли, пустопорожние, а затем Миролюбов уехал в Давос, Чернов засел на вилле, и мы почти никогда не видались, а лишь пересылались рукописями, которые, в окончательной редакции, отсылались мною в набор. В другое время Чернов, вероятно, признал бы, что порядок, о котором я говорю, резонный и естественный. Но тут он заявил, что не согласен на такое положение, что сотрудничество он может найти в другом журнале (не сомневаюсь, хотя вряд ли он где-либо получит столько свободы, как в «Совр.»), что, следовательно, он желает или редакторских прав во всей полноте или уйти. Мне оставалось только заявить, что как ни печален для меня будет его уход, но безусловного редакторства, после полугодового опыта, я ни ему, ни другому кому дать не могу: это должно быть сосредоточено в одних руках, с фикцией коллектива тут ничего не поделаешь. Заведование же отделом и сотрудничество ad libitum * — к его услугам, хотя бы в самых широких размерах, равно как и с В. С. мы могли бы сойтись на таких условиях, чтобы он был мне полезным помощником по чтению рукописей, как в самом начале нашей с Вами переписки о нем мы и предполагали. На это он возразил, что я ошибаюсь, что, напротив, он выговаривал себе редакторские права даже особым письмом, на которое я изъявил согласие [5]. Я отвечал, что нисколько не ошибаюсь и не только не отрицаю своего согласия, но я даже свидетельствую, что — более того — сам предложил ему редакторскую работу, сам же тем расширив значительно рамки первоначально предполагавшегося предложения, о котором мы списывались с Вами. Но опыт шести месяцев показал, что расширение оказалось неудачным, что в соредакторы мы не годимся, и, значит, я буду весьма рад и благодарен, если В. С. окажет мне и журналу пользу в том размере, как предполагал я раньше, но иначе — не могу. На том, значит, мы и расстались. Октябрьская книжка выйдет — как было, под настоящею или уже, может быть, прошлою редакцией. Я предложил и вполне согласен сохранить порядок существующий до конца года. Угодно — тем лучше; не захотят — дело от того не замедлится ни на минуту.

Очень досадна мне вся эта история — особенно из-за Чернова, которого я успел полюбить как хороший талант и в будущем многообещающего журналиста. Очень может быть, что во многом и я не прав или полуправ (формально, наверное, очень во многом), но Вы знаете — журнальное дело для меня жизнь, и в нем я движусь не только умом, но и инстинктом. Я взялся и должен поставить «Совр.» на ноги и сделать его общим русским журналом — и сделаю, сколько бы личных жертв ни пришлось для того принести.

Приятными встречами в Париже оказались Павлович и, в особенности Циперович: очень сведущ и умен. Заказал им обоим обзоры годовые. А как же Вы решили относительно пробы А. Н. Тихонова в журнальных обозревателях? [6]

Был у меня вчера Ашешов, больной [7]. Я его мало знаю, но, кажется, талантлив. Почему-то он не возбуждает во мне большого доверия, и я с ним был менее откровенен, чем обыкновенно.

Если бы Ваша повесть [8] могла начаться с января, то я бы отсрочил с великим наслаждением начало своего романа [9] на март, а покуда налег бы на фельетон. Напишите, ради всех каприйских мурен!

Купил повесть у Куприна. Называется «Желтый монастырь» [10].

---

* свободное (*лат.*).

Жду рукописи и трепещу. Шолом-Алейхем даст интересный роман «Блуждающие звезды» [11]. Поль Адан прислал большой роман [12], торгуемся. В провинциальный отдел заманил Пришвина [13]. У Венгерова укупил добролюбовские бумаги [14]. Вообще, натворил делов многих.

С 26 ноября/9 дек. при «Современнике» будет издаваться еженедельная газета большущего формата [15]. Первые 8 №№ будут печататься в количестве 100 000 экз. и рассылаться бесплатно. А там — на год — 2 рубля.

Ввиду всех сих огромных событий и предприятий свидание с Вами потребно, как воздух. Если поедете в Рим, сообщите телеграммой: приеду.

Вот день и ушел... Глава романа не кончена, книжка журнала замедлилась... Ах, ты, беда-бедушка!

До свиданья. Желаю Вам всего хорошего. М. Ф. привет.

Ваш А. А.

Для Вас одного

То есть, конечно, и все письмо — для Вас одного, но этот кусочек в особенности.

Перечитывая письмо, заметил, что не написал, какие слухи поразили неприятно очень меня в Париже. Знакомые выражали почти удивление, что я еще связан с «Совр.». Усиленно распространялось и внедрялось в умы уверение, что «Совр.» отобран от меня в руки эс-эров, которые-де внесли за то по одним известиям десять, по другим 25 тысяч, а по третьим просто «громадные деньги». Это доходило до меня и раньше, а — что вожделение к отобранию было, хорошо обнаружил визит в Fezzano весьма неловкого партийного ревизора в лице Н. И. Ракитникова [16], которого я к совещанию о журнале, конечно, не допустил... Но до Парижа я все это считал наивными благоглупостями, в Париже же встретился с сплетней этой и самым неприятным образом, и с самым неприятным ее отражением. Со мною вели двойную игру... Я до этого не охотник.

Из-за этого дела не успел написать Вам о газете Бурцева [17]. На месте убедился еще раз, это благодарнейшее дело, в благодарнейшее время, на благодарнейшей почве, но у Бурцева ничего не выйдет. Жаль, что даром потратит достаточный капитал. Не годится он для газеты: *сам* не годится. Первый № был плох, второй еще хуже. Одними провокаторами не проживешь, а идейной программы у него нет. Болтает что-то смутное, по соседству с левым кадетством. Моей бойкотистской и террористической позиции он не хочет — ну, его дело. Если набежит что написать, чего в России напечатать нельзя,— для такого случайного сотрудничества все-таки чистенький, хотя и неумный приют. Но в ближайшее участие к журналу и в организацию его, как были разговоры и я очень сам стремился, скучая по газетной работе, не войду, да и не ко двору я там: на гастроли пожалуйте, а в будни будем работать сами.

[1] О конфискации кн. 6 «Современника» см.: А—Г, п. от 16 июля 1911 г., прим. 4.

[2] Кн. 8 «Современника» конфискована не была. На редактора был наложен штраф в 500 рублей за публикацию «Заметок провинциала» Чирикова.

[3] Речь идет о статьях Чернова, Колосова, Н. И. Ракитникова и др.

[4] См. приписку Амфитеатрова «Для Вас одного».

[5] Миролюбов писал Чернову 18 мая 1911 г.: «Скажите А. В., что я люблю с самого начала определенность в деле и потому выставляю свои условия. Лично к нему они не относятся. Кто бы ни был на его месте, мои условия были бы все те же. Дело — делом, и в деле с самого начала должна быть определенность, вытекающая из обязанностей, тогда и отношения сохранятся. Иначе с самого начала начнутся недоразумения, недовольство и прочая канитель. Правами, вытекающими из обязанностей, можно пользоваться сдержанно, но права должны быть

определены и установлены» (письмо было перлюстрировано; его копия сохранилась в жандармском деле об А. М. Пешкове — *АГ*).

Позже, 2 декабря 1911 г., Миролюбов писал Рубакину: «Ушел я потому, что не выполнены были условия, на которых я вошел в дело в смысле полномочий редактирования отдела» (*ГБЛ*, ф. 358, к. 254, ед. хр. 31).

[6] А. Н. Тихонов был привлечен к сотрудничеству в «Современнике» в 1912 г.

[7] В п. к Е. П. Пешковой от 14/27 декабря 1911 г. Горький весьма неодобрительно упомянул: «А Николай Ашешов — приглашен Амфитеатровым в „Современник". Скандал!» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 130).

[8] «Дневник никудышника».

[9] Речь идет о романе Амфитеатрова «Дрогнувшая ночь», являющемся продолжением романа «Закат старого века». Напечатан с посвящением: «Памяти хорошего человека Саввы Тимофеевича Морозова...» (Современник. 1912. Кн. 9, 10, 11).

[10] Повесть Куприна «Желтый монастырь» (неосуществленный замысел) была объявлена на 1912 г. как «большая повесть, освещающая нравы монашества подмосковных обителей» (Современник. 1911. Кн. 11). О работе над повестью есть ряд упоминаний в переписке Куприна 1912—1916 гг. См.: *Куприн А. И.* Забытые и несобранные произведения. Пенза, 1950. С. 310.

[11] Роман Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды» печатался в «Современнике» (1912, кн. 1—12).

[12] Роман Поля Адана «Стефания» печатался в «Современнике» (1912, кн. 1—6).

[13] Пришвин в «Современнике» в 1912 г. не печатался.

[14] О каких добролюбовских бумагах идет речь, установить не удалось.

[15] Речь идет об общественно-политической, экономической и литературной газ. «Голос современника», издававшейся в 1911—1912 гг.

В объявлении о подписке на газету (Современник. 1911. Кн. 12) был дан список участников: Амфитеатров, Айзман, Водовозов, Гусев-Оренбургский, Коялович, Овсянико-Куликовский, Тэффи, Чердынцев, Чириков и др.

[16] Николай Иванович *Ракитников* (Максимов) (род. 1884—?) — эсер, журналист, печатался в «Сыне отечества», «Наших днях», «Деле народа», «Голосе», «Мысли», «Возрожденной России» и других изданиях.

[17] Речь идет о первых двух номерах газ. «Будущее», где почти все статьи были посвящены разоблачению деятельности Охранного отделения, создавшего сеть провокаторства. В ст. «К ответу за Азефа» (№ 1) Бурцев писал об осведомленности правительства в лице его главных представителей в истинном характере деятельности Азефа, которую оно упорно не хотело разоблачать, Бурцев сообщал: «Я обращался с письмами лично к Николаю II-му, к вдове Сергея (убитого великого князя.— *Ред.*) — Елизавете Федоровне, и к Конст⟨антину⟩ Константиновичу, к Михаилу Николаевичу и др. членам царской фамилии⟨...⟩ Я указывал на то, что Б⟨оевая⟩ о⟨рганизация⟩, когда Азеф был ее главарем, предприняла три покушения на Николая II-го, неудавшиеся, помимо воли Азефа ⟨...⟩ Они получили мои письма, читали их ⟨...⟩ и молчали. Я обратился лично к Столыпину, Щегловитову и тому подобным лицам. *Они* тоже промолчали ⟨...⟩ Я обращался, и не раз, к „публицистам", как князь Мещерский, как А. С. Суворин,— и они молчали ⟨...⟩ *Они* тоже боялись прикоснуться к священной особе Азефа ⟨...⟩ Мне надо было для истории покрепче пригвоздить к скамье подсудимых всех укрывателей Азефа и сделать все так, чтобы они потом не могли оправдываться неведением».

В первых двух номерах были также напечатаны ст.: «О Болеславе Бродском», «Полицейский чиновник, сбывавший фальшивые деньги», «Охранник Селезнев», «„Приемы" Трусевича» — о вербовке в охранку путем запугивания, «„Приемы" Кулябко-Корецкого» (руководителя киевского Охранного отделения), «О заграничной агентуре», «Охрана и охранная политика» и др.

В ст. «Бурцев», включившей три выступления Амфитеатрова о деятельности Бурцева («Зубатовщина», «Курьезное возражение», «Дядя Враль»), Амфитеатров, положительно оценивая публикации Бурцева, защищал его от нападок печати (На всякий звук. СПб.: изд-во «Энергия», ⟨1913⟩).

251. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Ноябрь, не ранее 4, не позднее 7, 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Очень я огорчен неожиданным вашим письмом.

Нисколько не умаляя моего к вам уважения, я, по совести, должен сказать, что единоличное руководительство литературно-политическим журналом не считаю работой посильной для вас, и уверен, что вы с нею не справитесь. Мое убеждение подтверждают первые книжки «Современника», а особенно его неуместные манифесты.

Лично я в журнале с единоличным руководителем — кто б он ни был — не стану сотрудничать. И я принужден просить вас: снимите мое имя из объявлений о подписке и сообщите издателю, чтоб он — уплатив мне за «Каронина», если эта статья пойдет в октябре,— аванса не посылал.

И позвольте мне, А. В., посетовать вам: пренебрежно относитесь вы ко мне, «ближайшее участие» в журнале принимающему сотруднику.

До свидания и желаю всего хорошего!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 1 и 9 ноября 1911 г.

252. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

‹Феццано› 1911.XI.9

Дорогой Алексей Максимович.

Когда из четырех в обществе трое оказываются недовольны одним, то уйти из общества надо этому одному, а не тем трем. Поэтому я отстраняюсь от «Совр.» и подаю в отставку. Начатое дело мне очень дорого, много дороже каких либо счетов самолюбия. Если Вы считаете, что оно может процвести только в руках коллектива (в чем и я не сомневаюсь, при условии, что коллектив будет действительным и действенным, а не номинальным), то я готов, когда угодно, сдать «Совр.» в руки группы, которую Вы составите, хотя бы и той же, что была, и даже готов быть посредником между нею и издателем, чтобы уладить вопрос в материальном отношении. Сам я в этой группе возможной, конечно, принять участия не могу, ибо с откровенностью скажу: в возможности коллективного управления журналом из четырех разных мест [1] разуверился совершенно и предпочел бы этому хаосу какие угодно непосильные труды, потому что большого и более неблагодарного труда, чем при фиктивном коллективе, человек достать себе уже не может.

Вот все, что я могу предложить и сделать по существу дела. Получив Ваш ответ, поступлю сообразно ему.

Теперь два слова на Ваши упреки.

Что касается «неуместных манифестов», о которых Вы пишете, то из них на себя я мог бы принять полную ответственность только за первый, в январской книжке, который был составлен мною, при участии и некоторых указаниях Герм. Ал. Но этот манифест был необходим как вступление к журналу. Второй манифест, разосланный в проспекте полугодовой подписки, целиком написан Черновым. Третий, помещенный в июльской книжке, 1) остался в ней только потому, что мы пришли к соглашению не печатать его слишком поздно и письмо мое с отменою застало книжку уже готовою, 2) он представляет собою краткое извлечение из большой статьи Чернова. Мне в ней принадлежат, да и то не полностью, только 30 начальных строк. Так что, видите ли, один из факторов, слагающих Ваше неблагоприятное для меня убеждение, обязан происхождением своим отнюдь не мне, но коллективу. Свидетельствую это с тем большею легкостью, что сам я не отношусь к манифестам так отрицательно, как Вы, и видел на опыте, что они принесли журналу некоторую пользу, были широко перепечатываемы и, за исключением правой прессы и небольшой кучки подворотных врагов, злобствующих, что бы мы ни сделали, были приветствуемы.

О первых книжках журнала — не грех ли Вам говорить? Ведь Вы же знаете, что мне приходилось делать их хуже, чем из ничего, при совершенном отсутствии сотрудников, при необходимости заполнять столько дыр и нехваток, что и подумать теперь жутко. Я в письмах после каждой книжки плакался Вам на невозможные условия, в кото-

рых она выходила, и не мне защищать то полугодие. И, при всем том, они, эти первые книжки, собрали тот капитал, который доказал жизнеспособность «Совр.» и которым живет второе полугодие, пошедшее в убыток.

Строк о «пренебрежном отношении» к Вам как ближайшему сотруднику журнала, извините меня, я просто не понял — с какой бы стороны ни подойти к ним в догадках, все недоумевать приходится. Вы и Ваше участие в журналах всегда были на первом плане всех моих редакторских забот. За это время, с апреля по октябрь, мы с Вами обменялись не менее чем двумя десятками писем. Не думаю, чтобы хоть одна, сколько-нибудь яркая и значительная черта в жизни «Совр.» осталась в них без освещения с моей стороны, хотя очень часто я недоумевал, надо ли это делать, потому что Ваши письма редко проявляли интерес к ходу журнала и иногда молчали о нем так выразительно, что я уже думал, приятен ли он Вам. Все желания, которые Вы выражали, исполнялись немедленно, как только к тому представлялась возможность. Достаточно Вам было заметить, что хорошо было бы иметь такого-то сотрудника,— я его приглашал. Словом, поскольку Ваши интересы соприкасались с «Совр.», я всегда стоял на их страже и ставил их в первую очередь. И, признаюсь, Ваш упрек в мнимой небрежности отношения к Вам — единственное место в письме Вашем, которое меня обидело. Потому что, может быть, я и бываю иногда небрежен к людям, но не к Вам, не к Вам, Ал. М. У меня мало друзей, и я не напрашиваюсь на дружбы, но когда я кого полюблю, то крепко. Вы для меня и были, и остаетесь одним из немногих, истинно дорогих мне, близко чувствуемых людей. Наши хорошие отношения такая большая радость моей жизни, что когда я замечаю в них хрупкость и трещины, то становлюсь сам не свой от опасений... А Вы говорите о небрежности.

Ну, вот и всё. Буду ждать Вашего немедленного, по возможности, ответа, а затем поступлю по Вашим указаниям. Повторяю Вам: вопрос о деле, в данном случае, серьезнее самолюбия, и если Вы находите, что для устройства «Совр.» другие люди нужнее меня, то я отойду, а Вы с другими останьтесь и ведите дело каким хотите коллективом. Я же как всю жизнь работал в одиночку, так и теперь найду себе какую-нибудь одинокую тропку, которую буду пробивать, как умею.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Привет М. Ф.

Ваш Ал. А.

В дате Амфитеатрова — 1911.IX.9 — месяц обозначен ошибочно, следует читать — 1911, 9 ноября. Дата уточнена по письмам Амфитеатрова от 1 и 14 ноября 1911 г.

[1] Амфитеатров неоднократно писал о трудностях ведения журнала, когда члены редколлегии жили в разных местах. В конце 1911 г. Миролюбов, болевший туберкулезом, жил в Давосе (Швейцария), Чернов — в Сестри (Италия), Водовозов — в Петербурге.

253. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 11 или 12 ноября 1911 г.)

Александр Валентинович, дорогой мой!

Я, конечно, решительнейшим образом отказываюсь «составлять группу и брать „Совр." в свои руки», ибо к такому делу совершенно не считаю себя способным.

Начало вашего второго письма, включительно до фразы «Вот все, что я могу предложить», я сообщу в копии Чернову, и это все, что считаю нужным сделать в данном случае[1]. Чернов здесь был, но разумеется, я не говорил с ним по поводу первого вашего письма[2].

Дорогой А. В. — позвольте мне выяснить мою точку зрения на эти вещи и дела: в не меньшей мере, чем и вы, я тоже всегда стоял одиноко, несмотря на то, что входил во всяческие «окружения» и что впредь от этого не откажусь, предоставляя всем, кому это нравится, смотреть на меня как на человека, руководимого с.-деками, с.-эрами и прочими — скажем — «могущественными силами русской истории». По моему глубокому убеждению, необходимо работать коллективно и поступаясь личными интересами: мы люди из страны, где преобладающим населением являются анархисты и нигилисты и где только дружная, упорная, коллективная работа способна возбудить дух социальной солидарности, необходимый нам.

Вы — думаете иначе, как это явствует из вашего первого письма, где вы подробно доказываете необходимость для журнала единовластия.

Собственно говоря: второе письмо ваше явилось для меня неожиданным, и, на мой взгляд, оно стоит в прямом противоречии с первым, ну, да это уже неважно теперь.

Я очень подавлен этим развалом, и вредным, и несвоевременным; мне казалось, что журнал налаживается, последние книжки становились интересны, заслужили лестные отзывы.

До свидания, жму руку, желаю всего доброго.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова Горькому от 9 и 14 ноября 1911 г.

[1] Т. е. начало п. Амфитеатрова от 9 ноября 1911 г. См. также: Г—Ч, п. 6.
[2] П. Амфитеатрова от 1 ноября 1911 г.

254. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.XI.14

Дорогой Алексей Максимович.

Очень рад был я Вашему второму письму, хотя конечный результат его и очень огорчителен. По крайней мере, теперь я чувствую, что между нами нет личного разрыва, о котором заставил меня думать характер и тон Вашего первого письма [1]. А это для меня дороже всего.

Не знаю, почему Вы находите два мои письма противоположными одно другому, и оно для меня совсем не так неважно, хотя бы даже и «теперь». Оба мои письма и вызваны одною идеей, и проводят один и тот же принцип: фактический коллектив — дело прекрасное и желательное паче всего; фиктивный ни к чёрту не годится — разрушает напрасно капитал, ложится бременем на плечи наиболее способных и трудолюбивых работников, тормозит и ослабляет производство. У нас фактического коллектива не вышло, а получился фиктивный из фиктивных. Причин тому много. Исчислять их было бы все равно, что жаловаться. Этого я не хочу. Поэтому укажу лишь одну, но основную, которую называл и в первых письмах: нашу разнотерриториальность и отсутствие живого общения. Вот — для того, чтобы обменяться с Вами, живущим на Капри, сравнительно близко, письмами espresso *, надо пять дней: мое письмо пошло к Вам в *четверг*, а на Ваше я отвечаю немедленно, только что получив его, во *вторник*. Какое же коллективное решение вопросов в таком деле, как ежемесячный журнал, возможно, если для ответов нужно меняться письмами не с одним Капри, но и с Давосом, Сестри и Петербургом? Естественно, что единоличное влияние поползет в такой коллектив непременно, хотя бы и при всем добром желании соблюдать коллективную конституцию, как, смею сказать, старался соблюдать ее Ваш покорнейший слуга. Кто больше

* спешной почтой (*ит.*).

заинтересован в деле, кто больше его любит, кто больше других в нем работает, тот и, естественно, его централизует, в конце концов, на себе. В данном случае, такою центральною фигурою оказываюсь, хорош ли, худ ли, я. Положение это совсем меня не пленяет: оно ничего не дает мне, кроме безумной сверхсильной работы и журавлей в небе, ради которых разогнаны и забвенны все «синицы в руки». Когда весною выяснилась возможность коллектива, я искренно ей обрадовался и пошел навстречу. Но коллектив вышел аппликe[2*]. Не касаясь опять-таки причин к тому, повторяю с чего начал: к октябрю журнал оказался и материально, и морально в своей апрельской позиции, а я — под бременем всей ответственности за него и труда, который, вместо того чтобы облегчиться, стал двойным, тройным. Остальное — спор о словах, а не о деле.

И я не начинал этого спора о словах и не начал бы, но когда со мною начали, то я сделал то, что, по моему глубокому убеждению, и должен был сделать: указал на совершенную фиктивность нашего коллектива. Может быть, это было неполитично. Верю. И это — правда. А я стар, чтобы в жмурки играть.

Ответом на нее, т. е. высказанную правду положения, является если не разрушение журнала, то вполне определенный, сознательный и обдуманный шаг к тому. Разговор ровно в 15 минут, от 11¾ до 12, в котором ровно никто ничего не мог выяснить и мотивировать, обращается, так сказать, в coup d'état[3*]. Что же мне тут прикажете делать? Вы когда-то написали один из моих любимых афоризмов: «кто работает, тот и хозяин»[2]. В хозяева я отнюдь не стремлюсь, хотя и заинтересован в «Совр.» материально. Но я полагаю, что когда труд облекается в такую ответственность, как моя, то эта ответственность должна сопрягаться и с известными решающими правами. Только об этом и речь, только в том и дело. Остальное — игра слов. Если заведующий отделом режет ухо, а редактор отдела его ласкает — сделай, душа моя, одолжение! хоть императором отдела буду тебя звать! От слова не станется — и вот именно тут-то и несчастие, что от слова не станется. Ибо дело журнала создается работою и именами, а не словами.

Когда я получил Ваше письмо с отказом, я решил так:

— Значит, я не сумел наладить дело коллектива, не сумел, хотя оно Ал. Макс. кажется возможным и необходимым. Так как я не верю, что, в данных условиях, коллектив может быть действительным и действенным, то я должен отойти в сторону и предоставить действовать тому, кто верит.

Вы не хотите взяться за организацию такого дееспособного коллектива и говорите, что к тому не способны. Что же мне теперь делать с журналом?

Прекратить его? Слишком некрасиво пред издателем, усадившим в него весь свой трудовой капитал.

Продолжать его «единолично»? Это значит прибавить к ужасу работы, под которою я задыхаюсь, еще лютую вражду всевозможных «могущественных сил русской истории», как Вы выражаетесь. А мне, знаете, в жизни моей пришлось уже съесть столько зависти, ненависти, оскорблений и клевет, что, право, сыт по горло, довольно.

Передать его тому или иному коллективу без Вашего участия? Для этого пришлось бы составить новый капитал, так как если в деле не окажется ни Вас, ни меня, то переобуваться из сапогов в лапти старый издатель, конечно, не согласится.

[2*] составленный из кусков (*фр.*).
[3*] государственный переворот (*фр.*).

Вы счастливее меня на отзывы о последних книжках «Совр.» Я, кроме очень резких замечаний, ничего не получал, а то, что сообщил мне Певин, привело меня в совершенное смущение, потому что, как я Вам уже писал, я это хотя предчувствовал, но в такой мере не ожидал. Затем — что значат наши профессиональные отзывы для хода журнального дела? Важно, растет ли потребность публики в данном журнале или падает. Как я уже писал Вам, она покатилась под гору, что и было причиною просьб ко мне Певина нажать педаль личного производства и управления. Помните разговор М. К. Куприной с Милюковым — может быть, и анекдотический, но выразительный: — П⟨авел⟩ Н⟨иколаевич⟩! У нас всего 200 подписчиков остается. — Да! Но каких подписчиков: самые интеллигентные люди России!..[3] Это, может быть, и гордо — с собственным миллионом за спиною, но без него — вышла юмористика. То же и в данном случае «Совр.». Для того чтобы вести во славу коллектива борьбу с анархизмом и нигилизмом русской натуры, о которой Вы говорите, нужна фактическая платформа прежде всего. Я упорно строил ее целый год. Когда я ее выстроил и, видя ее недостатки, хочу ее сберечь и выправить, мне ее разрушают в 15 минут... Как хотите, а это не дело, и никаких коллективных интересов тут не достигается, а вечный русский тормоз личных досад и самолюбивых претензий — в полном ходу.

Невозможно писать вместо писем целые тетради, а переговорить лично с Вами я не могу — в особенности сейчас, когда на голову мою свалилось еще все не доделанное Черновым, ибо не выпустить очередной книжки и тем убить начинающуюся подписку я почел бы профессиональною низостью. Но я глубоко уверен, что, если бы мы с Вами виделись ранее и если бы Вы знали все, с чем приходилось мне считаться в работе, Вы не написали бы так легко и быстро Вашего отказного письма. Пишу я не для того, чтобы убедить Вас взять его обратно, хотя, разумеется, большей радости я не мог бы и ожидать — я знаю, что эти вещи не так-то просты. Но необходимо мне выяснить пред Вами то, что Вам кажется мнимо противоречивым в двух моих письмах и что, в конце концов, сводится всецело к одному: в первом письме я говорил о неудачном конкретном опыте, который — это суть второго письма — совсем не отрицает возможности нового опыта, удачного на почве того же, всецело признаваемого мною, коллективного принципа.

Я думаю, что, в том ли, в другом ли виде, завоеванная платформа не должна быть утеряна и «Совр.» следует сохранить. Сколько бы промахов и недостатков он ни сделал, но это первый толстый ежемесячник, который мог основаться после десятилетнего перерыва[4], — вспомните только, как много было опытов сорганизоваться с капиталами и без капиталов! И все вотще. Он нашел себе и особую аудиторию, и, при самых неблагоприятных условиях, начал укрепляться на ногах. Я глубоко верю в будущность этого журнала — разумеется, если не бить его по ногам вместо того, чтобы поддержать, когда он спотыкается. Зачеркивать возможность уже осуществленную, в то время как возможности вообще стали так редки в России, и, из-за некоторого несогласия в словах, губить полезный факт — что хотите, представляется мне тактикою не весьма целесообразною и благоразумною. Как бы то ни было, машина заведена и идет. Передать ее в случайные петербургские руки — не только огромная потеря силы, но и риск сдачи выгоднейшей позиции тем самым силам, с которыми мы только что сражались. Потому что наш лагерь почти весь за границей либо в тюрьмах и Сибири, и обеспечить «Совр.» в Петербурге гарантией революционного коллектива невозможно.

Ноябрьская книжка «Совр.» выйдет не раньше 30/13 ноября. Следовательно, снять с нее Ваше ли, мое ли, оба ли наши имена остается

времени еще много, а распоряжение, чтобы обложка и первый лист не печатались до моей телеграммы, я уже дал. Для октября я, конечно, не мог этого сделать, так как отказное письмо Ваше получилось, как Вы знаете, 9 ноября — 27 октября, когда вся книга была отпечатана (да в ней же и Ваша статья), кроме последних двух листов. Поэтому, раз уж суждено разразиться над «Совр.» моральному удару, то очень прошу Вас — подумайте еще раз, в какой форме он должен быть нанесен. Загубить дело — одна минута, воскресить же его будет невозможно. Я, с своей стороны, полагаю, что наилучшим и единственным, собственно говоря, спасительным исходом является тот, который я предлагал Вам в предыдущем письме. Но, раз Вы не хотите, надо поискать каких-либо иных комбинаций, в которых журнал бы не погиб и все мы, прикосновенные к нему, расстались, если уж зачем-то надо расставаться, с чувством хоть малого удовлетворения в сознании, что сделали все, что могли.

Желаю Вам всего хорошего. До свидания.

Ваш А. А.

P. S. — вечером. Сейчас у меня был Чернов и сообщил мне, что Вы и он начинаете с января новый журнал [5]. Это, конечно, особая статья. Если дело состоится, то желаю Вам полного успеха. Я с Черновым ни о чем не говорил, бывшем в нашей переписке, потому что он произвел на меня впечатление человека, пришедшего к мирному расставанию уже с готовым решением и планом. Рукописи от него получил. Как о сотруднике весьма сожалею.

Ваш А. А.

[1] П. Горького от ноября, не ранее 4, не позднее 7, 1911 г.

[2] Амфитеатров имеет в виду слова Нила в пьесе Горького «Мещане»: «хозяин тот, кто трудится». Между тем в ст. о «Мещанах» Амфитеатров критически отозвался о пьесе, а образ Нила оценил как «слишком сухую, головную прямолинейность» (*Амфитеатров*. Т. 22. С. 164).

[3] М. К. Куприна-Иорданская — издательница журн. «Мир божий», позже «Современный мир».

[4] По всей вероятности, Амфитеатров имеет в виду литературный, научный и политический журн. «Жизнь», издававшийся в Петербурге в 1897—1901 гг., с конца 1898 выходил под руководством В. А. Поссе. Наряду с произведениями К. Маркса и Ленина в журнале печатались статьи М. И. Туган-Барановского, П. Б. Струве и др.

Горький сплотил вокруг журнала группу писателей-демократов, в которую входили: Бунин, Гусев-Оренбургский, Андреев, Н. Гарин-Михайловский, А. Серафимович, Скиталец, Чехов, Чириков, Н. Тимковский, И. Франко, Коцюбинский, О. Кобылянская и др.

Революционная деятельность Горького и ряда других участников привела к закрытию журнала в июне 1901 г. Ненадолго журнал возродился в Лондоне и Женеве в 1902 г.

[5] Чернов заехал в Феццано по дороге в Париж, куда направлялся в связи с организацией нового журнала. Проектируемый журнал позже получил название «Заветы». См.: Г—Ч, Г—Ив-Р.

255. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 16 ноября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Личные мои отношения к вам остаются в том же порядке, как были, но имя мое с журнала снимите тихо, очень прошу.

Будет ли с января новый журнал — это гадательно, буду ли я сотрудничать в нем — это требует многих соображений, ибо за истекшие дни кое-что изменилось [1].

Посылаю вам рассказ [2] — не подойдет ли? Парень, кажется, обещающий. В случае, если и не годится,— возвратите рукопись скорее.

Желаю всего лучшего.

А. Пешков

Читали о русско-японском договоре по поводу Манчжурии?[3] Вот каша!

Приехал Бунин[4].

Датируется по п. Амфитеатрова от 14 и 18 ноября 1911 г.

[1] См.: Г — Ив.-Р., п. 2.
[2] О каком рассказе идет речь, установить не удалось.
[3] Имеется в виду японо-русское секретное соглашение о разделе сфер влияния и взаимной защите интересов в Маньчжурии, по которому Россия сохраняла контроль над северной частью Маньчжурии, Япония — над южной. Соглашение было направлено против США и Англии.
[4] Бунин приехал на Капри 16 ноября 1911 г.

256. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 16 или 17 ноября 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Вот человек, которого мне рекомендовали как способного вести литературно-критическое обозрение журналов. Он из провинциальных работников, я, лично, не знаю его[1].

Певин прислал мне аванс в 500 р. — могу я возвратить эти деньги вам, чтоб не пересылать их в Петербург?

Желаю всего доброго.

А. Пешков

Датируется по ответному п. Амфитеатрова от 18 ноября 1911 г. Письмо передано Амфитеатрову Недригайловым.

[1] Речь идет о Недригайлове.

257. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано⟩. 1911.XI.18

Дорогой Алексей Максимович.

В печалях моих был сегодня, наконец, рассмешен.

Снять Вас с журнала тихо, это все равно что требовать:

— Выдерните из-под курьерского поезда рельсы так, чтобы поезд не слетел с насыпи и никто не слыхал.

Правда, был у нас в Fezzano такой инцидент:

— Володя! куда мама побежала?

— Дети орут.

— Отчего же не слышно?

— Они тихо орут.

Но боюсь, что искусство «тихо орать» к Вашему уходу из «Совр.» неприложимо. Шум будет, и самый, конечно, неприятный и оскорбительный для нас шум. Но что же с Вами делать? Насильно мил не будешь. Решили нас истратить — Ваше дело, тратьте.

Рассказа еще не получил.

Был у меня Недригайлов. Предложил ему «закрытый дебют» — больше из разговора не могло ничего воспоследовать: он еще совсем новичок. Отнесусь со всем благожелательством.

Относительно аванса. Если уж Вы непременно решили так остро отмежеваться от «Совр.», то, конечно, можете переслать его мне. Но — зачем Вы это делаете — так, извините, и не понимаю. Тем более что вчера читал Вашу сказку в «Киевской мысли»[1], органе гораздо более *единоличной* редакции, чем был, есть и когда-либо может быть «Современник».

Как прикажете снять Ваше имя? Из ближайшего сотрудничества или сотрудничества вообще? Первому исключению я еще могу найти объяснения, но относительно второго могу только вопиять:

— За что?

Ваше имя объявляется в сотрудниче́ских списках многих журналов, никогда не имевших с Вами иной связи, кроме материальной. Неужели Вы хотите отнять у «Совр.» то право, которого не лишены ни Иона Кугель, ни Архипов-Бенштейн [2], ни Хейфец?! Тогда, повторяю, я ни на чем не настаиваю, но уже не только могу, но и имею право вопиять:

— За что?!

До свидания, дорогой мой Ал. Макс.! Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Речь идет о IX сказке из «Сказок об Италии» напечатанной в газ. «Киевская мысль» (1911, № 301, 31 окт. / 13 нояб.).

[2] Николай Архипович *Архипов* (Бенштейн) (1880—1942) вместе с П. А. Берлиным редактировал ежемесячный журн. «Новая жизнь» и литературно-общественно-политический «Журнал для всех», издававшийся Поссе в Петербурге с 1908 по 1916 г.

258. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 20 или 21 ноября 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович.

Редакция «Киев‹ской› мысли» — коллективная!

Вы знаете, что фактически я у Кугеля не сотрудничал, а что́ издает Хейфец — не знаю.

Вы знаете также, что из «Новой жизни» и «Нового журнала для всех» — я ушел, об этом я Вам писал. Таким образом, эти Ваши указания отпадают.

Вопрос «за что» — не должен иметь место в данном деле, может быть вопрос — «почему»?

На этот вопрос я уже дал Вам объяснения.

В X-ой книге «Совр.» напечатана моя фраза из частного письма к Вам [1], в IX-ой книге вычеркнута заключительная фраза IV-ой «Жалобы» [2] — это, конечно, мелочи, но — чем я гарантирован, что не дождусь более крупных нарушений моего права печатать то, что я хотел бы видеть напечатанным, и не печатать того, что для печати мною не предназначалось?

Мое «ближайшее» сотрудничество смущало меня с первого объявления о нем, и Вы, конечно, помните, что я протестовал против громогласного заявления об этом. Я не согласен с Вашим мнением о том, что уход мой из журнала вызовет шум, если я не заявляю об этом в газетах [3].

Гаяз Исхаков прислал перевод своей повести «Дневник Шакирда» [4] — очень интересная вещь, если хотите ознакомиться — я вышлю рукопись.

Будьте здоровы, не сердитесь на меня.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 18 и 23 ноября 1911 г.

[1] См.: Г—А, п. от 14 или 15 октября 1911 г.

[2] При публикации в «Современнике» в тексте рассказа «Жалоба» IV были опущены слова: «Что вы делаете с людьми, будь вы прокляты? Опомнитесь!»

[3] Первоначально Горький предполагал выступить вместе с Черновым и Миролюбовым с открытым заявлением в печати в выходе из «Современника». Но вскоре изменил это решение. См.: Г—Ч, п. 7.

[4] Горький просил Исхакова прислать перевод его повести «Дневник Шакирда» в феврале — начале марта 1911 г.

Получив рукопись, Горький сообщил Гаязу Исхакову 30 ноября 1911 г., что «Дневник Шакирда» передан в редакцию журн. «Современник» (*АГ*). Повесть в «Современнике» напечатана не была, по-видимому в связи с арестом и высылкой Исхакова. См.: *ЛЖТ*. Вып. 2. С. 187, 233; *МИ*. Т. III. С. 80.

259. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано). 1911.XI.23

Дорогой Алексей Максимович.

Решительно ничего не отпадает.

Редакция «Киевской мысли» не коллективная, никогда ею не была, да вряд ли и будет. Хозяин литературной части — и полный, без него же ничто же бысть, еже бысть — Иона Рафаилович Кугель. Сотрудниче́ский коллектив имеет значение чисто совещательное, причем два-три сотрудника играют роль бóльшую, чем другие, как всегда бывает в редакциях, в которых редактор сам не литератор. Но и только. Дела эти позвольте мне несколько знать, потому что с Лубковскими-то, капитализирующими эту газету, я свой человек, и достаточно Марья Мечиславовна излагала мне и устно, и письменно разные их редакционные неурядицы [1]. Приходилось даже кое за что вмешиваться. Об Александре Кугеле я совершенно позабыл — имел в виду вышеупомянутого Иону.

Хейфец редактор «Одесских новостей», куда Вы в прошлом году посылали свой рассказ [2]. Знаю потому, что Хейфец запрашивал меня, не мало ли он заплатил.

О «Новой жизни» и «Нов⟨ом⟩ ж⟨урнале⟩ для всех» Вы мне писали, но это нисколько не воспрепятствовало Бенштейну продержать Вас на объявлениях в течение всего подписного года.

Заключительную фразу IV-й «Жалобы» струсил почему-то подписать Быков, бывший в то время в маразме от дикого страха, под влиянием 500 р. штрафа за VIII книгу и предстоящих тюремных уз за VI, арест которой утвержден. Певина эта штука привела в такое негодование, что он хотел, было, уже «выставить» Быкова, а меня просил объяснить Вам, в чем дело, что я и сделал бы при свидании, которое между нами предполагалось. Но поездка в Париж и дальнейшие происшествия, навалившие на меня дьявольскую работу, выдернули у меня это из головы, за что и извиняюсь весьма.

«Фраза из частного письма» напечатана не как Ваше произведение, а как Ваше восклицание — это не от Вас, а о Вас. Она Вас решительно ни к чему не обязывает, совершенно невинна, а остроумна. Зачем же уступать остроумное крылатое слово, которое завтра же может полететь и сесть в другое место? В серьезных случаях, когда на Вас надо было сослаться (напр., в родионовском фельетоне) [3], я спрашивал Вашего разрешения. Но в данном случае дело шло о такой мелочи, что, грешный человек, никак я не думал, чтобы на сей почве мог возникнуть «инцидент». Тем более что фраза, повторяю, не Вами подписана, а Вам приписана, и Вы за нее не ответственны. Мало ли что Вам приписывается в русской печати!

Протесты Ваши против объявления ближайшего сотрудничества помню, но — без Вашего ближайшего сотрудничества — я не мог бы согласиться на ближайшее сотрудничество Миролюбова и Чернова, ибо тщетно вывешивать брелоки, если не можешь показать часов.

Ну, и шабаш, значит. Решили Вы изобидеть «Совр.» и лишить меня своей поддержки едва ли не в самую трудную минуту издания, Ваше дело. Что, уходя из «Совр.», поступаете напрасно и вредите делу, в котором Вас любили и высоко ценили, это, я полагаю, Вы сами знаете. Распоряжения Ваши исполнены, проспект послан без Вашего имени. Но если Вы, хорошо взвесив положение, передумаете, то, конечно, счастливее меня не будет журналиста в России.

Татарина, конечно, присылайте, почитаю.

Что же сердиться? Сердцем тут не поможешь, а огорчения много — чтобы легко это было, не скажу, а как-нибудь и когда-нибудь перева-

рить надо, ибо жизнь и дело не ждут, а хороших чувств у меня к Вам запас большой.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А.

Кстати, о предпотопном. Перед самою парижскою поездкою, следовательно 5 недель тому назад, Вы мне писали: «прилагаю Вам копию письма», но никакой копии в письме не оказалось [4], а было только запечатанное письмо на имя Лидии [5]. Очевидно, копия осталась на Вашем письменном столе. В чем было дело? Я отложил спросить, надеясь видеться с Вами в Риме, и потом, в нынешнем хаосе, позабыл. Мораль: не откладывать писем в долгий ящик!

[1] Р. К. и М. М. Лубковские.

[2] Рассказ Горького «Праздник» напечатан в «Одесских новостях» (№ 8305, 29 дек. 1910 г. / 10 янв. 1911 г.).

[3] Речь идет о выдержке из п. Горького Амфитеатрову о Родионове, процитированной Амфитеатровым в ст. «Литературные впечатления».

[4] См. п. Амфитеатрова от 17 октября 1911 г.

[5] Л. П. Пешкова.

260. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.XI.29

Дорогой Алексей Максимович.

Сейчас получил письмо от Н. А. Рубакина.

Не зная о происшедшем распаде редакции «Совр.», он послал предназначавшуюся им для «Совр.» статью В. С. Миролюбову, а тот почему-то вместо того, чтобы направить ее по адресу, послал ее Вам [1].

Автор по сему случаю выражает недоумение и просит меня о скорейшем ответе.

А я ему ответ дать не могу, потому что рукописи не видал. Пришлите, пожалуйста, поскорее.

Очень хорошее письмо к монархисту напечатали Вы в «Будущем» [2]. Вот это так!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Рукопись, высланную Рубакиным в «Современник», Миролюбов в своем ответном п. Рубакину от 23 ноября 1911 г. называет рассказом. «Дорогой Николай Александрович! — писал Миролюбов.— Мы с Ч〈ерновым〉 из „Современ." ушли. Я работаю в „Знании". Мне хочется дать прочитать этот рассказ Горькому, и я сегодня посылаю его ему.

Желаю Вам всего лучшего. Ваш В. М и р о в» (*ГБЛ*, ф. 358, 254, 31).

[2] «Письмо монархисту» Горького, напечатанное в № 6 газ. «Будущее», представляет собой ответ на письмо председателя нижегородского отдела Союза русского народа В. И. Бреева от 21 октября / 3 ноября 1911 г., в котором Бреев убеждал Горького «покаяться» и просить у царя разрешения вернуться в Россию. Об этом Горький писал в очерке «Монархист», впервые напечатанном в кн. «Заметки из дневника. Воспоминания» (Берлин, изд-во «Книга», 1924).

Особый отдел Департамента полиции в досье о революционной деятельности Горького охарактеризовал «Письмо монархисту» как «преступную статью» (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 231).

261. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Капри. 1 декабря 1911 г.〉

Дорогой Александр Валентинович!

Рукопись Рубакина была у меня от почты до почты, я полагал, что она прислана для «Знания», прочитал и тотчас же отправил В〈иктору〉 С〈ергеевичу〉.

Пересылаю рукопись, присланную мне для «Совр.» Прочитал ее — интересно, но требует внимательной корректуры, автор не силен в языке [1].

Адрес автора — на последней странице рукописи.

Здесь Бунин, Ганейзер [2] и Черемнов.

«Монархисты» меня одолели после статей в «Живом слове». Письмо мое послано Василию Иванову Брееву, земляку, прославившему себя устройством знаменитой выставки «в память событий 613 г.» и получившему благодарность от царя. Его письмо ко мне — удивительно курьезно! [3]

Недавно монархисты города Ефремова закатили царю петицию о наделе кр‹есть›ян землею без выкупа! А один гусь из Устюга пишет мне: «все революционеры — жиды, как вы знаете; ничего хорошего ждать у них нельзя, а если они хорошо подумали о земле, так это Христом раньше их сказано, у Христа ими украдено».

Вот вам!

Всего лучшего!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 29 ноября 1911 г.

[1] Речь идет о рукописи «Дневник Шакирда» Гаяза Исхакова.

[2] Евгений Адольфович *Ганейзер* (1859—1938) — писатель, журналист, литературный критик.

[3] Речь идет о выставке картин героической жизни Нижнего Новгорода в 1613 г., организованной В. И. Бреевым в ознаменование 300-летия основания династии дома Романовых.

262. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 1 декабря 1911 г.)

Амфитеатрову

Рукопись послана [1] обратно Миролюбову на другой день.

Телеграмма. Датируется предположительно по п. Амфитеатрова от 29 ноября 1911 г. Черновой автограф.

Перед словом «Амфитеатрову» зачеркнуто слово «Феццано», перед «Рукопись» — «Рубакина». Ниже публикуемого текста рукой Горького черными чернилами и карандашом написан начерно незавершенный текст другой телеграммы: «СПб., Кирочная 34. Грузенб‹ергу›. Присоединяюсь». См. также предисловие к переписке Г—Гр.

[1] Рукопись была получена Миролюбовым от Горького, по-видимому, 25—26 ноября. Миролюбов писал Рубакину 2 декабря 1911 г.: «Рукопись Вашу возвращаю Вам, хотя и хочется ее задержать до решения вопроса о журнале. Но задержишь, а журнала не будет — и Вы будете на меня в претензии» (*ГБЛ*, ф. 358, к. 254, ед. хр. 31).

Рассказ Рубакина в «Современнике» напечатан не был.

263. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 3 и 7 декабря 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Только сейчас получены деньги Певина — высылаю вам 1332 лиры 65 ст. =500 р.[1]

Сообщите ему об этом.

Здесь, кроме Бунина,— Ганейзер, Коцубинский, Леонтович [2], Черемнов.

Желаю всего доброго!

А. Пешков

Датируется по времени приезда Коцюбинского на Капри — 3 декабря 1911 г. и п. Амфитеатрова от 8 декабря.

[1] Горький выслал аванс, полученный им в связи с обещанием предоставить «Современнику» новую повесть на 1912 г. См.: А—Г, п. от 26 или 27 октября и Г—А, п. от 29 или 30 октября 1911 г.

[2] Федор Михайлович *Леонтович* — украинский литератор, знакомый Коцюбинского.

264. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. XII.1911.6

Дорогой Алексей Максимович.

Спасибо за присыл рукописей.

Прочитал покуда татарина[1]. Сократить его надо люто. А быт интересен. Напоминает чем-то «Записки причетника» Марка Вовчка, никитинский «Дневник семинариста»[2], вообще наивные протесты пробуждающегося русского «духовного звания» в 50-х, 60-х годах. Перечту еще раз, чтобы видеть, что из этого можно сделать 〈...〉 Некто Горцев[3] прислал сейчас очень интересную статью о молодой Турции и рабочем в ней движении. Любопытно по аналогиям: точно предсказано, что будет у нас при кадетском министерстве. Хороший роман Шолом-Алейхем прислал: «Блуждающие звезды». Есть детские места, но в общем и трогательно, и смешно. Думаю, что очень понравится публике. Вообще, сейчас на отсутствие материала жаловаться не приходится: проспект на 1912-й год выходит яркий, с беллетристикою на полгода вперед, и есть вещи сильные. В публицистическом отделе опустевшее (к глубокому моему сожалению и без всякой к тому резонной причины) место Чернова заняли Цыперович, Стеклов[4], Суханов[5], Карелин[6], Лагардель[7]; очень просится Ю. Делевский[8], но до личного свидания я в союз с незнакомым человеком вступить не решился. Чудесные научные статьи выучился писать Лазаркевич[9] — хороший из него популяризатор выйдет: он не так блестит, как Лункевич[10], но, сдается мне, глубже его, а прост замечательно.

Прочел сегодня 1-й том нового Толстого[11]. «После бала» изумительно прекрасно, как все, что покойник писал о свете и большом обществе. В «Дьяволе» есть чудесные страницы, громадной изобразительной силы, но вещь слишком очевидно не выработана и в конце смята: оба варианта противные... «Фальшивый купон» — так он и есть фальшивый купон от «Серенькой» старика Даля[12], а что касается прочего, то я глубоко уверен, что Л. Н. никогда не ожидал от своих наследников такого свинства, чтобы вытащили они на свет белый этот сор, в особенности драматический. Виноват: «Алеша Горшок» — милый. Но как некрасиво и пахнет аферой самый план издания... За год не могли приготовить ни «Хаджи М〈урата〉», ни «О〈тца〉 Сергия»: — «Живой труп» пожуйте в виде закуски — обед будет после.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] «Дневник Шакирда» Г. Исхакова.

[2] Марко *Вовчок* (М. А. Виленская-Маркевич) «Записки причетника». Напечатаны в журн. «Отечественные записки» в 1869—1870 гг. И. С. Никитин «Дневник семинариста». Напечатан в сборнике, изданном И. С. Никитиным и М. Ф. Де Пуле,— «Воронежская беседа на 1861 год».

[3] *Горцев* (Ш. Я. Натадзе) (1883—1912) — русский журналист, политэмигрант, живший в Турции, печатавший свои обзоры, посвященные политической жизни Турции, балканским проблемам и др. в «Современнике», «Речи», «Киевской мысли» и др. В письме говорится о ст. Горцева «Младотурки и рабочие» (Современник. 1912. Кн. 4). См. его же «Накануне балканского пожара. Очерк истории македонского вопроса. Воинственное настроение турок. Проект 1880 года и согласие Порты на его осуществление. Волнения в Стамбуле» (Современник. 1912. Кн. 12 и др.).

[4] Юрий Михайлович *Стеклов* (псевдоним Нахамкиса) (1873—1941) — историк и публицист, государственный и партийный деятель. В социал-демократическом движении участвовал с 1893 г. С 1903 г. член партии большевиков. В годы реакции

и нового революционного подъема сотрудничал в Центральном органе РСДРП — газ. «Социал-демократ» и большевистских газ. «Звезда» и «Правда». После Октябрьской социалистической революции редактировал газ. «Известия ЦИК и ВЦИК СССР», журн. «Красная нива», участвовал в создании и редактировании журн. «Новый мир». Ю. Стеклов автор монографии «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность (1828—1889)». СПб., 1909, о которой положительно отозвался В. И. Ленин (т. 48, с. 32).

См. в «Современнике» ст. Стеклова «Социально-политические взгляды Добролюбова» (1911, кн. II), «Герцен и Чернышевский» (1912, кн. 7) и др.

[5] Николай Николаевич *Суханов* (Гиммер) (1882—1940) — участник русского революционного движения, экономист и публицист, с 1903 г. эсер, с 1917 г.— меньшевик. В годы мировой войны— интернационалист. После Октябрьской социалистической революции работал в советских экономических органах и учреждениях. Написал «Записки о революции» (кн. 1—7; 1922—1923). Кн. 3 и кн. 4 В. И. Ленин подверг резкой критике в ст. «О нашей революции» (т. 45, с. 378—382). В 1931 г. Суханов был репрессирован.

Сотрудничал в «Современнике», в 1913—1915 гг. встал во главе журнала, придав ему направление, которое В. И. Ленин в 1914 г. определил как «помесь народничества с марксизмом». В это время в списке сотрудников «Современника» были указаны Плеханов, Кускова, Ф. Дан, Л. Мартов. Печатался в «Летописи» и других изданиях.

[6] Аполлон Андреевич *Карелин* (1863—1926) — юрист и экономист, был известен Горькому с начала 80-х годов, когда Карелин возглавлял народовольческую организацию в Нижнем Новгороде. Об А. Карелине Горький упоминает в очерках «Время Короленко» и «Н. Ф. Анненский». См. в журн. «Современник» ст. А. Карелина «К вопросу о психике пролетариев» (1912, кн. 3).

[7] Юбер *Лагардель* (1875—1914) — анархо-синдикалист, участник французского рабочего движения. В «Современнике» были напечатаны его ст. «Кризис радикальной партии. (Письмо из Франции)» (1911, кн. 11), «Эволюция политических партий во Франции» (1912, кн. 2) и др.

[8] Ю. Делевский (Яков Лазаревич *Юделевский*) (А. Волин) (1868—?) — социолог, эсер, эмигрировал из России, стоял во главе издававшейся за границей эсеровской газ. «Революционная мысль». Печатался в «Современнике». См. ст. «Социальный антагонизм и общественный идеал» (1912, кн. 1) и др.

[9] Никифор Александрович *Лазаркевич* (Фор). См. ст. «Радий и внесенный им в науку переворот» (Современник. 1912. Кн. 1—2), «Электронная теория» (кн. 5—6) и др.

[10] Валентин (Валериан) Викторович *Лункевич* (1866—?) — биолог-популяризатор, автор труда «Нерешенные проблемы зоологии».

[11] Речь идет о т. I «Посмертных произведений Л. Н. Толстого».

В т. I вошли: «Дьявол» (вслед за основным текстом был напечатан также вариант конца повести), «Алеша Горшок», «Фальшивый купон», «После бала», «Что я видел во сне», «От ней все качества», «Живой труп».

Повесть «Отец Сергий» была напечатана в т. II; «Хаджи Мурат» — в т. III со значительными цензурными пропусками.

В откликах на «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого» преобладали восторженные оценки: Толстой «явился на склоне своих старческих лет новатором, которого страстно ждала, но до него еще не имела русская литература» (*Вл. Кр* ⟨Вл. Кранихфельд⟩ // Современный мир. 1911. № 11). Подробнее см. в кн.: *Русская литература конца XIX — начала XX в.* С. 496, 501.

[12] Владимир Иванович *Даль* (псевдоним Казак Луганский) (1801–1872) – ученый-лингвист, писатель и этнограф, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка».

«Серенькая» – рассказ В. Даля из цикла «Новые картины из русского быта», в котором речь идет о зле, порожденном пущенной 50-рублевой фальшивой ассигнации (серенькой) в оборот фальшивомонетчиками. Люди, сбывая друг другу фальшивые деньги, творят все новые и новые беды, растущие, как снежный ком. В конце повести победу добра над злом осуществляет бедная старушка: получив в наследство злосчастную ассигнацию, она сжигает ее на свече.

В рассказе Даля тема эта разработана с меньшей глубиной и трагичностью, чем у Толстого, у которого бездумное и случайное мошенничество гимназиста повлекло за собой цепь преступлений, бессмысленную и трагическую гибель людей, а нравственное просветление воплощено в образе палача, отказывающегося от своего ремесла.

265. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Декабрь, не позднее 6, 1911 г.⟩

Прислано для «Современника» [1]. Рассказ этого автора — «Горячая» — напечатан в последней книге «Совр⟨еменного⟩ мира» [2].

А. П.

Датируется по п. Амфитеатрова от 8 декабря 1911 г.

[1] Сопроводительная записка при рукописи рассказа Н. Н. Никандрова «Ротмистр Закатаев».

Николай Никандрович *Никандров* (Шевцов) (1878—1964) — писатель. В 1903 г. был выслан как «политически неблагонадежный» в Нижний Новгород, где встречался с Горьким; см. его очерк «Цвела сирень» (*Никандров Н.* Береговой ветер: Повести. Рассказы. М., 1964). В 1910—1914 гг. Никандров жил в эмиграции.

[2] Рассказ Никандрова «Горячая» был напечатан в журн. «Современный мир» (1911, № 10).

266. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.XII.8

Дорогой Алексей Максимович.

Получил почтовый перевод от Вас на 1332 фр. и, конечно, очень тем огорчен [1]. А впрочем, все в национальном порядке вещей. Русские армии, при отступлениях, всегда сильно терпели оттого, что, при наступательном движении, непременно и безнужно портили воду в колодцах.

Большое спасибо за Никандрова [2]. Это очень сильно и интересно. Напоминает Щедрина первого периода. Как его адрес?

Недурную вещь получил вчера от Серошевского [3].

Сегодня к Вам едет И. П. Ладыжников. Был он у меня по сытинскому поручению, о котором, конечно, Вам сообщит подробно [4].

Обрадовался, узнав, что Коцюбинский на Капри. Я тщетно его разыскивал, а письмо, посланное ему в Чернигов, приехало назад. У нас в январе идет его «Что записано в книгу жизни», а в феврале «Сон» [5].

Получил третьего дня и прочитал XXXVII сб. «Знания» [6], с концом Кожемякина.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А.

[1] См. п. Горького, написанное между 3 и 7 декабря 1911 г.

[2] Рассказ Никандрова «Ротмистр Закатаев» был напечатан в «Современнике» (1912, кн. 1).

[3] Рассказ В. Серошевского «Сакурское видение» напечатан в «Современнике» (1912, кн. 1).

[4] Ладыжников приехал на Капри 9 декабря 1911 г. Речь идет о предложении Сытина Горькому и Амфитеатрову участвовать в газ. «Русское слово».

[5] Рассказ Коцюбинского «Что записано в книгу жизни» напечатан в «Современнике» (1912, кн. 1). Там же — рассказ «Сон» (1912, кн. 5).

[6] В XXXVII *сб. «Знания»* (1911) напечатано: Горький «Матвей Кожемякин», ч. IV (окончание); Черемнов — стихи; Касаткин «Село Микульское»; Винниченко «Кузь и Грыцунь»; Воронов — стихи.

267. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 10 декабря 1911 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

О русских армиях, отступлениях и порче воды в колодцах — ничего не понял. Не чувствую себя ни отступившим, ни что-либо испортившим.

Думаю, что мне и вам надобно повидаться, и чем скорей — тем лучше. Я бы, конечно, поехал к вам тотчас же, но удерживает куча дела и народ. Сегодня провожаю Леонтовича и Ганейзера, остаются Ко-

ГОРЬКИЙ, М. Ф. АНДРЕЕВА, И. А. БУНИН, В. Н. МУРОМЦЕВА-БУНИНА, А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ И ДР.
Фотография И. Е. Вольнова. Капри, лето 1912
Музей Горького, Москва

цубинский, Ладыжников, Бунин, Черемнов. С этой публикою вам было бы интересно повидаться. На днях ожидаю еще штуки две-три интересных россиан.

Отбросьте, пожалуйста, армии, колодцы и все другие аллегории! Не можете ли приехать на некоторое время? И отдохнули бы, и поговорили бы мы о многих сурьезных делах.

Ответьте телеграммой.

Крепко жму руку и всего доброго.

А. Пешков

Никандров живет в Лозанне, точного адреса не знаю, но думаю, что, если ему написать на русскую библиотеку,— письмо дойдет.

Узнав адрес точный — сообщу.

Датируется по п. Амфитеатрова от 8 декабря и его ответной телеграмме и п. от 12 декабря.

268. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 10 или 11 декабря 1911 г.)

Затертый — печатался в «Жизни для всех» Поссе, в «Речи» и маленьких журналах.

Рукопись прислана для «Современника» [1].

А. П.

Датируется по п. Амфитеатрова от 12 декабря 1911 г.

[1] Горький послал Амфитеатрову рассказ Затертого (А. С. Новикова-Прибоя) «По-темному». Рассказ под псевдонимом А. Прибой был напечатан в «Современнике» (1912, кн. 2).

269. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Феццано.) 1911, декабря 12

Спасибо, но невозможно, через 2 недели выходит 12-я книга, через месяц — январская [1], пуд рукописей, свои статьи не готовы, очень жалею, привет всем.

Амфитеатров

[1] Речь идет о «Современнике».

270. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.XII.12

Дорогой Алексей Максимович.

Рад бы радехонек приехать, да журнал не пускает, приходится форсировать, чтобы выправить сроки, запущенные в истекшем полугодии, и, с января, выходить в первых числах месяцев, а не в последних. Целый месяц ушел на ликвидацию рукописей, накопленных Мир⟨олюбовым⟩ и Ч⟨ерновым⟩, а теперь новых накопилось много. Своего — обязательного к концу года — много недописано. Вообще, играю, как могу, в две руки сонату, положенную на 8, для двух роялей.

Никандрова, в сильном сокращении, я взял на декабрь как фельетон: очень остроумен и своевременен.

С удовольствием познакомился бы с Буниным и Коцюбинским, да вот — не судьба. Коцюбинскому каприоты должны поставить монумент при жизни на соборной площади или, по крайней мере, назначить ему пожизненную пенсию: так заманчиво расписал он Вашу «выспу» в своем «Сне» [1].

Свалю подписной период — на шесть месяцев загуляю: ничего не буду писать, кроме исторических работ. По части большого романа, спасибо, хорошо выручил Шолом-Алейхем [2], на фельетоне пусть насобачивается Ашешов [3] и молодые кое-кто, а я — в двенадцатом году и в династии Романовых [4].

Библиотечища у меня сильно выросла. Деньгу жрет безбожно.

Кто Вам говорит, что Вы в «отступлении»? Напротив, Вы в «наступлении». Да об этом не стоит. Конечно — пусть отболит.

Затертого знаю. Он славный парень. До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

[1] В рассказе Коцюбинского «Сон» изображен чиновник, изнывающий в прозаических буднях своего существования, которому приснился сон о красотах природы южной Италии. «Выспа» на польском и украинском языках — остров, имеется в виду Капри.

[2] Речь идет о романе Шолом-Алейхема «Блуждающие звезды».

[3] Ашешов сотрудничал в «Современнике» в отделе фельетона.

[4] Амфитеатров работал над статьями о 1812 годе и о династии Романовых. В объявлении «Современника» на 1912 г. значились ст. Амфитеатрова «Очерки по истории русского патриотизма» (к 100-летию Отечественной войны 1812 г.), «Петербургское действо (28 июня 1762 г.)» (к 150-летию восшествия на престол Екатерины II), «Русские конституционные провалы» (к 300-летию дома Романовых). См.: Речь. 1911. № 339. 10/23 декабря.

271. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Декабрь, не ранее 14, 1911 г.)

Дорогой Александр Валентинович.

Посылаю адрес Никандрова:

Шевцов
chez m-elle Chamborden

La Sallaz.
Sur Lausanne.
Всего доброго!

А. Пешков

Датируется предположительно по п. Амфитеатрова от 12 декабря 1911 г.

272. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1911.XII.18

Дорогой Алексей Максимович.

Рецензию о Гильоме [1] получил и отправил в набор для декабря или января.

Если увидите себя не снятым с фирмы в объявлении, которое делают «Од‹есские› новости» [2], не обвиняйте ни меня, ни «Современн.»: соглашение состоялось ранее нашего расхождения, в сентябре, и они воспользовались формулою из октябрьской книжки. Я уже телеграфировал в Одессу Хейфецу, чтобы он эту строку уничтожил.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А.

[1] Речь идет о рецензии А. Золотарева на кн.: L'Internationale: Documents et Souvenirs par James Guillaume. Paris, 1905–1910. Vol. I–IV. (Интернационал: Документы и воспоминания Дж. Гийома. Париж, 1905–1910. Т. I–IV). Напечатана в «Современнике» (1912, кн. 10).

Джеймс *Гийом* (1844—1916) — один из руководителей анархистского движения в Швейцарии и Франции, соратник Бакунина, член швейцарских организаций I Интернационала.

[2] 3/16 декабря 1911 г. в «Одесских новостях» (№ 8587) появилось объявление: «По соглашению с редакцией ежемесячного журнала „Современник“, издающегося в Петербурге при ближайшем участии А. В. Амфитеатрова, М. Горького, В. С. Миролюбова и В. М. Чернова, годовые подписчики „Одесских новостей“ имеют право на получение этого журнала со значительной скидкой: вместо 12 руб. с доставкой и пересылкой за 7 р. 50 коп. в год» (Одесские новости. 1911. № 8587. 3/16 дек.). В дальнейшем имена Горького, Миролюбова и Чернова были сняты (Одесские новости. № 8600. 20 дек. 1911 г. / 2 янв. 1912 г.).

В объявлении, напечатанном в газ. «Речь», имена Горького, Миролюбова и Чернова также отсутствовали, но при этом указывалось, что в 1912 г. «Современник» «будет выходить по той же программе и в том же направлении внепартийного передового органа, при значительно расширенном составе сотрудников» (Речь. 1911. № 339. 10/23 дек.).

273. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Январь, не позднее 6,› 1912 г.

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю еще рассказ Затертого [1] и рассказ Ф. Сотникова [2] — прочитайте, не подойдет ли для «Соврем.».

Вещица, кажется, недурная.

Адрес автора:

Макарьев, Нижегородской
село *Лысково*,
Федору Сотникову.

Приехал сюда на жительство Иткин [3], так что литератора здесь многое множество.

Как вы живете, здоровы ли?

Все ж таки — изредка хоть — написал бы письмишко!

Всего доброго!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 8 января 1912 г.

[1] Речь идет о рассказе Новикова-Прибоя «Встреча пасхи на корабле» (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 235—236).

[2] По-видимому, речь идет о рукописи рассказа Федора Сотникова «Сашкино утро». Напечатан в «Современнике» не был. П. Горького Ф. Сотникову опубликовано в сборнике рабочих писателей «Зовы» (Астрахань, 1920).

[3] С. Г. Иткин в 1912 г. жил на Капри.

274. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.I.8

Дорогой Алексей Максимович.

Рукописи Затертого и Сотникова получил. Затертый уже идет одним рассказом в «Совр.» (думаю — в марте), два — много. Притом газетно. Пошлю, если хотите, Певину для той странной штуки, которую он издает под именем «Голоса современника»,— я к ней отношения не имею. Сотникова еще не читал.

Материалом журнал буквально завален. Сейчас для новой вещи, за исключением городничего, который всюду войдет, не найдется места раньше августа, да и то с трудом. Собственно говоря, на этих днях я кончаю свои обязанности фундаментальные, так сказать, к журналу на 1912 год и могу заняться своими запущенными делами и работами. Беллетристики есть на 12 книжек с большим запасом, научно-публицистических статей тоже больше, чем требуется. Так что дело сведется к руководству текущею публицистикою, а это немного, да, быть может, я и от этого уклонюсь. В «Совр.» дело поставлено на рельсы. Хочу помочь Бурцеву наладить одно большое газетное дело.

Простите, что не писал. Страшно был занят и — занятиями, как видите, мало для Вас интересными. Люди приходят, люди уходят. Завтра жду Ю. Делевского. А сегодня немножко не в духе, потому что проводили мы в Канаду бедную Лиду с ребенком, к которой все успели очень привязаться, и невольно думается, как-то доедет и чем встретит там их троих жизнь [1].

«Знание» сегодня прислало мне Пришвина [2]: кажется, все уже читано в «Русской мысли». Способный мужчина.

Видел, что кадеты в «Запросах жизни» объявили Ваш рассказ или очерк, но еще не читал [3].

Сейчас перечитываю «Городок Окуров» до конца «Матвея Кожемякина» — думаю написать о них статью на январь [4], не знаю, успею ли временем и силами, потому что здорово переутомился за последние три месяца.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Кланяется Вам очень Серошевский. Пойдет в «Совр.» повесть его «Затишье» [5].

[1] Л. П. Пешкова уехала к мужу З. А. Пешкову, обосновавшемуся в Канаде.

[2] Речь идет о первом томе рассказов Пришвина, вышедших изд-вом «Знание» в конце 1911.

[3] В журн. «Запросы жизни» (1912, № 1) была напечатана «Сказка» XII (вошла в цикл «Сказок об Италии»). «*Запросы жизни*» — еженедельный журнал; выходил в 1909—1912 гг. в Петербурге. В журнале сотрудничали кадеты, «народные социалисты» и меньшевики-ликвидаторы. Горький напечатал в «Запросах жизни» статьи из цикла «Издалека», сказки из цикла «Сказки об Италии». В августе 1912 г. Горький отказался сотрудничать в этом журнале: «„Беспартийность“ „З⟨апросов⟩ ж⟨изни⟩“ становится постепенно своеобразной партийностью без программы — худшим видом партийности»,— писал он Р. М. Бланку (*XXIX*, 250).

[4] Задуманная Амфитеатровым статья в «Современнике» не появилась.

[5] Повесть Серошевского «Затишье» в 1912 г. в «Современнике» не печаталась.

275. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.I.24

Дорогой Алексей Максимович.

Несколько присланных Вами рукописей лежат у меня. Но я две недели тому назад, после декабрьской книжки «Совр.», отказался от редактирования журнала [1] и не могу взять на себя ответственности за то, как он пойдет и чем будет дальше. Поэтому — как поступить с рукописями? Отправить ли их в Современник» или возвратить Вам?

С «Совр.» у меня, конечно, идут переговоры, но я не жду, чтобы мой ультиматум был принят, а потому запасся новым журналом, именуемым «Новый вестник» [2], который начнет выходить между 1 и 15 марта сего года. Деньги, к счастию, нашлись.

Не знаете ли Вы, кто столь чудовищно испортил «Отца Сергия»? [3] Сам Толстой или Чертков с компанией? Я имел в руках рукопись в 1900 или 1901 г. (когда духоборы [4] переселились в Канаду и нуждались очень в деньгах, Толстой продавал «О. С.» за 20 000 р., но Маркс [5] испугался цензуры, а «Россия» [6] поскупилась). Там все было ярче и лучше, и, по-моему, недостает целого ряда интереснейших сцен, а ввинчены дидактические фразы, которых не было. И в старого «О. Сергия» входило — это я живо помню — «После бала».

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Место Амфитеатрова в качестве редактора журн. «Современник» занял Е. А. Ляцкий.

[2] Издание журн. «*Новый вестник*» не состоялось.

[3] Л. Н. Толстой работал над повестью «Отец Сергий» в 1890—1891, 1895 и 1898 гг.

В 1898 г. Толстой был намерен напечатать повести «Дьявол» и «Отец Сергий», а также роман «Воскресение» в пользу переселяющихся духоборов, но вскоре отказался от этого намерения. Во т. II «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого» повесть была напечатана с цензурными изъятиями упоминаний о Николае I и его любовных историях. Было введено деление на главы и внесен ряд исправлений, устраняющих неточности и описки в автографах.

[4] Духоборы — представители религиозной секты, подвергавшиеся преследованию в царской России и эмигрировавшие в Канаду. Л. Н. Толстой оказывал поддержку духоборам.

[5] Адольф Федорович *Маркс* (1838—1904) — книгоиздатель.

[6] «Россия» — газета, в которой сотрудничал Амфитеатров. О несостоявшейся попытке купить «Отца Сергия» для публикации в газ. «Россия» Амфитеатров писал в ст. «Не тот Толстой». В этой же статье он отмечал «безобразно искаженный цензурными пропусками текст» издания, возникновение новой редакции «Отца Сергия». Ссылаясь на свидетельство Горького, указывал на утрату «ряда сцен в повести „Хаджи-Мурат“»: «...Максим Горький, человек, одаренный блестящею, можно сказать фотографической, памятью, и удивительный рассказчик, излагая мне содержание „Хаджи-Мурата“ (...) говорил о том, как дивно Толстой написал ночную скачку Хаджи-Мурата с отрядом его горным ущельем, с бегущими навстречу ночными тенями. Особенно Горький подчеркивал то, с каким непостижимым мастерством Толстой овладел тайной „передавать движение“»... (*Амфитеатров*. Т. 22. С. 71).

276. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Январь, не ранее 30, 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

«Отец Сергий» несомненно «исправлен», и при этом так, что на меня повесть, прочитанная мною теперь, произвела впечатление схемы того, что в 902 г. в Гаспре Лев Николаевич читал мне в отрывках [1] и что потом я читал сам, полностью, в рукописи.

В редакции, которую я хорошо помню, «После бала» не входило уже, но — картина бала во дворце — была, и объяснение Сергия с возлюбленной шло во время бала, в парке или саду. Совершенно иначе — значительно полнее — был рассказ о том, как дама идет искушать

старца Сергия, точно так же сокращена намного сцена его падения; она носила характер насилия над девицей, а сама девица была написана гуще: помню «груди желтые и дряблые, свисающие на бока как блины», прыщи на лице девицы, ее потные руки и слово «погоди-ка», которым она останавливала старца. Эту сцену я особенно хорошо помню, потому что она поразила меня своей жестокостью: Л. Н., можно сказать, написал девицу ужасно противной и вверг в нее старца, как в помойную яму. Это напоминало чрезмерность Достоевского.

Что, вообще, делают с Толстым? Вы читаете, в каком тоне пишет о нем Измайлов? [2] Жа<боти>нский?

Итак — еще журнал! У Чернова с Миролюбовым тоже, у Иванова-Разумника — тоже! [3]

Дай бог побольше нам журналов, «плодят» писателей «они», а читателей, кажется, не плодят.

«Усі сплять, тількі я один не можу заспокоіті мого серца» и все ругаюсь.

Вы не прочли «Сашкино утро»? [4] Это очень интересно и подает надежды.

Будьте здоровы. Ужасно хочется повидать вас, но — прикован узами обязанностей и безденежья к столу моему, яко цепной пес.

Всего доброго!

А. Пешков

Прочитал письмо к Москвичке [5] — хорошо!

Вижу объявление о Романовых, опять хорошо [6].

А вы знаете Аркадия Великопольского? [7] Примите добрый совет — не полагайтесь на него ни в чем.

Жулик народ пошел по святой Руси. Аркаша кажется не жулик, но просто легкомыслен чрезмерно.

А. П.

Датируется по упоминанию фельетона Амфитеатрова в газ. «Будущее» (1912, № 15, 28 янв.). См. прим. 5.

[1] См. об этом у Горького: «„Лев Толстой". Заметки. (Заметка XXI-ая)».

[2] Статьи о Л. Н. Толстом см. в сб. Измайлова «Литературный Олимп» (М., 1911). В письме по-видимому, речь идет о ст. Измайлова «Третий посмертный том Л. Толстого: „Хаджи-Мурат". „Записки сумасшедшего". „Ходынка" и др.» в газ. «Русское слово» (1912, № 5, 6/19 янв.).

[3] См.: Г—Ив-Р, п. 1.

[4] Имеется в виду рукопись рассказа «Сашкино утро» Ф. Сотникова.

[5] Речь идет о фельетоне Амфитеатрова «Ответ москвичке». Некая москвичка спрашивала мнение Амфитеатрова «о предстоящем отлучении от православной церкви целого ряда русских писателей, которое будто бы затевает „Святейший" синод». Амфитеатров со всей резкостью высказывался по этому поводу: «...русская литература давным-давно уже с совершенно справедливым презрением сама отлучила от себя синод — жалкое бюрократическое учреждение, имеющее задачей блюсти совсем не православие (...) православная церковь в настоящее время есть не что иное, как царепоклонническая политическая партия» (Будущее. 1912. № 15. 28 янв. С. 2—3).

[6] В том же номере газеты было помещено объявление «К 300-летнему юбилею „Дома Романовых"»: «Готовится и 21 февраля (5 марта) 1913 г. выйдет в свет новое большое историческое сочинение Александра Амфитеатрова „История правящей в России династии". В четырех томах и восьми частях. Том первый.— „Романовы". Часть первая — „Цари боярского рода и первый император (1613—1725)". Часть вторая — „Гибель дома Романовых (1725—1762)". Том второй — „Романовы-самозванцы". Часть третья — „Екатерина Вторая (1762—1796)". Часть четвертая — „Павел, не помнящий родства (1796—1801)". Том третий.— „Лже-Романовы". Часть пятая — „Потомство Марии Вюртембергской (1801—1855)". Часть шестая — „Александр II (1855—1881)". Том четвертый „Лже-Романовы". Часть седьмая — „Датская кровь" (1894—)». Сообщалось, что все издание будет обязательно закончено в 1913 юбилейном году. Подписка принималась в Париже, в книжном магазине «Общее дело». Издание не состоялось.

[7] Аркадий Александрович *Великопольский* (1874—?) — писатель, экономист и педагог.

277. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.II.2

Дорогой Алексей Максимович.

Так я и думал относительно «Сергия». Не думаю, однако, чтобы Чертков или Алекс‹андра› Льв‹овна› [1] осмелились приложить тут свою руку. А просто, должно быть, наступают когда-нибудь настолько дряхлые годы, что у писателя лучше отнять перо, а то он все сделанное им испортит.

Измайлова и Жаб‹отинского› о Толстом не читал.

А Толстого я все меньше любить начинаю. Прошлогоднее мое изучение 1812 года [2] разбило мне сорокалетний мираж «Войны и мира»: красочно и художественно, что и говорить, но — барином писано, барское и вышло. А народа нет. Народ-то Платоном Каратаевым оказался. Так что французы, должно быть, оттого и ушли из Москвы, что, подобно медведю, плюнувшему на Ивана Ланде [3], не захотели иметь дела с такими кроткими жителями.

Как журналы не плодят читателей? Коялович пишет мне, что подписка на «Современник» удивительно хороша. Ах, если бы она продолжала в том же духе! Тогда я взыскал бы с Певина двадцать тысяч, которые мне «Совр.» должен, и поехал бы вокруг света, не думая о письменном столе.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Дата «I.2», поставленная Амфитеатровым, ошибочна. Следует читать: «II.2» См. предшествующее письмо.

[1] А. Л. Толстая.
[2] Имеется в виду работа над «Очерками из истории русского патриотизма».
[3] Иван Ланде — персонаж рассказа М. Арцыбашева «Смерть Ланде».

278. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Капри. Начало февраля 1912 г.›

Дорогой Александр Валентинович!

Возвратите мне, пожалуйста, рукопись Сотникова «Сашкино утро» — я попытаюсь пристроить ее куда-либо. Парень, кажется мне, заслуживает внимания.

Был Ал. А. Стахович [1], говорил грустные вещи о Москве, о понижении в «обществе» вкусов и о всеобщем обалдении.

А один священник из Об‹ласти› Войска дон‹ского› [2] пишет: «Вот близятся выборы в Думу [3], а казачество говорит: — ну ее, кабы война с китаями!»

А с верхней Волги сообщают: «у нас по деревням всё спектакли ставят, образовалась даже странствующая труппа из мужиков, такими театралами заделались — беда!»

А с Урала кричат: «издыхаем от голода, нельзя ли как помочь!»

А вообще на душе — серовато.

Будьте здоровы!

Рукопись-то пришлите же!

А. Пешков

Датируется по содержанию.

[1] Алексей Александрович *Стахович* (1856—1919) — артист и член правления Московского Художественного театра (1907—1919). Приезжал на Капри к Горькому с просьбой дать для Художественного театра пьесу.
[2] Возможно, речь идет о Сергее Михайловиче *Труфанове*, потомственном почетном гражданине Округа Войска донского (*иеромонахе Илиодоре*).
[3] Речь идет о выборах в Государственную думу четвертого созыва, состоявшихся 15 ноября 1912 г.

279. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.III.12

Дорогой Алексей Максимович.

Получил я из Америки относящуюся до Вас вырезку из Chicago Daily Socialist [1]. Любопытно, чем промышляет в делишках своих российское правительство. Посылаю Вам — на случай, если еще вести эти до Вас не дошли. Так как М. Ф. в английском языке сильна, то посылаю без перевода.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] В американской газ. «Chicago Daily Socialist» печатались выдержки из «Записок русского шпиона» Николаева. В марте—апреле 1912 г. Горький писал Бурцеву по этому поводу: «...в „Chicago Daily Socialist" печатаются разоблачения русского шпиона Николаева о том, как он и некий Целлер, его агент, по поручению Трепова испортили мою поездку в Америку» (*АГ*).

Вырезка из американской газ. «Chicago Daily Socialist», приложенная к письму, не сохранилась.

280. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 13 и 17 марта 1912 г.)

Спасибо, дорогой Александр Валентинович, за вырезки — любопытная штучка! Я помню Целлера и — очень удивлен, ибо встречал его в Берлине около таких людей, как Рихард Демель [1], Либерман [2], Лу Андреас Саломэ [3] и т. д.; видел, как пожимал руку его М. Гарден [4] — туда ему, Гардену, и дорога!

Как живете и зачем сердитесь на меня? Предоставили бы мне самому сердиться на себя.

Имею к вам вопрос: недавно Шаляпин писал мне, прося осведомиться у вас,— не передадите ли вы написанное вами либретто «Царя Эдипа» Раулю Пюньо [5], который хочет писать оперу на этот сюжет? Шаляпин пишет: пускай-де он — вы — считает меня потерянным человеком, но, может быть, артиста-то он не похерил? [6]

Как идут ваши журнальные дела? Журналов в проектах — три, огромных.

Будьте здоровы, ответьте насчет «Эдипа».

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 12 и 18 марта 1912 г.

[1] Рихард *Демель* (1863—1920) — немецкий поэт, в творчестве которого сочетались ницшеанские идеи и сочувствие к борьбе рабочего класса. Переводы его произведений «Демон желания», «Освобожденный Прометей» напечатаны в XXIV *сб.* «*Знания*».

[2] Макс *Либерман* (1847—1935) — немецкий художник-импрессионист, с 1921 по 1933 г.— президент Прусской академии художеств. Либерман ушел из Академии в знак протеста против воцарившегося в ней фашистского руководства.

[3] Саломе Лу *Андреас* (1861—1937) — немецкая поэтесса, последовательница и личный друг Ф. Ницше.

[4] Максимилиан *Гарден* (псевдоним Исидора Витковского) (1861—1927) — немецкий буржуазный публицист, приобретший известность разоблачением деятельности Вильгельма II и его сподвижников.

По всей вероятности, Горький имеет в виду «банкет с художниками» — вечер, устроенный в его честь немецкой художественной интеллигенцией, который состоялся накануне его отъезда в Швейцарию 5/18 марта 1906 г. в клубе «Secession» в Берлине. См.: «Записная книжка» (*Арх. Г.* Т. XII. С. 185).

[5] Стефан Рауль *Пюньо* (1852—1914) — французский пианист, органист, композитор, профессор Парижской консерватории, друг Шаляпина. Опера Рауля Пюньо «Царь Эдип» по трагедии Софокла (либретто Амфитеатрова) с участием Шаляпина поставлена не была.

[6] Имеется в виду инцидент с коленопреклонением Шаляпина в Мариинском театре на представлении оперы «Борис Годунов». Шаляпин писал Горькому: «...о моем желании играть Эдипа я говорил не раз Амфитеатрову, и сей послед-

ний, не знаю, искренно или нет, увлекся этой идеей и однажды начал писать либретто и, кажется, кое-что написал. Время шло, музыканта подходящего не было, и я об этом молчал. Теперь же есть музыкант, но я потерял либреттиста ⟨...⟩ Я думаю так (может, ошибаюсь!): Амфитеатров может презирать меня как человека и не подавать мне руки, это дело его совести, но ⟨...⟩ едва ли он должен презирать во мне артиста ⟨...⟩ весь инцидент со мной целиком я оставляю на его совести, сам же могу смотреть ему в глаза прямо и не имею ничего внутри меня, что заставило бы меня покраснеть» (*Шаляпин.* Т. I. С. 345).

281. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.III.18

Дорогой Алексей Максимович.

Нисколько я на Вас не сержусь, а просто — у меня были старые интересы, которые перестали Вас интересовать, у Вас явились новые интересы, в круг которых я не введен,— ну и естественное дело, что оба пообособились.

Журнальные дела мои таковы. Имею в своем распоряжении 25 000 рублей, с коими 15 октября начну выпускать «Новый вестник». Больше покуда нечего сказать, так как само собою подразумевается, что программа будет та же, что в «Совр.», а редакцию составят те, кто из него ушел, вернее будет сказать — из-за кого я ушел.

Вчера я имел сведения о «Совр.» из конторы Печковской. По февраль «Современник» имел 6½ тысяч подписчиков. Появление моего письма [1] сильно остановило этот прилив, но тем не менее Певин уже вполне обеспечен на весь год, если не испортит своей коммерции посторонними аферами. К тому же я приготовил ему рукописей на полгода с лишком, так что, при наличности публициста или двух для текущих тем, теперь журнал и манекен прилично проредактирует. Сейчас поступил на редакторское амплуа Ляцкий. Получил от него «великодушное» письмо о моих заслугах. Отвечал соответственным рескриптом, но работать, конечно, отказался [2].

Сейчас я спешно редактирую первый полный перевод Петрониева «Сатирикона», чудесно сделанный вдвоем моим сыном и К. А. Лигским, пишу к нему вступительный этюд и примечания [3]. Хочу сделать из этого труда первый том «сатирической библиотеки», которая мечтается мне весьма красиво и широко [4]. Вторым выпуском дам комедии Макиавелли (перевод прозаических тоже имеется уже) [5]. Редактировать все это чертовски трудно, ибо, не в обиду будь сказано классикам сатиры, препохабные были старики, а между тем мне хочется дать текст хотя бы приблизительно точный и по возможности точный.

Купец Шаляпников, по обыкновению, строит деточку и наивничает. Либретто Эдипа делано для него, и я отдам эту вещь по его указанию любому композитору, хотя, конечно, предпочел бы русского. Рауль Пюньо превосходный пианист, умный музыкант, почему же ему не написать хорошего Эдипа, а мне не дать ему либретто? Текст Шаляпину известен в отрывках. Значит, остальное — дело коммерческое. Обработать либретто в совершенный вид к сдаче могу в 3-4 недели с момента получения «заказа». Вот и все. Как артиста я Шаляпина и ставил, и ставлю, и буду ставить высоко; после Ермоловой и покойного Эрнесто Росси, он для меня в артистах любимейшее имя. Что же касается человеческих его качеств, то я его не считаю ни потерянным, ни найденным человеком, а просто двуногим, великолепно слаженным существом, у коего вместо души талант, как у кота вместо души пар. Усердие Бунина в рекламировании Ваших восстановленных дружеских чувств с Шаляпиным производит впечатление несколько курьезное, как внезапный выпад ни с того, ни с сего [6].

Очень огорчило меня сейчас известие о смерти П. Н. Лебедева [7]. Я близко знал его в молодости. Это был гений в точнейшем смысле слова, и, быть может, какого еще в русской науке не появлялось.

Из интервью Бунина узнал о «Заветах». Ветхим заветом, конечно, по всем правам, будет Миролюбов. А новым?

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] П. Амфитеатрова о выходе из журн. «Современник» было напечатано в газ. «Речь» 21 января / 3 февраля 1912 г.

[2] Ляцкий стал редактором «Современника» в начале марта 1912 г.

[3] Амфитеатров предполагал печатать роман римского писателя Гая *Петрония* (I в. н. э.) «Сатирикон» в переводе В. А. Амфитеатрова и К. А. Лигского в журн. «Современник». Первый полный русский перевод был обещан на 1912 г. (машинопись с авторской и редакторской правкой хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 34).

[4] Замысел «Сатирической библиотеки» частично был осуществлен Амфитеатровым позже, изданием сборников «Забытый смех». См. А—Г, п. от 11 июня 1913 г., прим. 2.

[5] Никколо *Макиавелли* (1469—1527) — итальянский писатель, историк, политический деятель. Одна из его комедий — «Мандрагора» — в переводе Амфитеатрова была напечатана в т. 29 Собрания сочинений Амфитеатрова.

[6] Приехав в Одессу из-за границы, Бунин дал интервью корреспонденту «Одесских новостей». В интервью было много сказано о жизни Горького на Капри, его работе, о встрече с Шаляпиным. «У Шаляпина и Горького возникла интересная мысль — написать оперу о Ваське Буслаеве, предполагалось, что музыку к опере напишет Глазунов. Передав содержание повести Горького „Три дня“, Бунин сказал, что она будет печататься в новом журнале „Заветы“. Там же будет помещен новый рассказ Бунина „Веселый двор“» (Одесские новости. 1912. № 8659. 1/14 марта).

[7] Петр Николаевич *Лебедев* (1866—1912) — известный русский физик. Статья Амфитеатрова о П. Н. Лебедеве, которого он хорошо знал в 90-е годы, появилась в «Одесских новостях» (Записная книжка. 1912. № 8674. 18/31 марта). В сб. «Ау!» включена «Повесть о прекрасном юноше. (Памяти П. Н. Лебедева)».

282. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Капри. Между 19 и 27 марта 1912 г.〉

Дорогой Александр Валентинович,

про Эдипа Шаляпину сообщил, это его очень обрадует.

Успех «Совр.» мне известен; вообще — журналы идут в гору, говорят, что «Сов〈ременный〉 мир» в этом году печатается больше 20 т.

Кто будет в «Заветах» — не знаю, мое участие — номинально; дал маленький рассказ [1], а там — увидим — что́ будет. Первая книга выходит в апреле.

«Шиповник» тоже затеял журнал: денег у них 80 т.; голова — Иванов-Разумник [2], сотрудники ближайшие — Лапшин [3], Бенуа [4], Р〈имский〉-Корсаков [5], Пришвин, Андреев.

С осени затевается еще журнал в Москве, лицами неизвестными, но — денежными.

«Интервью» Бунина — не порадовало меня. «Близкие друзья — наиболее неделикатны»,— гласит пословица, очевидно — ассирийская.

Посетил меня некий купец из города Якутска [6], вот это, я вам скажу, удивительно! Даже — сказочно! Ох, жаль, не видели вы его.

А видели вы журнал «Украинская жизнь»? [7] Посмотрите, любопытно.

Будьте здоровы, желаю всего доброго!

У Зиновия помер отец, и ему, Зиновию, угрожает получение наследства [8].

А. Пешков

Я получил разные, по этому поводу, казенные бумаги и уже отправил их в Канаду. Рад, хотя отец-то был старикан любопытный и славный.

Датируется по п. Амфитеатрова от 18 и 28 марта 1912 г

[1] Рассказ «Три дня».
[2] См.: Г—Ив-Р, п. 1.
[3] Иван Иванович *Лапшин* (1870—1952) — философ-идеалист. Профессор Петербургского университета (1913—1922), с 1923 г.— профессор Пражского университета. Занимался проблемами истории философии и психологии, психологии художественного творчества. Автор трудов «О вселенском чувстве» (СПб.; М., 1911), «История педагогических теорий» (СПб., 1912), «Философские мотивы в творчестве Н. А. Римского-Корсакова» (СПб., 1912), «Художественное творчество» (Пг., 1922), «Эстетика Достоевского» (Берлин, 1923) и др.
[4] А. Н. Бенуа.
[5] Владимир Николаевич *Римский-Корсаков* (1882—1970) — сын выдающегося русского композитора Н. А. Римского-Корсакова, скрипач, музыкальный деятель, автор воспоминаний об отце.
[6] Речь идет об Алексее Алексеевиче *Семенове* (1882—1943) — якутском краеведе, общественном деятеле, авторе ряда статей, вместе с женой посетившем Горького. См.: Якутские друзья Горького. Якутск, 1970.
[7] «*Украинская жизнь*» — ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал националистического характера, выходивший в Москве с 1912 по 1917 г. В 9-м номере журнала за 1912 г. была напечатана ст. Горького «О русской интеллигенции и национальных вопросах».
В объявлении о подписке на 1912 г. в № 1 журн. «Украинская жизнь» сообщалось: «Журнал выходит на русском языке (...) Задачу „Украинской жизни" составляет служение интересам и нуждам 30-миллионного украинского народа и ознакомление общества с украинским национальным движением.
Программа журнала: Руководящие статьи по национальным вопросам.—Обзор событий текущей жизни на Украине. Суждения печати, преимущественно русской и польской, об украинском вопросе.— Письма из российской Украины и из Галиции. Критические статьи и литературные обозрения. Библиография. Украинское искусство и др.»
[8] Михаил Израилевич *Свердлов* был гравером, резчиком печатей, жил и умер в Нижнем Новгороде.

283. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.III.28

Дорогой Алексей Максимович.

Большое спасибо за уведомление о «Шиповнике». Это вещь серьезная, ибо народ там коммерческий, да и Андреев, как ни шлепается в последнее время, человек с рынком. А главное, у них там есть уже хорошая организация, с которою конкурировать я из своего прекрасного далека не возьмусь: довольно с меня этого мучения, с работою за десятерых. Наведу справки в Питере и, если все это не разговоры (ведь «Шиповник» не первый год грозится), то от «Нового вестника» откажусь, а купца моего [1] буду склонять к некоторому книжному делу.

Если у Вас есть лишний экземпляр Вашей статьи «О современности» [2], пришлите, пожалуйста. Мне почта не дослала №, в котором было начало, так что я читал только конец. В нем множество справедливых мыслей, но, правду сказать, в «Русском слове» они звучат столь неожиданно, что впечатление борется с юмористическим желанием поглядеть: с какими глазами слушают Вашу проповедь в своей храмине Розанов, Колышко, Спиро и прочая компания? Ну-ну! [3]

Сейчас у нас дом переполнился Роменом Ролланом: все читают. Хорошо этот барин смыслит музыку и пишет о ней [4].

«Просвещение» на днях будут судить за «Зверя из бездны». Я третий день подбираю для них там оправдательные документы. Если Вас интересует, за что могут судить, когда непременно хотят судить, пробегите стр. 33, 65—66, 140, 154, 206—207, 317—318, 333—334 и 440—441. Это — инкриминируемые места текста. Уморушка! Предисловие также преследуется. Грустно мне будет, если том будет уничтожен, а похоже на то.

Зина [5], если есть наследство после родителя, совсем процветет, ибо и самостоятельно становится на ноги. Теперь получил место

на жел. дор. по 20 долларов в неделю. Это уже — можно жить с грехом пополам.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] По-видимому, речь идет о книгоиздателе Н. А. Столяре.

[2] Ст. Горького «О современности» была напечатана в газ. «Русское слово» (1912, № 51 и 52, 2/15 и 3/16 марта).

[3] Речь идет о литераторах, сотрудниках газ. «Русское слово».

Иосиф Иосифович *Колышко* (1862—1938) — писатель, драматург, журналист. В 1899—1904 гг. (под псевдонимом Серенький) печатался в органе кн. Мещерского «Гражданин»; затем (под псевдонимом Баян) печатался в «Биржевых ведомостях» и «Русском слове». Автор драмы «Большой человек» (СПб., 1909). После Октябрьской революции — эмигрант.

Сергей Петрович *Спиро* — журналист и драматург. До 1907 г. был редактором-издателем севастопольской газ. «Крымский вестник». Печатался в «Русском слове».

[4] Р. Роллану принадлежит ряд выдающихся исследований в области истории музыки: «Происхождение современного оперного театра», «Опера XVII в. в Италии, Германии, Англии». Исследования о творчестве композиторов Люлли, Глюка, Генделя, Берлиоза, Гуго Вольфа и др. Особенно много Роллан писал о Бетховене. Возможно, речь идет о кн.: *Роллан Ромен.* Жизнь Бетховена. СПб.: изд. М. Семенова, 1912.

[5] З. А. Пешков.

284. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.IV.23

Дорогой Алексей Максимович.

Загостились Вы на сей раз в Париже[1]. Пожалуй, с месяц пробыли или больше.

Спасибо за «Эдипа». У меня, к сожалению, нет Гофмансталевой[2] переделки по-немецки, так что я не знаю, много ли навинтила Татьяна Львовна[3] от себя, но это очень нехорошо и совсем не Софокл. Что с хорами сделано! Простота греческого текста раскрашена и расцвечена чисто семитическою витиеватостью, образ то и дело заменен рассудочным притчесловием, пусто звучащим афоризмом. А ремарки! Подумаешь, Сем Бенелли[4] их писал, а то и сам Гаврило Благовещенский...[5] Я все-таки рад, что Вы познакомили меня с этою переделкою, она мне важна, как показание эффектов, для третьего акта либретто.

Как хорош «Хаджи-Мурат»![6] В третий раз его подряд читаю — право, кажется, после «Капитанской дочки» да «Тамани» на русском языке так повестей и не писывали.

А вот Бунин Ваш — «Суходол»[7] его ешь! Сколько ему лет? 80? 120? Притворяется реалистом, а все врет, в корне врет. Нет, усиливался, но не приемлю.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Горький уехал с Капри в Париж 28 марта, вернулся 20 апреля 1912 г.

[2] Гуго фон *Гофмансталь* (1874—1929) — австрийский писатель, драматург, поэт-символист, переводчик. Вольное переложение трагедии Софокла «Царь Эдип», сделанное Гофмансталем (1910), отличалось чертами, свойственными австрийскому символизму начала века, присущей творчеству Гофмансталя мистической эстетизированной интерпретацией тем любви и смерти, безграничной власти рока.

[3] Речь идет о поэтессе Татьяне Львовне *Щепкиной-Куперник* (1874—1952) и ее переводе на русский язык трагедии Софокла «Царь Эдип».

[4] *Сем Бенелли* (1874—1949) — известный итальянский драматург.

[5] Г. Д'Анунцио.

[6] Амфитеатров писал о повести «Хаджи-Мурат» в ст. «Не тот Толстой» (*Амфитеатров.* Т. 22).

[7] Горький высоко оценивал кн. Бунина «Суходол. Повести и рассказы 1911—1912 гг.» (М., 1912).

285. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 25 апреля 1912 г.)

Получил XIV, XV книги ваши, дорогой А. В., благодарю вас! [1]

В этих книжках все знакомо мне, но я еще раз прочитаю все — приятно читать вас; не думайте, что комплимент говорю.

А я весьма ушиблен — утром сегодня получена депеша из Флоренции: Митя Колпинский застрелился [2]. Здесь жила его жена и ребенок, сейчас отправил ее в Неаполь и далее, до Митьки — жалко его мне, такой честный был землячок. Недавно он жил на Капри, вместе с графом Бутурлиным [3], племянником поэта. По телеграмме — Митя еще жив, но — рана опасна; конечно — в область сердца: русский человек — целил в самое больное и чуткое свое.

Был недавно в Париже, видел множество народа и вынес тяжкое впечатление: ох, многие застрелятся!

А «Великая Россия» [4] собирается воевать и, кажется, даже Константинополь брать желает? Боюсь.

Здесь живет болгарский писатель Петко Тодоров [5] — очень интересный человек,— тоже тревожится.

По скорости к вам, пожалуй, свалится Илья Дмитриев Сургучев из Ставрополя Кавказского и Парижска; прошу — примите ласково! Славный парень, обещает быть хорошим писателем.

Очень хочется видеть вас, а сорваться с места — не могу. Будьте здоровы.

А. Пешков

Датируется по содержанию. Известие о самоубийстве Д. Д. Колпинского Горький получил 25 апреля 1912 г. См.: *Арх. Г.* Т. IX. С. 139—141.

[1] Речь идет о томах Собрания сочинений Амфитеатрова.

В т. 14 (СПб., 1912), озаглавленный «Славные мертвецы», вошли статьи о Чехове: I. Памяти Антона Павловича Чехова. Стихи (Вологда, 2 июля 1904). II. В посмертные дни (июль 1904). III. «Вишневый сад». IV. Цветы «Вишневого сада» (15 июля 1904). V. Мысли и памятки. Роман Чехова (Cavi di Lavagna, 1909, 6 июля). VI. О письмах Чехова (Cavi di Lavagna, 1909, 2 июля). VII. Оклеветанный Чехов (август—декабрь 1909). VIII. 17 января 1860 года (год рождения А. П. Чехова). IX. Еще о письмах Антона Чехова. X. Из записной книжки. XI. Загадочный документ (1911). XII. Ненужная победа, а также статьи: «Александр Иванович Чупров», «Алексей Александрович Остроумов», «Петр Филиппович Якубович», «М. Н. Альбов».

Т. 15. (СПб., 1912) — Мутные дни. I. Издали: Великий анекдот. Большовы и Подхалюзины. Нарочная жизнь. Веревка повешенного. Между гробом и колыбелью. О русских Государственных думах. «Все равно». Сергей Андреевич Муромцев. Ф. Н. Плевако. Гадина. «Конь бледный». «Морская болезнь» — Ответ читательнице. II. Письма о польском вопросе. III. Новый народ и его певцы: Андрей Белый. Родионовщина. Новая сила. IV. В. Г. Короленко.

[2] Дмитрий Дмитриевич *Колпинский* (1884—1912) — журналист, знакомый Горького по Нижнему Новгороду. Его жена — Анна Николаевна *Мирославская-Колпинская* (1886—1978) — писательница и переводчица. Ее воспоминания о встречах с Горьким хранятся в *АГ*.

[3] *Бутурлин* — племянник поэта Петра Дмитриевича *Бутурлина* (1859—1895).

[4] «Великая Россия» — название сб. статей по военным и общественным вопросам, редактором-издателем которого был В. П. Рябушинский (М., 1910, кн. I; М., 1912, кн. II). «Видели вы два тома „Великой России", изданные русскомыслецами? Это — пряник! С мышьячком испечен!» — писал Горький В. И. Ленину в феврале-марте 1912 (*Ленин и Горький*. С. 81).

В п. к Е. П. Пешковой от 20 апреля / 3 мая 1912 г. Горький писал: «Очевидно „мы" хотим воевать с Турцией, ибо заключили союз с Болгарией» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 141).

[5] В это время Горький писал Е. П. Пешковой: «Здесь все еще живет Петко Тодоров, это весьма талантливый человек и, несомненно, самый интересный писатель Болгарии, не считая Славейкова, мы много говорим о России, и мне ужасно неловко слышать его похвалы русской интеллигенции, русской литературе — не знает он, каковы они „вечные ценности", ныне. И вообще, хотя Россию он видит сквозь Тургенева, Толстого, Чехова,— для меня это тройное освещение — печально, а его — восхищает, и мы не понимаем друг друга» (Там же. С. 140).

В свою очередь, Тодоров в то же время писал о Горьком К. Кристеву: «Какой прекрасный человек! Как располагает к себе своим непринужденным обращением и добротой. *Впечатление поистине неожиданное и незабываемое* (...) Долго беседовал с ним преимущественно на литературные темы. *Читал Ботева, Вазова, Пенча* (Славейкова.— *Ред.*). *Величкова, Мих*⟨*алаки*⟩ *Георгиева. Говорил с любовью о нас, болгарах, и обо всем славянстве.* Показал, что резко против политики официальной России. Доброе человеческое сердце — настоящий социалист!» (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 268).

286. И. В. АМФИТЕАТРОВА — ГОРЬКОМУ

⟨Феццано. Начало мая 1912 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

пишу Вам, ибо супруг мой бедный лежит врастяжку и рычит на весь мир. Напугал он меня — ужас — подумала я, что снова схватил он воспаление легких, но оказалась лишь сильнейшая инфлюэнца, хотя это и не исключает нисколько неприятнейших возможностей. Вот уже четвертые сутки мается, все никак не удается сбить до конца температуру. На счастье пришли Ваши книжки[1], вот и читала ему вслух. Два рассказа понравились, вот как! и Александр Валентинович велит Вам надписью не кокетничать...[2] Потеряли Колпинского, что будешь делать, совсем в угол загнался, а как милого человека очень жаль.

Уж и как бы хорошо было, кабы Вы приехали хоть на пару деньков. Надо Вам повидаться с А. В. А. если бы Вы знали, как у меня теперь сад хорош. Роз — море.

Ну, вот пока всего лучшего.

Может, заглянете?

Душевно преданная

А. Амфитеатрова

Печатается по копии, находящейся в деле Департамента полиции (*ЦГАОР*, ф. ДП, оп. 265, ед. хр. 652, л. 4—5). Текст письма предоставлен Л. С. Пустильник

Датируется по п. Горького Амфитеатровой от 12 или 13 мая 1912 г.

[1] Горький выслал Амфитеатрову кн.: *Горький Максим.* Случай из жизни Макара: Рождение человека. (Два рассказа). ⟨Берлин⟩: изд-во Ладыжникова, ⟨1912⟩; *Горький М.* Сказки. ⟨Берлин⟩: изд-во Ладыжникова, ⟨1911⟩.

[2] Речь идет о дарственных надписях Горького на посланных им книгах. См. публикацию Д. Нормана и В. Эджертона.

287. ГОРЬКИЙ — И. В. АМФИТЕАТРОВОЙ

⟨Капри. 12 или 13 мая 1912 г.⟩

См. публикацию В. Эджертона и Д. Нормана.

288. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.V.14

Дорогой Алексей Максимович.

Сегодня слез с одра, показал ему язык и сел к письменному столу... Слаб, как баба из Вашего чудесного рассказа[1], хотя и ничего не родил.

Сургучеву буду очень рад.

О Петке Тодорове много слышал и, обыкновенно, все в лестную сторону.

Жалко Митю Колпинского. А вон еще молодая жизнь гибнет прахом: Сережа Горелов при смерти.

Да, застрелится много. Но, по правде сказать, если бы из тех, кто не застрелится, перестрелять большинство, не было бы большого ущерба ни для них самих, ни для человечества.

Сегодня Г. А. принес какую-то прокламацию под названием «Цып-

лячья революция», которую... приписывают мне! Прочитал — и даже обиделся: неужели я пишу так скверно, что похоже на это?

Во время болезни, ища легкого чтения, впервые в жизни систематически читал друга моего Василия Иван. Немировича-Данченку.[2] Шесть томов! Возненавидел его, после 30-летней дружбы, к половине первого тома, и, что дальше, то пуще, а шестой читал уже с тихою яростью безнадежной обреченности. Теперь опять люблю, но дал себе честное слово больше его романов не читать: от них нельзя сойти с ума, но ничего не стоит ум потерять. Какой это сквозной ветер, дующий неизвестно откуда, неизвестно куда, неизвестно почему и неизвестно зачем.

До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

Когда я болел, просил Илларию Владим., чтобы Вам написала. Получили ли?

[1] «Рождение человека».

[2] По-видимому, Амфитеатров читал Собрание сочинений Вас. И. Немировича-Данченко в шести томах, изданное П. П. Сойкиным. СПб., 1904 (вышло 5 томов).

289. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.V.19

〈...〉 Прочел вчера, что «Заветы» конфискованы, и по крутым статьям 73 и 129. Очень сожалею. Журнал такого направления положительно необходим сейчас[1], но боюсь, что будут его резать, резать и резать, ибо правительство совершенно ясно определило, какая ему оппозиция нужна и до каких пределов, учредило «либерализм терпимости», и все, что высовывает дальше «изгоевщено-милюковщины» когти свои, либо даже коготки, подлежит истреблению. И в самом деле — чего им? Устроились великолепно, со всеми конституционными моделями, чтобы люди глядели. Желаете либералов? Сколько угодно — казенной марки, вроде монополии виттевской: и «Речь», и «Русское слово», и «Русские ведомости», и «Вестник Европы»; желаете социал-демократии — пожалуйте, стриженная под гребенку,— «Современный мир» (ни одной цензурной кары!) [2]... труднее с народничеством — ну все-таки, хоть на положении enfant terrible и с постоянными штрафами, терпится академия н〈ародных〉 с〈оциалистов〉 «Русское богатство»...[3] Новому же дышать вряд ли дадут. «Заветов» я не видал, но рекламу им, сосредоточенную на романе Ропшина, читал и, если роман имеет действительно то содержание, которое изложено в рекламе, то, признаюсь, появление его в органе террористов несколько загадочно.

Анкет мне тоже наслали. Я не отвечал ни на одну, потому что очень еще дрянно себя чувствую, хотя лихорадка прошла совершенно.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Знаете ли Вы сборник «Архангельских былин и истор〈ических〉 песен» А. Д. Григорьева с напевами, записанными посредством фонографа?[4] Замечательнейшая вещь, и сколько нового!

Какую пошлую ерунду написал Л. Войтоловский о шлиссельбуржцах[5]. Герм. Ал. в большом и справедливом негодовании.

Письмо публикуется с сокращениями.

[1] Первая (апрельская) книжка нового журн. «Заветы» была конфискована сразу же по выходе журнала в свет. 3/16 мая А. А. Блок записал в дневнике: «Пришел первый номер „Заветов“ (уже конфискован)...» (*Блок Александр.* Собр. соч. М., 1963. Т. 7. С. 142). О журн. «Заветы» см.: Г—Ив-Р.

Амфитеатров приветствовал выход журн. «Заветы», «нового, твердо направленного народнического органа», линия которого «символически обозначена в начале книжки портретами Герцена и Михайловского» (Утро России. 1912. № 135 16/29 мая).

[2] О журн. «Современный мир» см.: Г—СМ.

[3] После революции 1905—1907 гг. «Русское богатство» стало органом «народных социалистов», группы, занявшей промежуточное положение между эсерами и кадетами (А. В. Пешехонов, В. Я. Мякотин, Н. Ф. Анненский и др.). Они объявили себя противниками подпольной революционной деятельности и террора, защищали мирную тактику и широкое использование «парламентских» возможностей.

[4] Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., с напевами, записанными посредством фонографа. Т. 1. М., 1904; т. 3. СПб., изд. имп. Акад. наук, 1910; т. 2 вышел в Праге, в 1939 г.

[5] Речь идет о ст. Л. Войтоловского «Случайные заметки. (Шлиссельбуржское последствие)» (Киевская мысль. 1912. № 121, 2/15 мая).

290. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 20 и 27 мая 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Сейчас прочитал — в корректуре — повесть Шолом Аша «Мэри»[1], очень грустно стало: повесть интересна по сюжету, хорошо начата и — вдребезги испорчена портретами Волынского, Чирикова, Ходотова, Дымова и др. портретами, которые написаны и грубо, и зло.

Знаете — это какая-то «новая полоса»[2]: Дымов только что выпустил роман, где изобразил Мережковского, Сологуба, раскрасил меня[3], недавно я прочитал рукопись, рисующую Арцыбашева, какую-то актрису, названную его женою, и, очевидно, Башкина. Роман Ропшина тоже «портретен»[4], да и «На весах жизни» Винниченка едва ли не грешит этим же.

Ропшин и Винниченко дадут очень солидный материал гасителям духа и тем, кто любит плясать на могилах.

Я поставил «Заветам» условие, чтоб они меня не печатали в одной книге с Ропшиным, дали бы мне время отойти в сторону, а они — пожалуйте! В конце концов печататься негде, а я принужден работать в журналах.

Если попадет вам в руки книжка «Заветов» — обратите внимание на повесть Вольного[5]: вот как деревня пишет о себе самой! Вот у кого надо бы поучиться писать Муйжелю[6], именующему себя «единственным бытописателем современной деревни».

Андреев сочиняет «Вечного жида»[7] — эх, зря!

Дживелегов зачинает исторический журнал[8], нашел 100 т‹ысяч›. Зачэм исторический? Ны надо, надо просто хороший журнал.

Говорят, что я подал прошение на Высочайшее о помиловании и — ругаются, ругаются чернилами. А я еще не подавал, мне — некогда, я сижу и сочиняю длинную поэму, коя начинается так:

«Если б я, положим, удавился,—
То-то бы читатель удивился!» и т. д.

Вам, М. Г., следует написать исторический роман — это факт! Из эпохи «смуты».

Брок‹гауз› — Эфрон весьма своевременно начали издавать «Библиотеку народоведения», вышла книжка Роде о Китае, очень интересная, и книжка о Персии[9] — еще не читал. Дорого издают!

Будьте здоровы и передайте мои поклоны Г. А. и И. В., письмо ее мною получено, и своевременно — я ей отвечал.

Сюда являются в обилии русские люди. Очень скучные люди, можете быть уверены в этом. Навозный народ, ибо их навозит сюда пароход и безделье. Как неудачно скаламбурил, ай!

Ну, всего хорошего!

Приехал Сургучев[10] и ходит по пианино. Гром!

Кто издал книжку Григорьева и где?

А видели вы «Уединенное» Розанова?[11] Это — шоколад!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 19 и 28 мая 1912 г.

[1] Роман Шолом Аша «Мэри» печатался в изд-ве Ладыжникова.

[2] В п. Андрееву от 2—5 июня 1912 г. Горький отмечал: «Началась в литературе русской какая-то новая — странная — портретная полоса...», ссылаясь на произведения тех же авторов (*ЛН*. Т. 72. С. 345).

[3] О. Дымов «Томление духа».

[4] Ропшин (Б. Савинков) «То, чего не было».

[5] «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях» И. Вольнова (Заветы. 1912. № 1).

[6] Виктор Васильевич *Муйжель* (1880—1924) — писатель либерально-народнического направления. Основные произведения Муйжеля, посвященные описанию тяжелой жизни дореволюционной русской деревни, отличались крайне мрачным, безысходным характером («Мужичья смерть», «Аренда», «Бабья жизнь». «Старушечья земля», «Грех», «Дача», «Нищий», роман «Год» и др.). Это чрезмерное сгущение черных красок в творчестве Мужейля и многих других литераторов того времени, писавших о «мужике», вызывало отрицательное отношение Горького. Он писал 15 мая 1908 г. Пятницкому: «Муйжель с каждым рассказом становится все многословней и скучней. Его художественная сила — невелика, идейное ее содержание — реакционно. Он романтик, пессимист; он объят „мистическим" ужасом пред мужиком и деревней ⟨...⟩ „Грех" Муйжеля — вещь, плохо выдуманная и к тому же еще испорчена „философией" Мережковского. „Нищий" — антидемократичен, как и „Дача" — как и все» (*Арх. Г.* Т. IV. С. 250).

[7] По-видимому, речь идет об «Агасфере», пьесе Андреева, задуманной, но не реализованной. План этой пьесы хранится в *ЦГАЛИ*. См.: *ЛН*. Т. 72. С. 344—345.

[8] Возможно, речь идет о журн. «Голос минувшего». Выходил с 1913 г. Живелегов был одним из его редакторов.

[9] Имеются в виду книги серии «Современное человечество. Библиотека обществознания», вышедшие в изд. Брокгауза и Эфрона: Жан Род «Современный Китай» (пер. с франц. М. А. Брагинского и В. Берар), «Персия и персидская смута» (пер. с франц. А. Павловича). Обе книги с пометами Горького хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[10] Сургучев приехал на Капри в конце мая 1912 г. Уехал 4 июня 1912 г. (*АГ*).

[11] В. Розанов «Уединенное (почти на правах рукописи)» (СПб., изд. Суворина, 1912). Горький писал Розанову около 10/23 апреля 1912 г.: «...нашел на столе „Уединенное" — схватил, прочитал раз и два, насытила меня Ваша книга, Василий Васильевич, глубочайшей тоскою и болью за русского человека, и расплакался я ⟨...⟩ Представляю, как не понравится, как озлит эта книга всех,— и радуюсь, ибо все, что не нравится людям, должно быть побеждено ими, и — будет побеждено. Будет побеждено и рабство пред богом Ваше, Достоевского, Толстого, Соловьева; ведь или мы победим это, или — погибнем, „яко обри"» (Контекст. 1978. М., 1978. С. 306). См. пометы Горького на этой книге (Там же. С. 310—311).

О Розанове Горький писал Е. П. Пешковой: «Удивительно талантлив, смел, прекрасно мыслит и — при всем этом — фигура, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, более трагическая, чем сам Достоевский. Уж конечно, более изломанная и жалкая. Часто — противен, иногда даже глуп, а в конце концов — самый интересный человек русской современности» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 124—125).

291. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.V.28

Дорогой Алексей Максимович.

А я все кисну что-то и боюсь, чтобы кисель не обратился в хронический.

«Заветы» [1] видел. Лучшая, т. е. интереснейшая по правде вещь там, из беллетристики, не считая Вашего «Человека родившегося» [2], который мне очень нравится, несмотря на Вашу воркотню, конечно, Ивана Вольного [3]. Это отнюдь не художество, но нечто чрезвычайно нужное и большое. «Решетникова [4] тень его усыновила». Ювелир Ваш излюбленный, вышиватель петухов на полотенцах И. А. Бунин [5] рядом оказывается ма-а-аленький, глу-у-упенький, сла-а-бенький... А куда же И. Вольному до его письма: то скрипит немазаная ось, а то — музыка...

По печальному опыту «Совр.» скажу: слишком много Чернова [6]. Я-то люблю его читать, ну а публика не весьма. Журнал же издается не для литераторов, а для публики.

Говорить о Ропшине так надоело за последние дни, что и Вам ничего не напишу. Смотрят с того света Лесков... да что Лесков! даже Крестовский, Клюшников и Житель [7] и говорят:

— Какой бы шум Вы подняли, друзья, когда бы это сделал я!

Как ведется беллетр. отдел, составить понятие себе нельзя, ибо он состоит из имен, а имена суть деньги, и, раз деньги заплачены, то имена сами отвечают за себя. Все же, что от Миролюбова зависело, конечно, скверно. Наводнение дрянных стихов, плохая правка И. Вольного [8] и нелепая доза в 18 страничек Ропшина, которого надо было или совсем не печатать, или уж печатать ответственным, вызывающим куском,— все это совершенно в духе Виктора Сергеевича. И кто это им так скверно перевел Герценову статью?! [9]

А книжка все-таки *мне* нравится, я желаю журналу полного успеха и рекомендовал его своим читателям. Боюсь только, что задушит его цензура, да и участники расплюются...

Что — между нами — к удивлению моему — очень плохо и скучно: Коцюбинский... [10]

Григорьев издан Академией наук. Чудесная у него записана песня (не частушка), как мужики филина ловили.

Буду рад, если Сургучев приедет. А «Губернатор» его — ему, конечно, не говорите — мне совсем не нравится. Длинно, длинно, скучно, скучно, ненужно, ненужно... Андреевский куда был лучше [11]. А тут — знаете — с Толстым последней манеры, и в оригинале-то, мириться дело на охотника, а уж когда еще ученическое аппликe...

Удивляетесь, что стали беллетристы писать друг про друга портретные вещи. А что же они могут еще писать? Публика от ерундистики и ученических тетрадок откачнулась, говорит: пиши правду, что́ было, что́ есть. А какую же они правду видели и знают? Кабак «Вену», мордобой у Ходотова, кошкожёг у Гоги Попова [12] да редакционные интриги и взаимообщение пишущей братии. Ну, значит, и будут пасквилить друг друга, потому что ничего иного они, за десять лет, не наблюдали и знать не хотели.

Ох, написал бы я исторический роман, да уж слишком много между им и мною обязательств, подлежащих исполнению... Думаете, радостно на старости лет газетными мелочами время свое пожирать? А что будешь делать? Вон, старший сын жениться хочет...

Три дня в расстройстве чувств из-за бурцевского безумия [13]. Что только это чучело делает! Хоть бы в Свод законов заглянул, прежде чем печатать дикие свои обязательства... Революцию делает, а не знает того, что в России инициатива политического обвинения частным лицам не принадлежит, и не то что всех прохвостов министерских, а даже самого себя посадить на скамью подсудимых он не в состоянии, ибо на русской почве им никаких преступлений не совершено, а заграничное правительство «благородно» игнорирует. Возьмут этого бедного Бурчика на границе жандармы, продержат его года полтора на подследственном положении в одиночке, а там отправят без всякого суда, в административном порядке, сходить с ума или помирать в Верхоянск какой-нибудь... Ведь не молоденький он! Шестой десяток на половине! А оттуда бегают только те, кто царю не насолил и ему не нужен. Как «Бабушку»-то стерегут!.. [14] И как подумаешь, что все это — результат провокации, довинтившей Бурцева до того, что он осатанел и полез на стену,— право, бить морды хочется, при всем моем скептическом духе и нраве... Бурцев, по самонадеянности своей, непрактичности и малости литературного таланта, наделал много ошибок таких, что его высечь — в самую пору. Но то, что с ним делают сейчас, в наивности своей, Делевский и К°,— для меня совершенно несомненно, ворочаемые, сами того не подозревая, какими-то преловкими, антиреволюционными и, всего вероятнее, прямо-та-

ки полицейскими руками,— прямое преступление против революции. И если они его отдадут своими разжиганиями в руки Николая II, будет это таким черным пятном на деле русской свободы, от которого эмиграция не отмоется... И Герм. Ал., и я написали Бурцеву весьма решительные — а он даже и резкое — письма против его намерения. Если бы Вы написали ему, было бы очень хорошо, потому что он чувствует к Вам великий респект и Ваше слово было бы для него очень важно.

До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

Лара и Герм. Ал. шлют привет.

[1] Речь идет о 1-м (апрельском) номере журн. «Заветы» (СПб., 1912).

[2] Рассказ «Рождение человека. (Из воспоминаний проходящего)».

[3] Ив. Вольнов «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях. Детство».

[4] Федор Михайлович *Решетников* (1841—1871) — писатель, принадлежавший к лагерю демократической литературы 60-х годов.

[5] Ив. Бунин «Веселый двор» (Заветы. 1912. № 1). В противоположность Горькому Амфитеатров в те годы относился к творчеству Бунина резко отрицательно. См. его оценку «Деревни» в ст. «Литературные впечатления» (Современник. 1911. Кн. 2).

[6] В № 1 «Заветов» помещены ст. Чернова «Не вовремя родившийся» и — под псевдонимом Я. Вечев — «Дела и дни: „Умеренные" и „крайние"».

[7] Речь идет о русских писателях, представителях так называемой антинигилистической беллетристики.

В. В. Крестовский приобрел известность романами «Петербургские трущобы» (с изображением «столичного дна»), «антинигилистической» дилогией «Кровавый пуф» («Панургово стадо», 1869, и «Две силы», 1874) и др. Виктор Петрович *Клюшников* (1841—1892) — романами «Марево» (1864), «Большие корабли» (1866—1874), «Цыгане» (1869), «Не Марево» (1871) и др. «Житель петербургской стороны» — один из псевдонимов Александра Александровича *Дьякова* (1845—1895) — беллетриста-фельетониста, автора произведений, направленных против революционеров 1870-х годов, романа «Кружковщина, наши лучшие люди — гордость нации» (Одесса, 1879) и др.

[8] Сохранилось свидетельство самого И. Вольнова о помощи, которую оказывал ему Миролюбов. В автобиографии он писал: «После Горького много, премного сделал для меня В. С. Миролюбов. Горький слишком мягко относился ко мне, часто во вред мне. Теперь я так думаю об этом. Тогда, быть может, это так и было нужно. Миролюбов был суров. Учась писать, я был между ласковой матерью — Горьким и суровым, но справедливым наставником — Миролюбовым» (*Клейнборт Л. М.* Очерки народной литературы (1880—1923 гг.). Л., 1924. С. 149). См. также публикацию К. Д. Муратовой «И. Вольнов. Письма В. С. Миролюбову» (Русская литература. 1974. № 1. С. 179—183).

[9] В кн. 1 «Заветов» впервые на русском языке печаталась ст. Герцена «Пролегомены», которая была помещена на французском языке в первом номере «Колокола». В примечании от редакции говорилось: «К сожалению, приходится довольствоваться переводом, который бессилен передать всю яркую оригинальность и красочность собственного языка Герцена» (разд. II, с. 26). Имя переводчика не было указано.

[10] Повесть «Тени забытых предков».

[11] Горький способствовал напечатанию романа Сургучева «Губернатор» в XXXV *сб.* «*Знания*» за 1912 г. Упоминается также повесть Л. Андреева «Губернатор». Впервые напечатана в журн. «Правда» (1906, кн. 3).

[12] Речь идет о скандальных историях в среде писателей.

[13] В газ. «Будущее» (1912, № 32) Бурцев объявил о своем решении ехать в Россию с целью предстать перед царским судом и таким образом получить трибуну для разоблачения преступной деятельности царского правительства. В «Письме товарищам» (Там же, № 33), отвечая на письма и советы друзей, возражающих против его решения ехать в Россию, Бурцев писал: «...когда мой голос может быть услышан в России — я должен сделать все от меня зависящее, для того чтобы выступать с протестом против неслыханных в истории издевательств, какие наши власть имущие творят над нашей родиной». Бурцев уехал в Россию в 1914 г. В 1915 г. был арестован, осужден и сослан в Туруханский край. Вернулся из ссылки после Февральской революции 1917 г.

[14] Речь идет об эсеровской политической деятельнице Екатерине Константиновне *Брешко-Брешковской* (1844—1934), прозванной «бабушкой русской революции». Провела в тюрьмах, на каторге и в ссылке 22 года. В конце 1913 г. сделала попытку бежать из ссылки, но была арестована, заключена в тюрьму под строгий надзор охраны (Будущее. 1914. № 48. 4 янв.).

292. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Конец мая — начало июня 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Бурцеву я написал злое письмо, тотчас же как получил от него известие об этой нелепице [1], придуманной им. Удивительный человек! Неужели это его ушибли брошюрки Акимова и Бакая?[2] Кстати — читали вы их? Литература любопытная, и ее «еще много будет», как объявил Меньщиков американский [3].

Передал Вольному ваш отзыв о его повести; ему это и нужно, и приятно знать. Славный парень, любит работать, любит учиться.

А Сургучеву — конечно, ничего не сказал. Я не согласен с вашим суждением о «Губернаторе» — вещь, право, недурная. Ее читают. Немножко «гуманизма» — не повредит ничему.

Он — порядочный увалень, и хотя изучал китайский язык, но это сошло с него, как пудра со щеки дамы. Имеет склонность к утолщению живота и скоро «взыде плешь на главу его за беззакония его», как сказано Иисусом, сыном Сираховым [4], которого Скиталец перекрестил в «премудрого Сираха».

Превосходную повесть написал Алексей Золотарев [5] — очень эта повесть хороша в сопоставлении с Винниченком и Рошиным!

Ежели чего напишете о «Заветах» — пришлите прочитать.

И будьте же здоровы. Хворать неприятно и непохвально, я это очень знаю. Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 28 мая 1912 г.

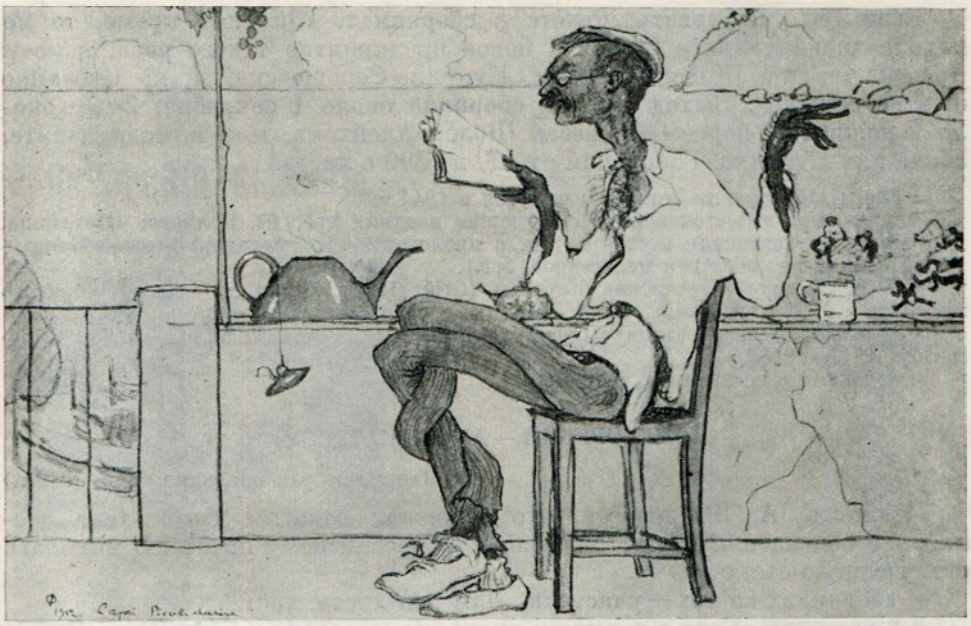
[1] Горький писал Бурцеву после 28 мая 1912 г.: «Я плохо понимаю цель Вашей поездки в Россию. Она мне кажется средством героическим, но несколько напоминает самоубийство. Вы думаете добиться суда над Вами? Боюсь, что этого Вы не добьетесь. Тюрьмы — да, суда — нет. Они сделают такую мину, как будто производят следствие по вашим обвинениям, и — заморят вас. А черносотенная и „лояльная“ пресса воспользуется брошюрами Акимова и Бакая, чтобы подмазать Вам репутацию. Это все — чего, на мой взгляд, вы добьетесь...» (*АГ*).

[2] М. Бакай в своей брошюре «О разоблачителях и разоблачительстве. Письмо В. Бурцеву» (Нью-Йорк, 1912) выступил против Бурцева, приписывающего себе исключительную заслугу разоблачения провокаторов, в том числе Азефа и Жученко. Бакай писал о своей роли в раскрытии Азефа и резко критиковал методы деятельности Бурцева. До выхода брошюры Бакай выступил с критикой Бурцева в «Парижском вестнике». Бурцев полемизировал с ним в ст. «Бакай и Меньщиков» (Будущее. 1912. № 27. 21 апр.).

Весной 1912 г. в Нью-Йорке вышла брошюра Акимова «Не могу молчать», последняя — четвертая — глава брошюры называлась «Я требую суда над Бурцевым».

[3] Речь идет о «вступительной заметке» Леонида Петровича *Меньщикова* (1869—1932) к брошюре Бакая. Меньщиков, чиновник особого отдела Департамента полиции, в 1909 г. уехал за границу, где выступил с разоблачением царского правительства. Горький интересовался Меньщиковым. 30 сентября / 13 октября 1910 г. он просил Е. П. Пешкову узнать у Бурцева: «...могу ли я познакомиться и повидаться с Меньщиковым? Мне это очень важно в литературных целях, более чем важно — необходимо!» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 97). 12/25 октября он снова писал Е. П. Пешковой: «Относительно Мень⟨щикова⟩ — не беспокойся, это дело взял на себя Гер⟨ман⟩ Ал⟨ександрович⟩. Думаю, что мне удастся узнать много интересного и важного для меня» (Там же. С. 99).

25 апреля 1926 г. он просил Е. П. Пешкову: «Немедля пришли мне: Л. Меньщиков. Охрана и революция. Изд. жур. „Каторга и ссылка“», и в письме от 14 июля 1927 г.: «Очень важно! Если вышел в т о р о й том книги М е н ь щ и к о в а „Охрана и революция“ издание журнала „Каторга и ссылка“ — пожалуйста, немедленно пришлите мне! Очень нуждаюсь» (Там же. С. 253, 269). Кн. Л. Меньщикова с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*Описание*). Амфитеатров писал о Меньщикове в ст. «Курьезное возражение». В ст. «Дядя Враль» Амфитеатров замечал: Бурцев «в последнее время сделал — право — чем-то вроде ярмарочной „Головы турка“, по которой без устали колотят разные Регулы из охранки и Аристиды из раскаявшихся сыщиков. Г. г. Меньщиков, Бакай, Еваленко бесконечно упражняют на г. Бурцева



А. А. ЗОЛОТАРЕВ

Шарж В. Д. Фалилеева (бумага, акварель). Капри, август, до 27 1912 г. Слева надпись: «В. Ф. 1912. Capri Piccola Marina»

Музей Горького, Москва

свою обличительную энергию. Дескать, и я его лягнул. Пускай охранное копыто знает» («На всякий звук», с. 146—147).

[4] Иисус сын Сирахов — древнееврейский проповедник, библейский персонаж.

[5] Речь идет о повести Золотарева «На чужой стороне» (XXXV *сб.* «*Знания*», 1912).

293. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.VI.13

Дорогой Алексей Максимович.

Занят я, как дьявол, и даже, может быть, несколько более. А жизнь слагается так, что хоть фабрику фальшивой монеты учреждай. И, кажется, открыл бы, если бы был технически способен...

Нет, Сургучева восьми читателям давал читать — не одобряют. Один выразился:

— Хорошо над покойниками вместо псалтыря.

Был Василий Неумирович. Ах, чёрт его возьми, этого человека, родившегося в 1840 году! Не только мне, но даже Вам сорок очков вперед даст и с кия обыграет...[1] Курьезищи рассказывал про «Русское слово», Сытина и пр.

Жду Ляцкого. Зачем-то едет с делами. У них большая заминка с неисполнением обещанной программы, кою публика требует.

Читали Вы беляевские пьесы? Белиберда в конце концов. А приносит ему великие тысячи[2].

А Ончукова «Печерские былины» знаете? Вот томище-то![3]

Не посылаю Вам «Паутину», потому что скоро выйдет 2-й том, а мне не хочется, чтобы Вы в розницу читали, ибо это и вместе нехорошо, а вразбробь совсем плохо[4].

До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

Если Вы участвовать можете в сборниках, «Знания» кроме, то не дадите ли какую-либо штуку в новое предприятие такого рода, в коем примут участие Шолом-Алейхем, Куприн, Серошевский и я? Название еще не решено[5]. Выход первого сборника около 1 сентября, 2-го — около 1 ноября. В первом — повесть Шолом-Алейхема, моя и, если дадите, Ваша или Куприна. Гонорарий от 400 до 500 с листа.

[1] Вас. И. Немирович-Данченко родился в 1844 г.

[2] Возможно, имеются в виду следующие издания пьес Ю. Беляева: «Путаница, или 1840 год. Святочная шутка в 1 д. с прологом», «Театральный день», «Псиша» (СПб., изд. журн. «Театр и искусство», б. г.).

[3] Н. Е. Ончуков «Печорские былины» (СПб., 1904). Книга с пометами Горького хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[4] Александр Амфитеатров «Паутина». Роман в 3-х частях (СПб., изд-во «Прометей», 1912—1913).

[5] Издание не состоялось. См. ниже.

294. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Вторая половина июня 1912 г.)

Извините, А. В., дорогой, что задержал ответ: публицистика заела[1], что поделаешь? Видно, не положено российскому писателю миновать сию трудную стезю.

В сборниках ваших — участвую. Дам пол-листа, лист.

5-й книжкой «Совр.» изумлен: «какая смесь одежд и лиц»[2].

Собирается сюда Куприн[3].

«Паутину» все же надо бы мне знать!

Нашел интересного писателя — зырянин![4] Ах, хорош!

Хороши стихи сибиряка Вяткина. 3-е издание[5].

Вообще — сибиряки, как «ферраши,— чрезвычайно хороши».

До свидания, ибо уверен, что все-таки увижу вас ранее, чем издохну от истощения сил, немецких визитов, дурной погоды, русского нытья, чтения газет и прочих ядовитых опасностей, кои сокращают жизнь мою с быстротой ужасной.

Хочу быть лысым и говорить басом. Обрил голову — т. е. волосы с головы — бритвой, а все не спится, хотя обливаю башку водой.

Будьте здоровы! Будьте!

Не примите сие восклицание за угрозу.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 13 июня 1912 г.

[1] В это время Горький работал над циклом «Издалека», ст. «О русской интеллигенции и национальных вопросах» (Ответ на анкету газ. «Украинская жизнь»), «В пространство...» и др.

[2] Строка из поэмы Пушкина «Братья-разбойники».

В кн. 5 «Современника» за 1912 г. напечатаны: I. «Дьякон и смерть». Рассказ С. Гусева-Оренбургского. II. «Сон». Рассказ М. Кодюбинского. III. Стихотворения Бориса Садовского. IV. «Стефания». Роман (продолжение) Поля Адана. V. «Блуждающие звезды». Роман (продолжение) Шолом-Алейхема. VI. «Один из них». Рассказ С. Савинковой. VII. «Стихотворение» Юлиана Анисимова. VIII. «На перепутье к новой жизни. Этюд из биографии Н. Г. Чернышевского». Евг. Ляцкого. IX. «У Л. Н. Толстого в голодный 1892 г.» В. Величкиной. X. «Египет» Андрея Белого. XI. «Новый турецкий парламент» Горцева. XII. «Великие железнодорожные и морские пути будущего» М. Павловича. XIII. «Борьба гигантов» Г. Цыперовича. XIV. «Во что же верить? (наброски и мысли)» Е. Кусковой. XV. «Болезнь и последние минуты жизни И. С. Никитина (по неизданным материалам)» А. Фомина. XVI. «Настоящий» (Сочинения Алексея Ремизова) Бориса Садовского. XVII. «Комедия Тургенева на сцене Художественного театра» Любови Гуревич. XVIII. «Электронная теория» Н. Лазаркевича. XIX. «Суд и правосудие в России» В. Водовозова. XX. Новые книги. XXI. «Памяти Августа Стринберга» Александра Блока. XXII. Книги, поступившие в редакцию. Экземпляр журнала хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[3] 2/15—6/19 июля Горький получил письмо от Куприна, писавшего, что он не смог попасть на Капри из-за забастовки моряков, сожалел, что не удалось встретиться с Горьким. Позднее (июль, не ранее 11/24) Куприн опять писал Горькому, что не может приехать, на этот раз «из-за отсутствия денег».

Н. Е. ОНЧУКОВЪ.

ПЕЧОРСКІЯ БЫЛИНЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Н. Соколова и В. Пасторъ, Фонтанка 58.
1904.

29.

Пародія.

Не у вора у Васьки у Захарова,
Не упито было, не уѣдено,
Не баско-хорошо было не изношено.
На царевъ кабакъ да было сношено.
Походитъ Василька на царевъ кабакъ,
Поноситъ шапоцьку пуховъ калпакъ,
Большими-те тюнеми онъ принахлапываетъ,
Слѣпыми-те глазами онъ да приосипилькиваетъ;
Приходитъ Василька да на царевъ кабакъ,
Отдаватъ шапоцьку пуховъ калпакъ,
Проситъ за шапоцьку петьсотъ рублей,
А даваютъ ему петь копеечекъ.

ОБЛОЖКА И СТРАНИЦА КНИГИ: Н. Е. ОНЧУКОВ. ПЕЧОРСКИЕ БЫЛИНЫ
СПб., 1904
Личная библиотека Горького, Музей Горького, Москва

[4] Калистрат Фалалеевич *Жаков* (1865—1926) — писатель, ученый. Горький писал Л. Андрееву 2—5 июня 1912 г.: «...в России есть интересный писатель Жаков, зырянин. Любопытнейшая фигура» (*ЛН*. Т. 72. С. 356, 347). В *ЛБГ* хранится кн. К. Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» (СПб., 1912, ч. 2) с дарственной надписью: «Дорогому писателю – Гараморт» (*Описание*).

[5] Георгий Андреевич *Вяткин* (1885—1938) — писатель. Об отношениях Горького и Вяткина см. переписку писателей в сб. «Горький и Сибирь» («Новосибирское книжное изд-во», 1961). Речь идет о кн.: *Вяткин Г.* Под северным солнцем. 3-е изд. Томск, 1912.

295. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.VII.11

Дорогой Алексей Максимович.

Пишу Вам не то чтобы встав, но приподнявшись с одра, на коем простерт уже 16 дней, обработанный весьма тяжелою и мучительною болезнью. Заболел же 24/11 июня, в Иванов день. Говорят, будто отравился испорченным мясом, но, сколько я ни вспоминаю, не могу вспомнить, когда это могло быть. Более тяжело и, может быть, опасно болен бывал (тиф, воспаление в легких), но более болезненно никогда и не желал бы никому даже умирать в такой жестокости страданий, которые вдобавок приходилось терпеть в полном разуме, так как температура невысокая и сознание налицо. Две ровно недели я ничего не ел и не пил. Случилось все это — как водится — во время глухое, совершенно безденежное, и т. д., и т. д. Да еще была у меня большая домашняя неприятность. Тяжким что-то складывается для меня 1912 год — 50-й год моей жизни. Какое ничтожество больной человек!

Писал ли Вам Шолом-Алейхем насчет сборников? Он это дело мастерит.

До свидания. Не могу больше писать, устал. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Знаете Ончукова «Печорские былины»? Достопримечательна в них былина-пародия о Ваське Буслаеве[1].

[1] См. следующее письмо, прим. 2.

296. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Аляссио. 17 или 18 июля 1912 г.)

Милый Александр Валентинович —

сделайте мудрое дело!

Возьмите в Специи паровую лодку, влезьте в нее и скажите, чтоб вас отвезли в Аляссио. Здесь, как вам известно, превосходный песчаный пляж, веет прохладный ветерок, никто не стучит молотками по железу, из пушек не стреляют, вода в море чистая, и множество всяких иных прелестей.

Будете вы лежать на песке, а я буду читать вам разные рассказы: заведем мы с вами длинные разговоры о скучных русских делах, и все болезни наши от этого сбегут прочь. Ибо никакая болезнь не может выдержать разговора о российских делах.

Кроме шуток, дорогой мой! Двигайтесь сюда и отдохните здесь.

Я живу здесь четвертые сутки[1], письмо ваше переслано мне с Капри вчера вечером. Ехал я на пароходе из Неаполя, и было так жарко, что пароход рассохся и потек. Еще более жарко было в Генуе — там жители собак своих поливали водою из леек — впрочем, может быть, они делали это не от жары, а для ускорения собачьего роста: что город, то норов.

О книге Ончукова вы пишете мне второй раз[2], но, когда я спросил: кем и где издана эта книга,— не ответили.

И я прошу вас: положите книгу эту в чемодан себе, когда поедете сюда, будьте добры, сделайте это!

Я очень серьезно говорю о том, что вам надобно ехать в Аляссио, здесь вы хорошо отдохнете. В болезни ваши — не верю, а что вы устали отчаянно — знаю. И очень прошу — приезжайте!

Только — обязательно морем, а не под землей: от Генуи до Аляссио 62 тоннеля, и все время поезд едет во тьме и в дыму — это так действует на нервы, что никакого терпенья нет!

Поклон Илларии Владимировне и всему дому! Я полагаю — даже уверен, что Иллария Владимировна тоже приедет.

Крепко жму руку

А. Пешков

Датируется по времени приезда Горького в Аляссио и по фразе: «Я живу здесь четвертые сутки».

[1] 13 или 14 июля 1912 г. Горький приехал отдыхать в Аляссио, где жили Е. П. Пешкова и сын Максим.

[2] Вскоре Горький выписал кн. Н. Е. Ончукова «Печорские былины» и А. Д. Григорьева «Онежские былины и сказки», «Архангельские былины и исторические песни», т. I (М., 1904) и т. III (СПб., 1910) (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 287).

297. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.VII.21

Дорогой Алексей Максимович.

Спасибо за зов. Поплыл бы к Вам, как рыба, но — какие уж моторные лодки человеку, который перенес свое существование в ватер-клозет...

Если пробудете в Alassio большой кусок времени, то — недели через две — надеюсь ожить настолько, чтобы годиться для передвижения, а приеду к Вам всенепременно, потому что жажда видеть Вас и говорить с Вами у меня великая, и ради этого удовольствия я готов даже спокойно перенести искус, которым Вы мне угрожаете: смирно буду слушать рассказы начинающих и упроченных авторов, что, в большом количестве, вещь нестерпимая, подобно канчукам...

Мне все еще скверно. Потерял 15 килограммов и стал похож на молодые свои портреты. Сил никаких, а громадный пропуск рабочего времени, и соответственное тому безденежье, торопит к письменному столу.

Стол напоминает о Столяре, издателе сборника, в который я Вас звал. Он великолепнейше надул меня с высылкою аванса, и я сейчас только писал Шолому-Алейхему, что от участия в сборнике отказываюсь, ибо дело кажется мне сомнительным, а Столяр безденежным гешефтмахером, который норовит задешево обставить дорого стоящих авторов.

Если приеду, привезу Вам повесть под титулом «Кусок телятины». Можете себе представить, до какой степени истощился я за болезнь свою, если на подобные темы повесть пишу.

Кончаю «Паутину». А еще буду писать «Дочь Виктории Павловны» [1]. А еще — «Разбитую армию» [2]. Последние две будут весьма антиропшинские, антивинниченковские.

Вот Вам несколько эпиграмм, сочиненных от скуки в болезни моей.

I

Мчится век,— сказать, не сглазив,—
Не щадя колес и шин:
В революции был Азеф,
В беллетристике — Ропшин.

II

ЭПИТАФИЯ НАРОДНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ

1906—1912

Их было три сестры —
Три Дуни [3].
Осталось три дыры...
Прохожий! плюнь и дуни!

III

На собачонку влезла собачонка...
Пиши роман, писатель Винничёнко!

Ошибаетесь. Об Ончукове я Вам пишу первый раз, а раньше писал Вам о Григорьеве, и о Григорьеве Вы меня запрашивали, где он издан, я же отвечал, что Академией наук. Об Ончукове же имею честь доложить, что издан он Имп⟨ераторским⟩ географическим обществом. Очень уж курьезны у него *новые* былины, и пародии на них самобытные. Нет, частушка частушкой, гармоника гармоникой, а, видно, коренная песня не вымирает, если еще в XX веке способна к творчеству...

Читали в «Русск⟨ом⟩ бог⟨атстве⟩» «Сашурку» Арефина?[4] Какая милая вещь.

Говорят, в «Заветах» хороша вещь Сергеева-Ценского[5]. Но, когда у меня были «Заветы», я был еще настолько болен, что не мог не только читать, но и слушать, как читают.

Герм‹ану› Алекс‹андровичу› брат его, Всеволод Алек‹сандрович›, писал из Киева, что многие не подписываются на «Заветы» исключительно из-за ропшинского романа, недоумевая, каким манером он мог в них очутиться.

Сердечный привет Катерине Павловне и Максиму!

У нас сейчас гостит Гнатовский с сыном. А вчера получил письмо, что едет, от Саши Черного с женою. Был профессор Цингер[6] из Москвы и очень меня обрадовал рассказами о росте тамошних образовательных учреждений. Что-то почти мифическое, колоссальное, о чем мы, десять лет назад, мечтать не смели, да и в Западной Европе подобных движений немного. На московских женских курсах в нынешнем году будет 7000 слушательниц. В московском коммерческом институте было 4000 студентов — на осень будет 5000. За четыре года одними общественными силами, без малейшей поддержки правительства и при всяких с его стороны тормозах, укрепилось в высших учебных заведениях... Правда,— Цингер говорит — весь этот просветительный наплыв окупается в обратную сторону почти совершенною аполитичностью учащихся масс, но — в это я плохо верю, да это и до поры до времени...

До свидания. Напишите, пожалуйста, поскорее, как Вы живете и собою располагаете. Еще раз приветы и поклоны. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А.

За почерк извините: руки еще плохо слушаются.

[1] Александр Амфитеатров «Дочь Виктории Павловны. Роман в трех новестях. Повесть 1—3» (СПб., изд-во «Прометей», 1914—1915).

[2] Александр Амфитеатров «Разбитая армия. Роман» (М., Универсальное книгоизд-во Л. А. Столяра, 1913).

[3] «Три Дуни» — имеются в виду три Государственные думы.

[4] Рассказ Сергея Арефина «Сашурка» — из жизни крестьянской девочки (Русское богатство. 1912. № 6).

[5] Речь идет о произведении «Около моря. (Этюд)» С. Сергеева-Ценского (Заветы. 1912. № 2).

[6] По-видимому, речь идет об А. В. Цингере.

298. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.1.VIII

Дорогой Алексей Максимович.

Возвратясь от Вас[1], нашел письмо от Столяра, которое посылаю Вам к ознакомлению, равно как и копию моего к Столяру ответного письма. Если с образом действий моих не согласны, спишитесь с Шоломом-Алейхемом, которому страх хочется, чтобы сборник осуществился, а потому он готов мириться с какими угодно компромиссами. Но, по-моему, этот Столяр не столько столяр, сколько жулик, иметь с ним дело опасно.

Посылаю Вам также письмо Василия Немировича[2], весьма неутешительное для планов о «Р‹усском› сл‹ове›», которые мы с Вами третьего дня обсуждали. Ну, да еще посмотрим — во-первых. А во-вторых — может быть, оно и к лучшему. Выдумаем что-нибудь свое, без подмазки старинною накопившеюся грязью, чистенькое.

Если надумаетесь поехать в наши страны, смело двигайтесь всем табором. Mademoiselle Marguerite наша уехала сегодня на побывку к родным в Grenoble, и, с освобождением ее комнаты, места в доме — сколько угодно.

Я совсем оздоровел, кажется.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Кат. Павл., Максиму, Ал. Мих.[3] приветы усердные!

Ваш А. А.

Письма Столяра и Немировича, пожалуйста, пришлите обратно, по возможности, сейчас же. Немирович пишет ужасным почерком. Для Вас интересно только отчеркнутое.

[1] Амфитеатров приезжал к Горькому в Аляссио.
[2] Вас. Ив. Немировича-Данченко.
[3] Алексей Михайлович *Устинов* (1879—1937) — участник революционного движения, эсер, преподавал историю в школе Фидлера. После Великой Октябрьской революции вступил в РКП(б), с 1921 г. находился на дипломатической работе.

299. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Аляссио. 2 августа 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Возвращаю Столярово письмо — от участия в предприятии его отказываюсь. Решительно. В письме Немировича разобрал только слова: «Сытин вместо заграницы уехал в Москву [?] „1000 р.“ Возок. Благородно. Эдакая кровавая жертва». Ничего не понимаю в этом.

Здесь — Чернов, он купил тут землю и строит дом.

Если б мне было 18 лет, я бы тоже купил землю, построил дом, женился на толстой неаполитанке, и она родила бы мне шестнадцать человек детей,— и пусть все играют на кларнетах!

Ладыжников не отвечает на телеграмму.

Не забудьте послать мне письмо Петровой[1], когда дорогой Герман Александрович поедет сюда[2].

Кланяюсь всем.

Настроение у меня — лирическое, должно быть, микадо жалко. Умер, бедняга[3]. Как беззаветно любил я его! И за всю свою долгую жизнь он не сделал мне ни одной неприятности.

Крепко жму вашу руку и очень рад знать, что вы покончили с нездоровьем.

Будьте же здоровы надолго!

А. Пешков

От Ладыжникова есть телеграмма — в воскресенье будет здесь[4].

Датируется по п. Амфитеатрова от 1 августа 1912 г. и по содержанию.

[1] Имеется в виду письмо жены А. А. Петрова.
[2] Предполагаемая поездка Лопатина в Аляссио не состоялась.
[3] Японский император *Муцухито* (род. 1852) скончался 16 июля 1912 г.
[4] Т. е.— 3 августа.

300. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Аляссио. 4 августа 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Иван Павлов[1] приехал вчера около часа, сегодня — в одиннадцать — уехал в Берлин, торопится в Россию, где должен быть 5-го,— так что поехать к вам — не нашлось времени.

Он полагает, что устроиться в «Р(усском) с(лове)» возможно и что С(ытин) охотно пойдет на это. Отношения с Дорошевичем у него весьма обострены[2], и его очень беспокоит затеваемая Кугелем газета[3]. Он жалуется, что никто не может дать публике «Р.с.» очерков по истории 812 и 613 годов и, Лад(ыжников) находит, что, если б вы согласились взять на себя эту работу,— дело было бы сразу покончено.

Не спал ночь, чувствую себя отвратительно и малограмотно. Дня через три должен буду ехать на Капри для приятных разговоров с «Нивой» [4], «Знанием» и еще с какими-то предпринимателями.

Кланяюсь, жму руку

А. Пешков

В половине августа И. П. обещал дать те или иные сведения.

Датируется по времени отъезда И. П. Ладыжникова (*АГ*).

[1] И. П. Ладыжников.

[2] Об отношениях Сытина и Дорошевича см.: Жизнь для книги. М., 1962. С. 131.

[3] По-видимому, речь идет о газ. «День».

[4] В п. к Е. П. Пешковой от 4 июня 1912 г. Горький писал: «...приехал управляющий Маркса (издателя.— *Ред.*) разговаривать о продаже „Ниве" моих книг» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 144).

Соглашение тогда достигнуто не было. Полное собрание сочинений Горького в изд-ве товарищества А. Маркса, приложением к «Ниве», выходило в 1917—1918 гг.

301. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.VIII.5

Дорогой Алексей Максимович.

Нету у меня заупокойной литургии [1]. Напишите в Сан-Ремо попу тамошней православной церкви, чтобы прислал Вам требник. Самое будет скорое и простое.

Герм. Ал. уехал к племяннице в Нерви и Геную, а оттуда намерен проехать к Вам в Alassio.

Я Эдди Отт [2], что не расшифровал Вам Немировичева письма. Он пишет, что Дорошевич опять взял в «Р〈усском〉 сл〈ове〉» абсолютную власть и жалуется на его ревность, зависть и страх, которые-де «и по моему адресу пылают, а уж о вас что и говорить». Насколько все это справедливо, оставляю на его, Нем〈ировича〉, ответственности. Пишет он не почерком, а дьяволом.

Третья книжка «Заветов» возмутительно плоха. Как хотите, а Чернов, должно быть, не имеет никакого голоса в художественном отделе. Иначе не могу объяснить появления комедии Тренева [3], которую он же забраковал для «Современника». Вообще, в этой книжке трижды помещены отбросы прошлогоднего «Современ.» [4].

«Новое время» и «Голос Москвы» прямо визжат от радости, перепечатывая Рощина. Красивый союз! Ай, нужен орган, ай, нельзя без орган, ай, ай, ай!

В России нужен, за границею нужен. И никакие суррогаты не помогут. Нужно *свое*.

Како мыслит Иван Павлович? [5] Поклон ему.

До свидания. Всего Вам хорошего.

Ваш А. А.

[1] Возможно, просьба Горького, высказанная во время пребывания Амфитеатрова в Аляссио, была связана с его работой над рассказом «Покойник» (написан не позднее 13 сент. 1912 г.— *14*, 610).

[2] «Я Эдди Отт» — то есть идиот — шутка Амфитеатрова.

[3] Пьеса К. А. Тренева «Дорогины» (первоначальное название «Отчего порвались струны») была послана Треневым Горькому в начале 1911 г. Горькому пьеса показалась «талантливой и умной», хотя он отметил и ее недостатки (*XXIX*, 161—162). Несколько позже, в июле 1911 г., Горький прочитал пьесу одному из администраторов Художественного театра, Н. А. Румянцеву, и она подверглась серьезной критике, с которой Горький согласился. См. его письма Треневу (*ЛН*. Т. 70. С. 426) и Миролюбову (*XXIX*, 167—168). Тренев переработал пьесу и отослал ее Миролюбову. Предполагалось, что она будет напечатана в «Современнике» или в сб. «Знания». Уйдя из «Современника», Миролюбов напечатал пьесу Тренева в «Заветах» (1912, № 3).

[4] В художественном отделе кн. 3 журн. «Заветы», помимо пьесы Тренева «Дорогины», помещены: «Иван Осляничек. Из сказаний семибратского кургана» Пришвина; «То, чего не было. Три брата». Роман в 3-х частях (продолжение) Роппшина; «История Акимова здания» Винниченко; «Тени забытых предков» (окончание; начало и продолжение в кн. 1—2) Коцюбинского; «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях (продолжение)» Вольного; «Поэту» С. Парнок.

[5] И. П. Ладыжников.

302. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.VIII.6

Дорогой Алексей Максимович.

Потребность Сытина в очерках 1612 и 1812 гг.[1] удовлетворима тем легче, что, благодаря работам над «Очерками из истории русского патриотизма» для «Современника» и этюдом для «Истории династии», у меня письменный стол завален подготовительными набросками на эти темы. Кое-что я печатал уже в «Од‹есских› нов‹остях›», в «У‹тре› Рос‹сии›», в одном голодном сборнике, вышедшем в Казани. Но остается великое множество материала, и наиболее интересного. Вот, напр., темы:

Офицерство в эпоху Отечественной войны.
Духовенство в 1812 году. Муразкевич.
А. П. Ермолов.
Лев Толстой и генералитет 1812 года.
Зерно декабризма. Двуликий (Александр I).

*

Избирательная грамота 1613.
Первый Романов.
Двоевластие (царь и патриарх).
Творцы дворянства.
Закрепощение крестьян.

Каждую из первых пяти статей я мог бы, в случае надобности, выслать по первому требованию хоть в тот же день, как оное получу, потому что они совершенно готовы к печати. Статьи, касающиеся 1612—1613 года, также, но — ввиду того, что срок им еще не близок,— я мало заботился об их стилистической обработке, а потому на каждую надо положить дня три-четыре для пересмотра.

Дело это мне настолько по душе, что если бы я был совершенно уверен, что рукописи не встретятся с редакционными интригами, коими «Р‹усское› слово» полно, и будут помещаться быстро и правильно, то я хоть сейчас начал бы посылы свои, ибо роль историка в газете не то, что роль ее публициста,— она не обязывает к ответственности за Баянов и К°.

Откровенно говоря, очень жалею, что Вы едете на Капри. Окружит Вас там толчея человеческая и насыплет сотни проектов, из которых все отнимут время и внимание, но едва ли хоть один осуществится. В качестве старого литературного практика привык я верить только в те предприятия, которые сразу формулируют ясно свою в нас надобность. Почему «Ниве», «Знанию» и какому-то предпринимателю надо вести переговоры с Вами именно на Капри? Раз добрались ради переговоров этих из России в Италию, могли бы сделать маленький вояж к Вам в Alassio, а не Вас заставлять вояжи эти делать, когда у Вас столько хороших сюжетов к работе в голове. Все это мое ворчание истекает, конечно, из Вашего слова «должен», которое меня коробит. Если же с этим сопрягаются другие какие-либо Ваши собственные личные и вольные соображения, то, конечно, беру свои слова обратно и умолкаю, ибо в эти области принципиально не заглядываю.

А вопроса о «Р⟨усском⟩ сл⟨ове⟩» не забрасывайте. Это не проект, а факт, и, к сожалению, факт, парализуемый ленью и противообщественностью господ, которые его объели, как мухи сладкий пирог. Пора ему из сего пассивного состояния перейти в активное, и думаю, что мы вдвоем, подобрав небольшую, хорошо дисциплинированную компанию, сделать это весьма и весьма смогли бы[2].

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Кат. Павл. и Максиму сердечный привет.

Ваш А.

[1] К столетию Отечественной войны 1812 г. Сытин готовил юбилейное издание: Отечественная война и русское общество (1812—1912) / Ред. А. К. Дживилегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичеты. М., 1912. Т. 1—7. Эти книги есть в *ЛБГ* (т. 1, 5 и 7 имеют пометы Горького).

Амфитеатров в составе участников издания не значился. Он не участвовал и в другой книге, изданной Сытиным к юбилею: Отечественная война и ее причины и следствия / Ред. В. И. Пичета. М., 1912.

[2] Речь идет, по-видимому, о реорганизации газ. «Русское слово». Предполагаемое в это время сотрудничество Горького с Сытиным не состоялось. См. письма Горького к И. Д. Сытину 1911—1916 гг. в кн.: Жизнь для книги. М., 1962.

303. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Аляссио. 7 или 8 августа 1912 г.⟩

Снял я копию с вашего письма, дорогой А. В., и отправил ее Ивану Павлову, дабы осведомить его о вашем согласии, которое — на мой взгляд — и решает дело в желаемом смысле[1].

Ехать на Капри — надо: там документы, потребные для разговоров, и, кроме меня, никто не знает, где они лежат.

Одолевает меня бессоница, и нерв поднимается куда-то к черту.

Настроение такое, что хоть стихи пиши.

Будьте здоровы. Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 6 августа 1912 г. и времени отъезда Горького из Аляссио.

[1] Ладыжникову Горький писал в августе, после 6, 1912 г.: «Я сообщил Амф⟨итеатрову⟩ о том, что Вы согласны переговорить с И⟨ваном⟩ Д⟨митриевичем⟩, и Амф. ответил мне письмом, копию которого — в части, интересной для дела,— прилагаю, думая, что это поможет Вам поставить разговор с „Р⟨усским⟩ с⟨ловом⟩“ вполне определенно» (*Арх. Г.* Т. VII. С. 201).

304. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.IX.24

Дорогой Алексей Максимович.

«Варшавские ведомости»[1] просят меня походатайствовать у Вас, не дадите ли им что-нибудь. Ходатайствую. Газета чистенькая и смелая. Намереваются платить.

Бурцев возобновляет «Будущее» и «Былое»[2] и тоже просит, даже слезно, Вас принять в них участие. Хотел он к Вам ехать, да, признаться сказать, я его отговорил, так как из того факта, что Вы не ответили ему на вопрошающее о том письмо, заключил, что Вы не весьма стремитесь к его лицезрению, а помешает он Вам в работе основательно, ибо наполнять собою время и пространство у него талант гениальный. Азефские его приключения мало интересны покуда[3]. А «Будущее» и «Былое» хорошо было бы поддержать. Денежно дело обеспечено теперь человеком, который Бурцеву денег не дал, а положил их в банк на отдельные текущие счета — по бумаге, типографии, сотрудничеству, с расчетом на 5 книжек «Былого» и 15 №№ «Будущего», с тем, что во-

зобновит взнос, если дело будет иметь моральный успех. На переправку в Россию деньги тоже даны. Секретарем редакции будет Колосов на 300 франков в месяц.

Вот. Был у меня Саша Черный [4] и понравился мне чрезвычайно. Тем паче что он Вас очень любит.

Я работал, не покладая рук, над «Дрогнувшею ночью», которую отложил, было, в сторону, но приезд Ляцкого [5] все перевернул, и пришлось за нее взяться. Написал три листа-листища. Рассказываю (честное, благородное слово, с большим самоотвержением) Нижегородскую выставку и вывожу на сцену Савву [6], in persone *,— под собственным его именем и в обобщающем типе — под именем вымышленным. Отправил сегодня в редакцию.

А Столяр, с перепуга от возвращения чека, прислал мне аванс в тысячу рублей. Не помню, писал ли я Вам об этом?

Буду сотрудничать в новой петербургской газете «День» [7] и в «Киевской мысли». Рук лишних, однако, еще не выросло.

Что делаете? Как живете?

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А-в

[1] *«Варшавские ведомости»* — ежедневная общественно-политическая, экономическая и литературная газета. Издавалась в Варшаве в 1912 г. Амфитеатров имел отношение и к газ. «Варшавские последние новости», которая издавалась в июле — августе 1912 г. под редакцией В. Н. Чудовской, при его участии. На одну из его статей, опубликованных в этой газете, обратил внимание Ленин. «Читал, что Амфитеатров выступил чуть ли не в Варшавской газете за бойкот IV Думы? Нет ли у Вас этой статьи? Пришлите — я верну»,— писал он Горькому в августе 1912 г. (*В. И. Ленин.* Т. 48. С. 84). По поводу выступления Амфитеатрова Ленин написал статью для «Звезды». 22 февраля 1913 г. он сообщал М. А. Савельеву: «...в „Звезде" остались ⟨...⟩ еще статьи „Две утопии" и критика бойкотизма (против Амфитеатрова, заглавия не помню)») (Там же. С. 165). Ст. «против Амфитеатрова» не была напечатана и до сих пор не разыскана.

[2] В газ. «Будущее» (1912, № 34) напечатаны ст. Бурцева «О возобновлении „Будущего"» и «От редакции „Былого"», в которых Бурцев выражал надежду, что перебоев в выходе этих изданий больше не будет, и просил поддержки у политических партий эсеров, социал-демократов и кадетов.

[3] Подразумевается встреча Бурцева с Азефом 2/15 августа 1912 г. во Франкфурте-на-Майне. См. сообщение Е. Г. Коляды «О Горьком и Лопатине...»

29 сентября 1912 г. в газ. «Будущее» (№ 34) была напечатана ст. Бурцева «Ликвидация дела Азефа», в которой рассказывалось об этой встрече. В статье было опубликовано также п. Азефа «Мои условия суда» от 2 сентября 1912 г.

[4] Ранее, в августе 1912 г., Саша Черный приезжал к Горькому на Капри. В п. к Е. П. Пешковой от конца августа 1912 г. Горький писал: «Приезжал Саша Черный и оказался — седым; лицо молодое, моложе возраста — 32 г.,— а волосы седые. Очень милый и, кажется, серьезный парень». В письме к ней же от 7 сентября 1912 г. Горький писал: «Саша Черный — славный человек, умница, серьезный и талантливее своих стихов» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 145—146). Амфитеатров высоко ценил талант Саши Черного. См. его ст. «О Саше Черном» в сб. «И черти и цветы».

[5] Ляцкий приезжал в конце сентября 1912 г. в Италию для переговоров о «Современнике». См.: Г — Ляц.

[6] С. Т. Морозова.

[7] *«День»* — ежедневная газета, орган левого крыла либеральной буржуазии, а затем меньшевиков-ликвидаторов и социалистов-революционеров. Выходила в Петербурге в 1912—1917 гг. Значительную роль в руководстве газетой играл И. Кугель.

305. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. 26 сентября 1912 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

В «Вар⟨шавские⟩ вед⟨омости⟩» не пойду, некогда.

Вчера Ив⟨ан⟩ Пав⟨лович⟩ прислал письмо, в коем извещает: «Относительно статей А. В. Сытин пишет ему сам, он очень доволен предло-

* лично (*фр.*).

САША ЧЕРНЫЙ
Фотография Ю. А. Желябужского. Капри, июнь — август 1912
Музей Горького, Москва

жением А. В.». Очевидно, он уже писал вам, раз вы будете сотрудничать в газете «День» [1].

С Бурцевым — недоразумение: я писал по адресу, указанному им,— на Феццано, ваш дом,— что очень жду его и имею о многом говорить с ним. Не помню точно, но — кажется — конверт надписан был на ваше имя, с передачей. Нет, очевидно, и в Италии простые письма не следует посылать, а особенно за последнее время это становится очевидным.

Напишу для «Будущего» что-нибудь, вероятно о кутомарской тюрьме [2].

Саша Черный и мне очень полюбился: талантливый и чистый такой.

Здесь Ляцкий и Певин, зовут в «Совр.», пожалуй — пойду [3]. Негде работать.

Вы не писали мне лет 600, и, временами, я думал: не сердится ли? Хотел даже спросить, но все откладывал день за днем и очень рад, что получил, наконец, весть от вас.

Живу я — отчаянно: народищу понаехало батальон, народ все нужный, есть интересные люди, намечаются хорошие дела. Посмотрим, что будет, но, кажется, что-то удастся.

Читали вы переписку Чернышевского с женой?[4] Какая ужасная книга! Я читал и чуть не плакал.

С великим удовольствием и радостью прочитал ваш фельетон о Достоевском [5]. Ох, пора осветить эту мрачную фигуру светом ясным!

Ну, будьте здоровы! Крепко жму руку.

А. Пешков

«Бом-мо», как недавно написал мне один человек из Рязани: «позвольте мне сказать вам искренное от души бом-мо»: на кладбище одного уездного города на памятнике надпись:

«Всю жизнь ты просидел в лабазе разных мук.
Ушел. Но — не уйдешь от вечных мук, мой друг!»

Здорово пущено?

Очевидно — приказчик хозяина напутствовал.

Всего доброго

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 24 и 28 сентября 1912 г.

[1] Речь идет о п. Ладыжникова Горькому от 17/30 августа 1912 г. (*АГ*). Цитируется Горьким неточно.

[2] 4 октября 1912 г. Горький сообщал Бурцеву: «Я писал вам по адресу Александра Вал(ентиновича), что очень жду вас на Капри и что имею сделать вам одно серьезнейшее предложение — дело идет о необходимости собирать и хранить

документы, издания, вещи, относящиеся к истории русского революционного движения в XIX веке. Письмо мое, очевидно, затерялось» (*АГ*). Вместе с этим письмом Горький выслал Бурцеву рукопись ст. «В пространство...» — о голодовках и самоубийствах в кутомарской тюрьме из-за введения телесных наказаний для политзаключенных (Будущее. 1912. № 36. 30 сент./13 окт.).

[3] Горький начал сотрудничать в реорганизованном журн. «Современник» с конца сентября 1912 г., после переговоров с Ляцким. См.: Г—Ляц.

[4] Имеется в виду кн.: Чернышевский в Сибири. Переписка с родными (вып. 1. 1865—1875).

[5] Речь идет о ст. «„Дворянин" Достоевский», написанной по поводу выступления в «Новом времени» дочери писателя — Л. Ф. Достоевской, утверждавшей, что Достоевский, вопреки сложившемуся мнению, считал себя не разночинцем, а дворянином. Амфитеатров находил это утверждение естественным и вполне обоснованным, доказывая, что все основные герои Достоевского принадлежат к обедневшему дворянству (*Амфитеатров*. Т. 22).

306. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.IX.27

Дорогой Алексей Максимович.

Предъявитель сего, г. Гольдберг, сотрудник и уполномоченный еврейской газеты «Гайнт» [1]. Он рекомендован мне Шолом-Алейхемом [2]. Приехал с поручением от редакции получить от Вас и от меня статьи по вопросу о положении и будущности евреев в России. Я обещал. Быть может, Вас тоже заинтересует это предложение, которое мне кажется вполне своевременным и полезным. Хорошо было бы, если бы русские писатели поговорили с еврейскою публикою об еврействе по душам и всерьез. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А-в

[1] «*Гайнт*» («Haint» — «Сегодня») — еврейская газета, либерального направления, издавалась в Варшаве с 1908 г.

Гольдберг — один из основателей газ. «Haint», ведавший ее политическим отделом. Летом 1912 г. он в сопровождении доктора Ирэны Крук приехал в Италию с намерением посетить Амфитеатрова и Горького с тем, «чтобы по поручению газеты „Haint" иметь с ними беседу» (пер. с евр. — *АГ*).

[2] В п. Горькому Шолом-Алейхем, являвшийся постоянным сотрудником «Haint», также присоединялся к просьбе дать статью для этой газеты (п. от 18—23 сент. 1912 г. — *АГ*).

307. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.IX.28

Дорогой Алексей Максимович.

Вот выдумал: с какой стати и за что я буду на Вас сердиться?

А не писал потому, что сперва был заплетен «Паутиною», а потом навалилась на меня «Дрогнувшая ночь».

Вчера Гольдберг, который к Вам поехал, очень меня смутил известием, будто «Закат старого века» конфискован. А «Зверя из бездны», наоборот, отсудили.

Откуда Вы заключили, что «День» сытинское издание? И не думает им быть. Напротив, Сытин, по обыкновению, промямлил и прозевал возможность петербургской газеты и на пустом месте водворился Иона Кугель с 40 000 сдернутой с Сытина же неустойки, 150 000 капитала, составленного тремя купцами, в числе коих Соловьев, собственною типографией [1] и пр., и пр.

Варшавянам напишу. Пусть воют [2].

Сытин мне ничего не писал.

Относительно соглашения с Л<яцким> и Пев<иным>: видите теперь, как Вы поспешили в прошлом году [3].

Злоблюсь на Анну Виванти, реабилитирующую киевскую стервозу Тарновскую [4].

Бунин справляет 25-летний юбилей. Вот фрак-то сошьет! [5]

Набрал я сейчас обязательств, как Агафья Тихоновна женихов. Боюсь, что в конце концов завоплю по кочкаревскому совету:

— Пошли вон, дураки.

И Яичница, и Жевакин уйдут, а останется мне какой-нибудь Подколесин, который своим умом дойдет до необходимости в окно выпрыгнуть [6].

Бурцеву написано.

Относительно почты недоумеваю. Тут бывали опоздания и задержки; как мы уже проследили и даже принесли жалобу в министерство, несомненного шпионского происхождения, но пропажи письма никогда еще не бывало. Подниму историю — пусть ищут.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Газ. «День» издавал «Торговый дом, Ф. М. Мареев, И. Р. Кугель, М. Т. Соловьев и К°».

М. Т. Соловьев (1853—1930) — с 1910 г. директор правления Т-ва И. Д. Сытина.

[2] Речь идет об отказе Горького дать материал для газ. «Варшавские ведомости».

[3] Имеется в виду отказ Горького от сотрудничества в журн. «Современник» в 1911 г.

[4] Речь идет о произведении итальянской писательницы Анни *Виванти* (1868—1942) «Роман Марии Тарновской», появившемся в русском переводе в 1912 г. и имевшем большой успех. В романе отражена история М. Тарновской, героини нашумевшего судебного процесса.

[5] В конце октября 1912 г. отмечалось 25-летие литературной деятельности Бунина.

[6] Персонажи комедии Гоголя «Женитьба».

308. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Сентябрь, не ранее 29, 1912 г.⟩

Преогромнопочтенный и
длинноименный
Александр Валентинович!

Вас обманули: я — вовсе не Шолом-Алейхем! Не верьте моим врагам. Примите всяческие добрые пожелания, и — когда же вы на Капри?

А. Пешков

Датируется предположительно как ответ на рекомендательное п. Амфитеатрова от 27 сентября 1912 г., привезенное Гольдбергом на Капри.

309. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.X.29

Дорогой Алексей Максимович.

Давно нет от Вас вестей, а Герм⟨ан⟩ Алекс⟨андрович⟩ говорит, что Вы спрашиваете, почему я не пишу. На последнее Ваше письмо ответил, от Вас ответа не было, а как в жизни за это время интересов больших не приползло, то и не писал.

Дела масса. Звали поехать на войну. Посчитал: очень уж дорого взять должен, чтобы все это окупилось, да вон еще пишут, что корреспондентов не пускают в главную квартиру и пр. Меня-то, положим, пустили бы ввиду личных отношений к Фердинанду, которому я уже приготовил, было, телеграмму, да — как раздумался над нею, что это значит фрак, звезда, «ваше величество», «благоволите» и пр.,— тошно... Не пошлю и не поеду. Сидеть в Софии или Белграде и пить шампанское с героями тыла, слушая вранье поворотников, нет никакой охоты [1].

Имею на Вас некоторый зуб за Вашу статью во славу малороссов[2]. Давай им бог всякого здоровья, успеха, равноправия, многоправия, гениальных государственных людей и литераторов, но свое-то племя за что же принижать? И уж если проповедовать подобное, то надо кафедру подмостить посолиднее, чтобы историческое доказательство было ясно и твердо, а то выходит какая-то отсебятина по капризу...

«Ау!»[3] третьего дня получил и сейчас же Вам послал. Издание красивое, а корректура скверная. Книжка, по запозданию, не имеет смысла. Ее надо было выпустить в марте—апреле. Я рассчитывал давать таких «обозрений» четыре в год, да разве с нашими черепахами сладишься?

Вообще, ужас, что делают. В «Киевской мысли» ни один фельетон не прошел без цензурных искажений, а с «Джигитом» такое сделали, что я его должен был восстановить в «Будущем»[4].

Как курьез могу Вам сообщить, что газеты «День», за участие в которой меня ругают правые газеты, я до сих пор не видал. Это стоит незлобинского театра, который ставит моего «Дон-Жуана в Неаполе»[5], ни словечком не удостоивая меня известить, на каких условиях, что́, как и пр.

Ляцкий от Вас в великом восторге. А Вы?

В Питере собираются чествовать Д. Н. Мамина-Сибиряка. Душевно его люблю, хороший мужчина. Но пишут мне: он очень болен, и юбилейная суета, пожалуй, ему не по состоянию здоровья. Еще ухлопают, черти, старика[6]. От наших усердствующих станется.

Герм. Алекс. завтра едет к племяннице в Неаполь и, значит, скоро будет у Вас[7]. Хотел послать с ним очень уж удачного в нынешнем году vino Campiglia и Петровы томы[8], но он взбрыкался, не берет — говорит: тяжело!

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Речь идет о предложении ехать в качестве военного корреспондента в Болгарию в связи с начавшейся 9 октября 1912 г. первой Балканской войной.

О знакомстве Амфитеатрова с царем болгарским Фердинандом I (Кобургским) см.: *А—Г*, п. от 9 октября 1908 г., прим. 11. В период образования Балканского союза, приведшего к войне с Турцией в 1912 г., политика Фердинанда I была ориентирована на сближение с Россией.

[2] Речь идет о ст. Горького «О русской интеллигенции и национальных вопросах» (ответ на анкету журн. «Украинская жизнь»), отрывки из которой были напечатаны в газ. «Русское слово» (1912, № 219, 23 сент./6 окт.).

[3] Александр Амфитеатров «Ау! Сатиры, рифмы, шутки, фельетоны и статьи» (СПб., изд-во «Энергия», 1912).

[4] «Джигит (кавказская легенда)» — фельетон Амфитеатрова из цикла «Святочные рассказы», о правителе-самодуре («Эзопов лик» — *Амфитеатров*. Т. 27).

[5] Речь идет о пьесе Амфитеатрова «Дон-Жуан в Неаполе. (Шутка в 3-х действиях)». («Княгиня Настя» и другие драматические сочинения — *Амфитеатров*. Т. 19).

[6] Речь идет о чествовании Мамина-Сибиряка, в связи с 60-летием со дня рождения и 40-летием литературной деятельности. Горький написал приветствие «Д. Н. Мамину-Сибиряку» (День. 1912. № 25, 26 окт./8 нояб.).

Как сообщалось в газетах, 26 октября у постели умирающего Мамина-Сибиряка общественность отметила 40-летний юбилей его литературной деятельности. Члены юбилейного комитета Венгеров, Карпов, Потапенко, Измайлов, Овсянико-Куликовский и Фидлер зачитали приветствия, полученные в его адрес (День; Биржевые ведомости. 1912. 27 окт.).

По словам Амфитеатрова, Мамин-Сибиряк «полумертвыми губами» проговорил как литературное завещание свой привет Бунину (День. 1912. 12/25 нояб.). См.: *Русская литература конца XIX — начала XX века. 1908—1917*. С. 525.

[7] Лопатин находился на Капри с 3 по 10 ноября. Подробнее см.: Л—А, п. 27—29.

[8] Для работы над «Историей правящей в России династии» Амфитеатров подбирал материалы Петровской эпохи, в частности книги о Феофане Прокоповиче. См. более позднее п. Плеханову (*ЦГАЛИ*, ф. 34).

Возможно также, что имеется в виду «Осьмнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым, издателем „Русского архива“» (М., 1869, кн. 1—4).

310. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano.1912.XI.28

Дорогой Алексей Максимович.

Как живете?

Я в неврастеническом самочувствии.

Герм⟨ан⟩ Ал⟨ександрович⟩ в Нерви и Кави. Жду завтра или послезавтра.

Побывал в Милане, послушал разных опер. Рихард Штраус[1] дьявольски силен, но поют его итальянцы, как собаки. Ничего не понимают.

Ужас, как мне Мамина жалко[2]. Что народу хорошего перемерло за этот год!

А балканцы режутся покуда, слово в слово по моей программе. Боюсь, чтобы не быть точным пророком и дальше.

В австро-русскую войну покуда плохо верю. Не быв давно на местах, боюсь судить.

Война Леонида Андреева с киевлянами[3] — а? недурно?

Дорошевич, жертвующий 1000 р. «борцам за свободу»... Балканского полуострова!..[4] тоже табло!

А у нас Кутомар и Алгачи...[5] весело!

Хочу писать в «Будущее» протест против самоубийств в тюрьмах... Держусь того мнения, что погибать — так уж погибать в честной драке...

Ох, как Чириков плох![6] И отчего он таким Размахай Иванычем Удалецким писать стал?

Читаю «Ultime» Антонио Фогаццаро[7]. Толстой и Гёте черновички лучше оставили.

Во сне почему-то все вижу старых, толстых, декольтированных примадонн... Это после Милана!

Очень Вас повидать хотелось бы.

До свиданья. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] Рихард *Штраус* (1864—1949) — немецкий композитор, дирижер, автор симфонических поэм («Дон-Кихот» и др.) и опер «Кавалер розы», «Саломея», «Электра» и др.

[2] Мамин-Сибиряк умер 2/15 ноября 1912 г.

[3] Имеется в виду полемика между Андреевым и киевскими журналистами, возникшая в результате резких и грубых нападок киевских журналистов на пьесу Андреева «Профессор Сторицын», поставленную Киевским театром Соловцева (премьера состоялась 2/15 нояб. 1912 г.). См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 182—184.

[4] Имеется в виду сообщение в газ. «Русское слово» (1912, № 261, 11/24 нояб.), помещенное под общим заголовком «Помогите борцам за свободу»: «Конторой „Русского слова" получено от В. М. Дорошевича в пользу раненых славян 1000 рублей». О поступлении от Дорошевича 1000 р. «в пользу санитарной организации на Балканах» сообщалось также в «Русском слове» (1912, № 262, 13/26 нояб.).

[5] Кутомар и Алгачи — каторжные тюрьмы, в которых в ответ на введение телесных наказаний для политических заключенных происходили массовые голодовки и самоубийства. Об этом в периодической печати публиковались многочисленные материалы. Так, например, в итоговой ст. Г. Наумова «Политическая каторга», напечатанной в «Киевской мысли» (1913, № 32, 1/14 февр.) в рубрике «К предстоящей амнистии (по поводу 300-летия дома Романовых)», приводились данные о крайне тяжелом положении политических заключенных, к которым применялись особо жестокие меры угнетения и телесные истязания: «В Кутомарах шесть человек умерло от избиения...» «За молчание, когда старший здоровается, приказано всыпать 25 каждому». «В Алгачах 8 октября наказали телесно Бродского. Он сопротивлялся, но неудачно; принял яд — не помогло, надели сумасшедшую рубаху, и по сей день он бьется в безнадежных муках. 7 человек резались и травились. Политических лишали матрацев, и смотритель Кияшко велел устроить так, „чтоб звери хорошо их почесали"». «...Каждый раз отрывают от работы разрывающие вопли и крики избиваемых политических» и т. д.

Автор статьи сообщал, что то же происходило в других тюрьмах: Метехском замке, в московских Бутырках, на псковской каторге и др.

«...Пробовали ли вы,— восклицал он,— подсчитать количество самоубийств и смертей в карцерах (...) Розга непрерывно свистела на всем протяжении политической каторги. Красные полосы физической муки, невыносимая горечь обиды и унижения...»

[6] Возможно, Амфитеатров имеет в виду вышедший в 1912 г. сб. рассказов Чирикова «Цветы воспоминаний».

[7] Антонио *Фогаццаро* (1842—1911) — итальянский писатель. В ст. «Над посмертными страницами» Амфитеатров писал об издании кн. А. Фогаццаро «Ultime», которую считал «бледной и ничтожной», однако отмечал, что отдельные страницы этой книги о людях и событиях представляют интерес, как, например, о Толстом, Эм. Золя, В. Гюго, Эдмонде де Амичис, о деле Дрейфуса и др. («На всякий звук», с. 165, 179).

311. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Первая половина декабря 1912 г.)

Ругайте, Александр Валентинович!

До сего дня не мог ответить на ваше письмо[1]: все колеса жизни завертелись сразу и в разные стороны, плохой машинист, я тоже завертелся в разные стороны. К тому же — простудившись — захворал, кашляю, как слон, и плюю кровью в камни, чего они не чувствуют, конечно. Им — все равно.

Из России пишут: «собираемся воевать». Болваны. Из Сибири пишут: «нас китайцы бить желают». Из Австрии — из Праги — пишут: «австрияки желают бить Россию». Тоже болваны: чего этим достигнешь? Били ведь нас и снаружи и изнутри, разве мы стали умнее от этого?

Тихонов включил меня жирным шрифтом в сотрудники[2] — ох, чудак! Вообще в России все становятся чудаками. Читали, как пишет Арцыбашев в «Студенческом деле»[3] о том, что студентам не надобно помогать? «Почему — студентам? А водовозы — не такие же люди?»

Не был ли у вас художник Рот?[4] Очень странный человек: хочет сочинить художественную хрестоматию по истории телесных наказаний в России «с иллюстрациями».

А то еще есть Шахов[5]: предлагает премию за книгу «против всех монархов» — этого я очень упрямо направлял к вам: вот, мол, монархомахам, собирается убить их в четырех томах!

От меня сей Шахов уехал разочарован.

А сейчас здесь гр. Скорбут-Свербеева, Наталия Ипокритовна,— может быть — Ипполитовна, и не Скорбут — Нарбут?[6] Так она требует «способствовать объединению всех женщин мира». Она к вам поедет — вот увидите!

Нездоровится мне от всего этого.

Живет здесь индус, учится по-русски — несомненно, английская интрига!

По ночам не сплю, считаю — сколько мне лет? Насчитал 2459 — но, кажется, ошибся. Читаю русские беллетристические книжки — очень скучно, но не помогает.

Как ваше здоровье и когда вы приедете на Капри?

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 28 ноября и 15 декабря 1912 г., а также по «Воспоминаниям» Н. Ф. Роота (см. ниже).

[1] Речь идет о п. Амфитеатрова от 28 ноября 1912 г.

[2] В. А. Тихонов включил Горького в список сотрудников журн. «Кругозор».

[3] В «Студенческом деле» (1912, № 1), еженедельном студенческом журнале, появилась ст. А. Т-ва «О задачах Студенческого дома», предлагавшая на государственные субсидии и частные пожертвования построить — по образцу уже существующих в Европе домов — дом для студенчества. В № 3—4, в рубрике «Наша анкета о студенческом доме», были напечатаны положительные высказывания профессоров А. А. Мануйлова, И. Ф. Огнева, А. А. Кизеветтера, председателя Го-

сударственной думы Ф. А. Головина, поэта Д. М. Ратгауза и др. В № 5—6, в ответе на анкету о студенческом доме, Горький утверждал, что тяжелые, чрезмерно изнурительные условия жизни подрывают силы будущей интеллигенции, в то время как стране нужна здоровая и сильная интеллигенция. Горький предлагал создать Всероссийское общество для систематической помощи учащейся молодежи.

Другой точки зрения придерживался Арцыбашев (Студенческое дело. 1912. № 7), который находил, что не следует приучать студенчество принимать общественную и государственную благотворительность, так как студенчество должно совмещать свои занятия с трудовой (рабочей) деятельностью.

[4] Николай Федорович *Роот* (1870—1926) — эстонский художник, работал в области прикладного искусства (мозаика, цветное стекло и др.).

В *АГ* хранятся воспоминания Н. Ф. Роота о встречах с Горьким в 1912 г. на Капри и в 1917 г. в Петрограде. См. также: *Роот Н.* Воспоминания о великом пролетарском писателе А. М. Горьком // Советская Эстония. 1946. № 141. 18 июня.

В воспоминаниях Роота упоминается лишь замысел создания «Хрестоматии по прикладному искусству».

[5] Николай Александрович *Шахов* — брат историка А. А. Шахова. Е. П. Пешкова писала Горькому в сентябре 1912 г.: «Рассказывали мне в Ницце о некоем богаче Шахове (кажется), который и у тебя должен был быть. Был? Интересно было его повидать? Дает массу денег на разн⟨ые⟩ хор⟨ошие⟩ дела. Если он еще не был у тебя, имей это в виду. Хотя, быть может, он у Лопатина застрянет и не проедет уже дальше» (*АГ*).

Шахов приезжал к Горькому на Капри в конце ноября — начале декабря. Горький хотел привлечь его к организации музея и библиотеки по истории борьбы за политическое освобождение России XIX—XX вв. См.: Г—Ляц.

[6] Наталья Ипполитовна *Нарбут* — общественная деятельница.

312. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.XII.15

Дорогой Алексей Максимович.

«День», по моей инициативе, дает, вместо обычного рождественского № с глупыми рассказами, номер, написанный русскими писателями для детей[1]. Будет, между прочим, посмертный рассказ Мамина-Сибиряка. Я впервые пишу для ребят о моих минусинских зверях. Моя миссия дать нечто такое соединенными силами, что явилось бы хоть однажды противодействием кисло-сладким «Задушевным словам»[2] и оголтелости «Галчонка»[3]. Дайте что-нибудь, пожалуйста! У Вас пригодных для того открывков, наверное, найдется много, да время есть и новую небольшую вещицу написать, если захотите. Газета чистая, заплатит хорошо. Рукопись нужна между 10/23—15/28. Телеграфируйте, дадите ли и, по возможности, когда.

Как живется? Давно от Вас нет вестей.

Ваш А. А-в

[1] Рождественский номер газ. «День» (№ 84, 25 дек. 1912 г./7 янв. 1913 г.) с иллюстрированным приложением — рассказами русских писателей для детей.

[2] *«Задушевное слово»* — детский журнал, выходил с 1877 г. по март 1918 г. (СПб., изд-во товарищества М. О. Вольф).

[3] *«Галчонок»* — иллюстрированный детский журнал, выходил в 1911—1912 гг. (СПб., изд-во С. Г. Корнфельд).

313. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Между 16 и 22 декабря 1912 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю сказку, пускай оный «День»[1] заплатит мне хорошо, они люди богатые, а я — беден. А газета у них — скучная.

Приехал Бунин[2], скоро приедет еще Гребенщиков[3] и, вероятно, Сургучев. Вам бы заглянуть пора на наши камни! Красное имею — ах, какое!

Из Питера мне пишут очень много, но — все какие-то прескверные анекдоты.

Поражен самоубийством Азбелева[4], знал я его. И дочь генерала Евецкого — знал, в 96 г. в Нижнем, где генерал — тогда полковник — был, помните? — начальником охранного отделения. Девочке, в ту пору, было лет 5, была она фаянсовая, очень нравилась мне, когда гуляла по откосу с бонной. И вдруг — бац! «Никогда я не была так противна себе, как теперь». Чудесные глазенки были у нее. Чем хворает Русь? Жутко немножко.

Читали вы в «Речи» ламентации Пругавина[5], который просит амнистии писателям, в том числе мне и вам? Хотел я написать ему, добродушному хаму, открытое письмо, да мне — нельзя, он со мною там обращается слишком просто, публика, конечно, вообразит, что на это обращение я и обиделся.

Скучно, как будто меня положили закладкой в учебники арифметики Евтушевского.

Ужасно хочется выдумать хорошего человека, а — некогда.

Будьте здоровы.

Приезжайте!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 15 и 23 декабря 1912 г.

[1] Горький выслал Амфитеатрову рассказ для детей «Случай с Евсейкой», который был напечатан в приложении к рождественскому номеру газ. «День» (№ 84, 25 дек. 1912 г./7 янв. 1913 г.).

[2] Бунин приехал на Капри 29 ноября 1912 г.

[3] Георгий Дмитриевич *Гребенщиков* (1883—1964) — писатель. Печатал в сибирских газетах бытовые очерки под псевдонимом Сибиряк. В 1910-х годах редактировал в Барнауле газ. «Жизнь Алтая». Революция застала Гребенщикова на юге, откуда он эмигрировал в Америку.

Горький начал переписываться с Гребенщиковым в начале октября 1912 г., предложив ему прислать рассказ для журн. «Современник» (Г—Ляц, п. 6, прим. 8). Предполагалось также участие Гребенщикова в проектируемом Горьким «Сибирском сборнике».

Видимо, ожидаемый приезд Гребенщикова на Капри не состоялся. В феврале 1913 г. Горький писал Гребенщикову: «Я буду очень рад, если вы заглянете на Капри, это обоим нам, пожалуй, будет полезно, мне же, кроме того, и приятно» (Письма в Сибирь, Красноярское краевое изд-во, 1948, с. 73).

[4] Николай Павлович *Азбелев* — отставной генерал-майор флота, учредитель и председатель Русского астрономического общества, автор ряда трудов по морскому делу и очерковых книг о Японии. Горький познакомился с Азбелевым в 1905 г., в Ялте (см. воспоминания Ю. А. Желябужского — *АГ*). Сообщение о самоубийстве Азбелева было напечатано в газ. «Приамурье», а затем перепечатано центральными газетами (Речь. 1912. № 348. 19 дек. 1912 г./1 янв. 1913 г.).

[5] Имеется в виду ст. А. С. Пругавина «Писатели-эмигранты» (Речь. 1912. № 327. 28 нояб./11 дек.), в которой утверждалось, что произведения Горького, написанные в Италии, «носят несомненные следы явного упадка его таланта, когда-то столь яркого и блестящего». Упоминая, кроме Горького, Миролюбова, Н. А. Рубакина, Луначарского, Амфитеатрова и др., живущих в эмиграции писателей и издателей, автор заканчивал свою статью призывом: «Пора сказать открыто и громко: необходима амнистия! Больше, чем когда-нибудь, необходима амнистия!»

314. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.XII.23*

Дорогой Алексей Максимович.

Сказку получил и отослал. Она прелестная. Телеграфировал, чтобы Вам перевели деньги. «День» еще на прошлой неделе был мною запрошен относительно Вашего гонорара и ответствовал: 200. Полагаю, по размерам сказки, сие пристойно?

К сожалению, они там далеко не так богаты, как Вы думаете. Много нахвастали, а может быть, и сразу очень набросились на кассу, что

* Горьким подчеркнута дата и отчеркнуты первый и второй абзацы письма (синий карандаш).

тоже бывает. Газета плоха. Хотела подражать старухе «России», но сил у нее нет даже и для имитации «Руси».

Не думайте, что пругавинская статья проста. Я имею совершенно определенные и достоверные известия, что Вас, меня, Бальмонта и Минского ждет сюрприз частной амнистии, готовящейся на февраль [1]. Общей амнистии не будет, а будет именная, вроде той, как дал Александр II, восходя на престол [2]. Обо всем этом благополучии для нас старается Академия, мать ее за ногу да об пол, а обо мне, в частности, еще и г. Коковцев [3], который, оказывается, сохранил ко мне старинные нежные чувства и «большой мой поклонник». Кадетское глупое прекраснодушие и сентиментальность наших еврейских друзей от этих перспектив в великом восторге, и я получил письма, умоляющие не делать сейчас никаких выпадов против правительства, которые могли бы затормозить «царскую милость». Я очень рад, что Вы смотрите на эту пошлую затею так же сурово, как я. О себе скажу прямо, что скорее сдохну, чем приму частное помилование, и, если понадобится, буду протестовать против него самым резким образом. Господам же питерским сентименталистам надо будет дать хорошую головомойку, чтобы они не смели затевать свадеб, не спросясь невест и женихов.

С удовольствием повидал бы Бунина: я ведь его не знаю. Но сейчас: 1) денег нет, 2) праздники и ряд именин, 3) писание всяких спехов. После Нового года, в первых январских числах, непременно к Вам выберусь. Меня тут один старый долг, внезапно всплывший, очень ободрил. Охота Вам была так много внимания уделять Наживину [4]! Он теперь возгордится.

«Совр.» напечатал нас всех как-то курьезно, вроде редакторов отделов. Относительно меня он врет, я ему этого права не давал. А журнал скучнее скучного и без всякой физиономии. Гроб гробом, для полного сходства даже и веночек на крышке завел.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] В феврале 1913 г. ожидалась амнистия по случаю празднования 300-летия дома Романовых.

[2] Александр II в 1856 г., по случаю своей коронации, издал манифест, содержавший амнистию для осужденных, «лишенных всех прав состояния и сосланных в Сибирь или сданных в солдаты по делу о тайных обществах 1825 года и по заговору Петрашевского, в 1849 году. Им дозволено возвратиться с семействами из мест ссылки и жить, где пожелают, в пределах империи, за исключением обеих столиц. Осужденным и детям их возвращены титулы и потомственное достоинство» (Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1).

[3] Владимир Николаевич *Коковцов* (1853—1943), с 1911 по 1914 г.— председатель Совета министров.

[4] Иван Федорович *Наживин* (1874—1940) — писатель, в начале своего творчества последователь Л. Н. Толстого. Сторонник консервативных политических воззрений, он не принял Октябрьскую революцию и в 1920 г. эмигрировал.

Автор сборников рассказов и очерков «Родные картинки» (1900), «Убогая Русь» (1901), «Перед рассветом» (1902), «Дешевые люди» (1903), «Среди могил» (1903), «У дверей жизни» (1904), «В сумасшедшем доме» (1905), «Кикимора» (1917), романа «Менэ... Тэкел... Фарес...» (1907) — о жизни Европы и России в период русско-японской войны, об интеллигенции, не принимающей как капитализма, так и политической борьбы с ним, тяготеющей к крестьянско-патриархальному миропониманию. В эмигрантский период — автор произведений, осуждающих социалистическую революцию в России и одновременно бездарную политику царизма.

Горький посвятил Наживину и его кн. «Моя исповедь» раздел в ст. «Издалека» (Современник. 1912. Кн. 11). Он характеризовал книгу как «злой, желчный плевок в лицо русского общества» (с. 56). Горький писал: «...о Наживине не стоило бы говорить, не будь он единицей в тысячах русских людей, изуродованных безобразной нашей жизнью, болеющих страхом смерти, отчаявшихся и впавших в крикливый, а потому оглушающий молодое поколение, заразный нигилизм. Но — какой же нигилист Наживин, если он проповедует бога? Тут нет противоречия: случилось так, что на Руси, за редкими исключениями, бога проповедуют именно циники, нигилисты и человеконенавистники...» (с. 61).

315. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 27 декабря 1912 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Разумеется, и я тоже буду протестовать против «амнистии», буде меня ушибут ею [1].

Думаю, надо будет заявить, что я отнюдь не считаю преступником себя и всех моих товарищей, коих правительство приемами провокации закатало на каторгу, гноит по тюрьмам. Не следует ли сейчас же возразить Пругавину и другим благочестивым доброжелателям?

Прескверную они штуку затевают, и поведет это к вящему падению престижа литератора, если только Бальмонт, Минский и К° воспользуются подачкой.

Обрадован вашим обещанием приехать в январе! Может, и Герман Александрович решится?

То-то бы хорошо!

Славная здесь компания русских собралась.

Пока — до свидания и будьте здоровы!

А. Пешков

27/XII
912

[1] См. также п. Лопатина Горькому от 30 декабря 1912 г.

316. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1912.XII.31.22[35]

Дорогой Алексей Максимович.

Пишу Вам, вероятно, последнее в этом году письмо, что явствует из даты.

Помирает год. Не очень мне его жалко.

Получили ли деньги с «Дня»? Если нет, телеграфируйте им, пожалуйста, да и мне тоже.

Очень устал.

Относительно амнистии Вам писал Герм‹ан› Ал‹ександрович› [1]. Часть его письма, в которой он говорит об опасности протестом забежать вперед и очутиться в неловком положении, признаю. Рассуждения же об амнистии по категориям кажутся мне слишком юридическими, но не убеждающими внутреннее сознание. Об амнистии 1905 года можно было говорить как о политической, потому что она была вырвана страхом пред революционным движением. Эта амнистия была только скреплена царем, а шла от народа. Но сейчас?! Помилование по случаю семейного торжества, которое мы, вдобавок, не стесняясь, признавали, признаем и признавать будем самозванным и мошенническим актом? Не говорю уже об амнистии в порядке частного именного помилования, а мне кажется, и общею-то амнистией воспользоваться — совершеннейшая неловкость, а по отношению, напр., нас с Вами, и того более. «Амнистирован по случаю высочайше-шулерского празднества» — как-то нехорошо звучит в послужном списке, хотя бы отметку эту разделили десятки тысяч человек. Нет, мне сдается, что в случае общей ли, частной ли, гуртовой ли, одиночной ли амнистии самое и, быть может, единственное достойное поведение это — Виктора Гюго... «Если останутся в изгнании двое, одним из них буду я, если останется один — это буду я...» Гюго выдержал характер — и дождался, что Бонапарты полетели вверх тормашками, и вернулся в республиканскую Францию [2]. Вернемся и мы в свободную или, по крайней мере, открыто, по-настоящему деятельно-революционную Россию...

Ваша точка зрения (о Вас как о преступнике) легко может быть оспорена с враждебной стороны. Вам возразят, что дело совсем не в том, как Вы на себя смотрите, а как амнистирующая сила на Вас смотрит. Поэтому я не играл бы на этой струне. Для такого грубого дела она слишком тонка. А где тонко, там и рвется. Нет, уж давайте лучше по старой музыке чувствовать себя разбойниками. Наверное, отказ наш озадачит многих и, вероятно, мы потеряем в Петербурге многих друзей, которые будут ругать нас донкихотами, а может быть, и хуже... Ну, и пусть...

А вот уже дописываю и в 1913 году — 1 час 25 минут.

Здрав буди, Алексие, ибо любим тебя очень!

Будем, дорогой мой, жить и любить. Все, что соприкасаются с нами, то прежде всего — любить! А остальное — приложится! С Новым годом!.. Еще раз:

— Здрав буди Алексіе! Ибо любим еси нами!

Ваш А. А.

Так устал, что, ей-богу, не могу хорошо писать. Простите, если что...

[1] Речь идет о п. Лопатина от 30 декабря 1912 г. См.: Г—Л.

[2] Виктор *Гюго* (1802—1885) был изгнан из Франции за выступления против Наполеона III, превратившего французскую республику во Вторую империю. Вернулся на родину в 1870 г., после падения Наполеона III.

317. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. 3 января 1913 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Спасибо вам сердечное за письмо, и — не обессудьте меня, что не догадался первый поздравить вас с Новым годом,— не чувствую еще Нового года, хотя и встречал оный. Все это время у меня внутри — будни, да еще уездно-русские, будни и — ноль хороших впечатлений.

Слагается на Руси какая-то очень свежая, добрая сила — так! — а поддержать ее, организовать — некому, своего же уменья — нет еще, и силишка это — нервничает, раздражается, тратится зря.

Нужны три рабочие газеты: в Московском районе [1], на юге, на Урале — некому поставить.

Хочу просить вас: не дадите ли для с.-д. «Правды», питерской [2], какой-нибудь фельетон небольшой? Газета расходится в 40/т, а веселой литературы — нет у нее.

Был у меня, на днях, харьковский бактериолог Недригайлов [3], довольно широко известный ученый за границею и, должно быть, превосходный человек. Рассказывал действительные анекдоты из современной русской жизни — матушки мои! Нехорошо.

Видный человек в Харькове, он берет своих из гимназии — нельзя учиться.

Вообще — чувствую я себя неважно, чему помогает овечий кашель, от коего у меня разламывается череп.

Пишу, конечно, но — пишу не то, что нужно и хотел бы.

Материальные дела мои — Содом и Гоморра.

«День» денег, разумеется, не прислал [4], и это он зря делает. Писать им я не буду — неловко как-то, может, сами вспомнят.

Ну, будьте здоровы, будьте бодры духом и приезжайте на остров Капри, где сегодня ночью был потопный дождь изумительной силы! Ей-богу, я думал, что остров разобьет в кашу и мы съедем в море.

Поздравляю всех ваших с Новым годом, да будет он всем радостен и легок!

А вам, дорогой, любимый и уважаемый человек,— особенно хочется пожелать всего, всего доброго! И — отдыха! Крепко обнимаю.

А. Пешков

Герману Александровичу — привет и почтительно кланяюсь, поздравляя!

3/I
913

[1] В п. В. И. Ленину 25 января 1913 г. Горький сообщал: «На днях собрали несколько сотен рублей на московскую газету, в феврале еще найдем немного» (*Ленин и Горький*. С. 104). В Москве была создана легальная большевистская газ. «Наш путь», первый номер которой вышел 25 августа/7 сентября 1913 г.

[2] В большевистской газ. «Правда» Горький редактировал отдел литературы и искусства. 17 октября 1912 г. Ленин писал Горькому: «На днях получил из редакции „Правды" в Питере письмо, в котором они просят меня написать Вам, что чрезвычайно рады бы были постоянному Вашему сотрудничеству» (*В. И. Ленин*. Т. 48. С. 100).

В 1912—1913 гг. Горький напечатал в «Правде» (1912, № 131, 30 сент.) «Сказку» (XI из цикла «Сказки об Италии»); из повести «Большая любовь» (Там же. 1913. № 1. 1 янв.); «Вездесущее» (Там же. 1913. № 58. 10 марта); «Сказку» (XXV из цикла «Сказки об Италии») (Там же. 1913. № 87. 14 апр.).

[3] В. И. *Недригайлов* (1865—1923) — известный бактериолог, ученик И. И. Мечникова.

[4] Речь идет о гонораре за рассказ Горького «Случай с Евсейкой».

318. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1913.I.6

Дорогой Алексей Максимович.

Завтра, если ничто не задержит, я рассчитываю выехать в Рим и, значит, на днях у Вас буду. В Риме приостановлюсь понюхать что-нибудь на Форуме и в Museo Nationale.

Прочитал вчера Винниченкова «На весах жизни» и, знаете ли, очень сконфужен. Это гораздо лучше первого его романа, который был мне отвратителен до тошноты [1]. Гораздо чище мыслью, а правда, к сожалению, страшная. Он, Винниченков роман, привел меня вчера в такую, говоря Бальмонтовым языком, раздавленность, какой давно я не испытывал... Это не Ропшин! Буду о нем писать и много с ним ругаться и спорить, ибо любимые его герои (Фома, напр.) совершенные идиоты,— но писатель он с большим дарованием и серьезно-наблюдательный. Если бы из него пессимистическую труху вытрясти, большим человеком мог бы быть.

Бедному Леон‹иду› Ник‹олаевичу› что-то не везет, и он, с горя, делает глупость за глупостью [2]. Хотя, все же, Алек‹сандра› Ив‹ановича› с торжественным письмом о поруганных доблестях Васьки Регинина ему не перешибить![3]

Итак, до скорого свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А-в

[1] Роман «Честность с собой».

[2] Амфитеатров порицал поведение Андреева. «...Коллекция андреевских инцидентов пошла не на убыль, а на прибыль...»,— писал он в ст. «Над посмертными строками», имея в виду полемику Андреева с киевскими журналистами по поводу «Профессора Старицына» и запрещение киевским театрам ставить его пьесы (см.: *А—Г*, п. от 28 нояб. 1912 г., прим. 3), телеграмму Вл. И. Немировичу-Данченко с резким выпадом против публики Художественного театра, якобы не оценившей пьесу Андреева «Екатерина Ивановна», и т. п. Амфитеатров называл Андреева «четвертым партнером в винте дежурного российского скандала: Илиодор, Шаляпин, Ропшин, Андреев...» Вместе с тем Амфитеатров выражал надежду вновь уви-

деть Андреева-художника, «когда-то чутко схватившего творческим вниманием своим последнее предсмертное бормотанье XIX века и первый лепет новорожденного века XX-го и давшего им вдохновенные выражения, которые не забудутся в истории русской не только литературы, но и жизни общественной» («На всякий звук», с. 178).

[3] Василий *Регинин* — псевдоним журналиста Василия Александровича Раппопорта (1887 (?) — 1952). Речь идет о п. Куприна, напечатанном в газ. «Вечернее время» (1912, № 330, 17/30 дек.) в связи с заявлением Регинина о том, что он больше не редактирует «Синий журнал», и появлением в «Сатириконе» заметки, в которой издевательски комментировалось заявление Регинина.

319. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Roma. Albergo Minerva. 1913.I.10

Дорогой Алексей Максимович.

Этакая же незадача! Не судьба мне попасть сейчас к Вам на Капри. Свидание, ради которого я сижу в Риме, отсрочилось, благодаря неаккуратности соотечественника (издательской породы), до понедельника, а в среду я должен всенепременно быть дома, так как назначил этот день двум приезжающим из Швейцарии компатриотам для некоторого совещания. Ехать к Вам на одни сутки не модель: только истреплешься, а и поговорить толком не успеем. Так что переношу визит до февраля, если позволите. Тогда выберу дни более свободные и удобные.

Жалею о том, что Вас не увижу — во-первых, потому, что Вас не увижу. А во-вторых, потому, что не могу поговорить с Вами по вопросу, о котором давно хочется и надо поговорить, а не хотелось писать, все уповал на личное свидание. Это о Зине и Лиде. Им ужасно скверно в Америке, и, откровенно говоря, следовало бы нам их вернуть и как-нибудь устроить здесь в Европе. О положении их я узнал в подробности совершенно случайно, так как Лидия — она не из жалующихся и в письмах к нам все больше остроумничает и бодрится. Но Иллария Владимировна прочитала ее письма к Жене [1] и, хотя Лида и там старается выдерживать характер, пришла в великий ужас, который, по ознакомлении с этою литературою, разделил и я. В Alassio я говорил Вам, что несколько сердит на Зину за то, что он преждевременно выписал к себе жену и ребенка, не устроившись еще на месте сам. Действительно, результаты этого, как и следовало ожидать, получились плачевные, и даже в большей мере, чем можно было ожидать. Потому что даже не достигнута близость географическая, Лида с ребенком мается в Торонто на фабрике, а Зина в Британской Колумбии скваттерствует, погибая в борьбе с обстоятельствами и природою, которые любопытны в рассказах Джека Лондона, но ему пришлось туго очень. И добраться им друг к другу — дороже, чем, напр., Лиде вернуться в Европу! Действительно, какие-то чудовищные расстояния! Герман Алекс. мерил по карте, так даже плюнул. Хуже Сибири. Впрочем, Вы это знаете много лучше меня. Денег ни гроша, девочка долго болела, сама Лида тоже больна сильно была и плохо поправляется — по той причине, что плохо ест. Я давно сказал Жене, что, если Лида хочет возвратиться в Европу, я охотно помогу ей в этом. Но она отвечала буквально, что не может спокойно ходить по итальянским мраморным лестницам, зная, что муж пропадает где-то в землянке под снегом. Это очень благородно и трогательно, но сдается мне, что, в таком случае, лучше было бы вернуться им обоим. Я Зину очень люблю и считаю хорошим парнем. Жаль, право, что «так жизнь молодая проходит бесследно», да еще и не одна, а сам третей. Вы, по времени и обстоятельствам, не успели приглядеться к Лиде, а ведь она человечина превосходнейшая, как и все сестры Бураго, смелая, веселая, работящая, и хотелось бы очень, чтобы так хорошо задуманное природою создание не измыкалось в роде человеческом ни за понюх табаку. Ибо шитье

штанов по ½ доллара в день — карьера и цель жизни не блистательная... Словом, по-моему, хорошо было бы вытащить это трио оттуда и, если Вы с тем согласны, давайте-ка мы это сделаем? То, что между Вами и Зиною были пред его отъездом маленькие трения,— полагаю, в Ваших глазах не может иметь большого значения, тем более что я уверен: достаточно было бы Вам однажды в то время встретиться и поговорить, чтобы недоразумения исчезли, ибо, по существу, ни он, ни Вы в них нисколько не виноваты, а виноват лаконизм пера и бумаги, на фоне женских неладов. Отвечайте мне на это письмо, пожалуйста, возможно скорее. Так или иначе, хотелось бы мне сказать Жене что-либо определенное и успокоительное относительно Лиды. Вдвоем нам, я думаю, поднять это было бы нетрудно. Взять на себя одного их переселение и устройство я боюсь не столько по нежеланию материальной ответственности, это я осилил бы, сколько — моральной. У меня нет достаточно работы, которую я мог бы им предложить, а они, как народ молодой и гордый, даровой услуги, конечно, не примут, и начнется на этой почве необходимое и плачевное окисление, чего я терпеть не могу и отнюдь не желаю. Для 2-го издания «Зверя из бездны» у меня будет довольно много переводной и справочной английской работы, которую я мог бы предоставить Зине или Лиде, если последняя овладела английским языком. Русским-то она владеет великолепно, письма ее почти литературны. Думаю, что, при множестве международной корреспонденции, которою Вы обременены, Зина, в качестве секретаря с языками, тоже был бы Вам небесполезен... Да, вообще, как-нибудь и что-нибудь придумать к устройству этих канадских бобров было бы очень хорошо, а по-моему, даже и необходимо.

Посылаю Вам № журнала «Eroica», который вез Вам по просьбе синьора Этторе Кодзани, его редактора, энергичнейшего и симпатичнейшего юноши, который без гроша в кармане, но, работая чуть не 24 часа в сутки, умудряется вершить вот, видите, какие чудеса. Если можно, разрешите перевести для «Эроики» Евсейку на дне моря [2]. Кодзани умоляет меня выпросить у Вас какую-нибудь маленькую вещичку. Дайте, пожалуйста, если не жаль. Парень уж очень хорош — того стоит! Бьется, как рыба об лед, а работает, пылает надеждами и верою в торжество своего искусства и нисколько не унывает, хотя жутко ему среди мещан-соотечественников — до чертиков и терпит он от них муку мученическую...

До свидания, дорогой мой! Очень мне жаль и грустно, что так нелепо сложились обстоятельства и обманула меня близкая надежда Вас повидать. Значит — до февраля! Ужасно это нелепо, что мы живем так, казалось бы, близко, а на самом деле так далеко друг от друга. Я все мечтаю о переселении в Рим, да как-то не слагается это, не выходит.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А-в

[1] Женя — Е. П. Бураго.
[2] Т. е. рассказ «Случай с Евсейкой».

320. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Между 11 и 16 января 1913 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

На днях я получил от З⟨иновия⟩ письмо, в котором он просит меня прислать денег и рассказывает о своей нелепой покупке негодной и ненужной ему земли,— значит — все тот же. Да, хороший парень, но — пора быть серьезным человеком.

Я ответил ему, что сейчас не могу послать денег. То же принужден ответить и вам: сейчас я в самом тесном плену безденежья. Если б вы

могли дать мне заимообразно 500 р., послав эти деньги Лиде,— я был бы очень благодарен вам. Деньги эти я мог бы возвратить *к апрелю*, не ранее, т. е. только в конце марта. Деньги нужно послать именно Лиде, а не Зиновию, а то он на них купит море и сядет на берегу своей собственности в ожидании благоприятной погоды.

Работы у меня ему — или кому-либо другому, все равно! — не найдется. Я человек «конспиративный», секретарей — боюсь и все делаю сам.

«Евсейка» — переводится уже Марией Федоровной и будет напечатан в «Primavera» — для «Eroica» я дам что-нибудь другое[1].

Не согласен с вами в отношении к повести Винниченка[2] — я знаю, какова она была в рукописи. Это — злопыхательство «Бесов» сильнейшее! Фома, который мстит своей жене за ее сожительство с жандармом тем, что за 10 т. рублей обязывает ее провести ночь с коридорным — «полячком»,— это, знаете, «черта» такая, что и Достоевскому не снилось, а уж как зол был, старый демон!

Вообще — с меня довольно «ропшинизма», вехизма и прочих признаков духовного разложения, я и без Винниченки по Винниченке вижу, что окончательно загнили, с корней! Разоблачение внутренней дряблости россиян-революционеров превратилось уже в оплевание русской истории. Винниченки, Ропшины и прочие, может быть, очень хорошие, вполне искренние люди, но они никогда не ставили пред собою вопроса о праве итога и, кажется, никогда не поставят.

А — надо бы. Им, столь бойким на обобщения, особенно серьезно следовало бы подумать на тему, как велико их право итога?

Не люблю я этот народ.

Видели вы книжку Георгия Гребенщикова «В просторах Сибири?»[3] Поглядите — хорошо.

Будьте здоровы, будьте счастливы. Очень опечален я тем, что вы повернули назад,— так хотелось видеть вас.

Шолом-Алейхем прислал ваше письмо ко мне непосредственно сюда.

Всего доброго!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 10 и 17 января 1913 г.

[1] «*Primavera*» («Весна») — итальянский журнал для юношества. Ранее в этом журнале Горький напечатал автобиографический рассказ «Musica» (1911, № 1). См.: *15*, 533.

[2] Речь идет о романе «На весах жизни». Крайне отрицательно было и отношение В. И. Ленина к творчеству Винниченко. Несколько позже он писал И. Ф. Арманд по поводу романа «Заветы отцов»: «По-одиночке бывает, конечно, в жизни все то из „ужасов", что описывает Винниченко. Но соединить их все вместе и таким образом — значит, малевать ужасы, пужать и свое воображение и читателя, „забивать" себя и его» (*В. И. Ленин*. Т. 48. С. 295).

[3] Г. Гребенщиков «В просторах Сибири. Рассказы» (СПб., изд. т-ва писателей, 1913).

321. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1913.I.17

Дорогой Алексей Максимович.

Письмо Ваше получил. Зачем же, собственно говоря, будем мы проделывать столь сложную процедуру? Если весь вопрос сводится к материальной помощи, то я просто пошлю Лиде денег из ближайшего моего получения, вот и все. При этом мне кажется, что обязывать ее к пользованию деньгами независимо от Зины было бы несколько обидно для обоих, а в особенности для Зины, и даже могло бы дать начало неприятному чувству между супругами. Я говорил о том с Женею, и она того мнения, что на подобном условии Лида вряд ли примет ссуду. Да, как

я писал уже Вам, материальная сторона в данный момент не так важна, потому что помочь им перебыть беду и даже, в случае надобности и их желания, возвратить их в Европу — это я осилю. А вот как их дальше устраивать? — вот в чем я уже совершенно бессилен к помощи, ибо, как Вам известно, связей заграничных у меня совершенно нет, а призраками работы молодых людей недолго продержишь... Эта сторона гораздо важнее насущного их материального затруднения. Воспалительный острый процесс молодые силы выдержат при некоторой поддержке, а вот как быть, чтобы он не стал хроническим? Ну, да — раз Вы не можете вмешаться в судьбу молодой канадской пары, то, стало быть, поставим здесь точку. Попробую написать кое-кому — авось, что-нибудь сладится.

Вероятно, для печати Винниченко сильно переработал свою вещь, потому что я, уж более чем нелюбитель ропшинизма, решительно не нахожу в его романе следов этого весьма противного мне недуга. А — что вещь мрачная — верно. Преувеличений и желания стоять в романтической позе — тоже слишком много, равно как и достоевщины и андреевщины. Вы говорите: сам Достоевский не выдумывал подобного. Конечно, не выдумывал и не мог выдумать: жизнь попроще была, не прошла сквозь сверхчеловеческую школу-то. А — что касается фактического материала, то, к сожалению. В. грешит скорее чрезмерно фотографическим натурализмом, иногда до портретизма. В некоторых его страницах я узнал лица и деяния, о коих в архиве моем имеются «человеческие документы»... Главные герои и фабула, конечно, фальшиво задуманы и сделаны, а проходящие типы почти сплошь живые, да и живопись, вообще, превосходная. Словом, что хотите, а это не Ропшин.

Получил большое письмо от Айзмана. Очень хвалит Ваш рассказ в «В⟨естнике⟩ Евр⟨опы⟩» [1]. Измаялся он, бедняга, скитаясь в Питере без «правожительства» [2]. Но весел и бодр. Виделся с Куприным и говорит, что не мог удержаться от слез: до того ужасное впечатление.

Я в Риме слушал «Валькирию» и 2 симфонических концерта. Хорошо. Сколько русской музыки стали в Италии играть! Давно не слыхал 4-ой симфонии Чайковского. Не очень ее люблю, а рад ей был.

Рука у меня болит ужасно. Уже и карандаш начинает изменять. Видите, какой гнусный почерк становится. Прошлое письмо писал Вам на подарке Шолом-Алейхема — агатовым карандашом по копировальной лощеной бумаге. Уверял он меня, что не буду чувствовать, как пишу. Нет, весьма почувствовал, обыкновенный способ легче.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

Сейчас увидел по «Утру России», что у меня есть за ними деньги, и написал, чтобы их немедленно послали Лиде. Так что это дело слажено, авось, и дальше что-нибудь устроится.

Ваш А.

[1] По-видимому, речь идет о рассказе «Ледоход». Впервые напечатан под названием «Из впечатлений проходящего» в журн. «Вестник Европы» (1912, № 12).

[2] В «Автобиографических заметках» (1914) Айзман писал: «До сих пор не имею определенного места жительства, не имею постоянной квартиры. Кочую, живу в гостиницах и меблирашках. Очень много терплю из-за неимения права жительства. Хотелось бы пожить в центральных губерниях — нельзя. В деревне бы пожить нужно — нельзя. Родной город Николаев повидать хотелось бы — нельзя: теперь он вне „черты“» (*МИ*. II. С. 346).

322. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1913.5.12

Дорогой Алексей Максимович!

Я только что возвратился из путешествия, в котором провел месяц, весьма отдохнув и оживившись за это время. Рука моя несколько поправилась, так что я в Зальцбурге принялся, было, даже писать Вам большое письмо. Однако, написав три открытки, не мог кончить своего послания, потому что в руке начались подозрительные подергивания. Путешествием своим я доволен свыше всякой меры, ибо как будто новый мир увидал. После весьма долгой разлуки с европейскою настоящею культурою Германия произвела на меня впечатление громадное. За восемь лет, что я ее не видал, она шагнула вперед невероятно во всех отношениях. Богаты, образованны, работники и даже благовоспитанны, чего прежде в немцах не замечалось. Всеобщее удивительное спокойствие и сознание национальной цельности своей и силы. Именно уж — «полный гордого доверия покой». Куда до них французам! Войско — так уж войско, рабочие — так уж рабочие, школа — так уж школа, искусство — так уж искусство. Войны не хотят, но и не боятся ее. А я забоялся: если будет такое несчастие, плохо нам придется. Цель моей поездки была, главным образом, познакомить сына Данилу с музыкальною жизнью Германии. И вот — тут-то я уж был совсем ошеломлен. До такой степени эта страна стоит впереди всех других. Не говоря уже о нашей любезной Италии, с ее милою, но поверхностною и грубою полумузыкальностью*, нельзя не сознаться, что даже и российское усердие в музыкальном отношении, при всем своем болезненном, почти маниакальном напряжении, не достигло и десятой доли тех результатов, которые имеются в Германии. Какие оркестры, какие капельмейстеры, сколько сделано для музыкального развития простого народа! И притом какая искренняя глубокая любовь к своему национальному творчеству! Думаю писать обо всем этом. Будет, пожалуй, интересно. Хотя обижу многих жрецов отечественного искусства, но это мне не впервой. Если бы Вы только слышали, что за прелесть новая опера Рихарда Штрауса «Розенкавалир» [1], какие она новые горизонты для искусства открывает, как выполняет то, о чем наш гениальный Мусоргский только мечтал еще в своей «Женитьбе» и в сцене корчмы в «Борисе Годунове»!

По возвращении из путешествия нашел, конечно, кучу писем, из которых приятных весьма немного, а неприятных совершенно достаточно. Зина передал мне Вашего «Хозяина». Спасибо. Я его видел уже в окнах германских магазинов, равно как и «Записки проходящего» [2]. Мне сейчас, после редкого отдыха, предстоит столько работы — нагонять запущенное, что просто голова кружится, как я справлюсь. Теперь, значит, привинчиваюсь к письменному столу на долгое время. Хорошо было бы нам повидаться, но обстоятельства так слагаются, а из России и вообще столько материальных запросов, что не могу сейчас и думать вновь тронуться с места. Быть может, у Вас окажется свободных несколько деньков — приехали бы провести их вместе? Хорошее было бы это дело, а то Вы на острове Кипри засиделись. Перед отъездом, пока еще читал журналы и газеты, видел, что Вы ужасно много работаете [3]. Вероятно, продолжается и теперь в том же духе? Злополучный мы народ на этом свете! Хотя, в конце концов, и счастливый своим злополучием.

Очень уж хорош Зальцбург, Алексей Максимович! Удивительный город. Жаль, что Вам там нельзя было бы жить, так как место дождливое. А побывать в нем когда-нибудь однажды просто-таки необходимо.

* Здесь и далее разрядкой выделены слова, которые Горький подчеркнул красным карандашом.

Гумбольдт[4] был совершенно прав, когда находил, что на свете три истинно красивых места: Неаполь, Константинополь и Зальцбург. Да и то первое из них теперь уж слишком изгажено неопрятною итальянскою полукультурою. Так что остается два, а из них я, как природный северянин, конечно, все-таки предпочитаю Зальцбург. Притом хватил я сейчас месяц северной весны — и точно в Тульской и Калужской губернии побывал. Освежает, как говаривал Федор Шаляпин про морскую воду. И птица, и береза, и лужа настоящая, и вообще вся среднерусская природа, по которой так иной раз тоскуешь...

Ну, вот, пока все, что на первых порах наплыло в голову и попросилось вылиться к Вам на Капри... Как живете-то? Ведь, по милости моей болезни, мы бог знает сколько времени не переписывались, потому что Вы вообразили, будто я на Вас сержусь. А я и не думал...

До свидания. Желаю Вам всего хорошего. Пишите, пожалуйста, а ежели можно, то и приезжайте.

Ваш Ал. А-в.

[1] «Кавалер розы» — музыкальная комедия в 3-х актах. Либретто Г. фон Гофмансталя. Одно из популярнейших произведений Рихарда Штрауса. Премьера (в январе 1911 г. в Дрездене) прошла с триумфальным успехом.

[2] М. Горький «Хозяин. Повесть», «Записки проходящего. Очерки. Часть первая». Обе книги были выпущены изд-вом Ладыжникова в марте 1913 г.

[3] В «Современнике» (1913, кн. 2) был напечатан рассказ Горького «Кладбище»; там же (кн. 3, 4 и 5) — повесть «Хозяин»; в «Вестнике Европы» (1913, № 2) — «По Руси (из впечатлений проходящего)» — рассказ «Покойник»; в газ. «Правда» (№ 87, 14/27 апр.) — «Сказка» (из цикла «Сказки об Италии»); в тот же день в газ. «Русское слово» (№ 87) — рассказ «Слобода Толмачиха» («Нилушка»); 28 апреля/11 мая в «Русском слове» — рассказ «Пепе» (из цикла «Сказки об Италии»).

[4] Очевидно, имеется в виду Александр *Гумбольдт* (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, иностранный почетный член петербургской Академии наук. Брат Вильгельма *Гумбольдта* (1767—1835) — филолога, философа, языковеда, государственного деятеля. Исследовал природу различных стран Европы, Центральной и Южной Америки.

323. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Май, не ранее 24, 1913 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Отвечаю вам аккуратно, через десять дней после получения письма вашего, а собирался ответить в тот же день. Причины замедления: бронхит двенадцатидюймовый, кашляю так, что муниципальные часы на площади останавливаются в ужасе, потолки падают и ножки у стульев — у двух — сломались. Земляки при этом. Из Великое Скифи идет многое множество всякого народа, и все говорят, и всех надобно слушать. Хочется чего-нибудь понять, но — трудно! Очень путаная химия «текущий момент». Вот уж момент! Закон о печати — тоже[1]. Склеп, гроб и смерть!

Затем — покойники. Коцубинский помер[2], Чарушников[3] — это все меня очень касается. Карл Габерман[4] помер — и это тоже касается. Кстати: чудесно помер, очень просто, красиво.

А вы пишете о Германии, которая «во всех отношениях шагнула вперед невероятно», но у которой нет литературы, скульптуры, архитектуры, живописи; музыка — сомнительна, о Кантах и Шопенгауерах не слыхать, а Геккель и Вейсман[5] — древние старики. И которая — что там ни говорите,— продолжая развивать милитаризм, давит всю культуру Европы. Нет, не согласен с вашим суждением о Германии. И роста культуры ее не чувствую что-то. Кстати — этого не один я не чувствую, а вот Оствальд[6] тоже и Фрейд[7].

Что вы думаете о свидании 3-х монархов?[8] Жуткая штука, право! И — почему устранена Франция? Если даже — как пишут из Питера —

свидание имеет задачей обсудить вопрос о японо-китайско-сиамском союзе,— Франция должна бы иметь в этом место и голос.

Пишут из России, что к частичным мобилизациям нужно относиться серьезно, ибо они-де являются отдельными актами моб<илизац>ии общей. Жить становится все тревожней, а?

Ехать? Я? Никакой поезд, и пароход, и аэроплан не возьмут меня пассажиром, ибо разрушу все машины и винты кашлем. У меня сапоги лопнули от кашля, серьезно говорю. И у меня нет костюма для выезда из дома, ибо все одежки Максим сносил. Он изнашивает в неделю два пиджака, четверо брюк и 14 пар сапог. Необходимо строить фабрику готового платья.

Вообще, дела — по уши! Бывало, я летом рыбей ловил, а ныне и блоху поймать некогда. А как я всесторонне обобран — знали бы вы! Ни с кем этого не было, и я очень горжусь. В общем же — жить очень забавно, если не дует ветер и двери не хлопают.

А в Германию я не верю, нет! У немцев даже пиво плохо придумано. И вскорости они будут нас толкать вон из Европы. Ступайте, скажут, за Урал, чего вы тут путаетесь? Пшли! Мы, конечно, сперва заартачимся, не пойдем, тут они нас пушками, пушками! Беда будет!

Говорят о книге «И черти, и цветы» [9] — никогда не читал. Нет такой книги, и это враги мои дразнят алчность мою книжную.

Как хорошо, что вы не выучились кашлять! Это так же надоедно и неопрятно, как курение турецкого табака фабрики Рыморенка. До свидания, А. В., будьте здоровеньки! Отрицаю Германию!

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 12 мая 1913 г. и по фразе письма: «Отвечаю вам аккуратно, через десять дней после получения письма вашего...»

[1] Имеется в виду законопроект о печати министра внутренних дел Н. А. Маклакова. Реакционая суть законопроекта, имевшего целью пресечь развитие демократической печати, была разоблачена «Правдой» в ст. «Закон или намордник» (1913, № 109, 14/27 мая) и др.

[2] Коцюбинский умер 12/25 апреля 1913 г. в Чернигове. «Большого человека потеряла Украина,— телеграфировал Горький В. И. Коцюбинской,— долго и хорошо будет она помнить его добрую работу» (*XXIX*, 300).

[3] Александр Петрович *Чарушников* (1852—1913), вместе с С. П. Дороватовским,— первый издатель сочинений Горького («Очерки и рассказы» М. Горького, т. I—III, 1898—1899). Умер 19 мая 1913 г. на Капри. В газ. «Правда» (1913, № 106, 10 мая) был помещен некролог «Смерть первого издателя Максима Горького».

[4] Карл *Габерман* — немецкий писатель, умерший на Капри в апреле 1913 г.

[5] Эрнст *Геккель* (1834—1919) — немецкий ученый, естествоиспытатель, автор широко известной в свое время кн. «Мировые загадки. Популярные очерки монистической философии».

Август *Вейсман* (1834—1914) — немецкий ученый, естествоиспытатель, занимавшийся проблемами наследственности.

[6] Вильгельм *Оствальд* (1853—1932) — немецкий естествоиспытатель и философ, один из основателей физической химии и электрохимии.

[7] Зигмунд *Фрейд* (1856—1939) — австрийский врач и ученый, создатель метода психоанализа.

[8] Речь идет о встрече Вильгельма II, Николая II и английского короля Георга V в Берлине 22—24 мая 1913 г.

[9] Александр Амфитеатров «И черти, и цветы» (СПб., изд-во «Энергия», 1913). Название книги Амфитеатрова — парафраз строк комедии Грибоедова «Горе от ума»:

«Да, дурен сон; как погляжу,
Тут все есть, коли нет обмана:
И черти, и любовь, и страхи, и цветы...»

В кн. «И черти, и цветы» помещены фельетоны, статьи и сатирические стихи («Соломония бесноватая», «Лилит», «Родословная Мефистофеля», «Небо в луже», «О трагических мистификациях», «А. Н. Будищев», «В. В. Самойлов», «Последняя реальность», «О Саше Черном», «По прочтении одного процесса», «Из альбома», «Из песен о модерне», «Ожившие рифмы», «Ответы»).

324. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 1913.6.11

Дорогой Алексей Максимович!

Письмо Ваше получил и содержание его не одобрил — разумеется, в той части его, которая касается Ваших недомоганий. Читал ровно семь дней в «Киевской мысли», что Вас посетил Чаговец и предлагал Вам всё чрезвычайно мудрые вопросы[1]. «И бысть утро, и бысть вечер — день первый». «И бысть утро, и бысть вечер — день вторый». Сей род ничем же не изымается, ниже (а не токмо) молитвою и постом. Я сейчас совершенно зарылся в сатирическую хрестоматию[2], первый том которой сегодня наконец свалил с плеч и отослал издателю, и в четвертый том — «Зверя из бездны», который, к ужасу моему, приходится переделать чуть-чуть не сначала до конца. Так долго лежала эта рукопись в праздности и так много за этот промежуток сделала — увы, должен огорчить Вас — германская наука. Много, конечно, и вранья, но уж и наработали, дьяволы!.. В первый том хрестоматии вошли «беранжеровцы»: братья Курочкины, Жулев, Кроль, Влас Точечкин. Прочитал «Хозяина» и чрезвычайно им утешен. В новизне твоей старина мне слышится, да еще и очень хорошая и яркая. Запой написан прямо поразительно. По приезде узнал о смерти Коцюбинского и был ею страшно поражен, и весьма сожалел, что поздно было уже выразить в какой-либо форме свои чувства по этому поводу. Это был человек, несомненно, талантливый и из тех, которые, действительно, могут явиться в молодой литературе, если еще не законоположниками, то, во всяком случае, подготовителями к периоду таковых. Да, народу валится — несть конца. В путешествии я просвистался хуже Ивана Александровича Хлестакова и теперь должен нагонять и деньги, и время, и запущенную работу. Все это «не весьма утешительно», как пишет в резолюциях обожаемый монарх. Недвижное сидение на Капри не одобряю. По опыту знаю, что, когда нападает инфлюэнца и всякие кашли, лучше всего на некоторое время переменить место жительства. Я в феврале и марте от этих радостей совсем пропадал, лишился голоса и не мог ни с кем говорить. И ничего не помогало. А — выехал, уже в Милане стал оправляться, а в Вене заговорил понемножку, человек человеком. Постигло нас событие, которое, право, не могу характеризовать иными словами, как — «большое горе». Дорогой наш Герман Александрович затеял уехать в Россию[3]. Сейчас-то он в Париже, и я мечтаю, что, авось, одумается и вернется. Но если он решился, то ведь удержать его нельзя. Боюсь не того, что это вовлечет его в большие осложнения и неприятности — это уж такая, видно, его присяга, от которой он подавать в отставку не намерен. А того, что не ко времени это: пользы он сейчас, постаревший чрезвычайно, много не принесет, да и кому там сейчас приносить эту его пользу? — Лагери разбиты, и склейки их покуда не предвидится. А запусто испортит себе конец жизни. Он сам мне сказал, что не рассчитывает ни на какую политическую роль: для того, чтобы войти в какую-нибудь партийную дисциплину или связать себя с какой-нибудь уже существующей организацией, считает себе не по характеру, он и в старину был властен; а для того, чтобы начать свою организацию и вообще повести свою линию, резонно считает себя и старым, и уставшим. Остается, значит, роль советника и юрисконсульта при более или менее симпатичных ему группах — пожалуй, левокадетских что ли, при народных социалистах и т. д. Весьма вероятно, что в этом отношении он будет и не лишний, так как умного практика там не обильно, но за такие, по существу, пустяки терять Гер. Алекс. уж очень обидно. Ведь я, не обинуясь, скажу, что это самый крупный человек, которого я знал в своей жизни, а я, как Вам известно, потолокся по земному шару достаточно и людей

перевидал многих, и очень хороших... Конечно, «смерть в стране родной милей, чем слава на чужбине», но страшно думать, что он именно навстречу этой смерти и поехал... Уже и сейчас его ищут, и зарыскали шпики, обеспокоенные его внезапным исчезновением. Не ясно ли это предуказание, что́ ждет его в России. Даже не предполагая никаких специальных ужасов и преследований, я ведь знаю: при первом же аресте, а, может быть, даже при первом же обыске, он либо наделает таких чудес, что его пришибут на месте, либо надорвется сердцем, которое начало ему изменять, и пропадет ни за грош... А рассуждать так, что, мол, дожил до лет преклонных и лучше конец в честной драке, чем спокойное ожидание естественного конца существования,— теоретически могу, а практически применить именно к Герману Александровичу — ужасно жалко... Столкновение же его с властью неизбежно на первых же порах. Его сейчас, когда прозевали его отъезд, ищут, как иголку в сене, даже не заботясь прикрывать эти поиски, и в Феццано, и в Нерви, и в Неаполе: ясный знак, какое значение придает ему российская охранка и как она счастлива будет обнять его на границе. Отъезд его, конечно, был для меня большим огорчением и с эгоистической точки зрения, так как теперь я остался без товарища... Социально-политический интерес у нас в доме слаб, а Герман Александрович всегда весь им кипел и таким остался до последнего дня, что мы были вместе... Шесть лет прожить в соседних комнатах, ни разу не имев между собою какого бы то ни было, хотя бы малого, неудовольствия,— это не шутка, и с потерею этого не так-то легко примириться...

Бальмонта необычайно чествовали в Москве[4], но не удержались, чтобы не смазать тряпкою по лицу в самый день торжества. Правда ли, что тяжело болен Леонид Андреев? Нечего сказать, везет русской литературе. А уж какую же дрянь, все-таки, напечатал он в «Совр‹еменном› мире»[5]. Не читал я журналов года три или больше, стал читать — опять брошу. Наводит уныние на фронт, а мне это качество неподходящее, ибо надо очень много работать и быть в хорошем расположении духа. Говорил мне Зина, что Вы пребываете в хроническом восторге от Бунина. Ну, знаете, скажу Вам стихами Алмазова: в этом пункте, я с Вами, «как Сталь с Наполеоном, хоть умру, а не сойдусь...»[6] Вообще до Бенвенутов Челлини я не чрезмерный охотник, а уж до челлиниевских изделий из лыка (да еще и лыка-то не настоящего, а папье-маше) тем паче. А народа он не любит — все врет, и на народ врет, и на язык врет... Если бы таков был народ, как его Бунин пишет, то только и оставалось бы молить небеса, чтобы пришли немцы и обтесали эту уродскую массу завоеванием: авось, на людей хоть сколько-нибудь станут похожи... Боже мой, как мало времени и как много труда! Но спасибо путешествию, оно меня здорово подстегнуло, и сейчас я совсем не устаю.

До свидания, дорогой. Будьте здоровы. Жалко, что опять, значит, долго не увидимся. Осенью переезжаем в Леванто, как я уже, кажется, Вам писал, а через год — должно быть — в Лейпциг. Ничего не поделаешь: сыновний талант тянет. Ему расти, а нам умаляться, как Иоанн Предтеча сказал... А старший сын у меня женился — на ком, собственно говоря, не знаю. Что-то, говорят, высокодекадентское... Ну, что ж, каждому времени свой круг... Надо, однако, готовится к дедовскому положению и изучать соответственные ему позы... При переезде и пересмотре библиотеки я отложу целый воз разной литературы, которую в Леванто тащить ни к чему. Я уже просил Зину переправить Вам сие для взывающих к Вам библиотек и т. под. ...Откуда в «Киевскую мысль» попал Ваш с Гер. Ал-ем портрет?[7] Мы тут, признаться, несколько обеспокоились — сейчас Г. А. гласность большая перед приездом не совсем-то удобна. Он очень рассчитывает на то, чтобы первое время прошло тишком, пока, словом, не осядет он в Вильно или Киеве, а потом уже,

ожившись, думает махнуть в Питер. Ну, до свидания. Желаю Вам всего хорошего, а также сшить непременно новые штаны взамен тех, которые истребляет неистовый Максим. То-то, небось, сейчас вырос в слона. Или нет, впрочем: он ведь худощавый, значит, больше вроде жирафы... «И черти, и цветы» я Вам послал раньше, чем получил письмо,— как только прислали из Петербурга. Книга нелепая, но, быть может, Вас заинтересует мой анализ Соломонии бесноватой. Там кое-что говорится по-новому. А еще интерес этой книги в том, что она показывает степень трусости российской современной печати. Все, что там относится к Маклакову, Дурново и Кассо, не решилась напечатать ни одна газета, равно как и балладу об амнистии (Будрысы). Между тем книга не вызвала никаких репрессий[8]. Сие поучительно, насколько мы, россияне, умеем сами себя обуздывать и подличаем на всякий случай даже там, где и власть подлостей не требует... Вообще... Ну, «да уж довольно ты моего вяканья слушал» — еще раз до свиданья, будьте здоровы и веселы.

Ваш Ал. А.

[1] В «Киевской мысли» печатались статьи киевского журналиста Всеволода Андреевича Чаговца «В гостях у Горького» (1913, № 128, 130, 132—134, 136, 144; 10, 12, 14—16, 18, 26 мая).

[2] Очевидно, Амфитеатров сузил первоначальный замысел издания «сатирической библиотеки» или хрестоматии (см. А—Г, п. от 18 марта 1912 г. прим. 4). Речь идет о сатирических сб. «Забытый смех, поморная муза», подготовленных Амфитеатровым (Моск. книгоизд-во). Вышло два сборника. В первый — «Беранжеровцы» (1914) — вошли стихи В. С. Курочкина, Г. Н. Жулева (Скорбный поэт), Н. С. Курочкина, В. И. Богданова (Влас Точечкин), Н. И. Кроля и приложение «Козьма Прутков в „Искре“». Во втором — «Гейневцы» (1917) — были напечатаны стихи П. И. Вейнберга (Гейне из Тамбова), Амоса Шишкина, В. Г. Тихановича, Н. Л. Гнута-Ломана, В. П. Буренина (Владимир Монументов и Худозад Передринов), Л. И. Пальмина. Третий сборник — «Некрасовцы» — не вышел. План его помещен в первом сборнике: Д. Д. Минаев, Дядя Пахом, А. Лакида; позднейшие и второстепенные сотрудники (Стародубский, Комаров, Клеймо и т. д.); случайные сотрудники; приложение: друзья, гости и союзники «Искры» (Губер, Бенедиктов, Бернет, Греков, Полонский, Гербель, Алмазов, Мей).

[3] Лопатин уехал в Россию 24 июня 1913 г. См. ст. «Один из талантливейших русских людей» и сообщение «К биографии Лопатина».

[4] Речь идет о чествовании Бальмонта в связи с его возвращением в Россию 5/18 мая 1913 г. после семилетней эмиграции. Чествование состоялось 7/20 мая в Обществе свободной эстетики. Среди прочих Бальмонта приветствовал Вл. Маяковский, выступавший от лица его «врагов»: «Когда вы начнете знакомиться с русской жизнью, то вы столкнетесь с нашей голой ненавистью (...) Вы пели о России — отживающих дворянских усадьбах и голых бесплодных полях (...) Наша лира звучит о днях современных...» (Русское слов. 1913. № 105. 8/21 мая).

[5] Речь идет о рассказе Л. Андреева «Он» (Современный мир. 1913. № 1, 4).

[6] Строки из литературной пародии Б. Н. Алмазова: «Похороны „Русской речи“, скончавшейся после непродолжительной, но тяжелой болезни» (*Алмазов Б. Н.* Сочинения в трех томах. М., 1892. Т. 2. С. 324). Амфитеатров поместил стихи Алмазова во втором сборнике «Забытый смех», назвав их одной из лучших литературных пародий (с. 146—153).

[7] Фотография «Г. А. Лопатин и Максим Горький (последний снимок)» была напечатана на обложке иллюстрированного приложения к газ. «Киевская мысль» (1913, № 128, 10 мая).

[8] В ст. «Соломония бесноватая. Человеческий документ XVII века» Амфитеатров рассматривал «повесть о бесноватой жене Соломонии» как «одно из замечательнейших по своей подробности и правдоподобию, с точки зрения психофизиологического наблюдения, изображение демономании на почве сексуального расстройства» («И черти, и цветы», с. 1).

В разделе «Из альбома» помещены сатирические стихи: «Утешительные речи», «Перевод с греческого», баллада «Будрыс и его сыновья», «Притча об игроке и веревке», в которых содержались намеки на деятельность Маклакова, Кассо, Дурново.

Петр Николаевич *Дурново* (1845—1915) — один из реакционнейших представителей царской бюрократии; занимал ряд ответственных постов — директора Департамента полиции, министра внутренних дел и др. Принимал жестокие меры для подавления революции 1905—1907 гг.

325. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

1913.VII.12

Дорогой Алексей Максимович.

Прочитал сейчас телеграмму в «К⟨иевской⟩ м⟨ысли⟩» [1]

Возвращение М. Горького. (От наших корреспондентов).

Москва, 25 июня. Максим Горький подал прошение консулу о выдаче пропуска через русскую границу. Он скоро возвращается на родину.

Петербург. 25 июня. Сообщают, что Максим Горький вернется в августе и будет редактировать журнал «Просвещение» [2].

Правда или нет?

Искренно образован Вашим возвращением в Россию. И за Вас, и за русское общество. За Вас — почему, распространяться излишне. Какое счастье жить на родине и омыть себя живою водою ее — что уж говорить! То-то сейчас увидите, то-то понаблюдаете новую Россию, то-то ее напишете... Хорошо!

А русское общество и в особенности литературный мир и близко соприкосновенная с ним интеллигенция нуждаются в человеке, который бы сейчас взял на себя роль их совести и произвел бы в них, хотя бы уже одним своим присутствием и наглядным примером, ту моральную дезинфекцию, в которой, по-видимому, необходимость настала неотложная.

Прекрасный писатель и человек, В. Г. Короленко недостаточно популярен для целей такого центрального дезинфектора. Словом, хотите Вы или не хотите, а придется Вам принять власть, выпавшую из мертвой руки Толстого, и думаю, что возьмете Вы сие «скифетро» с бо́льшим даже правом, чем держал его покойник. Не художества ваши сравниваю, хотя и тут я «На дне» ни на что не променяю,— а — как общественный демократический символ, Вы, для века нашего, больше, глубже и чище Льва Николаевича, который, как его не верти, все же был последний кающийся дворянин... Нужен обществу человек, который бы в настоящем смешении понятий, когда его спрашивают, хорошо это или дурно, мог бы спокойно, но твердо и властно сказать, что это вот хорошо, а это дурно, что так поступающие — со мною, а этак — против меня... Кроме Вас, другого такого человека я не вижу в России, в литературном мире, ибо Вы единственный, соединяющий громадную популярность с репутацией незапятнанной житейской, не говоря уже о политической, чистоты. Оба эти качества должны быть вместе, а в России у нас как-то жизнь сложилась так, что они всегда разъединены.

Если правда, что Вы так скоро едете, не проезжайте мимо, не повидавшись. Может быть, ведь, больше никогда не встретимся. Вы, попав однажды в Россию, вряд ли выберетесь в Европу — по крайней мере, добровольно, если не придется удирать. А я, чем больше живу, тем больше убеждаюсь, что мне в России не бывать.

От Г⟨ермана⟩ А⟨лександровича⟩ имею известия о благополучном его странствии.

Тут у нас — о чем Вы, может быть, знаете из итальянских газет — разыгрался шпионский скандал, начатый Бурцевым в Париже. Посылаю Вам, на всякий случай, мое письмо из «Avanti» [3]. Бурцев был здесь. Итальянцы вели и ведут себя прямо трогательно. В прошлую субботу фецданцы устроили грандиозную антишпионскую демонстрацию, ходили со знаменем и музыкой, говорили речи. Клянутся и божатся, что не затихнут, пока не доведут дела до запроса в парламенте... Это хорошо было бы.

Я сдал предпоследнюю главу четвертого «Зверя» [4].

Сейчас весь завален работой по организации новых сборников «Энергия». Лето у меня вышло страшно тяжелое: расплатился за апрельский загул. Так-то вот и живет наш брат мастеровой.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

[1] В письмо вклеены вырезки из газ. «Киевская мысль».

[2] См. ст. И. А. Ревякиной «Горький — редактор журн. „Просвещение“».

[3] Амфитеатров приложил к письму вырезку из итальянской газ. «Avanti», где было напечатано «Письмо А. В. Амфитеатрова по поводу установленной за ним агентами русской полиции слежки».

Русский текст этого письма был напечатан в газ. «Биржевые ведомости» (1913, № 13677, 31 июля, веч. вып.). «Мы, русские эмигранты,— писал Амфитеатров,— к этому, увы, привыкли. За мной следили в Риме, в Специи, в Париже и в Кави-Лаванья, о чем я в свое время уже писал, напечатав на столбцах „Avanti“ текст телеграммы, с которой я обратился к министру президенту Джолитти, с просьбой защитить меня от русских шпионов».

Амфитеатров заканчивал письмо утверждением о том, как мало его интересует, что читают из его трудов и писем шпионы, но тем не менее его «возмущает то, что власть русской полиции доходит до Италии, до этой действительно конституционной и либеральной страны ⟨...⟩ (страны Мадзини и Гарибальди)», которую он благодарит «за убежище и заботу».

[4] Речь идет о четвертом томе «Зверя из бездны».

326. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Римини. Июль, после 20, 1913 г.⟩

Вы думаете я на Капри, а я вот уже семь раз Рубикон перешел взад-вперед, и это вовсе не трудно, и напрасно Юлий Цезарь шум поднимал, и камень поставил на базаре Римини тоже напрасно — кстати: камень плохой!

На днях отсюда сбегу в другое место, потом опять сбегу в третье, а — глядишь, и к вам попаду![1]

Всё может быть! Всё! Балканские события доказали это[2].

Еду ли я в Россию? Все спрашивают об этом — т. е. все знакомые и друзья. Кажется — еду, когда — не решил[3].

Это предприятие, между нами говоря, жуткое, не в тех смыслах, что Грузенберг обещает процесс по 73-й[4],— нет, конечно! А чувствую я, что лежит на мне большущая ответственность за каждое слово и — вы понимаете, дорогой друг, как естественен некий священный трепет? Вот и вы тоже возлагаете ношу на рамена мои — сдержу ли я? Вы, я знаю, почувствуете, что здесь не вопрос личный, а нечто неизмеримо бо́льшее.

И я готовлюсь к переезду на Русь с великим тщанием, с большой душевной мукой, все время выпаривая из себя разные пустяки.

Крепко жму руку, будьте здоровы. Скоро увидимся.

А. Пешков

Датируется по времени пребывания Горького в Римини и сопоставлению с письмами Горького к Е. П. Пешковой. См. ниже.

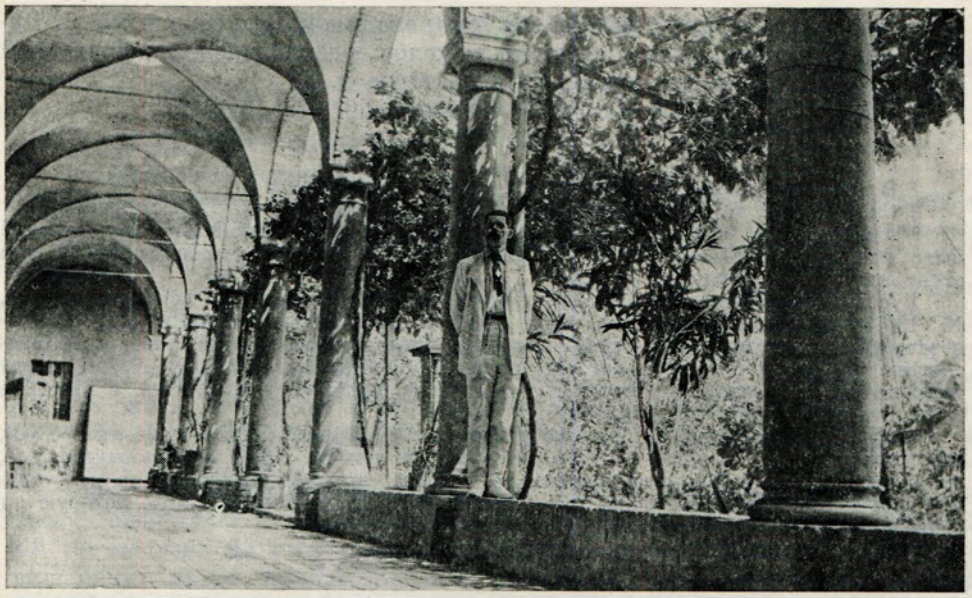
[1] В связи с ухудшением состояния здоровья Горький 11 июля 1913 г. уехал на север Италии. Был в городах: Болонья, Падуя, Римини, Венеция, Верона, Винченца, а также в Риме, Неаполе.

В Римини Горький приехал из Болоньи 14 июля 1913 г. См. его телеграмму Е. П. Пешковой от 14 июля 1913 г. (*Арх. Г.* Т. IX. С. 150).

24 июля 1913 г. Горький писал Пешковой из Римини: «Очень радует меня, что здоровье быстро восстанавливается, да и все вообще — недурно ⟨...⟩ Я отсюда, м. б., скоро уеду, но еще не решено — куда» (Там же. С. 150—151).

25 июля Горький телеграфировал Пешковой из Римини: «Больше писем не посылайте» (Там же. С. 51).

3 августа Горький приехал из Римини в Падую. На Капри Горький вернулся 16 августа 1913 г.



ГОРЬКИЙ В ГАЛЕРЕЕ МОНАСТЫРЯ
Фотография Н. А. Румянцева. Италия. 1911—1913
Музей Горького, Москва

[2] 29 июня 1913 г. началась вторая Балканская война, вызванная обострением противоречий в лагере стран, объединившихся в 1912 г. в Балканский союз и воевавших в первую Балканскую войну против Турции. На этот раз Сербия, Греция, Румыния, Черногория выступили против Болгарии, к ним присоединилась Турция.

[3] См.: Г—Гр, п. 20.

[4] Предположение Грузенберга вскоре оправдалось. 20 июля/2 августа 1913 г. Петербургская судебная палата постановила оставить в силе «со всеми его законными последствиями» розыск через публикацию А. М. Пешкова (Горького), обвиняемого по ст. 73 (богохульство.— *Ред.*) Уголовного уложения по поводу его повести «Мать» в XVIII *сб.* «*Знания*» (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 369).

327. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Fezzano. 30.7.1913

Дорогой Алексей Максимович.

Письмо Ваше получил. Крепко Вас жду и очень волнуюсь Вашим планом путешествия в Россию. Я не думаю, чтобы правительство сейчас набросилось на Вас с какими-либо резкими мерами. Во-первых, это ему ни с какой стороны не выгодно в моральном отношении. Во-вторых, оглашением, что Ваши дела погашены[1], они закрыли себе возможность новых придирок к Вам. Последние явились бы уже простым и грубым актом насилия против неприятного им и опасного популярностью человека, в чем ни одно правительство никогда расписываться не любило, не любит, не будет любить. А что в России ждут от Вас очень многого и ответственность на Вас ложится большущая — это, конечно, несомненно. Но, по-моему, бояться Вам тут нечего, а бремена, хотя бы они были неудобоносимы, принять Вам на себя следует. Уже потому — писал я Вам в прошлом письме,— что больше принять их некому... Я только одного боюсь: как приедете Вы в Петербург или другой большой город да набросится на Вас разная публика с разными предприятиями, а Вы предприятия любите, и затормошат Вас на разное, может быть отчасти и полезное, но, в конце концов, по процессу своему суетное и второсте-

пенное или даже третьестепенное дело... А, в сущности говоря, самое полезное для России сейчас с Вашей стороны, по-моему, было бы вот, как я Вам писал: положение, до известной степени, судии, блюдущего народ свой и не позволяющего совершаться в нем нехорошим вещам и уклоняться ему на путь Ваалов... Ну, да поговорим, когда приедете. Ах, нужен, ах, нужен русскому человеку сейчас пробирный камень, по которому узнавалось бы, где в нем золото настоящее, где золото с другой стороны... Нужен некто, имеющий власть сказать русскому человеку, когда он дурак, когда он ангел. Читал «В ущелье» в «Рус‹ском› слове» [2], и очень мне понравилось. От Василия Немировича получил по этому поводу тоже восторженное письмо... Приезжайте в Фецдано поскорее.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш

Печатается по машинописи без подписи и правки, с пометой Амфитеатрова: «М. Горькому».

[1] На основании указа об амнистии от 21 февраля 1913 г. Петербургская судебная палата по предписанию прокурора палаты от 4/17 и 6/19 апреля 1913 г. прекратила дело по обвинению А. М. Пешкова (Горького) по ст. 129 и ст. 132 Уголовного уложения в издании брошюр Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии», П. Кропоткина «В русских и французских тюрьмах» и кн. Серафимовича «Рассказы», т. III (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 352).

[2] Рассказ Горького «В ущелье» был напечатан в газ. «Русское слово» (1913, № 156, 157 и 158, 7/20, 9/22 и 10/23 июля). Вошел без заглавия в виде девятой главы в кн. «Записки проходящего. Очерки» (изд-во Ладыжникова).

328. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Levanto. 1913.IX.26

Дорогой Алексей Максимович.

Писал я Вам большое письмо в Римини, ответа не получил; послал Вам открытку из пешего нашего странствия с Зиною уже на Капри [1] — тоже; обещали приехать — не приехали... А между тем все время земля полнится слухами о Вас, по большей части тревожными, и хотя почти всегда был уверен, что ложными, но все-таки волновались мы здесь в неведении достаточно. От Л. Старка узнали об операции, перенесенной Максимом... Как теперь? [2]

Прочитал в газетах о «Зыковых» [3]. Читаю в «Р‹усском› сл‹ове›» отрывки Вашей автобиографии [4], великолепные, сильные, и ругаюсь, и глубоко сожалею, что этакую вещь Вы отдаете на растерзание газетным печатанием, в котором она теряется. Отчего не в журнале?

Я завален всякою работою, по большей частью скучною, техническою, выше ушей; изрядно устаю, тем более что, после переезда, дом еще не пришел в должный порядок.

Наконец, совсем сладил «Энергию» [5], а сладив, хочу о ней с Вами поговорить, так как раньше, покуда дело было зыбко и неопределенно, сего остерегался — и Вам, и мне прискучили воздушные-то замки, которые вечно из России предлагаются и, при первом к ним прикосновении, распадаются.

Этот распадаться не намерен — по крайней мере, по зависящим от него обстоятельствам. Денег не преувеличенно много, но — столько, сколько будет надо по ходу дела. В литературно-художественно-политической, словом, во всей редакционной части я, по контракту, полный и единственный хозяин. Контракт заключен на 3 года, с правом пролонгации на такой же срок. В случае совершенного неуспеха издания (если не покроем 50% расхода) издатель по истечении года (6 сборников) имеет право заявить отказ, но, после отказа, обязан выпустить еще два сборника, и тогда уже, если он настаивает на отказе, последний вступает в силу. Так что в самом скверном исходе мы имеем пред

собою 10 книжек по 15—18 листов (maximum — 20). Думаю, что на таком пространстве можно и людям, и самому себе выяснить, полезно ли издание и надо ли его продолжать.

В первой книжке почти весь материал беллетристический, публицистическая только моя заключительная статья «Времена и нравы». Во вторую введу уже отдел критический и т. д., мало-помалу будем превращать издание в толстый журнал, который и сейчас могли бы начать, но издатель наш, человек старый и очень добросовестный, говорит, что не хочет брать на свою душу подписчиков: вдруг соберем подписку, сделаем из нее затраты, а журнал хлопнут — что тогда?

Мое участие в «Энергии», кроме обязанностей редакторских и организаторских, выражается обязательством давать в каждый сборник не менее 3 листов текста, а в два — $7^1/_2$, т. е., в два приема, роман.

План беллетристического отдела у меня такой, чтобы в каждой книжке, кроме моих вещей, было хорошее литературное имя и хороший молодой автор, дебютант либо «недавно на сцене».

Первую книжку, которая выйдет 1—5 октября, русского, удалось сладить именно таким образом и, я думаю, удачно: повесть В. Серошевского, повесть Вашего ученика Б. Тимофеева («Сухие сучки» — очень хорошая, он говорит, что Вы их знаете), моя повесть, мой фельетон, три стихотворения Ивана Свистова, о котором я Вам рассказывал в Аляссио, четыре письма Антона Чехова [6].

Дальнейшее формирую. Выбор большой [7].

Сотрудники подваливают. Из народа уже именитого имеем Кони, Серошевского, Александра Яблоновского, обоих Немировичей-Данченко, Новорусского, Дионео, Теффи, Айзмана, Сумбатова — жду еще кое-каких на днях ответов. Влад. Ив. Немирович-Данченко и Сумбатов [8] — конечно — для статей по театральному делу. Музыку будет писать — попробуем — Г. Н. Тимофеев [9]: у него хорошее чутье к русским композиторам.

Из молодежи уже в ходу — Иван Вольный, Замятин [10], Никандров (ах, какой талант у этого необлизанного медвежонка!) и Сургучев. Прислали рукописи Ширяев, Соболь-Нежданов [11]... ну, это слабовато!

Так вот стоит, значит, теперь дело.

И вот теперь, когда оно слажено, хочу я Вас в него звать, без страха, что, если примете предложение, найдете в деле неустройство и безлепицу, за которые однажды суждено мне было огорчение принять от Вас — сгоряча — незаслуженный упрек... Именно поэтому я, в качестве пуганой вороны, и молчал до сих пор.

Если Вы принципиально не прочь принять участие в «Энергии», чем я был бы бесконечно счастлив, то давайте столковываться. Желательно было бы получить от Вас вещь, конечно, не слишком большого размера, так как сборники имеют бюджет, который переходить на первых порах неудобно и не хотелось бы, а Вы автор дорогой. Если «Зыковы» у Вас еще не проданы, то, может быть, эта вещь подошла бы нам? Тогда мы ее пустили бы в 3-м сборнике, который выйдет 1/14 февраля 1914 г. А если у Вас есть свободный небольшой рассказ в лист-$1^1/_2$, то был бы я ему рад и для 2-го сборника, который выйдет 1/14 декабря этого года, иметь же его мне, в редакции, надо не позже 15/28 октября — стало быть, от сего дня, когда Вы письмо получите, ровно через месяц.

Если подходит Вам наше дело, сердечно буду рад — во всяком же случае, напишите скорее, ждать ли, нет ли, и чего. А равным образом — гонорарные условия, так как в финансовом распорядительстве я бесконтролен только до суммы в 150 р. с листа, о гонорарах же высших должен сноситься с издательством... Да в этом-то столкуемся.

Вот покуда и всё. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А-в

[1] Упоминаемой открыткой *АГ* не располагает.

[2] Е. К. Малиновской Горький писал 25 сентября 1913 г.: «Нездоров, зол на себя, а тут еще Максим нажил нарыв в среднем ухе, резали его, и Максим теперь в Неаполе, где пролежит дён 10. Операция была весьма болезненная, стоить все это будет дорого, а денег — нет! И я катаю фельетоны в „Рус(ское) слово", занятие далеко не радостное» (*Арх. Г.* Т. XIV. С. 357).

[3] Возможно, Амфитеатров имеет в виду заметку «Новая пьеса Горького» (Руль. 1913. № 422. 9/22 сент.), в которой сообщалось о чтении пьесы «Зыковы» в одном из московских театров. Пьеса «Зыковы. Сцены» впервые вышла отдельной книгой в изд-ве Ладыжникова в 1914 г. В России до Октябрьской революции было напечатано только ее первое действие (Современник. 1915. № 1).

[4] Повесть Горького «Детство» печаталась Сытиным в газ. «Русское слово» с 25 августа/7 сентября 1913 г. по январь 1914 г. Первая глава появилась в журн. «Просвещение» (1913, № 9). Отдельная книга — в изд-ве Ладыжникова в 1914 г.

[5] Литературно-художественные сборники «Энергия» (Изящная словесность. Критика. Публицистика. Научные популяризации. Мемуары. Сатира. Фельетон) выходили в Петербурге, в изд-ве «Энергия» (сб. 1 — 1913 г., сб. 2 и 3 — 1914 г.). Издание не имело определенной общественно-политической платформы.

[6] Содержание сб. 1: В. Серошевский «Дары северного ветра (фантастическая повесть)»; Иван Свистов «Лесная темь» (стихотворения «Гроза», «Бугор», «Старушки»); Александр Амфитеатров «Юность одной певицы. Человеческий документ»; «Четыре письма А. П. Чехова с заметкой и примечаниями Амфитеатрова»; Б. Тимофеев «Сухие сучки» (повесть); А. Амфитеатров «Времена и нравы».

[7] В сб. 2 вошли: «Светлый бог. Сказка в 4-х действиях» Д. Айзмана; стихотворения Тэффи «Смерть» и С. Астрова «Тишь», «У окна», «Скрипка», «Этой ночью», «Из Каприйского альбома»; продолжение романа Амфитеатрова «Сестра Елена. (Из записок одной певицы)»; письмо Н. А. Римского-Корсакова (с заметкой и примечаниями Амфитеатрова); в разделе «Молодое растет» напечатаны рассказы о детях Н. Никандрова «Искусство», Вл. Кадашева «Огонь», Кир. Волгина «Антипка»; в разделе «Неволя» — рассказы об узниках Ив. Вольнова «Осенью», Конст. Лигского «Via Dolorosa»; ст. М. Новорусского «Пределы науки», А. Петрищева «Победоносное поражение».

В сб. 3 печатались: стихи А. Черного «Летние сны»; Тэффи «Подсолнечник», Ю. Зубовского «Сказка жизни»; в разделе «Голоса любви» — К. и О. Ковальские «Когда цветет земля» (из цикла финские рассказы), Ник. Ашешов «Голова Олоферна», В. Кадашев «Золотая осень», З. Пешков «Мимолетное»; в разделе «Неволя» — Андр. Соболь (А. Нежданов) «Мендель — Иван»; в разделе «Memento» — А. Грузинский-Лазарев «Пропавшие романы и пьесы Чехова», Ал-др Амфитеатров «Разгон. (Из записок Марии Павловны Урошич)»; в разделе «Ars» — Гр. Тимофеев «Лист и русская музыка»; в разделе «Времена и нравы» — А. Карелин «Сила-капитал». В сатирическом отделе — А. Черный «Продолжение одного старого разговора», В. Князев «Болото», Кир. Волгин «Будни», И. С. Григорьев «Почтительные строки».

[8] Среди лиц, упоминаемых Амфитеатровым: Анатолий Федорович *Кони* (1844—1927) — юрист, общественный деятель; Александр Александрович *Яблонский* (1870—1934) — писатель и фельетонист; Михаил Васильевич *Новорусский* (1861—1952) — народоволец, узник Шлиссельбургской крепости (до 1905 г.), автор воспоминаний «В Шлиссельберге», опубл. в XII *сб. «Знания»; Дионео* (псевдоним Исаака Владимировича Шкловского) (1865—1935) — журналист, очеркист, этнограф.

Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая-Бучинская) (1872—1952) — русская писательница, сотрудничала в журн. «Сатирикон», газ. «Русское слово», «Биржевые ведомости» и др.; в большевистской печати — «Новой жизни», «Звезде». В 1920 г. эмигрировала. В сб. 2 «Энергии» см. ее стихотворение «Смерть», в сб. 3 — «Подсолнечник» (1914).

[9] Григорий Николаевич *Тимофеев* (1868—1919) — музыковед и музыкальный критик. Автор многочисленных статей о русских композиторах: «П. И. Чайковский в роли музыкального критика» (Русская музыкальная газета. 1899. № 29—34); «А. П. Бородин. Жизнь, творчество, неизданные письма» (Современник. 1912. Кн. 8—9); «М. А. Балакирев» (Русская мысль. 1912. № 6—7) и др.

[10] Евгений Иванович *Замятин* (1884—1937) — писатель. Принимал участие в революционном движении 1905—1907 гг., подвергался репрессиям. В 1906—1911 гг. жил на нелегальном положении. Начал печататься в 1908 г. Раннее творчество Замятина было окрашено демократическими настроениями. В 1913 г. была напечатана его повесть «Уездное» (Заветы, № 5), в 1914 — повесть «На куличках» (Там же, № 3). В сборниках «Энергия» не участвовал. В 1932 г. уехал за границу.

[11] Андрей *Соболь* (Юлий Михайлович Нежданов) (1888—1926). В 1906 г. был сослан в Сибирь. В 1909 г. бежал из ссылки в Швейцарию. Вернулся в Россию в 1915 г.

329. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Неаполь. Между 27 сентября и 1 октября 1913 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Слухов о состоянии моего здоровья — не слыхал и в какой мере они преувеличены — не знаю, но — между нами говоря — нездоров я здорово. Между нами — потому что не хотелось бы сожалительных газетных ламентаций.

У меня — рецидив туберкулеза и, как говорят сведущие люди, вся верхняя доля правого легкого весьма в беспорядке. И — вообще в легких нехорошо. Пастеровский институт нашел палочки Коховы в хорошем количестве и прекрасного качества. Обильные поты, африканские температуры и прочие штуки довели мя до пренеприятной скудости сил. Было — с месяц тому назад — намерение лечь и лежать, дондеже не встану на рев трубы архангеловой.

Но — сие прошло, благодаря энергичному нападению докторов, кои принялись меня зверски подлечивать, сейчас мне значительно лучше, t° почти нормальна, кашель — простенький, и вообще — я намерен поправиться. Ем. Очень ем! Ем до того, что всякая пища — противна, все кормящие — ненавистны, ем и с восторгом думаю: как хорошо быть русским мужиком, которому нечего есть. Или — индусом.

Пребываю в Неаполе — Hôtel Royal Santo Lucia[1] — лежу и ем. Сижу и тоже ем. Весь день поглощаю пищу, в общем — пуда три, прохожие удивляются.

«Детство» — писано давно, продано по нужде и, конечно, преждевременно, что я весьма понимаю,— «Зыковы» — тоже старенькая вещь. Я уже отдал их Сытину.

Работать мне — не очень позволяют, а говорят: лежи! Ешь! Не думай! Лежать и есть выучился, а «не думать» — никогда не научусь. Хоть плохо, а буду думать, буду!

Лечение — т. е. лежание — потребует месяца три времени. Очень я устал за последние два года, переработал, но — захворал я не от одной усталости, а от скопления благоприятных для палочек обстоятельств.

Делу вашему — не завидую, хотя и «Энергия». Александр Валент.— поверьте: ничего не выйдет. «Не те времена» — не то нужно. Что́ именно — не знаю, но — чувствую: не то нужно!

Я, конечно, не могу дать вам никаких обещаний, а готовой рукописи — нет. Писать — не в силах. Сегодня утром свалился в обморок — без всяких видимых причин, так себе: стоял и упал. Да-с! А вы что про нас думаете?

Душевное состояние точнейше определяется словом — ярость. Хочется драться, кусаться и бить зеркала. Хочется схватить весь Неаполитанский залив и выплеснуть его на каменную башку Пятницкого. Потом — Везувием его промежду крылец[2].

Лежу и пою — про себя — мрачным басом песню покойника дяди моего Якова, гитариста и шарлатана:

Нищий вывесил портянку сушить,
А другой нищий — портянку украл!
Ой — скушно мне!
Эх — грустно мне![3]

Так-то-с! Будьте здоровы, ибо — хворь удовольствие сомнительное и очень дорогое. Особенно — в Неаполе.

Повесть Тимофеева — длинна. Серошевского — еще длинней[4].

Никандров — это — да! Талант.

Зовите к себе Георгия Гребенщикова — Барнаул, редакция газеты «Сибирская новь»; С. Матвеева[5], Тараканова[6], Волгина[7], Ивана Касаткина — молодежь зовите! Ей же богу — интересные ребята![8]

Из Римини я вам, сударь, отвечал, что ясно и из вашего письма. С Капри — не отвечал, ибо в день получения письма вашего и следующие дни — был мертв. «Не совсем», как говорил Николай Левин[9], но — почти.

Теперь я намерен жить еще лет 16.

Кланяюсь всем вашим и нашим, крепко жму вашу руку.

Пожалуйста — будьте здоровы! Хотя вас Коховы палки никак не могут одолеть и для одоления вашего не иначе как жерди потребны, но все-таки: будьте очень здоровы!

А. Пешков

Зиновию поклон и привет. Как он живет?

Датируется по п. Амфитеатрова от 26 сентября и 2 октября 1913 г.

[1] 25 сентября Горький приехал в Неаполь для лечения рентгеном (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 375).

[2] В 1913 г. резко обострились отношения Горького и Пятницкого по вопросам ведения изд-ва «Знание». Это привело к выходу Горького из издательства, руководящим сотрудником и пайщиком которого он являлся. Много лет спустя (8 апр. 1936 г.) Горький писал Пятницкому: «Я глубоко ценил Вашу дружбу. И — продолжаю ценить. Вы, наверное, тоже знаете, как усердно расшатывали ее „третьи лица". Но мы не станем слагать на них нашу вину друг пред другом — виноваты же мы в том, что не нашли возможным поговорить о „наших разногласиях" открыто, искренно, до конца» (*Арх. Г.* Т. XI. С. 363). См. также заметку Б. А. Бялика «Справедливости ради» (Лит. газ. 1964. № 35. 21 марта).

[3] Яков Васильевич *Каширин* (1839—1902). См. повесть Горького «Детство», где приведена песня дяди Якова.

[4] Речь идет о произведениях, напечатанных в сб. 1 «Энергия» (1913).

[5] Николай Петрович *Матвеев* (1865—1941) — сибирский писатель. Горький писал Гребенщикову 19 сентября/2 октября 1912 г.: «Не знаете ли Вы Н. Матвеева, автора рассказа „Мельник"» (*МИ*. I. С. 296). См. также п. Ляцкому от 24 сентября/7 октября 1912 г.

[6] Произведения И. Тараканова печатались в «Современнике» («Один в природе» — 1911, кн. 7, и «Айне-Булак» — 1912, кн. 8). Горький писал о нем Миролюбову 12 сентября 1911 г.: «Как жаль, что он манерничает. Очень интересен» (*XXIX*, 181).

[7] Кирилл *Волгин* — один из начинающих писателей, его рассказ «Антипка» напечатан Амфитеатровым в сб. 2 «Энергия» (1914).

[8] Произведения Н. Матвеева, И. Тараканова, Г. Гребенщикова, И. Касаткина в сборниках «Энергия» не печатались.

[9] Николай Левин — брат Константина Левина, персонаж из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

330. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Levanto. 2.X.1913

Дорогой Алексей Максимович!

Ужасно жалостно все, что Вы пишете о своем здоровье... Если бы не сковывали сейчас горою навалившиеся дела, поскакал бы к Вам повидаться... В таком трудном и нервном состоянии, конечно, не до работы... А пессимизм Вы на себя все-таки напрасно не напускайте...

Что же «не то» да «не то»?.. «Не то»! мы все давно говорим и восклицаем. А в конце концов «того», что истинно надо, все равно не можем дать, ни Вы, ни я, да что-то и не вижу тех, кто с уверенностью это о себе сказать может... по крайней мере, из ровесников и вообще людей взрослых... Значит, за неимением гербовой, пишем на простой, а затем адресуем «дедушке в деревню», бросаем в почтовый ящик без марки и — посмотрим, что выйдет...

Жаль мне все-таки, что уж очень сковывается связь Ваша с Сытиным... Как ни как, а закабалил-таки плут-купец... Видно, ничего не поделаешь... «все там будем, брат Аркадий!»[1]... На этом основании особенно понимаю и Вашу ярость, и желание драться Везувием, и вылить Неаполитанский залив в новое помещение...

Относительно длиннот Тимофеева * я распорядился довольно свирепо. По секрету сказать, согрешил непочтением, приложив слегка руку и к протяженностям польско-русского старца [2].

Никандров — действительно, талант, но — черт его знает, до чего нечистоплотный неряха. Пришлось возвратить ему две вещи, из которых одна, сатирическая, прямо-таки великолепная штука, но невозможна для печати не по нецензурности политической, а просто потому, что уж очень воняет... Какой-то гениальный золотарь. Другая вещь — ерунда.

Гребенщикова знаю — чуть ли не я и начал его первый печатать в «Современнике» [3]. Человек несомненно способный. Остальной публики, которую Вы называете, за исключением Ивана Касаткина, не знаю. Ах, нет, Тараканова тоже помню, были у меня его рукописи, и что-то я принял и напечатал, уральское, помнится. Но, правду сказать, энтузиазма большого не испытал. А что такое Матвеев?

Что же все — звать да звать? — захотят — сами придут. А то добились мы с этими зовами того, что теперь рукописи начинающих присылаются в таком небрежном виде, что — совершенно ясно: авторы даже не трудятся их перечитывать перед отправлением... «Имя» делается в два-три рассказа и затем, по традиции, утверждается навсегда. Я сейчас нескольких скороспелых знаменитостей, кажется, весьма обидел... Между прочими и Никандров, по-видимому, дуется... Прислал вещь — черновик черновиком, сплошь хаотическую, налганную, с блестками большого таланта, как золота в грязи, но с препротивной тенденцией ругать Европу и написанную чисто дворницким языком... Что тут с таким гусем будешь делать? Сесть да перерабатывать — больше ничего не остается... А это нельзя, потому что, пишет, будто «вещь написана кровью его сердца»... И совсем это не нужно — писал бы чернилами, да внимательно, грамотно и хорошо...

Не знаю, почему Вы думаете, что «времена не те»?

Времена, напротив, по-моему, как раз те, когда литератор знаменитый и сильный, как Вы, или много читаемый, как я, очень и очень должны разговаривать с обществом. Потому что общество сейчас ходит в большом недоумении и очень одичало, требуются ему слова, которые оно забыло... Что ж? Я прямо говорю, что, будучи человеком старого века и интеллигентской породы, с *народом* как силою века нового не сумею говорить и не решусь. Ну, а интеллигенция, по-моему, сейчас в худшем положении, чем была она даже в 70-х годах, ибо совершенно развратилась, сбилась с толку и мотается, точно тряпка, повешенная на веревку, под ветром... А ведь — как там ни верти — она все-таки нужна, и нужно, чтобы она была умная, а не глупая, со вкусом и твердым взглядом, а не пошлая и фальшивая, доброжелательная и смелая, а не злобная от разнообразия испугов. Истинно говорю Вам: надо идти в нее с культурною пропагандою, возвращаясь чуть не к азам... Поэтому мне и кажется, что Вы напрасно смотрите так пессимистически на предприятия, направленные в эту сторону... Впрочем, конечно, взгляд этот у Вас не с бацу, а выношен и имеет свои более или менее доказательные причины...

Ну, а я все-таки духа не теряю и попробую потрубить в свою трубу... что выйдет, то выйдет. За большими триумфами я никогда не гнался и теперь не гонюсь, а будучи побит на бою, мужества тоже никогда не теряю, но начинаю формировать снова свои отряды...

Спрашиваете про Зину. Он у нас в «Энергии» секретарствует. Уже три месяца, и я им чрезвычайно доволен, равно как и издатель

---

* А талантлив и умен парень. Только ему уж очень хочется писать под Вас.

в восторге. Отличный работник, внимательный и усердный, с любовью трудящийся и толковый [4].

Из Римини письмо я от Вас, действительно, имел, из которого и узнал, что Вы в Римини. Но это письмо отвечало на пересланное Вам, которое я адресовал на Капри. А на это письмо из Римини я Вам послал в Римини же другое, очень большое письмо, опять по поводу предполагавшегося Вашего возвращения в Россию, которое прошедшим летом я считал таким нужным и для России, и для Вас... Но — какая же Россия, когда человек нездоров, вон, до обмороков!..

О болезни Вашей, конечно, кроме Зины и Илларии Владимировны, никому не сказал... Да ведь я газетчиков совсем не вижу, а сам доставкой сведений никогда не занимался и впредь не мыслю.

Будьте, пожалуйста, как можно бодрее и не считайте Вы палочек этих проклятых... Ах, иногда, право, мне кажется, что и Коха и многую другую публику не следовало матерям рожать на свет, потому что с приходом их в мир люди стали больше волноваться...

До свидания... Я зимою Вас непременно повидаю. Как-нибудь да умудрюсь. А к себе сейчас с Вашим кашлем боюсь Вас звать потому, что у нас бывают зимой ветры, которые для грудных болезней здешние врачи считают неприемлемыми...

А, вот, кстати, о болезнях. Ведь Сережа-то Горелов в своем Палермо отсиделся-таки до полного выздоровления и теперь, говорят, ходит молодец молодцом, совершенно забыв о каких бы то ни было болях... Так как факт этот стал нам известен от его ближайших друзей, то считаю его несомненным. Махнуть бы и Вам в эту превосходную, действительно, местность. Я когда там был, в Conca d'Oro и Mondello, то только и плакался, что в то время мне, имевшему много газетной работы, это было слишком далеко для житья... Еще раз до свидания. Будьте здоровы. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амф.

Прочитал сейчас в «Речи» заметку о предстоящем восстановлении Вас и Короленко в звании членов Императорской академии наук... О, Господи! Кто это еще усердствует!

Как адрес Касаткина?

[1] Цитата из пьесы А. Н. Островского «Лес».
[2] Речь идет о сокращении повести Серошевского «Дары северного ветра».
[3] Гребенщиков в 1911—1912 гг. в «Современнике» не печатался. В 1913 г. в кн. 1—2 была помещена его повесть «Ханство Батырбека». См.: Г—Ляц, п. 21, прим. 6.
[4] Речь идет о З. А. Пешкове.

331. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Неаполь. 4 октября 1913 г.)

Александр Валентинович, дорогой — боюсь, что вы обиделись на меня за слова мои «не то» и «не те времена»,— из тона письма вашего, как будто, сквозит обида — вот уж не по адресу-то было бы! Я вас и люблю, и уважаю, и очень высоко ставлю вашу неутомимую, всегда умную работу, всегда талантливую и как-то особенно, по-русски честную. Не лесть, не комплемент, а — от сердца говорю то, что думаю давно и что хорошо проверено: на редкость открытое лицо у вас — лицо души — и другой такой фигуры психической — не знаю.

«Не то» относится к Серо⟨шевскому⟩ — я вообще не поклонник его таланта, в частности мне не нравится принятая вами рукопись [1], я ее читал.

Тэффи? Это — для после обеда, для сумерек. В Тим⟨офееве⟩ — Достоевский сидит.

Вы говорите о пропаганде культуры — совершенно верно, бесспорно, это — необходимо в наши дни всеобщего одичания. И не «те времена» — чтоб Серо‹шевский› мог дать то, что надобно. Вот Никандров — может. И вообще — молодежь может, напр. — Вольный, Матвеева посмотрите в «Сов‹ременном› мире», книга 8-я или 7-я, про медведя [2].

Адрес Касаткина, Ивана Михайлова:

Лыковское лесничество, Макарьев‹ского› уез‹да› Нижегор‹одской› губ‹ернии›.

Возьмите стихов у Дмит. Семеновского [3], изгнанного семинариста ярославского,— ха-ароший товарец, поверьте слову! Адрес: Москва, Трубниковский пер., дом Удельного ведомства, Е. К. Малиновской [4] для Дмит. Семеновского. И — не пригодится ли прилагаемое? О мальчике — недурно! [5]

Коховы палочки отнюдь не волнуют меня, и деремся мы с ними преуспешно. Некий доктор Манухин [6], очень хитрый человек, поступает с ними, с палочками, весьма просто: воткнет в селезенку мне Рентгенов луч, селезенка разволнуется и разложит лейкоцитов, а сии, распадаясь, выделяют некий фермент, который палочкам как ладан черту. И палочки издыхают. На меня же возложена обязанность есть. Я ем 16 раз в сутки. Всякая пища — просто сволочь для меня. Извините за слова, но — сволочь и стерва! Вы любите сырые яйца? Ага!

Нет, несмотря на все, я еще не умру. Диваны буду есть, а — вылечусь! Хочу жить еще 16 лет на страх врагам.

Не сердитесь на меня! Кланяюсь очень и жму руку. Сегодня переезжаю в Sorrento [7], здесь духота и пыль. Всего доброго.

А. Пешков

Протестую против постановки «Бесов» и «Идиота». Протестую! [8]

Датируется по п. Амфитеатрова от 2 и 6 октября 1913 г.

[1] Повесть «Дары северного ветра».

[2] В «Современном мире» (1913, № 7 и 8) напечатан рассказ Н. Матвеева «Не ровен час».

[3] Дмитрий Николаевич *Семеновский* (1894—1960) — поэт, начал печататься в 1912 г. в газ. «Невская звезда» и «Правда». Горький переписывался с Семеновским в течение 1913—1935 гг. О роли Горького в своей жизни Семеновский рассказал в кн. «А. М. Горький. Письма и встречи» (М., 1938).

В журн. «Просвещение» напечатаны стихи Семеновского «На ярмарке» и «Поэту», рекомендованные Горьким.

[4] Елена Константиновна *Малиновская* (1875—1942) — член РСДРП с 1905 г., общественная деятельница, друг Горького.

Через Малиновскую Горький оказывал Семеновскому материальную помощь, систематически снабжал его средствами, необходимыми для занятий в Народном университете им. А. Л. Шанявского. См. переписку Горького с Е. К. Малиновской (*Арх. Г.* Т. XIV).

[5] Возможно, речь идет о рукописи «Дисциплинарный батальон». См. следующее письмо.

[6] Иван Иванович *Манухин* (1882—?) — врач, лечивший Горького в Неаполе рентгеном.

[7] Из Неаполя Горький вернулся на Капри (*ЛЖТ*. Вып. 2. С. 378).

[8] Речь идет о ст. Горького «О „карамазовщине“» и «Еще о „карамазовщине“», напечатанных в газ. «Русское слово» (1913, № 219, 22 сент./5 окт., № 248, 14/27 окт.) и направленных против готовящейся инсценировки романа Достоевского «Бесы» — под названием «Николай Ставрогин» в Московском Художественном театре, и объявленной инсценировки романа Достоевского «Идиот» в театре Незлобина.

В примечании редакции к первой статье сообщалось: «...в сопроводительном письме в редакцию сам автор так определяет свою задачу: „Я глубоко убежден, что проповедь на сцене болезненных идей Достоевского способна только еще более расстроить и без того уже нездоровые нервы общества“».

Буржуазная печать, высоко оценившая первую инсценировку в Художественном театре романа Достоевского «Братья Карамазовы» (1910), выступила с возражением против точки зрения Горького в ряде статей — «Горький против Достоевского», «Скандал вокруг „Бесов“», «Горький обвиняет Достоевского» и проч.

Большевистская печать, напротив, признавала важное политическое значение этих выступлений Горького. См. ст. Ольминского «Поход против Горького» в газ. «За правду» 4 октября 1913 г. и др. (см. об этом: *Красновская Е.* М. Горький и Достоевский // Красная новь. 1931. № 5—6). Ст. «О „карамазовщине"» и «Еще о „карамазовщине"» вошли в сб. Горького «Статьи 1905—1916 гг.»

332. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Levanto. 6.X.1913

Дорогой Алексей Максимович!

Ну, вот, выдумал: с какой стати я буду обижаться? Нисколько я на Вас не обижен — да и не на что... Если на разницу мнений обижаться, то какая же это дружба?.. Единственно, что мне горестно несколько, это — что мы всё врозь работаем, нет нам слияния в одном деле — так, авось, и это не навсегда. Относительно Серошевского я не совсем с Вами согласен. Когда убрать оттуда чрезмерные длинноты и чудовищные полонизмы, повесть производит впечатление, вопреки своему наивному тону, а быть может, именно благодаря ему. Я давал читать ее многим и разным — очень нравится. Ну, а что я террора не отрицаю и идее вооруженного восстания симпатизирую, Вы знаете. Без этого правов не добыть... Б. Тимофеева две мамки в детстве ушибли: Достоевский и Вы... Вытащить его настоящую физиономию из-под двух влияний трудно, а все-таки он талантлив и умен... Но подражает Вам — до чертиков... В одном месте даже фразу ему я вставил с ссылкою на «На дне» — иначе пришлось бы всю страницу похерить, потому что доктор у него выкрикивает совершенно Настины слова... От Никандрова получил письмо с пылкою благодарностью за то, что я не напечатал двух его вещей... Ах, и чудачище же, должно быть, этот человечина!

Вы не можете себе представить, как я обрадовался «Дисциплинарному батальону»: рукопись эта — моя старая знакомая. Два с половиною года тому назад я ее принял для «Современника», откуда она, вероятно, по уходе моем попала к Вам. А сейчас, начиная «Энергию», я ее стал разыскивать. Написал в Одессу Геккеру [1], от которого я впервые ее получил, а он с отчаянием отвечает, что рукопись где-то запропала, но где — не знает, будет искать и автора, и его произведение... и вдруг, неожиданно, приходит она от вас. Это, что называется, сюрприз. Я постараюсь ее сейчас же пустить в ход [2]. Иван Вольный прислал очень сильный рассказ [3] — не знаю, будет ли цензурен, но Бог не выдаст, свинья не съест... Этот молодчина!

Я вижу с радостью, что Вы чувствуете себя как будто уже лучше. Сорренто место хорошее, много лучше Ваших Капрей, да и на земле находится, а не там, где ни земли, ни воды, одна зыбь поднебесная и ветры дуют...

Нет, Вы, пожалуйста, никогда не имейте таких мыслей — относительно обид и того прочего... А то этак начнем мысли прятать!.. Обижаются, вообще, барышни и актеры, а мы с Вами, слава богу, ни к тому, ни другому сословию не принадлежим...

Не знаю, писал ли я Вам, что перевел «Мандрагору» Макиавелли и сочинил о нем большую статью... [4] Получил известие, что разрешена она для сцены — усилиями Юрия Беляева,— но три четверти текста цензурою вычеркнуто... Это что-то вроде экзекуций Николая I, который писал на смертных приговорах: смертная казнь в России отменена, и не мне ее вводить, а потому прогнать преступника сквозь строй через сорок тысяч палок... Я сейчас очень увлечен этим самым Макиавелли: больно уж любопытная прямота ума...

Познакомились мы тут с местным обывателем, именуемым Семом Бенелли,— весьма интересный барин... Думаю привлечь его к делу [5], тем более что он хочет изменить сцене для большого романа... Человек он несомненно талантливый, хотя я таких приподнятых вещей и не люблю. Как-то от них Кукольником пахнет... [6] Но всякая раса имеет свой темперамент, его же не прейдеши... Сейчас получил от Вас еще рукопись Кирилла Волгина [7]. Спасибо. Не оставляйте и впредь!

Ну, ешьте как можно больше и, соответственно тому, здоровейте не по дням, а по часам.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амф.

[1] Наум Леонтьевич *Геккер* (Лазаревич) (1862—1920) — журналист, сотрудничал в «Одесских новостях».

[2] Произведение под названием «Дисциплинарный батальон» в сборниках изд-ва «Энергия» не печаталось.

[3] Речь идет о рассказе Вольнова «Осенью».

[4] О своем переводе комедии Макиавелли Амфитеатров писал Горькому 18 марта 1912 г. В т. 29 Собрания сочинений Амфитеатрова, помимо перевода «Мандрагоры», вошли ст. «Краткий биографический очерк Николо Макиавелли», «Макиавелли перед судом истории» и «Примечания к комедии „Мандрагора"». Книга хранится в *ЛБГ* (*Описание*).

[5] Амфитеатров предполагал дать в сб. 3 «Энергия» приобретенную им пьесу известного итальянского поэта Сема Бенелли «Гнездо в снегу» («Преображение»), которая должна была идти в Риме и Неаполе в первых числах марта 1913 г. Однако автор приостановил репетиции, решив доработать пьесу, и в январе 1914 г. обратился с письмом к Амфитеатрову, предлагая напечатать вместо пьесы «Гнездо в снегу» пьесу «Рваный плащ» в переводе Амфитеатрова (изд-во «Энергия», сб. 3, с. 5—6).

[6] Нестор Васильевич *Кукольник* (1809—1868) — автор патриотических пьес риторически-приподнятого стиля.

[7] По-видимому, рукопись рассказа К. Волгина «Будни» (напечатан в сб. 3 «Энергия»).

333. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

(Капри. Ноябрь, не позднее 14, 1913 г.)

Дорогой Александр Валентинович!

Посылаю вам стихи [1] — в них, как будто, звучит что-то свое и хорошее — не пригодятся ли для сборников?

Адрес автора: Киев, Рыбальская, д. 8, кв. 3.

А мужички-то опрокинули вавилонскую башню лжи и цинизма, с таким трудом воздвигнутую «истинно русскими» садистами!

До чего я рад, и сколь прекрасно это, что именно «равнодушные, серые мужички» заявили: нет, мы не варвары! [2]

А я, нижеподписавшийся, всё лечусь, знаете! Полечусь еще немножко и — к чертям все бутылки с микстурами!

Надоело.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Книгу вашу получил — спасибо! Еще не читал, а вижу — интересное что-то!

Датируется по п. Амфитеатрова от 16 ноября 1913 г.

[1] Речь идет о стихах Юрия Николаевича *Зубовского* — киевского журналиста и поэта. См. п. Горького о творчестве Зубовского (*МИ*. I. С. 276—277).

[2] Речь идет об оправдании М. Бейлиса, обвинявшегося в убийстве Андрея Ющинского. Процесс Бейлиса широко освещался в газетах, в частности в «Русском слове», где после окончания процесса была помещена заметка «Состав присяжных». Этот состав определялся как «исключительно серый»: присяжными были преимущественно крестьяне (7 человек из 12), три чиновника, два мещанина (Русское слово. 1913. № 250. 30 окт./12 нояб.).

334. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Леванто.) 1913.XI.16

Дорогой Алексей Максимович.

Из стихов Зубовского взял $3^1/_2$: «Жизнь», «Марево», «Осень» и первую половину «Сна у костра» [1]. Остальное — рифмичество в хромых размерах. Кстати: куда контора должна послать гонорар для Кирилла Волгина за «Антипку»? Я поставил его во 2-й сборник, который выйдет 1/14 декабря.

Второе Ваше письмо о «Бесах» мне понравилось, а от первого выл. Не за «поругание» Достоевского, конечно, коему мало еще «накладено» по грехам его, а потому, что уж очень Вы много важности придаете театру вообще, Художественному в особенности, и тем поддерживаете престиж театрального миража и психопатии, в России принявших размеры совершенно противообщественные и преотвратительно сказывающиеся на русском политическом, т. е., вернее сказать, аполитическом, настроении... Очень это важно, подумаешь, что один театр ставит то, другой это. Торгуют люди развлечением — ну и, стало быть, согласно рыночному закону, должны соответствовать спрос предложению. А высшие цели и громкие слова в театральном деле — золотые буквы на переплете «Декамерона», сделанном в формате молитвенника, чтобы не зазорно было пред энтузиастами, Шиллерами и Дон-Кихотами, которых театр пожирает (во образе актеров, авторов и искренней невропатической публики), и для того, чтобы делу «по существу праздному» (Шиллер) придать личину чего-то первоклассно важного... Понимаю сразиться за «Бесов» с Достоевским, за «Анатэму» с Андреевым, за смертолюбие с Сологубом — словом, всякое литературное идейное сражение понимаю. Но какое нам, писателям, дело до репертуара театра Имярека — хоть убей, не понимаю. Покойный Щеглов [2] имел простодушную поговорку, подслушанную у володимирского мужика, который увидал в окне книжного магазина «Историю русской литературы» и поразился ее толщиною:

«— Что ж? Каждый добывает свой хлеб, как могит». Так и театры, и люди театра — одни сознательно, другие бессознательно, в том лишь разница...

От вердикта по делу Бейлиса я, признаюсь, тоже не в восторге, и ни на народный университет в честь этого вердикта, ни на монумент Грузенбергу [3] подписываться вопля в душе не ощущаю, а, напротив, думаю, что дело сыграно до постыдности вничью, именно в том порядке, как я ждал и предсказывал в письме в редакцию «Русского слова». Бейлис выскочил и шкуру спас, а ритуал, как в дореформенном суде, оставлен в подозрении. Что тут радостного? Сейчас Герм. Ал. окончательно отнял у меня всякое довольство сообщением, что «Бейлис-то едва-едва и уж именно „выскочил"», ибо голоса присяжных поделились 6 против 6, «что, как известно, обращается по закону в пользу подсудимого». Так что умиляться великою правдою, живущею в душе русского серого человека, тоже не погодим ли? При том-то страшном напряжении спасательной энергии, которое явила русская интеллигенция, запрягшаяся в это дело от мала до велика,— такой ничтожный результат!

А вот сейчас надо что-нибудь всерьез предпринимать в смысле борьбы с мифом ритуала, оставленным в подозрении. Ибо не хочу я быть дурным пророком, но

Змея израненная злее,
Чем невредимая змея.

Думаю, что касается меня лично, обработать из моей «Арки Тита» главу о ритуале в народное издание и, авось, найду издателя, который бросит его в народ копеечной книжкой тысячах в пятидесяти экземпляров. Но это капля в море, да и чего стоят единичные усилия... А коллективы интеллигентско-литераторские, знай, безмолвствуют, либо говорят весьма благородно, но — «промеж себя», для интеллигентов же.

Много вожусь с «Энергией», тем паче что сейчас в страшно неписательном настроении... В числе многого получил прелюбопытное письмо от Леонида Андреева, которым и очень доволен, и очень озабочен. Доволен потому, что я не ожидал, чтобы он был такой искренний, экспансивный, широкой души и прямо-таки хороший насквозь малый, каким это письмо его рисует, а озадачило потому, что — матиньки! написал он мне целую теоретическую исповедь свою, а я не знаю, как ему отвечать: не что́, а как — потому что является он в ней первобыт первобытом, и придется, значит, говорить с ним о таких азах и Америках, с которыми подступать к столь знаменитому писателю просто-таки неловко... Из мест, в которых он пишет о Вас, видно, что он Вас очень любит, и с большим «надрывом» [4]. Вообще в письме у него в тысячу раз более страстная душа, чем в сочинениях. Очень интересуюсь однажды лично с ним познакомиться.

Я, кажется, нашел недурного критика-обозревателя, только уж очень свиреп, приходится укрощать и даже холостить. Во 2-й «Энергии» будет его журнальный обзор [5], на который он много положил труда.

Были у меня братья Золотаревы [6]. Не живет А⟨лексей⟩ А⟨лексеевич⟩, а цветет, не мыслит, а ко Господу благоухает. Мой холодный прозаизм был ему, кажется, несколько огорчителен, но, по добронравию своему, он мои скептические мысли мне извинил, и пили мы всякое вино, приговаривая linquo! *

От него узнал, что здоровье Ваше хорошо... Уж как же я рад! Ну, вот и — «довольно уж ты вяканья моего слышал!»

До свидания. Всего Вам хорошего. Герм. Ал. все спрашивает, каких Вы мыслей насчет возврата в Россию. А я откуда знаю?

Ваш А. А.

[1] Упоминаемые Амфитеатровым стихотворения Ю. Н. Зубовского, кроме «Осени», были напечатаны в сб. 3 «Энергия».

[2] *Щеглов* (псевд. Ивана Леонтьевича Леонтьева) (1855—1911) — русский писатель, драматург, автор книг по истории театра.

[3] Грузенберг выступил на процессе в качестве адвоката Бейлиса.

[4] Речь идет о п. Андреева Амфитеатрову от 14 октября 1913 г., в котором Андреев в ответ на предложение печататься в сборниках «Энергия» изложил свое понимание искусства: «Может быть, это просто недостаток силы — но я никогда не мог вполне выразить свое отношение к миру в плане реалистического письма ⟨...⟩ Для всех серьезно мыслящих и живущих жизнь — мистерия, и весь вопрос — для меня, оговариваюсь! — в том, на чьей стороне человек, а не в том, предпочитает ли он „символы“ для выражения своих чувств или форму тургеневско-купринского романа. Пусть даже кубом выражается или излучением — только выражал бы он человека, а не свинью в ермолке! И вот в этом отношении — позволю себе утверждать это — я никогда не был враждебен ни вам, ни Горькому, ни даже Луначарскому ⟨...⟩ И вот скажу Вам откровенно, из уважения к вам, желая быть правдивым до конца: ваш догматический реализм, обязательный для всех времен, племен и народов, я считаю началом враждебным не только себе, но и самой вечно развивающейся, творящей форме, как и суть свободной жизни ⟨...⟩ Вот я не могу без тоски думать о Горьком. Величайший романтик, огромнейший (и совсем не использованный) талант, первый, быть может, во всей литературе *рыцарь пролетариата* — он вверх и вниз катает Сизифов камень реализма, свой чудесный и вещий сон о пролетариате мучительно распяливает на четырех правилах арифметики» (*ЛН*. Т. 72. С. 540—542).

[5] В сб. 2 «Энергия» журнального обзора нет.

[6] А. А. и Н. А. Золотаревы.

---

* оставлять (*лат.*). Здесь в значении «пусть не иссякнет!»

335. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Капри. Ноябрь, между 17 и 24, 1913 г.⟩

Да, Александр Валентинович, дорогой, я и сам вижу теперь, что поторопился ликовать, но, когда я посылал телеграмму в «Рус⟨ское⟩ слово» [1], предо мною было сообщение этой газеты «Б⟨ейлис⟩ оправдан, просим ваше мнение» и телеграмма Г. В. Плеханова «Оправдан» [2]. А как вам известно, россиянин всегда голодает о радости, и ему, бедняге, естественно порою забыть, что на Руси радоваться надобно с оглядкой и подождáнием. Забывая об этом, он несет горчайшие муки, в коих ныне и жарюсь.

По поводу театра и роли его в нашей мутной современности — не согласен с вами, да и вы с собою не вполне согласны, как мне кажется. Ибо, уж если вы признаете, что современный театр нарочито аполитичен и, даже можно сказать, антисоциален,— тем самым вы признаете, что подчеркнуть аполитичность эту — надобно. За Дос⟨тоевско⟩го меня язвят и кусают многочисленными письмами, рисуя оные грязью, в лучшем же случае — какою-то сладкой и теплой слюной.

Что касается до письма Леонидова, кое вас обрадовало, тут я скажу, что Андреев человек прежде всего чрезвычайно талантливый и потому очень легко может написать «искреннее» и «экспансивное» письмо. Таковых и я имел немало, но счел за благо предать их огню, жалеючи будущего биографа Леонидова,— да не запутается в противоречиях непримиримых оный биограф. Я и знаю Леонида, и очень люблю его талант, и весьма всегда дрожу за него при всяком его шаге, как за брата родного дрожу, уж поверьте! Но, нет, не могу я сказать, что он «насквозь хороший малый», ибо знаю, что он презирает людей, болезненно самолюбив, зол и хитер. И никого никогда не любил, не умеет.

Весьма заинтригован я его «теоретической исповедью», интересно — куда его теперь влечет, на чью капусту? Большая это болячка души моей, Леонид. Хорошие у нас отношения были. Я знаю, что сейчас он живет трудно и одиноко.

Ехать на Русь — нужно, но — не могу, ибо недуги мои еще не вполне подавлены пудами пищи, поглощаемой мною. Аз есмь потребитель сырых яиц и гречневой каши, и долго не будет мне никаких иных развлечений. Ем, ем, а — зачем? Самоубийственный вопрос! Но — я от самоубийства далек и намерен жить еще лет 16.

Вас хочется видеть, очень! Но вы живете неизвестно где. У вас — холодно? Сообщите, на всякий случай.

Харьковское-то медицинское [3], а? Скоро закроют все университеты, гимназии и заставят ходить на четвереньках. И пойдем! Лишь бы указали, куда можно идти, а то — пойдем! Гибкая нация.

Извините за мизантропию и свирепость. Очень низко настроен и думаю все время басом.

Крепко жму вашу ручку. Как всегда приятно перекинуться с вами словцом! Будьте здоровы! Кланяюсь.

А. Пешков

Датируется по п. Амфитеатрова от 16 и 25 ноября 1913 г.

[1] В *АГ* сохранился черновой автограф п. Горького в «Русское слово» по поводу оправдания Бейлиса.

[2] Телеграммой Плеханова *АГ* не располагает. В п. от 3 ноября 1913 г. Плеханов спрашивал Горького: «А что скажете о деле Бейлиса? Мы тут не отрываемся от газеты из-за него» (*АГ*).

[3] Речь идет о закрытии Харьковского медицинского общества. Этому событию были посвящены публикации ряда газет (Южный край. 1913. № 11707, 30 окт.). Руководство Общества обвинялось в организации 26 октября публичного заседания «без извещения полиции», на котором был заслушан доклад по делу Бейлиса и вынесена резолюция «политического характера» (Русское слово. 1913. № 258, 8/21 нояб.).

336. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Levanto. 25.XI.1913

Дорогой Алексей Максимович.

У нас вообще очень тепло и влажно. Сегодня первый холодный день. Что касается тепла комнатного, к которому Вы привыкли, то у нас в доме, пожалуй, его меньше, чем для Вас следует *, ибо мы все в большей или меньшей степени холодяшки. Но рядом с нашим домом имеется отель «Stella d'Italia», снабженный «всем европейским комфортом», а в том числе калориферами, которые жарят по востребованию, сколько угодно и влезет. Так что если обрадуете исполнением намерения и, в один прекрасный день, приедете в наши места, то будете устроены в самом лучшем и теплом виде. А здесь у нас довольно много интересного люда и вообще хорошо. Много любопытных итальянцев, а сверх того, поджидаем немца Гауптмана... [1]

О Бейлисе написал для «Энергии» преогромную статью, в которой использовал только половину, а может быть, только треть тех материалов, которые дает этот процесс. Вот-то чудовище, вот-то сумбур до невероятности недобросовестных мнений и поступков... Что говорят, что пишут — просто ни с чем не совместимо, и ничем мотивировать даже не возможно. Ведь очень хорошо чувствуешь, что человек ни во что не верит из того, что он сам плетет, а между тем городит, городит, городит и ради своей городьбы с самым спокойным видом и духом способен послать все семь миллионов евреев в каторжные работы... Как хотите, а я начинаю серьезно верить, что существует микроб безумия и что он владеет современной Россией, совершенно подобно тому, как в прошлых веках овладевали странами Европы черная смерть, повальная оспа, острый сифилис, которые ослабевали только после того, как производили страшные массовые опустошения, и, привившись к стране эндемически, сравнительно обезвреживались потому, что организмы успевали к ним приспособиться... Разве без микробов безумия возможно понять то, что творилось и творится по делу Бейлиса, где совершенно очевидные беглецы из сумасшедшего дома набросились на общество, которое едва-едва с ними справилось? Разве чем-либо иным, кроме безумия, можно объяснить отречение от человеческого языка, возвращение к татуировке и пр<очие> юродства, о которых я читаю в газетах о футуристах? [2] И масса, и масса таких эксцессов нарочной бессмыслицы... Вот почему делается очень тяжело изучение русской жизни, и как-то страшно за нее. Конечно, не пропадем, как-нибудь вынырнем, но — «неволя заставит пройти через грязь, купаться в ней свиньи лишь могут». А нам приходится проходить через такую долгую и глубокую грязь, что этот брод начинает походить как будто уже и на купанье... И сколько человеков обретают в оном уже забаву и наслаждение!

Что поделываете? Что пишете? Сегодня я сдал свой фельетон — и тем, значит, закончил вторую книжку «Энергии»...[3] Я уже писал Вам относительно того, что включил в нее присланный Вами рассказ Кирилла Волгина «Антипка». Спрашивал Вас, куда ему послать гонорар, а Вы мне этого не написали...

Очень было любопытно то, что Вы мне написали о Леониде Андрееве. То-то вот и есть, что в письме его, действительно, звучит двойственность и неопределенность.. Так что не знаешь, чему в нем,

---

* *Приписка И. В. Амфитеатровой:*

Неправда, у нас тепло-претепло: две американские печи, сколько велите, столько и будем их поджаривать и от сквозняков будем беречь. Клянусь!!!

Иллария

в конце концов, верить, чему — нет... А покуда «Просвещение» умоляет меня не включать в новый выходящий том сочинений статей, которые я писал об «Анатэме» Леонида Андреева, потому что «он может очень обидеться, что отзовется на их отношениях»... Я поэтому решил снять все статьи, которые когда-либо писал о нем, и отложить их до будущего времени... Заметьте, что это уже второй раз я встречаюсь с такого рода цензурою. В первый раз было в «Прометее», когда мы затевали сборники, и дело разошлось именно из-за того, что я решительно отказался от условия не писать ничего против Леонида Андреева... Все это ужасно двойственно и странно, как видите. И вот потому-то смущает. А письмо его, повторяю, прямо-таки прелестно...[4]

Относительно театра — говорил бы я очень много, но вместо того, пожалуй, лучше прочтите «Зверя из бездны», в третьем томе главу «Театр и публика». Я там высказался по этому поводу до конца и не думаю, чтобы что-нибудь меня с этой позиции сняло. Voi tutti altri * верите в театр, как в Господа бога, сошедшего на землю спасительно поучать человечество. Я не верю совершенно и, на старости лет, смею сознаться откровенно: кроме забавы, смешной или трагической,— но все равно забавы и обмана чувств, театр никогда нигде ничего дать не в состоянии, нигде ничего никогда не давал и не даст. Отдых с гимнастикою для ума и сердца— да, хороший... а больше ничего. Вот поэтому-то я и думаю, что возиться с ним — совершенно излишнее и праздное занятие. И какой антрепренер что сделает, это его дело... За границею не возятся с театром в тысячную долю того, что в России, и черт знает, что ставится в театрах, а на жизнь это все-таки никакого влияния не имеет, и живут во Франции с ее бесстыжими театрами, и в Италии с ее плохими театрами куда лучше нашего, и никому в голову не приходит искать в театре политической или социально-этической школы. Потому что здесь в жизни есть другое политическое и социальное содержание, реальное; а у нас этого нету. Ну и, конечно, «честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой», а все-таки это будет сон, и только сон, т. е. более или менее красивая сонная одурь, которая в жизни ничему не научит и ни к чему не обяжет... Чем лучше у нас театры и чем больше стараются о их серьезности, тем меньше они оказывают влияния. Актера превознесли превыше звезд, из режиссеров прямо министров каких-то сделали, о репертуаре совещаются городские думы и комиссии ученых мужей и литераторов, вопросы постановок достигли такой важности, что вот о них Горький с Капри аукается как о кровном своем деле... А в обществе даже не «бывали хуже времена, но не было подлей»[5]; а и хуже времен не было, и подлей не было... И в то время, как русская борьба за свободу околела буквально с голоду, 10 000 дежурящих у Большого театра, чтобы купить по преувеличенным ценам билет на Шаляпина, или тот театр для коммерческой аристократии, который Вы увещеваете не ставить Достоевского, кажутся мне, как хотите, препротивными явлениями рабской страны... Да пускай они не то что Федора Павловича Карамазова, а хоть Пазифаю с быком смотрят... Что от этого переменится?

Ну вот и всё покуда.

Если соберетесь в наши места, будем все чрезвычайно рады и довольны тем. А холодов никаких не ожидается. Здесь гораздо лучше, чем в Феццано. И уж очень хороши и близки прогулки в горы и вдоль моря.

До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. А.

---

* Вы и все другие (*ит.*).

[1] Речь идет о немецком писателе Герхарде *Гауптмане* (1862—1946).

[2] Возможно, подразумеваются газетные отклики на выступления футуристов в зале Общества любителей художеств (Утро России. 1913. № 237. 15 окт.), на открытии кабаре «Розовый фонарь» (Руль. 1913. № 481. 21 окт.) и др.

[3] Упоминаемая ст. Амфитеатрова «Дело Бейлиса» не была напечатана в сб. 2 «Энергия» по цензурным условиям. Машинописный текст статьи с датой «22.XI.1913» хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 34.

[4] Ст. Амфитеатрова об «Анатэме» в Собрание сочинений не были включены.

[5] Н. А. Некрасов «Современники», гл. I. «Юбиляры и триумфаторы» (1875).

«Бывали хуже времена, // Но не было подлей» — у Некрасова цитата из рассказа Н. Д. Хвощинской «Счастливые люди», напечатанного в «Отечественных записках» (1874, № 4, с. 363).

337. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

‹Петербург. 23 марта/5 апреля 1914 г.›

Дорогой мой Александр Валентинович!

Не сердитесь на меня за то, что уехал, не повидав вас, а также и за то, что до сего дня не собрался написать вам,—не сердитесь!

Суть в том, что уехал я, можно сказать, неожиданно для самого себя и скоропостижно; думал, что из немецкого Берлина сделаю «цурюк», а оказалось, что Россия — ближе. Ну, я — в Россию! И приехал, и живу, и, конечно, «ни сна, ни отдыха» [1]. Молодчина Иван Манухин! [2] Не будь его — писали бы вы теперь воспоминания о преждевременно скончавшемся Горьком, который ныне даже питерской погодою — неуязвим! Вот вам и воспоминания! Подождать придется с этим!

Впечатления? Александр Валентинович — ничего не понимаю! Так все запутано, до того все измяты и лишены образа божия, что, право, смотришь на некакое пред тобою и соображаешь, какому существу подражает сия тварь?

Крепко? Ах, ну, что же делать? Мне вовсе не хочется ругаться, но «обстоятельства заставляют».

Шутки в сторону: я все еще не привык к родине и—нет-нет— да вдруг и удивлюсь: все говорят по-русски! Неважно говорят, скучно говорят, но по-русски! И даже некоторые литераторы язвят друг друга словесно и на бумаге тоже русскими словами, хотя строят их на иноверный и иноплеменный лад. Серьезно!

Ох, не могу я понять, сладок ли мне дым отечества и насколько? Не могу еще!

Встречен демократией ласково и трогательно [3], одна Москва поздравила свыше 70 раз — тут и булочники, и чулочницы, водопроводчики и даже «мужики-крестьяне Новоторжского уезда». Очень тронут. А интеллигенция — не очень меня любит, знаете ли! Нет-нет, да и уловишь эдакий взгляд стрелоподобный, испепеляющий и вопрошающий: ты чего хочешь делать, черт?

А я — молчу. И ежели в упор спрашивают — тоже молчу, т. е. говорю: чего же мне делать? Лечиться мне надобно! Да ведь вас вылечили? А мне — понравилось, я еще хочу лечиться! Но вот вы пьете вино и курите? А это мне тоже всегда нравилось.

Дорогой Александр Валентинович — все-таки скажу вам, что Россия — хорошая сторона, и вам бы тоже сюда? Серьезно?

Напишите, если захочется: СПб., Кронверкский, 23, кв. 10.

Кланяюсь всему дому вашему и обнимаю вас.

А. Пешков

Датируется по почт. шт.

[1] Горький уехал из Италии 27 декабря 1913 г. / 9 января 1914 г., приехал в Петербург 31 декабря 1913 г. / 13 января 1914 г. В тот же день уехал в Финляндию на дачу В. А. Крита, родственника М. Ф. Андреевой,— Мустамяки, Кирьявола (Воспоминания Евг. Кякшта — *АГ*; Революционный путь Горького: По материалам Департамента полиции. М.; Л., 1933).

[2] О методах лечения туберкулеза доктором Манухиным и положительных результатах этого лечения Горький сообщал в «Письме в редакцию» (Русское слово. 1914. № 63. 16 марта).

[3] Речь идет о многочисленных приветствиях, полученных Горьким в связи с возвращением его на родину. Многие из них были напечатаны в большевистских изданиях. Так, в приветствии правления Петербургского профессионального общества рабочих булочно-кондитерских производств, напечатанном в газ. «Пролетарская правда» (1914, № 16, 21 янв.), говорилось: «Пусть родная земля станет ему матерью, а русский рабочий класс по-прежнему протянет ему братскую руку. Привет тебе, товарищ, вернувшийся из изгнания». В газ. «Путь правды» опубликованы приветствия от группы металлистов Выборгской стороны и политических ссыльных (1914, № 5, 26 янв.); от рабочих московского завода Ганден и представителей пятнадцати фабрик и заводов Лефортовского района Москвы (Там же, № 7, 29 янв.); от Петербургского и Киевского правлений рабочих портняжного дела и группы (20 чел.); от деревенских учителей Петербургской губернии (Там же, № 15, 18 февр.).

В газ. «Раннее утро» — приветствие от рабочих печатного производства Москвы: «Мы, рабочие, ваши братья, чутко прислушиваемся к вашему голосу и идем за вами...» (1914, № 33, 9 февр.), и др. приветствия.

В журн. «Заря», выходившем в Москве, Горького приветствовали литераторы и общественные деятели: Ю. А. Бунин, И. А. Белоусов, Б. К. Зайцев, Ф. К. Сологуб, А. С. Серафимович, В. Г. Тан-Богораз, Н. В. Тесленко, А. Н. Толстой, В. М. Фриче (1914, № 5, 2 февр., с. 4—6).

В газ. «Русские ведомости» печаталось приветствие от московских студентов: «...мы верим, что Ваше слово будет по-прежнему вдохновлять нас призывом к деятельному творчеству лучших форм жизни» (1914, № 31, 7 февр.).

Луначарский, прочитавший лекцию о Горьком в Берлинском обществе русских студентов (им. Пирогова) и подписавший письмо-приветствие Горькому в связи с его возвращением на родину, был по полицейскому донесению выслан из Берлина (*Луначарский А.* Мое берлинское приключение // День. 1914. № 49. 20 февр.).

По возвращении Горького в Россию за ним учрежден был полицейский надзор.

338. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Levanto. 26.IV.1914

Дорогой Алексей Максимович.

Простите, пожалуйста, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Дело в том, что рука моя опять болит пренесносно, а Евгения Петровна[1] завалена всякою срочною работою, которою меня удручают сейчас заспешившие господа-издатели, так что валиками утруждать ее уже было конфузно. А третье злополучие: Иллария Владимировна две недели проболела глазами и, значит, тоже для писчего дела не годилась. Вижу из Вашего письма, что совсем в России невесело. Герман Александрович пишет в том же духе. Читаю в газетах, что Вы затеваете какой-то театр[2]. Если это не брехня, по обыкновению интервьюерскому и корреспондентскому, то очень мне Вас жаль. Но взрослым людям свойственны взрослые поступки, в кои третьи взрослые люди вмешиваться суждениями своими не должны. Что делаете? Что пишете? Куда намереваетесь ехать и каковы настроения? Здоровье — вижу и слышу — Вы поправили, и это самое лучшее. А я сейчас подавлен всяким писанием и печатанием, без всякого удовольствия. На днях был у меня Бурцев. Очень трогательный человек. Лучше всех нас он, в сущности говоря. Этакий Дон-Кихот удивительный. Гораздо лучше того, которого представляет Шаляпин[3], не говоря уже об искренности... Сердиться на Вас я, конечно, не сердился, а огорчен был, в числе многих. И не только за себя, а и за Вас, и не только за Вас, а и за русскую разную хорошую публику, которая чаяла Вашего возвращения в Россию как-то не так, как оно вышло.

Слышал, что Вы написали «Жуть»[4]. Это старое или новое?..

Как Максим и что с ним? Кланяйтесь ему очень...

До свидания. Где? Когда? Мне в России не быть, а Вы в Италию вряд ли скоро попадете. Слышал, что Вы Капри ликвидировали совсем.

Хотел даже написать стихи по этому поводу, но — кроме начальных:

Вигдорчик в радости ликует,
На кресле Горького сидя [5],—

что-то недостает веселого настроения... Желаю Вам всего хорошего. А главное, будьте здоровы и в духе.

Ваш Ал. А-в

[1] Е. П. Бураго.

[2] Речь идет о проекте создания нового театра «трагедии, романтической драмы и высокой комедии», о чем в феврале—марте сообщалось в ряде газет. «Горький очень интересуется театром. В беседе со своими знакомыми он не раз высказывался о своем желании видеть в Москве большой общедоступный театр, с здоровым художественным репертуаром, в состав которого входили бы классические пьесы и лучшие пьесы романтического характера, проникнутые бодрым, жизнерадостным настроением» (Утро России. 1914. № 30. 16 февр.).

В *АГ* хранится конверт с газетными вырезками, на котором рукою Пятницкого сделана надпись: «Собственный театр Горького. Фев⟨раль⟩, март 1914 г.»

В одной из газетных заметок — «Горький и Монахов» — сообщалось: «Максим Горький перед своим отъездом из Москвы беседовал с артистом Монаховым. Горький предлагал ему заключить контракт не далее как до поста 1915 года, так как к тому времени писатель думает реализовать свой проект о создании в Москве большого общедоступного театра и предполагает видеть артиста в составе труппы будущего театра» (Обозрение театров. 1914. № 9358. 19 февр.).

Режиссер Н. Ф. Монахов вспоминал: «Группа, которая исповедовала этот „символ веры", может быть названа следующими именами: Горький, Шаляпин, Андреева, Монахов, Бенуа, Незлобин и некоторые другие ⟨...⟩ Было составлено своего рода паевое товарищество нового театрального предприятия, для чего был выработан соответствующий договор...» Для театра предполагалось снять здание, принадлежащее графине Апраксиной (ныне помещение Большого драматического театра им. Горького в Ленинграде), на что, однако, Апраксина не согласилась, когда ей стало известно имя одного из главных организаторов — Горького (*Монахов Н.* Горький в истории ГБДТ // Максим Горький. Однодневная лит. газ. 1932. 25 сент.). Театр не был создан из-за начавшейся войны.

Замысел Горького осуществился после Октябрьской революции, когда был создан Большой драматический театр.

[3] Шаляпин в заглавной роли оперы Массне «Дон-Кихот».

[4] Возможно, Амфитеатров имеет в виду сообщения газет, в частности газ. «Петербургский листок» (1914, № 84, 27 марта): «На днях на квартире у Шаляпина Максим Горький будет читать свою новую пьесу „Жуть". Пьеса эта является как бы продолжением уже шедшей на сцене пьесы „Васса Железнова"».

[5] Речь идет о Павле Абрамовиче *Вигдорчике*, враче, жившем тогда на Капри, которому Горький перед отъездом оставил часть своей мебели (*Дн. Пятницкого*).

339. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

⟨Мустамяки. 29 июля 1914 г.⟩

Дорогой Александр Валентинович!

Давно я не писал вам, но, надеюсь, вы не посетуете на меня за это? Очень уж судорожна русская жизнь, судорожна и почти каждый день угощает неожиданностями, бьет кирпичами по голове.

И сейчас пишу наспех, лишь для того, чтоб подать вам весть о себе, от вас, по доброте вашей, услышать — как живете? Буду очень рад, коли напишете.

Думаю, что в близком будущем к вам, может быть, явится некий россиянин, довольно интересный парень, обладающий еще более интересными документами [1]. Было бы весьма чудесно, если б вы помогли ему разобраться в хаосе его души и во всем, что он знает.

Мы здесь-то «дрожим в ожидании воскресения мертвых» — ожидание — тщетное, питерский пролетариат у «добромыслящих» людей ничего иного, кроме страха,— не вызывает. Общество частию разъехалось на дачи, частию же просто разъехалось и прокисло.

Очень боимся войны, но и желаем оной. Боязливо желаем, говоря точнее, но лишь потому, что тайно мыслим: м. б., война даст нам,

или укажет, или пробудит. Сами же ни взять, ни усмотреть, ни проснуться — не можем, как видно.

Во время питерских волнений[2] «в числе драки» пострадали от казацких нагаек матросы французские — какой конфуз!

«Общество» сильно заинтересовано старцем Григорием Распутиным[3] — что будет, когда у него зарастет животишко, какие отсюда для России результаты явятся? Прелюбопытная легенда слагается о старце: во-первых, сведущие люди говорят, что старец суть сын старца Федора Кузьмича[4], во-вторых — что он дал престолу наследника. Чисто русский круговорот вещей: царь ушел в старцы, и роди сына старца, сей же последний — роди наследника. Ситуация любопытная и возбуждающая надежды великие: окунувшись в море народное, царь-старец почерпнул там некие новые силы и через сына своего воплотил оные во внука, стало быть — мы спокойно можем ожидать от внука всяческих благ, но он, внук, есть как бы результат слияния царя с народом. Чисто?

Бегство Илиодорово[5] многими оценивается как событие катастрофическое, говорят, будто-де оный беглец исполнен знанием многих тайн. Говорят вообще много, ибо ничего не делают, однако — собираются на дела, «надо», говорят, «объединяться». Славное объединение в большой моде, даже газету завели на сей предмет, но она выходит единожды в неделю, и что объединится в день выхода ее — в остальные шесть — разъединяется по всем швам[6]. Очень скучна сия гнилая материя.

А что выросло за эти восемь лет и что неузнаваемо изменилось, так это — демократия. Вы и представить себе не можете, как интересны и серьезны стали простые люди на Руси!

Для них необходим журнал, книгоиздательство, театр и многое другое, организованное на каких-то «новых началах», с новым содержанием. До умопомрачения много интересного на Руси. Я живу, как на сковороде. Работать, т. е. писать, мне некогда, как я и думал.

Хорошо, что здоровье восстановилось.

Об арестах вы читали, вероятно. Много поарестовано, между прочим — мой издатель Бонч, и — почему я сижу без денег[7].

Ну, дорогой А. В., будьте здоровы, всего доброго вам!

А дому вашему — поклон низкий.

А. Пешков

Писать мне: Финляндия
Via Stokholm, Mustamäku st.
M. Gorki

Пожалуйста, А. В., перешлите прилагаемое письмо по адресу, а то отсюда письма за рубеж не очень охотно отправляют без просмотра, письмо ж к вам идет особым случаем[8].

Крепко жму руку

А. П.

Датируется по почт. шт. Письмо было направлено Горьким в адрес редакции сб. «Энергия»: на конверте адрес рукою Горького: «*Италия. Via Stokholm*, заказное. Редакции сборников „*Энергия*". *Леванто*. Italia. Geneva, Levanto, „Energia" Raccomondata» (*АГ*).

[1] Речь идет об иеромонахе Илиодоре. См. ст. Н. И. Дикушиной, а также Г—К.

[2] 3 июля (ст. ст.) полицией был расстрелян митинг рабочих Путиловского завода, происходивший в знак солидарности с бастующими бакинскими нефтепромышленными рабочими; расстрел путиловцев вызвал всеобщую забастовку в Петербурге, в которой приняли участие свыше 150 000 рабочих.

[3] 29 июня / 12 июля 1914 г. произошло покушение на Григория Ефимовича *Распутина* (Новых) (1872—1916), приобретшего к этому времени огромное влияние на Николая II и в особенности на императрицу Александру Федоровну. Распутин был ранен.

[4] Имеется в виду легенда об Александре I, якобы в свое время не умершем в Таганроге, а скрывавшемся и прожившем еще многие годы под именем старца Федора Кузмича.

[5] Одним из участников покушения на Распутина считали иеромонаха Илиодора (С. М. Труфанова). Илиодор бежал, имея в руках материалы, изобличающие Распутина и компрометирующие царскую фамилию. На несколько дней Илиодор останавливался в Мустамяки, беседовал с Горьким на даче Чирикова и читал ему находившиеся при нем письма и документы. Живший в то время в Мустамяки Метлин вспоминал: «...в тот день, когда „осведомленный источник" — газеты — сообщил о бегстве Илиодора, переодетого в женское платье, через Одессу в Румынию, он, действительно, благополучно перебрался через границу Финляндии в Швецию, а затем в Америку, где вскоре издал книгу о Распутине и его деятельности под названием „Святой черт"». См. «Воспоминания И. Метлина „Лето в Мустамяках"»; «Воспоминания об А. М. Горьком» (*АГ*), а также: Г—К, п. 35.

5 сентября 1914 г. в экстренном прибавлении к № 240 газ. «День» сообщалось, что Илиодор прислал письмо родителям с подробностями своего побега из России и упомянул, что границу Финляндии ему помогли пересечь «друзья-писатели».

В написанном одновременно и посланном через Амфитеатрова п. к Е. П. Пешковой Горький сообщал: «Последние дни особенно кипит все вокруг: волнения рабочих, ожидание войны, а рядом с этим такие скандалы, как покушение на Распутина и бегство Илиодора. Говорят, что последний уже за границей, где-то в Италии якобы. Его бегством очень заинтересованы и власти, и общество, одни будто боятся возможных разоблачений, другие — ожидают оных с великим злорадством. Любопытное совпадение: в 5 году — поп предшествовал революции (имеется в виду Гапон.— *Ред.*), ныне — иеромонах. Будем надеяться, что в следующий раз эту роль станет играть архиерей» (*Арх. Г.* Т. IX. С. 158).

[6] По-видимому, речь идет о легальной газ. «*Единство*», издававшейся группой меньшевиков-оборонцев в Петербурге с мая по июнь 1914 г. (вышло 4 номера) и с марта по ноябрь 1917 г. Под названием «Наше единство» газета выходила в декабре 1917 — январе 1918 г. Редакцию газеты возглавляли Иорданский и Плеханов, который призывал к сотрудничеству социалистов с либерально-буржуазными партиями. Газета занимала крайне шовинистическую позицию, поддерживала буржуазное Временное правительство, вела борьбу против партии большевиков.

[7] В июле 1914 г. был арестован В. Д. Бонч-Бруевич, бывший тогда заведующим петербургским книгоизд-вом «Жизнь и знание», которое выпускало в свет Собрание сочинений Горького. В 1914 г. вышли т. X и XII.

[8] Речь идет об упоминавшемся п. Горького Е. П. Пешковой. В нем Горький также указывал на особые обстоятельства отправки письма: «А что, к Амфит⟨еатрову⟩ не собираешься? Это письмо послано тебе через Амфитеатрова по силе некоего особого случая». См.: *Арх. Г.* Т. IX. С. 159.

340. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Levanto. 1914.VIII.11

Дорогой Алексей Максимович.

Сейчас получил Ваше письмо от VII.29 с письмом к Катерине Павловне[1], которое немедленно пересылаю. Она недавно была у нас, в очень нехорошем состоянии, все металась, куда ей лучше ехать, внезапно отменила все планы и поехала в Аляссио, где застало ее объявление войны и невозможность ехать куда бы то ни было. Мы сидим все — совершенно отрезанные от всего мира и при полном отсутствии средств к существованию, ибо война всех застала врасплох. Мне, напр⟨имер⟩, так повезло, что объявление войны совпало число в число с днем (19 июля), когда «Просвещение» должно было выслать нам третные деньги и, так как оно чрезвычайно аккуратно, то, по всей вероятности, и выслало их, и теперь я тревожусь этою возможностью больше, чем предположением о невысылке, ибо австрийцы и немцы без церемоний конфискуют частные суммы. В Италии, конечно, денежная паника, разоряющая всё и всех и создающая атмосферу, совершенно невозможную.

Тем не менее дух бодр до чрезвычайности, и даже так скажу: никогда не был бодрее. Очень гнусная вещь война, но есть в ней хорошая сторона: уж очень она разоблачает зоологического человека во всей его первобытной прелести, а я, как Вы знаете, поучительное зрелище

это весьма обожаю, ибо оно единственное вечное, а остальное все в человеке — «что позолочено, сотрется, свиная кожа остается»[2], вроде, вот, прелестнейшего Kaiser'a Вильгельма, негодующего на несправедливости России, как она смела принять объявленную ей войну «из-за *какой-то* Сербии...» Право, в эту двуногую скотину можно влюбиться: так целен!

Никогда, даже во время революции, не чувствовалась так ярко и страстно связь с Россией, потребность действовать и мучительность бездействия. Зина[3] уехал во Францию, чтобы поступить волонтером в действующую армию. Трижды молодчина! Ил. Владим. вчера уехала в Россию, чтобы выручить кое-какие наши деньги — на детский прокорм во время войны, так как я, получив первую же сумму, немедленно уезжаю в Париж формировать волонтерский отряд. Прилагаю письмо, напечатанное мною в «Giornale d'Italia» и «Caffaro» и повлекшее громадную переписку с итальянцами и русскими, которая мне — увы! — сейчас даже и не по средствам![4]

Не с родными братьями рядом, так хоть с двоюродными, но надо драться с чертовыми немцами! Ах, неужели русские левые круги упустят этот могучий момент вооруженного единения с народом и армией в общем национальном движении, неужели опять отдадут монополию на патриотизм тем слоям, которые превратили его в ругательное и постыдное слово? Было бы хуже ошибки — было бы преступлением! Я, как старый дятел, твержу то же, что твердил (осмеиваемый социал-демократами) в 1905—⟨190⟩7 гг.,— и оказался прав: не бывает и быть не может социальных революций в стране, не видавшей революции национальной, с того времени как революция найдет слово «отечество», найдет она и силу, и успех. Авось, война поможет сделать эту великую находку. И я думаю, что всякая война — с победою ли, с поражением ли, потому что зовет она с неслыханною силою к великому единству. Если это единство выйдет от нас, великолепнее чего быть нельзя; если его провозгласят и сумеют утвердить правительство и правая — большое несчастие, но, даже под его риском, общий национальный подъем сейчас необходим. Надо дать свободу национальному инстинкту и превратить его в сознательность. Помирать, так помирать, чёрт возьми, но пусть на костях нашего, безнужного к жизни, так хоть хорошо умершего, поколения, останется жить и цвести русский народ — Россия...

Ваше письмо — первая ласточка, прорвавшаяся к нам после 14-дневного безмолвия русской почты. Очень я рад был ему. Столько в нем интересного. И вот вам показатель времени: как все это было интересно в тот момент, когда Вы это писали, и как все ушло в небытие, когда я получил! Распутин, Илиодор и пр., даже социалисты, пролетариат, кадеты, Дума и пр. — все стало куда-то вдаль, оборотилось условными словами... А настоящее-то одно: под пушечный грохот «ходит зверье невиданное, родит зверье неслыханное, пожирает тела человеческие»...

Ну, до свидания когда-нибудь, если живы будем. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амф.

[1] Письмо было получено Амфитеатровым 10 августа (*АГ*).
[2] Цитата из сказки Г. Х. Андерсена «Старый дом».
[3] З. А. Пешков.
[4] К письму приложена вырезка из «Il Giornal d'Italia» «Una „Lettera ai Russi" di A. Amfiteatrof», в которой приводится п. Амфитеатрова от 8 августа 1914 г. с призывом забыть политические разногласия и объединиться для борьбы с внешним врагом, угрожающим России и Франции. См. ст. Н. И. Дикушиной.

341. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Леванто. 22 июля 1916 г.)

Очень удивлен вашей телеграммой[1]. Узнал о предприятии Протопопова[2] только третьего дни от Адрианова[3], приехавшего меня приглашать. Не вошел пока ни в какие переговоры до полного выяснения дела, которое меня сильно удивляет. Однако Адрианов называет вас в качестве сотрудника несомненного, обещанием участвовать литературно, относящегося к делу с большой симпатией. Кроме того, получил письмо Андреева, сообщающего о заключенном им с Протопоповым контракте[4]. Был бы очень благодарен, если телеграфируете мне в Леванто объяснение[5].

Привет.

Ал. Амф.

Текст на телеграфном бланке на французском языке.

Датируется по пометам на телеграфном бланке и по содержанию.

Печатается по приложенному к письму русскому переводу, сделанному М. Ф. Андреевой.

[1] Текстом телеграммы *АГ* не располагает. См. ст. Н. И. Дикушиной.

[2] Речь идет об организуемой в это время ежедневной буржуазной газ. «Русская воля». О создании газеты и об отношении к ней Горького и Амфитеатрова см. там же.

[3] Сергей Александрович *Адрианов* (1871—1941) — критик, литературовед, редакционный работник, был одним из редакторов ежедневной газ. «*Слово*», издававшейся в Петербурге с 1904 по 1909 г.

[4] Л. Андреев принял предложение сотрудничать в «Русской воле», ошибочно полагая, что ему будет предоставлена полная самостоятельность. Он писал 24 июня 1916 г. брату по поводу заключенного с газетой договора: «Специальное мое дело: я заведую тремя отделами: беллетристики, критики и театра, имею сколько угодно помощников и приглашаю *кого угодно*, независимо от редакции. Иными словами, влияя на общее положение дел, я имею в газете как бы свой собственный журнал по вопросам наиболее мне близким и важным» (*ЛН*. Т. 72. С. 456). Андреев вел в газете литературно-критический и театральный отделы. О деятельности Андреева в «Русской воле» см. подробнее там же.

Горький писал по этому поводу Короленко 21 и 22 октября 1916 г.: «Очень мучает меня Л. Андреев. Я его люблю, считаю крупным талантом, но наши отношения вдребезги испорчены, и я не могу указать ему, что он не должен валандаться с протопоповской газетой» (*Горький и Короленко*. С. 81).

[5] Ответной телеграммой Горького *АГ* не располагает.

342. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Петроград. 1917.I.27

Дорогой Алексей Максимович.

Князев вчера показал мне Ваше письмо к нему с добрыми словами обо мне, которые меня очень тронули и обрадовали[1]. Грустно было сознавать, что живем в одном городе, а не видимся. А теперь уже и не увидимся — кто знает, сколько времени. Мерзавец Протопопов выслал-таки меня из Петрограда[2]. Постановление уже состоялось, жду его мне объявления, а затем и в путь, не зная, какой город выбрать. Хорошо бы застрять в Твери, а то в Рыбинск что ли, к Золотареву. Ну, до свиданья. Желаю Вам всего хорошего и обнимаю Вас от всего сердца.

Ваш Ал. Амфитеатров

[1] Василий Васильевич *Князев* (1887—1937) — до революции печатался в журн. «Сатирикон» и других юмористических журналах. После революции в советской прессе, главным образом в «Красной газете». С 1915 г. был лично знаком с Горьким, состоял с ним в переписке (*ЛН*. Т. 70. С. 194—196). Имеется в виду п. Горького Князеву до 26 января 1917 г., в котором он писал, что его отношение к Амфитеатрову не изменилось (*АГ*).

[2] 22 января 1917 г. в «Русской воле» были напечатаны очередные «Этюды» Амфитеатрова, содержавшие криптограмму с резкой критикой в адрес пензуры и

А. Д. Протопопова (см. ст. Н. И. Дикушиной). Амфитеатров был выслан в Иркутск, однако доехать до места ссылки не успел: после Февральской революции он вернулся в Петроград (*Русская литература конца XIX — начала XX века. 1908—1917.* С. 663). Перед отъездом, 28 января, Амфитеатров был у Горького. См. п. Горького Е. П. Пешковой от 29 января 1917 г. (*Арх. Г.* Т. IX. С. 191).

343. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

(Петроград.) 13 августа 1917 г.

Алексей Максимович.

По поводу сейчас прочитанной заметки в нынешнем «Живом слове» о моих к Вам отношениях считаю долгом уведомить Вас, что ровно никакого письма я Вам не писал и не собирался писать, а посему могу лишь изумляться изобретательности «Живого слова»[1] и неразборчивости его полемических приемов. Направлению «Новой жизни»[2] и Вашим взглядам на революционную войну я, как Вы знаете, не сочувствую и считаю своею обязанностью бороться с ними, где и сколько могу, как с весьма вредным заблуждением. Но, как бы ни расходились наши воззрения, я всегда памятую, что Вы не только большой писатель, но и честный человек и демократ, и всякое нападение на Вас с этой стороны всегда приводит меня в скорбь и негодование.

Ваш Александр Амфитеатров

[1] «*Живое слово*» — ежедневная газета бульварно-черносотенного типа. Издавалась в Петрограде с 1916 г. Редактор-издатель — А. М. Уманский.

После Февральской революции в целях дезориентации читателя печаталась с подзаголовком «Газета внепартийных социалистов». Ее контрреволюционность носила настолько грубый характер, что Временное правительство вынуждено было в августе 1917 г. запретить «Живое слово». С 24 августа / 6 сентября выходила под названием «Слово», с 23 октября / 5 ноября — «Новое слово». Была закрыта после Октябрьской революции Военно-революционным комитетом 28 октября / 10 ноября 1917 г.

В п. Амфитеатрова речь идет о заметке, напечатанной в «Живом слове» 13 августа 1917 г., «А. В. Амфитеатров отвернулся от Горького». К письму приложена газетная вырезка. См. также: Г — Ив-Р.

[2] «*Новая жизнь*» — ежедневная меньшевистская газета. Орган группы социал-демократов («интернационалистов»). Выходила в Петрограде с апреля 1917 по июль 1918 г. (московское издание «Новой жизни» — с 1 июня 1918 г.) под редакцией А. М. Пешкова (М. Горького), Н. Гиммера (Н. Суханова), В. Десницкого (Строева), А. Н. Тихонова (Сереброва). Издатель — А. Н. Тихонов. Политическую линию газеты определяли меньшевики-интернационалисты и большевики-примиренцы (Н. Суханов, Б. Авилов, В. Базаров). Горький напечатал в «Новой жизни» цикл статей «Несвоевременные мысли», отразившие его ошибочные политические взгляды того времени, сложность его отношения к революции и большевикам. 16 июля 1918 г. газета была закрыта. Осенью 1918 г. Горький говорил: «Ежели бы закрыли „Новую жизнь“ на полгода раньше — и для меня и для революции было бы лучше» (Правда. 1918. № 223. 16 окт.).

344. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

Петроград. 22.X.1917

Александр Валентинович!

Сегодня, вернувшись из Крыма, прочитал заметку «Живого слова» и Ваше письмо ко мне[1]. Хорошее письмо. Сердечно благодарю Вас. Разумеется — я не сомневался в Вашем добром отношении ко мне. Не сомневайтесь и Вы — прошу искренно — в том, что неизменно люблю и уважаю Вас.

Разность мнений не должна разъединять честных людей.

Крепко жму руку

А. Пешков

[1] Горький не смог своевременно прочитать п. Амфитеатрова от 13 августа 1917 г., так как уехал в Крым, очевидно, 10 августа (*Арх. Г.* Т. IX. С. 202).

345. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

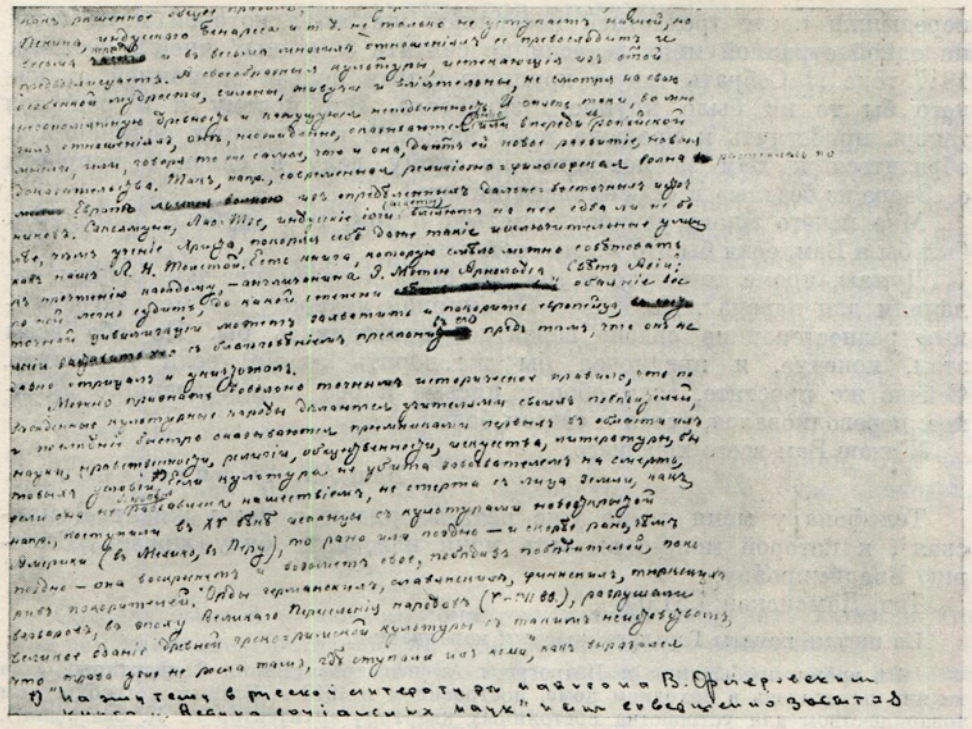
Петроград. II/28 1919 г.
Карповка, 19, кв. 54

Простите, Алексей Максимович, что беспокою Вас этим письмом. Мне очень хотелось бы видеть Вас и изложить Вам все содержание лично. Но я очень болен. Неделю пролежал, а сейчас хотя встаю, но чувствую себя совсем слабым, все время в каком-то полуобморочном состоянии. К тому же стоят безобразные морозы, а у меня нет достаточно теплого платья. Между тем уже последний день февраля, и, ввиду некоторых, назначенных мною для себя, необходимых сроков, я не могу откладывать далее дела, о котором Вам пишу.

Вы сейчас стоите во главе русской издательской инициативы и являетесь распорядителем советского издательства. Поэтому я и решаюсь обратиться к Вам с предложением приобрести для этого издательства некоторые мои сочинения. А именно: «Зверя из бездны» и «Восьмидесятников». Ваши добрые отзывы о моей многолетней исторической работе дают мне надежду думать, что отношение Ваше к ней благоприятно. Что касается романа, то он — наиболее читаемое из всех моих произведений. Четыре тома «Зверя» и два тома «Восьмидесятников» составят приблизительно 200—225 печатных листов, считая 40 000 знаков. Если бы мое предложение было принято, я, с своей стороны, взял бы на себя обязательство заново перередактировать «Зверя», так как теперь нет надобности в цензурных уступках и масках слов. В «Восьмидесятниках» также восстановил бы страницы, пропущенные или обесцвеченные цензурою либо правительственною, либо издательских страхов.

Вы, вероятно, помните, что первый том «Зверя» пролежал больше года под запретом, и хотя был освобожден по процессу, но эта история настолько испугала издательство, что его цензура сделалась требовательней и пошлее казенной. Выправка подобных выбледнений заняла бы немного времени, и я надеюсь, что успею произвести ее до апреля, в котором, если доживу, рассчитываю уехать из Петрограда и России.

Отъезд свой и семьи моей, конечно, решил я, как необходимость, еще прошлым летом. В сентябре получил заграничные паспорта (на Швейцарию или Швецию), теперь просроченные, конечно. Уехать не было никакой возможности, потому что — то граница была закрыта, то, к моменту ее открытия, не оказывалось никаких денег на странствие. Вместо отъезда пришлось прожить зиму в условиях ужасающей безработицы и — нисколько не стыжусь слова: нищеты, потому что жалкое существование это в холоде, голоде и бездеятельности приходилось оплачивать вдесятеро дороже, чем могла бы стоить самая безумная роскошь. Потому что нас, ведь, семь душ, а — что значит теперь прокормить семь человек, Вы сами хорошо понимаете. Никакая работа не была возможна. Лекции мне сорвала истерическая выходка какой-то полоумной. Газет нет и не будет. Частные издательства либо убиты чудовищными тарифами типографий и бумажного рынка, либо бездействуют выжидательно, либо, пользуясь безвыходным положением литераторов, с видом благодетелей берут за горло совершенно бессовестными условиями. Оставалось жить самоедством, в чем и упражнялись — буквально — до последней вещи в доме. Все распродано и проедено. От минувшего величия остался рояль, без которого надо было бы поставить крест на музыке моего сына Данилы, композитора. Да, в виде злейшей насмешки, стильный зал 40-х годов, который всех приводит в восторг и решительно никому не нужен, так что, по всей вероятности, судьба его сгореть всем своим лимонным древом на топку плиты[1]. А то сидим на чужом, спим на чужом, едим и пьем из чужого, платье,



ПРАВКА И ЗАМЕЧАНИЯ ГОРЬКОГО НА СТРАНИЦЕ РУКОПИСИ АМФИТЕАТРОВА «ПРЕДИСЛОВИЕ К РАССКАЗАМ ПЬЕРА МИЛЛЯ»

1919

Архив Горького, Москва

белье — все продано — до рубища, в коем почтенна добродетель. Но так как я на добродетель никогда не претендовал, то сомневаюсь даже и в том, чтобы это было почтенно.

В последние три недели я получил работу во «Всемирной литературе»[2], которою очень доволен, как материально, так и морально. У меня купили переводов и пр. на 6600 рублей, впереди предвидится также порядочно работы и соответственного заработка. Но, после ужасающих девяти месяцев, полных конечного разорения и задолжания, все это будет ухать, как в бездонную яму, оставляя существование столь же нелепым и жалким, безнадежно физиологическим. Работаешь не на себя, не на семью, не на любимых людей, не на любимое дело, а на мешочников с хлебом или мясом. Без них — умирать от истощения, с ними — влачить даже не жизнь, а мерзость запустения, в которой часто сам о себе сомневаешься, в здравом ли ты еще уме или уже сбесился, и вокруг тебя — тоже сплошной бред. Я выдержал в Питере три тяжкие зимы, каждая была мне трудна, по отвычке от климата и от людей. Но последняя, третья, меня добила совершенно. Больше не могу. Должен бежать и спасать семью. Как-нибудь надо добираться к себе, в Леванто, хотя бы для того, чтобы там умереть. В Стокгольме, Париже, Лондоне, Праге, Вене, не говоря уж о Риме, у меня достаточно связей, чтобы найти работу. За свое имущество, брошенное в Леванто ради русских дел, тоже получу что-нибудь. Так что дотянем как-нибудь до времени, когда международные отношения уладятся до возможности международной почты и печати. Но для того, чтобы все это осуществить, мне нужна одновременно крупная сумма денег: заплатить долги 9-месячной безработицы, оплатить путешествие и хоть месяц-другой

передышки после трехлетней каторжной жизни, в которой я не имел ни одной отрадной минуты, если не считать обманных дней 27 февраля 1917 года...[3] Собрать такую крупную сумму нельзя экономией от какого бы то ни было крупного заработка. Вот почему я и решился теперь прибегнуть к продаже моих наиболее популярных сочинений и обратиться к Вам за помощью по этому делу в связи с вопросом о «Звере из бездны» и «Восьмидесятниках»!

Мне нечего много распространяться о том, как глубоко благодарен был бы я Вам, если бы это могло состояться.

Думаю, кроме того, что я мог бы быть полезен кое-чем Вашим изданиям для народа[4]. Да и для «Всемирной литературы» мои заграничные разносторонние связи, вероятно, пригодились бы. Но обо всем этом, конечно, я предпочел бы поговорить лично, если позволите. Сейчас же простите, если оборву письмо и без того чудовищно длинное: переволновался, устал и совсем болен.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

Телефона у меня давно уже нет, но рядом с нами живет Даманская[5], к которой можно вызвать меня или, если буду лежать, Илларию Владимировну.

Тел. Даманской 4.51.04.

На письме пометы Горького красным карандашом.

[1] За время пребывания в Петрограде Амфитеатров сменил 2 квартиры. Одна из них находилась в доходном доме, построенном в 1913 г. Вторым петербургским товариществом для устройства постоянных квартир (архитектор А. И. Зазерский). Дом этот (несколько связанных между собою пяти- и шестиэтажных корпусов) стоит на набережной Карповки и по сей день.

[2] Изд-во «Всемирная литература» было организовано в августе 1918 г. по инициативе Горького. В Записке изд-ва «Всемирная литература» в Народный комиссариат просвещения о деятельности изд-ва от 16 июля 1919 г. Горький назвал Амфитеатрова среди тех, кто принимает «деятельное участие в „трудах издательства"» (Исторический архив. 1958. № 2. С. 78).

Очевидно, первой рукописью, полученной Горьким от Амфитеатрова, была рукопись его предисловия к рассказам французского писателя Пьера *Милля* (1864—1941). Рукопись с пометками и правкой Горького хранится в *АГ*. Дата под предисловием — 1919. VI—16. Книга не была издана.

В № 8 журн. «Вестник литературы» за 1919 г. в заметке «Чем заняты наши писатели» сообщалось, что «Амфитеатров работает сейчас в издательстве „Всемирная литература" над целым рядом переводов с итальянского».

В 1922 г. с участием Амфитеатрова изд-вом «Всемирная литература» были выпущены кн.: *Лемонье К.* Избр. сочинения / Пер. и прим. А. Н. Горлина. Под ред. А. В. Амфитеатрова. Пг.; М.: Госиздат, Всемирная литература. Т. 1—2; *Гольдони К.* Комедии / Пер. И. В. и А. В. Амфитеатровых. Прим. А. В. Амфитеатрова под ред. А. Л. Волынского. Пг.; М.: Госиздат, Всемирная литература; и др.

Горький привлек Амфитеатрова также и к работе над изданиями изд-ва З. И. Гржебина. В серии «Русская литература» вышли кн.: *Лесков Н. С.* Избр. сочинения: В 3 т. / Вступ. ст. М. Горького. Ред. текста и прим. Амфитеатрова. Берлин: изд-во З. И. Гржебина, 1923. Т. 1; *Салтыков М. Е.* Избр. сочинения: В 2 т. / Ред., вступ. ст. и доп. прим. А. В. Амфитеатрова. Берлин: изд-во З. И. Гржебина, 1923. Т. 1. Все эти книги хранятся в *ЛБГ* (*Описание*).

[3] Амфитеатров имеет в виду Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 г.

[4] Изд-во «Всемирная литература» выпускало две серии книг — основную (большого формата) и народную (малого формата). О народной серии сообщалось: «Предприняв издание „Народной библиотеки", литературно-издательский отдел Комиссариата по просвещению положил в основу этого издания следующие принципы: стремление к тому, чтобы внешний вид изданий не напоминал издававшихся доселе для народа дешевых книжек и чтобы текст был строго проверен и проредактирован по первоисточникам» (Вестник литературы. 1919. № 8. С. 3).

[5] Августа Филипповна *Даманская* (1877—1959) — писательница и переводчица. Для изд-ва «Всемирная литература» перевела «Прометей» и другие рассказы Генриха Федерера (Пг., 1922). См. также: Г—Ляц.

346. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Петроград. III.2.1919. Карповка, 19, кв. 54

Посылаю Вам, Алексей Максимович, «Зверя из бездны», «Восьмидесятников» и, согласно Вашему желанию, переданному мне через моего сына, «Девятидесятников». А лично прибавлю к ним — коль скоро вопрос идет о серии романов — «Закат старого века», где Ходынка[1]. Толстой написал ее более художественно и страшно[2], но у меня она вернее, потому что я пережил ее собственными боками. О книгах посылаемых: 1) «Восьмидесятники» уже года три сделались библ〈иографической〉 редкостью, так что я посылаю Вам чужой, зажиленный мною, экземпляр. 2) «Зверь из бездны» мой, но единственный экземпляр, а в особенности дрожу над третьим томом, которого не найти в продаже ни за какие деньги. 3) «Девятидесятники» у меня есть еще. 4) «Заката ст〈арого〉 века» у меня единственный экземпляр.

Ждал Вас вчера, но не дождался. Очень хотелось бы Вас повидать и поговорить о многом, но обретаюсь еще в дохлом состоянии. Дня через два все-таки надеюсь начать выходить, если не будет холодов, меня положительно придавливающих.

Желаю Вам всего хорошего

Ваш А. А-в

Со слов сына я не совсем понял, куда надо направить книги и что при сем написать. Достаточно ли будет прилагаемого заявления?

При просмотре «Зверя» не обращайте внимания на помарки: это лекционный экземпляр.

Не знаю, видели ли Вы перевод «Рваного плаща» Сема Бенелли, сданный мною «Всем. литерат.» Взгляните, пожалуйста, если найдете свободное время. По-моему, было бы хорошо и ко времени поставить эту трогательную и ярко демократическую пьесу[3].

[1] Амфитеатров описал Ходынку в романе «Закат старого века».

[2] Имеется в виду рассказ Л. Н. Толстого «Ходынка» (февр. 1910 г.). Рассказ был впервые опубликован в т. III «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого».

[3] Амфитеатров перевел две пьесы Сема Бенелли — «Рваный плащ» и «Ужин шуток». Пьеса «Рваный плащ» была поставлена в Большом драматическом театре. В связи с этим А. А. Блок, бывший в то время председателем режиссерского управления театра, радикально исправил перевод Амфитеатрова. См.: *Орлов В. Н.* Александр Блок и пьеса Сема Бенелли «Рваный плащ» // Учен. зап. Гос. научно-исслед. ин-та театра и музыки. Сектор театра. Л., 1958. Т. 1. См. также текст выступления Блока 〈«К постановке пьесы „Рваный плащ“»〉 и «Рваный плащ» (*Блок А.* Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 356—358, 381—383). Премьера состоялась 20 сентября 1919 г.

Отдельное издание переводов Амфитеатрова: *Бенелли Сем.* Рваный плащ. Ужин шуток. Драматические поэмы // Вступ. ст. А. В. Амфитеатрова и А. В. Луначарского. Пг.; М., 1923.

347. ГОРЬКИЙ — АМФИТЕАТРОВУ

〈Петроград. 3 или 4 марта 1919 г.〉

Александр Валентинович.

Я тоже не выхожу из дома, ибо осажден.

Жду вас во вся часы от 12 до 5 и по вся дни.

Жму руку

А. Пешков

Датируется предположительно по сопоставлению с п. Амфитеатрова от 2 марта 1919 г.

348. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Петроград. III/27 1919 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Сейчас узнал я из газеты, что Вам исполнилось 50 лет и событие это празднуется юбилейным торжеством[1]. Спешу принести Вам свои поздравления и пожелания, хотя, правду сказать, самым лучшим пожеланием было бы, чтобы Вам сейчас было не 50, а 40 либо 30. Но неисполнимое неисполнимо, что же касается исполнимого, то пошли Вам бог всего хорошего во всем, чего бы Вы сами себе пожелали для счастья своего, своих близких, своих друзей, своих любимых дел, своего народа. Сколько помнится, Вы, как и я, небольшой охотник до юбилейных дат и сопрягаемого с ними шума. Однако они полезны уже тем, что позволяют и даже призывают, так сказать, оглянуться на человека. Сегодня все утро продумал о Вас, как много Вы значили в моей жизни. Полагаю, что для Вас это не новое открытие. Мало, очень мало людей было в моей пестрой встречами и обществом жизни, которым я отдавал бы столько любви и мысли в стольких разнообразнейших переживаниях. Восторженных и раздраженных, уповающих и скептических, то полных веры, то разочарования, то вновь и вновь пламенной веры в какое-то Ваше избранничество, ведущее Вас иногда, может быть, неведомо и Вам самому, по путям большой-большой человеческой цели. Не о политической деятельности Вашей говорю: я во всякой политике сейчас так разочарован и настолько к ней равнодушен, что не берусь ни судить политических путей, ни даже понимать их. Говорю о всем общем Вашем явлении, которое было и есть да, полагаю, и всегда будет для меня самым дорогим и волнующим во всем русском мире, потому что оно его олицетворение и символ в тех лучших сторонах его, что обещают ему жизнеспособность и будущность, невзирая ни на что. Не в том дело, когда Вы правы, когда не правы, а в том, что без Вас в этой ужасной нашей рабской России погас бы остатний свет и воцарилась бы такая тоска безнадежности и звериного потемнения, что только удивляйся, как это люди, с остатками ума и сердца, еще не перевешались на всех к тому удобных местах. Мне случалось, случается и, конечно, много раз еще случится не соглашаться с Вами, но не было, нет и не будет такого случая, когда бы я не верил в благородство Вашей мысли, искренность и правдивость Вашего слова, в великую любовь Вашу к человеку, направляющую всю Вашу деятельность. И вот, за эту-то огромно радостную веру, так и привязано к Вам мое старое сердце, все равно, вблизи ли, издалека ли. Чему верьте, живите много лет, будьте здоровы и счастливы. Еще раз желаю Вам всего хорошего.

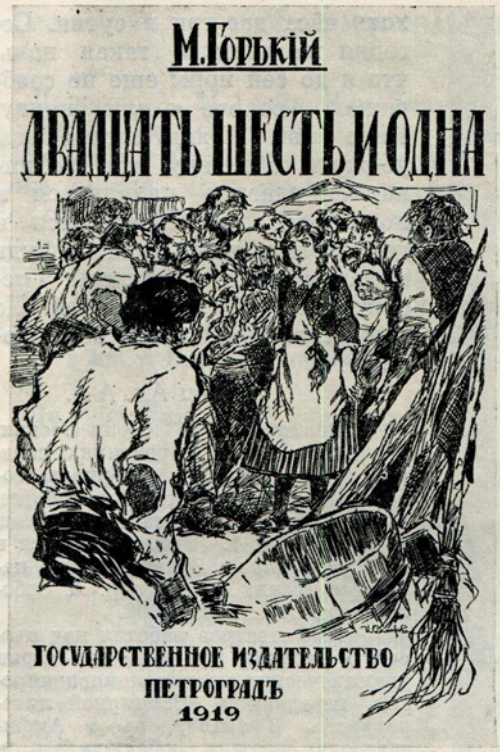
Ваш Ал. Амфитеатров

Написано на бланке журн. «Красное знамя».

[1] 27 марта в газ. «Северная коммуна» (1919, № 68) было напечатано приветствие Петербургского комитета Коммунистической партии Горькому в связи с его пятидесятилетием. Юбилей праздновался 28 марта 1919 г., в то время как Горькому исполнилось 50 лет 28 марта 1918 г. Сам Горький в автобиографии, напечатанной в 1914 г., указал ошибочную дату своего рождения. См.: *Венгеров С. А.* Русская литература XX века. М., 1914. Т. 1. С. 190.

27 марта 1919 г. состоялось чествование Горького на торжественном заседании Петроградского Совета в Александринском театре; 30 марта — в изд-ве «Всемирная литература». С приветствиями выступили Блок, Ф. Д. Батюшков и др. (Жизнь искусства. 1919. № 109. 2 апр.).

Амфитеатров намечался одним из участников задуманной к юбилею Горького книги о нем (Вестник литературы. 1920. № 4/5. С. 18). Замысел не был осуществлен.



ОБЛОЖКА КНИГИ:
М. ГОРЬКИЙ. ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ И ОДНА
Пг., 1919. Художник И. Симаков
Музей Горького, Москва

ОБЛОЖКА КНИГИ:
М. ГОРЬКИЙ. ТЮРЬМА
Пг., 1919. Художник И. Симаков
Музей Горького, Москва

349. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Петроград. 1919.IV.27

Дорогой Алексей Максимович.

Если у Вас есть «Великорусс» Шейна или собрание песен Соболевского[1] либо вообще какое-нибудь собрание лирических народных песен, то, пожалуйста, не откажите прислать мне с доставляющим сие письмо Данилом. Очень нужно для 3-й сцены «Васьки»[2].

Я звонил к Вам в четверг в часы условленные, но Вы были на бенефисе Шаляпина[3], что мы, когда условливались, упустили из вида. Как обстоит мое дело с Чрезвычайкою, если знаете? Очень это меня беспокоит. В особенности ввиду вчерашнего декрета о передаче ведения заграничных паспортов из иностранного подотдела Ком‹иссариата› вн‹утренних› дел в Иностранный ком‹итет›, где я ни души не знаю.

Как мне быть также с Союзом худ‹ожественных› деят‹елей› по поводу «Зверя»?[4] В среду Вы сказали мне, что деньги, вероятно, можно будет получить завтра, в понедельник. Осуществляется ли эта возможность? где? как? сколько?

Я прикован к дому очень тяжелым состоянием здоровья Илларии Владимировны, которая вот уже седьмой день лежит и вопит, почти не переставая, от ужасных болей в печени. При том ее нервном состоянии, о котором я Вам говорил, можете себе представить, что получается. В доме чуть не все квартиры населены врачами, но лечить нечем — ни вод в аптеках, ни ванн горячих в доме. В результате — закармливание морфием, то есть одурение и отравление, чтобы человек поспал

АМФИТЕАТРОВ

Шарж А. М. Любимова (Сигналы, 1906, вып. 3, с. 6)

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

хоть часа два-три в сутки. Сегодня же выпала такая ночь, что я до сей поры еще не соображаю, во сне я или наяву. Надо как можно скорее нам убежать, а между тем все никак не удается наладиться и подняться. Всё вцепляются и держат щупальцы каких-нибудь маленьких насмешливых неожиданностей и мелочей. До свидания. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. А-в.

[1] Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб.: изд. имп. Акад. наук, 1900. Т. 1. (Книга хранится в *ЛБГ. Описание*); Великорусские народные песни: В 7 т./Собр. А. Соболевским. СПб., 1895–1902.

[2] Амфитеатров работал над пьесой о Василии Буслаеве для серии драматических картин и инсценировок, издаваемой «Всемирной литературой». В 1919 г. пьеса Амфитеатрова дважды обсуждалась в изд-ве «Всемирная литература» на секции исторических картин – в марте (к этому времени относятся приводимые ниже воспоминания Чуковского) и в ноябре (Записные книжки А. А. Блока. Кн. 60, запись от 11 нояб. 1919 г.: «„Картины". Читал Амфитеатров»).

Чуковский вспоминал: «На одном из заседаний ⟨...⟩ Александр Валентинович Амфитеатров прочитал нам свою талантливую, но аляповатую пьесу „Васька Буслаев" в псевдорусском стиле.

Когда мы прослушали пьесу и Амфитеатров ушел, Горький сказал мне:

— Все же, признаться мне жалко, что эта пьеса уже написана! Много лет я мечтал о том, чтобы написать ее.

И, взяв Чукоккалу, набросал в ней следующее:

«Затевал я писать „Сказ о Ваське Буслаеве" и говорил о нем, Ваське, таковы слова...» Далее Горький написал текст «„хвастливого монолога" Василия Буслаева» (Чукоккала. М., 1979).

Пьеса была напечатана в 1922 г. (*Амфитеатров А.* Василий Буслаев: Представление в 4 действиях. Берлин; Ревель: изд-во «Библиофил»).

Отношение Горького к пьесе Амфитеатрова было неоднозначным: в письме к Форш он отметил, что Амфитеатров обработал сюжет «очень поверхностно, хотя и путано» (*XXX*, 171).

Федин вспоминал о словах Горького, сказанных, видимо, после выхода в свет отдельного издания пьесы: «Я, знаете, очень верю в эту идею исторических картин. Меня самого подмывало написать. И тема была превосходная — Великий Новгород, Василий Буслаев. Нет богатыря более русского — любил молодец землю, поозоровал на ней, но и потрудился славно!

— Что же вам помешало написать?

— Не что, а кто. Александр Амфитеатров помешал ⟨...⟩ отдал ему, что было собрано у меня о Василии. И вот недавно появилась пьеса „Васька Буслаев"... Хорошая вещь. Я полагаю — лучшее из всего когда-нибудь сочиненного Амфитеатровым» (*Федин К.* Горький среди нас: Картины литературной жизни. М., 1968. С. 34).

[3] 24 апреля 1919 г. Горький присутствовал в Мариинском театре на юбилейном спектакле Шаляпина (по случаю 20-летия его службы в государственных театрах) — опере «Демон» (*ЛЖТ*. Вып. 3. С. 123).

[4] Имеется в виду Союз деятелей художественного слова, организованный в Петрограде в 1918 г. Активным участником работы Союза был Горький (член правления). Союз пытался осуществить издание произведений современной литературы (*Арх. Г.* Т. X. Кн. 1. С. 10). Прекратил свое существование весной 1919 г.

350. АМФИТЕАТРОВ — ГОРЬКОМУ

Петроград. 1919.V.8

Дорогой А. М., если Вам для тех рисунков, о которых Вы при мне говорили Щербову[1], нужен еще художник, то имейте в виду Ивана Васильевича Симакова[2], делающего эти вещи удивительно, по-моему даже лучше, чем кто-либо другой, кроме самого Щербова, конечно. Но по российскому смиренству и робости и великому неумению устраиваться затерт разною более крикливою публикою. Особенно хороши его шаржи и карикатуры под иконопись, в которой он большой знаток, сей тихий пермячок. Живет он или жил... впрочем, адрес есть во «Всем Петербурге», я его уже с год не видел, а «Всего Петербурга» у меня нет.

Нет ли у Вас Ключевского «Жития святых как исторический источник»?[3]

До свидания. Всего хорошего.

Ваш А. А-в

[1] Павел Григорьевич *Щербов* (1866—1939) — художник, друг Куприна. Речь идет об иллюстрациях к произведениям Горького, издаваемых Петроградским Советом рабочих и красноармейских депутатов в 1919 г.

[2] Иван Васильевич *Симаков* (1877—1925) — график, иллюстратор, плакатист, карикатурист. Родился в Кунгуре Пермской обл. В 1903—1912 гг. учился в Академии художеств (Пермская государственная галерея: Каталог произведений живописи, скульптуры, графики. 3-е изд., доп. Пермь, 1963). И. В. Симаков исполнил обложки для книг Горького «Васька Красный», «Двадцать шесть и одна», «Дело с застежками», «Кириллка», «На плотах», «Скуки ради», «Тюрьма». (См.: А. М. Горький в изобразительном искусстве. М.: «Наука», 1969. С. 414—416, 422, 425—426).

В июне 1917 г. Симаков зарисовал В. И. Ленина. Его воспоминания по этому поводу см. в кн.: Ленин в зарисовках и воспоминаниях художников/Под ред., с предисл. и прим. И. С. Зильберштейна. М.; Л., 1928. С. 35—37.

[3] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.